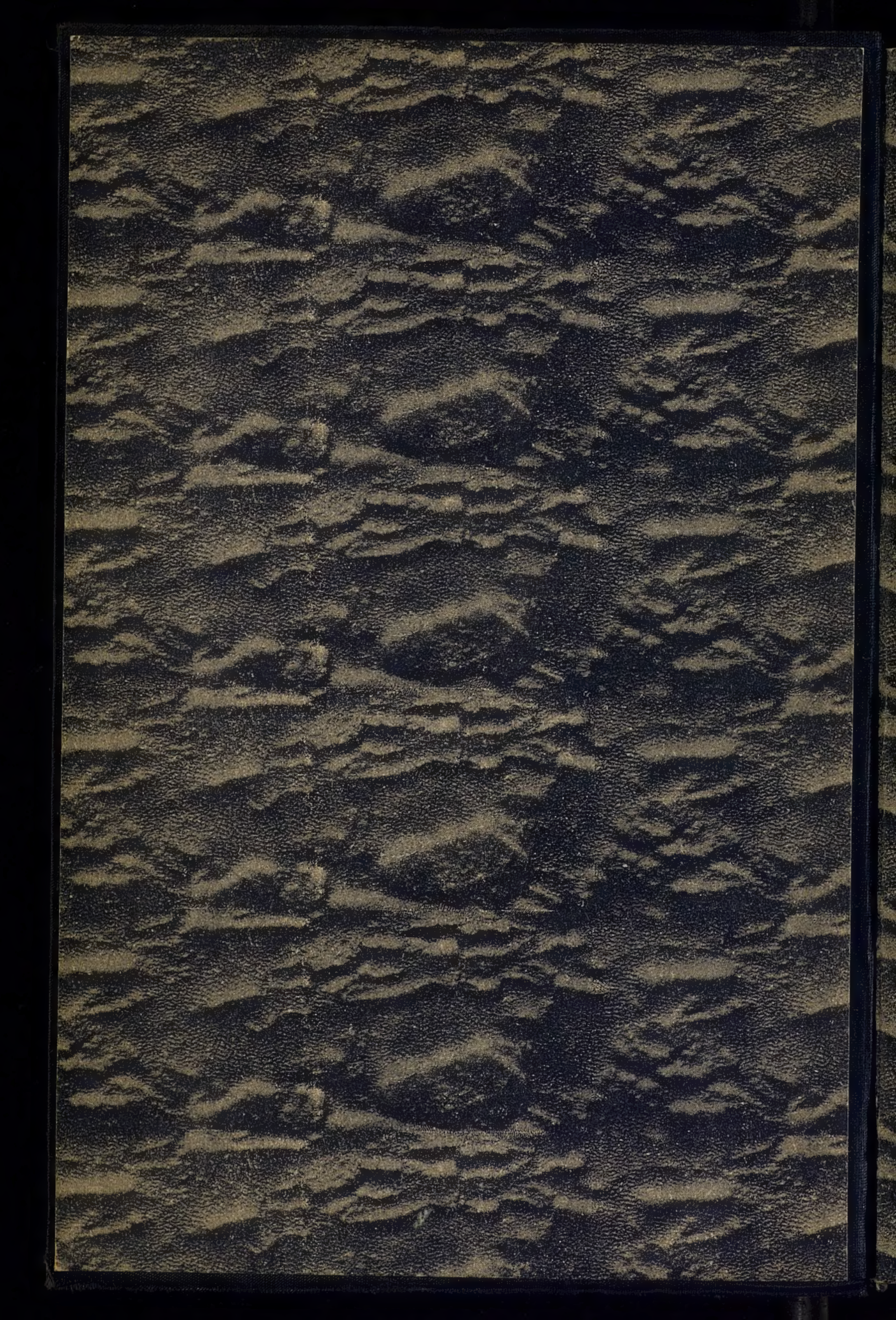
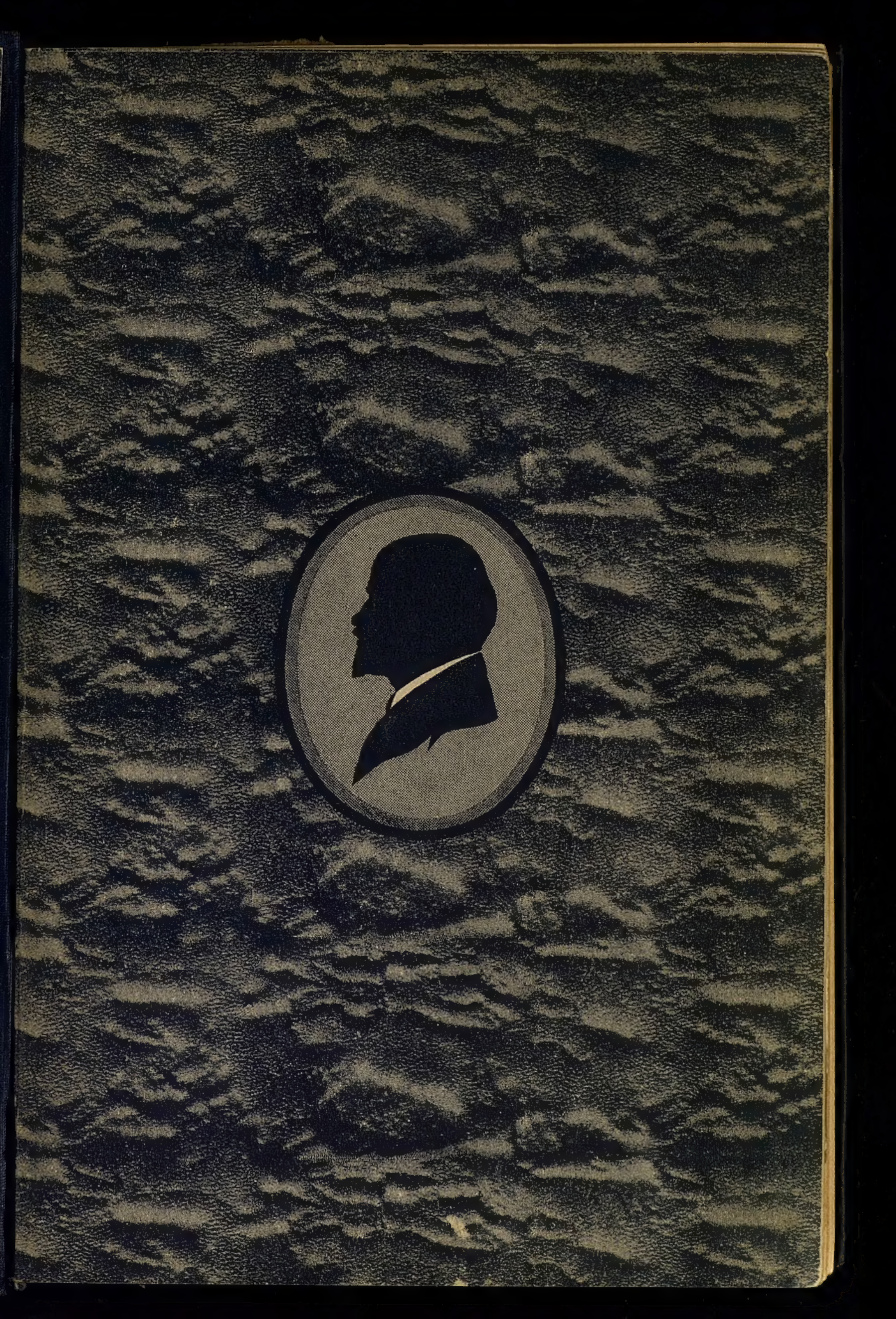
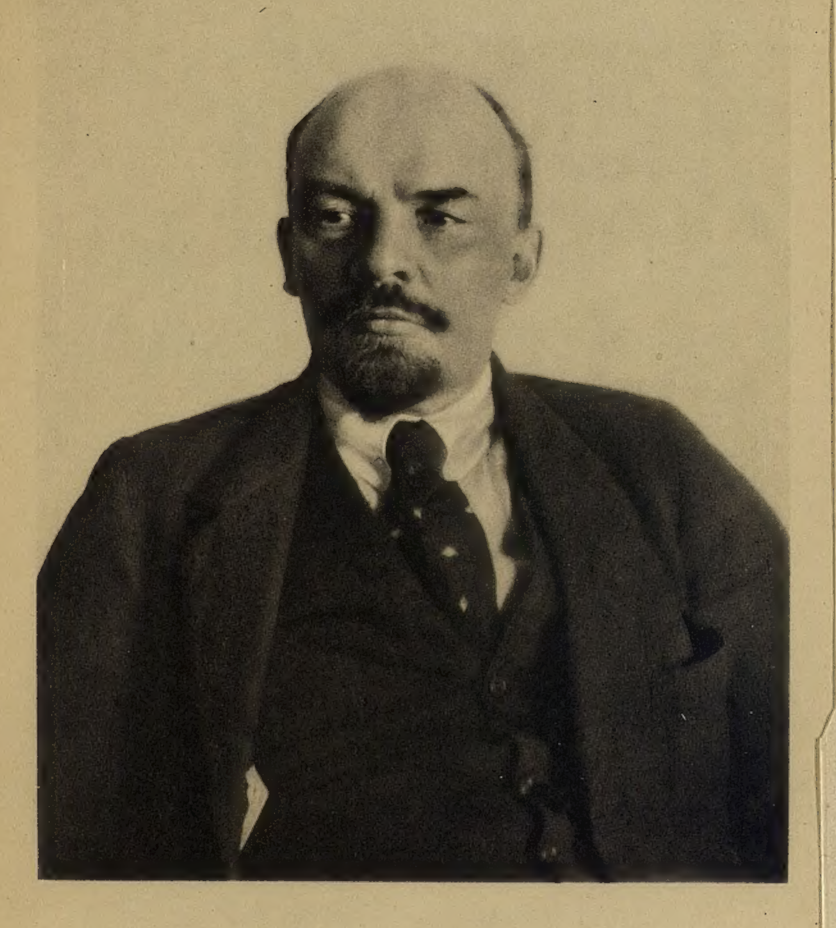
ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

I

В. Ульянов (Ленин)

ЛЕНИН
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ I

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX Съезда Р.К.П.(б.)
и
II Съезда Советов
С.С.С.Р.

Институт Ленина при Ц.К.Р.К.П. (б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Б. КАМЕНЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1926

ЛЕНИН

ТОМ
I

1893—1896

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Второе издание Сочинений В. И. Ленина имеет те же задачи, которые мы ставили перед собой, приступая к первому изданию.

Эта задача заключается в том, чтобы собрать и сделать доступным читателю все литературно-политическое наследие Ленина, поскольку оно в той или другой форме, но достаточно достоверно записано. Эта последняя оговорка сразу указывает на то ограничение, которое для нас непреодолимо.

По самому характеру своей деятельности — политической в первую очередь — Владимир Ильич не мог ограничиваться и не ограничивался письменной или печатной (в данном случае это разделение необходимо) формой воздействия. Число его устных выступлений, заявлений, формулировок, распоряжений бесконечно. Однако, лишь незначительная часть после-октябрьских устных выступлений Ленина сохранена для потомства в виде более или менее достоверных записей. Все до-октябрьские устные выступления Владимира Ильича, — его выступления в кружках, на собраниях, митингах, в руководящих партийных учреждениях, — поскольку они не были перенесены на бумагу самим Владимиром Ильичем за единичными исключениями, утеряны для нас. Утеряны для нас и все устные выступления Владимира Ильича — после Октября, поскольку они не сопровождались тут же стенографической записью. Стенографировались же в те годы лишь важнейшие выступления: речи на съездах Партии и Советов и т. п. У нас нет стенограмм ни ЦК, ни Политбюро, ни СНК, ни СТО, не говоря уже о бесконечном количестве совещаний, комиссий, народных собраний. Поскольку же *результаты* соответствующих выступлений Владимира Ильича фиксировались в постановлениях, резолюциях и т. п., то всякий раз, когда у нас нет собственноручной записи ленинского проекта резолюции, или постановления, вполне законны сомнения на счет того, насколько записанные решения целиком и полностью отражают мысль и предложение Владимира Ильича. В еще большей мере законно подобное сомнение относительно всех видов секретарских и репор-

терских записей, а также записей мемуаристов. Все эти материалы в сопоставлении с другими представляют, конечно, определенную ценность. Но они не могут быть включены в основной текст Сочинений Ленина.

Точно так же за пределами данного издания остается то, что может быть названо «государственными бумагами» Владимира Ильича, т.-е. все те многочисленные постановления, распоряжения, приказы, телеграммы, резолюции на докладах и проч., которые остались у нас, как след государственной работы Ленина. Все эти документы для того, чтобы быть понятыми во всем их историческом значении, должны подвергнуться специальной обработке и могут быть плодотворно изучаемы лишь в связи с деятельностью тех государственных учреждений, с которыми они связаны. Их изучение и соответствующее издание составляет особую задачу Института Ленина и будет им выполнено в виде специального выпуска или, вернее, выпусков «Государственных бумаг В. И. Ленина». В наше издание из них включаются только те документы, которые имеют самостоятельное литературно-политическое значение.

Таким образом собрать воедино все литературно-политическое наследие Владимира Ильича, поскольку оно в той или иной форме, но достоверно записано, — таковы рамки этого издания. Оно должно включить в себя, следовательно, все то, что написано и опубликовано самим Владимиром Ильичем (или с его ведома и по его указанию), а также стенограммы его устных выступлений. Предварительная работа Владимира Ильича над той или другой темой (планы статей или речей, наброски отдельных их элементов, цитаты, подобранные для этой цели, и т. п.) остается вне рамок этого издания. Из этих материалов мы публикуем только то, что представляет самостоятельный интерес, т.-е. только те планы или те конспекты речей или статей, которые остались неосуществленными или не вошли целиком в опубликованную речь или статью. Все эти материалы полностью войдут в подготовляемое «академическое издание» трудов Ленина, которое будет иметь одной из своих задач воспроизвести *все без исключения написанное рукою Владимира Ильича.* Подготовка этого «академического» издания потребует, конечно, нескольких лет.

Но и в этих ограниченных рамках задача данного издания представляет большие трудности.

Когда в 1920 году мы приступили к первому изданию Собрания сочинений Ленина, эти трудности были особенно велики. На-лицо не было не только какой-либо библиографии произведений Владимира Ильича, но не существовало хотя бы первоначальной сводки большевистских изданий; не было ни одной работы, посвященной установлению тех многочисленных псевдонимов, под которыми писал Владимир Ильич; не было, наконец, собрано даже

комплектов тех изданий, в которых Владимир Ильич сотрудничал. Все это приходилось создавать параллельно с самим ходом работы над первым изданием Собрания сочинений Ленина *). Теперь, именно благодаря тому, что предварительная работа проделана в связи с первым изданием, а также благодаря тому, что Институт Ленина скопил громадное количество подлинных рукописей Владимира Ильича и обладает более или менее полным комплектом всех тех изданий, в которых Ильич сотрудничал, задача значительно облегчена.

Однако, и сейчас еще мы не можем претендовать на то, что нам удастся собрать все написанное Владимиром Ильичем и опубликовать его в том виде, в котором оно было написано. Только Октябрьская революция открыла впервые перед Владимиром Ильичем возможность открытой публикации его произведений. Несмотря на то, что он энергично использовал возможности легальной литературы и в 1895—99 и в 1905—907 и в 1912—14 г.г., главная масса произведений Владимира Ильича написана им в качестве нелегального, работавшего в революционном подполье, публициста. Далеко не все, что писал Владимир Ильич в те годы, было своевременно опубликовано. Многое из того, что было опубликовано в подпольных типографиях, утеряно. Основная масса произведений опубликовывалась анонимно, и относительно многих из этих анонимных произведений авторство Ильича не установлено. Достаточно сказать, что до сих пор не найдены такие ценнейшие работы Владимира Ильича, как его критика книги В. В. «Судьбы капитализма в России» (начало 90-х годов), или вторая часть его крупнейшего произведения «Что такое «друзья народа»?» (1894 г.), или его рукописный разбор «Эмпириомонизма» А. Богданова (1907 г.). Такой важнейший документ для истории ленинизма, как написанный Лениным первоначальный проект программы партии (1896 г.), оказалось возможным восстановить лишь с большими изъянами по испорченным рукописным копиям.

Все это касается самого состава сочинений Владимира Ильича. Не менее важны и обстоятельства, касающиеся текста известных нам произведений Владимира Ильича. Для всей эпохи до Октябрьской революции лишь счастливая случайность сохранила нам отдельные рукописи Ленина. Рукописи громадного большинства напечатанных в то время произведений Ленина отсутствуют. Между тем сравнение печатных текстов с подлинными рукописями Владимира Ильича в тех редких случаях, когда последние сохранились, показывают нередко значительные различия печатного текста от рукописи. Если бы случайно не сохранилась

---

*) Мне кажется необходимым упомянуть здесь громадный труд, вложенный в это дело В. А. Пановым, моим ближайшим помощником по подготовке первого издания.

рукопись статьи Ленина об аграрной программе партии (1902 г.), мы никогда бы, вероятно, не узнали, что уже в 1902 году Ленин против большинства редакции «Искры» формулировал и отстаивал идею национализации земли. Достаточно этого одного примера, чтобы показать, что простое воспроизведение печатных текстов, особенно тех периодов, когда Владимир Ильич не являлся единоличным редактором соответствующих органов, далеко не гарантирует нам восстановления мысли Владимира Ильича полностью и во всех ее оттенках. То же самое необходимо сказать и о всех тех случаях, когда приходится воспроизводить стенограммы. Известно, что Владимир Ильич однажды даже печатно выразил свое недоверие к стенографическим записям его собственных речей. Насколько нам известно, свои стенограммы Владимир Ильич просматривал и исправлял лишь в крайне редких случаях. Таким образом, речи Ленина и после Октября в том виде, в каком они дошли до нас в стенограммах, должны восприниматься нами с известной оговоркой относительно их абсолютной точности в деталях.

Принимая во внимание все указанные выше оговорки, мы должны, однако, сказать, что коллективная и энергичная работа над историей партии, переиздание документов, воспроизведение «Вперед'а», «Пролетария», «Искры», крупная работа по собиранию, разборке и опубликованию рукописей и переписки Ленина и его сотрудников, выполняемая Институтом Ленина, дает нам возможность сделать второе издание Сочинений Ленина гораздо более полным и точным, чем первое издание.

В него войдет несколько десятков статей и заметок, которые к моменту первого издания не были разысканы и авторство которых не было установлено. Общий объем второго издания превысит объем первого издания не менее, чем на 50 печатных листов.

В данное издание впервые включены также и письма Ленина (не менее 300). Во всех тех случаях, когда форма письма на самом деле лишь прикрывает партийную директиву, обращение к организации, или служит для изложения мысли, которая только случайно не могла быть обработана в форме статьи (а это очень часто случается с письмами Ильича, будучи вызвано условиями подпольной нелегальной работы и нелегальных сношений), мы печатаем эти документы в основном тексте Сочинений. Все остальные письма, поскольку они нами собраны, или могут быть собраны, будут даны в двух заключительных томах.

Что касается расположения материала во втором издании, то мы решили провести в нем еще более строго тот принцип хронологической последовательности, который положен был нами в основу и первого издания. Сам по себе принцип хронологического расположения материала при издании Сочинений такого деятеля как Ленин не нуждается в специальной мотивировке.

Это не исключает, конечно, возможности и необходимости тематической или какой-либо другой комбинации материала для тех изданий Ленина, которые должны базироваться на нашем издании.

Все печатающиеся в нашем издании произведения Ленина вновь сверены с первоначальными текстами: с рукописями — во всех тех случаях, когда они находятся в нашем распоряжении — и с первопечатным изданием, когда рукописи отсутствуют. При наличности рукописи или нескольких изданий всегда в основу кладется рукопись или наиболее близкое к ней по времени печатное издание с приведением вариантов всех последующих изданий.

Научный аппарат издания несколько расширен сравнительно с первым изданием. Мы руководствовались при этом тем соображением, что Собрание сочинений Ленина с необходимыми к нему комментариями должно стать своего рода энциклопедией по истории Партии. Эта история переплетается ближайшим образом со всей историей общественного и революционного движения России, начиная с 90-х годов, а с известного момента и со всей мировой историей. Мы совершенно убеждены, что так же, как современный палеонтолог по сохранившемуся костяку воссоздает историю и условия развития соответствующего рода, так и по сочинениям Ленина подлинный ученый мог бы воссоздать историю и условия освободительной борьбы рабочего класса конца XIX и первой четверти XX вв., если бы даже кроме этих сочинений не сохранилось никаких других памятников этой эпохи.

Вскрыть эти связи между работой Владимира Ильича и окружающей русской и мировой обстановкой и сделать эти связи доступными читателю — и составляет задачу всего даваемого нашим изданием дополнительного к тексту Ленина материала. Этот материал слагается из примечаний, документов и материалов, летописи общественных событий, вех жизни Владимира Ильича и именных указателей, не говоря уже о тех биографических, библиографических и археографических данных, которые, по возможности, сопровождают каждую печатаемую нами работу Ленина.

Примечания, материалы и документы имеют в виду в возможно более краткой и рельефной форме обрисовать ту обстановку, в которой приходилось каждый данный момент выступать Владимиру Ильичу, или уяснить тот социально-политический материал, над которым Владимир Ильич работал в данный момент.

Указатель имен — в отличие от обычного характера подобных указателей — имеет в виду ознакомить читателя с характерными чертами общественной роли тех лиц, которые упоминаются в сочинениях Владимира Ильича. Думается, что нет ни одного более или менее крупного общественного деятеля второй половины XIX и первой четверти XX столетия, который в том или другом виде не попал бы на страницы произведений Ленина, и что поэтому «Указатель имен» к сочинениям Ленина может и должен превра-

титься в критико-биографический словарь важнейших общественных деятелей самой критической эпохи истории человечества.

Весь этот материал, сопровождающий каждый отдельный том Сочинений, будет сведен в расширенном виде в конце издания в отдельный, дополнительный том, задача которого — служить путеводителем по Ленину. Мы надеемся дать в этом томе и практические указания по вопросу о том, «как изучать Ленина». Остается указать, что все цитаты, приводимые Владимиром Ильичем, сверены в нашем издании с подлинниками и соответствующим образом очищены от вкравшихся в них при печатании и перепечатках искажений.

* * *

В идейном арсенале пролетарской революции ленинизм, поставивший, осветивший и разработавший все основные вопросы пролетарской борьбы — ее философию, теорию, историю, программу, тактику и организацию, — является наиболее остро отточенным оружием. Лишь *знание законов общественного развития и умелое их применение дает возможность организованному авангарду трудящихся — пролетариату — подготовить, провести и закрепить победу рабочей революции, освобождающей мир от рабства и эксплуатации.* Лишь овладев — через посредство своей руководительницы — партии — знанием законов, которыми движется человеческая история, масса трудящихся становится на путь подлинно-революционной политики, превращается в подлинного хозяина жизни и истории, превращается из наемного раба в строителя социализма. Иначе говоря: чтобы быть подлинным революционером, подлинным работником коммунистического строительства, подлинным хозяином нового этапа человеческой истории, нового государства, нового общества — надо знать: знать законы развития истории, законы классовой борьбы, условия победы своего класса, условия закрепления своей победы, условия строительства социалистического общества.

Это знание 75 лет тому назад впервые сформулировали Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Манифесте Коммунистической Партии». Истина, как и все достойное жизни, рождается в борьбе. В борьбе, в ожесточенной борьбе классов, родилась и истина марксизма. В десятилетиях борьбы Марксово учение о неизбежности краха капитализма, о классовой политике пролетариата, о восстании пролетариата, его диктатуре и переходе к социализму — проверялось, крепло и охватывало все бо́льшие массы рабочего класса. Это учение подвело итог всей предшествующей истории человечества и установило незыблемо основные линии его грядущей истории. Именно поэтому оно могло в продолжение десятилетий служить путеводной нитью в борьбе миллионов трудящихся за лучшее будущее. Именно поэтому оно и сейчас

остается тем компасом, по которому должен ориентироваться рабочий класс, чтобы найти дорогу к социализму. И эту роль оно будет выполнять вплоть до окончательной победы коммунизма.

Но история, а следовательно и борьба классов, не стоит на месте. Развиваясь по тем путям, которые вскрыл Маркс, капитализм принимает новые формы, новые народы втягиваются в борьбу, пролетарская борьба усложняется и обостряется. Конец XIX и начало XX века знаменовали крупнейший переломный момент в мировой истории. Капитализм вступил в эпоху империалистической политики. Вместе с тем открылась эра пролетарских революций. 1905-й год принес первую революцию в империи Романовых, революцию, во главе которой стал пролетариат. В огне революции создались новые формы движения: соединение экономической и политической стачки, перерастание стачки в восстание, Советы Рабочих Депутатов, как органы восстания и как зачатки новой революционной власти, как новые формы нового типа государства. Революция в России всколыхнула Восток: Персия, Турция, Китай вступили на путь революционного развития. Обострились национальные противоречия в штыком и рублем сколоченных государствах. До крайнего предела дошла борьба между крупнейшими державами-рабовладельцами за раздел между ними мира. В 1914 г. грянула мировая война. II Интернационал крахнул. Старые вожди обанкротились.

Арена борьбы пролетариата неслыханно расширилась, самые формы борьбы усложнились и обострились, вопрос о союзниках пролетариата приобрел новое и особо-серьезное значение, вопрос о завоевании власти пролетариатом, о социалистической революции стал конкретной задачей, непосредственной задачей дня. Учение Маркса надо было применить к обстановке и задачам новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций. Надо было очистить революционное учение Маркса от мещанских извращений и искажений, которым оно подвергалось в предшествующую эпоху «мирного» развития. Те части учения о пролетарской революции, которые у Маркса были даны лишь в зародыше, лишь в виде пророческого предвидения, надо было разработать в стройную систему. Опыт, на который опирался Маркс — опыт революций конца XVIII и трех четвертей XIX века — надо было дополнить новым опытом — опытом революционной борьбы конца XIX и начала XX века. Опираясь на Маркса и на этот новый опыт масс, надо было итти вперед: создать теорию и тактику непосредственной пролетарской революции, а затем — после ее первой же победы — теорию и практику первого пролетарского государства, непосредственно строящего социализм. Это и сделал гениальный ученик и продолжатель Маркса — Ленин.

Вот почему нельзя быть теперь сознательным революционером, подлинным строителем социализма, не изучая Ленина, не

учась ежечасно и систематически у Ленина. Тот, кто хочет знать прошлое, понимать настоящее и видеть будущее, кто хочет быть сознательным участником величайших мировых событий, итти в ногу с историей и своим классом, а не гнить в бездеятельности, глухим и слепым, на задворках истории, — тому открыта к этому широкая дорога через изучение Ленина. И тот, кто пойдет по этому пути, получит величайшее удовлетворение. Учиться у гения-современника, следить за его мыслью, видеть, как он вскрывает вековые обманы, как под его пером растет правда, освобождающая миллионы человечества, как он разит врага и преследует его на его извилистых путях,— великая, радостная и освобождающая школа.

Истина рождается в борьбе. В постоянной, систематической борьбе с классовыми врагами и случайными попутчиками, с злостными укрывателями правды и добросовестными — по-своему — слепцами, Ленин выковал классовую идеологию пролетарского коммунизма. Иначе и быть не могло. Классовая идеология пролетариата складывается лишь в систематической борьбе против буржуазных и мелко-буржуазных влияний, широкой волной напирающих на непримиримо-пролетарское ядро. Лишь постоянно очищая свое теоретическое оружие и постоянно проверяя его, лишь тогда, когда это оружие вылито действительно из одного куска, может пролетарский коммунизм противостоять разлагающим влияниям непролетарской среды. Вот почему идейная работа Ленина носит по преимуществу полемический характер, представляет непрерывный идейный бой с постоянно, непрерывно, систематически меняющим свою шкуру и масть врагом. Вот почему изучение Ленина есть, вместе с тем, лучшее противоядие против проникновения в идейный багаж коммунизма чуждых влияний, одно из важнейших гарантий против соблазна всяческих «уклонов».

В этой борьбе за пролетарский коммунизм со всеми оттенками непролетарских влияний, идей и настроений Ленин не оставил незащищенным ни одного участка фронта. Нет ни одной отрасли знания или практики, мало-мальски соприкасающихся с борьбой рабочего класса, по которым Ленин не высказался бы с исчерпывающей точностью и полнотой. Он оставил нам в наследство полную энциклопедию теории и практики классовой борьбы за социализм. Вопросы философии и естествознания, самые запутанные вопросы теоретической политической экономии, вопросы культуры, теория государства, вопросы программы, тактики и организации, профессионального и кооперативного движения, аграрный и национальный вопросы, теория империализма и практические вопросы проведения восстания, вопросы международного движения и практические вопросы организации управления в социалистическом государстве и т. д. и т. п. — все это нашло свое отражение в работах Ленина. И все это связано в его работах единой мыслью, пронизано единым и целостным духом.

Учение Ленина — не сборник рецептов на все случаи жизни, не мертвый катехизис. Он дал нам *оружие для борьбы* и учил, как надо применять разное оружие в разные моменты борьбы все для той же единой цели. И так же, как вот уже три четверти века мировое рабочее движение питается учением Маркса, так долгие и долгие годы рабочее движение разных стран, развиваясь в разных условиях, будет впредь питаться учением Маркса-Ленина и, только руководясь этим учением, придет к победе.

Учение Ленина — *оружие для борьбы.* Оно будет полноценно и полновесно лишь в руках тех, кто хочет бороться. Оно создано для миллионов, для улицы, для площади, а не для кабинетов. Чтобы быть ленинцем, мало знать, что сказал или написал Ленин, надо еще поступать, как Ленин, т.-е. нести свое знание в гущу жизни, в кипящую в жизни борьбу, сделать это знание орудием борьбы и победы. «Без революционной теории не может быть и революционного движения» — не уставал повторять Ленин.

Практицизм, не освещенный, не руководимый, не направляемый революционной теорией, грозит измельчанием, уклонением в сторону, блужданиями, т.-е. грозит потерять революционный характер. Теоретизирование, оторванное от революционной практики, не проверяемое ею, не применяемое к ней, грозит выродиться в пустую забаву, в «умничанье», в выхолащивание революционной теории.

В ленинизме величайшее соединение, сочетание, согласование современной революционной теории с современным революционным движением.

Ни строить, ни построить социализм без изучения, без знания ленинизма нельзя. Нельзя успешно и победоносно завершить величайшее революционное движение человечества — переход к социалистическому обществу — без революционной теории. А единственная действительно революционная теория наших дней — ленинизм.

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда итти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения». Так писал Ленин 20 лет тому назад о нашей партии, когда она была рядом небольших подпольных кружков. Это можно применить с необходимыми, конечно, изменениями к нашей партии и сейчас, когда она стоит во главе громадного государства. И не только к нашей партии, но и ко всему Коминтерну.

Чтобы не сбиться с трудного и обрывистого пути, чтобы не оступиться в болото, чтобы прийти к окончательной победе, — надо изучать ленинизм.

Этой задаче изучения ленинизма и должно служить наше издание.

Все работавшие над этим изданием смотрели на эту работу как на выполнение основной обязанности каждого ленинца: передать трудящемуся человечеству учение и заветы своего гениального вождя и учителя.

Моими ближайшими помощниками являлись: С. С. Кривцов, В. Г. Сорин и И. П. Товстуха.

Работа по подготовке отдельных томов была распределена, кроме названных товарищей, между т.т. Г. И. Крамольниковым, И. И. Минц, К. П. Новицким, Н. Н. Овсянниковым, Н. Г. Петровым, С. А. Пионтковским, П. Ф. Сапожниковым, А. Я. Троицким и А. И. Угаровым.

Л. Каменев.

8-ая годовщина
Октябрьской Революции.

ЛЕНИН.

1870—1896.

ФАКТЫ.

Владимир Ильич Ульянов родился 22 (10) апреля 1870 года в Симбирске. Отец его, Илья Николаевич, вышел из мещанской семьи гор. Астрахани, учился на медные гроши в гимназии и университете и ко времени рождения Владимира Ильича доработался до положения инспектора народных училищ Симбирской губернии. Мать — Мария Александровна — была дочерью врача.

В семье господствовал разночинно-культурнический дух, сложившийся под явным влиянием идей шестидесятников. Политическая сдержанность старшего поколения сочеталась с энергичной и бескорыстной работой по просвещению народа, оставившей значительный след как среди крестьянства Симбирской губернии, так и среди молодого поколения учительства.

На 10-м году, в 1879 г. Владимир Ильич поступил в гимназию. Ему было 13 лет, когда его старший брат, Александр Ильич, уехал в Петербург и поступил на естественный факультет Петербургского университета. Александр Ильич отличался выдающимися способностями, открывавшими ему широкую научную дорогу, но он горячо заинтересовался и общественной жизнью студенчества, а в последний год пребывания в университете стал одним из виднейших членов террористического кружка, задумавшего повторить 1-ое марта 1881 года и подготовившего покушение на Александра III. Целостная народовольческая идеология была к этому времени уже нарушена, и Александр Ильич сочетал террористическую практику с усиленным вниманием к учению Карла Маркса. Возможно, что именно из уст старшего брата услышал Владимир Ильич впервые об учении Маркса и о тех идеях и стремлениях, которые занимали революционную интеллигенцию тех лет.

Владимир Ильич был в последнем классе гимназии, когда Александр Ильич вместе с товарищами был арестован в самый

день задуманного покушения (13 (1) марта 1887 г.) и через несколько недель повешен (20 (8) мая 1887 г.). Отца к этому времени уже не было в живых. Жизнь семьи в Симбирске среди испуганных и отвернувшихся от родных казненного «государственного преступника» обывателей стала особенно тяжела. Семья переехала в Казань, и Владимир Ильич в августе того же — 1887-го — года поступил в Казанский университет. 16 (4) декабря в университете разразились беспорядки; в первых рядах студентов, нарушивших казенное спокойствие, был Владимир Ильич. Он был задержан, исключен из университета и выслан для жительства в деревушку Кокушкино. Попытки матери выхлопотать для сына возможность обратного поступления в университет, также как и попытки Владимира Ильича уехать для продолжения образования за границу, окончились неудачей. Только через год Владимиру Ильичу разрешено было вернуться в Казань, однако без права поступления в университет. В Казани он усиленно продолжает работу над пополнением своих знаний и сходится с представителями революционной казанской интеллигенции, среди которых находились представители самых разнообразных идейно-политических группировок и течений. Рядом с осколками старого народничества и народовольчества вокруг Н. Е. Федосеева группировался тогда в Казани один из первых марксистских кружков. С членами этого марксистского кружка находился в сношении и Владимир Ильич. Литература Группы «Освобождение Труда», в первую очередь «Наши разногласия» Плеханова, обращалась уже тогда в казанских радикальных кружках и, несомненно, стала известна Владимиру Ильичу. Нам ничего неизвестно о тогдашних выступлениях Владимира Ильича. Возможно также, что Владимир Ильич и воздерживался от каких-либо выступлений до тех пор, покуда не почувствовал себя достаточно теоретически вооруженным.

В 1891 году — уже из Самары, куда Владимир Ильич переселился в середине 1889 г. — Владимир Ильич добился разрешения держать выпускной экзамен экстерном при юридическом факультете Петербургского университета. Сдав экзамены, Владимир Ильич вернулся в Самару. Практикой по своей специальности Владимир Ильич занимался мало, начав в то же время в более или менее широкой форме пропаганду вполне сложившегося к этому времени у него мировоззрения марксизма. Типичный представитель русского бесхребетного интеллигентского «радикализма», неоднократно впоследствии подвергавшийся ударам ленинского полемического бича, В. В. Водовозов, встречавшийся в конце 1891 — начале 1892 г. в Самаре с Владимиром Ильичем, в своих воспоминаниях о том времени пишет: «В вопросах политической экономии и истории его (Ленина) знания поражали солидностью и разносторонностью, особенно для человека его возраста (Владимиру Ильичу шел тогда 22-й год. *Л. К.*). Он свободно

читал по-немецки, французски и английски, уже тогда хорошо знал «Капитал» и обширную марксистскую литературу (немецкую) и производил впечатление человека, политически вполне законченного и сложившегося. Он заявлял себя убежденным марксистом... Конечно, я не предвидел той роли, которую ему суждено было сыграть, но уже тогда я был убежден и открыто об этом говорил, что роль Ульянова будет крупной». Проникнутые злобой и недобросовестные воспоминания Водовозова позволяют, однако, установить и факт непримиримо-революционной и беспощадной к «слащавому сентиментализму интеллигенции» позиции, занятой Владимиром Ильичем уже в то время в связи с голодом 1891—1892 г.г. «Эту свою позицию,—сообщает Водовозов,—В. Ульянов развивал на частных собраниях у меня, у Ульяновых и вообще всюду, где тогда собиралась революционно и оппозиционно настроенная публика и где он имел возможность выступать и высказывать свою точку зрения. Глубокая вера в свою правоту сквозила из всех его речей».

В Самаре вокруг Владимира Ильича собирается первый марксистский кружок (А. П. Скляренко, впоследствии видный член партии, участник Лондонского съезда, И. Х. Лалаянц, впоследствии организатор «Южного Рабочего», видный член партии большевиков). В то же время Владимир Ильич пишет свою первую научную работу, посвященную критике мелко-буржуазных теорий хозяйственного развития России (разбор книги Постникова, озаглавленный «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»), и не дошедший до нас разбор книги В. В. «Судьбы капитализма в России».

В конце 1893-го года Владимир Ильич навсегда покидает Самару и переезжает в центр революционного и рабочего движения — Петербург. Здесь, пользуясь своими волжскими связями, Владимир Ильич быстро связывается с наиболее ярким из тогдашних марксистских кружков (Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, П. Г. Запорожец, А. А. Ванеев, А. Л. Малченко, М. И. Сильвин, Н. К. Крупская, рабочие В. А. Шелгунов, И. В. Бабушкин и друг.), который под руководством Владимира Ильича быстро становится центром для всего марксистского движения в столице. Характерные черты, которые с первых же шагов обеспечили никому неизвестному провинциалу руководящую роль среди столичных марксистов, запечатлены в воспоминаниях видного члена кружка, ныне покойного В. В. Старкова.

«Владимир Ильич—пишет Старков—появился в Петербурге (в 1893 году) тогда, когда мы сравнительно еще маленькой группой начали работу по пропаганде среди питерских рабочих и в интеллигентских кругах. На меня и на всех моих товарищей по работе Владимир Ильич с самого начала произвел глубочайшее впечатление. Все мы, несмотря на юный возраст, были большими книжни-

*

ками в смысле теоретической научно-литературной подготовки. К этому вынуждали нас условия нашей работы. Нам—юнцам, адептам нового общественно-революционного течения, приходилось при нашей работе, при борьбе за сферу влияния, сталкиваться с корифеями русской общественной мысли, обладающими большим научным багажом. Это вынуждало и нас, в свою очередь, быть хорошо подкованными. И, тем не менее, Владимир Ильич поразил нас всех, хотя он был таким же юнцом, как и все мы, тем литературным и научным багажом, которым он располагал... Споры доходили до самых глубин исторических и экономических проблем и в конечном счете велись почти исключительно между Струве и Владимиром Ильичем, при чем, полагаю, Струве был не меньше нас поражен глубиной и всесторонностью познаний В. И. в этой области... Затем не меньше, чем теоретической подготовленностью, Владимир Ильич поразил нас также практической зрелостью и, я бы сказал, трезвостью мысли. Это последнее свойство его ума особенно резко подчеркивается его принципиальной прямолинейностью и неуступчивостью, доходящими до «твердокаменности», как со временем стали говорить. Будучи очень твердым в установлении общей принципиальной линии, он сравнительно очень эластичным проявлял себя в вопросах повседневной тактики, не проявляя в таких случаях излишнего ригоризма... И, наконец, в-третьих, В. И. поражал революционным пылом и даже некоторым задором, а также беззаветной преданностью делу революции. Если вообще про задор социал-демократов того времени ходило немало разговоров и публика охотно читала стихотворение, в котором, после описания растерянности представителей других течений, было сказано: «Юные ж марксисты, задирая нос, заявили гордо, что решен вопрос», то все это в значительно большей степени можно было бы отнести к Владимиру Ильичу, чем к любому из нас. Пыл и задор, с которыми Владимир Ильич пускался в бой со сторонниками противных течений, были неиссякаемы... Я с своего места наблюдал,—продолжает Старков, описывая одно выступление Владимира Ильича того времени, — какое впечатление его речь производит на слушателей, и видел, что они совершенно опешили и долго не могли притти в себя. На другой день те мои знакомые, через которых нам удалось попасть на это собрание, говорили мне, что такой бешеной страстности и внутренней стойкости и убежденности им не только не приходилось видеть, но они и не представляли себе возможным ничего подобного. На-ряду с этим они должны были отметить, что и такой стальной логики им также не приходилось встречать. Этим замечанием они подчеркнули еще одно разительное свойство. Владимир Ильич никогда не терял логической нити своих рассуждений и всегда полностью владел собой... Этого человека, непрерывно горящего пламенем революции и непрерывно пере-

варивающего в своем мозгу все, что может иметь хотя бы косвенное отношение к поставленной им себе цели, я видел и на маленьких пропагандистских рабочих собраниях, и в рабочих кружках. Надо было видеть, с каким огромным терпением и чуткостью к уровню понимания слушателей он развивал им теорию Маркса о стоимости и об основах буржуазного строя. И, надо сказать, рабочие платили ему за это данью огромного уважения и любви»... Владимиру Ильичу было тогда 23—24 года.

Весной и летом 1894-го года Ильич пишет свою первую, потрясшую революционную среду того времени, работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Эта работа, написанная и изданная в нескольких десятках экземпляров на гектографе за несколько месяцев до появления книг Струве и Плеханова (Бельтова), явилась первой широко обоснованной формулировкой задач революционного марксизма и пролетарского движения на русской почве.

Осенью того же года Ильич устанавливает связь с руководящим кружком легальных марксистов и дает им первый бой в своем разборе книги Струве, кладя этой критикой резкую грань между революционным марксизмом, как идеологией пролетарско-классового движения, и легальным марксизмом, как формой нарождения в России подлинно-буржуазной идеологии, разрывающей с народническим, крестьянофильским якобы-социализмом.

Владимир Ильич, однако, далеко не удовлетворяется выступлениями и спорами в интеллигентских кружках. Своей прямой задачей он считает не только теоретическое обоснование и применение марксизма к русским условиям, не только критику мелкобуржуазных (народнических) и буржуазных (струвианских) теорий и искажений марксизма, но непосредственную работу по организации рабочей партии в среде самого пролетариата. Вместе с указанным выше кружком он приступает к организаторской и пропагандистской работе среди петербургских рабочих и быстро становится не только идейным, но и организационным руководителем всех элементов будущей партии в Петербурге.

Однако, мысль Владимира Ильича отнюдь не ограничивается постановкой работы в Петербурге. Перед ним стоит, как конкретная задача, создание всероссийской организации, ибо только всероссийская организация могла бы претендовать на выполнение задач классовой партии пролетариата.

Уже в начале 1895 года Владимир Ильич считает настоятельно необходимым расширение партийных связей на все рабочие центры России и выработку общей для всех элементов будущей партии программы. Эта задача не могла быть выполнена без сговора с Группой «Освобождение Труда». Ранней весной 1895 года Владимир Ильич именно с этой целью собирается за границу. В конце апреля Владимир Ильич выезжает за границу

и устанавливает связь с Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом. «Беседы с Ульяновым — писал Аксельрод через четверть столетия в своих воспоминаниях об этой встрече с Лениным в 1895 г.— были для меня истинным праздником. Я и теперь вспоминаю о них, как об одном из самых радостных, самых светлых моментов в жизни Группы «Освобождение Труда».

Результатом этих совещаний является решение, принятое, повидимому, по предложению Владимира Ильича, о создании за границей под редакцией Группы «Освобождение Труда» постоянного органа будущей партии в виде сборника «Работник» с его приложениями. Предполагается также, что и в России, в Петербурге будет создан орган руководства движением в виде массовой рабочей газеты. В целях сплочения наличных марксистских организаций в ряде центров рабочего движения и обеспечения с их стороны содействия вновь создаваемым руководящим органам, Владимир Ильич по возвращении из-за границы должен был установить связь с рядом городов. (По возвращении он действительно посетил Москву, Вильно, Орехово-Зуево). Пользуясь своим пребыванием за границей, Владимир Ильич посещает Париж и Берлин, работает в их библиотеках (между прочим, в библиотеке центрального комитета германской с.-д. рабочей партии), слушает речи Геда и Бебеля, знакомится с П. Лафаргом и В. Либкнехтом, и в сентябре возвращается в Петербург с чемоданом, хранившим в себе за искусственным дном нелегальную заграничную литературу. С его возвращением работа в рабочих районах получает новый толчек. Подготовляется оформление Петербургской организации в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Намечаются новые формы работы среди пролетарских масс, рассчитанные на более широкий их охват (переход от пропаганды к агитации). Вместе с тем Владимир Ильич усиленно работает над созданием нелегальной газеты для рабочих «Рабочее Дело», которая была первой попыткой марксистов 90-х г.г. в этом направлении. В ночь с 20 (8) на 21 (9) декабря 1895 года, через три месяца по возвращении Владимира Ильича из-за границы, происходит провал. Арестовывается основная группа работников во главе с Владимиром Ильичем. Проваливается также и совершенно подготовленный к печати первый номер «Рабочего Дела».

Сидя в тюрьме, Владимир Ильич продолжает оставаться идейным руководителем организации и ни на минуту не прекращает своей работы. Пользуясь всеми издавна выработанными русскими революционерами методами сношений и изобретая новые, Владимир Ильич не только поддерживает общение со своими товарищами по заключению, но и устанавливает систематическую взаимную информацию с волей.

Главной работой Владимира Ильича в тюрьме было собирание и разработка материалов для его обширного исследования

«Развитие капитализма в России», окончательная обработка которого потребовала не менее двух лет и была закончена лишь в ссылке. Но эта научная работа не отвлекает Владимира Ильича от насущных задач рабочего движения. Он пишет в тюрьме прокламации для «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», составляет популярные брошюры для рабочих и осуществляет мысль, которая созрела еще на воле: создание проекта программы рабочей партии в России.

ИДЕИ.

Из многочисленных проблем, стоявших перед теоретической и политической мыслью Ленина в эпоху, к которой относится печатаемый в первом томе материал, центральное место занимали две проблемы: во-первых, — применение марксизма к изучению экономической эволюции России, анализу действующих в ней классовых сил, а, следовательно, и определению характера грядущей революции, и, во-вторых, — методы перехода от интеллигентских марксистских кружков к созданию подлинной рабочей партии на базе программы и тактики марксизма, или, иначе говоря, осуществление того «слияния социализма и рабочего движения», о котором через несколько лет писал Ленин в «Что делать?».

Вопрос о ходе хозяйственной эволюции России, а, следовательно, и о характере и содержании грядущей революции, начиная с 60-х годов, не переставал тревожить теоретическую совесть русских революционеров. Начиная с 80-х годов мы имеем попытки применить к решению этого вопроса формулированные Марксом законы исторического развития. Не говоря пока об ответе, данном Плехановым в его книге «Наши разногласия», надо иметь в виду, что и мелко-буржуазный, крестьянофильский якобы-социализм пытался обосновать свой ответ, опираясь на авторитет Маркса. А известная работа Николая—она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» заставляла почитать чуть ли не марксистом этого решительного противника русских учеников Маркса. Отдельные работы русских статистиков конца 80-х годов и начала 90-х годов (П. Н. Скворцова, отчасти Харизоменова), подтверждая плодотворность применения марксистского метода к изучению русской экономики, или давая ценный материал для соответствующих обобщений, носили частичный характер и, главное, не были связаны с какой-нибудь активной политической программой. Что касается работы Плеханова, то центр тяжести ее лежал не в экономическом анализе и, во всяком случае, данные, которыми Плеханов пользовался, не восходили дальше 85 года.

В той постановке, которую дал вопросу о хозяйственном развитии и борьбе классовых сил России Владимир Ильич в середине 90-х годов, было очень много нового. В ней не было

ничего академического. Владимир Ильич обвинял господствующую идеологию не в невежестве, не в неправильных научных приемах (т.-е. он обвинял их, конечно, и в этом, но не в этом был центр тяжести), а в политическом преступлении: в затушевывании крепостнических и капиталистических форм угнетения, господствовавших в русском хозяйстве, в дезориентировании этим путем революционной мысли, в искажении классового характера и задач грядущей революции. Владимир Ильич подошел к самой господствовавшей в революционной среде идеологии с чисто классовой точки зрения, что позволило ему вскрыть не только ее путанность и безысходность, но и ее классовые корни, как идеологии мелкой буржуазии, склонной, несмотря на всю революционную традицию, стоявшую за спиной наиболее признанных идеологов народничества, заигрывать даже с абсолютизмом.

Теоретическая и политическая критика народничества в работах Владимира Ильича середины 90-х годов направлена прежде всего на то, чтобы выделить и обрисовать особое место в российской экономике и политике рабочего класса, определить его дальнейшие пути и освободить его от влияния мелко-буржуазного реакционного «социализма» революционеров старой манеры. Подобная классовая постановка всей проблемы увязывала в работах Владимира Ильича сухие столбцы цифр с практическими задачами по построению пролетарской партии и, переводя весь спор на язык активной политической борьбы, оказывала сокрушительное действие на народническую идеологию и энергично расчищала место для закладки идейного и организационного фундамента рабочей партии. Подобная классовая и актуально-политическая постановка проблемы вместе с тем проводила резкую грань между критикой старой революционной идеологии, как она давалась Владимиром Ильичем, и критикой той же идеологии, как она давалась провозвестниками буржуазного развития России, «тоже-марксистами» Струве, Туган-Барановским, Булгаковым и т. п.

Для характеристики идейно-политической позиции Ленина уже в начале 90-х г.г. чрезвычайно характерно и показательно, что ему почти одновременно — на протяжении всего только нескольких месяцев — пришлось по основному вопросу о ходе дальнейшей эволюции России, а, следовательно, и о предпосылках революционного движения в России и о классовом характере последнего, выступить и против народников (Михайловского, Кривенко, Южакова), и против Струве. Так же, как разбор позиции народников в «Друзьях народа» представляет отмежевание пролетарского социализма от всех форм мелко-буржуазного реакционного утопизма, разбор книги Струве представляет резкое отмежевание пролетарского социализма от буржуазных течений, принужденных своеобразными общественными отношениями в России

и ходом борьбы с реакционным утопизмом народников прикрываться марксизмом или заигрывать с марксизмом.

В этом расположении сил не трудно видеть предвосхищение всей позиции пролетарского социализма в России на грядущие десятилетия.

Если мы вспомним, что вся дальнейшая история формирования пролетарской партии и выковывания коммунистической идеологии представляет из себя историю непрерывной борьбы с мелко-буржуазным народничеством (впоследствии эсерством), с одной стороны, и с разнообразными маскировками под марксизм буржуазных течений (струвизм, экономизм, меньшевизм, ликвидаторство и т. д.), с другой, то мы поймем, что гениальная прозорливость Ленина позволила ему уже в самом начале его деятельности сделать из марксистского метода самое плодотворное употребление. Нельзя при этом не вспомнить, что даже ортодоксальнейший и авторитетнейший из марксистов того времени Г. В. Плеханов не проявил в тот момент того понимания и той готовности к борьбе «на два фронта» — и против народников, и против «струвистов», — которые проявил Ленин. Эта позиция Плеханова, на наш взгляд, была не случайна, а связана с общей тактической линией, отражение которой читатель найдет ниже в приводимых нами словах П. Б. Аксельрода.

Что касается первой политической работы Ленина «Что такое «друзья народа»?», то она представляет самую знаменательную и — теперь это можно сказать — пророческую работу Владимира Ильича 90-х годов. Пролежавшая 30 лет в тайниках охранных отделений, известная в момент своего появления лишь очень незначительному кругу первых работников-марксистов и затем как бы канувшая в воду, эта работа Владимира Ильича представляет несомненно одно из замечательнейших произведений русской революционной публицистики.

У автора, писавшего под постоянной угрозой жандармского нашествия, пользовавшегося книгами, одно хранение которых стоило по тем временам длительной тюрьмы, не было, видимо, времени и расположения отделывать и подчищать свое произведение. Резкими чертами набрасывает он программу зарождающегося пролетарского социализма и с заражающим негодованием, не щадя идейных врагов, противопоставляет ее салонной публицистике тогдашних народников, духовных отцов последующего эсерства.

Этот резкий «голос из подполья» был по тем временам истинным криком «галльского петуха», задолго до пробуждения массового рабочего движения приветствовавшим зарю коммунистической революции в России. Этот голос был провозвестником и отголоском глубоких чувств возмущения, негодования и ненависти, которые копились в глубинах трудящихся масс.

Вот почему эта работа насквозь пропитана чувством непримиримой вражды ко всем врагам трудящихся и глубочайшего презрения к аккуратным и благонамеренным «народолюбцам» из либерального и народнического стана.

После выстрелов героических народовольцев-семидесятников не было в русской истории последнего полустолетия XIX века более яркого, более мощного проявления ненависти к существующему порядку и презрения к примиряющимся с ним, чем этот раздавшийся из марксистского подполья голос, и он оставался таковым вплоть до того, как под аккомпанемент массовых стачек и рабочих демонстраций заговорила на всю Россию ленинско-плехановская «Искра».

Среди историков общественного и революционного движения, а за ними и среди широкой массы даже партийных товарищей долго держалась мысль, что первой более или менее широкой формулировкой взглядов марксистов внутри России явилась книжка Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Несомненно, что громадную роль в деле распространения марксизма среди интеллигенции сыграла блестящая книга Плеханова: «К развитию монистического взгляда на историю». Но только с опубликованием (в 1923 г.) этой работы Ленина стало ясно, что первой и наиболее мощной формулировкой задач рабочего социализма в России была не работа Струве и не книга Плеханова, а именно эта работа Ленина. Первая часть ее написана в апреле 1894 года, закончена она не позже июня того же года; между тем, книга Струве писалась летом 1894 года и вышла в свет только в сентябре того же года, а книга Плеханова писалась осенью и появилась в свет лишь в самом конце декабря того же года.

Когда Ленин писал свою книгу, он не мог быть знаком с этими работами Струве и Плеханова. Его труд является плодом самостоятельной работы над учением Маркса и над приложением его к своеобразным условиям политического и экономического строя России.

Но работа Ленина явилась не только первой формулировкой марксизма на русской почве. Она явилась вместе с тем и лучшей, наиболее отвечающей и революционному духу марксизма и специфическим условиям России, формулировкой задач пролетарского социализма.

Вышедшая после работы Ленина книга Струве, как это доказал тогда же, осенью 1894 года, немедленно после выхода книжки Струве, Ленин, формулировала не революционные задачи русского пролетариата, а прогрессивные тенденции русского буржуазного развития. Книга Плеханова в поистине блестящей литературной форме раскрывала общие источники и широкие перспективы материалистического истолкования истории. Но только работа

Ленина, применяя методы Маркса к конкретному материалу российского экономического быта, раскрывала до конца глубину экономического рабства русского пролетария и мужика и апеллировала от этого рабства к духу возмущения и восстания.

Поразительна та громадная чуткость, которая позволила Ленину в этой работе наметить те тактические проблемы грядущей революции, которые впервые широко сказались лишь через 12 (1905 г.), а целиком развернулись лишь через 25 лет (1917 г.). Кто хочет понять основное зерно тактических идей Ленина, кто хочет понять корни революционной программы Ленина и 1905 и 1917 годов, тот должен изучить данную работу Ленина, ибо в этой первой своей политической работе Ленин уже наметил и подчеркнул те специфические классовые отношения в России, которые затем послужили твердым базисом для его идеи диктатуры пролетариата и крестьянства (1905 г.) и идеи революционного союза рабочих и крестьян (1917 г. и последующие годы).

Плеханов блестяще изложил, обосновал и проиллюстрировал учение Маркса, но в нем не было той почвенной силы, тех глубоких корней, той громадной чуткости, той стихийной связанности с миллионными массами трудящихся России, которые дали возможность Ленину не остаться *только* истолкователем марксизма, но превратили его в вождя русской революции и поставили во главе завоеванного трудящимися государства.

Стихийная мощь молодого пролетариата, которому суждено было через четверть столетия открыть эру мировой пролетарской революции, чувствуется в каждой строке работы молодого Ленина. Она лежит в основе того великолепного презрения к установившимся авторитетам общественной мысли, в основе той идейной смелости и непримиримости, которыми, как динамитом, начинена эта литературная бомба, которую бросил тридцать лет тому назад Ленин в общество русских дворян, фабрикантов и слезоточивых народолюбцев-интеллигентов. Этим же объясняется и то, почему эта работа, трактующая о политических мертвецах и о решенных уже историей вопросах, и сейчас еще заражает энтузиазмом и верой в победоносность революционного дела пролетариата.

Эта книжка учит марксизму и воспитывает революционную мысль и волю; читая ее, наша пролетарская молодежь научится понимать, как сухие рассуждения и статистические таблички могут доставить истинное умственное наслаждение. А когда читатели дочитают эту книжку до конца и прочтут ее заключительные строки, — «когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации,

преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции», — пусть они вспомнят, что это написано 30 лет тому назад, почти одиноким марксистом в дни неслыханного могущества Российской монархии и мертвой спячки общества, и пусть скажут себе: революционная воля пролетариата, вооруженная учением Маркса, действительно способна перевернуть весь мир!

Вторая из названных выше проблем — проблема соединения социализма и рабочего движения, как основы партии пролетарского социализма—не нашла своего окончательного решения в тот период, которому посвящены работы I тома.

Потребовались еще долгие годы для того, чтобы эта проблема нашла себе окончательное завершение в самом факте построения большевистской партии на основе объединения широких рабочих масс вокруг подлинно коммунистической программы и тактики. Но как нельзя более характерна для всей деятельности Владимира Ильича та постановка этого вопроса, которую он дал при первых же своих шагах, как революционера-практика.

Конкретно в 1894 — 5 г.г. задача заключалась в том, чтобы, с одной стороны, найти и осуществить переход от кружков марксистской пропаганды к созданию организации, руководящей всеми формами классовой борьбы пролетариата, а с другой, в том, чтобы поднять авангард рабочей массы, проявлявшей свою активность в разрозненных, частичных, стихийных выступлениях, экономических по своим мотивам и по своим лозунгам, к сознанию обще-политических и обще-классовых целей. Уже из отдельных замечаний, разбросанных в работе «Что такое «друзья народа»?», совершенно ясно, что, приступив к деятельности среди рабочих, Владимир Ильич с первых же ее шагов имел своей осознанной целью создание партии. Поездка за границу для переговоров с Группой «Освобождение Труда», создание за границей общего руководящего органа, работа над постановкой «Рабочего Дела» в Питере, равным образом, как органа общероссийского, наконец, работа над программой партии, — ясно указывают, что мысль Владимира Ильича не задерживалась на тех промежуточных ступенях, на которых в те годы задерживалась мысль большинства марксистов-практиков. Он ставил проблему целиком, как проблему быстрейшего сплочения наличных революционно-марксистских сил в партию, которая призвана руководить всеми формами классовой борьбы пролетариата. Подобная постановка вопроса тем более замечательна для 1895 года, что русскому рабочему движению пришлось пережить еще

несколько лет кустарничества и — что, пожалуй, еще характернее — теоретического оправдания этого кустарничества, прежде чем идея партии, как руководительницы классовой борьбы, получила свое осуществление. Это теоретическое оправдание кустарничества исходило из недоверия в силы, размах и политический смысл рабочего класса. Ведь еще в 1898 году — через три года после практической работы Ленина среди петербургских рабочих — никто иной, как член Группы «Освобождение Труда», отнюдь не сочувствовавший «экономизму» П. Б. Аксельрод писал: «В России, где пролетариат находится еще только в процессе выделения из веками жившей в рабстве и невежестве народной массы, он сам стоит еще, в массе своей, на слишком низкой ступени культурного развития, чтобы быть в состоянии — уже в железных тисках абсолютизма — возвыситься до роли сознательной революционной силы, без прямой или косвенной помощи со стороны буржуазии. Тактика, имеющая историческое оправдание на Западе, у нас была бы утопичной и реакционной... Самый бледный либерализм любого интеллигента все же гораздо выше некультурного мировоззрения этих масс».

У Владимира Ильича не было ни грана ни этого недоверия, ни этих настроений, определивших впоследствии всю линию меньшевизма. Его пропагандистско-организаторская работа в Петербурге в 95-м году опиралась на то представление о ходе рабочего движения в России, которое в тюрьме, в 1896 г., в его проекте программы схематично представлено в следующем виде: «Рабочие начинают стачками борьбу с фабрикантами, и среди них появляется усиленное стремление к объединению. Из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба русского рабочего класса. Эта борьба рабочего класса с классом капиталистов есть борьба против всех классов, живущих чужим трудом, и против всякой эксплуатации... Борьба русского рабочего за свое освобождение с необходимостью вызывает борьбу против неограниченной власти самодержавного правительства... Борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая, и первой задачей ее является достижение политической свободы».

Эта схема, которая, несомненно, формулирует основные идеи практической работы Владимира Ильича, не оставляла никакого места ни для кустарничества, ни для экономизма. Роль партии при этом формулируется Владимиром Ильичем в следующих словах: «Русская социал-демократическая партия объявляет своей задачей — помогать этой борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием на задачи и цели борьбы».

Эта формулировка, осторожность которой вызвана, несомненно, тем обстоятельством, что партии-то еще не существовало, заключает в себе, однако, все элементы руководящего значения

партии. Это еще более ясно из тех страниц объяснения программы, в которых Владимир Ильич толкует и выясняет этот пункт.

Если мы прибавим к вышесказанному то глубочайшее внимание, которое Владимир Ильич в своей устной и письменной пропаганде уделял конкретным нуждам рабочего класса, и то умение, с которым политические выводы своих работ, рассчитанных на рабочую аудиторию («Объяснение закона о штрафах», прокламации 95—96 г.г. и проч.), он базировал на изучении и деловом выяснении конкретных запросов рабочих масс, — то мы убедимся, что уже в 95—96 г.г. Владимир Ильич наметил правильное разрешение основной проблемы соотношения партии и рабочего класса, ближайших требований и конечных целей, которая только через несколько лет получила окончательную разработку и реальное воплощение.

Из обширного круга идей, затронутых в работах Владимира Ильича середины 90-х годов, необходимо здесь отметить еще следующее.

В ряде статей первого тома читатель найдет *первые* попытки Владимира Ильича сформулировать отношения между рабочим классом и крестьянством в революции. Вдумчивый читатель, несомненно, заметит в этих первых попытках решения основной проблемы российской революции борьбу двух тенденций.

Одна тенденция опирается на общую абстрактную идею развития производительных сил и прогрессивности с этой точки зрения крупного хозяйства над мелким хозяйством крестьянина. Эта идея заставляет Владимира Ильича в своих проектах программы 90-х г.г. с особой осторожностью формулировать свои мысли о тех требованиях крестьянства, которые могли бы быть поддержаны рабочим классом.

Из этой «осторожности» — в атмосфере острой борьбы с реакционным мелко-буржуазным народничеством — вытекла и программа отрезков, происхождение которых теперь — по материалам I тома — может быть впервые детально прослежено.

Вторая тенденция — это глубокое понимание и ощущение Владимиром Ильичем уже с первых шагов его работы того конкретного факта, что аграрная *революция*, революционное восстание крестьян, революционное решение вопроса о земле является необходимым моментом победы над дворянской монархией. Понимание того, что основой для победы пролетариата над этой монархией должно явиться крестьянское восстание против помещиков, было у Владимира Ильича, уже в 90-х г.г. глубже и определеннее, чем у кого бы то ни было из марксистов того времени, не исключая членов Группы «Освобождение Труда» и будущих редакторов «Искры».

На работах I тома мы можем изучать *сочетание* этих двух тенденций для того, чтобы констатировать полную и безогово-

рочную победу *второй* тенденции уже в 1904 г., т.-е. всего через год после принятия «программы отрезков». Эта вторая тенденция привела Владимира Ильича уже в начале 1905 г. к программе «национализации земли» и «диктатуры пролетариата и крестьянства». Эту программу Владимир Ильич выдвинул как раз в тот момент, когда меньшевики, опошлив и доведя до абсурда идею об экономической реакционности крестьянского хозяйства, сделали ее орудием контр-революционных нападений на тактику «союза рабочих и крестьян» и положили ее в основу своей тактики союза рабочих с буржуазией.

Другое обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, это та характеристика различных подходов к вопросу о роли рабочего класса в революции, которую дал Владимир Ильич в одном из примечаний к своей первой политической работе. На странице 189 настоящего тома читатель прочтет следующие строки:

> «К выводу о необходимости поднять рабочего на борьбу с абсолютизмом можно притти двумя путями: *либо* смотреть на рабочего, как на единственного борца за социалистический строй, и тогда видеть в политической свободе одно из условий, облегчающих ему борьбу. Так смотрят социал-демократы. *Либо* обращаться к нему просто как к человеку, наиболее страдающему от современных порядков, которому уже нечего терять и который всего решительнее может выступить против абсолютизма. Но это и будет значить — заставлять его тащиться в хвосте буржуазных радикалов, не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата за солидарностью всего «народа» против абсолютизма».

В своей краткости, простоте, точности и выразительности эта характеристика 1894 года должна быть признана гениальным предвосхищением всего смысла идейной и политической борьбы в России за последние 3 десятилетия. Ибо весь — весь без остатка — смысл этой борьбы, наложившей свой отпечаток на все области общественной жизни и мысли России — именно и заключался в решении вопроса: станет ли рабочий класс во главе всех трудящихся и поведет их на борьбу за социализм, ниспровергая с их поддержкой все препятствия на своем пути, — в первую очередь монархию, или — по образцу классических буржуазных революций XIX века — принужден будет передать свою гегемонию либеральной буржуазии, тащась в ее хвосте на путях реформистского изживания сначала монархии, а потом «демократии». Все без исключения партии и группы — от «экономистов», «бернштейнианцев» и меньшевиков до эс-эров и кадетов — практически в течение десятилетий толкали пролетариат на этот второй путь. Ленин, точно и ясно определивший уже

в 1894 г. *оба* пути, звал его на первый путь. Рабочий класс пошел за Лениным. Из маленького «примечания» развернулась теория и практика, которая надолго определила ход русской и мировой истории.

* * *

Объединяя все литературно-политические работы Вл. Ильича 1893—96 г.г., I том дает связную картину развития политической мысли вождя рабочего класса в момент формирования коммунистического движения пролетариата и выработки основных линий идеологии, политики и тактики нашей партии. Только теперь, когда вновь отысканы и собраны политические работы Вл. Ильича за 90-е годы, становится возможной *подлинная* история первых шагов рабочего движения и марксистского коммунизма в России. В связи с подобным значением I тома, мы не поскупились на всякого рода «приложения» к основному тексту. Эти приложения, в которые включен ряд трудно-доступных документов, касающихся рабочего движения и истории революционной мысли того времени, помогут читателю восстановить ту обстановку, в которой В. И. Ленин вырабатывал основы программы и тактики революционной партии рабочего класса. Среди этих «приложений» читатель обратит, конечно, внимание на незначительные по объему, но очень значительные по количеству вложенной в них работы и по их роли для дальнейшей разработки истории партии и биографии Владимира Ильича «Список прокламаций петербургского «Союза борьбы» за 1895—1897 г.г.» и «Список неразысканных произведений тов. Ленина», составленные т. И. П. Товстухой. Тов. Товстухе принадлежит и подготовка к печати всего материала I тома.

Л. Каменев.

8-ая годовщина
Октябрьской Революции.

В. И. ЛЕНИН
1890 — 1891 г.г.

НОВЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ

(ПО ПОВОДУ КНИГИ В. Е. ПОСТНИКОВА — «ЮЖНО-РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО»)

Написано в 1893 г. [1]
Впервые напечатано в 1923 г.

Печатается по рукописи

Новыя хозяйственныя движенія въ крестьянской жизни.

По поводу книги В. Е. Постникова — Южно-русское крестьянское хозяйство

I

Вышедшая въ прошломъ году книга В. Е. Постникова „Южно-русское крестьянское хозяйство" (Москва, 1891 г. Стр. XXXII + 391) представляетъ изъ себя чрезвычайно подробное и обстоятельное описаніе крестьянскаго хозяйства въ губерніяхъ Таврической, Херсонской и Екатеринославской, преимущественно же въ материковыхъ (сѣверныхъ) уѣздахъ Таврической губерніи. Описаніе это основано, во 1°, — и главнымъ образомъ — на земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ трехъ указанныхъ губерній; во 2°, на личныхъ наблюденіяхъ автора, произведенныхъ имъ отчасти по долгу службы[1]), от-

1) Авторъ служилъ чиновникомъ по устройству казенныхъ земель въ Таврической губерніи.

1-я страница рукописи В. И. Ленина:
«Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». 1893 г.
Уменьшено.

I.

Вышедшая в третьем году книга В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» (Москва, 1891 г. Стр. XXXII + 391) представляет из себя чрезвычайно подробное и обстоятельное описание крестьянского хозяйства в губерниях Таврической, Херсонской и Екатеринославской, преимущественно же в материковых (северных) уездах Таврической губернии. Описание это основано, во 1°, — и главным образом — на земско-статистических исследованиях трех указанных губерний; во 2°, на личных наблюдениях автора, произведенных им отчасти по долгу службы *), отчасти с специальной целью изучения крестьянского хозяйства в 1887—1890 г.г.

Попытка свести земско-статистические исследования по целому району в одно целое и изложить результаты их в систематической форме сама по себе представляет громадный интерес, так как земская статистика дает громадный и детальнейший матерьял об экономическом положении крестьянства, но дает в такой форме, что для публики эти исследования пропадают почти бесследно: земско-статистические сборники представляют из себя целые томы таблиц (обыкновенно каждому уезду посвящен отдельный том), одна сводка которых в достаточно крупные и ясные рубрики требует специальных занятий. Необходимость сводки данных земской статистики и обработки их чувствуется уже давно. В последнее время с этой целью предпринято издание «Итогов земской статистики». План этого издания таков: берется известный частный вопрос, характеризующий крестьянское хозяйство, и особое исследование посвящается сводке всех данных по этому вопросу, имеющихся в земской статистике; соединяются вместе данные, относящиеся и к черноземному югу России и к нечерноземному северу, к губерниям исключительно земледельческим и к губерниям промысловым. По этому плану составлены два вышедшие тома «Итогов»; первый посвящен «крестьянской

---

*) Автор служил чиновником по устройству казенных земель в Таврической губернии.

общине» (В. В.), второй — «крестьянским вненадельным арендам» (Н. Карышев) [2]). Позволительно усомниться в правильности такого приема сводки: приходится, во-первых, сводить вместе данные, относящиеся к различным хозяйственным районам с различными экономическими условиями (при этом отдельная характеристика каждого района представляет громадные трудности вследствие неоконченности земских исследований и пропусков многих уездов: трудности эти сказались уже во 2-ом томе «Итогов»; попытка Карышева распределить имеющиеся в земской статистике данные к различным определенным районам — не удалась); во-вторых, описывать отдельно известную сторону крестьянского хозяйства, не касаясь других сторон, — совершенно невозможно; отрывать известный вопрос приходится искусственно, и цельность представления теряется. Крестьянские вненадельные аренды отрываются от аренды надельных земель, от общих данных об экономической группировке крестьян, о величине посевной площади; они рассматриваются только как часть крестьянского хозяйства, тогда как они представляют собой часто особый способ ведения частновладельческого хозяйства. Поэтому свод данных земской статистики по известному району с однородными хозяйственными условиями был бы, мне кажется, предпочтительнее.

Излагая мимоходом свои мысли о более правильном приеме сводки земско-статистических исследований, мысли, на которые наводит сравнение «Итогов» с книгой Постникова, я должен однако оговориться, что Постников, собственно, не задавался целями *сводки:* он отодвигает на задний план цифирный матерьял и все внимание обращает на полноту и выпуклость описания.

В своем описании автор почти с равным вниманием останавливается на вопросах характера экономического, административно-юридического (формы землевладения) и технического (межевой вопрос; система хозяйства; урожаи), но вопросы первого рода он намеревался выдвинуть на первый план.

«Должен признаться, — говорит г. Постников в Предисловии,— что я меньше останавливаю внимания на технике крестьянского хозяйства, чем это можно было сделать, но поступаю так потому, что условия экономического характера, на мой взгляд, играют более важную роль в крестьянском хозяйстве, чем техника. В нашей печати... игнорируют обыкновенно экономическую сторону... ...Очень мало внимания посвящается исследованию коренных экономических вопросов, какими являются для нашего крестьянского хозяйства вопросы аграрный и межевой. Настоящая книга более отводит места выяснению именно этих вопросов и в особенности вопроса аграрного» (Предисловие, с. IX).

Вполне разделяя взгляд автора на сравнительную важность экономических и технических вопросов, я и намерен посвятить свою статью изложению лишь той части труда г. Постникова,

в которой крестьянское хозяйство подвергается политико-экономическому исследованию *).

Главные пункты этого исследования автор характеризует в предисловии следующим образом:

«Являющееся в последнее время большое употребление машин в крестьянском земледелии и заметное расширение размеров хозяйства у зажиточной части крестьянства дают нашей аграрной жизни новую фазу, развитию которой, без сомнения, дадут новый толчок тяжелые хозяйственные условия настоящего года. Производительность крестьянского труда и рабочая способность семьи значительно повышаются с увеличением размеров хозяйства и употреблением машин, что до сих пор упускалось из виду при определении площади, какую может обработать крестьянская семья...

«Употребление машин в крестьянском хозяйстве вызывает существенные бытовые изменения: сокращая в земледелии запрос на рабочие руки и делая еще более чувствительной для крестьян существующую у нас перенаселенность земледелия, оно способствует увеличению семей, которые, становясь лишними для села, должны искать заработка на стороне и фактически становиться безземельными. Введение крупных машин в крестьянское хозяйство вместе с тем поднимает крестьянское благосостояние, при наличных приемах земледелия и его экстенсивности, на такую высоту, о которой до сих пор нельзя было и думать. В этом обстоятельстве лежит залог силы новых хозяйственных движений в крестьянской жизни. Отметить и выяснить эти движения в южно-русском крестьянстве составляет ближайшую задачу настоящей книги» (Предисловие, с. X).

Прежде чем перейти к изложению того, в чем состоят, по мнению автора, эти новые хозяйственные движения, я должен сделать еще две оговорки.

Во-первых, выше было замечено, что Постников сообщает данные о губерниях Херсонской, Екатеринославской и Таврической, но достаточной подробностью отличаются только данные, относящиеся к последней губернии и притом не ко всей: автор не дает данных о Крыме, поставленном в несколько отличные хозяйственные условия, и ограничивается исключительно тремя северными материковыми уездами Таврической губернии — Бердянским, Мелитопольским и Днепровским. Я ограничусь данными только по этим трем уездам.

*) Такое изложение мне представляется нелишним, потому что книга г. П—ва, представляющая из себя одно из наиболее выдающихся явлений в нашей экономической литературе последних лет, осталась почти незамеченной. Отчасти, может-быть, объясняется это тем, что автор, хотя и признает большую важность экономических вопросов, но излагает их слишком отрывочно и загромождает изложение подробностями других вопросов.

Во-вторых, Таврическая губерния населена кроме русских также немцами и болгарами, число которых впрочем невелико сравнительно с русским населением: в Днепровском уезде 113 дворов немецких колонистов из 19.586 дворов уезда, т.-е. всего 0,6%. В Мелитопольском уезде немцев и болгар (1.874+285=) 2.159 дворов из 34.978, т.-е. 6,1%. Наконец, в Бердянском уезде 7.224 дворов из 28.794, т.-е. 25%. Всего по трем уездам колонистов 9.496 дворов из 83.358, т.-е. около 1/9. След., в общем число колонистов очень незначительно, а в уезде Днепровском и совсем ничтожно. Автор описывает колонистское хозяйство подробно, отделяя всегда его от русского. Все эти описания я опускаю, ограничиваясь исключительно хозяйством русских крестьян. Правда, цифирные данные соединяют вместе русских и немцев, но присоединение последних, по незначительности их, не может изменить общих соотношений, так что вполне можно на основании этих данных характеризовать русское крестьянское хозяйство. Русское население Таврической губернии, заселившее этот край в последние 30 лет, отличается от крестьянства других русских губерний только своей большей зажиточностью. Общинное землевладение является в этой местности, по словам автора, «типичным и устойчивым» *); одним словом, за выделением колонистов, крестьянское хозяйство в Таврической губернии не представляет никаких коренных отличий от общего типа русского крестьянского хозяйства.

II.

«В настоящее время — говорит Постников — всякое сколько-нибудь значительное южно-русское село (и то же, вероятно, можно сказать о большинстве местностей России) представляет столько разнообразия в экономическом положении отдельных групп своего населения, что крайне трудно говорить о благосостоянии отдельных селений, как целых единиц, и рисовать это благосостояние средними цифрами. Такие средние цифры указывают некоторые общие определяющие условия экономического быта крестьянства, но они не дают никакого понятия о всем разнообразии экономических явлений в действительности» (с. 106).

Несколько ниже Постников выражается с еще большей определенностью:

«Разнообразие экономического благосостояния — говорит он — весьма сильно затрудняет решение вопроса об общей зажиточности населения. Лица, проезжающие бегло чрез большие селения Таврической губернии, обыкновенно выносят заключения о большой зажиточности местных крестьян; но можно ли назвать село зажиточным, если в нем половина крестьян состоит из

*) только 5 селений имеют подворное землевладение.

богатеев, а другая постоянно бедствует? И какими признаками следует определять относительно большую или меньшую зажиточность того и другого селения? Очевидно, что средние цифры, характеризующие обстановку населения всего села или района, здесь недостаточны для заключения о крестьянском достатке. О последнем можно судить лишь по совокупности многих данных, *расчленяя население на группы*» (с. 154).

Может показаться, что в этом констатировании дифференциации в среде крестьянства нет ничего нового: о ней упоминается почти в каждом сочинении, посвященном крестьянскому хозяйству вообще. Но дело в том, что обыкновенно, упоминая об этом факте, не придают ему значения, считают его несущественным или даже случайным, находят возможным говорить о типе крестьянского хозяйства, характеризуя этот тип средними цифрами, обсуждают значение разных практических мероприятий по отношению ко всему крестьянству. В книге Постникова виден протест против таких взглядов. Он указывает (и не раз) на «огромное разнообразие экономического положения отдельных дворов внутри общины» (с. 323) и вооружается против «стремления рассматривать крестьянский мир как нечто цельное и однородное, каким он и до сих пор еще представляется нашей городской интеллигенции» (с. 351). «Земско-статистические исследования последнего десятилетия — говорит он — выяснили, что наша сельская община вовсе не представляет такой однородной единицы, какою она казалась нашим публицистам в 70-х г.г., и что в последние десятилетия в ней происходила дифференциация населения на группы с весьма различною степенью экономического достатка» (с. 323).

Свое мнение Постников подтверждает массой данных, разбросанных по всей книге, и мы должны теперь заняться систематической сводкой всех этих данных, чтобы проверить правильность этого мнения, чтобы решить вопрос, кто прав — «городская ли интеллигенция», рассматривающая крестьянство как нечто однородное, или Постников, утверждающий, что разнородность огромная? и затем насколько глубока эта разнородность? препятствует ли она общей характеристике крестьянского хозяйства со стороны политико-экономической, на основании одних только средних данных? способна ли она изменить действие и влияние практических мероприятий по отношению к различным разрядам крестьянства?

Прежде чем приводить цифры, дающие матерьял для разрешения этих вопросов, следует заметить, что все данные этого рода взяты Постниковым из земско-статистических Сборников по Таврической губ. Первоначально земская статистика ограничивалась при переписях данными пообщинными, не собирая данных о каждом крестьянском дворе. Скоро однако заметили различия в имущественном положении этих дворов и предприняли

подворные переписи — это было первым шагом на пути к более глубокому изучению экономического положения крестьян. Следующим шагом было введение комбинационных таблиц: исходя из убеждения, что имущественные различия крестьян внутри общины глубже различий разных юридических разрядов крестьян, статистики стали группировать все показатели экономического положения крестьян по известным имущественным различиям, напр., разбивая крестьян на группы по числу десятин посева, по числу рабочего скота, по количеству надельной пашни на двор и т. д.

Таврическая земская статистика группирует крестьян по числу десятин посева. Постников полагает, что такая группировка «представляется удачной» (с. XII), так как «в условиях хозяйства таврических уездов размер посева является наиболее существенным признаком крестьянского благосостояния» (с. XII). «В южнорусском степном крае — говорит Постников — развитие всякого рода неземледельческих промыслов у крестьян пока относительно ничтожно, и главным занятием огромного большинства сельского населения является в настоящее время земледелие, основанное на посеве хлебов». «По показанию земской статистики, в северных уездах Таврической губернии исключительно занимаются промыслами 7,6% коренного сельского населения и кроме того 16,3% населения имеет при собственном земледелии подсобные промыслы» (с. 108). В самом деле, группировка по размерам посева даже и для других местностей России представляется гораздо более правильной, чем другие принятые земскими статистиками основания группировки, напр., по числу десятин надельной земли или надельной пашни на двор: с одной стороны, количество надельной земли не указывает прямо на состоятельность двора, потому что размер надела определяется числом ревизских или наличных душ м. п. в семье и находится только в косвенной зависимости от состоятельности хозяина, потому, наконец, что крестьянин, может быть, не пользуется надельной землей, сдает ее, и при отсутствии инвентаря и не может ею пользоваться. С другой стороны, если главное занятие населения—земледелие, то определение посевной площади необходимо для учета производства, для определения количества хлеба, потребляемого крестьянином, покупаемого им и поступающего в продажу, ибо без выяснения этих вопросов весьма важная сторона крестьянского хозяйства останется неосвещенной, будет неясен характер его земледельческого хозяйства, значение его сравнительно с заработками и т. д. Наконец, необходимо положить в основание группировки именно посевную площадь, чтобы иметь возможность сравнивать хозяйство двора с т.-наз. нормами крестьянского землевладения и земледелия, с нормой продовольственной (Nahrungsfläche) и рабочей (Arbeitsfläche). Одним словом, груп-

пировка по посеву представляется не только удачной, но наилучшей и безусловно необходимой.

По размерам посева таврические статистики разделяют крестьян на 6 групп: 1) не сеющих; 2) засевающих до 5 дес.; 3) — от 5 до 10 дес.; 4) от 10 до 25 д.; 5) от 25 до 50 д. и 6) — более 50 дес. на двор. По трем уездам соотношение этих групп по числу дворов следующее:

ПРОЦЕНТЫ ДВОРОВ	УЕЗДЫ Бердянский	Мелитопольский	Днепровский	Приходится на 1 двор в среднем десятин посева по всем 3 уу.
	%	%	%	
Не сеющих . . .	6	7,5	9	—
Сеющих до 5 д.	12	11,5	11	3,5 дес.
» 5—10 »	22	21	20	8
» 10—25 »	38	39	41,8	16,4
» 25—50 »	19	16,6	15,1	34,5
» более — 50 »	3	4,4	3,1	75

Общие соотношения (эти % даны о всем населении, включая и немцев) мало изменяются с выключением немцев: так, всего автор считает в Таврических уу. 40% малосеющих (до 10 д.), 40% среднесеющих (от 10 до 25 д.) и 20% многосеющих. Исключение же немцев понижает последнюю цифру до 1/6 (16,7%, т.-е. всего на 3,3% ниже), повышая соответственно число малосеющих.

Определяя степень разнородности этих групп, начнем с землевладения и землепользования.

Постников дает такую таблицу (суммы трех указанных в ней разрядов земли автор не исчислял (с. 145):

ГРУППЫ КРЕСТЬЯН	Приходится на двор в среднем десятин пашни: У. БЕРДЯНСКИЙ				У. МЕЛИТОПОЛЬСКИЙ				У. ДНЕПРОВСКИЙ			
	надельной	купчей	арендованной	всего	надельной	купчей	арендованной	всего	надельной	купчей	арендованной	всего
Не сеющие	6,8	3,1	0,09	10	8,7	0,7	—	9,4	6,4	0,9	0,1	7,4
Засев. до 5 д.	6,9	0,7	0,4	8,2	7,1	0,2	0,4	7,7	5,5	0,04	0,6	6,1
» 5—10 »	9	—	1,1	10,1	9	0,2	1,4	10,6	8,7	0,05	1,6	10,8
» 10—25 »	14,1	0,6	4	18,7	12,8	0,3	4,5	17,6	12,5	0,6	5,8	18,9
» 25—50 »	27,6	2,1	9,8	39,5	23,5	1,5	13,4	38,4	16,6	2,3	17,4	36,3
более 50 »	36,7	31,3	48,4	116,4	36,2	21,3	42,5	100	17,4	30	44	91,4
По уезду.	14,8	1,6	5	21,4	14,1	1,4	6,7	21,2	11,2	1,7	7,0	19,9

«Эти цифры показывают — говорит Постников — что более зажиточная группа крестьян в Таврических уездах не только пользуется большим наделом, что может происходить вследствие большого состава семей, но в то же время она является и наиболее покупающей землю и наиболее ее арендующей» (с. 146).

По поводу этого следует только заметить, мне кажется, что возрастание надела от низшей группы к высшей не может быть *вполне* объяснено увеличением состава семей. Постников дает следующую таблицу о составе семей по группам для трех уездов:

	Приходится на 1 семью в среднем					
	Берд. у.		Мелитоп. у.		Днепр. у.	
	душ об. п.	работников	душ	раб.	душ	раб.
У не сеющих . .	4.5	0,9	4,1	0,9	4,6	1
» засев. до 5 д.	4,9	1,1	4,6	1	4,9	1,1
» » 5—10 »	5,6	1,2	5,3	1,2	5,4	1,2
» » 10—25 »	7,1	1,6	6,8	1,5	6,3	1,4
» » 25—50 »	8,2	1,8	8,6	1,9	8,2	1,9
» » более 50 »	10,6	2,3	10,8	2,3	10,1	2,3
По уездам	6,6	1,5	6,5	1,5	6,2	1,4

Из таблицы видно, что количество надельной земли на двор повышается от низшей группы к высшей гораздо быстрее, чем число душ об. п. и работников. Иллюстрируем это, принимая цифры для низшей группы по Днепровскому уезду за 100:

	над. земли	работн.	душ об. п.
У не сеющих . . .	100	100	100
» засев. до 5 д.	86	110	106
» » 5—10 »	136	120	117
» » 10—25 »	195	140	137
» » 25—50 »	259	190	178
» » более 50 »	272	230	219

Ясно, что определителем величины надела является, кроме состава семьи, и состоятельность двора.

Рассматривая данные о количестве купчей земли в различных группах, мы видим, что покупают землю почти исключительно высшие группы с посевом выше 25 д., и — главным образом — совершенно крупные посевщики, с посевом в 75 дес. на двор.

След., данные о купчей земле вполне подтверждают мнение Постникова о разнородности групп крестьянства. Такое, напр., сведение, которое дает автор на с. 146, говоря, что «крестьянами Таврических уездов куплено 96.146 дес. земли» — совершенно не характеризует явления: почти вся эта земля находится в руках незначительного меньшинства, наиболее обеспеченного уже надельной землей, крестьян «зажиточных», как говорит Постников, а таких не более $^1/_5$ населения.

То же самое приходится сказать и об аренде. Вышеприведенная таблица содержит общую цифру арендованной земли, надельной и вненадельной. Оказывается, что размер аренды с полной правильностью возрастает по мере большего обеспечения крестьян, что, след., чем обеспеченнее крестьянин своей землей, тем более арендует он земли, лишая так. обр. беднейшие группы необходимой для них земельной площади.

Следует заметить, что это явление — общее для всей России. Проф. Карышев, подводя итоги крестьянским вненадельным арендам по всей России, где только имеются земско-статистические исследования, формулирует прямую зависимость между размером аренды и обеспеченностью арендатора как общий закон *).

Впрочем, Постников дает еще более детальные цифры о распределении аренды (вненадельных и надельных земель вместе), которые я и привожу:

	У. Бердянский			У. Мелитопольский			У. Днепровский		
	% аренд. дворов	Пашни на аренд. двор	Цена 1 дес.	% аренд. дворов	Пашни на аренд. двор	Цена 1 дес.	% аренд. дворов	Пашни на аренд. двор	Цена 1 дес.
У сеющих до 5 д.	18,7	2,1	11	14,4	3	5,50	25	2,4	15,25
» » 5—10 »	36,6	3,2	9,20	34,8	4,1	5,52	42	3,9	12
» » 10—25 »	57	7	7,65	59,3	7,5	5,74	69	8,5	4,75
» » 25—50 »	60,6	16,1	6,80	80,5	16,9	6,30	88	20	3,75
» » более 50 »	78,5	62	4,20	88,8	47,6	3,93	91	48,6	3,55
По уездам	44,8	11,1	5,80	50	12,4	4,86	56,2	12,4	4,23

Мы видим и здесь, что средние цифры совершенно не в состоянии характеризовать явления: говоря, напр., что в Днепровском уезде

*) Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. II. *Н. Карышев.* Крестьянские вненадельные аренды. Дерпт. 1892. Стр. 122, 133 и др.

к аренде прибегает 56% крестьян, мы сообщаем очень неполное представление об этой аренде, потому что в тех группах, которые имеют (как ниже будет показано) недостаточно своей земли, % арендаторов гораздо ниже — только 25% в 1-ой группе, между тем как высшая группа, вполне обеспеченная своей землей, почти вся прибегает к аренде (91%). Разница в количестве арендованных десятин на 1 арендующий двор еще значительнее: высший разряд арендует в 30 — 15 — 24 раза более низшего. Очевидно, что это изменяет и самый характер аренды, потому что в высшем разряде это уже коммерческое предприятие, а в низшем — может быть, операция, вызванная горькой нуждой. Последнее предположение подтверждается данными об арендной плате: оказывается, что низшие группы дороже платят за землю, иногда даже вчетверо дороже сравнительно с высшим разрядом (в Днепровском у.). Напомнить следует по этому поводу, что и возрастание арендной платы по мере понижения размеров аренды не составляет особенности нашего юга: труд Карышева доказывает общую применимость этого закона.

«Арендой земель в Таврических уездах — говорит Постников по поводу этих данных — по преимуществу занимаются крестьяне зажиточные, имеющие достаточное количество надельной и собственной пашни; в особенности это следует сказать об аренде внепадельных земель, т.-е. земель владельческих и казны, находящихся на более дальних расстояниях от селений. В сущности это и весьма естественно: для аренды более дальних земель нужно иметь достаточное количество рабочего скота, а крестьяне менее зажиточные не имеют его здесь в нужном размере и для обработки своих надельных земель» (с. 148).

Не следует думать, что подобное распределение аренды зависит от съема земли в одиночку. Дело нисколько не изменяется при съеме земли обществом, не изменяется по той простой причине, что распределение земли делается по тем же основаниям, т.-е. «по деньгам».

«По окладным книгам Управления Государственных Имуществ — говорит Постников — в 1890 г. из 133.852 дес. казенных земель трех уездов, сдававшихся в аренду по контрактам, в пользовании крестьянских обществ состояло 84.756 дес. удобной земли, т.-е. около 63% всей площади. Но земля, арендуемая крестьянскими обществами, находилась в пользовании сравнительно небольшого числа домохозяев и притом преимущественно зажиточных. Подворная перепись земства указывает этот факт довольно рельефно» (с. 150) *):

---

*) Последнего столбца этой таблицы (итоги по 3-м уу.) Постников не дает. К таблице он замечает, что «по условиям аренды крестьяне имеют право распахивать только 1/8 часть арендованной земли».

ГРУППЫ КРЕСТЬЯН	У. Бердянский			У. Мелитопольский			У. Днепровский			По трем уездам			
	Число			Число			Число.			Число			
	аренд. дворов	аренд. дес.	На аренд. двор	аренд. дворов	аренд. дес.	На аренд. двор	аренд. дворов	аренд. дес.	На аренд. двор	аренд. дворов	аренд. дес.	в %	На аренд. двор
Сеющие до 5 д.	39	66	1,7	24	383	16	20	62	3,1	83	511	1	6,1
» 5—10 »	227	400	1,8	159	776	4,8	58	251	4,3	444	1.427	3	3,2
» 10—25 »	687	2.642	3,8	707	4.569	6,4	338	1.500	4,4	1.732	8.711	20	4,4
» 25—50 »	387	3.755	9,7	672	8.564	12,7	186	1.056	5,7	1.245	13.375	30	10,7
» более 50 »	113	3.194	28,3	440	15.365	34,9	79	1.724	21,8	632	20.283	46	32,1
СУММА..	1.453	10.057	7	2.002	29.657	14,8	681	4.593	6,7	4.136	44.307	100	10,7

«Таким образом — заключает Постников — в Днепровском уезде у зажиточной группы крестьян находилось в пользовании более $^1/_2$ всей арендованной пашни, в Бердянском — более $^2/_3$, а в Мелитопольском, где всего более арендуется казенной земли, даже более $^4/_5$ арендованной площади. У беднейшей же группы крестьян (засевающих до 10 дес. пашни) находилось во всех уездах всего 1.938 д., или около 4% арендованных земель» (с. 150). Автор дает затем целый ряд примеров неравномерного распределения снятой обществами земли, но приводить их излишне.

По поводу выводов Постникова о зависимости аренды от достатка арендаторов крайне интересно отметить противоположное мнение земских статистиков.

В начале книги Постников поместил свою статью: «О земско-статистических работах в губерниях Таврической, Херсонской и Екатеринославской» (с. XI — XXXII). Здесь он рассматривает между прочим изданную Таврическим земством в 1889 году «Памятную книжку Таврической губернии», в которой были подведены краткие итоги всему исследованию. Разбирая тот отдел этой книги, который посвящен аренде, Постников говорит:

«В наших многоземельных южных и восточных губерниях земская статистика обнаружила довольно видный процент зажиточного крестьянства, которое, сверх собственного значительного надела, довольно много еще арендует земли на стороне. Хозяйство здесь преследует не только удовлетворение собственных потребностей семьи, но еще и получение некоторого излишка, дохода, благодаря которому крестьяне улучшают свои постройки, заводят машины, прикупают землю. Желание довольно естественное и ничего греховного в себе не заключающее, так как никаких кулацких элементов в нем еще не

выражается». [Кулацких элементов здесь действительно нет, но элементы эксплуатации, без сомнения, есть: арендуя землю в размере, далеко превышающем потребность, зажиточные крестьяне отбивают у бедных землю, нужную тем на продовольствие; расширяя размеры хозяйства, они нуждаются в добавочных рабочих силах и прибегают к найму.] «Но некоторые из земских статистиков, видимо считая такие проявления в крестьянской жизни чем-то незаконным, стараются умалить их и доказать, что крестьянская аренда главным образом руководится нуждою в продовольствии и что если крестьяне зажиточные и арендуют много земли, то % этих арендаторов все-таки постоянно уменьшается с увеличением размеров надела» (с. XVII) — составитель «Памятной книжки» г. Вернер, чтобы доказать такую мысль, группировал по величине надела крестьян *всей* Таврической губернии, имеющих 1 — 2 работников и 2 — 3 штуки рабочего скота. Оказалось, что «с размером надела правильно понижается процент арендующих дворов и менее правильно размер арендуемой на двор земли» (с. XVIII). Постников совершенно справедливо говорит, что подобный прием совсем не доказателен, так как *часть* крестьян (только те, кто имеет 2 — 3 штуки рабочего скота) выделена произвольно, при чем устранено именно зажиточное крестьянство, и кроме того — соединять вместе материковые уезды Таврической губернии и Крым — невозможно, ибо условия аренды в них не одинаковы: в Крыму 1/2 — 3/4 населения — безземельные (т. н. десятинщики), в северных уездах — только 3 — 4%. В Крыму почти всегда лѐгко найти землю для аренды; в северных уездах — иногда невозможно. Интересно отметить, что у земских статистиков других губерний замечались такие же попытки (конечно, одинаково неудачные) затушевать такие «незаконные» проявления крестьянской жизни, как аренда с целью получения дохода. (См. Карышева, назв. соч.)

Если таким образом распределение вненадельной аренды у крестьян констатирует существование между отдельными крестьянскими хозяйствами различий не только количественных (много арендует, мало арендует), но и качественных (арендует из нужды в продовольствии; арендует с коммерческой целью) — то еще более приходится сказать это об аренде *надельной* земли.

«Всей надельной пашни, — говорит Постников — снимаемой крестьянами в аренду у крестьян же, зарегистрировано в 3-х Таврических уездах подворною переписью 1884 — 86 г.г. — 256.716 дес., что составляет здесь 1/4 всей крестьянской надельной пашни, и сюда еще не вошла та площадь, которую крестьяне сдают в наймы разночинцам, проживающим в селениях, а также писарям, учителям, духовным и др. лицам, не входящим в состав крестьянства и не подлежавшим опросу при подворной переписи.

Вся эта масса земель арендуется почти всецело крестьянами зажиточных групп, что̀ показывают следующие цифры. Переписью зарегистрировано число десятин надельной пашни, снимаемой у соседей домохозяевами:

Засевающими до 10 дес. на двор . . .	16.594 дес.,	т.-е.	6%
» от 10 до 25 » » » . . .	89.526 »	»	35
» свыше 25 » » » . . .	150.596 »	»	59
Всего . . .	256.716 дес.		100%

«Наибольшее же количество этой сдаваемой земли, как и самое число сдатчиков земель, принадлежит к группе несеющих, бесхозяйных и малосеющих крестьян. Таким образом значительная часть крестьян Таврических уездов (приблизительно около 1/3 всего населения) частью по нежеланию, но в большинстве случаев по неимению нужного для ведения хозяйства скота и инвентаря, не эксплуатирует всей своей надельной земли, сдает ее в наймы и тем увеличивает землепользование другой более зажиточной половины крестьян. Большинство сдатчиков земель принадлежит, несомненно, к числу расстроенных, падающих домохозяев» (с. 136—7).

Подтверждением сказанного служит следующая табличка «по 2-м уу. Тавр. губ. (по Мелитопольскому у. земская статистика не дает сведений), показывающая относительное число домохозяев, сдающих наделы, и процент сдаваемой ими надельной пашни» (с. 135):

	У. Бердянский		У. Днепровский	
	% домохозяев, сдающих надельную землю	% сдаваемой надельной земли	% домохоз., сдающ. над. землю	% сдаваемой надельной земли
Не сеющие. . .	73	97	80	97,1
Засев. до 5 д.	65	54	30	38,4
» 5—10 »	46	23,6	23	17,2
» 10—25 »	21,5	8,3	16	8,1
» 25—50 »	9	2,7	7	2,9
» более 50 »	12,7	6,3	7	13,8
По уездам	32,7	11,2	25,7	14,9

От землевладения и землепользования крестьян перейдем к распределению инвентаря. О количестве рабочего скота по

группам Постников дает такие данные — по всем трем уездам вместе:

	Всего лошадей	Всего волов	Приходится на 1 двор в среднем: рабоч. скота	Приходится на 1 двор в среднем: прочего *)	Приходится на 1 двор в среднем: всего *)	% дворов, не имеющих раб. скота
У не сеющих . . .	—	—	0,3	0,8	1,1	80,5
» засев. до 5 д.	6.467	3.082	1,0	1,4	2,4	48,3
» » 5—10 »	25.152	8.924	1,9	2,3	4,2	12,5
» » 10—25 »	80.517	24.943	3,2	4,1	7,3	1,4
» » 25—50 »	62.823	19.030	5,8	8,1	13,9	0,1
» » более 50 »	21.003	11.648	10,5	19,5	30	0,03
Всего . .	195.962	67.627	3,1	4,5	7,6	—

Сами по себе эти цифры не характеризуют разрядов — это будет сделано ниже, при описании техники земледелия и при группировке экономических разрядов крестьян. Здесь отметим только, что различие групп крестьян по количеству имеющегося у них рабочего скота так глубоко, что у высших групп мы видим гораздо больше скота, чем может потребоваться на нужды семьи, а у низших — так мало (особенно рабочего скота), что самостоятельное ведение хозяйства становится невозможным.

Совершенно однородны данные о распределении мертвого инвентаря. «Подворная перепись, зарегистрировавшая крестьянский инвентарь в плугах и буккерах, дает следующие цифры для всего населения уездов» (стр. 214):

	% дворов: не имеющих пахотных орудий	% дворов: имеющих только буккер	% дворов: имеющих плуг и др.
У. Бердянский . . .	33	10	57
» Мелитопольский.	37,8	28,2	34
» Днепровский . .	39,3	7	53,7

Эта таблица показывает, какая громадная группа крестьян лишена возможности вести *самостоятельное* хозяйство. Как обстоит дело в высших группах, это видно из следующих данных о количестве инвентаря, приходящегося на двор в различных группах по посеву:

Приходится инвентаря на двор:

	У. Бердянский: Перевозочного (бричек и пр.)	У. Бердянский: Пахотного (плугов и буккеров)	У. Мелитопольский: Перевозочного	У. Мелитопольский: Пахотного	У. Днепровский: Перевозочного	У. Днепровский: Пахотного
У засев. 5—10 д.	0,8	0,5	0,8	0,4	0,8	0,5
» » 10—25 »	1,2	1,3	1,2	1	1	1
» » 25—50 »	2,1	2	2	1,6	1,7	1,5
» » более 50 »	3,4	3,3	3,2	2,8	2,7	2,4

*) в переводе на крупный.

По количеству инвентаря высшая группа превосходит низшую (группу с посевом до 5 дес. автор совсем отбросил) в 4—6 раз; по числу же работников *) она превышает ту же группу в $^{23}/_{12}$ раза, т.-е. менее чем вдвое. Уже отсюда следует, что высшая группа должна прибегать к найму рабочих, между тем как в низшей половина дворов лишена пахотного инвентаря (N.B. Эта «низшая» группа — третья снизу) и, след., возможности самостоятельного хозяйничанья.

Естественно, что вышеуказанные различия в количестве земли и инвентаря обусловливают собой и различия в размере посевной площади. Количество десятин посева, приходящееся на каждый двор 6-ти групп, было приведено выше. Общее количество посевной площади крестьянства Таврической губернии распределяется между группами следующим образом:

	Десятин посева	в %	
У сеющих до 5 д.	34.070	2,4	12% посева у 40% населения
» » 5—10 »	140.426	9,7	
» » 10—25 »	540.093	37,6	38% » » 40% »
» » 25—50 »	494.095	34,3	50% » » 20% »
» » более 50 »	230.583	16	
Всего	1.439.267	100%	

Цифры эти говорят сами за себя. Следует только добавить, что средней посевной площадью, при которой семья может жить только земледелием, Постников считает (с. 272) — 16 — 18 дес. посева на двор.

III.

В предыдущей главе были сведены данные, характеризующие степень имущественного обеспечения крестьян и размеры их хозяйства в разных группах. Теперь следует свести данные, определяющие характер хозяйства крестьян различных групп, способ и систему ведения хозяйства.

Остановимся прежде всего на том положении Постникова, что «производительность крестьянского труда и рабочая способность семьи значительно повышаются с увеличением размеров хозяйства и употреблением машин» (с. X). Автор доказывает это положение, исчисляя, сколько приходится работников и рабочего скота на *данную* посевную площадь в разных экономических группах. При этом пользоваться данными о составе семей невозможно, так как «низшие экономические группы часть своих работников отпускают на сторону в батраки, а высшие группы

*) см. выше — таблицу о составе семей по группам.

принанимают к себе батраков» (с. 114). Таврическая земская статистика не дает числа нанимаемых и отпускаемых рабочих, и Постников вычисляет приблизительно это количество, исходя из данных земской статистики о количестве дворов, нанимавших работников, и из расчета, сколько необходимо работников на данный размер пахотной площади. Постников признает, что эти вычисленные данные не могут претендовать на полную точность, но он думает, что его расчет может значительно изменить состав семьи только в 2-х высших группах, потому что в остальных число наймитов небольшое. Сравнивая вышеприведенные данные о составе семей с нижеследующей таблицей, читатель может проверить правильность этого взгляда:

	По трем уездам Таврич. губ.				
	Работников			Приходится на 1 двор	
	нанималось	отпускалось	Разность	душ в семье (с наймитами)	работников
У не сеющих	239	1.077	— 838	4,3	0,9
У засев. до 5 д.	247	1.484	— 1.237	4,8	1,0
» » 5—10 »	465	4.292	— 3.827	5,2	1,0
» » 10—25 »	2.846	3.389	— 543	6,8	1,6
» » 25—50 »	6.041	—	+ 6.041	8,9	2,4
» » более 50 »	8.241	—	+ 8.241	13,3	5
Всего	18.079	10.242	+ 7.837	—	—

Сравнивая этот последний столбец с данными о составе семей, мы видим, что Постников несколько уменьшил число рабочих в низших группах и увеличил — в высших. Так как цель его — доказать, что с увеличением размеров хозяйства уменьшается число рабочих на данную посевную площадь, то, след., приблизительные выкладки автора могли скорее ослабить, чем усилить это уменьшение.

После этого предварительного расчета, Постников дает такую таблицу соотношений посевной площади с количеством работников, рабочего скота, затем населения вообще в разных группах крестьян (с. 117):

	Посева на пару раб. скота	Приходится на 100 дес. посева			
		дворов	душ (с наймитами)	работников	голов раб. скота
У сеющих до 5 д.	7,1 дес.	28,7	136	28,5	28,2
» » 5—10 »	8,2	12,9	67	12,6	25
» » 10—25 »	10,2	6,1	41,2	9,3	20
» » 25—50 »	12,5	2,9	25,5	7	16,6
» » более 50 »	14,5	1,3	18	6,8	14
Всего	10,9	5,4	36,6	9	18,3

«Таким образом, с увеличением размера хозяйства и запашки у крестьян расход по содержанию рабочих сил, людей и скота, этот главнейший расход в сельском хозяйстве, прогрессивно уменьшается и у многосеющих крестьян делается почти в 2 раза менее на десятину посева, чем у групп с малой распашкой» (с. 117).

То положение, что расход на работников и рабочий скот является преобладающим в сельском хозяйстве, автор подтверждает ниже на примере подробного бюджета одного меннонитского хозяйства: из всего расхода 24,3% составляет расход для хозяйства; 23,6% — расход на рабочий скот и 52,1% — на работников (с. 284).

Своему заключению о повышении производительности труда по мере повышения размеров хозяйства Постников придает большое значение (что̀ видно и из приведенной выше цитаты, помещенной им в предисловии), и нельзя не признать его действительную важность — во 1°, по изучению экономического быта нашего крестьянства и характера хозяйства в различных группах; во 2°, по общему вопросу о соотношении мелкой и крупной культуры. Этот последний вопрос сильно запутан многими авторами, и главной причиной путаницы было то, что сравнивались хозяйства не однородные, поставленные в различные общественные условия, отличающиеся по самому типу ведения хозяйства; сравнивались, напр., хозяйства, в которых доход извлекается посредством производства сельско-хозяйственных продуктов, с хозяйствами, в которых доход извлекается эксплуатацией нужды других хозяйств в земле (напр., хозяйства крестьянское и помещичье в эпоху, непосредственно следующую за реформой 61 г.). Постников совершенно свободен от этой ошибки и не забывает основного правила сравнения: чтобы сравниваемые явления были однородны.

Подробнее доказывая свое положение относительно Таврических уездов, автор приводит данные, во 1°, по каждому уезду отдельно; во 2°, отдельно для русского населения, именно самой многочисленной его группы — б. государственных крестьян (с. 273—4):

	Приходится десятин посева на пару рабочего скота					
	по уездам вообще			в группе б. госуд. крестьян		
	Берд.	Мелит.	Днепр.	Берд.	Мелит.	Днепр.
У сеющих до 5 д.	8,9	8,7	4,3	—	—	—
» » 5—10 »	8,9	8,7	6,8	8,9	9,1	6,8
» » 10—25 »	10,2	10,6	9,7	10,3	10,9	9,6
» » 25—50 »	11,6	12,4	12,3	12,3	12,8	11,9
» » более 50 »	13,5	13,8	15,7	13,7	14,3	15
В среднем	10,7	11,3	10,1	—	—	—

Вывод тот же: «в хозяйстве малого размера относительное число рабочего скота на данную площадь посева превышает в $1^1/_2$—2 раза это же число в «полном» крестьянском хозяйстве. Тот же закон подворная перепись обнаруживает и для всех других более мелких групп: б. помещ. крестьян, арендаторов и пр., и во всех, даже самых небольших районах местности, ограниченных размером одной волости и даже одного селения» (с. 274).

Соотношение между размерами посева и расходами хозяйства оказывается не в пользу мелких хозяйств также и по отношению к другого рода расходу: содержанию мертвого инвентаря и продуктивного скота.

Мы выше видели, с какой быстротой возрастает число и того и другого на 1 двор от низшей группы к высшей. Если расчислить этот инвентарь на данную площадь посева, то получим *уменьшение* его от низшей группы к высшей (с. 318):

	Приходится на 100 дес. посева		
	продукт. скота	плугов и букк.	бричек
У сеющих до 5 д.	42 головы	4,7	10
» » 5—10 »	28,8 »	5,9	9
» » 10—25 »	24,9 »	6,5	7
» » 25—50 »	23,7 »	4,8	5,7
» » более 50 »	25,8 »	3,8	4,3
По трем уу.:	25,5 головы	5,4	6,5

«Эта таблица показывает, что с возрастанием посева на двор наиболее крупный инвентарь (орудия обработки и перевозки) прогрессивно уменьшается в числе на данную площадь посева, а потому в хозяйстве высших групп расход по содержанию орудий обработки почвы и перевозки должен быть на десятину относительно менее. Группа с посевом до 10 дес. на двор представляет некоторое исключение: она имеет сравнительно менее орудий обработки, чем следующая группа с посевом 16 дес. на двор, но лишь потому, что в ней многие работают не собственным инвентарем, а наемным, что̀ отнюдь не сокращает расходов по инвентарю» (с. 318).

«Земская статистика — говорит Постников — с неоспоримою ясностью показывает, что чем более размер крестьянского хозяйства, тем менее на данную площадь пахотной земли содержится инвентаря, рабочих людей и рабочего скота» (с. 162).

«В предыдущих главах было уже показано,—замечает Постников ниже — что в Таврических уездах это явление имеет место по всем группам крестьян и всем районам местности. Это

явление обнаруживается в крестьянском хозяйстве, по данным земской статистики, и в других губерниях, где земледелие также является главною отраслью крестьянского хозяйства. Таким образом, явление это имеет широкое распространение и принимает вид закона, получающего большое экономическое значение, так как этим законом в значительной мере уничтожается экономический смысл мелкого земледельческого хозяйства» (с. 313).

Последнее замечание Постникова несколько преждевременно: чтобы доказать неизбежность вытеснения мелких хозяйств крупными, недостаточно установить бо́льшую выгодность последних (большую дешевизну продукта); необходимо еще установить преобладание денежного (точнее: товарного) хозяйства над натуральным, потому что при натуральном хозяйстве, когда продукт идет на собственное потребление производителя, а не на рынок, дешевый продукт не встретится с дорогим на рынке, а потому и не в состоянии будет его вытеснить. Об этом впрочем подробнее будет речь ниже.

Чтобы доказать применимость вышеустановленного закона ко всей России, Постников берет те уезды, по которым земская статистика детально провела экономическую группировку населения, и вычисляет размер пахотной площади, приходящейся на пару рабочего скота и на работника в различных группах. Вывод получается прежний: «что при малом размере крестьянского хозяйства пахотная площадь должна оплачивать содержание рабочих сил в $1^1/_2$ — 2 раза более, чем при хозяйстве более достаточного размера» (с. 316). Это верно как для Пермской губернии (с. 314), так и для Воронежской, как для Саратовской, так и для Черниговской (с. 315), так что Постников, несомненно, доказал распространимость этого закона на всю Россию.

Перейдем теперь к вопросу о «доходах и расходах» (гл. IX) разных групп крестьянских хозяйств и об отношении их к рынку:

«В каждом хозяйстве, — говорит Постников — представляющем собою самостоятельную единицу, площадь территории состоит из следующих 4-х частей: одна часть производит пищу для прокормления рабочей семьи и работников, живущих в хозяйстве; это — в узком смысле — *пищевая* площадь хозяйства; другая часть доставляет корм скоту, работающему в хозяйстве, и может быть названа *кормовою* площадью. Третья часть состоит из усадебной земли, дорог, прудов и пр. и той части посевной площади, которая дает семена для посева; ее можно назвать *хозяйственной* площадью, так как она служит без различия всему хозяйству. Наконец, четвертая часть производит зерно и растения, подлежащие, в сыром или переработанном виде, сбыту из хозяйства на рынок. Это — *рыночная* или *торговая* площадь хозяйства. Разделение территории на четыре указанные

части определяется в каждом частном хозяйстве не родом культивируемых растений, а ближайшею целью их возделывания.

«Денежный доход хозяйства определяется торговою частью его территории, и чем более эта последняя площадь и выше относительная ценность получаемых с нее продуктов, тем более запрос, предъявляемый рынку сельскими хозяевами, и то количество труда, которое страна может держать вне земледелия в районе своего рынка, тем выше является государственное (податное) и культурное значение для страны ее сельского хозяйства, а также выше и чистый доход самого хозяина и его рессурсы для производства сельско-хозяйственных затрат и улучшений» (с. 257).

Это рассуждение Постникова было бы совершенно верно, если бы сделать к нему одну, довольно существенную поправку: автор говорит о значении торговой площади хозяйства для страны вообще, тогда как, очевидно, речь может итти только о такой стране, в которой денежное хозяйство является преобладающим, в которой большая часть продуктов принимает форму *товаров*. Забывать это условие, считать его подразумевающимся само собою, опускать точное исследование, насколько оно приложимо к данной стране,—значило бы впадать в ошибку вульгарной политической экономии.

Выделение из всего хозяйства его рыночной площади—очень важно. Для внутреннего *рынка* имеет значение совсем не доход производителя вообще (которым, т.-е. доходом, определяется благосостояние этого производителя), а исключительно *денежный* его доход. Обладание денежными средствами совсем не определяется благосостоянием производителя: крестьянин, получающий с своего участка вполне достаточное на собственное потребление количество продуктов, но ведущий натуральное хозяйство, — пользуется благосостоянием, но не обладает денежными средствами; крестьянин полуразоренный, получающий с участка только небольшую часть нужного ему хлеба и добывающий остальное количество хлеба (хотя бы в меньшем количестве и худшего качества) случайными «заработками»,— не пользуется благосостоянием, но обладает денежными средствами. Ясно отсюда, что всякое рассуждение о значении крестьянских хозяйств и их доходности для рынка, не основанное на учете денежной части дохода, не может иметь никакой цены.

Для определения того, как велики четыре указанные части посевной площади в хозяйстве крестьян разных групп, Постников исчисляет предварительно годовое потребление хлеба, принимая круглым счетом 2 четверти хлебного зерна на душу (с. 259), что составит $^2/_3$ дес. на душу в составе посевной площади. Затем определяет кормовую площадь в $1^1/_2$ дес. на каждую

лошадь, а посевную площадь — в 6% пахотной территории и получает следующие данные *) (с. 319):

	Приходится из 100 дес. посева на площадь				Получается денежного дохода	
	хозяйственную	пищевую	кормовую	торговую	на 1 дес. посева (рубли)	на 1 двор
У сеющих до 5 д.	6	90,7	42,3	—39	—	—
» » 5—10 »	6	44,7	37,5	+11,8	3,77	30
» » 10—25 »	6	27,5	30	36,5	11,68	191
» » 25—50 »	6	17	25	52	16,64	574
» » более 50 »	6	12	21	61	19,52	1.500

«Показанная разница в денежных доходах хозяйства у отдельных групп — говорит Постников — достаточно иллюстрирует значение величины хозяйства, но в действительности эта разница между доходностью посевов в группах должна быть еще более, так как у высших групп следует предполагать бóльшие урожаи на десятине и высшую ценность сбываемого хлеба.

«В этом учете доходности мы ввели в вычисление не всю площадь хозяйства, а только пахотную, потому что не имеем у себя точных данных потребления отдельными видами скота прочих угодий в крестьянских хозяйствах Таврических уездов; но так как денежный доход южно-русского крестьянина, исключительно занимающегося земледелием, определяется почти всецело посевною площадью, то приведенные цифры довольно точно обрисовывают различие в денежном доходе от хозяйства у различных групп крестьян. Эти цифры показывают, как сильно изменяется этот доход с размерами посева. Семья, имеющая 75 дес. посева, получает в год денежной выручки до 1.500 рублей, семья с посевом 34½ дес. имеет в год 574 руб., а с посевом 16½ дес. только 191 руб. Семья, засевающая 8 дес., получает только 30 руб., т.-е. такую сумму, которая недостаточна для покрытия денежных расходов по хозяйству без сторонних промыслов. Конечно, приведенные цифры еще не показывают ренты от хозяйства, и для получения последней нужно вычесть из них все денежные расходы по хозяйству в налогах, инвентаре, постройках, на покупку одежды, обуви и т. д. Но расходы эти возрастают не пропорционально увеличению размеров хозяйства. Расходы по содержанию семьи возрастают пропорционально численности семьи, а увеличение состава последней, как видно из таблицы, идет гораздо медленнее, чем увеличение площади посева в группах. Что касается всех хозяйственных расходов (уплата земельного налога и арендной платы, ремонта построек

*) Для определения денежного дохода Постников поступал так: принимал, что вся торговая площадь находится под самым дорогим хлебом — пшеницей и, зная средний урожай ее и цены, вычислял получаемое с этой площади количество ценностей.

и инвентаря), то они возрастают в хозяйстве во всяком случае не более, чем пропорционально размерам хозяйства, между тем как валовой денежный доход от хозяйства, как показывает предъидущая таблица, возрастает более чем пропорционально размерам посева. Притом же все эти хозяйственные расходы весьма невелики сравнительно с главным расходом хозяйства по содержанию рабочих сил. Таким образом мы можем формулировать то явление, что рента от земледелия в крестьянском хозяйстве прогрессивно уменьшается на десятину по мере уменьшения его размеров» (с. 320).

Из данных Постникова мы видим таким образом, что по отношению к рынку земледельческое хозяйство крестьян в различных группах является существенно различным: высшие группы (с посевом более 25 дес. на двор) ведут уже коммерческое хозяйство; целью производства хлеба является получение дохода. Наоборот, в низших группах земледелие не покрывает необходимых нужд семьи (это относится к посевщикам, обраб. до 10 дес. на двор); если подсчитать с точностью все расходы по хозяйству, то наверное окажется, что хозяйство в таких группах ведется в убыток.

Крайне интересно также воспользоваться теми данными, которые приводит Постников, для разрешения вопроса о том, в каком отношении стоит раскол крестьянства на разнородные группы к размеру предъявляемого рынку спроса? Мы знаем, что размер этого спроса зависит от величины торговой площади, а эта последняя возрастает с увеличением размеров хозяйства; но ведь параллельно с этим увеличением размеров хозяйства в высших группах идет уменьшение этих размеров в низших группах. По количеству дворов низшие группы вдвое многочисленнее высших групп: первых 40% в Таврических уездах, вторых — только 20%. Не получается ли в общем и целом, что вышеуказанный хозяйственный раскол уменьшает размер предъявляемого рынку спроса? Собственно говоря, мы вправе ответить на этот вопрос отрицательно уже на основании априорных соображений: дело в том, что в низших группах размер хозяйства так мал, что все нужды семьи не могут быть покрыты земледелием; чтобы не умереть с голоду, представителям этих низших групп придется нести на рынок свою рабочую силу, продажа которой даст им известные денежные средства и уравновесит таким образом (до известной степени) то уменьшение спроса, которое произойдет от уменьшения размеров хозяйства. Но данные Постникова позволяют дать на поставленный вопрос более точный ответ.

Возьмем какое-нибудь количество посевной площади, напр., 1.600 дес. и представим себе двоякое распределение ее: во-первых, между однородным экономически крестьянством и, во-вто-

рых, между крестьянами, расколовшимися на разнородные группы, какие мы видим в Таврических уездах, в настоящее время. В 1-ом случае, полагая на среднее крестьянское хозяйство 16 дес. посева (как это и обстоит на деле в Таврических уездах), получим 100 хозяйств, вполне покрывающих свои нужды земледелием. Предъявляемый рынку спрос будет равняться 191×100 = =19.100 руб. — Второй случай: 1.600 дес. посева распределены между прежними 100 дворами иначе, именно так, как распределяется в действительности посевная площадь между крестьянами Таврических уездов: 8 дворов совсем не имеют посева, 12 засевают по 4 дес.; 20 по 8; 40 по 16; 17 по 34 и 3 по 75 (всего посева получается 1.583 дес., т.-е. немного даже менее 1.600 дес.). При таком распределении весьма значительная часть крестьян (40%) не будет в состоянии получить с своей земли достаточно дохода на покрытие всех нужд. Размер предъявляемого рынку денежного спроса, считая только хозяйства с посевом более 5 дес. на двор, будет следующий: 20.30+40.191+17.574+3.1500=21.350 р. Мы видим таким образом, что несмотря на опущение целых 20 дворов [несомненно, получающих тоже денежный доход, только не от продажи своих продуктов], несмотря на сокращение посевной площади до 1.535 дес. — общий размер предъявляемого рынку денежного спроса повысился.

Было уже сказано, что крестьяне низших экономических групп вынуждены продавать свою рабочую силу; наоборот, представители высших групп должны покупать ее, так как собственных рабочих уже недостаточно для обработки их крупной посевной площади. Мы должны теперь поподробнее остановиться на этом важном явлении. Постников как будто не причисляет это явление к «новым хозяйственным явлениям в крестьянской жизни» (по крайней мере, не упоминает о нем в предисловии, где резюмирует результаты труда), но оно заслуживает гораздо большего внимания, чем введение машин или расширение запашки у зажиточных крестьян.

«Более зажиточное крестьянство в Таврических уездах — говорит автор — вообще пользуется в значительной мере наемными работниками и ведет свое хозяйство на такой площади, которая далеко превышает рабочую способность самих семейств. Так, в 3-х уу. на 100 семей держат наемных работников, по всем разрядам крестьян

Не имеющие посева	3,8%
Засевающие до 5 дес.	2,5
» » 5—10 дес.	2,6
» » 10—25 »	8,7
» » 25—50 »	34,7
» более 50 »	64,1
Всего в %	12,9

«Эти цифры показывают, что наемных работников держат преимущественно хозяева зажиточные, с более значительными посевами» (с. 144).

Сравнивая вышеприведенные данные о составе семей по группам без наймитов (по трем уездам отдельно) и с наймитами (по трем уу. вместе), мы видим, что хозяева, засевающие от 25 до 50 дес. на двор, увеличивают число рабочих сил в своем хозяйстве посредством найма — приблизительно на $^1/_3$ (с 1,8—1,9 работника на семью до 2,4), а хозяева с посевом более 50 дес. на двор увеличивают число рабочих почти вдвое (с 2,3 до 5); даже более чем вдвое по расчету автора, который считает, что они должны нанимать до 8.241 работников (с. 115), имея своих 7.129 человек. Что низшие группы должны отпускать рабочих на сторону в весьма значительном количестве — это явствует уже из того, что земледельческое хозяйство не в состоянии дать им необходимое на собственное содержание количество продуктов. К сожалению, точных данных о количестве отпускаемых на сторону работников мы не имеем. Косвенным показателем этого количества может служить число домохозяев, сдающих свои наделы: выше было приведено заявление Постникова, что в Таврических уездах около $^1/_3$ населения не эксплуатирует вполне своей надельной земли.

IV.

Из приведенных выше данных видно, что Постников вполне доказал свое положение об «огромном разнообразии» в экономическом положении отдельных дворов. Это разнообразие простирается не только на степень имущественного обеспечения крестьян и размеры их посевов, но даже на характер хозяйства в разных группах. Мало этого. Оказывается, что термины: «разнообразие», «дифференциация» недостаточны для полной характеристики явления. Если один крестьянин имеет 1 штуку рабочего скота, а другой — 10, мы называем это дифференциацией, но если один арендует десятки десятин земли сверх обеспечивающего его надела с единственной целью извлечь доход из ее эксплуатации, и тем лишает другого крестьянина возможности арендовать землю, в которой он нуждается для прокормления своей семьи, — то мы имеем пред собой, очевидно, нечто гораздо большее; мы должны назвать такое явление «розные» (с. 323), «борьбой экономических интересов» (с. XXXII). Употребляя эти термины, Постников не достаточно оценивает всю их важность; он не замечает также, что и эти последние термины оказываются недостаточными. Аренда надельной земли у обедневшей группы населения, наем в батраки крестьянина, пере-

ставшего вести свое хозяйство, — это уже не только рознь, это — прямая эксплуатация.

Признавая глубокую экономическую рознь в современном крестьянстве, мы не можем уже ограничиться одним разделением крестьян на несколько слоев по степени имущественного обеспечения. Такое разделение было бы достаточно, если бы все вышеуказанное разнообразие сводилось к различиям количественным. Но это не так. Если у одной части крестьян целью земледелия является коммерческая выгода и результатом — крупный денежный доход, а у другой — земледелие не покрывает даже необходимых потребностей семьи, если высшие группы крестьян основывают свое улучшенное хозяйство на разорении низших, если зажиточное крестьянство в значительной степени пользуется наемным трудом, а бедное вынуждается прибегать к продаже своей рабочей силы, — то это уже, несомненно, качественные различия, и нашей задачей теперь должно быть группировать крестьянство по различиям в самом характере их хозяйства (разумея под характером хозяйства особенности не техники, а экономики).

Постников слишком мало обратил внимания на эти последние различия; поэтому хотя он и признает необходимость «более общего расчленения населения на группы» (с. 110) и пытается сделать такое расчленение, но попытка его, как мы сейчас увидим, не может быть признана вполне удачной.

«Для более общего расчленения населения на экономические группы — говорит Постников — мы воспользуемся другим признаком, который хотя по местностям и не представляет однородного экономического значения, но более согласуется с делением на группы, какое делают у себя сами крестьяне и которое также отмечено по всем уездам и земскими статистиками. Деление это делается по степени самостоятельности домохозяев в способах ведения хозяйства, в зависимости от количества рабочего скота во дворе» (с. 110).

«В настоящее время крестьянство южно-русского района можно разбить, по степени хозяйственной самостоятельности домохозяев и в то же время по способам их хозяйствования, на три следующие главные группы:

1) Домохозяев тягловых или имеющих тягло, т.-е. полный плуг или заменяющее его орудие для пахоты, и обходящихся в полевых работах собственным скотом, без найма скота и без супряги. При плужном или буккерном тягле эти домохозяева имеют у себя 3 — 2 пары или более рабочего скота и, соответственно тому, во дворе 3-х взрослых работников или, по крайней мере, 2-х взрослых работников и одного полурабочего.

2) Полутягловых или супряжников, т.-е. домохозяев спрягающихся между собою для полевых работ, по неимению достаточ-

ного числа скота для самостоятельной запряжки. У таких хозяев во дворе держится одна или $1^1/_2$ пары и даже в некоторых случаях 2 пары рабочего скота и, соответственно тому, один или два взрослых работника. При тяжелой почве и при необходимости работать на плуге (или заменяющем его буккере) с 3 парами рабочего скота такие хозяева обязательно спрягаются, если имеют и 2 пары рабочего скота.

3) Домохозяев бестяглых или «пеших», вовсе не имеющих скота, или имеющих одну рабочую скотину (большею частью лошадь, так как волы обыкновенно держатся парами и ходят лишь в парной упряжи). Они работают наймом чужого скота или сдают свои земли в наймы из части урожая и вовсе не имеют посева.

«Такая группировка по коренному в крестьянской жизни хозяйственному признаку, каким в данном случае является количество рабочего скота и способ запряжки, делается обыкновенно самими крестьянами. Но в ней есть большие вариации как в пределах каждой отдельной поименованной выше группы, так и в расчленении между собой самых групп» (с. 121).

Численный состав этих групп в $^0/_0$ к общему числу дворов следующий (с. 125):

	I.	II.	III.	
	Работавших собств. скотом	Работавших супрягой	Работавших наймом скота	Не имевших посева
У. Бердянский . .	37	44,6	11,7	6,7
» Мелитоп. . . .	32,7	46,8	13	7,5
» Днепровский . .	43	34,8	13,2	9

Рядом с этой таблицей автор дает группировку дворов по количеству содержимого в них рабочего скота, чтобы определить состав тягла в описываемых уездах:

	Число дворов в $^0/_0$ общего их числа			
	Имеющих во дворе рабочего скота			Не имеющих рабоч. скота
	4 и более шт.	2—3 шт.	1 штуку	
У. Бердянский . . .	36,2	41,6	7,2	15
» Мелитоп.	34,4	44,7	5,3	15,6
» Днепровский . . .	44,3	36,6	5,1	14

Следовательно, в Таврических уездах полное тягло требует наличности не менее 4-х штук рабочего скота во дворе.

Такая группировка Постникова не может быть признана вполне удачной прежде всего потому, что в пределах каждой из этих 3-х групп замечаются сильные различия:

«В группе тягловых домохозяев—говорит автор—мы встречаем в южной России большое разнообразие: на-ряду с большим тяглом у зажиточных крестьян существует и тягло малое у более

бедных. Первое в свою очередь делится на тягло полное (6 — 8 штук рабочего скота) и неполное (4 — 6 штук)... Категория «пеших» домохозяев представляет также много разнообразия в степени достатка» (с. 124).

Другое неудобство принимаемого Постниковым расчленения состоит в том, что в земской статистике группировка населения произведена, как уже было указано выше, не по количеству рабочего скота, а по размерам посева. Чтобы иметь возможность выражать точно имущественное положение разных групп, приходится поэтому взять группировку по размерам посева.

По этому признаку Постников делит население точно так же на три группы: на домохозяев малосеющих — с посевом до 10 дес. и без посева; среднесеющих — с посевом 10 — 25 дес., и многосеющих — с посевом выше 25 дес. на двор. Первую группу автор называет «бедной», вторую — средней, третью — зажиточной.

О численном составе этих групп Постников говорит:

«В общем у таврических крестьян (без колонистов) многосеющие составляют около $^1/_6$ части всего числа дворов, имеющие средние посевы — около $40^0/_0$. и несколько более $40^0/_0$ дают дворы малосеющие с несеющими. В целом же населении Таврических уездов (с колонистами) к многосеющим принадлежит $^1/_5$ часть населения, или около $20^0/_0$, к среднесеющим — $40^0/_0$ и к малосеющим с несеющими — около $40^0/_0$» (с. 112).

Следовательно, присоединение немцев крайне незначительно изменяет состав групп, так что пользование общими данными о всем уезде не составит неправильности.

Наша задача теперь должна состоять в том, чтобы охарактеризовать по возможности точнее экономическое положение каждой из этих групп в отдельности и постараться выяснить таким образом размеры и причины экономической розни в крестьянстве.

Постников не поставил себе такой задачи; поэтому приводимые им данные отличаются большой разбросанностью, а общие отзывы о группах — недостаточной определенностью.

Начнем с низшей группы — бедной, к которой относится в Таврических уездах $^2/_5$ населения.

Насколько эта группа в действительности бедна, об этом лучше всего судить по количеству рабочего скота (главное орудие производства в сельском хозяйстве). По трем уездам Тавр. губ. из всего количества рабочего скота — 263.589 штук — у низшей группы находится (с. 117) — 43.625 штук, т.-е. всего $17^0/_0$, в $2^1/_3$ раза менее среднего. Данные о $^0/_0$ дворов, не имеющих рабочего скота, были приведены выше ($80^0/_0$ — $48^0/_0$ — $12^0/_0$ по 3-м подразделениям низшей группы). Постников на основании этих данных сделал вывод, что «$^0/_0$ домохозяев, не имеющих

у себя собственного скота, значителен только в группах без посева и с посевом до 10 дес. на двор» (с. 135). Количество посева у этой группы находится в соответствии с количеством скота: на собственной земле засевается 146.114 дес., из всего количества 962.933 дес. (по 3-м уу.), т.-е. 15%. Прибавление арендованной земли увеличивает посев до 174.496 дес., но так как этим увеличивается посев и в других группах и увеличивается в большем размере, чем в низшей групе, то в результате получается, что посев низшей группы составляет лишь 12% всего посева, т.-е. $^1/_8$ посева приходится на более чем $^3/_8$ населения. Если припомнить, что нормальным (т.-е. покрывающим все нужды семьи) посевом автор считает именно средний посев тавричанина, то легко видеть, насколько обделена эта група с посевом в $3^1/_3$ раза менее среднего.

Очень естественно, что при таких условиях земледельческое хозяйство этой группы находится в крайне печальном положении: мы видели выше, что 33 — 39% населения в Таврич. уу. — след., подавляющее большинство низшей группы — совсем не имеют пахотных орудий. Неимение инвентаря заставляет крестьян бросать землю, сдавать наделы в аренду: Постников считает, что число таких сдатчиков (с хозяйством, несомненно, уже совершенно расстроенным) составляет ок. $^1/_3$ населения, т.-е. опять-таки значительное большинство бедной группы. Заметим мимоходом, что это явление «продажи» наделов (употребляя обычное крестьянское выражение) констатировано земской статистикой повсюду и в весьма значительных размерах. Пресса, отметившая этот факт, успела уже изобрести и средство против него — неотчуждаемость наделов. Постников совершенно справедливо возражает против действительности подобных мер, обличающих в авторах чисто чиновничью веру в могущество предписаний начальства. «Несомненно,—говорит он — что одно запрещение сдачи земель в наймы не уничтожит этого явления, корни которого лежат слишком глубоко в настоящем экономическом строе крестьянского быта. Крестьянин, у которого нет инвентаря и средств для собственного хозяйства, фактически не может пользоваться своим наделом и должен отдавать его в наем другим крестьянам со средствами для ведения хозяйства. Прямое запрещение сдачи земель заставит производить эту сдачу тайно, без контроля и, вероятно, на условиях худших для сдающего землю, чем теперь, потому что сдающий землю вынужден ее сдавать. Затем, для оплаты казенных недоимок на крестьянах, наделы их чаще станут сдаваться чрез сельскую расправу, а такая сдача для бедных крестьян менее всего будет выгодна» (с. 140).

Полный упадок хозяйства замечается у всей бедной группы:

«В сущности — говорит Постников — несеющие домохозяева и малосеющие, обрабатывающие свою землю наймом чужого скота, не представляют большой разницы в своем хозяйственном поло-

жении. Первые сдают в аренду односельцам всю свою землю, вторые — только часть ее, но как те, так и другие *либо служат батраками* у своих односельчан, *либо* промышляют *сторонними и большею частью земледельческими же заработками*, проживая в собственной усадьбе. Поэтому *обе категории крестьян — несеющих и малосеющих — можно рассматривать вместе;* и те и другие принадлежат к домохозяевам, теряющим свое хозяйство, в большинстве случаев разорившимся или разоряющимся, не имеющим нужного для ведения хозяйства скота и инвентаря» (с. 135).

«Если дворы бесхозяйные и не сеющие в большинстве случаев представляют собою разорившиеся хозяйства, — говорит Постников несколько ниже — то малосеющие, сдающие в наймы свою землю, представляют собою кандидатов на первых. Всякий значительный неурожай или случайное несчастие, как пожар, пропажа лошадей и т. п., каждый раз выбивают из этой группы часть домохозяев в разряд бесхозяйных и батраков. Домохозяин, лишившийся почему-либо рабочего скота, делает первый шаг к упадку. Обработка земли наймом чужого скота представляет много случайного, беспорядочного и обыкновенно вынуждает к уменьшению запашки. Такому мужику отказывают в кредите местные сельские ссудо-сберегательные кассы и односельчане [в примечании: «в Таврических уездах очень многочисленны ссудо-сберегательные товарищества в больших селениях, действующие с помощью ссуд из государственного банка, но пользуются займами из них лишь зажиточные и достаточные домохозяева»]; заем он получает обыкновенно на более тяжелых условиях, чем крестьяне «заможние». «Как ему дать — говорят крестьяне — когда с него нечего взять». Раз запутавшись в долгах, он при первом несчастии теряет и землю, в особенности если за ним числится еще и казенная недоимка» (с. 139).

До какой степени глубок упадок земледельческого хозяйства у крестьян бедной группы, это лучше всего видно из того, что автор отказывается даже ответить на вопрос, как именно ведется у них это хозяйство. У хозяйств, засевающих менее 10 дес. на двор, — говорит он — «земледелие стоит в условиях слишком случайных, чтоб оно могло быть охарактеризовано определенными приемами» (с. 278).

Приведенные характеристики хозяйства крестьян низшей группы, несмотря на свою многочисленность, совершенно недостаточны: они — исключительно отрицательные, тогда как должна же быть и положительная характеристика. Мы слышали до сих пор только о том, что относить крестьян этой группы к самостоятельным хозяевам-земледельцам не доводится, потому что земледелие у них в полном упадке, потому что посевная площадь крайне недостаточна, потому, наконец, что земледелие ведется у них случайно: «Придерживаться какого-либо порядка

в посевах — замечают статистики в описании Бахмутского уезда — могут лишь состоятельные и зажиточные хозяева, не нуждающиеся в семенах, а бедняки сеют, что̀ у них окажется налицо, где и как попало» (с. 278). Однако существование всей той массы крестьянства, которую включает низшая группа (в 3-х Таврич. уу. свыше 30 тыс. дворов и более 200 тысяч душ об. п.), не может быть случайным. Если они кормятся не от своего собственного хозяйства, то чем же живут они? Главным образом продажей своей рабочей силы. Мы видели выше, что Постников говорил про крестьян этой группы, что существуют они батрачеством и сторонними заработками. При почти полном отсутствии промыслов на юге, эти заработки — большею частью земледельческие и сводятся, след., к *найму* на сельско-хозяйственные работы. Чтобы подробнее доказать, что именно продажа труда является главной чертой хозяйства крестьян низшей группы, обратимся к рассмотрению этой группы по тем разрядам, на которые делит ее земская статистика. О домохозяевах не сеющих нечего и говорить: это полные батраки. Во 2-ом разряде мы имеем уже посевщиков с посевом до 5 дес. на двор (в среднем 3,5 дес.). Из приведенного выше разделения посевной площади на хозяйственную, кормовую, пищевую и торговую видно, что такой посев совершенно недостаточен. «Первая группа с посевом до 5 дес. на двор — говорит Постников — не имеет в своих посевах рыночной, торговой площади; ее существование возможно лишь при сторонних заработках, добываемых батрачеством и др. способами» (с. 319). Остается последний разряд — хозяев с посевом 5 — 10 дес. на двор. Спрашивается, в каком отношении у крестьян этой группы стоит самостоятельное земледельческое хозяйство к так называемым «заработкам»? Для точного ответа на этот вопрос необходимо было бы иметь несколько *типичных* крестьянских бюджетов, относящихся к хозяевам *этой группы*. Постников вполне признает необходимость и важность данных о бюджетах, но указывает, что «собирание таких данных весьма затруднительно, а во многих случаях для статистиков и просто невозможно» (с. 107). С последним замечанием согласиться очень трудно: московские статистики собрали несколько чрезвычайно интересных и подробных бюджетов (см. Сборник стат. свед. по Моск. губ. Отдел хозяйственной статистики. Т.т. VI и VII); по некоторым уездам Воронежской губернии, как указывает сам же автор, данные о бюджетах собраны даже подворно.

Очень жаль, что собственные данные Постникова о бюджетах крайне недостаточны: он приводит 7 бюджетов немецких колонистов и только один бюджет русского крестьянина, причем все бюджеты относятся к крупным посевщикам (minimum—у русского—$39^1/_2$ дес. посева), т.-е. к такой группе, хозяйство которой можно достаточно ясно представить себе на основании имеющихся в земской

статистике данных. Выражая сожаление, что ему «не удалось собрать при поездке большее количество крестьянских бюджетов», Постников говорит, что «точное определение этих бюджетов — вообще дело нелегкое. Тавричане дают свои хозяйственные показания довольно открыто, но точных цифр своего дохода и расхода они большею частью и сами не знают. Еще более верно припоминают крестьяне общую цифру своего расхода, или крупнейшие приходы и расходы, но мелочные цифры почти всегда ускользают из их памяти» (с. 288). Лучше бы однако собрать несколько бюджетов, хотя и без мелочных подробностей, чем собирать, как это сделал автор, «до 90 описаний с оценкой» хозяйственной обстановки, которая достаточно выясняется земскими подворными переписями.

За отсутствием бюджетов в нашем распоряжении оказываются только двоякие данные для определения характера хозяйства рассматриваемой группы: во-первых, расчеты Постникова о количестве посева на двор, необходимом на прокормление средней семьи; во-вторых, данные о разделении посевной площади на 4 части, и о среднем количестве денежных расходов (на семью в год) у местных крестьян.

На основании подробных расчетов о количестве десятин посева, необходимом на продовольствие семьи, на посев и на корм скоту, Постников делает такой окончательный вывод:

«Крестьянская семья среднего состава и достатка, живущая исключительно земледелием и сводящая свой баланс без дефицита, при средних урожаях должна иметь в своей посевной площади — 4 дес. на продовольствие $6^1/_2$ душ семьи, $4^1/_2$ дес. для корма 3-х рабочих лошадей, $1^1/_2$ дес. для сбора посевных семян и 6 — 8 дес. для продажи зерна на рынок, всего 16 — 18 десятин посева. ...Средний тавричанин имеет около 18 дес. посева на двор, но $40^0/_0$ населения 3-х Таврич. уездов имеет посева у себя ниже 10 дес. на двор, и если оно все-таки занимается земледелием, то лишь потому, что часть своего дохода добывает сторонними заработками и отдачей своей земли в наймы. Хозяйственное положение этой части населения — ненормальное, шаткое, потому что в большинстве случаев она не может иметь у себя запасов на черный год» (с. 272).

Так как средний размер посева на двор в рассматриваемой группе — 8 дес., т.-е. менее половины необходимого (17 дес.), то мы вправе заключить, что крестьяне этой группы бóльшую часть дохода получают от «заработков», т.-е. от продажи своего труда.

Другой расчет: по вышеприведенным данным Постникова о распределении посевной площади, из 8 дес. посева — 0,48 дес. пойдет на семена; 3 дес. на корм скоту (в этой группе на двор приходится 2, а не 3 штуки рабочего скота); 3,576 дес. — на про-

довольствие семьи (состав ее тоже ниже среднего — ок. $5^1/_2$ душ, а не $6^1/_2$), так что на торговую площадь останется менее 1 дес. (0,944), доход с которой автор исчисляет в 30 руб. Но сумма необходимых денежных расходов для тавричанина гораздо выше. Собрать данные о количестве денежных расходов гораздо легче, чем о бюджетах, говорит автор, потому что крестьяне нередко сами производят расчеты на эту тему. По этим расчетам оказывается, что:

«Для семьи среднего состава, т.-е. состоящей из мужа-работника, жены и 4-х детей и подростков, если она ведет хозяйство на собственной земле, примерно 20 десятинах, не прибегая к аренде, сумма необходимых денежных расходов в году тавричанами определяется в 200 — 250 руб. Сумма в 150 — 180 руб. считается минимумом того денежного расхода, который должна иметь малая семья, если она при этом будет во всем ограничивать себя. Годовой доход ниже этой цифры считается уже невозможным, ибо работник с женою добывает в этой местности батрачеством, при готовом продовольствии и помещении, 120 руб. в год, причем не несет никаких расходов по содержанию скота, инвентаря и пр. и может еще получать «верхи» от земли, сдаваемой им в наймы своим односельцам» (с. 289). Так как рассматриваемая группа ниже средней, то мы возьмем минимальный, а не средний денежный расход и даже низшую цифру minimum'a, — 150 р., которые должны быть добыты «заработками». При этом расчете, собственное хозяйство дает крестьянину рассматриваемой группы (30 + 87,75 *) =) 117,5 руб., а продажа своего труда — 120 руб. Следовательно, опять-таки мы получаем, что самостоятельным земледельческим хозяйством крестьяне этой группы могут покрыть только *меньшую половину* своих минимальных расходов **).

---

*) $3^1/_2$ дес. пищевой площади дадут по 25 р. ценностей на 1 дес. (25 × 3,5 = 87,5) — расчет Постникова, с. 272.

**) Расчеты г. Южакова в «Русской Мысли» за 1885 г. № 9 («Нормы народного землевладения») вполне подтверждают такой вывод. Продовольственной, т.-е. низшей нормой надела на двор он считает для Таврич. губ. — 9 дес. посева. Но г. Южаков относит на счет надела *только* продовольствие *зерновыми* продуктами и налоги, полагая, что остальные расходы покрываются заработками. Бюджеты земской статистики доказывают, что расходы второго рода составляют бо́льшую половину всех расходов. Так, в Воронежской губернии средний расход крестьянской семьи — 495,39 руб., считая и натуральный и денежный расход. Из этой суммы — 109,10 идет на содержание скота [N.B. Южаков относит содержание скота на счет сенокосов и вспомогательных угодий, а не на счет пашни], 135,80 — на продовольствие растительной пищей и налоги, и 250,49 — на остальные расходы — одежду, инвентарь, аренду, разные хоз. нужды и проч. [24 бюджета в Сб. ст. св. по Острог. у.]. — В Московской губернии средний годовой расход семьи — 348,83 руб., из них 156,03 — продовольствие зерновыми продуктами и налоги, и 192,80 — на остальные расходы. [Среднее из 8 бюджетов, собранных московскими статистиками, — l. c.]

Таким образом рассмотрение характера хозяйства во всех подразделениях низшей группы приводит к тому несомненному выводу, что хотя большинство крестьян и имеет небольшие посевы, тем не менее преобладающим источником средств к жизни является у них продажа своей рабочей силы. Все крестьяне этой группы — более наемные рабочие, чем хозяева-земледельцы.

Постников не поставил этого вопроса о характере хозяйства крестьян низшей группы и не выяснил отношения заработков к своему хозяйству — это составляет крупный недостаток его труда. В силу этого осталось у него недостаточно выясненным то странное на первый взгляд явление, что крестьяне низшей группы, имея слишком мало своей земли, забрасывают ее, сдают в наймы; в силу этого остался несвязанным с общим характером хозяйства тот крупный факт, что количество средств производства (т.-е. земли и инвентаря) у крестьян низшей группы значительно ниже среднего. Так как среднее количество средств производства, как мы видели, обеспечивает как раз только удовлетворение необходимых потребностей семьи, то из указанной обделенности бедных крестьян с безусловной необходимостью следует для них — обязательность искать чужих средств производства для приложения своего труда, т.-е. продаваться. —

Переходим ко второй группе — *средней*, обнимающей тоже 40% населения. Сюда принадлежат хозяева с посевом от 10 до 25 дес. на двор. Термин «средней» является вполне применимым к этой группе, с тою впрочем оговоркой, что ее средства производства несколько (немногим) ниже средних: посев на двор — 16,4 дес. при среднем для всех крестьян — 17 дес. Скота — 7,3 штуки на двор при среднем — 7,6 штук (рабочего скота — 3,2 при среднем — 3,1). Всей пашни на двор 17 — 18 дес. (надельной, купчей и арендованной), при среднем — 20 — 21 дес. по уездам. Сравнение количества десятин посева на 1 двор с той нормой, которую дал Постников, показывает, что хозяйство на собственной земле дает этой группе в обрез столько, сколько необходимо на прокормление.

По всем этим данным можно бы, казалось, думать, что хозяйство крестьян этой группы окажется наиболее прочным: крестьянин покрывает им все свои расходы; он работает не ради получения дохода, а только для удовлетворения первых потребностей. На самом деле однако мы видим как раз обратное: хозяйство крестьян этой группы отличается весьма значительной непрочностью.

Прежде всего достаточным оказывается в этой группе средний размер посева — 16 дес. Следовательно, хозяева, имеющие от 10 до 16 дес. посева, не покрывают земледелием всех расходов и вынуждены тоже прибегать к заработкам. Из приведенного выше приблизительного расчета Постникова мы видим,

что в этой группе нанимается 2.846 рабочих, а отпускается 3.389, т.-е. больше па 543. Около половины хозяйств этой группы, след., обеспечены не вполне.

Далее, в этой группе приходится рабочего скота на двор— 3,2 штуки, между тем как на тягло требуется, как мы видели, 4 штуки. Следов., значительная часть хозяев этой группы не может обойтись своим скотом при обработке земли и должна прибегать к супряге. Число супряжников в этой группе также не менее $^1/_2$: так можно думать потому, что общее число тягловых хозяйств — ок. 40%, из которых 20% пополнят зажиточную высшую группу, а остальные 20% придутся на среднюю, так что не менее $^1/_2$ средней группы окажется не имеющей тягла. Точного числа супряжников в этой группе Постников не сообщает. Обращаясь к Сборникам земской статистики, находим след. данные (по двум уездам) *).

	Всего в группе с посевом 10—25 дес.		Из всего числа засеянных десятин обрабатывают: своим скотом		супрягою		наймом		другим способом	
	дворов	десят. посева	дворов	десят.	дворов	десят.	дворов	десят.	дворов	десят.
У. Мелитоп.	13.789	226.389,21	4.218	79.726,55	9.201	141.483,26	321	4.405,8	49	773,3
Днепр.	8.234	137.343,75	4.029	71.125,2	3.835	61.159,05	320	4.352,5	50	707,25

Таким образом, по обоим уездам в средней группе меньшинство дворов обрабатывает землю своим скотом: в Мелитопольском у. — менее $^1/_3$ дворов; в Днепровском уезде — менее $^1/_2$. След., число супряжников, взятое выше для всех 3-х уу. ($^1/_2$), скорее слишком низко, и никак не преувеличено. Конечно, невозможность обработать землю своим скотом уже достаточно характеризует непрочность хозяйства, но для иллюстрации приведем описание супряги, даваемое Постниковым, который уделяет, к сожалению, слишком мало внимания этому интересному и в экономическом и в бытовом отношениях явлению.

«У домохозяев, работающих супрягой—говорит Постников— норма рабочей площади ниже [чем у крестьян, работающих своим скотом] в силу того же правила механики, по которому 3 лошади, запряженные вместе, не оказывают тяги, в 3 раза большей противу одной лошади. Спрягающиеся между собою могут жить в разных концах села (спрягаются преимущественно родственники), затем число полевых участков у двух домохозяев (спрягаются также и 3 хозяина) вдвое более, чем у одного. Все это увеличивает расходы на переезды. [В примечании: «При разделе земель

*) Сб. ст. св. по Мелит. у. (Прил. к I т. Сборника по Тавр. губ.). Симф. 1885. Стр. Б 195. Сборн. стат. свед. по Днепр. у. (т. II Сб. по Тавр. г.). Симф. 1886. Стр. Б 123.

каждый двор получает в известном клину на свои души сплошной участок, и потому у малодушных участки меньше. Условия супряги в Таврич. губ. очень различны. Кто из супряжников имеет буккер, тому выорывается лишняя десятина, напр., одному 10, а другому — 11 дес., или на неимеющего буккера падают все расходы по починке его во время работ. Тоже при неравенстве в количестве спрягаемого скота: одному пашут лишний день и т. д. В с. Каменке владелец буккера получает деньгами от 3-х до 6 руб. за весну. Несогласия между супряжниками вообще очень часты».] Для того, чтобы наладить согласие, тратится также известное время, и случается, что до окончания работы согласие это расстраивается. В иных случаях у супряжников не достает лошадей для бороньбы, тогда их выпрягают из буккера: одни лошади едут за водою, другие боронят. В селе Юзкуях мне передавали, что супряжники часто буккеруют в день не более 1 дес., т. е. вдвое меньше противу нормы» (с. 233).

К недостаточности живого инвентаря присоединяется малочисленность мертвого. Из приведенной выше таблицы о количестве инвентаря, приходящегося на 1 двор в разных группах, видно, что в средней группе во всех уездах приходится не менее 1 штуки пахотного инвентаря на 1 двор. Но на самом деле распределение инвентаря даже в пределах группы не отличается равномерностью. Постников не дает, к сожалению, об этом данных, и нам приходится обратиться к сборникам земской статистики. В Днепр. у. 1.808 дворов из 8.227 совсем не имеют пахотных орудий; в Мелитопольском — 2.954 из 13.789; в 1-ом уезде % обделенных дворов = 21,9%; во 2-ом — 21,4%. Несомненно, что домохозяева, лишенные пахотных орудий, приближаются по своему экономическому положению к низшей группе, тогда как домохозяева, имеющие их более 1 штуки на двор, — к высшей. Число домохозяев, не имеющих плугов, еще больше: 32,5% в Днепровском у. и 65,5% в Мелитопольском. Наконец, машинами для уборки хлеба (имеющими очень важное значение в хозяйстве южно-русского крестьянина вследствие недостатка рабочих для ручной уборки и длинноземелья, растягивающего возовицу хлеба на целые месяцы) — хозяева этой группы обладают совершенно уже в ничтожном количестве: в Днепровском уезде на всю группу приходится 20 косилок и жаток (1 штука на 400 дворов); в Мелитопольском — 178½ (1 шт. на 700 дворов).

Общую систему хозяйства крестьян этой группы Постников рисует так:

«Домохозяева, имеющие у себя менее 4-х голов рабочего скота, обязательно спрягаются для обработки полей и посева. Домохозяева этого разряда имеют во дворе либо 2-х работников, либо одного. Уменьшение относительной рабочей способности таких хозяев следует уже в силу меньшего размера хозяйства.

супряги и более скудного инвентаря. Пахота производится супряжниками чаще малым, трехлемешным буккером, который работает медленнее. Если такие хозяева убирают хлеб машиною, нанимаемою у соседей, то они получают ее тогда, когда сосед успел уже скосить свой хлеб. При ручной уборке хлеба она долее тянется, в некоторых случаях требует найма поденных рабочих и дороже обходится. У хозяев одиноких всякое экстренное домашнее дело, или исполнение общественных обязанностей прерывает работу. Если домохозяин-одиночка едет на полевые работы в дальнее поле, где крестьяне часто проводят целую неделю, за раз оканчивая посев и оранку, то он должен чаще возвращаться домой в село, чтобы навестить оставшуюся семью» (с. 278). Таких одиноких домохозяев (имеющих одного работника) в рассматриваемой группе большинство, как видно из следующей таблицы, приводимой Постниковым и показывающей рабочий состав семей в разных посевных группах по всем 3-м уу. Таврической губернии (с. 143).

	На 100 дворов приходится:			
	без работника муж. пола	с 1 раб-ком	с 2 раб-ками	с 3 и более работн.
Не сеющие	19	67	11	3
Засев. до 5 дес.	9	77,6	11,7	1,7
» » 5—10 »	4,2	74,8	17,7	3,3
» » 10—25 »	1,7	59	29	10,3
» » 25—50 »	1,2	40	35,7	23,1
» более 50 »	0,9	25	34,3	39,8
Всего	4,3	60,6	24,6	10,5

Из этой таблицы видно, что в средней группе $^3/_5$ семей имеют по 1 работнику или вовсе без работника *).

Чтобы иллюстрировать отношение средней группы к высшей и вообще прочность ее хозяйства, приведем из Сборника статистических сведений по Днепровскому уезду данные о распределении между группами всей находящейся в распоряжении крестьян земельной площади и в частности площади под посевом **). Получаем след. таблицу:

*) В подтверждение своего положения о значительных преимуществах в хозяйстве, которыми пользуются домохозяева семьяные (т.-е. со многими работниками) над одиночками — Постников ссылается на известную книгу Трирогова: «Община и подать».

**) Данные относятся ко всему Днепр. у., включая селения, не причисленные к волостям.—Данные графы: «все землепользование» вычислены мною — сложено количество земли надельной, арендованной и купчей и вычтена земля, сданная в аренду. — Днепровский у. взят потому, что он почти сплошь русский. —

Группы крестьян	Состав группы % дворов	Надельной пашни		Купчей земли		Арендованной земли		Сданной в аренду земли	Все землепользование группы		Посевная площадь	
		десятин	%	дес.	%	дес.	%		дес.	%	дес.	%
Бедная группа.	39,9	56.444,95	25.5	2.003,25	6	7.838,75	6	21.551,25	44.735,7	12,4	38.439,25	11
Средняя	41,7	102.793,7	46,5	5.376	16	48.397,75	35	8.311	148.256,45	41,2	137.343,75	43
Зажиточная.	18,4	61.844,25	28	26.530,75	78	81.645,95	51	3.039,25	116.981,7	46,4	150.614,45	46
Всего	100	221.082,9	100	33.910	100	137.842,45	100	32,901,5	359.973,85	100	326.397,44	100

Из этой таблицы видно, что по количеству надельной пашни средняя группа стояла впереди всех: в ее руках было 46,5% земли. Недостаточность надельной земли вынудила крестьян прибегнуть к аренде, благодаря которой площадь крестьянского землепользования возросла в общем более чем в полтора раза. Количество земли у средней группы *абсолютно* тоже возросло, но *относительно* уменьшилось: у нее стало только 41,2% всей земельной площади и 43% посева; первое место заняла высшая группа. След., не только низшая группа, но и средняя испытывает прямое давление со стороны высшей, отбивающей у них землю.

Все вышеизложенное дает нам право следующим образом характеризовать экономическое положение средней группы. Сюда относятся хозяева-земледельцы, живущие исключительно доходом от своего собственного посева; размер последнего почти равен среднему посеву местного крестьянства (или несколько ниже) и покрывает в обрез необходимые потребности семьи. Но недостаток живого и мертвого инвентаря и неравномерное его распределение делают хозяйство крестьян этой группы непрочным, шатким, особенно в виду угрожающей тенденции высшей группы к вытеснению низшей и средней. —

Обращаемся к последней — высшей группе, обнимающей зажиточное крестьянство. Сюда относится в Таврич. уу. — $^1/_5$ населения с посевом свыше 25 д. на двор. Насколько действительно богаче других эта группа и рабочим скотом и инвентарем и надельной и др. землею — об этом приведено было достаточно данных выше. Чтобы показать, насколько именно состоятельнее крестьяне этой группы, чем средние крестьяне, приведем еще только данные о посеве: в Днепровском у. в зажиточной группе приходится 41,3 дес. посева на двор, а в среднем по уезду — 17,8 дес., т.-е.

менее в два с лишним раза. Вообще эта сторона дела, бо́льшая зажиточность многосеющих крестьян, выяснена Постниковым с достаточной полнотою, но он почти совсем не обратил внимания на другой, гораздо более важный вопрос: какое значение имеет хозяйство этой группы в общем сельско-хозяйственном производстве района и какою ценою (для других групп) покупается успех высшей.

Дело в том, что численно группа эта очень мала: в самой зажиточной области юга, в губ. Таврической, всего только 20% населения. Можно бы думать поэтому, что значение ее в хозяйстве всей местности не велико *). Но на деле мы видим как раз обратное: в общем производстве сельско-хозяйственных продуктов это зажиточное меньшинство играет преобладающую роль. В 3-х Таврич. уездах — из всей посевной площади — 1.439.267 дес.— в руках зажиточного крестьянства находится 724.678. дес., т.-е. более половины. Разумеется, цифры эти далеко не точно выражают преобладание высшей группы, так как урожаи у зажиточных крестьян гораздо выше, чем у бедных и средних, не ведущих, по вышеприведенной характеристике Постникова, никакого правильного хозяйства.

Таким образом производят хлеб главным образом крестьяне высшей группы, и потому (что̀ особенно важно и что̀ особенно часто игнорируется) всевозможные характеристики сельского хозяйства, отзыв об агрикультурных улучшениях и т. п. относятся преимущественно и более всего (иногда даже исключительно) к состоятельному меньшинству. Возьмем, напр., данные о распространении улучшенных орудий.

Постников сообщает об инвентаре таврического крестьянина следующее:

«Крестьянский инвентарь за небольшим исключением тот же, что̀ и у немцев-колонистов, но менее разнообразен, отчасти хуже качеством и потому дешевле. Исключением является юго-западная, редко и мало-населенная часть Днепровского уезда, сохраняющая пока первобытный малороссийский инвентарь с тяжелым деревянным плугом и деревянным ралом при железных зубьях. В остальном районе Таврических уездов у крестьян плуги употребляются повсеместно улучшенные, железные. На-ряду с плугом занимает первостепенное место в обработке почвы и буккер, который во многих случаях является даже единственным пахотным орудием у крестьян. Но чаще буккер употребляется на-ряду с плугом... Боронами служат повсеместно деревянные бороны с железными зубьями, которые бывают 2-х родов: двуконные бороны, захваты-

*) В такую ошибку впадает, напр., г. Слонимский, который в статье о книге Постникова говорит: «Зажиточная группа крестьян теряется в массе бедноты и в иных местах как будто совершенно отсутствует» («В. Е.» 1893 г., № 3, стр. 307).

вающие полосу в 10 фут. ширины, и одноконные, имеющие в ширину около сажня... Буккер является в виде 3-х, 4-х и 5-ти лемешного орудия... К буккеру очень часто прикрепляют впереди небольшую сеялку, действующую в связи с ходовым колесом буккера. Она производит посев одновременно с заделкою его буккером. Из прочих орудий по обработке почвы у крестьян встречается еще, хотя не часто, деревянный каток, служащий для укатывания полей после посева. Жатвенные машины в особенности распространялись у крестьян в последнее 10-тилетие. В зажиточных селах, по словам крестьян, их имеет у себя почти $1/2$ дворов... Косилки у крестьян встречаются гораздо реже, чем жнейки... Точно так же мало распространены у крестьян конные грабли и молотилки. Употребление веялок повсеместное... Для перевозки служат исключительно немецкие брички и мажары, приготовляемые теперь во многих русских селениях... Для молотьбы повсеместно служат каменные зубчатые катки большей или меньшей длины» (с. 213—215).

Чтобы узнать, как распределяется этот инвентарь, приходится обратиться к земским статистическим сборникам, хотя и в них данные не полны: таврические статистики регистрировали только плуги и буккеры, жнейки и косилки и делижаны (т.-е. брички или мажары). Сводя вместе данные по Мелитопольскому и Днепровскому уездам, получаем, что из всего числа плугов и скоропашек (46.522) в руках высшей группы находится — 19.987, т.-е. 47,2%; бричек — 23.747 из 59.478, т.-е. 39,9%; наконец, жнеек и косилок — 2.841 из 3.061, т.-е. 92,8%.

Выше были приведены данные, показывающие, что производительность труда в высших группах крестьянства значительно выше, чем в низших и средних. Посмотрим теперь, какими особенностями техники обусловлена такая особенность хозяйства у крупных посевщиков.

«Размер землевладения и землепользования у крестьян — говорит Постников — определяет собой в значительной мере также систему и характер земледелия. Эта зависимость между тем и другим, к сожалению, до сих пор мало изучалась у нас исследователями крестьянского сельского хозяйства, для которых последнее нередко еще представляется однородным во всех слоях сельского населения. Оставляя в стороне систему земледелия, постараюсь вкратце резюмировать эти особенности в технике хозяйства отдельных групп крестьян, насколько они выяснились для меня из поездок в Таврических уездах.

«Домохозяева, работающие собственным скотом, обходящиеся без супряги, держат в хозяйстве 4 — 5 — 6 и более голов рабочего скота *), и хозяйственное положение их при этом представляет

*) Крестьяне зажиточной группы имеют 6 — 10 штук рабочего скота на двор (см. выше).

много различия. Четырехлемешный буккер требует запряжки 4-х голов скота, для пятилемешного нужно уже 5 голов. За вспашкой следует боронование, и если хозяин не имеет лишней лошади, то он должен бороновать поле не следом, а по окончании вспашки, т.-е. закрывать семена уже несколько просохшей землей, что для прорастания их является условием неблагоприятным. Если пахота идет на дальнем расстоянии от села и требует подвоза воды и корма, отсутствие лишней лошади также прерывает работу. Во всех этих случаях, при отсутствии полного комплекта рабочего скота, происходит потеря времени, запаздывание посевов. При большем количестве рабочего скота и работе многолемешным буккером крестьяне производят свои посевы скорее, лучше пользуются благоприятной погодой, заделывают семена более влажной землей. Преимущества техники весеннего посева остаются таким образом за хозяином «полным», имеющим во дворе 6, а еще лучше 7 штук рабочего скота. При 7 лошадях одновременно могут работать 5-тилемешный буккер и 2 бороны. У такого хозяина—говорят крестьяне—«нет остановки в работах».

«Еще важнее является различие в положении этих хозяев в период, следующий за жатвой хлеба, когда в местном хозяйстве, в случае хорошего урожая, требуется наибольшее напряжение рабочих сил. У хозяина с 6 головами рабочего скота одновременно с возкою хлеба производится и молотьба его, хлеб в скирды не складывается, чем, конечно, сберегается время и рабочая сила» (с. 277).

Для окончательной обрисовки характера хозяйства у этих крупных посевщиков следует еще заметить, что посев является в этой группе земледельцев — «коммерческим» предприятием, по замечанию Постникова. Вышеприведенные данные о размере торговой площади вполне подтверждают характеристику автора, так как бо́льшая часть посевной площади дает продукт, идущий на рынок, именно 52% всей площади в хозяйствах с посевом от 25 до 50 дес. и 61% — в хозяйствах с посевом выше 50 дес. О том же свидетельствует количество получаемого денежного дохода: даже minimum этого дохода для зажиточной группы — 574 р. на двор — более чем вдвое превышает сумму необходимого денежного расхода (200—250 р.), составляя так. обр. излишек, который накопляется и служит к расширению хозяйства и улучшению его. «У наиболее зажиточных крестьян, с посевом более 50 дес. на двор», даже «одна из отраслей скотоводства — выращивание грубошерстных овец — принимает уже рыночный характер», как сообщает Постников (с. 188).

Перейдем теперь к другому вопросу, тоже недостаточно разработанному (даже почти не затронутому) Постниковым: как отражаются хозяйственные успехи меньшинства крестьян на массе? Несомненно, совершенно отрицательно: вышеприведен-

ные данные (особенно об аренде) дают достаточные доказательства этого, так что здесь можно ограничиться только подведением итогов. По всем 3-м уездам Таврич. губ. арендуется крестьянами всего 476.334 дес. земли (вненадельной и надельной), из которых зажиточная группа берет 298.727 дес., т.-е. более $^3/_5$ (63%). На долю бедной группы достается только 6%, и средней — 31%. Если принять во внимание, что в аренде нуждаются более всего — если не исключительно — 2 низшие группы (вышеприведенные данные о распределении между группами крестьян земельной площади Днепровского уезда показывают, что в высшей группе одной надельной пашни почти достаточно для «нормальных» размеров посева), то будет понятно, какое громадное стеснение в земле должны они испытывать благодаря коммерческому расширению запашек зажиточных крестьян *).

Совершенно такие же выводы дает и распределение аренды надельных земель, данные о котором приведены выше. Чтобы показать, какое значение имеет для крестьян разных групп аренда наделов, приведем описание этого явления из IV главы сочинения Постникова.

«Надельная земля — говорит он — служит в настоящее время предметом обширной спекуляции в южно-русском крестьянском быту. Под землю получаются займы с выдачею векселей, весьма распространенных здесь между таврическими крестьянами, причем доход от земли остается в пользу ссудившего деньги впредь до уплаты долга, земля сдается или продается на год, два и более долгие сроки, 8, 9 и 11 лет, и такие сдачи наделов формально свидетельствуются в волостных и сельских правлениях. По воскресным и праздничным дням мне случалось видеть в больших селах пред зданием сельских правлений целые толпы оживленного народа. На вопрос о причинах сбора мне отвечали, что это идет угощение и продажа наделов, свидетельствуемая в книгах сельскими властями... Запродажа наделов в чужое пользование практикуется как в тех селениях, где существует раскладка земли по ревизским душам и никаких коренных переделов земли не происходит, так и в селах с раскладкой земли по наличным душам и коренными переделами, только в последних срок запродажи обыкновенно короче и рассчитан на срок передела земли, который в последнее время здесь большею частью заранее определяется в мирском приговоре о переделе. В настоящее время эта запродажа надельной земли в южно-русских селениях сосредоточивает в себе самые жизненные интересы мест-

*) «Немец давит местного крестьянина... тем, что лишает его соседней земли, которую он мог бы арендовать или купить» (с. 292) — говорит Постников. Очевидно, что в этом отношении русский зажиточный крестьянин ближе к немцу-колонисту, чем к своему бедному соотечественнику.

ного зажиточного крестьянства, столь многочисленного здесь, особенно в Таврических уездах. Она составляет, между прочим, одно из главных условий для широкой распашки земель, практикуемой здесь зажиточными тавричанами и доставляющей им большие экономические выгоды. Поэтому-то зажиточные крестьяне в настоящее время и относятся чувствительно ко всяким изменениям в их быте, которые могли бы лишить их этой, в большинстве случаев дешевой, аренды земель, и притом земель, находящихся вблизи» (с. 140). Далее рассказывается, как Мелитопольское Уездное по крестьянским делам Присутствие потребовало, чтобы каждый отдельный случай сдачи наделов происходил с согласия сельского схода, как стеснены были крестьяне этим распоряжением и как «последствием его явилось пока лишь то, что договорные книги о землях исчезли из расправ, хотя в качестве неофициальных книг они, вероятно, ведутся еще» (с. 140).

Несмотря на арендование громадных количеств земли, зажиточные крестьяне являются и почти единственными покупщиками земель: в Днепровском у. — в их руках 78% всей купчей земли, в Мелитопольском — 42.737 дес., из всего числа 48.099 дес., т.-е. 88%.

Наконец, этот же разряд крестьян исключительно пользуется и кредитом: в добавление к вышеприведенной заметке автора о сельских кассах на юге, приведем следующую характеристику их:

«Те сельские кассы и ссудосберегательные товарищества, которые теперь распространены у нас местами — напр., они очень многочисленны в таврических селениях — оказывают свою помощь главным образом зажиточным крестьянам. Помощь их, можно думать, существенная. Мне не раз приходилось слышать от таврических крестьян, где действуют эти товарищества, такие речи: «слава богу, теперь мы освободились от жидов», но говорят это крестьяне с достатком. Крестьяне маломощные поручителей за себя не находят и ссудами не пользуются» (с. 368). Такая монополизация кредита не представляет из себя ничего неожиданного: кредитная сделка есть не что иное, как купля-продажа с отсроченным платежом *). Очень естественно, что произвести платеж может только тот, кто имеет средства, а таковыми среди южнорусских крестьян обладает только зажиточное меньшинство.

Для полной обрисовки характера хозяйства этой группы, превосходящей по результатам своей производительной деятельности все другие группы, вместе взятые, остается только напо-

---

*) В первоначальной рукописи здесь имеется зачеркнутая фраза, взятая в квадратные скобки: «[*Зибер*, (Эконом. теория и т. д.) в Знании]». *Ред.*

мнить, что она «в значительной мере» пользуется наемным трудом, поставщиком которого вынуждены являться представители низшей группы. Необходимо заметить по этому поводу, что точный учет наемного труда в сельско-хозяйственном производстве представляет из себя громадные трудности, которых, кажется, еще не поборола наша земская статистика. Так как земледелие требует не постоянного и равномерного труда в течение целого года, а лишь усиленного труда в известный период времени, то регистрирование одних только постоянных наемных рабочих далеко не выразит степени эксплуатации наемного труда, а подсчет рабочих временных (часто издельных) крайне труден. Рассчитывая приблизительно число наемных рабочих в каждой группе, Постников принимал за рабочую норму в зажиточной группе — 15 дес. посева на 1 работника *). Из главы VII его сочинения, где автор подробно рассматривает, каков в действительности размер рабочей площади, видно, что подобная норма достигается лишь при машинной уборке хлеба. Между тем даже в зажиточной группе количество жаток не велико: напр., в Днепровском уезде около 1 штуки на 10 дворов, так что даже принимая во внимание заявление автора, что хозяева машин по окончании своей уборки отдают их в наймы, все-таки окажется, что бо́льшая часть крестьян должна обходиться без машин и, след., нанимать поденных рабочих. Пользование наемным трудом в высшей группе должно быть поэтому в бо́льших размерах, чем исчисляет автор, так что высокий денежный доход, получаемый крестьянами этой группы, представляет из себя в значительной степени (если не целиком) доход от *капитала* в том специфическом значении этого термина, которое придает ему научная политическая экономия.

Резюмируя сказанное о 3-ей группе, получаем следующую характеристику ее: зажиточное крестьянство, у которого средства производства значительно выше среднего и труд в силу этого отличается большей продуктивностью, является главным, преобладающим над остальными группами, производителем сельско-хозяйственных продуктов во всем районе; по характеру своему, хозяйство этой группы — коммерческое, основанное в весьма значительной степени на эксплуатации наемного труда.

Произведенный краткий обзор политико-экономических различий в хозяйстве 3-х групп местного населения был основан на систематизации имеющегося в книге Постникова материала о южно-русском крестьянском хозяйстве. Обзор этот доказывает, мне кажется, что изучение крестьянского хозяйства (с поли-

*) На 1,8 — 2,3 работника это составит 27 — 34,5 дес., а крестьяне зажиточной группы сеют 34,5 — 75 дес. След., общая характеристика этой группы — та, что размеры ее хозяйства много выше рабочей нормы семьи.

тико-экономической стороны) совершенно невозможно без разделения крестьян на группы. Постников, как выше уже было отмечено, признает это, и даже бросает земской статистике упрек, что она не делает этого, что ее комбинации при всем обилии цифр «неясны», что «за деревьями она не видит леса» (с. XII). Делать подобный упрек земской статистике Постников едва ли вправе, потому что он сам не провел систематически разделения крестьян на «ясные» группы, но правильность его требования не подлежит сомнению. Раз признано, что между отдельными хозяйствами замечаются различия не только количественные, а и качественные *), является уже безусловно необходимым разделять крестьян на группы, отличающиеся не «достатком», а общественно-экономическим характером хозяйства. Позволительно надеяться, что земская статистика не замедлит сделать это.

V.

Не ограничиваясь констатированием экономической розни в крестьянстве, Постников указывает на усиление этого явления:

«Разнообразие в крестьянском достатке по группам существует у нас повсеместно — говорит он — и существовало исстари, но в последние десятилетия эта дифференциация крестьянского населения стала проявляться очень резко и, повидимому, прогрессивно возрастает» (с. 130). Тяжелые хозяйственные условия 1891 года должны были дать, по мнению автора, новый толчек этому процессу.

Спрашивается, какие же причины этого явления, имеющего такое громадное влияние на все крестьянское население?

«Таврическая губерния — говорит Постников — представляется одною из наиболее многоземельных в Европейской России, с наибольшим наделением крестьян землею, в ней повсеместно существует общинное землевладение, с более или менее равномерным распределением земли по душам, и земледелие составляет почти исключительное занятие сельского населения, и однако же здесь подворная перепись показывает 15% сельского населения, которое не имеет у себя никакого рабочего скота, и около $^1/_3$ населения, не имеющего достаточного инвентаря для обработки своей надельной земли» (с. 106). «Отчего зависит — спрашивает автор — такое широкое разнообразие в группах и, в частности, чем определяется при исключительно земледельческом хозяйстве такой высокий процент домохозяев без

*) Характер хозяйства — самопотребительский, коммерческий; характер эксплуатации труда — продажа своей рабочей силы, как главный источник средств к жизни, и покупка рабочей силы, как необходимое следствие расширения посевов за пределы рабочей способности семьи.

посева и без рабочего скота, какой существует теперь в описываемом районе?» (с. 130).

Отправляясь на розыски причин этого явления, Постников (к счастью, не на долго) совершенно сбивается с пути и принимается рассуждать о «шалтайстве», «пьянстве», даже пожарах и конокрадстве. Вывод все-таки получается тот, что не в таких причинах «заключается наиболее существенная сторона дела». Сиротство семей, т.-е. неимение взрослых работников, точно также ничего не объясняет: из всего числа бесхозяйственных дворов в Таврич. уу. (т.-е. не имеющих посева) сиротские семьи составляют только 18%.

«Главные причины бесхозяйности — заключает автор — должны быть отыскиваемы в других факторах экономического быта крестьян» (с. 134). Именно, Постников полагает, что «В числе указанных причин, служащих к упадку крестьянского хозяйства у отдельных домохозяев, та, которую можно считать наиболее коренной и которая, к сожалению, до сих пор мало выяснена нашей земской статистикой, заключается в *измельчании наделов* и в ограниченности размеров крестьянского землепользования, в уменьшении среднего размера крестьянского хозяйства» (с. 141). «Коренная причина экономической бедности России — говорит автор — есть малый размер крестьянского землевладения и хозяйства, не позволяющий утилизировать всю рабочую способность крестьянской семьи» (с. 341).

Чтобы пояснить это положение Постникова, — выраженное до крайности неточно, ибо автор сам установил, что средний размер крестьянского хозяйства (17—18 дес. посева) достаточен для безбедного существования семьи и что общая, огульная характеристика всего крестьянства в отношении размеров хозяйства невозможна — надо напомнить, что выше он установил общий закон о повышении производительности крестьянского труда по мере увеличения размеров хозяйства. Полная утилизация рабочих сил семьи (и рабочего скота) достигается, по его расчету, только в высших группах: напр., в Таврических уездах только у зажиточных крестьян; громадное большинство населения «ковыряет землю непроизводительно» (с. 340), растрачивая даром массу сил.

Несмотря на то, что автором вполне доказана зависимость продуктивности труда от размеров хозяйства и крайне низкая производительность в низших группах крестьян, — видеть в этом законе (Постников называет его перенаселенностью земледелия в России, пресыщенностью земледелия трудом) причину разложения крестьянства не доводится: вопрос ведь в том именно, почему распалось крестьянство на столь различные группы, а перенаселенность земледелия уже предполагает такое распадение; самое понятие о ней автор составил, сличая хозяйства

мелкие и крупные и их доходность. Поэтому отвечать на вопрос: «отчего зависит широкое разнообразие в группах?» указанием на перенаселенность земледелия нельзя. Это сознает, повидимому, и Постников, но только он не поставил себе определенно задачи — исследовать причины явления, так что его замечания грешат некоторой отрывочностью: рядом с недоговоренными, неточными положениями стоят и верные мысли. Так, напр., он говорит:

«Нельзя ожидать, чтобы ожесточенная борьба, происходящая теперь в сельской жизни на почве землевладения, способствовала в будущем развитию в населении начал общинности и согласия. И борьба эта не есть временная, вызываемая случайными условиями... Она представляется нам не борьбою общинных традиций и развивающегося в сельской жизни индивидуализма, а простою борьбою экономических интересов, которая должна окончиться роковым исходом для одной части населения, в силу существующего малоземелья» (с. XXXII).

«Истина довольно ясная — говорит Постников в другом месте — что при малоземельи и малом размере хозяйства, при отсутствии достаточных промыслов не может быть достатка в крестьянстве, и все слабое в хозяйственном смысле так или иначе, рано или поздно, должно быть выброшено из крестьянского земледелия» (с. 368).

Эти замечания содержат в себе гораздо более верный ответ на вопрос, притом такой ответ, который гармонирует вполне с вышеустановленным явлением дифференциации населения. Ответ таков: появление массы бесхозяйных дворов и увеличение числа их определяется борьбою экономических интересов в крестьянстве. На какой почве ведется эта борьба и какими средствами? Что касается до средств, то таковыми является не только и даже не столько перебой земли (как можно бы подумать из приведенных сейчас замечаний Постникова), сколько уменьшение издержек производства, идущее вслед за увеличением размера хозяйства, — о чем было достаточно говорено выше. Что же касается почвы, на которой возникает борьба, то на нее указывает достаточно ясно следующее замечание Постникова:

«Есть известный minimum хозяйственной площади, ниже которого крестьянское хозяйство не может опускаться, потому что оно становится тогда невыгодным или даже невозможным. Для прокормления семьи и скота (?) в хозяйстве нужна известная пищевая площадь; в хозяйстве, у которого нет сторонних промыслов, или они малые, нужна еще и некоторая рыночная площадь для сбыта ее продуктов, чтобы дать крестьянской семье денежные средства на уплату податей, обзаведение одеждою и обувью, на необходимые для хозяйства расходы в орудиях, постройке и проч. Если размер крестьянского хозяйства опу-

скается ниже этого минимума, оно становится невозможным. В таком случае крестьянин найдет больше выгод бросить хозяйство и стать в положение батрака, расходы которого ограниченнее, а потребности могут быть удовлетворены полнее и при меньшем валовом доходе» (с. 141).

Если, с одной стороны, крестьянин находит выгодным расширять свои посевы далеко за пределы собственной потребности в хлебе, то это происходит потому, что он может продать свой продукт. Если, с другой стороны, крестьянин находит выгодным бросить хозяйство и итти в батраки, то это происходит потому, что удовлетворение большей части его потребностей требует денежных расходов, т.-е. продаж *); а так как, продавая продукты своего хозяйства, он встречает на рынке соперника, борьба с которым ему непосильна, то ему только уже и остается — продавать свою рабочую силу. Одним словом, почвой, на которой вырастают вышеописанные явления, является производство продукта на продажу. Основная причина возникновения в крестьянстве борьбы экономических интересов — существование таких порядков, при которых регулятором общественного производства является рынок.

Покончив с описанием «новых хозяйственных движений в крестьянской жизни» и с попыткой их объяснения, Постников переходит к изложению практических мероприятий, долженствующих разрешить «аграрный вопрос». Мы не последуем за автором в эту область, во-первых, потому, что это не входит в план предлагаемой статьи; во-вторых, потому, что эта часть сочинения Постникова — самая слабая. Последнее будет вполне понятно, если припомнить, что более всего противоречий и недомолвок встречалось у автора именно тогда, когда он пытался объяснить хозяйственные процессы, а без полного и точного объяснения их не может быть и речи об указании каких-нибудь практических мероприятий.

---

*) Ср. вышеприведенные данные о пищевой и торговой площади посева (только с этих площадей доход идет на покрытие нужд земледельца, а не земледелия, т.-е. представляет доход в собственном смысле, а не издержки производства), а также данные о среднем денежном расходе тавричанина в связи с количеством идущего на продовольствие хлеба (2 четв. на душу об. п.).

ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА» И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?

(ОТВЕТ НА СТАТЬИ «РУССКОГО БОГАТСТВА» ПРОТИВ МАРКСИСТОВ)

Написано в 1894 г. [3].
Впервые напечатано в 1894 г.

Печатается с гектографированного издания 1894 г.

ВЫПУСК I

№ 5.

X468

136
2

21

Что такое ,,друзья народа"

и

какъ они воюютъ противъ соцiалъ-демократовъ.

(Отвѣтъ на статьи
РУССКАГО БОГАТСТВА
противъ марксистовъ.)

Іюль 1894.

Обложка 2-го гектографированного издания I выпуска «Что такое «друзья народа»?» 1894 г.
Уменьшено.

«Русское Богатство» [4]) открыло поход против социал-демократов. Еще в № 10 за прошлый год один из главарей этого журнала, г-н Н. Михайловский, объявил о предстоящей «полемике» против «наших так называемых марксистов или социал-демократов» [5]). Затем появились статьи г-на С. Кривенко: «По поводу культурных одиночек» (№ 12) и г. Н. Михайловского: «Литература и жизнь» (№№ 1 и 2 «Р. Б.» за 1894 г.) [6]). Что касается до собственных воззрений журнала на нашу экономическую действительность, то они всего полнее были изложены г. С. Южаковым в статье: «Вопросы экономического развития России» (в №№ 10 и 12). Претендуя вообще в своем журнале представлять идеи и тактику истинных «друзей народа», эти господа являются отъявленными врагами социал-демократии. Попробуем же присмотреться к этим «друзьям народа», к их критике марксизма, к их идеям, к их тактике.

Г-н Н. Михайловский обращает более всего внимания на теоретические основания марксизма и потому специально останавливается на разборе материалистического понимания истории. Изложивши, в общих чертах, содержание обширной марксистской литературы, излагающей эту доктрину, г-н Михайловский открывает свою критику такой тирадой:

«Прежде всего — говорит он — является сам собою вопрос: в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории? В «Капитале» он дал нам образчик соединения логической силы с эрудицией, с кропотливым исследованием как всей экономической литературы, так и соответствующих фактов. Он вывел на белый свет давно забытых или никому ныне неизвестных теоретиков экономической науки и не оставил без внимания мельчайших подробностей в каких-нибудь отчетах фабр. инспекторов или показаниях экспертов в разных специальных комиссиях; словом, перерыл подавляющую массу фактического материала частию для обоснования, частию для иллюстрации своих экономических теорий. Если он создал «совершенно новое» понимание исторического процесса, объяснил все прошедшее человечества с новой точки зрения и подвел итог всем

доселе существовавшим философско-историческим теориям, то сделал это, конечно, с таким же тщанием: действительно пересмотрел и подверг критическому анализу все известные теории исторического процесса, поработал над массою фактов всемирной истории. Сравнение с Дарвином, столь обычное в марксистской литературе, еще более утверждает в этой мысли. Что такое вся работа Дарвина? Несколько обобщающих, теснейшим образом между собой связанных идей, венчающих целый Мон-Блан фактического материала. Где же соответственная работа Маркса? Ее нет. И не только нет такой работы Маркса, но ее нет и во всей марксистской литературе, несмотря на всю ее количественную обширность и распространенность».

Вся эта тирада в высшей степени характерна для уразумения того, как мало понимают «Капитал» и Маркса в публике. Подавленные громадной доказательностью изложения, они расшаркиваются перед Марксом, хвалят его, и в то же время совершенно упускают из виду основное содержание доктрины и, как ни в чем не бывало, продолжают старые песенки «субъективной социологии». Нельзя не вспомнить по этому поводу очень верного эпиграфа, выбранного Каутским в его книге об экономическом учении Маркса:

Wer wird nicht einen Klopstock loben?
Doch wird ihn jeder lesen? Nein.
Wir wollen weniger erhoben
Und fleissiger gelesen sein! *)

Именно так! Г. Михайловскому следовало бы поменьше хвалить Маркса да поприлежнее читать его, или, лучше, посерьезнее вдумываться в то, что он читает.

«В «Капитале» Маркс дал нам образчик соединения логической силы с эрудицией» — говорит г-н Михайловский. Г. Михайловский в этой фразе дал нам образчик соединения блестящей фразы с пустотой содержания, — заметил один марксист. И замечание это совершенно справедливо. В самом деле, в чем же проявилась эта логическая сила Маркса? Какие дала она результаты? Читая приводимую тираду г-на Михайловского, можно подумать, что вся эта сила направлена была на «экономические теории» в самом тесном значении слова, — и только. И — чтобы оттенить сильнее узкие пределы поля, на котором проявлял Маркс свою логическую силу, г. Михайловский напирает на «мельчайшие подробности, на кропотливость, на никому неизвестных теоретиков» и т. п. Выходит так, как будто ничего существенно нового, достойного упоминания, Маркс не внес в приемы построе-

*) Кто не хвалит Клопштока? Но станет ли его каждый читать? Нет. Мы хотим, чтобы нас меньше почитали, но зато прилежнее читали (Лессинг). *Ред.*

ния этих теорий, как будто он оставил пределы экономической науки такими же, какими они были у прежних экономистов, не расширив их, не внеся «совершенно нового» понимания самой этой науки. А между тем всякий читавший «Капитал» знает, что это — сплошная неправда. Нельзя не вспомнить по этому поводу того, что писал о Марксе г-н Михайловский 16 лет тому назад, полемизируя с мелко-буржуазным г. Ю. Жуковским [7]). Времена, что ли, тогда были другие, чувства, что ли, посвежее, но только и тон и содержание статьи г-на Михайловского были совсем не те.

— «Конечная цель этого сочинения — показать закон развития (в подлиннике: Das oekonomische Bewegungsgesetz — экономический закон движения) современного общества» — говорит К. Маркс о своем «Капитале» и строго выдерживает свою программу», — так отзывался г. Михайловский в 1877 г. Посмотрим же поближе на эту, строго — по признанию критика — выдержанную программу. Она состоит в том, чтобы «показать экономический закон развития современного общества».

Самая уже эта формулировка ставит нас лицом к лицу с несколькими вопросами, требующими разъяснения. Почему это говорит Маркс о «современном (modern)» обществе, когда все экономисты до него толковали об обществе вообще? В каком смысле употребляет он слово «современный», по каким признакам выделяет особо это современное общество? И далее — что это значит: экономический закон движения общества? Мы привыкли слышать от экономистов — и это, между прочим, одна из любимых идей у публицистов и экономистов той среды, к которой принадлежит «Р. Б—во» — что только производство ценностей подчинено одним лишь экономическим законам, тогда как распределение, дескать, зависит от политики, от того, в чем будет состоять воздействие на общество со стороны власти, интеллигенции и т. п. В каком же это смысле говорит Маркс об экономическом законе движения общества и еще рядом называет этот закон Naturgesetz — законом природы? Как понимать это, когда столь многие отечественные социологи исписали груды бумаги о том, что область общественных явлений выделяется особо из области естественно-исторических явлений, что поэтому и для исследования первых следует прилагать совсем особый «субъективный метод в социологии»?

Все эти недоумения возникают естественно и необходимо, и, конечно, только полное невежество может обходить их, говоря о «Капитале». Чтобы разобраться в этих вопросах, приведем предварительно еще одно место из того же предисловия к «Капиталу», — всего несколькими строками ниже:

«Моя точка зрения состоит в том — говорит Маркс — что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс».

Достаточно простого сопоставления хотя бы приведенных только двух мест из предисловия, чтобы видеть, что именно тут заключается основная идея «Капитала», проводится, как мы слышали, строго выдержанно и с редкой логической силой. Отметим прежде всего два обстоятельства по поводу всего этого: Маркс говорит только об одной «общественно-экономической формации», о капиталистической, т.-е. говорит, что исследовал закон развития только этой формации и никакой другой. Это во-первых. А во-2-х, отметим приемы выработки Марксом его выводов: эти приемы состояли, как мы сейчас слышали от г. Михайловского, в «кропотливом исследовании соответствующих фактов».

Теперь перейдем к разбору этой основной идеи «Капитала», которую так ловко попытался обойти наш субъективный философ. В чем собственно состоит понятие экономической общественной формации? и каким образом развитие такой формации можно и должно считать естественно-историческим процессом? — вот вопросы, стоящие теперь перед нами. Я уже указывал, что с точки зрения старых (не для России) экономистов и социологов понятие общественно-экономической формации совершенно лишнее: они толкуют об обществе вообще, спорят с Спенсерами о том, что такое общество вообще, какова цель и сущность общества вообще и т. п. В таких рассуждениях эти субъективные социологи опираются на аргументы в роде тех, что цель общества — выгоды всех его членов, что поэтому справедливость требует такой-то организации, и что несоответствующие этой идеальной («Социология должна начать с некоторой утопии» — эти слова одного из авторов субъективного метода, г. Михайловского, прекрасно характеризуют сущность их приемов) организации порядки являются ненормальными и подлежащими устранению. «Существенная задача социологии — рассуждает, напр., г. Михайловский — состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение». Вы видите, этого социолога интересует только такое общество, которое удовлетворяет человеческой природе, а совсем не какие-то там общественные формации, которые притом могут быть основаны на таком не соответствующем «человеческой природе» явлении, как порабощение большинства меньшинством. Вы видите также, что с точки зрения этого социолога не может быть и речи о том, чтобы смотреть на развитие общества как на естественно-исторический процесс. («Признав нечто желательным или нежелательным, социолог должен найти условия осуществления этого желательного или устранения нежелательного» — «осуществления таких-то и таких-то идеалов», — рассуждает тот же г. Михайловский.) Мало того, не может быть речи даже и о развитии, а только о разных укло-

нениях от «желательного», о «дефектах», случавшихся в истории вследствие... вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков. Ясное дело, что основная идея Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций в корень подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии. Каким же образом выработал Маркс эту основную идею? Он сделал это посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — «отношений производственных», как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения. Сам Маркс так описал ход своих рассуждений по этому вопросу [8]):

«Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор Гегелевской философии права. Работа привела меня к тому результату, что правовые отношения так же точно, как и политические формы, не могут быть выводимы и объясняемы из одних только юридических и политических оснований; еще менее возможно их объяснять и выводить из т.-наз. общего развития человеческого духа. Корень их заключается в одних только материальных, жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей 18 века, называет «гражданским обществом». Анатомию же гражданского общества следует искать в политической экономии. Результаты, к которым привело меня изучение последней, могут быть кратко формулированы следующим образом: «При материальном производстве людям приходится стать в известные отношения друг к другу, в «производственные отношения». Последние всегда соответствуют той степени развития производительности, которою в данное время обладают их экономические силы. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, над которым возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Таким образом производственный порядок обусловливает социальные, политические и часто духовные процессы жизни. Их существование не только не зависит от сознания человека, но, напротив, последнее само от них зависит. Но на известной ступени развития своей производительности силы приходят в столкновение с производственными отношениями людей друг к другу. Вследствие этого они начинают противоречить и тому, что служит юридическим выражением производственных отношений, т.-е. имущественным порядкам. Тогда производственные отношения перестают соответствовать производительности и начинают

ее стеснять. Отсюда — возникает эпоха общественных переворотов. С изменением экономического основания более или менее медленно или скоро изменяется вся громадная надстройка, над ним возвышающаяся. При рассмотрении этих переворотов всегда необходимо строго различать материальную перемену в условиях производства, которая должна быть, естественно, научно констатирована, и перемену в юридических, политических, религиозных, художественных и философских, словом — идеологических формах, в которых мысль о столкновении проникает в человеческое сознание и в которых скрытым образом из-за него происходит борьба. Об отдельном человеке мы не судим по тому, «что» он сам о себе думает; но нельзя также судить и об эпохе переворотов по ее собственному самосознанию. Напротив, это самосознание должно быть объяснено из противоречий материальной жизни, из столкновения между условиями производства и условиями производительности... Рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие буржуазные производственные порядки могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций общества».

Уже сама по себе эта идея материализма в социологии была гениальная идея. Разумеется, «*пока*» это была еще только гипотеза, но такая гипотеза, которая впервые создавала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам. До сих пор, не умея спуститься до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные, социологи брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, натыкались на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время — и останавливались на этом; выходило так, что будто общественные отношения строятся людьми сознательно. Но этот вывод, нашедший себе полное выражение в идее о Contrat Social [9]) (следы которой очень заметны во всех системах утопического социализма), совершенно противоречил всем историческим наблюдениям. Никогда этого не было, да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом; напротив, масса приспособляется бессознательно к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об особых исторических общественных отношениях, что, напр., объяснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время. Материализм устранил это противоречие, продолжив анализ глубже, на происхождение самих этих общественных идей человека; и его вывод о зависимости хода идей от хода вещей единственно совместим с научной

психологией. Далее, еще и с другой стороны, эта гипотеза впервые возвела социологию на степень науки. До сих пор социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это — корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив «производственные отношения», как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты. Пока они ограничивались идеологическими общественными отношениями (т.-е. такими, которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание (т.-е., разумеется, речь все время идет о сознании «общественных отношений» и никаких иных) людей), они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала. Анализ материальных общественных отношений (т.-е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение) — анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие «общественной формации». Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, «что» отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, «что» обще всем им.

Наконец, в-третьих, потому еще эта гипотеза впервые создала возможность «научной» социологии, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом. А понятно само собой, что без такого воззрения не может быть и общественной науки. (Субъективисты, напр., признавая законосообразность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию, как на естественно-исторический процесс, — и именно потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям.)

Но вот Маркс, высказавший эту гипотезу в 40-ых г.г., берется за фактическое (это nota bene) изучение материала. Он берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных (кото-

рые он изучал не менее 25 лет) дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда, и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации.

Таков «скелет» «Капитала». Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что — «объясняя» строение и развитие данной общественной формации «исключительно» производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями. Понятно теперь, что сравнение с Дарвином вполне точно: «Капитал» — это не что иное как «несколько обобщающих, теснейшим образом между собою связанных идей, венчающих целый Мон-Блан фактического материала». И если кто, читая «Капитал», сумел не заметить этих обобщающих идей, то это уже вина не Маркса, который даже в предисловии, как мы видели, указал на эти идеи. Мало того, такое сравнение правильно не только с внешней стороны (неизвестно почему особенно заинтересовавшей г. Михайловского), но и с внутренней. Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический аггрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-

экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс.

Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации — именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. — другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее, — до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки. Материализм представляет из себя не «по преимуществу научное понимание истории», как думает г. Михайловский, а единственное научное понимание ее.

И теперь — можете ли себе представить более забавный курьез, как тот, что нашлись люди, которые сумели, прочитав «Капитал», не найти там материализма! Где он? — спрашивает с искренним недоумением г. Михайловский.

Он читал «Коммунистический Манифест» и не заметил, что объяснение современных порядков — и юридических, и политических, и семейных, и религиозных, и философских — дается там материалистическое, что даже критика социалистических и коммунистических теорий ищет и находит корни их в таких-то и таких-то производственных отношениях.

Он читал «Нищету философии» и не заметил, что разбор социологии Прудона ведется там с материалистической точки зрения, что критика того решения различнейших исторических вопросов, которое предлагал Прудон, исходит из принципов материализма, что собственные указания автора на то, где нужно искать данных для разрешения этих вопросов, все сводятся к ссылкам на производственные отношения.

Он читал «Капитал» и не заметил, что имеет перед собой образец научного анализа одной — и самой сложной — общественной формации по материалистическому методу, образец всеми признанный и никем не превзойденный. И вот он сидит и думает свою крепкую думу над глубокомысленным вопросом: «в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории?»

Всякий, знакомый с Марксом, ответил бы ему на это другим вопросом: в каком сочинении Маркс не излагал своего материалистического понимания истории? Но г. Михайловский, вероятно, узнает о материалистических исследованиях Маркса только тогда, когда они под соответствующими номерами будут

указаны в какой-нибудь историософической работе какого-нибудь Кареева под рубрикой: «экономический материализм».

Но что курьезнее всего, так это то, что г. Михайловский обвиняет Маркса в том, что он не «пересмотрел (sic!) всех известных теорий исторического процесса». Это уж совсем забавно. Да в чем состояли, на $^{9}/_{10}$, эти теории? В чисто априорных, догматических, абстрактных построениях того, что такое общество, что такое прогресс? и т. п. (Беру нарочно примеры, близкие уму и сердцу г. Михайловского.) Да ведь такие теории негодны уже тем, чем они существуют, негодны по своим основным приемам, по своей сплошной и беспросветной метафизичности. Ведь начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс?—значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений? Это самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли a priori *) общие теории, всегда остававшиеся бесплодными. Метафизик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство? Метафизик-биолог толковал о том, что такое жизнь и жизненная сила? Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы. Поэтому обвинение г. Михайловского совершенно таково же, как если бы метафизик-психолог, всю свою жизнь писавший «исследования» по вопросу, что такое душа? (не зная в точности объяснения ни одного, хотя бы простейшего, психического явления) — принялся обвинять научного психолога в том, что он не пересмотрел всех известных теорий о душе. Он, этот научный психолог, отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов, и дал, скажем, анализ и объяснение такого-то или таких-то психических процессов. И вот, наш метафизик-психолог читает эту работу, хвалит — хорошо, де, описаны процессы и изучены факты — но не удовлетворяется. Позвольте, волнуется он, слыша, как кругом толкуют о совершенно новом понимании психологии этим

*) — заранее. *Ред.*

ученым, об особом методе научной психологии, — позвольте, кипятится философ, — да в каком же сочинении изложен этот метод? Ведь в этой работе «одни только факты»? В ней и помину нет о пересмотре «всех известных философских теорий о душе»? Это совсем не соответствующая работа!

Точно так же «Капитал», разумеется, не соответствующая работа для социолога-метафизика, не замечающего бесплодности априорных рассуждений о том, что такое общество, не понимающего, что вместо изучения и объяснения такие приемы дают только подсовывание под понятие общества либо буржуазных идей английского торгаша, либо мещанско-социалистических идеалов российского демократа, — и ничего больше. Поэтому-то все эти философско-исторические теории и возникали, и лопались как мыльные пузыри, являясь в лучшем случае симптомом общественных идей и отношений своего времени и не подвигая ни на йоту вперед «понимания» человеком хотя бы каких-нибудь единичных, но зато действительных (а не тех, которые «соответствуют человеческой природе») общественных отношений. Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал «научный» анализ «одного» общества и «одного» прогресса — капиталистического. И г. Михайловский обвиняет его за то, что он начал с начала, а не с конца, с анализа фактов, а не с конечных выводов, с изучения частных, исторически определенных общественных отношений, а не с общих теорий о том, в чем состоят эти общественные отношения вообще! И он спрашивает: где же соответственная работа? О, премудрый субъективный социолог!!

Если бы наш субъективный философ ограничился одним недоумением по вопросу о том, в каком сочинении обоснован материализм, — это бы еще полбеды. Но он — несмотря на то, что не нашел нигде не только обоснования, но даже изложения материалистического понимания истории (а, может быть, именно потому, что не нашел) — начинает приписывать этой доктрине притязания, никогда ею не заявленные. Приведя цитату из Блоса о том, что Маркс провозгласил совершенно новое «понимание» истории, он, нисколько не церемонясь, трактует дальше о том, будто эта теория претендует на то, что она «разъяснила человечеству его прошедшее», объяснила «все (sic!!?) прошедшее человечества» и т. п. Ведь это же все сплошная фальшь! Теория претендует только на объяснение одной капиталистической общественной организации и никакой другой. Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно-проверенной теорией; совершенно естественно, что

необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специальному фактическому изучению и детальному анализу, — точно так же, как идея трансформизма, доказанная по отношению к достаточному количеству фактов, распространяется на всю область биологии, хотя бы по отношению к отдельным видам животных и растений и нельзя было еще установить в точности факт их трансформации. И как трансформизм претендует совсем не на то, чтобы объяснить «всю» историю образования видов, а только на то, чтобы поставить приемы этого объяснения на научную высоту, точно так же и материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать «единственно научный», по выражению Маркса («Капитал»), прием объяснения истории. Можно судить по этому, какие остроумные, серьезные и приличные приемы полемики употребляет г. Михайловский, когда он сначала перевирает Маркса, приписывая материализму в истории вздорные претензии «все объяснить», найти «ключ ко всем историческим замкам» (претензии, сразу же, конечно, и в очень ядовитой форме отвергнутые Марксом в его «письме» [10]) по поводу статей Михайловского), затем ломается над этими, им же самим сочиненными претензиями и, наконец, приводя точные мысли Энгельса, — точные потому, что на этот раз дается цитата, а не пересказ, — что политическая экономия, как ее понимают материалисты, «подлежит еще созданию», что «все, что мы от нее получили, ограничивается» историей капиталистического общества,— делает такой вывод, что «словами этими весьма суживается поле действия экономического материализма»! Какой безграничной наивностью или каким безграничным самомнением должен обладать человек, чтобы рассчитывать на то, что такие фокусы пройдут незамеченными! Сначала переврал Маркса, затем поломался над своим враньем, потом привел точные мысли — и теперь имеет нахальство объявлять, что ими суживается поле действия экономического материализма! Какого сорта и качества это ломанье г. Михайловского, можно видеть из следующего примера: «Маркс нигде не обосновывает их» — т.-е. оснований теории экономического материализма — говорит г. Михайловский. Правда, Маркс вместе с Энгельсом задумал написать сочинение философско-исторического и историко-философского характера и даже написал (в 1845 — 47 г.г.), но оно никогда не было напечатано [11]). Энгельс говорит: «Первую часть этого сочинения составляет изложение материалистического понимания истории, которое показывает только, как недостаточны были наши познания в области экономической истории». Таким образом — заключает г. Михайловский — основные пункты «научного социализма» и «теории экономического материализма» были открыты, а вслед за тем и изло-

жены в «Манифесте» в такое время, когда, по собственному признанию одного из авторов, «нужные для такого дела познания были у них слабы».

Неправда ли, как мила такая критика! Энгельс говорит, что у них были слабы познания по экономической «истории» и что поэтому они и не печатали своего сочинения «общего» историко-философского характера. Г-н Михайловский перетолковывает это так, что у них слабы были познания «для такого дела», как выработка «основных пунктов научного социализма», т.-е. научной критики «буржуазного» строя, данной уже в «Манифесте». Одно из двух: или г. Михайловский не умеет понять разницы между попыткой охватить всю философию истории и попыткой научно объяснить буржуазный режим, или же он полагает, что у Маркса и Энгельса были недостаточны познания для критики политической экономии. И в таком случае он очень жесток, что не знакомит нас со своими соображениями об этой недостаточности, своими поправками и пополнениями. Решение Маркса и Энгельса не публиковать работы историко-философской и сосредоточить все силы на научном анализе одной общественной организации характеризует только высшую степень научной добросовестности. Решение г. Михайловского поломаться над этим добавленьицем, что, дескать, Маркс и Энгельс излагали свои воззрения, сами сознаваясь в недостаточности своих познаний для выработки их, характеризует только приемы полемики, не свидетельствующие ни об уме, ни о чувстве приличия.

Другой образец: «Для обоснования экономического материализма, как исторической теории, больше сделал alter ego *) Маркса — Энгельс — говорит г. Михайловский. У него есть специально исторический труд: «Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи (im Anschluss) с воззрениями Моргана». Этот Anschluss чрезвычайно замечателен. Книга американца Моргана появилась много лет спустя после того, как были провозглашены Марксом и Энгельсом основы экономического материализма и совершенно независимо от него. «И вот, дескать, экономические материалисты примкнули» к этой книге и притом, так как в доисторические времена не было борьбы классов, то они внесли такую «поправку» к формуле материалистического понимания истории, что определяющим моментом на-ряду с производством материальных ценностей является производство самого человека, т.-е. детопроизводство, играющее первенствующую роль в первобытную эпоху, когда труд по своей производительности был слишком еще не развит.

«Великая заслуга Моргана состоит в том, — говорит Энгельс, — что он в родовых связях сев.-американских индейцев нашел

*) — другой я, двойник. *Ред.*

«ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории».

«Итак — изрекает по этому поводу г. Михайловский — в конце 40-х г.г. было открыто и провозглашено совершенно новое, материалистическое и истинно научное понимание истории, которое сделало для исторической науки то же самое, что сделала теория Дарвина для современного естествознания». Но это понимание — повторяет затем еще раз г. Михайловский — никогда не было научно обосновано. «Оно не только не было проверено на большом и разнообразном поле фактического материала («Капитал» — «не соответственная» работа: там одни только факты да кропотливые исследования!), но не было даже достаточно мотивировано хотя бы путем критики и исключения других философско-исторических систем». Книга Энгельса — Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft *) — «только остроумные попытки, высказанные мимоходом», и г. Михайловский считает поэтому возможным совершенно обойти массу существенных вопросов, которые затронуты в этом сочинении, несмотря на то, что эти «остроумные попытки» очень остроумно показывают бессодержательность социологий, «начинающих с утопий»; несмотря на то, что в этом сочинении дана подробная критика той «теории насилия», по которой политико-юридические порядки определяют экономические, и которую так усердно проводят гг. публицисты «Русского Богатства». В самом деле, гораздо легче ведь бросить о сочинении несколько ничего не выражающих фраз, чем серьезно разобрать хоть один вопрос, материалистически разрешенный в нем; это притом и безопасно, потому что цензура никогда, вероятно, не пропустит перевода этой книги, и г. Михайловский, без опасения за свою субъективную философию, может называть ее остроумной.

Еще характернее и поучительнее (к иллюстрации того, что язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли — или придавать пустоте форму мысли) отзыв о «Капитале» Маркса. «В «Капитале» есть блестящие страницы исторического содержания, *но* (это замечательное «но»! Это даже не «но», а то знаменитое «mais», которое в переводе на русский язык значит: «уши выше лба не растут») они уже по самой задаче книги приурочены к одному определенному историческому периоду и не то что утверждают основные положения экономического материализма, а просто касаются экономической стороны известной группы исторических явлений». Другими словами: «Капитал» — только и посвященный изучению именно капиталистического общества — дает материалистический анализ этого общества и его надстроек,

*) «Переворот в науке, произведенный г-ном Е. Дюрингом» («Анти-Дюринг»). *Ред.*

«но» г. Михайловский предпочитает обойти этот анализ: дело тут идет, видите ли, об «одном» только периоде, а он, г. Михайловский, хочет обнять все периоды и притом так обнять, чтобы не говорить в частности ни об одном. Понятно, что для достижения этой цели — т.-е. для того, чтобы обнять все периоды, не касаясь по существу ни одного — есть только один путь: путь общих мест и фраз, «блестящих» и пустых. И с г. Михайловским никто не сравнится в искусстве отделываться фразами. Оказывается, что не стоит (отдельно) касаться исследований Маркса по существу на том основании, что он, Маркс, «не то что утверждает основные положения экономического материализма, а просто касается экономической стороны известной группы исторических явлений». Какое глубокомыслие! — «Не утверждает», а «просто касается»! — Как просто, в самом деле, можно замазать всякий вопрос фразой! Например, если Маркс многократно показывает, каким образом в основании гражданской равноправности, свободного договора и тому подобных основ правового государства лежат отношения товаропроизводителей, — что это такое? утверждает ли он этим материализм, или «просто» касается? Со свойственной ему скромностью наш философ воздерживается от ответа по существу и прямо делает выводы из своих «остроумных попыток» блестяще поговорить и ничего не сказать.

«Не мудрено — гласит этот вывод — что для теории, претендовавшей осветить всемирную историю, спустя 40 лет после ее провозглашения древняя греческая, римская и германская история оставались неразрешенными загадками; и ключ к этим загадкам дан был, во-1) человеком, совершенно посторонним теории экономического материализма, ничего об ней не знавшим, а во-2) — при помощи фактора не экономического. Несколько забавное впечатление вызывает термин «производство самого человека», т.-е. детопроизводство, за который Энгельс хватается для сохранения хотя бы словесной связи с основною формулою экономического материализма. Он вынужден, однако, признать, что жизнь человечества многие годы складывалась не по этой формуле». И в самом деле, очень «немудрено» полемизируете Вы, г. Михайловский! Теория состояла в том, что для «освещения» истории надо искать основы не в идеологических, а в материальных общественных отношениях. Недостаток фактического материала не давал возможности применить этот прием к анализу некоторых важнейших явлений древнейшей истории Европы, напр., гентильной *) организации, которая в силу этого и оставалась загадкой. (Г. Михайловский и тут не упускает случая поломаться: как это, дескать, так: научное понимание истории — и древняя история —

---

*) — родовой. *Ред.*

загадка! Вы можете из всякого учебника узнать, г. Михайловский, что вопрос о гентильной организации принадлежит к числу труднейших, вызывавших массу теорий для своего объяснения.) Но вот в Америке богатый материал, собранный Морганом, дает ему возможность проанализировать сущность гентильной организации, и он сделал тот вывод, что объяснения ее надо искать не в идеологических отношениях (напр., правовых или религиозных), а в материальных. Ясное дело, что этот факт дает блистательное подтверждение материалистического метода — и ничего больше. И когда г. Михайловский «в упрек» этой доктрине ставит то, что, во-1) ключ к труднейшим историческим загадкам нашел человек «совершенно посторонний» теории экономического материализма — то можно только подивиться, до какой степени люди могут не отличать того, что говорит в их пользу, от того, что их жестоко побивает. Во-2) — рассуждает наш философ — детопроизводство — фактор не экономический. Но где читали Вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое миросозерцание, они называли его просто материализмом. Их основная идея (совершенно определенно выраженная хотя бы в вышеприведенной цитате из Маркса) состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования. Объяснения политико-юридических форм — говорит Маркс в вышеприведенной цитате — надо искать в «материальных жизненных отношениях». Что же, уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим? Объяснения г. Михайловского по этому поводу так характерны, что на них стоит остановиться. «Как бы мы ни ухищрялись над «детопроизводством» — говорит он — стараясь установить хоть словесную связь между ним и экономическим материализмом, как бы оно ни перекрещивалось в сложной сети явлений общественной жизни с другими явлениями, в том числе и экономическими, оно имеет свои собственные, физиологические и психические корни. (Для грудных детей, что ли, рассказываете это Вы, г. Михайловский, что детопроизводство имеет физиологические корни!? Ну, что Вы зубы-то заговариваете?) И это напоминает нам, что теоретики экономического материализма не свели своих счетов не только с историей, а и с психологией. Нет никакого сомнения, что родовые связи утратили свое значение в истории цивилизованных стран, но едва ли можно сказать это с такою уверенностью о связях непосредственно половых и семейных. Они подвергались, разумеется, сильным изменениям под напором усложняющейся жизни вообще, но при известной диалектической лов-

кости можно бы было доказывать, что не только юридические, но и сами экономические отношения составляют «надстройку» над отношениями половыми и семейными. Мы не станем этим заниматься, но укажем все-таки на институт наследства».

Наконец-то посчастливилось нашему философу из области пустых фраз — (как назвать иначе, в самом деле, такой прием, когда упрекают материалистов в том, что они не свели счетов с историей, не попытавшись, однако, разобрать «буквально ни одного» из многочисленных материалистических объяснений различных исторических вопросов, которые даны были материалистами? или когда говорят, что можно бы доказывать, но мы этим заниматься не будем?) — подойти к фактам, определенным, допускающим проверку и не позволяющим так легко «заговаривать» суть дела. Посмотрим же, каким образом доказывает наш критик Маркса, что институт наследства есть надстройка над половыми и семейными отношениями. «В наследство передаются—рассуждает г. Михайловский — продукты экономического производства («Продукты экономического производства»!! Как это грамотно! как звучно! и какой изящный язык!), и самый институт наследства обусловлен до известной степени фактом экономической конкуренции. Но, во-1) в наследство передаются и не материальные ценности, — что выражается в заботах о воспитании детей в духе отцов». Итак, воспитание детей входит в институт наследства! Напр., в российских гражданских законах есть такая статья, что «родители должны стараться домашним воспитанием приготовить нравы их (детей) и содействовать видам правительства». Уж не это ли называет наш философ институтом наследства? — «а во-2) — оставаясь даже исключительно в экономической области,—если институт наследства немыслим без продуктов производства, передаваемых по наследству, то он точно так же немыслим и без продуктов «детопроизводства»,— без них и без той сложной и напряженной психики, которая к ним непосредственно примыкает». (Нет, вы обратите внимание на язык: сложная психика «примыкает» к продуктам детопроизводства! Ведь это же прелесть!) Итак, институт наследства есть надстройка над семейными и половыми отношениями потому, что наследство немыслимо без детопроизводства! Да, ведь, это настоящее открытие Америки! До сих пор все полагали, что детопроизводство так же мало может объяснять институт наследства, как необходимость принятия пищи — институт собственности. До сих пор все думали, что если, напр., в России в эпоху процветания поместной системы земля не могла переходить по наследству (т. к. она считалась только условной собственностью), то объяснения этому нужно искать в особенностях тогдашней общественной организации. Г. Михайловский полагает, должно быть, что дело объясняется просто тем, что психика, которая

примыкала к продуктам детопроизводства тогдашнего помещика, отличалась недостаточной сложностью.

Поскребите «народного духа» — можем сказать мы, перефразировывая известное изречение — и вы найдете буржуа. В самом деле, какой иной смысл могут иметь эти рассуждения г. Михайловского о связи института наследства с воспитанием детей, с психикой детопроизводства и т. п. — как не тот, что институт наследства так же вечен, необходим и священ, как и воспитание детей! Правда, г. Михайловский постарался оставить себе лазейку, заявивши, что «до известной степени институт наследства обусловлен фактом экономической конкуренции»—но ведь это же не что иное как покушение увильнуть от определенного ответа на вопрос и притом покушение с негодными средствами. Как можем мы принять к сведению это замечание, когда нам ни слова не сказано насчет того, до какой именно «известной степени» зависит наследство от конкуренции? когда не разъяснено совершенно, чем собственно объясняется эта связь между конкуренцией и институтом наследства? На самом деле, институт наследства предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена. В основании ее лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке. Пока, напр., все члены первобытной индейской общины вырабатывали сообща все необходимые для них продукты, — невозможна была и частная собственность. Когда же в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой материальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности. И частная собственность, и наследство — категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен. Пример г. Михайловского доказывает как раз обратное тому, что он хотел доказать.

Есть у г. Михайловского и еще одно фактическое указание — и опять-таки это в своем роде перл! «Что касается родовых связей — продолжает он исправлять материализм — то они побледнели в истории цивилизованных народов отчасти действительно в лучах влияния форм производства (опять увертка, еще только более явная. Каких же именно форм производства? Пустая фраза!), но отчасти распустились в своем собственном продолжении и обобщении — в связях национальных». Итак, национальные связи, это — продолжение и обобщение связей родовых! Г. Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности — гласит эта доктрина прописей — состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого

общества (это — чисто буржуазная идея: раздробленные, мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы), затем — дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство. Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий вздор, так это показывает только — помимо всего другого — что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т.-е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных. Обоими своими фактическими указаниями г. Михайловский только побил самого себя и не дал нам ничего, кроме образцов буржуазных пошлостей — «пошлостей» потому, что объяснял институт наследства детопроизводством и его психикой, а национальность — родовыми связями; «буржуазных» — потому, что принимал категории и надстройки одной исторически определенной общественной формации (основанной на обмене) за категории настолько же общие и вечные, как воспитание детей и «непосредственно» половые связи.

Характерно тут в высшей степени то, что как только наш субъективный философ попробовал перейти от фраз к конкретным фактическим указаниям, — так и сел в лужу. И он прекрасно, повидимому, чувствует себя в этой, не особенно чистой, позиции: сидит себе, охорашивается и брызжет кругом грязью. Хочет он,

напр., опровергнуть то положение, что история есть ряд эпизодов классовой борьбы, и вот, заявивши с глубокомысленным видом, что это — «крайность», он говорит: «Основанное Марксом международное общество рабочих, организованное в целях классовой борьбы, не помешало французским и немецким рабочим резать и разорять друг друга», чем, дескать, и доказывается, что материализм не свел счетов «с демоном национального самолюбия и национальной ненависти». Такое утверждение показывает со стороны критика грубейшее непонимание того, что очень реальные интересы торговой и промышленной буржуазии составляют главное основание этой ненависти и что толковать о национальном чувстве, как самостоятельном факторе, значит только замазывать сущность дела. Впрочем, мы уже видели, какое глубокомысленное представление о национальности имеет наш философ. Г. Михайловский не умеет отнестись иначе к Интернационали, как с чисто Буренинской иронией: «Маркс — глава международного общества рабочих, правда, распавшегося, но имеющего возродиться.» Конечно, если видеть nec plus ultra *) международной солидарности в системе «справедливого» обмена, как это с мещанской пошлостью размазывает хроникер внутренней жизни в № 2 «Русского Богатства», и не понимать того, что обмен, и справедливый и несправедливый, всегда предполагает и включает господство буржуазии и что без уничтожения хозяйственной организации, основанной на обмене, невозможно прекращение международных столкновений,—тогда понятно одно зубоскальство по поводу Интернационали. Тогда понятно, что г. Михайловский никак не может вместить той простой истины, что нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, как организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране, как соединение таких национальных рабочих организаций в одну международную рабочую армию для борьбы против международного капитала. Что же касается того, что Интернациональ не помешала рабочим резать друг друга, то достаточно напомнить г. Михайловскому события Коммуны, показавшие действительное отношение организованного пролетариата к правящим классам, ведшим войну.

Что особенно возмутительно во всей этой полемике г. Михайловского, так это именно его приемы. Если он не доволен тактикой Интернационали, если он не разделяет тех идей, во имя которых организуются европейские рабочие, — пусть бы, по крайней мере, прямо и открыто критиковал их, излагая свои представления о более целесообразной тактике, о более правильных воззрениях. А то ведь никаких определенных, ясных возражений не делается, и только рассыпаются там и сям, среди разли-

*) — крайний предел. *Ред.*

ванного моря фраз, бессмысленные издевки. Как же не назвать этого грязью? особенно если принять во внимание, что защита идей и тактики Интернационали легально в России не допускается? Таковы же приемы г. Михайловского, когда он полемизирует с русскими марксистами: не давая себе труда формулировать добросовестно и точно те или другие положения их, чтобы подвергнуть их прямой и определенной критике, он предпочитает уцепляться за слышанные им обрывки марксистской аргументации и перевирать ее. Судите сами: «Маркс был слишком умен и слишком учен, чтобы думать, что именно он открыл идею исторической необходимости и законосообразности общественных явлений... На низших ступенях (марксистской лестницы) *) этого не знают (что «идея исторической необходимости есть не изобретенная или открытая Марксом новость, а давно установившаяся истина») или, по крайней мере, имеют смутное понятие о той вековой затрате умственных сил и энергии, которая пошла на установление этой истины».

Понятно, что подобные заявления могут действительно произвести впечатление на такую публику, которая в первый раз слышит о марксизме, и по отношению к ней легко может быть достигнута цель критика: исказить, поломаться и «победить» (как, говорят, отзываются о статьях г. Михайловского сотрудники «Р. Б—ва»). Всякий, хоть немного знакомый с Марксом, сразу увидит всю фальшь и дутость подобных приемов. Можно не соглашаться с Марксом, но нельзя оспаривать, что он с полнейшей определенностью формулировал те свои воззрения, которые составляли «новость» по отношению к прежним социалистам. Новость состояла в том, что прежние социалисты для обоснования своих воззрений считали достаточным показать угнетение масс при современном режиме, показать превосходство такого строя, при котором каждый получал бы то, что он сам выработал, показать соответствие этого идеального строя с «человеческой природой», с понятием разумно-нравственной жизни и т. д. Маркс считал невозможным удовлетвориться таким социализмом. Не ограничиваясь характеристикой современного строя, оценкой и осуждением его, он дал научное объяснение ему, сведя этот современный строй, различный в разных европейских и неевро-

*) По поводу этого бессмысленного термина надо заметить, что г. Михайловский выделяет особо Маркса (слишком умного и слишком ученого — чтобы наш критик мог прямо и открыто критиковать то или другое его положение), затем ставит Энгельса («не столь творческий ум»), потом более или менее самостоятельных людей, как Каудкий, — и остальных марксистов. Ну, какое серьезное значение может иметь эта классификация? Если критик недоволен популяризаторами Маркса, — кто мешает ему поправить их по Марксу? Ничего подобного он не делает. Очевидно, он покушался сострить, но вышло только плоско.

пейских государствах, к общей основе — к капиталистической общественной формации, законы функционирования и развития которой он подверг объективному анализу (он показал «необходимость» эксплуатации при этом строе). Точно так же не считал он возможным удовлетвориться утверждением, что социалистический строй один соответствует человеческой природе, — как говорили великие утопические социалисты и их мизерные эпигоны, субъективные социологи. Тем же «объективным» анализом капиталистического строя доказывал он «необходимость» его превращения в социалистический. (К вопросу о том, как именно он это доказывал, и как г. Михайловский на это возражал—нам еще придется вернуться.) Вот источник той ссылки на необходимость, которую часто можно встретить у марксистов. Извращение, которое г. Михайловский внес в вопрос, — очевидно: он опустил все фактическое содержание теории, всю ее суть и выставил дело в таком свете, как будто бы вся теория сводится к одному слову «необходимость» («на нее одну нельзя ссылаться в сложных практических делах»), как будто «доказательство» этой теории состоит в том, что так требует историческая необходимость. Другими словами, умолчавши о содержании доктрины, он уцепился за одну ее кличку, и теперь начинает опять ломаться над тем «просто плоским кружком», в который сам же потрудился превратить учение Маркса. Мы не станем, конечно, следить за этим ломаньем, потому что достаточно уже познакомились с этою вещью. Пускай себе кувыркается на потеху и удовольствие г. Буренина (который недаром погладил по головке г. Михайловского в «Новом Времени»)[12], пускай себе, раскланявшись с Марксом, тявкает на него исподтишка: «полемика, де, его с утопистами и идеалистами и без того одностороння», т.-е. и без повторения ее доводов марксистами. Мы никак не можем иначе назвать этих выходок, как тявканьем, потому что «ни одного» буквально фактического, определенного, проверимого возражения им не приведено против этой полемики, так что, — как ни охотно бы вступили мы в разговор на эту тему, считая эту полемику крайне важной для разрешения русских социалистических вопросов, — мы прямо-таки не в состоянии отвечать на тявканье и можем только пожать плечами:

Ай, моська, знать она сильна, коль лает на слона!

Небезынтересно следующее за сим рассуждение г. Михайловского об исторической необходимости, так как оно вскрывает перед нами хотя отчасти действительный идейный багаж «нашего известного социолога» (звание, которым пользуется г. Михайловский наравне с г. В. В. у либеральных представителей нашего «куль-

турного общества»). Он говорит о «конфликте между идеей исторической необходимости и значением личной деятельности»: общественные деятели заблуждаются, считая себя деятелями, тогда как они «деемые», «марионетки, подергиваемые из таинственного подполья имманентными законами исторической необходимости» — такой вывод следует, дескать, из этой идеи, которая посему и именуется «бесплодной» и «расплывающейся». Не всякому читателю, пожалуй, понятно, откуда взял всю эту чепуху — марионеток и т. п.— г. Михайловский. Дело в том, что это один из любимых коньков субъективного философа — идея о конфликте между детерминизмом и нравственностью, между исторической необходимостью и значением личности. Он исписал об этом груду бумаги и наговорил бездну сантиментально-мещанского вздора, чтобы разрешить этот конфликт в пользу нравственности и роли личности. На самом деле, никакого тут конфликта нет: он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм отнимет почву у столь любимой им мещанской морали. Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных? В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды? Очевидно, что разрешение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представления о группировке общественных сил в России, о борьбе классов, из которой складывается русская действительность — и опять-таки г. Михайловский только походил кругом да около вопроса, не сделав даже попытки точно поставить его и попробовать дать то или иное решение. Социал-демократическое решение вопроса основывается, как известно, на том взгляде, что русские экономические порядки представляются буржуазным обществом, из которого может быть только один выход, необходимо вытекающий из самой сущности буржуазного строя, — именно классовая борьба пролетариата против буржуазии. Очевидно, что серьезная критика и должна бы

направиться либо против того взгляда, что наши порядки — буржуазные, либо против представления о сущности этих порядков и законов развития их,— но г. Михайловский и не помышляет о том, чтобы затрагивать серьезные вопросы. Он предпочитает отделываться бессодержательным фразерством насчет того, что необходимость — слишком общая скобка и т. п. Да, ведь, всякая идея будет слишком общей скобкой, г. Михайловский, если наподобие вяленой воблы сначала выкинете из нее все содержание, а потом станете возиться с оставшейся шелухой! Эта область шелухи, покрывающей действительно серьезные, жгучие вопросы современности — любимая область г. Михайловского, и он, напр., с особенной гордостью подчеркивает, что «экономический материализм игнорирует или неверно освещает вопрос о героях и толпе». Изволите ли видеть — вопрос о том, из борьбы каких именно классов и на какой почве складывается современная русская действительность—для г. Михайловского, вероятно, слишком общий — и он его обходит. Зато вопрос о том, какие отношения существуют между героем и толпой, безразлично — есть ли это толпа рабочих, крестьян, фабрикантов, помещиков — такой вопрос его крайне интересует. Может быть, это и «интересные» вопросы, но упрекать материалистов в том, что они направляют все усилия на решение таких вопросов, которые имеют прямое отношение к освобождению трудящегося класса,— значит быть любителем филистерской науки, и ничего больше. В заключение своей «критики» (?) материализма г. Михайловский дает нам еще одну попытку неверно представить факты и еще одну подтасовку. Выразивши сомнение в правильности мнения Энгельса, что «Капитал» был замалчиваем присяжными экономистами (причем в обоснование приведено такое курьезное соображение, что в Германии многочисленные университеты!), г. Михайловский говорит: «Маркс отнюдь не имел в виду именно этот круг читателей (рабочих) и ожидал кое-чего и от людей науки». Совершенно неверно: Маркс прекрасно понимал, как мало можно рассчитывать на беспристрастие и на научную критику со стороны буржуазных представителей науки, и в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» высказался на этот счет совершенно определенно. Он говорит там: «Понимание, которое быстро встретил «Капитал» в широких кругах немецкого рабочего класса,— есть лучшая награда за мой труд. Г. Мейер, человек, стоящий в экономических вопросах на буржуазной точке зрения, в одной брошюре, вышедшей во время франко-прусской войны, изложил совершенно верную мысль, что выдающиеся способности к теоретическому мышлению (der grosse theoretische Sinn), считавшиеся наследственным достоянием немцев, совершенно исчезли у т.-наз. образованных классов, но зато снова оживают у них в рабочем классе».

Подтасовка касается снова материализма и построена совершенно по первому шаблону. «Теория (материализма) никогда не была научно обоснована и проверена». Таков тезис.— Доказательство: «Отдельные хорошие страницы исторического содержания у Энгельса, Каутского и некоторых других тоже (как и в почтенной работе Блоса) могли бы обойтись без этикетки экономического материализма, так как (заметьте: «так как»!) на деле (sic!) в них принимается в соображение вся совокупность общественной жизни, хотя бы и с преобладанием экономической струны в этом аккорде». Вывод...: «в науке экономический материализм не оправдал себя».

Знакомая штука! Чтобы доказать необоснованность теории, г. Михайловский сначала извращает ее, приписав ей нелепое намерение не принимать в соображение всей совокупности общественной жизни, — тогда как, совсем напротив, материалисты (марксисты) были первыми социалистами, выдвинувшими вопрос о необходимости анализа не одной экономической, а всех сторон общественной жизни *), — затем констатирует, что «на деле» материалисты «хорошо» объясняли всю совокупность общественной жизни экономикой (факт, очевидно, побивающий автора)—и, наконец, делает вывод о том, что материализм не оправдал себя. Но зато подтасовки ваши, г. Михайловский, прекрасно оправдали себя! Вот все, что приводит г. Михайловский в «опровержение» материализма. Повторяю, тут нет никакой критики, а есть пустая претенциозная болтовня. Если спросить кого-угодно—какие же возражения привел г. Михайловский против того взгляда, что производственные отношения лежат в основе остальных? чем опровергал он правильность выработанного Марксом посредством материалистического метода поня-

*) Это вполне ясно выразилось в «Капитале» и в тактике социалдемократов, сравнительно с прежними социалистами. Маркс прямо заявлял требование не ограничиваться экономической стороной. В 1843 г., намечая программу предполагавшегося журнала, Маркс писал к Руге: «Социалистический принцип в целом представляет собой опять-таки только одну сторону... Мы же должны обратить такое же внимание и на другую сторону, на теоретическое существование человека, следовательно, сделать предметом своей критики религию, науку и пр.... Подобно тому, как религия представляет оглавление теоретических битв человечества, политическое государство представляет оглавление практических битв человечества. Таким образом, политическое государство выражает в пределах своей формы sub specie reipublicae (под политическим углом зрения) все социальные битвы, потребности, интересы. Поэтому сделать предметом критики самый специальный политический вопрос — напр., различие между сословной и представительной системой — нисколько не значит спуститься с hauteur des principes (с высоты принципов. *Ред.*), так как этот вопрос выражает «политическим языком» различие между господством человека и господством частной собственности. Значит, критик не только может, но и должен касаться этих политических вопросов (которые завзятому социалисту кажутся не стоящими никакого внимания)» [13]).

тия общественной формации и естественно-исторического процесса развития этих формаций? как доказывал неверность приведенных хотя бы теми писателями, которых он называл, материалистических объяснений различных исторических вопросов? — всякий должен будет ответить: никак не возражал, ничем не опровергал, никаких неверностей не указывал. Он только ходил кругом да около, стараясь замазать суть дела фразами, и сочинял попутно разные пустяковинные увертки.

Трудно ждать чего-нибудь серьезного от такого критика, когда он продолжает в № 2 «Р. Б — ва» опровергать марксизм. Разница вся в том, что его изобретательность на подтасовки уже истощилась и он начинает пользоваться чужими.

Для начала он разглагольствует о «сложности» общественной жизни: вот, дескать, хотя бы гальванизм связывается и с экономическим материализмом, так как опыты Гальвани «произвели впечатление» и на Гегеля. Удивительное остроумие! С таким же успехом можно бы связать и г. Михайловского с китайским императором! Что отсюда следует, кроме того, что есть люди, которым доставляет удовольствие говорить вздор?! Сущность исторического хода вещей — продолжает г. Михайловский — неуловимая вообще, не уловлена и доктриной экономического материализма, хотя она опирается, повидимому, на 2 устоя: на открытие всеопределяющего значения форм производства и обмена и на «непререкаемость диалектического процесса».

Итак, материалисты опираются на «непререкаемость» диалектического процесса! т.-е. основывают свои социологические теории на триадах [14]) Гегеля. Мы имеем перед собой то шаблонное обвинение марксизма в гегелевской диалектике, которое уже, казалось, достаточно истрепано буржуазными критиками Маркса. Не будучи в состоянии возразить что-нибудь по существу против доктрины, эти господа уцеплялись за способ выражения Маркса, нападали на происхождение теории, думая тем подорвать ее сущность. И г. Михайловский не церемонится прибегать к подобным приемам. Поводом для него послужила одна глава в сочинении Энгельса против Дюринга. Возражая Дюрингу, нападавшему на диалектику Маркса, Энгельс говорит, что Маркс никогда и не помышлял о том, чтобы «доказывать» что бы то ни было гегелевскими триадами, что Маркс только изучал и исследовал действительный процесс, что он единственным критерием теории признавал верность ее с действительностью. Если же, дескать, при этом иногда оказывалось, что развитие какого-нибудь общественного явления подпадало под гегелевскую схему: положение — отрицание — отрицание отрицания, то ничего тут нет удивительного, потому что в природе это вообще не редкость. И Энгельс начинает приводить примеры из области естественно-исторической (развитие зерна) и общественной — вроде того, что, де, сначала

был первобытный коммунизм, затем — частная собственность и потом — капиталистическое обобществление труда; или сначала примитивный материализм, потом — идеализм и, наконец, — научный материализм и т. п. Для всякого очевидно, что центр тяжести аргументации Энгельса лежит в том, что задача материалистов — правильно и точно изобразить действительный исторический процесс, что настаивание на диалектике, подбор примеров, доказывающих верность триады, — не что иное как остатки того гегельянства, из которого вырос научный социализм, остатки его способа выражений. В самом деле, раз заявлено категорически, что «доказывать» триадами что-нибудь — нелепо, что об этом никто и не помышлял, — какое значение могут иметь примеры «диалектических» процессов? Не ясно ли, что это — указание на происхождение доктрины и ничего больше. Г. Михайловский сам чувствует это, говоря, что происхождение теории не доводится ставить ей в вину. Но чтобы видеть в рассуждениях Энгельса нечто большее, чем происхождение теории, надо было бы, очевидно, доказать, что хоть один исторический «вопрос» разрешен материалистами не на основании соответствующих фактов, а посредством триад. Попытался ли доказать это г. Михайловский? Ничуть не бывало. Напротив, он сам вынужден был признать, что «Маркс до такой степени наполнил пустую диалектическую схему фактическим содержанием», что «ее можно снять с этого содержания, как крышку с чашки, ничего не изменив» (об исключении, которое делает тут г. Михайловский — насчет будущего — мы еще ниже скажем). Если так, то к чему же возится г. Михайловский с таким усердием с этой ничего не изменяющей крышкой? К чему толкует, что материалисты «опираются» на непререкаемость диалектического процесса? К чему заявляет он, воюя с этой крышкой, что он воюет против одного из «устоев» научного социализма, тогда как это прямая неправда?

Само собой разумеется, что я не стану следить за тем, как разбирает г. Михайловский примеры триад, потому что, повторяю, никакого отношения ни к научному материализму, ни к русскому марксизму это не имеет. Но интересен вопрос: какие же все-таки были основания у г. Михайловского, чтобы так исказить отношение марксистов к диалектике? Оснований было два: во-1) г. Михайловский слышал звон, да не знает, откуда он; во-2) г. Михайловский совершил (или, вернее, присвоил от Дюринга) еще одну передержку.

Ad 1)*). Читая марксистскую литературу, г. Михайловский постоянно натыкался на «диалектический метод» в общественной науке, на «диалектическое мышление» опять-таки в сфере обще-

*) — к 1-му пункту. *Ред.*

ственных вопросов, «о которой только и идет речь» и т. п. В простоте душевной (хорошо еще если только в простоте) он принял, что этот метод состоит в разрешении всех социологических вопросов по законам гегелевской триады. Отнесись он к делу хоть чуточку повнимательнее, он не мог бы не убедиться в нелепости этого представления. Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития. Отношение диалектического метода к метафизическому (под каковое понятие подходит, без сомнения, и субъективный метод в социологии) мы ниже постараемся иллюстрировать на примере собственных рассуждений г. Михайловского. Теперь же отметим только, что всякий, прочитавший определение и описание диалектического метода у Энгельса ли (в полемике против Дюринга. По-русски: «Развитие социализма из утопии в науку»), или у Маркса (различные примечания в «Капитале» и «Послесловие» ко 2-му изданию; «Нищета философии») — увидит, что о триадах Гегеля и речи нет, а все дело сводится к тому, чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций. В доказательство приведу, in extenso *), описание диалектического метода, сделанное в «Вестнике Европы» [15]) за 1872 г. № 5 (заметка: «Точка зрения политико-экономической критики К. Маркса») [16]), которое Маркс цитирует в «Послесловии» ко 2-му изданию «Капитала». Маркс говорит там, что метод, который он употребил в «Капитале», был плохо понят. «Немецкие рецензенты кричали, понятно, о гегелевской софистике». И вот, чтобы яснее изложить свой метод, Маркс приводит описание его в указанной заметке. «Для Маркса одно важно — говорится там: именно—найти закон тех явлений, которые он исследует, и притом особенно важен для него закон изменения, развития этих явлений, перехода их из одной формы в другую, из одного порядка общественных отношений в другой. Поэтому Маркс заботится об одном: показать точным научным исследованием необходимость данных порядков общественных отношений, констатируя со всей возможной полнотой те факты, которые служат для него исходными и опорными пунктами. Для этой

*) — в подлиннике. *Ред.*

цели совершенно достаточно, если он, доказывая необходимость настоящего строя, доказывает вместе с тем и необходимость другого строя, который неизбежно должен вырасти из предыдущего, — все равно, верят ли люди в это или не верят, сознают ли они это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения. (К сведению для гг. субъективистов, выделяющих социальную эволюцию из естественно-исторической именно потому, что человек ставит себе сознательные «цели», руководствуется определенными идеалами.) Если сознательный элемент играет столь подчиненную роль в истории культуры, то понятно само собой, что критика, имеющая своим предметом самое эту культуру, менее всего другого может опираться на какую-либо форму или какой-либо результат сознания. Другими словами, исходным пунктом для нее может служить никак не идея, но только внешнее, объективное явление. Критика должна состоять в том, чтобы сравнить и сопоставить данный факт не с идеей, а с другим фактом; для нее важно только, чтобы оба факта были по возможности точно исследованы и чтобы они представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития, при чем особенно необходимо, чтобы с такой же точностью был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития. Маркс отрицает именно ту идею, что законы экономической жизни одинаковы и для прошедшего и для настоящего. Напротив, каждый исторический период имеет свои собственные законы. Экономическая жизнь представляет из себя явление, аналогичное с историей развития в других областях биологии. Прежние экономисты не понимали природы экономических законов, когда сравнивали их с законами физики и химии. Более глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как и организмы животных и растений. Ставя своей задачей с этой точки зрения исследовать капиталистическую экономическую организацию, Маркс этим самым строго научно формулирует ту цель, которую должно преследовать всякое точное исследование экономической жизни. Научное значение такого исследования состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом». Вот—описание диалектического метода, которое Маркс выудил из бездны журнальных и газетных заметок о «Капитале» и перевел на немецкий язык потому, что эта характеристика метода, как он сам говорит, совершенно точна. Спрашивается, упоминается ли тут хоть бы словом о триадах,

трихотомиях, непререкаемости диалектического (метода) процесса и т. п. чепухе, против которой так рыцарски воюет г. Михайловский? И Маркс вслед за этим описанием прямо говорит, что его метод — «прямо противоположен» методу Гегеля. По Гегелю, развитие идеи, по диалектическим законам триады, определяет собой развитие действительности. Только в этом случае, разумеется, и можно толковать о значении триад, о непререкаемости диалектического процесса. По моему — наоборот — говорит Маркс: «идеальное есть только отражение материального». И все дело сводится таким образом к «позитивному пониманию настоящего и его необходимого развития»: для триад не остается и другого места, как роль крышки и шелухи («я кокетничал гегелевским языком» — говорит Маркс в этом же послесловии), которой способны интересоваться одни филистеры. Как же, спрашивается теперь, должны мы судить о человеке, который пожелал критиковать один из «устоев» научного материализма, т.-е. диалектику, и стал говорить обо всем, что вам угодно, даже о лягушках и Наполеоне, но только не о том, в чем состоит эта диалектика, не о том, действительно ли развитие общества есть естественно-исторический процесс? правильно ли материалистическое понятие об общественно-экономических формациях, как особых социальных организмах? верны ли приемы объективного анализа этих формаций? действительно ли общественные идеи не определяют собой общественного развития, а сами определяются им? и т. д. Можно ли допустить в этом случае одно только непонимание?

Ad 2) *). После такой «критики» диалектики г. Михайловский подсовывает Марксу эти приемы доказывания «посредством» гегелевской триады и, конечно, победоносно воюет против них. «Относительно будущего — говорит он — имманентные законы общества поставлены исключительно диалектически». (В этом и состоит упомянутое выше исключение.) Рассуждение Маркса о неизбежности экспроприации экспроприаторов в силу законов развития капитализма носит «исключительно диалектический характер». «Идеал» Маркса об общинности земли и капитала — «в смысле неизбежности и несомненности держится исключительно на конце гегелевской 3-хчленной цепи».

Этот довод «целиком взят» у Дюринга, проводившего его в своей «Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Sozialismus» (3-te Aufl., 1879. S. 486—487) **). При этом г. Михайловский ни словом не упоминает о Дюринге. Может быть, впрочем, он самостоятельно додумался до этого перевирания Маркса?

*) — ко 2-му пункту. *Ред.*

**) «Критическая история политической экономии и социализма» (3-е изд., 1879. Стр. 486—487). *Ред.*

Дюрингу прекрасный ответ дал Энгельс, и так как он цитирует и критику Дюринга, то мы и ограничимся этим ответом Энгельса. Читатель увидит, что он целиком относится и к г. Михайловскому *).

«Этот исторический очерк (генезис т.-наз. первоначального накопления капитала в Англии) — говорит Дюринг — представляет из себя еще сравнительно лучшее место в книге Маркса и был бы еще лучше, если бы не опирался, помимо научных, еще и на диалектические костыли. Гегелевское отрицание отрицания играет здесь — за неимением лучших и более ясных доводов — роль повивальной бабки, благодаря услугам которой будущее высвобождается из недр настоящего. Уничтожение индивидуальной собственности, совершившееся указанным образом с 16 в., представляет из себя первое отрицание. За ним последует другое, которое характеризуется, как отрицание отрицания и вместе с тем как восстановление «индивидуальной собственности», но в высшей форме, основанной на общем владении землей и орудиями труда. Если эта новая «индивидуальная собственность» в то же время называется г-ном Марксом и «общинной собственностью», то в этом именно и сказывается гегелевское высшее единство, в котором противоречие устраняется (aufgehoben — специально гегелевский термин), т.-е., по гегелевской игре слов, столько же превосходится, сколько и сохраняется.

...Экспроприация экспроприаторов является таким образом как бы автоматическим продуктом исторической действительности в ее материальных внешних условиях... Едва ли хоть один разумный человек убедится в необходимости общинного владения землей и капиталом на основании веры в гегелевские фокусы, вроде отрицания отрицания. Туманная уродливость представлений Маркса не может, впрочем, удивить того, кто знаком с тем, что можно сделать из такого научного материала, как гегелевская диалектика, или — лучше — какие нелепицы должны получиться из него. Для незнакомых с этими штуками скажу прямо, что первое отрицание играет у Гегеля роль заимствованного из катехизиса понятия грехопадения, а второе — роль высшего единства, ведущего к искуплению. На подобных фокусах аналогии, заимствованных из области религии — конечно уж нельзя основать логику фактов... Г. Маркс успокаивается на своей путаной идее об индивидуальной и в то же время общинной собственности и предоставляет своим адептам самим разрешить эту глубокомысленную диалектическую загадку». Так говорит г. Дюринг.

---

*) Нижеследующие цитаты переведены лично В. И. Лениным (русского перевода в то время не существовало) из «Анти-Дюринга», 2-е нем. изд. 1886 г. *Ред.*

«Итак — заключает Энгельс — Маркс не в состоянии доказать необходимость социальной революции, необходимость введения общинной собственности на землю и на произведенные трудом средства производства, не прибегая к гегелевскому отрицанию отрицания; основывая свою социалистическую теорию на таких, заимствованных у религии, фокусах аналогии, он приходит к тому выводу, что в будущем обществе будет существовать собственность в одно и то же время и индивидуальная и общинная, в качестве гегелевского высшего единства устраненного противоречия. (Что такая формулировка воззрений Дюринга целиком приложима и к г. Михайловскому, доказательством этому служит еще следующее место из его статьи: «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». Возражая г. Жуковскому, утверждавшему, что Маркс — защитник частной собственности, г. Михайловский указывает на эту схему Маркса и поясняет ее след. образом: «В свою схему Маркс ввернул два общеизвестных фокуса гегелевской диалектики: во-1) схема построена по законам гегелевской триады; во-2) синтезис основывается на тождестве противоположностей: индивидуальной и общинной собственности. Значит, тут слово: «индивидуальный» имеет особенный, чисто условный смысл члена диалектического процесса и ничего ровно на нем основывать нельзя». Это говорил человек с самыми благими намерениями, защищая перед русской публикой «сангвиника» Маркса от буржуа г. Жуковского. И вот с этими-то благими намерениями он поясняет Маркса таким образом, что тот свое представление о процессе основывает на «фокусах»! Г. Михайловский может извлечь отсюда небесполезную для него мораль, что одних благих намерений для какого бы то ни было дела немножко мало.)

«Оставим пока в стороне отрицание отрицания и посмотрим на эту «собственность, в одно и то же время и индивидуальную и общинную». Г. Дюринг называет это «туманом», и он, — как это ни удивительно, — действительно прав в этом отношении. К несчастию только, находится в этом «тумане» совсем не Маркс, а опять-таки сам г. Дюринг... Поправляя Маркса по Гегелю, он подсовывает ему какое-то высшее единство собственности, о котором Маркс не сказал ни слова.

«У Маркса значится: «Это отрицание отрицания. Оно снова создает индивидуальную собственность, но на основании приобретений капиталистической эры — кооперации свободных работников и их общинного владения землей и произведенными ими средствами производства. Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную

собственность». Вот и все. Таким образом порядки, созданные экспроприацией экспроприаторов, характеризуются как восстановление индивидуальной собственности «на основании» общинного владения землей и созданными самими работниками средствами производства. Для всякого, кто понимает немецкий язык (и русский тоже, г. Михайловский, потому что перевод совершенно точен), это означает, что общинная собственность простирается на землю и другие средства производства, а индивидуальная собственность на остальные продукты, т.-е. на предметы потребления. А чтобы дело было понятно даже 6-летним ребятам, Маркс на стр. 56 (русс. изд. стр. 30) предполагает «союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу», т.-е. социалистически организованную общину, и говорит: «Весь продукт труда представляет из себя общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной». Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. «Поэтому она должна быть распределена между ними». Должно же это быть достаточно ясно даже и для г. Дюринга.

«Собственность и индивидуальная и общинная в то же время, — эта туманная уродливость, эта нелепица, получающаяся из гегелевской диалектики, эта путаница, эта глубокомысленная диалектическая загадка, которую Маркс предоставляет решить своим адептам, — опять-таки является вольным сочинением и выдумкой г. Дюринга...

«Теперь — продолжает Энгельс — какую же роль играет у Маркса отрицание отрицания?» На стр. 791 и сл. (русс. изд. стр. 648 и сл.) сопоставляет он окончательные результаты изложенного на предыдущих 50 (русс. изд. — 35-ти) страницах экономического и исторического исследования о т.-наз. первоначальном накоплении капитала. До капиталистической эры существовало, по крайней мере в Англии, мелкое производство на основании частной собственности работника на его средства производства. Т.-наз. первоначальное накопление состояло здесь в экспроприации этих непосредственных производителей, т.-е. в уничтожении частной собственности, основанной на собственном труде. Это уничтожение сделалось возможным потому, что упомянутое мелкое производство совместимо только с узкими, примитивными рамками производства и общества, и на известной ступени развития оно само создает материальные основания для своего уничтожения. Это уничтожение, превращение индивидуальных и раздробленных орудий производства в общественно-концентрированные — образует собой первоначальную историю капитала. Как скоро работники были превращены в пролета-

риев, а их средства производства в капитал, как скоро капиталистический способ производства стал на собственные ноги, — дальнейшее обобществление труда и дальнейшее превращение земли и других средств производства (в капитал), а, след., и дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. «Теперь подлежит экспроприированию уже не работник, ведущий свое хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, вследствие концентрации капиталов. Один капиталист побивает на смерть других. Рука об руку с этой концентрацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно расширяющихся размерах, развивается сознательное технологическое применение науки, планомерная общественная эксплуатация земли, превращение орудий труда в такие, которые могут быть употреблены только общинно, и экономизирование всех средств производства вследствие употребления их в качестве общинных средств производства комбинированного общественного труда. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, узурпирующих и монополизирующих все выгоды этого превращения, растет масса нищеты, угнетения, рабства, деградации, эксплуатации, но также и возмущения постоянно растущего рабочего класса, обучаемого, объединяемого и организуемого самим механизмом капиталистического процесса производства. Капитал становится оковами того способа производства, который расцвел вместе с ним и под его покровом. Концентрация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимы с их капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

«И теперь спрашиваю я читателя, где диалектические хитрые завитки и арабески, где смешение понятий, сводящее все различия к нулю, где диалектические чудеса для правоверных и фокусы по масштабу гегелевского учения о логосе, без которых Маркс, по словам Дюринга, не мог довести до конца своего изложения? Маркс доказывает исторически и здесь вкратце резюмирует, что точно так же, как некогда мелкое производство своим собственным развитием породило условия своего уничтожения, так точно теперь капиталистическое производство породило само материальные условия, от которых оно должно погибнуть. Таков исторический процесс, и если он в то же время оказывается диалектическим, то это уже не вина Маркса, как бы фатально ни казалось это г. Дюрингу.

«Только теперь, покончивши с своим историко-экономическим доказательством, Маркс продолжает: «Капиталистический

способ производства и присвоения, а, след., и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной собственности, основанной на собственном труде. Отрицание капиталистического производства производится им самим, с необходимостью естественно-исторического процесса. Это — отрицание отрицания» и т. д. (как выше цитировано).

«Таким образом, называя этот процесс отрицанием отрицания, Маркс и не помышляет о том, чтобы в этом видеть доказательство его исторической необходимости. Напротив того: после того как он доказал исторически, что процесс этот отчасти уже действительно совершился, отчасти еще должен совершиться, только после этого характеризует он его как такой процесс, который притом происходит по известному диалектическому закону. Вот и все. Таким образом, это — опять-таки чистейшая передержка г. Дюринга, когда он утверждает, что отрицание отрицания оказывает здесь услуги повивальной бабки, при помощи которых будущее высвобождается из недр прошедшего, или будто бы Маркс требует, чтобы кто-нибудь убеждался в необходимости общинного владения землей и капиталом на основании веры в закон отрицания отрицания» (стр. 125).

Читатель видит, что вся эта прекрасная отповедь Энгельса Дюрингу целиком относится и к г. Михайловскому, утверждающему точно так же, что будущее у Маркса держится исключительно на конце гегелевской цепи и что убеждение в его неизбежности может основываться только на вере. (Не лишнее, кажется, отметить по этому поводу, что все это разъяснение Энгельса помещено в той же главе, где он рассуждает о зерне, об учении Руссо и др. примерах диалектического процесса. Казалось бы, одного сопоставления этих примеров с такими ясными и категорическими заявлениями Энгельса (и Маркса, которому читана была предварительно рукопись этого сочинения), что не может быть и речи о том, чтобы «доказывать» что-нибудь триадами, или о том, чтобы подсовывать в изображение действительного процесса «условные члены» этих триад, — совершенно достаточно, чтобы понять нелепость обвинения марксизма в гегелевской диалектике.)

Все различие между Дюрингом и г. Михайловским сводится к 2-м следующим небольшим пунктам: во-1) Дюринг—несмотря на то, что он без пены у рта не может говорить о Марксе, тем не менее счел необходимым в следующем параграфе своей «Истории» упомянуть о том, что Маркс в послесловии категорически отвергает обвинение в гегельянстве. Г. же Михайловский об этом (вышеприведенном) совершенно определенном и ясном изложении Марксом того, что он понимает под диалектическим методом, умолчал.

Во-2). Вторая оригинальность г. Михайловского состоит в том, что он сосредоточил все внимание на употреблении времен гла-

голов. Почему, говоря о будущем, Маркс употребляет настоящее время? — с победоносным видом спрашивает наш философ. Об этом вы можете справиться в каждой грамматике, достопочтенный критик: вам скажут, что настоящее употребляется вместо будущего, когда это будущее представляется неизбежным и несомненным. Но почему же это, почему оно несомненно? — тревожится г. Михайловский, желая изобразить такое сильное волнение, чтобы оно могло оправдать даже передержку. — И на этот счет Маркс дал совершенно определенный ответ. Можно считать его недостаточным или неверным, но тогда надо показать, «в чем именно» и «почему именно» он неверен, а не говорить вздора о гегелианстве.

Было время, когда г. Михайловский не только сам знал, в чем состоит этот ответ, но и других поучал. Г. Жуковский — писал он в 1877 г. — мог основательно считать гадательным построение Маркса насчет будущего, но он не «имел нравственного права» обходить вопрос об обобществлении труда, «которому Маркс придает огромное значение». Ну, конечно! Жуковский в 1877 г. не имел нравственного права обходить вопрос, а г. Михайловский в 1894 г. имеет такое нравственное право! Может быть, — quod licet Jovi, non licet bovi*)?!

Не могу не вспомнить здесь одного курьеза насчет понимания этого обобществления, высказанного некогда «Отечественными Записками» [17]). В № 7 за 1883 г. помещено было там «Письмо в редакцию» некоего г. Постороннего [18]), который точно так же, как и г. Михайловский, считал «построение» Маркса насчет будущего гадательным. «В сущности — рассуждает этот господин — общественная форма труда при господстве капитализма сводится к тому, что несколько сот или тысяч рабочих точат, бьют, вертят, накладывают, подкладывают, тянут и совершают еще множество других операций в одном помещении. Общий же характер этого режима прекрасно выражается поговоркой: «каждый за себя, а уж бог за всех». При чем тут общественная форма труда?»

Вот это сразу уже видно, что понял человек, в чем дело! «Общественная форма труда» «сводится» к «работе в одном помещении»!! И после таких диких мыслей в одном из лучших еще русских журналов — нас хотят уверить, что теоретическая часть «Капитала» общепризнана наукой. Да, не будучи в силах ничего мало-мальски серьезного возразить против «Капитала», «общепризнанная наука» стала расшаркиваться перед ним, продолжая в то же время выказывать самое элементарное невежество и повторять старые пошлости школьной экономии. Приходится остановиться несколько на этом вопросе, чтобы показать

*) — что позволено Юпитеру, то не позволено быку. *Ред.*

г. Михайловскому, в чем состоит сущность дела, которую он, по своей постоянной привычке, совершенно обошел.

Обобществление труда капиталистическим производством состоит совсем не в том, что люди работают в одном помещении (это только — частичка процесса), а в том, что концентрация капиталов сопровождается специализацией общественного труда, уменьшением числа капиталистов в каждой данной отрасли промышленности и увеличением числа особых отраслей промышленности; — в том, что многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства. Если, напр., в эпоху кустарного ткачества мелкие производители сами пряли пряжу и выделывали из нее ткани, то мы имели немного отраслей промышленности (пряденье и ткачество сливались вместе). Если же производство обобществляется капитализмом, то число особых отраслей промышленности увеличивается: отдельно производится бумагопряденье, отдельно ткачество; самое это обособление и концентрация производства вызывают новые отрасли — производство машин, добывание каменного угля и т. д. В каждой отрасли промышленности, сделавшейся теперь более специализированной, число капиталистов становится все меньше. Это значит, что общественная связь между производителями все более и более укрепляется, производители сплачиваются в одно целое. Разрозненные мелкие производители производили каждый по нескольку операций зараз и потому были сравнительно независимы от других: если, напр., кустарь сам сеял лен, сам прял и ткал, — он был почти независим от других. На таком-то режиме мелких, раздробленных товаропроизводителей (и только на нем) оправдывалась поговорка: «каждый за себя, а за всех бог», т.-е. анархия рыночных колебаний. Совсем иначе обстоит дело при достигнутом благодаря капитализму обобществлении труда. Фабрикант, производящий ткани, зависит от бумагопрядильного фабриканта; этот последний — от капиталиста плантатора, посеявшего хлопок, от владельца машиностроительного завода, каменноугольной копи и т. д. и т. д. В результате получается то, что ни один капиталист не может обойтись без других. Ясное дело, что поговорка «каждый за себя» — к такому режиму совсем уже неприложима: здесь уже каждый работает на всех и все на каждого (и богу не остается места — ни в качестве заоблачной фантазии, ни в качестве земного «златого тельца»). Характер режима совершенно меняется. Если во время режима существования мелких раздробленных предприятий в каком-нибудь из них останавливалась работа,—это отражалось лишь на небольшом числе членов общества, не производило общего замешательства и потому не вызывало общего внимания, не побуждало к общественному вмешательству в дело. Но если такая остановка произошла

в крупном предприятии, посвященном очень уж сильно специализированной отрасли промышленности и потому работающем чуть ли не на все общество и в свою очередь зависящем от всего общества (я беру для простоты случай, когда обобществление достигло своей кульминационной точки) — тогда уже должно остановиться дело во всех остальных предприятиях общества, потому что они могут получить необходимые продукты только из этого предприятия — могут реализовать все свои товары только при наличности его товаров. Все производства сливаются таким образом в один общественный производительный процесс, а между тем каждое производство ведется отдельным капиталистом, завися от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность. Неужели же не ясно, что форма производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения? Неужели не очевидно, что последняя не может не приспособиться к первой, не может не сделаться тоже общественной, т. е. социалистической? А остроумный филистер из «Отеч. Записок» сводит все к работе в одном помещении. Вот уж поистине попал пальцем в небо! (Я описал один только материальный процесс, одно изменение производственных отношений, не коснувшись социальной стороны процесса, объединения, сплачивания и организации рабочих, — так как это производное, второстепенное явление.)

Если российским «демократам» приходится разъяснять такие азбучные вещи, — то причина этого лежит в том, что они до такой степени погрязли по уши в мещанских идеях, что решительно не в состоянии представить себе иных порядков, кроме мещанских.

Возвратимся однако к г. Михайловскому. Что возразил он против тех фактов и соображений, на которых Маркс основал вывод о неизбежности социалистического строя в силу самих законов развития капитализма? Показал ли он, что в действительности — при товарной организации общественного хозяйства — не происходит роста специализации общественного процесса труда, концентрации капиталов и предприятий, обобществления всего процесса труда? Нет, он не привел ни одного указания в опровержение этих фактов. Поколебал ли он то положение, что капиталистическому обществу присуща анархия, не мирящаяся с обобществлением труда? Он ничего не сказал об этом. Доказывал ли он, что объединение процесса труда всех капиталистов в один общественный процесс труда может ужиться с частной собственностью? что возможен и мыслим иной выход из противоречия, кроме указанного Марксом? Нет, он ни слова не сказал об этом.

На чем же держится его критика? На подтасовках, передержках и на потоке фраз, представляющих собой не что иное, как погремушки.

Как назвать иначе, в самом деле, такие приемы, когда критик, — наговоривши предварительно много чепухи насчет тройственно-последовательных шагов истории,—задает Марксу с серьезным видом такой вопрос: «а дальше что?», т.-е. как пойдет история за той конечной стадией процесса, которую он обрисовал. Извольте видеть, Маркс с самого начала своей литературной и революционной деятельности с полнейшей определенностью заявил свои требования от социологической теории: она должна точно изображать действительный процесс — и ничего более (ср., напр., «Коммунистический Манифест» о критерии теории коммунистов). В своем «Капитале» он строжайше соблюл это требование: поставив своей задачей научный анализ капиталистической общественной формации, — он поставил точку, доказавши, что действительно происходящее перед нашими глазами развитие этой организации имеет такую-то тенденцию, что она неизбежно должна погибнуть и превратиться в другую, высшую организацию. А г. Михайловский, обойдя всю сущность доктрины Маркса, задает свой глупейший вопрос: «а дальше что?» И глубокомысленно добавляет: «Я должен откровенно признаться, что не совсем ясно представляю себе ответ Энгельса». Но зато мы должны откровенно признаться, г. Михайловский, что совсем ясно представляем себе дух и приемы такой «критики»!

Или еще такое рассуждение: «В средние века Марксова индивидуальная собственность, основывающаяся на собственном труде, не была ни единым, ни преобладающим фактором, даже в области экономических отношений. Рядом с ней существовало многое другое, к чему однако диалектический метод в толковании Маркса (а не в перевирании г. Михайловского?) не предлагает возвращаться... Очевидно, что все эти схемы не представляют картины исторической действительности, или даже только ее пропорций, а только удовлетворяют склонности человеческого ума мыслить всякий предмет в состояниях прошедшего, настоящего и будущего». Даже приемы Ваших передержек, г. Михайловский, однообразны до тошноты! Сначала подсунул в схему Маркса, претендующую на формулирование действительного процесса развития капитализма (поэтому-то и опущены другие черты экономических порядков средних веков, что они принадлежали к феодальной общественной формации, тогда как Маркс изучает одну «капиталистическую». В чистом своем виде процесс развития капитализма действительно начался (напр., в Англии) с режима мелких, раздробленных товаропроизводителей и их индивидуальной трудовой собственности) — и на ничто другое, намерение доказывать что бы то ни было триадами, затем констатирует, что схема Маркса не соответствует этому, навязанному ей г. Михайловским плану (3-ья стадия восстановляет только «одну» сторону первой стадии, опуская все остальные), и раз-

вязнейшим образом делает вывод, что «схема, очевидно, не представляет картины исторической действительности»!

Мыслима ли серьезная полемика с таким человеком, неспособным (употребляя выражение Энгельса о Дюринге) даже по исключению цитировать точно? Можно ли тут «возражать», когда публику уверяют, что схема «очевидно» не соответствует действительности, не сделавши даже попытки показать в чем-нибудь ее неверность? Вместо того, чтобы критиковать действительное содержание марксистских воззрений, г. Михайловский упражняет свое остроумие насчет категорий прошедшего, настоящего и будущего. Энгельс, напр., возражая против «вечных истин» г. Дюринга, говорит, что «нам в настоящее время проповедуют троякую мораль: христианско-феодальную, буржуазную и пролетариатскую, так что прошедшее, настоящее и будущее имеют свои теории морали». Г. Михайловский по поводу этого рассуждает: «я думаю, что в основании всех тройственных делений истории на периоды лежат именно категории прошедшего, настоящего и будущего». Какое глубокомыслие! Да кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего? Но разве, напр., Энгельс думал утверждать, чтобы история морали (он ведь говорил только о «настоящем») ограничивалась тремя указанными моментами? чтобы феодальной морали не предшествовала бы, напр., рабская, а этой последней — мораль первобытной коммунистической общины? Вместо того, чтобы серьезно критиковать попытку Энгельса разобраться в современных течениях моральных идей посредством материалистического их объяснения, — г. Михайловский угощает нас пустейшим фразерством!

По поводу таких приемов «критики» г. Михайловского, открывшейся заявлением, что он не знает, в каком сочинении изложено материалистическое понимание истории, — небесполезно, может быть, напомнить, что было время, когда автор знал одно из этих сочинений и умел правильнее оценить его. В 1877 г. г. Михайловский так отзывался о «Капитале»: «Если снять с «Капитала» тяжелую, неуклюжую и ненужную крышку гегельянской диалектики (Что за странность такая? Отчего это в 1877 г. «гегельянская диалектика» была «ненужной», а в 1894 г. вышло так, что материализм опирается на «непререкаемость диалектического процесса»?), то, независимо от других достоинств этого сочинения, мы увидим в нем превосходно разработанный матерьял для решения общего вопроса об отношении форм к материальным условиям их существования и превосходную постановку этого вопроса для известной области». — «Отношение форм к материальным условиям их существования» — это, ведь, и есть тот вопрос о соотношении разных сторон общественной жизни,

о надстройке идеологических общественных отношений над материальными, в известном решении которого и состоит доктрина материализма. Пойдем дальше.

«Собственно говоря *весь «Капитал»* (курсив мой) посвящен исследованию того, как раз возникшая общественная форма все развивается, усиливает свои типические черты, подчиняя себе, ассимилируя открытия, изобретения, улучшения способов производства, новые рынки, самое науку, заставляя их работать на себя, и как, наконец, дальнейших изменений материальных условий данная форма выдерживать не может».

Удивительное происшествие! В 1877 г. *весь «Капитал»* был посвящен материалистическому исследованию данной общественной формы (в чем же ином состоит материализм, как не в объяснении общественных форм материальными условиями?), — а в 1894 г. стало так, что неизвестно даже, где, в каком сочинении искать изложения этого материализма!

В 1877 г. в «Капитале» было «исследование» того, как «дальнейших изменений материальных условий данная форма (т.-е. капиталистическая? неправда ли?) выдержать не может» (это заметьте), — а в 1894 г. оказалось так, что никакого исследования совсем нет, а убеждение в том, что капиталистическая форма не может выдержать дальнейшего развития производительных сил — держится «исключительно на конце гегелевской триады»! В 1877 г. г. Михайловский писал, что «анализ отношений данной общественной формы к материальным условиям ее существования *навсегда* (курсив мой) останется памятником логической силы и громадной эрудиции автора», — а в 1894 г. он объявляет, что доктрина материализма никогда и нигде не была проверена и обоснована научно!

Удивительное происшествие! Что же это такое в самом деле означает? Что такое случилось?

Случилось два обстоятельства: во-1) «русский», крестьянский социализм 70-х г.г., «фыркавший» на свободу ради ее буржуазности, боровшийся с «яснолобыми либералами», усиленно замазывавшими антагонистичность русской жизни, и мечтавший о крестьянской революции, — совершенно разложился и породил тот пошлый мещанский либерализм, который усматривает «бодрящие впечатления» в прогрессивных течениях крестьянского хозяйства, забывая, что они сопровождаются (и обуславливаются) массовой экспроприацией крестьянства. — Во-2) в 1877 г. г. Михайловский так увлекался своей задачей — защитить «сангвиника» (т.-е. социалиста-революционера) Маркса от либеральных критиков, что не заметил несовместимости метода Маркса с его собственным методом. Но вот разъяснили ему это непримиримое противоречие между диалектическим материализмом и субъективной социологией — разъяснили статьи и книги Энгельса,

разъяснили русские социал-демократы (у Плеханова не раз встречаются очень меткие замечания по адресу г. Михайловского) — и г. Михайловский вместо того, чтобы серьезно приняться за пересмотр вопроса, просто-на-просто закусил удила. Вместо приветствия Маркса (выраженного им в 1872 и 1877 г.г.) [19]) он лает теперь на него из-за подворотни сомнительного качества похвал, и шумит и брызжет против русских марксистов, не желающих удовлетворяться «охраной экономически слабейшего», товарными складами и улучшениями в деревне, музеями и артелями для кустарей и т. п. благонамеренными мещанскими прогрессами — и желающих оставаться «сангвиниками», сторонниками социальной революции и обучать, руководить и организовать действительно революционные общественные элементы.

После этого небольшого отступления в область давнопрошедшего, можно, кажется, и закончить разбор «критики» г. Михайловского теории Маркса. Попробуем же подвести итоги и резюмировать «доводы» критика.

Доктрина, которую он вознамерился разрушить, опирается, во-1) на материалистическое понимание истории и во-2) на диалектический метод.

Что касается до первого, то критик заявил прежде всего, что он не знает, в каком сочинении изложен материализм. Не найдя нигде этого изложения, он принялся сам сочинять, что такое материализм. Чтобы дать понятие о чрезмерных претензиях этого материализма, он сочинил, будто материалисты претендуют на то, что объяснили все прошедшее, настоящее и будущее человечества, — а когда потом, по справке с подлинным заявлением марксистов, оказалось, что объясненной считают одну только общественную формацию, — тогда критик решил, что материалисты суживают поле действия материализма, чем, мол, и побивают себя. Чтобы дать понятие о приемах выработки этого материализма, он сочинил, будто материалисты сами признавались в слабости познаний для такого дела, как выработка научного социализма, несмотря на то, что в слабости познаний Маркс и Энгельс сознавались (в 1845 — 47 г.г.) по отношению к экономической истории вообще, и несмотря на то, что это сочинение, доказывавшее слабость их познаний, они никогда не печатали. После таких прелюдий подарили нас и критикой: «Капитал» был уничтожен тем, что касается одного только периода, тогда как критику нужны все периоды, и еще тем, что «Капитал» не утверждает экономический материализм, а просто касается его — аргументы настолько, очевидно, веские и серьезные, что пришлось признать, что материализм никогда не был научно обоснован. Затем против материализма приведен был тот факт, что человек, совершенно посторонний этой доктрине, изучавший доисторические времена совсем в другой стране, — пришел к материалисти-

ческим же выводам. Чтобы показать далее, что детопроизводство совсем неправильно притянуто к материализму, что это — одно словесное ухищрение, — критик стал доказывать, что экономические отношения представляют надстройку над половыми и семейными. Указания, которые даны были при этом серьезным критиком в поучение материалистам, обогатили нас глубокой истиной, что наследство невозможно без детопроизводства, что к продуктам этого детопроизводства «примыкает» сложная психика и что дети воспитываются в духе отцов. Попутно узнали мы также, что национальные связи — продолжение и обобщение родовых.

Продолжая свои теоретические изыскания о материализме, критик заметил, что содержание многих аргументов марксистов состоит в том, что угнетение и эксплуатация масс «необходимы» при буржуазном режиме и что этот режим «необходимо» должен превратиться в социалистический, — и вот он не замедлил объявить, что необходимость — слишком общая скобка (если не сказать о том, что именно люди считают необходимым) и что поэтому марксисты — мистики и метафизики. Критик заявил также, что полемика Маркса с идеалистами «одностороння», не сказавши ни слова о том, как относятся воззрения этих идеалистов к субъективному методу и как относится к ним диалектический материализм Маркса.

Что касается до второго устоя марксизма — диалектического метода — то достаточно было одного толчка смелого критика, чтобы свалить этот устой. И толчек был очень меткий: критик возился и трудился с неимоверными усилиями над опровержением того, будто триадами можно что-либо доказывать, — умолчавши о том, что диалектический метод состоит совсем не в триадах, что он состоит именно в отрицании приемов идеализма и субъективизма в социологии. Другой толчек специально направлен был против Маркса: при помощи доблестного г. Дюринга, критик подсунул Марксу невероятный вздор, будто он доказывал необходимость гибели капитализма триадами, — и победоносно воевал против этого вздора.

Вот — эпопея блестящих «побед» «нашего известного социолога»! Неправда ли, как «поучительно» (Буренин) созерцание этих побед?

Нельзя не коснуться здесь еще одного обстоятельства, не имеющего прямого отношения к критике доктрины Маркса, но крайне характерного для уяснения идеалов и понимания действительности критиком. Это — отношение его к рабочему движению на Западе.

Выше было приведено заявление г. Михайловского, что материализм не оправдал себя в «науке» (может быть, в науке германских «друзей народа»?), но этот материализм, — рассу-

ждает г. Михайловский,— «действительно очень быстро распространяется в рабочем классе». Как же объясняет этот факт г. Михайловский? «Что касается успеха, которым экономический материализм пользуется, так сказать, в ширину, — говорит он — его распространенности в критически непроверенном виде, то центр тяжести этого успеха лежит не в науке, а в житейской практике, устанавливаемой перспективами в сторону будущего». Какой иной смысл может иметь эта неуклюжая фраза о практике, «устанавливаемой» перспективами в сторону будущего, кроме того, что материализм распространяется не потому, чтобы он правильно объяснил действительность, а потому, что он отвернулся от этой действительности в сторону перспективы? И дальше говорится: «Перспективы эти не требуют от усвояющего их немецкого рабочего класса и принимающих горячее участие в его судьбе ни знаний, ни работы критической мысли. Они требуют только веры». Другими словами, распространение материализма и научного социализма вширь зависит от того, что эта доктрина обещает рабочим лучшее будущее! Да ведь достаточно самого элементарного знакомства с историей социализма и рабочего движения на Западе, чтобы видеть всю вздорность и фальшь этого объяснения. Всякий знает, что никаких собственно перспектив будущего никогда научный социализм не рисовал: он ограничивался тем, что давал анализ современного буржуазного режима, изучал тенденции развития капиталистической общественной организации — и только. «Мы не говорим миру — писал Маркс еще в 1843 г., и он в точности выполнил эту программу — мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание — такая вещь, которую мир должен приобрести себе, хочет он этого или нет». Всякий знает, что, напр., «Капитал» — это главное и основное сочинение, излагающее научный социализм — ограничивается самыми общими намеками насчет будущего, прослеживая только те, теперь уже имеющиеся на-лицо, элементы, из которых вырастает будущий строй. Всякий знает, что по части перспектив будущего неизмеримо больше давали прежние социалисты, которые со всеми подробностями разрисовывали будущее общество, желая увлечь человечество картиной таких порядков, когда люди обходятся без борьбы, когда их общественные отношения основываются не на эксплуатации, а на истинных началах прогресса, соответствующих условиям человеческой природы. Однако — несмотря на целую фалангу талантливейших людей, излагавших эти идеи, и убежденнейших социалистов, — их теории оставались в стороне от жизни, их программы — в стороне от народных политических движений, пока крупная машинная индустрия не вовлекла в водоворот политической жизни массы рабо-

ми общими намеками на счетъ будущаго, прослѣживая только тѣ
теперь уже имѣющіеся на лицо, элементы, изъ к-рыхъ выростаетъ
будущій строй. Всякій знаетъ, что по части перспективъ буду-
щаго неизмѣримо больше давали прежніе соціалисты, к-рые со
всѣми подробностями разрисовывали будущее общество, желая увлече
человѣчество картиной такихъ порядковъ, когда люди обходятся
безъ борьбы, когда ихъ общественныя отношенія основываются не
на эксплуатаціи, а на истиныхъ началахъ прогресса, соотвѣтст-
вующихъ условіямъ человѣческой природы. Однако - несмотря на
цѣлую фалангу талантливѣйшихъ людей, излагавшихъ эти идеи, и у-
бѣжденнѣйшихъ соціалистовъ, - ихъ теоріи оставались въ сторонѣ
отъ жизни, ихъ программы - въ сторонѣ отъ народныхъ полити
ческихъ движеній, пока крупная машинная индустрія не вовлек-
ла въ водоворотъ политической жизни массы рабочаго пролетарі-
ата и пока не былъ найденъ истиный лозунгъ его борьбы.
Этотъ лозунгъ найденъ былъ Марксомъ, не ,,утопистомъ, а стро
гимъ, мѣстами даже сухимъ ученымъ'' (какъ отзывался о немъ г.М-
кій въ давнопрошедшія времена - 187? г), найденъ совсѣмъ не
посредствомъ какихъ нбд. перспективъ, а посредствомъ научнаго
анализа современнаго буржуазнаго режима, посредствомъ выясненія
,,необходимости''эксплуатаціи при наличности этого режима, посред
ствомъ изслѣдованія законовъ его развитія. Г М-скій можетъ
конечно, увѣрять читателей Р.Богатства, что усвоеніе этого ана-
лиза не требуетъ ни знаній, ни работы мысли, но мы видѣли
уже у него самого (и увидимъ не меньше у его сотрудника
экономиста) такое грубое непониманіе азбучныхъ истинъ, установ-л
енныхъ этимъ анализомъ, что подобное заявленіе въ состояніи
вызвать, разумѣется, только улыбку. Остается неоспоримымъ фак-
томъ распространеніе и развитіе рабочаго движенія именно тамъ.
и постольку, гдѣ и поскольку развивается крупная капиталисти-
ческая машинная индустрія; - успѣхъ соціалистической доктрины
именно въ томъ случаѣ, когда на оставляетъ разсужденія объ

Текст 64-й страницы гектографированной тетради:
«Что такое «друзья народа»?» 1-е издание 1 выпуска. 1894 г.
Уменьшено.

чего пролетариата и пока не был найден истинный лозунг его борьбы. Этот лозунг найден был Марксом, не «утопистом, а строгим, местами даже сухим ученым» (как отзывался о нем г. Михайловский в давнопрошедшие времена — 1872 г.), найден совсем не посредством каких-нибудь перспектив, а посредством научного анализа современного буржуазного режима, посредством выяснения «необходимости» эксплуатации при наличности этого режима, посредством исследования законов его развития. Г. Михайловский может, конечно, уверять читателей «Русского Богатства», что усвоение этого анализа не требует ни знаний, ни работы мысли, но мы видели уже у него самого (и увидим не меньше у его сотрудника экономиста) такое грубое непонимание азбучных истин, установленных этим анализом, что подобное заявление в состоянии вызвать, разумеется, только улыбку. Остается неоспоримым фактом распространение и развитие рабочего движения именно там и постольку, где и поскольку развивается крупная капиталистическая машинная индустрия; — успех социалистической доктрины именно в том случае, когда она оставляет рассуждения об общественных условиях, соответствующих человеческой природе, и берется за материалистический анализ современных общественных отношений, за выяснение необходимости теперешнего режима эксплуатации.

Попытавшись обойти действительные причины успеха материализма в рабочей среде посредством прямо уж противоположной истине характеристики отношения этой доктрины к перспективам, г. Михайловский начинает теперь самым пошлым, мещанским образом глумиться над идеями и тактикой западноевропейского рабочего движения. Как мы видели, он не сумел буквально ни одного довода привести против доказательств Маркса о неизбежности превращения капиталистического строя в социалистический вследствие обобществления труда, — и тем не менее он развязнейшим образом иронизирует над тем, будто «армия пролетариев» подготовляет экспроприацию капиталистов, «вслед за чем прекратится уже всякая классовая борьба и наступит на земле мир и в человецех благоволение». Он, г. Михайловский, знает гораздо более простые и верные пути к осуществлению социализма, чем этот: нужно только, чтобы «друзья народа» поподробнее указали «ясные и непреложные» пути «желанной экономической эволюции» — и тогда этих друзей народа наверное «призовут» «для решения практических экономических проблем» (см. статью г. Южакова: «Вопросы экономического развития России», № 10 «Р. Б.»), а пока... пока рабочие должны подождать, положиться на друзей народа и не начинать с «неосновательной самоуверенностью» самостоятельной борьбы против эксплуататоров. Желая окончательно поразить на-смерть эту «неосновательную самоуверенность», наш автор с пафосом негодует против

«этой науки, умещающейся чуть ли не в карманном словаре». Какой ужас, в самом деле: наука — и социал-демократические брошюры, стоящие гроши и умещающиеся в кармане!! Не ясно ли, до какой степени неосновательно самоуверены те люди, которые лишь постольку и ценят науку, поскольку она учит эксплуатируемых самостоятельной борьбе за свое освобождение, учит сторониться от всяких друзей народа, замазывающих антагонизм классов и желающих на себя взять все дело, и которые поэтому излагают эту науку в грошовых изданиях, так шокирующих филистеров. То ли бы дело, если бы рабочие предоставили свою судьбу друзьям народа; они показали бы им настоящую, многотомную, университетскую и филистерскую науку, подробно ознакомили бы их с общественной организацией, соответствующей человеческой природе, если бы только... рабочие согласились подождать и не начинали сами борьбы с такой неосновательной самоуверенностью!

Прежде чем переходить ко второй части «критики» г. Михайловского, направленной уже не против теории Маркса вообще, а против русских социал-демократов в частности, нам приходится сделать некоторое отступление. Дело в том, что г. Михайловский, — точно так же, как он, критикуя Маркса, не только не попытался точно изложить его теорию, но прямо-таки извратил ее, — точно так же совсем уже безбожно перевирает идеи русских социал-демократов. Необходимо восстановить правду. Сделать это всего удобнее посредством сопоставления идей прежних русских социалистов — с идеями социал-демократов. Изложение первых заимствую из статьи г. Михайловского в «Русской Мысли»[20]) за 1892 г. № 6[21]), в которой он говорил тоже о марксизме (и говорил — в укор ему будь сказано — в приличном тоне, не касаясь вопросов, о которых трактовать в подцензурной прессе можно только по-Буренински,—не смешивая марксистов со всякою грязью) и в противовес ему — или, по крайней мере, если не в противовес, то в параллель — излагал свои взгляды. Я ничуть не желаю, конечно, обижать ни г. Михайловского, т.-е. причислять его к социалистам, ни русских социалистов, приравнивая к ним г. Михайловского: я думаю только, что «ход аргументации» у тех и другого в сущности один и тот же, разница же заключается в степени твердости, прямоты и последовательности убеждений.

Излагая идеи «От. Записок», г. Михайловский писал: «В состав нравственно-политических идеалов мы вводили принадлежность земли земледельцу и орудий труда производителю». Исходная точка, как видите, самая благонамеренная, полная самых добрых пожеланий... «Существующие у нас еще средневековые формы труда («Под средневековыми формами труда — пояснял автор

в другом месте — следует разуметь не только общинное землевладение, кустарную промышленность и артельную организацию. Все это, несомненно, средневековые формы, но к ним должны быть причислены все виды принадлежности земли или орудий производства работнику») сильно расшатаны, но мы не видели резона совсем кончать с ними в угоду каких бы то ни было доктрин, либеральных или нелиберальных».

Странное рассуждение! Ведь какие бы то ни было «формы труда» могут быть расшатаны только вследствие замены их другими какими-нибудь формами; а между тем мы не находим у нашего автора (да не нашли бы ни у кого из его единомышленников) даже попытки анализа этих новых форм и объяснения их, а также выяснения причин вытеснения этими новыми формами старых. Еще более странная вторая часть тирады: «мы не видели резона кончать с этими формами в угоду доктрин». Какими же это средствами обладаем мы (т.-е. социалисты — см. вышесделанную оговорку) для того, чтобы «кончать» с формами труда, т.-е. чтобы перестраивать данные производственные отношения между членами общества? Неужели не нелепа мысль о переделке этих отношений по доктрине? Послушаем дальше: «задача наша не в том, чтобы вырастить непременно «самобытную» цивилизацию из собственных национальных недр, но и не в том, чтобы перенести на себя западную цивилизацию целиком со всеми раздирающими ее противоречиями: надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет или чужое, это уже вопрос не принципа, а практического удобства. Повидимому, это столь просто, ясно и понятно, что и разговаривать не о чем». И в самом деле, как это просто! Хорошее «брать» отовсюду — и дело в шляпе! От средневековых форм «взять» принадлежность средств производства работнику, а от новых (т.-е. капиталистических) форм «взять» свободу, равенство, просвещение, культуру. И разговаривать не о чем! Субъективный метод в социологии тут весь как на ладони: социология начинает с утопии — принадлежность земли работнику — и указывает условия осуществления желательного: «взять» хорошее оттуда-то да еще оттуда. Философ этот чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический аггрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Он вырывает одно из таких явлений — принадлежность земли земледельцу в средневековых формах — и думает, что его можно точно так же пересадить во всякие другие формы, как кирпич переложить из одного здания в другое. Но ведь это же значит не изучать общественные отношения, а уродовать подлежащий изучению материал: ведь действительность не знает этой принадлежности земли земледельцу, отдельно и самостоятельно существующей, как вы ее взяли: это — только одно из звеньев тогдаш-

них производственных отношений, которые состояли в том, что земля разделена была между крупными землевладельцами, помещиками, что помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика. Почему автор не проследил этой системы производственных отношений, а ограничился тем, что вырвал одно явление, представив его таким образом в совершенно ложном свете? Потому что автор не умеет обращаться с общественными вопросами: он (повторяю, что пользуюсь рассуждениями г. Михайловского только как примером для критики «всего» русского социализма) совсем и не задается целью объяснить тогдашние «формы труда», представить их, как известную систему производственных отношений, как известную общественную формацию. Ему чужд, говоря языком Маркса, диалектический метод, обязывающий смотреть на общество, как на живой организм в его функционировании и развитии.

Вовсе и не задаваясь вопросом о причинах вытеснения старых форм труда новыми, он повторяет в рассуждении об этих новых формах совершенно такую же ошибку. Для него достаточно констатировать, что эти формы «расшатывают» принадлежность земли земледельцу, т.-е., общее говоря, выражаются в отделении производителя от средств производства, — и осудить это, как не соответствующее идеалу. И опять-таки рассуждение его совершенно нелепо: он вырывает одно явление (обезземеление) и не пробуя представить его как член другой уже системы производственных отношений, основанной на «товарном хозяйстве», необходимо порождающем конкуренцию между товаропроизводителями, неравенство, разорение одних и обогащение других. Он отметил одно явление — разорение массы, отодвинув другое — обогащение меньшинства, — и тем поставил себя в невозможность понять ни то, ни другое.

И такие приемы называет еще — «искать ответы на вопросы жизни в их плотью и кровью одетой форме» («Р. Б.» № 1 за 94 г.), тогда как он, как раз наоборот, не умея и не желая объяснить действительность, взглянуть ей прямо в лицо,— убежал позорно от этих вопросов жизни с ее борьбой имущего против неимущего, в область невинных утопий; это он называет —«искать ответы на вопросы жизни в идеальной постановке их жгучей и сложной реальной действительности» («Р. Б.» № 1), тогда как он на самом деле не сделал и попытки анализа и объяснения этой реальной действительности.

Вместо этого он дал нам утопию, сочиненную из бессмысленнейшего выдергивания отдельных элементов из разных обще-

ственных формаций — из средневековой взял то-то, из «новой» — то-то и т. д. Понятно, что теория, основанная на этом, не могла не остаться в стороне от действительной общественной эволюции по той простой причине, что жить-то и действовать приходилось нашим утопистам не в тех общественных отношениях, которые составлены из взятых оттуда-то да оттуда элементов, а в тех, которые определяют отношения крестьянина к кулаку (хозяйственному мужику), кустаря к скупщику, рабочего к фабриканту и которые были совершенно непоняты ими. Их попытки и усилия переделать эти непонятые отношения по своему идеалу не могли не потерпеть неудачи.

Вот в самых общих чертах — очерк того положения вопроса о социализме в России, когда «народились русские марксисты».

Они начали именно с критики субъективных приемов прежних социалистов; не удовлетворяясь констатированием эксплуатации и осуждением ее, они пожелали «объяснить» ее. Видя, что вся пореформенная история России состоит в разорении массы и в обогащении меньшинства, наблюдая гигантскую экспроприацию мелких производителей наряду с повсеместным техническим прогрессом, замечая, что эти полярные течения возникают и усиливаются там и постольку, где и поскольку развивается и усиливается товарное хозяйство, — они не могли не заключить, что имеют дело с буржуазной (капиталистической) организацией общественного хозяйства, «необходимо» порождающей экспроприацию и угнетение масс. Их практическая программа прямо уже определялась этим убеждением: она сводилась к тому, чтобы примкнуть к этой борьбе пролетариата с буржуазией, борьбе неимущих классов против имущих, которая составляет главное содержание экономической действительности России, начиная от глухой деревушки и кончая новейшей усовершенствованной фабрикой. Как примкнуть? — ответ подсказала им опять-таки сама действительность. Капитализм довел главные отрасли промышленности до стадии крупной машинной индустрии; обобществив таким образом производство, он создал материальные условия новых порядков и в то же время создал новую социальную силу: класс фабрично-заводских рабочих, городского пролетариата. Подвергаясь такой же буржуазной эксплуатации, каковою является по своей экономической сущности эксплуатация всего трудящегося населения России, — этот класс поставлен, однако, в особо выгодные условия по отношению к своему освобождению: он ничем не связан уже со старым, целиком построенным на эксплуатации, обществом; самые условия его труда и обстановка жизни организуют его, заставляют мыслить, дают возможность выступить на арену политической борьбы. Естественно, что социал-демократы обратили все свое внимание и все надежды на этот класс, что они свели свою программу к развитию его

классового самосознания, направили всю свою деятельность к тому, чтобы помочь ему подняться на прямую политическую борьбу против современного режима и втянуть в эту борьбу весь русский пролетариат.

Посмотрим теперь, как воюет г. Михайловский против социал-демократов. Что приводит он в возражение против их теоретических воззрений? против их политической социалистической деятельности?

Теоретические воззрения марксистов излагаются критиком следующим образом:

«Истина — по словам, будто бы, марксистов — состоит в том, что по имманентным законам исторической необходимости Россия разовьет свое капиталистическое производство, со всеми его внутренними противоречиями, с поеданием малых капиталов крупными, а тем временем оторванный от земли мужик обратится в пролетария, объединится, «обобществится», и дело будет в шляпе, которую только и останется надеть на голову осчастливленному человечеству».

Извольте видеть, — марксисты, значит, ничем не отличаются от друзей народа в понимании действительности, но только в представлении будущего: они совсем, должно быть, не занимаются настоящим, а только «перспективами». Что именно такова мысль г. Михайловского, в этом не может быть сомнения: марксисты — говорит он — «вполне уверены, что в их провидениях будущего нет ничего утопического, а все взвешено и смерено по предписаниям строгой науки», и, наконец, еще яснее: марксисты — «веруют и исповедуют непреложность абстрактной исторической схемы».

Одним словом, мы имеем перед собой то банальнейшее и пошлейшее обвинение марксистов, на котором с давних пор выезжают все те, кто не может возразить что-либо по существу против их воззрений. «Марксисты исповедуют непреложность абстрактной исторической схемы»!!

Да ведь это же сплошная ложь и выдумка!

Ни один из марксистов нигде и никогда не аргументировал таким образом, что в России «должен быть» капитализм, «потому что» он был на Западе и т. д. Ни один из марксистов никогда не видел в теории Маркса какой-нибудь общеобязательной философско-исторической схемы, чего-нибудь большего, чем объяснение такой-то общественно-экономической формации. Один только субъективный философ, г. Михайловский, ухитрился обнаружить такое непонимание Маркса, что усмотрел у него общефилософскую теорию, в ответ на что и получил совершенно определенное разъяснение Маркса, что он ошибся в адресе. Никогда ни один марксист не основывал своих социал-демократических воззрений на чем-нибудь ином, как на соответствии ее с действи-

тельностью и историей данных, т.-е. русских, общественно-экономических отношений, да и не мог основывать, потому что это требование от теории совершенно ясно и определенно заявлено и положено во главу угла всего учения самим основателем «марксизма» Марксом.

Конечно, г. Михайловский может, сколько угодно, опровергать эти заявления тем, что он «собственными ушами» слышал именно исповедание абстрактной исторической схемы. Но какое же нам, социал-демократам, или кому бы то ни было, дело до того, что г. Михайловскому приходилось выслушивать от его собеседников всякий абсурдный вздор? Не доказывает ли это только того, что он очень счастливо выбирает своих собеседников, и ничего больше? Очень возможно, конечно, что эти остроумные собеседники остроумного философа именовали себя марксистами, социал-демократами и т. п. — но кто же не знает, что в настоящее время (как это давно уже замечено) всякий прохвост любит рядиться в «красные» платья? (Все это писано в предположении, что г. Михайловский действительно слышал исповедания абстрактных исторических схем и что он ничего не переврал. Считаю, однако, безусловно необходимым по этому поводу оговориться: за что купил, за то и продаю.) И если г. Михайловский настолько прозорлив, что не может отличить таких «ряженых» от марксистов, или если он настолько глубоко понял Маркса, что не заметил этого усиленнейше выдвигаемого им критерия всей его доктрины (формулирование «того, что совершается перед нашими глазами»), — то это доказывает опять-таки только, что г. Михайловский не умен, и ничего больше.

Во всяком случае, если он брался за полемику в печати против «социал-демократов», — он должен был иметь в виду ту группу социалистов, которая уже давно носит такое имя и носит его одна, так что других нельзя смешать с нею, и которая имеет своих литературных представителей — Плеханова и его кружок *). И если бы он сделал так, — а так, очевидно, должен был бы поступить всякий мало-мальски порядочный человек, — и обратился хотя бы к первому **) социал-демократическому сочинению, к книге Плеханова: «Наши разногласия», — он увидал бы там на первых же страницах категорическое заявление автора от лица всех членов кружка:

«Мы ни в каком случае не хотим прикрывать свою программу авторитетом великого имени» (т.-е. авторитетом Маркса). Понимаете вы русский язык, г. Михайловский? Понимаете вы разницу между исповеданием абстрактных схем и отрицанием всякого авторитета Маркса в суждении о русских делах?

---

*) Т.-е. Группа «Освобождение Труда». *Ред.*

**) Т.-е. к первому русскому. *Ред.*

Понимаете ли вы, что, выдавая первое суждение, которое вам посчастливилось слышать от ваших собеседников, за марксистское и оставляя без внимания печатное заявление одного из выдающихся членов социал-демократии от имени всей группы,— вы поступили нечестно?!

И дальше заявление делается еще более определенное:

«Повторяю, — говорит Плеханов — между самыми последовательными марксистами возможно разногласие по вопросу об оценке современной русской действительности»; наша доктрина — «первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений».

Кажется, трудно говорить яснее: марксисты заимствуют безусловно из теории Маркса только драгоценные приемы, без которых невозможно уяснение общественных отношений, и, следовательно, критерий своей оценки этих отношений видят совсем не в абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью.

Или, может быть, вы думаете, что, делая такие заявления, автор на самом деле рассуждал иначе? Но это неправда. Вопрос, которым он занимался, состоял в том, — «должна ли Россия пройти через капиталистическую фазу развития?» Вопрос этот был, следовательно, формулирован совсем не по-марксистски, а по субъективным методам разных отечественных философов, видящих критерии этого долженствования не то в политике начальства, не то в деятельности «общества», не то в идеале общества, «соответствующего человеческой природе», и тому подобной белиберде. Спрашивается теперь: как должен был отвечать на подобный вопрос человек, исповедующий абстрактные схемы? Очевидно, он стал бы говорить о непререкаемости диалектического процесса, об обще-философском значении теории Маркса, о неизбежности для каждой страны пройти через фазу... и т. д. и т. д.

И как отвечал Плеханов?

Так, как только и мог отвечать марксист:

Он оставил совершенно в стороне вопрос о долженствовании, как праздный и могущий интересовать лишь субъективистов, и все время говорил лишь о действительных общественно-экономических отношениях, о действительной их эволюции. Поэтому не дал он и прямого ответа на такой неправильно поставленный вопрос, а ответил вместо того так: «Россия *вступила* на капиталистический путь».

А г. Михайловский с видом знатока толкует об исповедании абстрактной исторической схемы, об имманентных законах необходимости и т. п. невероятной ерунде! И называет это «полемикой против социал-демократов»!!

Решительно отказываюсь понимать — если это полемист, то кто же после этого называется пустолайкой?!

Нельзя не отметить еще по поводу вышецитированного рассуждения г. Михайловского, что он излагает взгляды социал-демократов так, как будто «Россия «разовьет» свое собственное капиталистическое производство». Очевидно, по мнению этого философа, в России нет «своего собственного» капиталистического производства. Автор, должно быть, примыкает к тому мнению, что русский капитализм ограничивается 1,5 миллионами рабочих, — мы ниже еще встретимся с этой ребячьей идеей наших «друзей народа», которые уж неизвестно куда причисляют всю остальную эксплуатацию свободного труда. «Россия разовьет свое собственное капиталистическое производство со всеми его внутренними противоречиями, а тем временем оторванный от земли мужик обратится в пролетария». Что дальше в лес, то больше дров! Итак, в России нет «внутренних противоречий»? т.-е., говоря прямо, нет эксплуатации массы народа кучкой капиталистов? нет разорения громадного большинства населения и обогащения кучки лиц? Мужику только еще предстоит быть оторванным от земли? А в чем состоит вся пореформенная история России, как не в массовой, невиданной нигде в такой интенсивности, экспроприации крестьянства? Надо иметь большое мужество, чтобы заявлять во всеуслышание такие вещи. И г. Михайловский обладает этим мужеством: «Маркс оперировал над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создавать их». России надо еще создавать пролетариат?! В России, в которой одной только можно найти такую безысходную нищету масс, такую наглую эксплуатацию трудящегося, — которую сравнивали (и законно) с Англией по положению ее бедноты, в которой голодание миллионов народа является постоянным явлением рядом, напр., с все возрастающим вывозом хлеба, — в России нет пролетариата!!

Я думаю, что г. Михайловскому следовало бы живому поставить памятник за эти классические слова!

(Может быть, впрочем, г. Михайловский и тут попробовал бы увильнуть: я, дескать, вовсе не хотел сказать, что в России нет вообще пролетариата, а только — что в ней нет капиталистического пролетариата? Да? Так почему же вы тогда не сказали этого? Ведь «весь вопрос»-то в том и состоит: представляет ли из себя русский пролетариат такой, который свойственен буржуазной организации общественного хозяйства, или иной какой? Кто же виноват, что вы на протяжении целых двух статей не проронили «ни слова» об этом, единственно серьезном и важном, вопросе, а предпочли болтать всякий вздор, и притом заговариваетесь до чортиков?)

Мы, впрочем, еще ниже увидим, что это — постоянная и последовательнейшая тактика «друзей народа» — фарисейски закрывать глаза на невозможное положение трудящихся в России,

изображать его только «пошатнувшимся», так что достаточно усилий «культурного общества» и правительства, чтобы направить все на истинный путь. Эти рыцари думают, что если они закроют глаза на тот факт, что положение трудящейся массы плохо не потому, что оно «пошатнулось», а потому, что она подвергается бесстыднейшему грабежу со стороны кучки эксплуататоров, что если они на подобие страусов спрячут головы, чтобы не видеть этих эксплуататоров, — то эти эксплуататоры исчезнут. И когда социал-демократы говорят им, что это — позорная трусость — бояться смотреть в лицо действительности, когда они берут за свою отправную точку этот факт эксплуатации и говорят, что единственно возможное объяснение его лежит в буржуазной организации русского общества, раскалывающей массу народа на пролетариат и буржуазию, и в классовом характере русского государства, представляющего из себя не что иное, как орган господства этой буржуазии, что поэтому «единственный выход» заключается в классовой борьбе пролетариата против буржуазии,—тогда эти «друзья народа» поднимают вопли, что социал-демократы хотят обезземелить народ!! хотят разрушить нашу народную экономическую организацию!!

Мы подходим теперь к самому возмутительному месту всей этой, по меньшей мере, неприличной «полемики» — именно к «критике» (?) г. Михайловским политической деятельности социал-демократов. Всякий понимает, что деятельность социалистов и агитаторов среди рабочих не может подвергаться честному обсуждению в нашей легальной прессе, и что единственное, что может сделать в этом отношении порядочная подцензурная печать, — это с «тактом молчать». Г. Михайловский забыл это весьма элементарное правило и не посовестился воспользоваться своей монополией обращения к читающей публике для того, чтобы обливать социалистов грязью.

Найдутся, однако, средства борьбы против этого бесцеремонного критика и помимо легальной журналистики.

«Сколько я понимаю — наивничает г. Михайловский — русские марксисты могут быть разделены на три разряда: марксистов-зрителей (безучастные наблюдатели процесса), марксистов пассивных (только «облегчают муки родов». Они «не интересуются народом, на земле сидящим, и обращают свое внимание и надежды на тех, которые уже отлучены от средств производства») и марксистов активных (прямо настаивающих на дальнейшем разорении деревни)».

Что это такое?! Ведь не может же г. критик не знать, что русские марксисты — это социалисты, исходящие из того воззрения на действительность, что это — капиталистическое общество и что выход из него один — классовая борьба пролетариата против буржуазии? Каким же образом и с какой стати смеши-

вает он их под одно с какой-то бессмысленной пошлостью? Какое право (нравственное, конечно) имеет он распространять термин марксистов на людей, не принимающих очевидно элементарнейших и основных положений марксизма, людей, которые никогда и нигде не выступали в качестве особой группы, никогда и нигде не заявляли какой-нибудь своей особой программы?

Г. Михайловский оставил себе целый ряд лазеек, чтобы оправдать такие безобразные приемы.

«Может быть — острит он с легкостью светского шпюта — это и не настоящие марксисты, но они считают и объявляют себя таковыми». Где объявляли и когда? В петербургских либеральных и радикальных салонах? В частных письмах? Пусть так. Так и разговаривайте с ними в своих салонах и в своей корреспонденции! Но ведь вы выступаете печатно и публично против людей, которые (под знаменем марксизма) никогда и нигде не выступали публично. И вы смеете еще при этом объявлять, что полемизируете против «социал-демократов», зная, что это имя носит только «одна» группа социалистов-революционеров [22]) и никого другого с нею смешать нельзя!

(Остановлюсь на одном хоть «фактическом» указании, которое попадается у г. Михайловского. Всякий, прочитавший его статью, должен будет согласиться, что он и г. Скворцова (автора «Экон. причин голодовок») причисляет к «марксистам». А между тем этот г-н сам себя так не называет, и достаточно самого элементарного знакомства с сочинениями социал-демократов, чтобы видеть, что с их точки зрения это — пошлейший буржуй и ничего больше. Какой это марксист, когда он не понимает, что та общественная среда, для которой он прожектирует свои прогрессы, — есть буржуазная среда, что поэтому все «улучшения культуры», действительно замечаемые даже в крестьянском хозяйстве, означают прогресс буржуазный, улучшающий положение меньшинства и пролетаризирующий массы! Какой это марксист, когда он не понимает, что государство, к которому он обращается с прожектами, есть классовое государство, способное только поддерживать буржуазию и давить пролетариат!) Г. Михайловский виляет и вертится, как уличенный гимназист: Я тут совершенно не при чем — силится доказать он читателю — я «собственными ушами слышал и собственными глазами видел». Да прекрасно! Мы охотно верим, что у вас под глазами нет никого, кроме пошляков и негодяев, но при чем же тут мы-то, социал-демократы? Кто же не знает, что «в настоящее время, когда» не только социалистическая, но и всякая мало-мальски самостоятельная и честная общественная деятельность вызывает политическое преследование, — на одного, действительно работающего под тем или другим знаменем — народовольчества, марксизма или, хоть скажем, конституционализма — приходится несколько десят-

ков фразеров, прикрывающих этим именем свою либеральную трусость, и еще, может быть, несколько прямых уже подлецов, обстраивающих свои собственные делишки? Не ясно ли, что только самая низменная пошлость способна бы была ставить в упрек какому бы то ни было из этих направлений тот факт, что его знамя пачкает (и притом непублично и негласно) всякая шваль? Все изложение г. Михайловского — сплошная цепь искажений, извращений и подтасовок. Выше мы видели, что те «истины», из которых исходят социал-демократы, он совершенно переврал, изложил так, как никто из марксистов нигде и никогда их не излагал и не мог излагать. И если бы он изложил действительное понимание русской действительности социал-демократами, он не мог бы не видеть, что «сообразоваться» с этими воззрениями можно «только на один манер» — содействуя развитию классового самосознания пролетариата, организуя и сплачивая его для политической борьбы против современного режима. У него, впрочем, осталась еще одна уловка. С видом оскорбленной невинности, он фарисейски возводит очи горе и слащаво изрекает: «Я очень рад это слышать, но я не понимаю, против чего вы протестуете» (он так и говорит во 2 № «Р. Б.»). «Прочитайте внимательнее мой отзыв о пассивных марксистах, и вы увидите, что я говорю: с этической точки зрения возразить ничего нельзя».

И это, конечно, не что иное, как пережевывание прежних, жалких уверток.

Скажите пожалуйста, как назвали бы поступок человека, который объявил бы, что критикует социально-революционное народничество (а другое еще и не выступало — беру такой период), и который стал бы излагать примерно такие вещи:

«Народники, сколько я понимаю, разделяются на три разряда: народники последовательные, которые вполне принимают идеи мужика и в точном соответствии с его желаниями обобщают розги, женобойство и вообще проводят ту гнуснейшую политику правительства кнута и палки, которая ведь называлась же народной политикой; затем, дескать, народники-трусы, которые не интересуются мнениями мужика и только пытаются перенести в Россию чуждое ей революционное движение, посредством ассоциаций и т. п. — против чего, впрочем, с этической точки зрения ничего возразить нельзя, если бы не скользкость пути, которая легко может свести трусливого народника к последовательному или смелому; и наконец — народники-смелые, которые во всей полноте осуществляют народные идеалы хозяйственного мужика и потому садятся на землю, чтобы кулачествовать вплотную», — все порядочные люди назвали бы, конечно, это подлым и пошлым глумлением. А если бы притом излагавший такие вещи человек не мог получить опровержения от народников

в той же печати; если бы при этом идеи этих народников излагались до сих пор только нелегально и потому многие не имели о них точного понятия и могли легко поверить всему, что бы им ни сказали о народниках, — тогда все согласились бы, что такой человек...

Может быть, впрочем, г. Михайловский и сам не совсем еще забыл то слово, которое следовало бы тут поставить.

Довольно однако! Много еще осталось подобных же инсинуаций у г. Михайловского, но я не знаю работы более утомительной, более неблагодарной, более черной, чем возня в этой грязи, собирание разбросанных там и сям намеков, сопоставление их, поиски хоть одного какого-нибудь серьезного возражения.

Довольно!

Апрель 1894.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ [23]).

В тексте статьи читатель найдет сноски с указанием на дальнейший разбор некоторых вопросов, тогда как на самом деле этого разбора нет.

Причина этого лежит в том, что предлагаемая статья составляет только первую часть ответа на статьи «Русского Богатства» о марксизме. Крайний недостаток времени помешал своевременному выходу этой статьи, между тем как медлить долее мы не считаем возможным: мы и так опоздали на 2 месяца. Вот почему мы решаемся выпустить пока разбор «критики» г. Н. Михайловского, не дожидаясь окончания печатания всей статьи.

В готовящихся 2-м и 3-ем изданиях [24]) читатель найдет, помимо предлагаемого разбора, также и разбор общественно-экономических воззрений других главарей «Русского Богатства», гг. Южакова и С. Кривенко, в связи с очерком экономической действительности России и вытекающими отсюда «идеями и тактикой социал-демократов».

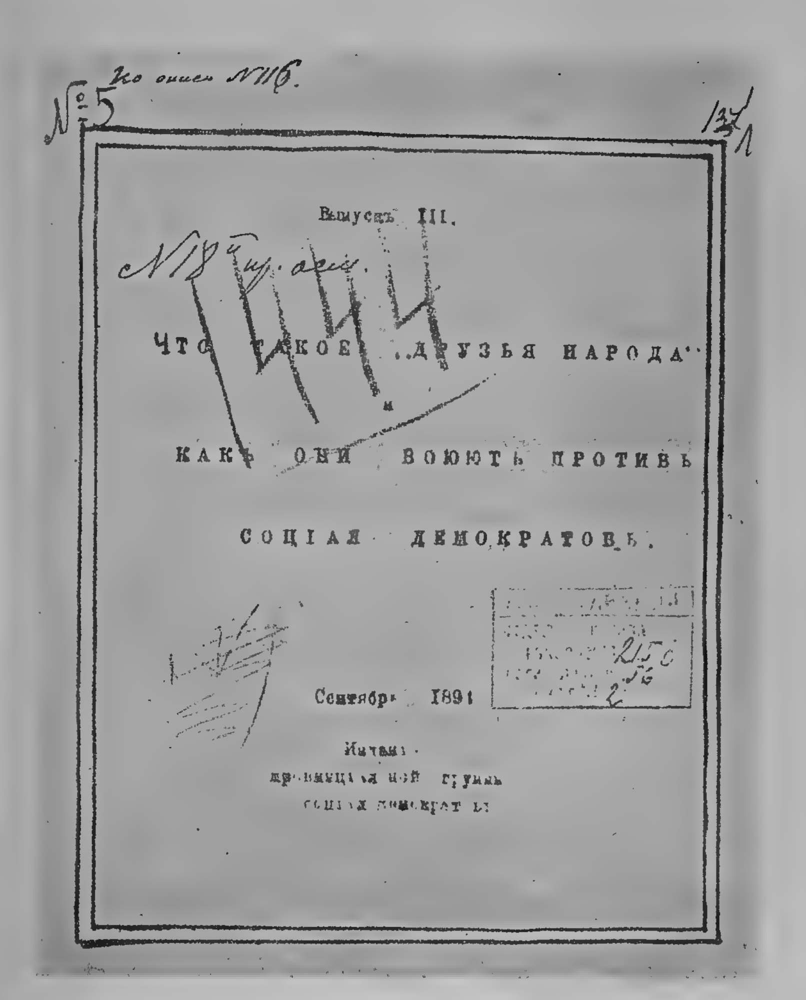
К ПРЕДЛАГАЕМОМУ ИЗДАНИЮ [25]).

Предлагаемое издание представляет точное воспроизведение первого. Непричастные совершенно к делу составления текста, мы не считали себя вправе подвергнуть его каким-нибудь изменениям и ограничились только издательской работой. Мотивом, побудившим нас предпринять эту работу, была уверенность в том, что предлагаемое сочинение послужит к некоторому оживлению нашей социал-демократической пропаганды.

Полагая, что готовность служить делу этой пропаганды должна быть непременным следствием социал-демократических убеждений, мы обращаемся ко всем единомышленникам автора предлагаемой брошюры с предложением содействовать всеми средствами (особенно, конечно, переизданием) возможно более широкому распространению как предлагаемого сочинения, так и всех вообще органов марксистской пропаганды. Настоящий момент особенно удобен для такого содействия. Деятельность «Русского Богатства» принимает по отношению к нам все более и более вызывающий характер. В своем стремлении парализовать распространение в обществе социал-демократических идей журнал дошел до прямого обвинения нас в равнодушии к интересам пролетариата и в настаивании на разорении масс. Смеем думать, что такими приемами журнал только вредит себе и подготовляет нашу победу. Однако, не следует забывать, что клеветники располагают всеми материальными средствами для самой широкой пропаганды своих клевет. В их распоряжении несколько тысяч экземпляров журнала, к их услугам читальни и библиотеки. Поэтому, чтобы доказать нашим врагам, что и выгоды привилегированного положения не всегда обеспечивают успех инсинуаций, мы должны приложить все наши усилия. Выражаем полную уверенность, что эти усилия найдутся.

Июль 1894.

ВЫПУСК III

Выпускъ III.

Что такое „друзья народа"

и

какъ они воюютъ противъ

соціал-демократовъ.

Сентябрь 1894

Изданіе

провинціальной группы

соціал-демократовъ

Обложка III выпуска гектографированной тетради: «Что такое «друзья народа»?» 1894 г.

Уменьшено.

В заключение познакомимся еще с одним «другом народа», г. Кривенко, выступающим тоже на прямую войну с социал-демократами.

Впрочем, мы не будем разбирать его статьи («По поводу культурных одиночек» — в № 12 за 93 г. и «Письма с дороги» в № 1 за 94 г.) так, как делали это по отношению к гг. Михайловскому и Южакову. Там разбор их статей целиком был необходим, чтобы ясно представить себе в первом случае — содержание их возражений против материализма и марксизма вообще; во втором — их политико-экономические теории. Теперь нам предстоит ознакомиться, чтобы составить себе полное представление о «друзьях народа», с их тактикой, с их практическими предложениями, с их политической программой. Эта программа нигде не изложена у них прямо, с такой же последовательностью и полнотой, как воззрения теоретические. Поэтому я вынужден брать эту программу из разных статей журнала, отличающегося достаточной солидарностью своих сотрудников, чтобы не встречать противоречий. Вышеупомянутых статей г. Кривенко я буду держаться лишь предпочтительно перед другими как потому, что они больше дают материала, так и потому, что автор их является таким же типичным для журнала практиком, политиком, как г. Михайловский социологом и г. Южаков — экономистом.

Однако, прежде чем переходить к их программе, безусловно необходимым представляется остановиться еще на одном теоретическом пункте. Выше мы видели, как г. Южаков отделывался ничего не говорящими фразами о народной аренде, поддерживающей народное хозяйство, и т. п., прикрывая ими свое непонимание экономики наших земледельцев. Промыслов он не коснулся, ограничившись данными о росте крупной фабрично-заводской промышленности. Теперь г. Кривенко повторяет совершенно подобные фразы о кустарных промыслах. Он прямо противополагает «нашу народную промышленность», т.-е. кустарную — промышленности капиталистической (№ 12, с. 180 — 181). «Народное производство (sic!) — говорит он — в большинстве

случаев возникает естественно», а капиталистическая промышленность «создается сплошь и рядом искусственно». В другом месте он противополагает «мелкую народную промышленность» — «крупной, капиталистической». Если вы спросите, в чем же состоит особенность первой, — то узнаете только, что она «мелкая» *) и что орудия труда соединены с производителем (заимствую это последнее определение из вышеупомянутой статьи г. Михайловского). Но ведь это далеко еще не определяет ее экономической организации, да и потом — это совершенно неверно. Г. Кривенко говорит, напр., что «мелкая народная промышленность и до сих пор еще дает гораздо большую сумму валового производства и занимает больше рук, чем промышленность крупная капиталистическая». Автор имеет в виду, очевидно, данные о числе кустарей, доходящем до 4 милл., а по другому счету до 7 милл. Но кто же не знает, что преобладающей формой экономики наших кустарных промыслов является домашняя система крупного производства? что масса кустарей занимает никак не самостоятельное, а совершенно зависимое, подчиненное положение в производстве, работает не из своего материала, а из материала купца, который платит кустарю только заработную плату? Данные о преобладании этой формы приводились ведь и в легальной даже литературе. Сошлюсь, напр., на превосходную работу известного статистика С. Харизоменова в «Юрид. Вестнике» [26]) (1883 г. №№ 11 и 12). Сводя имеющиеся в литературе данные о наших кустарных промыслах в центральных губерниях, где они наиболее развиты, С. Харизоменов пришел к выводу о безусловном преобладании домашней системы крупного производства, т. е. несомненно капиталистической формы промышленности. «Определяя экономическую роль мелкой самостоятельной промышленности, — говорит он — мы приходим к таким выводам: в Московской губ. 86,5% годовых оборотов кустарной промышленности дает домашняя система крупного производства и только 13,5% принадлежит мелкой самостоятельной промышленности. В Александровском и Покровском уездах Владимирской губ. 96% годовых оборотов кустарной промышленности падает на долю домашней системы крупного производства и мануфактуры, и только 4% дает мелкая самостоятельная промышленность».

Данных этих никто, насколько известно, не пробовал опровергнуть, да и нельзя их опровергнуть. Как же можно обходить и замалчивать эти факты, называть такую промышленность

---

*) Еще можно узнать только вот что: «из нее может развиться настоящая (sic!) народная промышленность», — говорит г. Кривенко. Обычный прием «друзей народа» — говорить праздные и бессмысленные фразы вместо того, чтобы точно и прямо охарактеризовать действительность.

в противоположность капиталистической «народной» и толковать о возможности развития из нее настоящей?

Объяснение этому прямому игнорированию фактов только и может быть одно: общая тенденция «друзей народа», как и всех российских либералов, замазывать антагонизм классов и эксплуатацию трудящегося в России, представляя все это в виде простых только «дефектов». А может быть, впрочем, причина лежит вдобавок и в таких глубоких познаниях о предмете, которые выказывает, напр., г. Кривенко, называя «павловское ножевое производство»—«производством полуремесленного характера». Это феноменально, до какой степени доходит искажение дела у «друзей народа»! Как можно тут толковать о ремесленном характере, когда павловские ножевщики работают на рынок, а не на заказ? Разве не относит ли г. Кривенко к ремеслу такие порядки, когда купец заказывает кустарю изделия, чтобы отправить их на Нижегородскую ярмарку? Это уж слишком забавно, но должно быть, что это так. На самом деле производство ножа всего менее (сравнительно с другими павловскими производствами) сохранило мелкую кустарную форму с (кажущейся) самостоятельностью производителей: «Производство столового и ремесленного ножа *) — говорит Н. Ф. Анненский — уже в значительной степени приближается к фабричному или, правильнее, мануфактурному». Из занятых столовым ножем кустарей в Нижегородской губ. 396-ти человек — на базар работают только 62 (16%), на хозяина **) — 273 (69%) и в наемных рабочих — 61 (15%). След., только 1/6 кустарей не порабощена прямо предпринимателю. Что касается до другого подразделения ножевого производства — производства складного (перочинного) ножа, — то оно, по словам того же автора, — «занимает промежуточное место между столовым ножем и замком: большая часть мастеров здесь работает уже на хозяина, но на-ряду с ними есть еще довольно много самостоятельных кустарей, имеющих дело с рынком».

Всего этот сорт ножа работают 2.552 кустаря в Нижег. губ., из которых на базар работают 48% (1.236), на хозяина — 42% (1.058) и в наемных рабочих 10% (258). И здесь, следовательно, самостоятельные (?) кустари в меньшинстве. Да и самостоятельны, конечно, работающие на базар только по виду, а на деле они не менее порабощены *капиталу* скупщиков. Если мы возьмем данные о промыслах всего Горбатовского уезда Нижег. губ., в котором промыслами занято 21.983 работника, т.-е. 84,5%

---

*) Наиболее крупное из всех остальных, дающее изделий на 900 тыс. р., при общей сумме павловских изделий в 2.750 тыс.

**) Т.-е. на купца, который дает кустарям материал и платит им за работу обыкновенную заработную плату.

всех наличных работников *), то получим следующие данные (точные данные об экономике промысла имеются лишь о 10.808 рабочих — в промыслах: металлическом, кожевенном, шорном, валяльном, пенькопрядильном): 35,6% кустарей работают на базар; 46,7% — на хозяина и 17,7% — состоят в наемниках. Таким образом, *мы видим и здесь преобладание домашней системы крупного производства, преобладание таких отношений, когда труд порабощен капиталу.*

Если «друзья народа» так свободно обходят подобного рода факты, то это происходит еще потому, что в своем понимании капитализма они не ушли дальше обыденных вульгарных представлений — капиталист = богатый и образованный предприниматель, ведущий крупное машинное хозяйство — и не хотят знать научного содержания этого понятия. Мы в предыдущей главе видели, как г. Южаков прямо начинал капитализм с машинной индустрии, минуя простую кооперацию и мануфактуру. Это — общераспространенная ошибка, ведущая между прочим и к тому, что игнорируют капиталистическую организацию наших кустарных промыслов.

Разумеется, домашняя система крупного производства — капиталистическая форма промышленности: мы имеем здесь налицо все ее признаки — товарное хозяйство на высокой уже ступени развития, концентрация средств производства в руках отдельных личностей, экспроприация массы рабочих, которые не имеют своих средств производства и потому прилагают труд к чужим, работают не на себя, а на капиталиста. Очевидно, по организации промысла это — чистый капитализм; особенность его сравнительно с крупной машинной индустрией — техническая неразвитость (объясняется главным образом безобразно низкой заработной платой) и сохранение рабочими крохотного земельного хозяйства. Это последнее обстоятельство особенно смущает «друзей народа», привыкших мыслить, как и подобает истым метафизикам, голыми непосредственными противоречиями: «да, да — нет, нет, а что сверх того, то от лукавого».

Безземельные рабочие — капитализм; владеют землей — нет капитализма; и они ограничиваются этой успокоительной философией, опуская из виду всю общественную организацию хозяйства, забывая тот общеизвестный факт, что владение землей ни мало не устраняет скотской нищеты этих землевладельцев, подвергающихся самому бесстыдному грабежу со стороны других таких же землевладельцев — «крестьян».

---

*) Самобытные русские экономисты, измеряя русский капитализм числом фабричных рабочих (sic!), без церемоний относят этих работников и бездну подобных им к населению, занятому сельским хозяйством и страдающему не от гнета капитала, а от искусственных давлений на «народный строй» (???!!).

Они и не знают, кажется, что капитализм нигде не в состоянии был — находясь на низких сравнительно ступенях развития — оторвать совершенно рабочего от земли. По отношению к З. Европе Маркс установил тот закон, что только крупная машинная индустрия окончательно экспроприирует рабочего. Понятно, поэтому, что ходячие рассуждения об отсутствии у нас капитализма, аргументирующие тем, что «народ владеет землей», — лишены всякого смысла, потому что капитализм простой кооперации и мануфактуры нигде и никогда не был связан с полным отлучением работника от земли, нисколько не переставая, разумеется, от этого быть капитализмом.

Что же касается до крупной машинной индустрии в России — а эту форму быстро принимают наиболее крупные и важные отрасли нашей промышленности — то и у нас, при всей нашей самобытности, она обладает таким же свойством, как и на всем остальном капиталистическом Западе, она абсолютно уже не мирится с сохранением связи рабочего с землей. Факт этот доказал, между прочим, Дементьев точными статистическими данными, из которых он (совершенно независимо от Маркса) сделал тот вывод, что механическое производство неразрывно связано с полным отлучением работника от земли. Исследование это еще раз доказало, что Россия — страна капиталистическая, что в ней связь трудящегося с землей так слаба и призрачна, могущество имущего (владельца денег, скупщика, крестьянского богатея, мануфактуриста и пр.) так уже прочно, что достаточно еще одного шага техники, — и «крестьянин» (?? живущий давным давно продажей рабочей силы) превращается в чистого рабочего *). Непонимание «друзьями народа» экономической организации наших кустарных промыслов далеко не ограничивается, однако, этим. Представление их даже и о тех промыслах, где нет работы «на хозяина», так же поверхностно, как и представление о земледельце (что уже мы видели выше). Это, впрочем, и вполне естественно, когда берутся судить и рядить о политико-экономических вопросах господа, только, кажется, и знающие, что есть на свете средства производства, которые «могут» быть соединены с трудящимся — и это очень хорошо; а «могут» быть и отделены от него — и это очень плохо. На этом не далеко уедешь.

Рассуждая о промыслах, которые капитализуются и которые не капитализуются (где «свободно может существовать мелкое производство»), г. Кривенко указывает, между прочим, на то,

---

*) Домашняя система крупного производства не только капиталистическая система, но еще и наихудшая капиталистическая система, соединяющая с наисильнейшей эксплуатацией трудящегося наименьшую возможность для рабочих вести борьбу за свое освобождение.

что в некоторых производствах «основные затраты на производство» очень незначительны и где потому возможно мелкое производство. В пример приводит он кирпичное производство, стоимость затрат на которое может, де, быть в 15 раз меньше годового оборота заводов.

Так как это чуть ли не единственное фактическое указание автора (это, повторяю, самая характерная черта субъективной социологии, что она боится прямо и точно характеризовать и анализировать действительность, воспаряя предпочтительно в сферу «идеалов»... мещанства), — то мы его и возьмем, чтобы показать, насколько неверны представления «друзей народа» о действительности.

Описание кирпичного промысла (выделка кирпича из белой глины) имеем в хозяйственной статистике московского земства («Сборник», т. VII, вып. I, часть 2 и т. д.). Промысел сосредоточен главным образом в 3-х волостях Богородского уезда, где находится 233 заведения с 1.402 рабочими (567 семейных *) = 41% и 835 наемных — 59%) и с суммой годового производства в 357.000 рублей. Промысел возник давно, но особенно развился в последние 15 лет, благодаря проведению железной дороги, значительно облегчившей сбыт. До проведения железной дороги главную роль играла семейная форма производства, уступающая теперь эксплуатации наемного труда. Этот промысел тоже не свободен от зависимости мелких промышленников от крупных по сбыту: вследствие «недостатка денежных средств» первые продают последним кирпич на месте (иногда «сырцом» — не обожженный) по страшно пониженным ценам.

Однако, мы имеем возможность познакомиться и с организацией промысла помимо этой зависимости благодаря приложенной к очерку подворной переписи кустарей, — где указано число рабочих и сумма годового производства для каждого заведения.

Чтобы проследить, применим ли к этому промыслу тот закон, что товарное хозяйство есть капиталистическое хозяйство, т.-е. неизбежно перерождается в него на известной ступени развития, мы должны сравнить заведения по величине их: вопрос состоит именно в взаимоотношении мелких и крупных заведений по роли в производстве, по эксплуатации наемного труда. Взяв за основание число рабочих, делим заведения кустарей на три группы: 1) заведения, имеющие от 1 — 5 рабочих (и семейных и наемных вместе); 2) имеющие от 6 — 10 рабочих и 3) имеющие свыше 10 рабочих.

Прослеживая величину заведений, состав рабочих и сумму производства в каждой группе, получаем такие данные:

*) Под «семейными» рабочими, в противоположность наемным, разумеются работающие члены хозяйских семей.

Группы кустарей по числу рабочих	Среднее число рабочих на 1 зав.	Проц.		Годов. производство 1 рабоч.	Процентное распределение			Абсолютные цифры		
		Зав. с наемн. раб.	Наемн. рабоч.		Заведений.	Рабочих.	Суммы производ.	Число заведений *).	Число рабочих.	Суммы производства (руб.).
I. Им. 1— 5 раб.	2,8	25	19	251	72	34	34 р.	167/43	467/92	119.500
II. » 6—10 »	7,3	90	58	249	18	23	22 р.	43/39	317/186	79.000
III. » бол. 10 »	26,4	100	91	260	10	43	44 р.	23/23	609/557	158.500
Итого . .	6	45	59	254	100	100	100	233/105	1.402/835	357.000

Всмотритесь в эту табличку и вы увидите буржуазную или, что то же, капиталистическую организацию промысла: по мере того, как заведения становятся крупнее, повышается производительность труда **) (средняя группа представляет исключение), усиливается эксплуатация наемного труда ***), увеличивается концентрация производства ****).

Третья группа, которая почти всецело основывает свое хозяйство на наемном труде, держит в своих руках — при 10% всего числа заведений — 44% общей суммы производства.

Эта концентрация средств производства в руках меньшинства, связанная с экспроприацией большинства (наемные рабочие), и объясняет нам как зависимость мелких производителей от скупщиков (крупные промышленники и являются скупщиками), так и угнетение труда в этом промысле. Мы видим, след., что *причина* экспроприации трудящегося и эксплуатация его лежит в самих производственных отношениях.

Русские социалисты-народники, как известно, держались противного мнения, усматривая причину угнетения труда в кустарных промыслах не в производственных отношениях (которые объявлялись построенными на таком начале, которое исключает

---

*) Знаменатель означает число заведений с наемными рабочими и число наемных рабочих. — То же и в следующей таблице.

**) Один рабочий производит в год в I-ой группе на 251 р.; во II-ой — на 249; в III-ей — на 260.

***) Процент заведений с наемниками в I-ой группе — 25%; во II-ой — 90% и в III-ей — 100%; процент наемных рабочих — 19% — 58% — 91%.

****) В I-ой группе на 72% заведений — 34% производства; во II-ой на 18% — 22%; в III-ей на 10% — 44%.

эксплуатацию), а вне их — в политике, именно в политике аграрной, платежной и т. д. Спрашивается, на чем держалось и держится это мнение, которое приобрело теперь почти уже прочность предрассудка? Не на том ли, что господствовало *иное* представление о производственных отношениях в кустарных промыслах? Совсем нет. Оно держится только благодаря отсутствию какой бы то ни было попытки *точно и определенно охарактеризовать данные, действительные формы экономической организации;* оно держится лишь благодаря тому, что не выделяют особо производственные отношения и не подвергают их самостоятельному анализу. Одним словом, оно держится лишь по непониманию единственно научного метода общественной науки, именно — материалистического метода. Понятен теперь и ход рассуждений старых наших социалистов. По отношению к кустарным промыслам они относят причину эксплуатации к явлениям, лежащим *вне* производственных отношений; по отношению к капитализму крупному, фабрично-заводскому они не могли не видеть, что *там* — причина эксплуатации лежит именно в производственных отношениях. Получалась непримиримая противоположность, несоответствие, оказывалось непонятным, откуда мог вырасти этот крупный капитализм, — когда в производственных отношениях (которые и не рассматривались!) кустарных промыслов нет ничего капиталистического. Вывод естественный: не понимая связи кустарной и капиталистической промышленности, противополагают первую последней, как «народную» — «искусственной». Появляется идея о противоречии капитализма нашему «народному строю»,—идея, имеющая такое широкое распространение и недавно еще в подновленном и улучшенном издании преподнесенная русской публике г. Николаем—оном. Держится такая идея лишь по рутине,— несмотря на всю ее феноменальную нелогичность: о фабрично-заводском капитализме составляют представление по тому, что он действительно есть, а о кустарной промышленности по тому, чем она «может быть», о первом — по анализу производственных отношений, — о вторых — и не пытаясь рассмотреть отдельно производственные отношения и прямо перенося дело в область политики. Стоит обратиться к анализу этих производственных отношений, и мы увидим, что «народный строй» представляет из себя те же капиталистические производственные отношения, хотя бы и в неразвитом, зародышевом состоянии, — что если отказаться от наивного предрассудка считать всех кустарей равными друг другу и выразить точно различия в среде их, — то разница между «капиталистом» фабрики и завода и «кустарем» окажется подчас меньше разницы между одним и другим «кустарем», — что *капитализм представляет из себя не противоречие «народному строю», а прямое, ближайшее и непосредственное продолжение и развитие его.*

Может быть, впрочем, найдут неподходящим взятый пример? скажут, что в данном случае вообще слишком велик *) процент наемных рабочих? Но дело в том, что важны тут *совсем* не абсолютные цифры, а *отношения*, вскрываемые ими, отношения, по сущности своей буржуазные и не перестающие быть таковыми ни при сильно выраженной буржуазности, ни при выраженной слабо.

Если угодно, возьму другой пример — нарочно с слабой буржуазностью — возьму (из книги г. Исаева о промыслах Московской губ.) промысел горшечный, «чисто домашний промысел», по словам г-на профессора. Этот промысел, конечно, может служить представителем мелких крестьянских промыслов: техника самая простая, приспособления самые незначительные, производство дает предметы повсеместного и необходимого обихода. И вот, благодаря подворной переписи кустарей с теми же данными, как и в предыдущем случае, мы имеем возможность изучить экономическую организацию и этого промысла, несомненно уже вполне типичного для всей громадной массы русских мелких, «народных» промыслов. Делим кустарей на группы — I) имеющие от 1 — 3 рабочих (и семейных и наемных вместе); II) имеющие 4 — 5 рабочих; III) имеющие более 5 рабочих, — и приводим те же расчеты:

Группы кустарей по числу рабочих.	Среднее число рабочих на 1 зав.	Проц.		Годовое производство 1 рабочего.	Процентное распределение.			Абсолютные цифры.		
		Зав. с наемн. раб.	Наемных рабочих.		Заведений.	Рабочих.	Суммы производ.	Число заведений.	Число рабочих.	Суммы производства (руб.).
I. Им. 1—3 раб.	2,4	39	19	461	60	38	36	72/28	174/33	81.500
II. » 4—5 »	4,3	48	20	498	27	32	32	33/16	144/29	71.800
III. » бол. 5 »	8,4	100	65	533	13	30	32	16/16	134/87	71.500
Итого . .	3.7	49	33	497	100	100	100	121/60	452/149	224.800

Очевидно, *отношения* и в этом промысле — а таких примеров можно бы привести сколько угодно — оказываются

*) Это едва ли верно по отношению к промыслам Московской губ., но по отношению к менее развитым промыслам остальной России, может быть, и справедливо.

буржуазными: мы видим то же разложение на почве товарного хозяйства и при том разложение специфически капиталистическое, приводящее к эксплуатации наемного труда, играющей уже главную роль в высшей группе, сосредоточившей при $^1/_8$ части всех заведений и при $30^0/_0$ рабочих — почти $^1/_3$ всего производства при значительно высшей сравнительно с средней производительностью труда. Одни уже эти производственные отношения объясняют нам появление и силу скупщиков. Мы видим, как у меньшинства, владеющего более крупными и более доходными заведениями и получающего «чистый» доход от чужого труда (в высшей группе горшечников на 1 заведение приходится 5,5 наемных рабочих), — скапливаются «сбережения», тогда как большинство разоряются, и даже мелкие хозяева (не говоря уже о наемных рабочих) не в состоянии свести концов с концами. Понятно и неизбежно, что последние будут в порабощении у первых, — неизбежно именно вследствие капиталистического характера данных производственных отношений. Эти отношения состоят в том, что продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством, достается в руки частных лиц и в их руках служит орудием угнетения и порабощения трудящегося, средством к личному обогащению на счет эксплуатации массы. И не думайте, что эта эксплуатация, это угнетение выражаются слабее оттого, что такой характер отношений развит еще слабо, что накопление *капитала*, идущее рядом с разорением производителей, ничтожно. Совсем напротив. Это ведет только к более грубым, крепостническим формам эксплуатации, ведет к тому, что капитал, не будучи еще в состоянии прямо подчинить себе рабочего простой покупкой его рабочей силы по ее стоимости, опутывает трудящегося целой сетью ростовщических прижимок, привязывает его к себе кулаческими приемами, и в результате грабит у него не только сверхстоимость, а и громадные части заработной платы, да притом еще забивает его, отнимая возможность переменить «хозяина», издевается над ним, обязывая считать благодеянием то, что он «дает» (sic!) ему работу. — Понятно, что ни один рабочий никогда не согласился бы переменить свое положение на положение русского «самостоятельного» кустаря в «настоящей», «народной» промышленности. Понятно также, что все мероприятия, излюбленные российскими радикалами, либо нимало не затронут эксплуатации трудящегося и порабощения его капиталу, оставаясь единичными экспериментами (артели), либо ухудшат положение трудящихся (неотчуждаемость наделов), либо, наконец, только очистят, разовьют и упрочат данные капиталистические отношения (улучшение техники, кредиты и т. п.).

«Друзья народа», впрочем, никогда не смогут вместить того, чтобы в крестьянском промысле, при общей его мизерности, при

ничтожной сравнительно величине заведений и крайне низкой производительности труда, при первобытной технике и небольшом числе наемных рабочих был *капитализм*. Они никак не в состоянии вместить, что *капитал* — это известное отношение между людьми, отношение, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития сравниваемых категорий. Буржуазные экономисты никогда не могли понять этого: они всегда возражали против такого определения капитала. Помнится, в «Р. Мысли» один из них, говоря о книге Зибера (о теории Маркса), приводил это определение (капитал — отношение), ставил восклицательные знаки и негодовал [27]).

Это — самая характерная черта буржуазных философов — принимать категории буржуазного режима за вечные и естественные; поэтому они и для капитала берут такие определения, как, напр., накопленный труд, служащий для дальнейшего производства, — т.-е. определяют его как вечную для человеческого общества категорию, замазывая таким образом ту особую, исторически определенную экономическую формацию, когда этот «накопленный труд», организованный товарным хозяйством, попадает в руки того, кто не трудился, и служит для эксплуатации чужого труда. Поэтому и получается у них, вместо анализа и изучения определенной системы производственных отношений, — ряд банальностей, приложимых ко всяким порядкам, вперемежку с сентиментальной водицей мещанской морали.

Вот теперь и смотрите, — почему называют «друзья народа» эту промышленность «народной», почему противополагают ее капиталистической? Только потому, что эти господа — идеологи мещанства и не в состоянии себе даже представить того, что эти мелкие производители живут и хозяйничают при системе товарного хозяйства (почему я их и называю мещанами) и что их отношения к рынку необходимо и неизбежно раскалывают их на буржуазию и пролетариат. Попробовали бы вы изучить действительную организацию наших «народных» промыслов, вместо того, чтобы фразерствовать о том, что̀ «может» из них выйти, — и мы посмотрели бы, сумели ли бы вы *найти в России такую мало-мальски развитую отрасль кустарной промышленности, которая бы не была организована капиталистически.*

А если вы не согласны с тем, что признаками необходимыми и достаточными для этого понятия являются монополизация средств производства в руках меньшинства, освобождение от них большинства и эксплуатация наемного труда (говоря общее, — присвоение частными лицами продукта общественного труда, организованного товарным хозяйством, — вот в чем суть капитализма), — тогда потрудитесь дать «свое» определение капитализма и «свою» историю его.

На деле организация наших кустарных «народных» промыслов дает превосходную иллюстрацию к общей истории развития капитализма. Она показывает нам наглядно возникновение, зародыш его, напр., в форме простой кооперации (высшая группа в горшечном промысле), показывает далее, как скапливающиеся в руках отдельных личностей — благодаря товарному хозяйству — «сбережения» становятся *капиталом*, монополизируя сначала сбыт («скупщики и торговцы») вследствие того, что только у владельцев этих «сбережений» есть необходимые для оптовой продажи средства, позволяющие выждать реализации товаров на далеких рынках; как далее этот торговый капитал порабощает себе массу производителей и организует капиталистическую мануфактуру, капиталистическую домашнюю систему крупного производства; как, наконец, расширение рынка, усиление конкуренции приводит к повышению техники, как этот торговый капитал становится индустриальным и организует крупное машинное производство. И когда этот капитал, окрепши и поработивши себе миллионы трудящихся, целые районы, — начинает прямо уже и без стеснения давить на правительство, обращая его в своего лакея,—тогда наши остроумные «друзья народа» поднимают вопли о «насаждении капитализма», об «искусственном создании» его!

Нечего сказать, вὸ-время спохватились!

Таким образом г. Кривенко своими фразами о народной, настоящей, правильной и т. п. промышленности просто-на-просто попытался замазать тот факт, что наши кустарные промыслы представляют из себя тоже самое капитализм на разных ступенях его развития. С приемами этими мы достаточно познакомились уже у г. Южакова, который вместо изучения крестьянской реформы — говорил фразы об основной цели знаменательного манифеста и т. п., вместо изучения аренды — называл ее народной, вместо изучения того, как складывается внутренний рынок капитализма — философствовал о неминуемой гибели его по неимению рынков, и т. д.

Чтобы показать, до какой степени извращают факты гг. «друзья народа», остановлюсь еще на одном примере *): наши субъективные философы так редко дарят нас точными указаниями на факты, что было бы несправедливо обойти одно из этих, наиболее точных у них, указаний, — именно ссылку г-на Кривенко (№ 1 за 94 г.) на воронежские крестьянские бюджеты. Мы можем тут, на примере ими же выбранных данных, наглядно

*) Хотя этот пример касается разложения крестьянства, о котором уже много говорено, но я считаю необходимым разобрать *их собственные данные*, чтобы показать наглядно, какая это наглая ложь, будто социал-демократы интересуются не действительностью, а «провидениями будущего», и как шарлатански поступают «друзья народа», обходя в полемике с нами сущность наших воззрений и отделываясь вздорными фразами.—

убедиться, чье представление о действительности более правильно, русских ли радикалов и «друзей народа» или русских социал-демократов.

Статистик воронежского земства, г. Щербина, дает в приложении к своему описанию крестьянского хозяйства в Острогожском уезде 24 бюджета типичных крестьянских хозяйств и в тексте разрабатывает их *).

Г. Кривенко воспроизводит эту разработку, не видя, или, вернее, не желая видеть, что приемы ее совершенно не пригодны для того, чтобы составить представление об экономике наших земледельцев-крестьян. Дело в том, что эти 24 бюджета описывают совершенно различные хозяйства — и зажиточные, и средние, и бедные, на что̀ указывает и сам г. Кривенко (стр. 159), при чем, однако, он, подобно г. Щербине, оперирует просто над *средними* цифрами, соединяющими вместе различнейшие типы хозяев, и таким образом прикрывает совершенно их разложение. А разложение нашего мелкого производителя — такой всеобщий, такой крупный факт (на который давно уже обращают внимание русских социалистов социал-демократы. См. произведения Плеханова), что он совершенно ясно обрисовывается даже на таком небольшом числе данных, какое выбрал г. Кривенко. Вместо того, чтобы, говоря о *хозяйстве* крестьян, разделить их на разряды по величине их хозяйства, по типу ведения хозяйства, — он делит их так же, как и г. Щербина, на юридические разряды крестьян бывших государственных и бывших помещичьих, обращая все внимание на большую зажиточность первых сравнительно с последними, и упускает из виду, что различия между крестьянами внутри этих разрядов гораздо больше, чем различия по разрядам **). Чтобы доказать это, разделяю эти 24 бюджета на три группы: а) особо выделяю 6 зажиточных крестьян, затем б) 11 среднесостоятельных (№№ 7—10, 16—22 у Щербины) и в) 7 бедных (№№ 11—15, 23—24 бюджетов в таблице Щербины). Г. Кривенко говорит, напр., что расход на 1 хозяйство у бывших государственных крестьян составляет 541,3 руб., а у бывших помещичьих — 417,7 руб. При этом он упускает из виду, что расход этот далеко не одинаков у разных крестьян: у бывших государственных есть,

*) Сборник статистических сведений по Ворон. губ., Т. II, в. II. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж. 1887. — Самые бюджеты в приложениях, стр. 42—49. Разработка в XVIII главе: «Состав и бюджеты крестьянских хозяйств».

**) Несомненно, хозяйство крестьянина, живущего исключительно своим земледельческим хозяйством и держащего батрака, — по типу отличается от хозяйства такого крестьянина, который живет в батраках и от батрачества получает $^{3}/_{5}$ заработка. А среди этих 24 хозяев есть и те и другие. Судите сами, какая это выйдет «наука», если мы будем складывать батраков с хозяевами, которые держат батраков, и оперировать над общей средней!

напр., крестьянин с расходом в 84,7 р. и с расходом *вдесятеро большим* — 887,4 рублей (если даже опустить немца-колониста с расходом в 1.456,2 руб.). Какой смысл может иметь средняя, выведенная из сложения таких величин? Если мы возьмем приведенное мною деление по разрядам, то получим, что у зажиточного расход на 1 хозяйство в среднем дает 855,86 руб., у среднего — 471,61 руб., а у бедного — 223.78 руб. *).

Различие оказывается в отношении примерно 4 : 2 : 1.

Пойдем дальше. Г. Кривенко, следуя Щербине, приводит величину расхода на личные потребности в разных юридических разрядах крестьянства: у бывших государственных, напр., расход на растительную пищу составляет в год на 1 едока — 13,4 руб., а у бывших помещичьих — 12,2 р. Между тем по экономическим разрядам цифры дают: а) 17,7; б) 14,5 и в) 13,1. Расход на мясную и молочную пищу на 1 едока — у бывших помещичьих — 5,2 р.; у бывших государственных — 7,7 руб. По разрядам: 11,7 — 5,8 — 3,6. Очевидно, что счет по юридическим разрядам только прикрывает громадные различия и ничего больше. Очевидно, поэтому, что он никуда не годится. Доход у бывших государственных крестьян больше, чем у бывших помещичьих на 53,7% — говорит г. Кривенко: в общем среднем — 539 р. (из 24 бюджетов), а по этим разрядам — 600 р. с лишним и около 400 р. Между тем по состоятельности доход таков: а) 1.053,2 р.; б) 473,8 р.; в) 202,4 р., — т.-е. колебания не от 3 : 2, а от 10 : 2.

«Капитальная стоимость крестьянских хозяйств у бывших государственных крестьян — 1.060 р., а у бывших помещичьих — 635 р.», говорит г. Кривенко. А по разрядам **): а) 1.737,91 р.; б) 786,42 р. и в) 363,38 р. — колебания опять не от 3 : 2, а от 10 : 2. Своим разделением «крестьянства» на юридические разряды автор отнял у себя возможность составить правильное представление об экономике этого «крестьянства».

Если мы посмотрим на хозяйства разных типов крестьян по состоятельности, то увидим, что зажиточные семьи имеют в среднем 1.053,2 р. дохода и 855,86 р. расхода, т.-е. имеют чистого дохода 197,34 р. Средняя семья имеет дохода — 473,8 р., расхода — 471,61 р. — т.-е. чистый доход 2,19 р. на хозяйство (это еще не считая кредита и недоимки) — очевидно, она едва сводит концы с концами: из 11 хозяйств 5 имеют дефицит. Низшая, бедная группа ведет хозяйство прямо в убыток: при

---

*) Колебания в величине средней семьи гораздо меньше: а) 7,83, б) 8,36, в) 5,28 человек на 1 семью.

**) Особенно велики различия в обеспечении инвентарем: в среднем стоимость инвентаря на 1 хозяйство — 54,83 р. Но у зажиточных вдвое больше — 111,80 р., а у бедных втрое меньше — 16,04 р. У средних 48,44 рубля.

доходе — 202,4 р. расход — 223,78 р., т.-е. дефицит 21,38 р.*). Очевидно, что если мы соединим эти хозяйства вместе и возьмем общую среднюю (чистый доход — 44,11 р.), мы совершенно исказим действительность. Мы обойдем тогда (как обошел г. Кривенко) тот факт, что получающие чистый доход зажиточные крестьяне все шестеро держат батраков (8 человек) — факт, поясняющий нам характер их земледельческого хозяйства (переходит в фермера), дающего им чистый доход и избавляющего почти совершенно от необходимости прибегать к «промыслам». Эти хозяева (все вместе) покрывают промыслами только 6,5% своего бюджета (412 р. из 6.319,5), при чем промыслы эти — по одному указанию г. Щербины — таковы, как «извоз» или даже «скупка овец», т.-е. не только не свидетельствующие о зависимости, а, напротив, предполагающие эксплуатацию других (именно в последнем случае: скопленные «сбережения» превращаются в торговый *капитал*). У этих хозяев 4 промышленных заведения, дающие им 320 р. (5%) дохода **).

Иной тип хозяйства у средних крестьян: они, как мы видели, едва ли могут свести концы с концами. Земледелие не покрывает их нужд, и 19% дохода дают так называемые промыслы. Какого сорта эти промыслы, — мы узнаем из статьи г. Щербины. Они указаны для 7 хозяев: только у двоих — самостоятельный промысловой труд (портняжничество и выжигание угольев), у остальных 5 — продажа рабочей силы («ходил косарем на низы», «ходит рабочим на винокуренный завод», «работает поденно в страду», «ходит овчаром», «работал в местной экономии»). Это уже полу-крестьяне, полу-рабочие. Сторонние занятия отрывают их от хозяйства и тем окончательно подрывают его.

Что касается до бедных крестьян, то у них уже земледелие прямо ведется в убыток; значение «промыслов» в бюджете еще более возрастает (они дают 24% дохода) и промыслы эти почти всецело (за исключением одного хозяина) сводятся к продаже рабочей силы. У двоих из числа их «промыслы» (батрачество) преобладают, давая 2/3 дохода.

Ясно отсюда, что мы имеем дело с совершенно разлагающимся мелким производителем, верхние группы которого переходят в буржуазию, низшие — в пролетариат. Понятно, что если мы возьмем общие средние, мы ничего этого не увидим и не получим никакого представления об экономике деревни.

Только оперирование над этими фиктивными средними позволило автору такой прием. Для определения места этих типичных хозяйств в общем типе поуездного крестьянского хозяйства

---

*) Интересно отметить, что у батраков — двое из 7 бедных хозяев — бюджет сводится без дефицита: 99 р. дохода и 93,45 р. расхода на семью. Один батрак живет на хозяйских харчах, одежде и обуви.

**) См. приложение I (стр. 196 настоящего издания. *Ред.*)

г. Щербина берет группировку крестьян по надельной земле, и оказывается, что взятые 24 хозяйства (в общем среднем) выше среднего хозяйства по уезду по своему благосостоянию примерно на $^1/_3$. Расчет этот нельзя признать удовлетворительным как потому, что среди этих 24 хозяев замечаются громадные различия, так и потому, что группировка по надельной земле прикрывает разложение крестьянства: положение автора, что «надельная земля представляет коренную причину благосостояния» крестьянина — совершенно неправильно. Всякий знает, что «уравнительное» распределение земли внутри общины нимало не мешает безлошадным членам ее забрасывать землю, сдавать ее, итти на сторону и превращаться в пролетариев, а многолошадным — приарендовывать большие количества земли и вести крупное, доходное хозяйство. Если мы возьмем, напр., наши 24 бюджета, то увидим, что один богатый крестьянин, имея 6 дес. надельной земли, доходу получает всего 758,5 р., средний — при 7,1 дес. надела — 391,5 р. и бедный — при 6,9 дес. надела — 109,5 р. Вообще мы видели, что отношение дохода в разных группах равняется отношению 4 : 2 : 1, тогда как отношение надельной земли будет таково: 22,1 : 9,2 : 8,5 = 2,6 : 1,08 : 1. Это совершенно понятно, потому что мы видим, напр., что зажиточные крестьяне, имея по 22,1 дес. надела на двор, арендуют еще по 8,8 дес., тогда как средние, имея меньше надела (9,2 дес.), арендуют меньше — 7,7 дес., а бедные, при еще меньшем наделе (8,5 дес.), арендуют всего 2,8 дес. *). Поэтому, когда г. Кривенко говорит: «К сожалению, данные, приводимые г. Щербиною, не могут служить точным мерилом общего положения вещей не только в губернии, но даже в уезде», — то на это можно только сказать, что они не могут служить мерилом лишь в том случае, если прибегать к неправильному приему вычисления общих средних (к этому приему и не следовало г. Кривенко прибегать), а вообще говоря, данные у г. Щербины так обширны и ценны, что дают возможность сделать правильные выводы — и если г. Кривенко их не сделал, то нечего винить г. Щербину.

Этот последний дает, напр., на стр. 197 группировку крестьян не по надельной земле, а по рабочему скоту, т.-е. группировку по признаку хозяйственному, а не юридическому, — и эта группировка дает полное право сказать, что отношения между разными разрядами 24-х взятых типических хозяйств совершенно однородны с отношениями разных экономических групп по всему уезду.

---

*) Конечно, я не хочу сказать, чтобы данные о 24 хозяйствах *одни* могли опровергнуть положение о коренном значении надельной земли. Но выше были приведены данные по нескольким уездам, совершенно опровергающие его.

Группировка эта такова *):

Острогожский уезд Воронежской губ.

Группы домохозяев по количеству рабочего скота	Число		Приходится на 1 двор			Средняя семья (душ)	Процент дворов					
	Домохозяев	% их	Голов крупного скота	Надельной земли (дес.)	Арендованной земли (дес.)		С батраками	С торговопромышлен. заведениями	Бездомовых	Без работника	Не обрабат. земли	Без инвентаря
I. Без рабочего скота. . . .	8.728	26,0	0,7	6,2	0,2	4,6	0,6	4,0	9,5	16,6	41,6	98,5
II. С 1 шт. раб. скота	10.510	31,3	3,0	9,4	1,3	5,7	1,4	5,4	1,4	4,9	2,9	2,5
III. С 2—3 шт. раб. скота .	11.191	33,3	6,8	13,8	3,6	7,7	8,3	12,3	0,4	1,3	0,4	—
IV. С 4 и бол. шт. раб. скота .	3.152	9,4	14,3	21,3	12,3	11,2	25,3	34,2	0,1	0,4	0,3	—
ВСЕГО .	33.581	100,0	4,4	11,2	2,5	6,7	5,7	10,0	3,0	6,3	11,9	23,4

Из 24 типических хозяйств **) . .	батраки . . .	0,5	7,2	0	4,5	***)
	бедные . . .	2,8	8,7	3,9	5,6	
	средние . . .	8,1	9,2	7,7	8,3	
	зажиточные .	13,5	22,1	8,8	7,8	
	ВСЕГО . .	7,2	12,2	6,6	7,3	

---

*) Сравнение 24-х типических хозяйств с разрядами хозяйств во всем уезде произведено по тем же приемам, по которым г. Щербина сравнивал среднее из 24-х хозяйств с группами по надельной земле.

**) Здесь из бедных выделены два батрака (№№ 14 и 15 бюджетов Щербины), так что бедных остается только 5.

***) По поводу этой таблицы нельзя также не отметить, что мы видим здесь точно так же увеличение количества арендуемой земли по мере возрастания состоятельности, *несмотря* на увеличение количества надельной земли. Таким образом, на данных еще об одном уезде подтверждается неверность мысли о коренном значении надельной земли. Напротив, мы видим, что доля надельной земли во всем землевладении данной группы понижается по мере увеличения состоятельности группы. Складывая надельную и арендованную землю и вычисляя % надельной земли к этой сумме, получаем такие данные по группам: I) 96,8%; II) 85,0%; III) 79,3%; IV) 63,3%. И такое явление совершенно понятно. Мы знаем, что со времени освободительной реформы земля стала в России товаром. Кто имеет деньги, всегда может купить землю: покупать надо и надельную землю. Понятно, что зажиточные крестьяне концентрируют в своих руках землю

Не подлежит никакому сомнению, что в общем и среднем 24 типические хозяйства выше поуездного типа крестьянского хозяйства. Но если мы вместо этих фиктивных средних возьмем экономические разряды, то получим возможность сравнения.

Мы видим, что батраки в типичных хозяйствах несколько ниже хозяев без рабочего скота, но очень близко подходят к ним. Бедные хозяева очень близко подходят к владельцам 1 штуки рабочего скота (если скота меньше на 0,2: — у бедных 2,8, у однолошадных 3,—то зато земли всей и надельной и арендованной несколько больше — 12,6 дес. против 10,7). Средние хозяева очень немногим выше хозяев с 2—3 штуками рабочего скота (у них скота немногим больше; земли несколько меньше), а зажиточные хозяева подходят к имеющим 4 и больше штуки рабочего скота, будучи немногим *ниже* их. Мы вправе, след., сделать тот вывод, что всего по уезду имеется не менее 0,1 хозяев, ведущих правильное, доходное земледельческое хозяйство и не нуждающихся в сторонних заработках. (Доход этот — важно заметить — выражается в деньгах и, след., предполагает торговый характер земледелия.) Ведут они хозяйство в значительной мере при помощи наемных рабочих: не менее $^1/_4$ части дворов держат постоянных батраков, а сколько еще берут временных поденщиков — неизвестно. Затем в уезде более половины хозяев

и что концентрация эта сильнее выражается в аренде вследствие средневековых стеснений обращения надельной земли. «Друзья народа», стоящие за эти стеснения, не понимают, что это бессмысленно реакционное мероприятие только ухудшает положение бедноты: разоренные, лишенные инвентаря крестьяне во всяком случае должны сдать землю, и запрещение производить эту сдачу (или продажу) поведет либо к тому, что будут сдавать тайком и, след., на худших условиях для сдающего, либо к тому, что беднота будет даром отдавать землю «обществу», т.-е. тому же кулаку.

Не могу не привести здесь глубоко верного рассуждения Гурвича об этой пресловутой «неотчуждаемости»:

«Чтобы разобраться в этом вопросе, мы должны посмотреть, кто является покупателем крестьянской земли. Мы видели, что только меньшая часть участков четвертной земли была куплена купцами. Вообще говоря, мелкие участки, продаваемые дворянами, покупаются одними крестьянами. След., этот вопрос затрогивает отношения одних только крестьян и не задевает интересов ни дворянства, ни класса капиталистов. Очень возможно, что в подобных случаях благоугодно будет русскому правительству кинуть подачку народникам. Это странное соединение (mésalliance) восточной патриархальной опеки (oriental paternalism) с каким-то уродливым государственно-социалистическим прогибиционизмом едва ли не вызовет оппозиции именно тех, кого хотят облагодетельствовать. Так как процесс разложения деревни идет, очевидно, изнутри ее, а не извне, — то неотчуждаемость крестьянской земли будет равносильна просто-на-просто безвозмездной экспроприации бедноты в пользу богатых членов общины.

«Мы замечаем, что % переселенцев среди четвертных крестьян, которые имели право отчуждать свою землю, был значительно выше, чем среди бывших государственных крестьян с общинным землевладением: именно, в Раненбургском уезде (Ряз. губ.) процент переселенцев среди первых — 17%, среди вторых — 9%; в Данковском уезде среди первых —

бедных (до 0,6: безлошадные и однолошадные, 26%+31,3%= =57,3%), ведущих прямо-таки убыточное хозяйство, след., разоряющихся, подвергающихся постоянной и неуклонной экспроприации. Они вынуждены продавать свою рабочую силу, причем около 1/4 части крестьян живет уже гораздо более наемным трудом, чем земледелием. Остальные крестьяне — средние, кое-как ведущие земельное хозяйство с постоянными дефицитами, с добавлением сторонних заработков, лишенные, след., маломальской хозяйственной устойчивости.

Я нарочно с такой подробностью остановился на этих данных, чтобы показать, в каком извращенном виде представлена действительность г-ном Кривенко. Недолго думая, берет он общие средние и оперирует с ними: понятно, получается не только фикция, а прямая фальшь. Мы видели, напр., что один зажиточный крестьянин (из типических бюджетов) своим чистым доходом (+197,34) покрывает дефициты *девяти* бедных дворов (—21,38×9=—192,42), так что 10% богатых крестьян в уезде не только покроют дефициты 57% бедноты, но и дадут некоторый избыток. И г. Кривенко, получая из среднего бюджета по 24 хозяйствам такой избыток в 44,14 р. — а без кредита и недоимок 15,97 р.—говорит поэтому просто об «упадке» хозяев средних и стоящих ниже среднего. На деле же об упадке можно говорить только разве применительно к среднему крестьянству *),

---

12%, среди вторых — 5%. Отчего происходит эта разница? Один конкретный пример пояснит это:

««В 1881 г. маленькая община из 5 домохозяев, бывших крепостных Грегорова, переселилась из деревни Бигильдино, Данковского уезда. Свою землю, 30 дес., она продала богатому крестьянину за 1.500 р. Дома переселенцам нечем было существовать, и большинство из них были годовыми рабочими.»» (Сб. ст. св., ч. II, с. 115, 247). По данным г. Григорьева («*Переселения крестьян Ряз. губ.*») 300 рублей — такова цена среднего крестьянского участка в 6 дес. — достаточно для того, чтобы крестьянская семья могла завести земледельческое хозяйство в южной Сибири. Таким образом, совершенно разорившийся крестьянин имел бы возможность, продав свой участок общинной земли, сделаться земледельцем в новой стране. Благоговение перед священными обычаями предков едва ли бы могло устоять перед таким искушением, не будь противодействующего вмешательства всемилостивейшей бюрократии.

«Меня, конечно, обвинят в пессимизме, как обвиняли недавно за мои взгляды на переселение крестьян («Сев. Вестн.» 1892, № 5, ст. Богдановского). Рассуждают обыкновенно приблизительно таким образом: допустим, что дело представлено в точном соответствии с жизнью, какова она есть в действительности, но вредные последствия (переселений) обязаны своим появлением ненормальным условиям крестьянства, а при нормальных условиях возражения (против переселений) «не имели бы силы». К несчастью, однако, эти действительно «ненормальные» условия развиваются самопроизвольно, а создание «нормальных» условий не во власти благожелателей крестьянства» (Назв. с., стр. 137).

*) Да и то едва ли это будет верно, потому что упадок предполагает временную и случайную потерю устойчивости, а среднее крестьянство, как мы видели, всегда находится в неустойчивом положении, на краю разорения.

а по отношению к массе бедноты мы видим уже прямую *экспроприацию*, сопровождающуюся притом концентрацией средств производства в руках меньшинства, владеющего сравнительно крупными и прочно стоящими хозяйствами.

Игнорирование этого последнего обстоятельства помешало автору подметить еще следующую, очень интересную черту этих бюджетов: они равным образом доказывают, что *разложение крестьянства создает внутренний рынок*. С одной стороны, от высшей группы к низшей растет значение дохода от промыслов (6,5%—18,8%—23,6% всего бюджета у зажиточных, средних и бедных)—т.-е. главным образом от продажи рабочей силы. С другой стороны, от низших групп к высшим растет товарный (даже более: *буржуазный*, как мы видели) характер земледелия, растет процент отчуждаемого хлеба: доход от земледелия по разрядам у всех хозяев: *а*) $\frac{3.861,7}{1.774,4}$, *б*) $\frac{3.163,8}{898,9}$, *в*) $\frac{689,9}{175,24}$. Знаменатель показывает денежную часть дохода *), составляющую 45,9% — 28,3% — 25,4% от высшего разряда к низшему.

Мы опять-таки наглядно видим тут, как средства производства, от которых отделяются экспроприируемые крестьяне, превращаются *в капитал*.

Понятно, что г. Кривенко из использованного — или, вернее, изуродованного — таким образом материала не мог сделать правильных выводов. Описавши со слов одного новгородского крестьянина, его соседа по жел.-дорожному вагону, денежный характер крестьянского хозяйства тех мест, он вынужден сделать тот справедливый вывод, что именно эта обстановка, обстановка товарного хозяйства «вырабатывает» «особые способности», порождает одну заботу: «дешевле снять (сенокос)», «дороже продать» (стр. 156) **). Эта обстановка служит «школой», «пробуждающей (верно!) и изощряющей коммерческие дарования». «Открываются таланты, из которых выходят Колупаевы, Деруповы и прочих

*) Для вычисления денежного дохода от земледелия (Щербина его не дает) пришлось прибегнуть к довольно сложным расчетам. Надо было из всего дохода от хлебов исключить доход от соломы и половы, идущих, по словам автора, на корм скоту. Автор сам исключает их в гл. XVIII, но только для итоговых цифр по уезду, а не для данных 24-х хозяйств. Из его итоговых данных я определил процент дохода от зерна (сравнительно со всем доходом от хлеба, т.-е. и от зерна и от соломы с половой) и по нему исключил в данном случае солому и полову. Процент этот для ржи — 78,98%, для пшеницы — 72,67%, для овса и ячменя — 73,32%, для проса и гречихи — 77,78%.— Затем уже количество продаваемого зерна определялось вычитанием того количества, которое расходуется в своем хозяйстве.

**) «Нужно работника подешевле нанять, да пользу из него извлечь»— совершенно справедливо говорит там же г. Кривенко.

наименований живоглоты *), а простодушные и простоватые отстают, опускаются, разоряются и переходят в батраки» (156 стр.).

Данные по губернии, поставленной совсем в иные условия, — земледельческой (Воронежской) — приводят к таким же выводам. Казалось бы, дело довольно ясное: отчетливо обрисовывается система товарного хозяйства, как основной фон экономики страны вообще и «общинного» «крестьянства» в частности, обрисовывается и тот *факт*, что это товарное хозяйство *и именно оно* раскалывает «народ» и «крестьянство» на пролетариат (разоряются, переходят в батраки) и буржуазию (живоглоты), т.-е. превращается в капиталистическое хозяйство. Но «друзья народа» никогда не решаются прямо смотреть на *действительность* и называть вещи своими именами (это слишком «сурово»)! И г. Кривенко рассуждает:

«Некоторые находят такой порядок вполне естественным (надо было добавить: вполне естественным следствием капиталистического характера производственных отношений. Тогда была бы это точная передача мнений «некоторых», и тогда нельзя бы уже было отделываться от этих мнений пустыми фразами, а пришлось бы по существу разобрать дело. Когда автор не задавался специальной целью борьбы с «некоторыми», он и сам должен был признать, что денежное хозяйство есть именно та «школа», из которой выходят «талантливые» живоглоты и «простодушные» батраки) и усматривают в нем непреоборимую миссию капитализма. (Ну, конечно! Находить, что борьбу нужно вести именно против «школы» и хозяйничающих в ней «живоглотов» с их административными и интеллигентными лакеями— это значит считать капитализм непреоборимым. Зато вот оставлять в полной неприкосновенности капиталистическую «школу» с живоглотами и хотеть устранить либеральными полумерами ее капиталистические продукты — это значит быть истинным «другом народа»!) Мы смотрим на это несколько иначе. Капитализм несомненно играет тут значительную роль, на что̀ мы выше и указывали (это именно вышеприведенное указание на школу живоглотов и батраков), однако нельзя сказать, чтобы роль его была такой уж всеобъемлющей и решающей, чтобы в происходящих переменах в народном хозяйстве не было других факторов, а в будущем никакого другого выхода» (стр. 160).

Вот извольте видеть! Вместо точной и прямой характеристики современного строя, вместо определенного ответа на вопрос, почему «крестьянство» раскалывается на живоглотов и батраков,— г. Кривенко отделывается ничего не говорящими фразами.

*) Г. Южаков! Как же это так: ваш товарищ говорит, что в «живоглоты» выходят «таланты», а Вы уверяли, что таковыми делаются люди лишь потому, что обладают «некритическим умом»? Это уже, господа, нехорошо: в одном журнале побивать друг дружку!

«Нельзя сказать, чтобы роль капитализма была решающая». — В этом-то ведь весь и вопрос, можно это сказать или нельзя.

Чтобы защитить свое мнение, Вы должны были бы указать, какие другие причины «решают» дело, какой другой «выход» может быть, кроме того, который указывают социал-демократы — классовой борьбы пролетариата против живоглотов *). Никаких указаний однако не делается. Впрочем, может быть, автор именно нижеследующее принимает за указание? Как это ни забавно бы было, но от «друзей народа» всего надо ждать.

«Приходят в упадок, как мы видели, прежде всего хозяйства слабые, у которых мало земли» — именно менее 5 дес. надела. «Типичные же хозяйства государственных крестьян при 15,7 дес. надела отличаются устойчивостью... Правда, для получения такого дохода (чистого в 80 руб.) они приарендовывают еще по 5 дес., но это указывает только, что̀ им нужно».

К чему же сводится эта «поправка», присоединяющая к капитализму пресловутое «малоземелье»? К тому, что те, кто мало имеет, и этого лишаются, а имущие (по 15,7 дес.) еще более приобретают **). Да ведь это же — пустая перефразировка того положения, что одни разоряются, другие обогащаются!! Пора бы оставить эти бессодержательные фразы о малоземельи, которые ничего не объясняют (так как надельную землю крестьянам не даром дают, а продают), а только описывают процесс, да при том и описывают неточно, так как надо говорить не об одной земле, а об средствах производства вообще, и не о том, что их у крестьян «мало», а о том, что крестьяне от них *освобождаются,* что они *экспроприируются* растущим капитализмом. «Мы вовсе не хотим сказать, — заключает свою философию г. Кривенко — что сельское хозяйство должно и может, при всех условиях, остаться «натуральным» и обособленным от обрабатывающей промышленности (опять фразы! да не Вы ли сейчас только вынуждены были признать наличность уже в настоящем школы денежного хозяйства, предполагающего обмен, а след., обособление земледелия от обрабатывающей промышленности? К чему же опять эта размазня о возможном и должном?), а говорим только, что создавать искусственно обособленную промышленность нерационально (интересно знать, «обособлена» ли

*) Если к восприятию идеи о классовой борьбе пролетариата с буржуазией оказываются пока способны только городские фабрично-заводские рабочие, а не деревенские «простодушные и простоватые» батраки, т.-е. именно люди, утратившие эти милые качества, столь тесно связанные с «вековыми устоями» и с «общинным духом», — то это только доказывает правильность теории социал-демократов о прогрессивной, революционной работе русского капитализма.

**) Я уже не говорю о нелепости того представления, будто владеющие одинаковым наделом крестьяне равны между собой, а не делятся также на «живоглотов» и «батраков».

промышленность кимряков и павловцев? и кто, как и когда «искусственно создавал» ее?), что отделение работника от земли и орудий производства происходит под влиянием не одного только капитализма, а и других факторов, ему предшествующих и содействующих».

Тут, должно быть, опять предполагалось глубокомыслие насчет того, что если работник отделяется от земли, которая переходит к живоглоту, то это происходит оттого, что у первого земли «мало», а у второго—«много».

И подобная философия обвиняет социал-демократов в «узости», когда они решающую причину видят в капитализме!.. Я остановился еще раз с такой подробностью на разложении крестьян и кустарей именно потому, что необходимо было наглядно пояснить, каким образом представляют себе дело социал-демократы и как они объясняют его. Необходимо было показать, что те самые факты, которые для субъективного социолога представляются так, что крестьяне «обеднели», а «охотники» да «живоглоты» «учли прибыли в свою пользу»,—с точки зрения материалиста представляются буржуазным разложением товаропроизводителей, разложением, необходимо вызываемым силою самого товарного хозяйства. Необходимо было показать, на каких фактах основано то положение (которое приведено было выше, в I выпуске), что борьба имущих с неимущими идет в России везде, не только на фабриках и заводах, а и в самой глухой деревушке, и везде эта борьба есть борьба буржуазии и пролетариата, складывающихся на почве товарного хозяйства. Разложение, раскрестьянование наших крестьян и кустарей, которое можно изобразить в точности благодаря такому превосходному материалу, как земская статистика, — дает *фактическое* доказательство верности именно социал-демократического понимания русской действительности, по которому крестьянин и кустарь представляют из себя *мелкого производителя* в «категорическом» значении этого слова, т.-е. *мелкого буржуа.* Это положение можно назвать центральным пунктом теории ***рабочего социализма*** по отношению к старому крестьянскому социализму, который не понимал ни той обстановки товарного хозяйства, в которой живет этот мелкий производитель, ни капиталистического разложения его на этой почве. И потому кто хотел бы серьезно критиковать социал-демократизм,—тот должен бы был сосредоточить свою аргументацию именно на этом, показать, что Россия в политико-экономическом отношении не представляет из себя системы товарного хозяйства, что не на этой почве идет разложение крестьянства, что экспроприация массы населения и эксплуатация трудящегося может быть объяснена чем-нибудь другим, а не буржуазной, капиталистической организацией нашего общественного (и крестьянского в том числе) хозяйства.

Попробуйте-ка, господа!

Затем, есть еще одно основание, по которому я предпочел для иллюстрации социал-демократической теории данные именно о крестьянском и кустарном хозяйстве. Было бы отступлением от материалистического метода, если бы я, критикуя воззрения «друзей народа», ограничился сопоставлением их идей с марксистскими идеями. Необходимо еще объяснить «народнические» идеи, показать их *материальное* основание в современных наших общественно-экономических отношениях. Картинки и примеры экономики наших крестьян и кустарей показывают, что́ такое этот «крестьянин», идеологами которого хотят быть «друзья народа». Они доказывают буржуазность экономики нашей деревни и тем подтверждают правильность отнесения «друзей народа» к идеологам мещанства. Мало того: они показывают, что между идеями и программами наших радикалов и интересами мелкой буржуазии существует самая тесная связь. Эта связь, которая будет еще яснее после разбора программы их в деталях, и объясняет нам такое широкое распространение в нашем «обществе» этих радикальных идей; она же прекрасно объясняет и политическое лакейство «друзей народа» и их готовность итти на компромиссы.

Было, наконец, еще одно основание останавливаться так подробно на экономике именно тех сторон нашей общественной жизни, где капитализм наименее развит и откуда обыкновенно черпали народники материал для своих теорий. Изучением и изображением этой экономики легче всего было ответить по существу на одно из распространеннейших возражений против социал-демократии, циркулирующих в нашей публике. Исходя из обычной идеи о противоречии капитализма «народному строю» и видя, что социал-демократы считают крупный капитализм прогрессивным явлением, что они хотят именно на него опираться для борьбы против современного грабительского режима,— наши радикалы, без дальних рассуждений, обвиняют социал-демократов в игнорировании интересов массы крестьянского населения, в желании «выварить каждого мужика в фабричном котле» и т. д.

Основываются все эти рассуждения на том именно поразительно-нелогичном и странном приеме, что о капитализме судят по тому, что̀ он в действительности есть, а о деревне — по тому, чем она «может быть». Понятно, что нельзя лучше ответить на это, как показавши им *действительную* деревню, *действительную* ее экономику.

Всякий, кто беспристрастно, научно взглянет на эту экономику, должен будет признать, что деревенская Россия представляет из себя систему мелких, раздробленных рынков (или маленьких отделений центрального рынка), заправляющих общественно-

экономическою жизнью отдельных небольших районов. И в каждом таком районе мы видим все те явления, которые свойственны вообще общественно-экономической организации, регулятором которой является рынок: мы видим разложение некогда равных, патриархальных непосредственных производителей на богатеев и бедноту, мы видим возникновение *капитала*, особенно торгового, который плетет свои сети над трудящимся, высасывая из него все соки. Когда вы сравниваете описания экономики крестьянства у наших радикалов с точными данными первоисточников о хозяйственной жизни деревни, вас поражает отсутствие в критикуемой системе воззрений места для той массы мелких торгашей, которые кишмя кишат на каждом таком рынке, всех этих шибаев, ивашей и как там прозвали их еще местные крестьяне, всей той массы мелких эксплуататоров, которые хозяйничают на рынках и беспощадно гнетут трудящегося. Их обыкновенно просто отодвигают — «это, де, уже не крестьяне, а торгаши».— Да, вы совершенно правы: это — «уже не крестьяне». Но попробуйте выделить в особую группу всех этих «торгашей», т.-е., говоря точным политико-экономическим языком, тех, кто ведет коммерческое хозяйство и кто хотя бы отчасти присвоивает себе чужой труд, попробуйте выразить в точных данных экономическую силу этой группы и ее роль во всем хозяйстве района; попробуйте затем выделить в противоположную группу всех тех, кто тоже «уже не крестьянин», потому что несет на рынок свою рабочую силу, потому что работает не на себя, а на другого,— попробуйте выполнить эти элементарные требования беспристрастного и серьезного исследования, и вы увидите такую яркую картину буржуазного разложения, что от мифа о «народном строе» останется одно воспоминание. Эта масса мелких деревенских эксплуататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, по-одиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплуатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкою производительностью труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне. Вот если вы станете сравнивать эту *действительную* деревню с нашим капитализмом, — вы поймете тогда, почему социал-демократы считают прогрессивною работу нашего капитализма, когда он стягивает эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок, когда он создает на место бездны мелких благонамеренных живоглотов кучку крупных «столпов отечества», когда он обобществляет труд и повышает его производительность, когда он разрывает это подчинение трудящегося местным кровопийцам и создает подчинение крупному *капиталу*.

Это подчинение является прогрессивным по сравнению с тем— несмотря на все ужасы угнетения труда, вымирания, одичания, калечения женских и детских организмов и т. д.,—потому, что оно *будит мысль рабочего,* превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося люда, борьбу, которая черпает свою силу из самых условий существования этого крупного капитализма и потому может безусловно рассчитывать на *верный успех.*

В ответ на обвинение в игнорировании массы крестьянства, социал-демократы с полным правом могут привести слова Карла Маркса:

> *«Критика сорвала с цепей украшавшие их воображаемые цветы не для того, чтобы человечество продолжало нести эти оковы в их форме, лишенной всякой фантазии и всякой радости, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком».*

Русские социал-демократы срывают с нашей деревни украшающие ее воображаемые цветы, воюют против идеализаций и фантазий, производят ту разрушительную работу, за которую их так смертельно ненавидят «друзья народа»,—не для того, чтобы масса крестьянства оставалась в положении теперешнего угнетения, вымирания и порабощения, а для того, чтобы пролетариат понял, каковы те цепи, которые сковывают повсюду трудящегося, понял, как куются эти цепи, и сумел подняться против них, чтобы сбросить их и протянуть руку за настоящим цветком.

Когда они несут эту идею тем представителям трудящегося класса, которые по своему положению одни только способны усвоить классовое самосознание и начать классовую борьбу,— тогда их обвиняют в желании выварить мужика в котле.

И кто обвиняет?—

Люди, которые сами возлагают свои упования относительно освобождения трудящегося на «правительство» и «общество», т.-е. органы той самой буржуазии, которая повсюду и сковала трудящихся!

Топырщатся же подобные слизняки толковать о безъидеальности социал-демократов!

Перейдем к политической программе «друзей народа», теоретическими воззрениями которых мы занимались, кажется, уже чересчур много. Какими мерами хотят они «потушить пожар»? В чем видят они выход, неправильно, дескать, указываемый социал-демократами?

«Реорганизация крестьянского банка — говорит г. Южаков в статье: «Министерство земледелия» (№ 10 «Р. Б — ва») — учреждение колонизационного управления, упорядочение в интересах народного хозяйства аренды казенных земель,... разработка и регулирование арендного вопроса,—такова программа восстановления народного хозяйства и ограждения его от экономического насилия (sic!) со стороны нарождающейся плутократии». А в статье: «Вопросы экономического развития» эта программа «восстановления народного хозяйства» пополняется следующими «первыми, но необходимыми шагами»: — «устранение всяких препятствий, ныне опутывающих сельскую общину; освобождение ее от опеки, переход к общественным запашкам (обобществление земледельческого промысла) и развитие общинной обработки сырья, добытого из земли». А гг. Кривенко и Карышев прибавляют: «дешевый кредит, артельная форма хозяйства, обеспеченность сбыта, возможность обходиться без предпринимательской выгоды (об этом особо ниже), изобретение более дешевых двигателей и других технических улучшений», наконец, — «музеи, склады, комиссионерские конторы».

Всмотритесь в эту программу и вы увидите, что эти господа вполне и целиком становятся на почву современного общества (т.-е. на почву капиталистических порядков, чего они не сознают) и хотят отделаться штопанием и починкой его, не понимая, что все их прогрессы — дешевый кредит, улучшения техники, банки и т. п. — в состоянии только усилить и развить буржуазию.

Ник.—он совершенно прав, конечно, — и это одно из наиболее ценных его положений, против которого не могли не протестовать «друзья народа» — что никакими реформами на почве современных порядков помочь делу нельзя, что и кредит и переселения и податные реформы и переход в руки крестьян всей земли, — ничего существенно не изменят, а напротив — должны усилить и развить капиталистическое хозяйство, ныне сдерживаемое излишней «опекой», остатками крепостнических платежей, прикреплением крестьян к земле и т. д. Экономисты, желающие экстенсивного развития кредита — говорит он — вроде кн. Васильчикова (по своим идеям несомненный «друг народа»), хотят того же, что и «либеральные», т.-е. буржуазные экономисты, «стремятся к развитию и упрочению капиталистических отношений». Они не понимают антагонистичности наших производственных отношений (в «крестьянстве» так же, как и в других сословиях) и вместо того, чтобы стараться вывести этот антагонизм на открытую дорогу, вместо того, чтобы прямо примкнуть к тем, кто порабощается в силу этого антагонизма, и стараться помочь ему подняться на борьбу, — они мечтают прекратить борьбу мерами, рассчитанными на всех, на примирение и объединение. Понятно, какой результат может выйти из всех этих мер: доста-

точно вспомнить вышеприведенные примеры разложения, чтобы убедиться, что всеми этими кредитами *), улучшениями, банками и т. п. «прогрессами» в состоянии будет воспользоваться только тот, кто имеет при правильном, прочном хозяйстве известные «сбережения», т.-е. представитель ничтожного меньшинства, мелкой буржуазии. И как вы ни реорганизуйте крестьянский банк и тому подобные учреждения, вы этим нимало не затронете того основного и коренного факта, что масса населения экспроприирована и продолжает экспроприироваться, не имея средств даже для того, чтобы прокормить себя, а не то что для заведения правильного хозяйства.

То же самое надо сказать и про «артели», «общественные запашки». Г. Южаков называет последние «обобществлением земледельческого промысла». Конечно, это — только курьезно, потому что для обобществления нужна организация производства не в пределах одной какой-нибудь деревушки, потому что для этого необходима экспроприация «живоглотов», монополизировавших средства производства и заправляющих теперешним русским общественным хозяйством. А для этого нужна борьба, борьба и борьба, а не пустяковинная мещанская мораль.

И потому подобные мероприятия обращаются у них в кроткие либеральные полумеры, прозябающие от щедрот филантропических буржуа и приносящие гораздо больше вреда отвлечением эксплуатируемых от борьбы, чем пользы от того возможного улучшения положения отдельных личностей, которое не может не быть мизерным и шатким на общей основе капиталистических отношений. До какой безобразной степени доходит у этих господ замазывание антагонизма в русской жизни, — производимое, конечно, с самыми благими намерениями, чтобы прекратить настоящую борьбу, т.-е. именно с такими намерениями, которыми вымощен ад,—это показывает следующее рассуждение г. Кривенко:

«интеллигенция руководит предприятиями фабрикантов и может руководить народной промышленностью».

Вся их философия сводится к нытью на ту тему, что есть борьба и эксплуатация, но «могло бы» ее и не быть, если бы... если бы не было эксплуатирующих. В самом деле, что хотел сказать автор своей бессмысленной фразой? Неужели можно отрицать, что российские университеты и иные учебные заведения производят каждогодно такую «интеллигенцию» (??), которая

*) Эта идея — о поддержке при помощи кредита «народного хозяйства», т.-е. хозяйства мелких производителей, при наличности капиталистических отношений (а наличность их уже не могут, как мы видели, отрицать «друзья народа»), — эта бессмысленная идея, показывающая непонимание азбучных истин теоретической политической экономии, с полной наглядностью показывает пошлость теории этих господ, пытающихся сидеть между двумя стульями.

ищет только того, кто ее прокормит? Неужели можно отрицать, что средства, необходимые для содержания этой «интеллигенции», имеются в настоящее время в России только у буржуазного меньшинства? Неужели буржуазная интеллигенция в России исчезнет оттого, что «друзья народа» скажут, что она «могла бы» служить не буржуазии? Да, «могла бы», если *бы* не была буржуазной. «Могла бы» не быть буржуазной, «если бы» не было в России буржуазии и капитализма! И пробавляются люди весь век свой одними этими «если бы» да «кабы»! Да впрочем, эти господа не только отказываются придавать решающее значение капитализму, но и вообще не хотят видеть ничего дурного в капитализме. Если устранить некоторые «дефекты», — тогда они, может быть, очень недурно при нем устроятся. Не угодно ли такое заявление г-на Кривенко:

«Капиталистическое производство и капитализация промыслов вовсе не представляют таких ворот, через которые обрабатывающая промышленность может только уходить от народа. Разумеется, она может уйти, но может также и войти в народную жизнь и стать ближе к сельскому хозяйству и добывающей промышленности. Для этого возможно несколько комбинаций и этому могут служить как другие, так и эти же самые ворота» (161). У г. Кривенко есть некоторые очень хорошие качества,— сравнительно с г. Михайловским. Напр., откровенность и прямолинейность. Где г. Михайловский исписал бы целые страницы гладкими и бойкими фразами, увиваясь около предмета и не касаясь его самого, там деловитый и практичный г. Кривенко рубит с плеча и без зазрения совести выкладывает перед читателем все абсурды своих воззрений целиком. Извольте видеть: «капитализм может войти в народную жизнь». Т.-е. капитализм возможен без отделения трудящегося от средств производства! Право, это прелестно; мы теперь, по крайней мере, с полной ясностью представляем себе, чего хотят «друзья народа». Они хотят товарного хозяйства без капитализма, — капитализма без экспроприации и без эксплуатации, с одним только мещанством, мирно прозябающим под покровом гуманных помещиков и либеральных администраторов. И они с серьезным видом департаментского чиновника, намеревающегося облагодетельствовать Россию, принимаются сочинять комбинации такого устройства, когда бы и волки были сыты и овцы целы. Чтобы составить себе представление о характере этих комбинаций, мы должны обратиться к статье того же автора в № 12 («По поводу культурных одиночек»): «Артельная и государственная форма промышленности — рассуждает г. Кривенко, вообразив, видимо, что его уже «призвали» «решать практические экономические проблемы» — вовсе не представляет собой всего, что̀ в данном случае можно представить. Возможна, напр., такая комбинация». И дальше повествуется,

как в редакцию «Р. Богатства» пришел техник с проектом технической эксплуатации Донской Области в форме акционерного предприятия с мелкими акциями (не более 100 р.). Автору проекта было предложено видоизменить его таким, примерно, образом: «чтобы акции принадлежали не частным лицам, а сельским обществам, при чем часть их населения, которая станет работать в предприятиях, получала бы обыкновенную заработную плату, а сельские общества гарантировали бы ей связь с землей».

Не правда ли, какая административная гениальность! С какой умилительной простотой и легкостью вводится капитализм в народную жизнь и устраняются его зловредные качества! Нужно только устроить так, чтобы через посредство общества сельские богатеи купили акции *) и получали доход от предприятия, на котором трудилась бы «часть населения», обеспеченная в связи с землей, — такой «связи», которая не дает возможности жить с этой земли (иначе кто бы пошел работать за «обыкновенную заработную плату»?), но достаточна, чтобы привязать человека к месту, поработить его именно местному капиталистическому предприятию и отнять возможность переменить одного хозяина на другого. Я говорю о хозяине, капиталисте — с полным правом, потому что тот, кто платит трудящемуся *заработную плату*, не может быть назван иначе.

Читатель, может быть, уже в претензии на меня за то, что я так долго останавливаюсь на таком вздоре, не заслуживающем, повидимому, никакого внимания. Но позвольте. Хотя это и вздор, но вздор такой, который полезно и нужно изучать, потому что он отражает действительные общественно-экономические отношения России и в силу этого принадлежит к распространеннейшим у нас общественным идеям, с которыми социал-демократам долго еще придется считаться. Дело в том, что переход от крепостнического, феодального способа производства к капиталистическому в России порождал, а отчасти и теперь порождает, такое положение трудящегося, при котором крестьянин,

*) Я говорю о покупке акций богатеями — несмотря на оговорку автора о принадлежности акций обществам — потому, что он все-таки говорит о покупке акций на деньги, каковые имеются только у богатеев. Поэтому через посредство обществ вестись будет дело или нет, — все равно заплатить смогут только богатеи, точно так же, как покупка или аренда земли обществом нимало не устраняет монополизации этой земли богатеями. Затем, доход (дивиденд) должен получать тоже тот, кто платил, — иначе акция не будет акцией. И я понимаю предложение автора в том смысле, что известная часть прибыли будет отчисляться на «обеспечение рабочим связи с землей». — Если же автор разумеет не это (хотя это неизбежно вытекает из сказанного им), а то, чтобы богатеи платили деньги за акции, не получая дивиденда, — тогда его проект просто сводится к тому, чтобы имущие поделились с неимущими. Это в роде того анекдотического снадобья для истребления мух, которое требует, чтобы муху изловили и посадили в посудину, — и муха тотчас умрет.

не будучи в состоянии прокармливать себя землей и *нести с нее повинности в пользу помещика* (*а он их и по-сейчас несет*), вынужден был прибегать к «сторонним заработкам», носившим сначала, в доброе старое время, форму либо самостоятельного промыслового труда (напр., извоз), либо несамостоятельного, но оплачиваемого сравнительно сносно вследствие крайне слабого развития промыслов. Это состояние обеспечивало некоторое, сравнительно с теперешним, благосостояние крестьянства, благосостояние крепостного люда, мирно прозябавшего под сенью ста тысяч благородных полициймейстеров и нарождающихся собирателей земли русской, — буржуа.

И вот «друзья народа» идеализируют этот строй, отбрасывая просто-на-просто его темные стороны, мечтают о нем, — «мечтают» потому, что его давным-давно нет уже в действительности, он давным-давно разрушен капитализмом, породившим массовую экспроприацию земледельческого крестьянства и превратившим прежние «заработки» в самую разнузданную эксплуатацию в избытке предлагающихся рабочих «рук».

Наши рыцари мещанства хотят именно сохранения «связи» крестьянина с землей, но не хотят крепостного права, которое одно только обеспечивало эту связь и которое было сломлено только товарным хозяйством и капитализмом, сделавшим эту связь невозможной. Они хотят заработков на стороне, которые бы не отрывали крестьянина от земли, которые бы — при работе на рынок — не порождали конкуренции, не создавали *капитала* и не порабощали ему массы населения. Верные субъективному методу в социологии, они хотят «взять» хорошее и оттуда и отсюда, — но на деле, разумеется, это ребячье желание ведет только к реакционной мечтательности, игнорирующей действительность, ведет к неумению понять и утилизировать действительно прогрессивные, революционные стороны новых порядков и к сочувствию мероприятиям, увековечивающим добрые старые порядки полукрепостного, полусвободного труда, — порядки, обладавшие всеми ужасами эксплуатации и угнетения и не дававшие никакой возможности выхода.

Чтобы доказать правильность этого объяснения, относящего «друзей народа» к реакционерам, сошлюсь на два примера.

В московской земской статистике мы можем прочитать описание хозяйства некоей г-жи К. (в Подольском у.), которое (хозяйство, а не описание) восхищало и московских статистиков и г. В. В., если память мне не изменяет (он писал об этом, помнится, в какой-то журнальной статье).

Это пресловутое хозяйство г-жи К. служит для г. В. Орлова «фактом, убедительно подтверждающим на практике» его любимое положение, будто «где крестьянское земледелие находится в исправном состоянии, там и хозяйство частных землевладель-

цев ведется лучше». Из рассказа г. Орлова об имении этой г-жи видно, что она ведет хозяйство посредством труда местных крестьян, обрабатывающих ее землю за получаемую в ссуду зимой муку и т. п., при чем владелица относится к крестьянам замечательно заботливо, помогает им, так что теперь это—самые исправные крестьяне в волости, у которых хлеба «достает почти до нови (прежде и до зимнего Николы не хватало)».

Спрашивается, исключает ли «такая постановка дела противоположность интересов крестьянина и землевладельца», как думают гг. Н. Каблуков (т. V, с. 175) и В. Орлов (т. II, с. 55—59 и др.)? Очевидно, что нет, ибо г-жа К. живет трудом своих крестьян. След., эксплуатация совсем не устранена. Не видеть эксплуатации за добрыми отношениями к эксплуатируемым — простительно для г-жи К., но никак не для экономиста-статистика, который, восхищаясь данным случаем, вполне приравнивается к тем Menschenfreunde *) на Западе, которые восхищаются добрыми отношениями капиталиста к рабочему, с упоением передают случаи, когда фабрикант печется о рабочих, устраивает для них потребительные лавки, квартиры и т. п. Заключать от существования (и, след., «возможности») подобных «фактов» к отсутствию противоположности интересов—значит за деревьями не видеть леса. Это во-первых.

А во-2-х, из рассказа г. Орлова мы видим, что крестьяне г-жи К. «благодаря прекрасным урожаям (помещица дала им хороших семян) завели скот» и ведут «исправное» хозяйство. Представьте себе, что эти «исправные хозяева» сделались не «почти», а вполне исправными: хлеба хватает у них не «почти» до нови и не «у большинства», а всем и вполне хватает хлеба. Представим себе, что земли у этих крестьян стало достаточно, что у них есть и «пастбище и прогон», которых у них теперь нет (хороша исправность!) и которые они арендуют у г-жи К. под работу. Неужели г. Орлов думает, что тогда—т. е. если бы крестьянское хозяйство было бы действительно исправно — эти крестьяне стали бы «исполнять все работы по имению г-жи К. тщательно, своевременно и быстро», как это они делают теперь? Или, может быть, признательность к доброй барыне, так матерински выжимающей соки из исправных крестьян, будет импульсом не менее сильным, чем безъисходность настоящего положения крестьян, которые не могут же обойтись без пастбища и прогона?

Очевидно, что таковы же в сущности идеи «друзей народа»: как настоящие идеологи мещанства, они хотят не уничтожения эксплуатации, а смягчения ее, хотят не борьбы, а примирения. Их широкие идеалы, с точки зрения которых они так усердно

*) — друзьям человечества. *Ред.*

громят узких социал-демократов, не идут далее «исправного» крестьянства, отбывающего «повинности» перед помещиками и капиталистами, лишь бы только помещики и капиталисты справедливо к ним относились.

Другой пример. Г. Южаков в своей довольно известной статье: «Нормы народного землевладения в России» («Р. Мысль», 1885, № 9) излагал свои воззрения на то, каких размеров должно быть «народное» землевладение, т.-е., по терминологии наших либералов, такое, которое исключает капитализм и эксплуатацию. Теперь — после этого превосходного разъяснения дела г-ном Кривенко — мы знаем, что он смотрел тоже с точки зрения «введения капитализма в народную жизнь». Minimum'ом «народного» землевладения он брал такие наделы, которые бы покрывали «зерновое довольствие и платежи» *), а остальное, дескать, можно добыть «заработками»... Другими словами, он прямо-таки мирился с таким порядком, когда крестьянин, сохраняя связь с землей, подвергался двойной эксплуатации, отчасти со стороны помещика — по «наделу», отчасти со стороны капиталиста — по «заработкам». Это состояние мелких производителей, подвергающихся двойной эксплуатации и притом поставленных в такие житейские условия, которые необходимо порождают забитость и придавленность, отнимая всякие надежды не только на победу, но и на борьбу класса угнетенных, — это полусредневековое положение — nec plus ultra кругозора и идеалов «друзей народа». И вот, когда капитализм, развиваясь с громадной быстротой в течение всей пореформенной истории России, стал с корнем вырывать этот устой старой России, — патриархальное, полукрепостное крестьянство, — вырывать его из средневековой, полуфеодальной обстановки и ставить в новейшую, чисто-капиталистическую, заставляя его бросать насиженные места и бродить по всей России в поисках за работой, разрывая порабощение местному «работодателю» и показывая, в чем лежат основания эксплуатации вообще, эксплуатации классовой, а не грабежа данного аспида, — когда капитализм стал массами втягивать остальное, забитое и задавленное до скотского положения крестьянское население в водоворот все усложняющейся общественно-политической жизни, — тогда наши рыцари подняли вопли и стенания о падении и ломке устоев. И они продол-

*) Чтобы показать соотношение между этим расходом и остальной частью крестьянского бюджета, сошлюсь на те же 24 бюджета по Острог. у. Средний расход семьи — 495 р. 39 к. (и натуральный и денежный). Из них 109 р. 10 к. идет на содержание скота, 135 р. 80 к. — на продовольствие растительной пищей и налоги, а остальные 250 р. 49 к. — на прочие расходы — пищу нерастительную, одежду, инвентарь, аренду и проч. Содержание скота г. Южаков относит на счет сенокосов и вспомогательных угодий.

жают и сейчас вопить и стенать об этом добром старом времени, хотя теперь, кажется, надо уже быть слепым, чтобы не видеть революционной стороны этого нового уклада жизни, чтобы не видеть, как капитализм создает новую общественную силу, ничем не связанную с старым режимом эксплуатации и поставленную в возможность борьбы против него.

У «друзей народа», однако, и следа не заметно пожеланий какого бы то ни было коренного изменения современных порядков. Они вполне удовлетворяются либеральными мероприятиями на данной почве, и г. Кривенко проявляет на поприще изобретения таких мероприятий настоящие административные способности отечественного помпадура.

«Вообще этот вопрос — рассуждает он о необходимости «подробного изучения и коренного преобразования» «нашей народной промышленности» — требует специального рассмотрения и разделения производств на группы производств, применимых к народной жизни (sic!!), и таких, применение которых встречает какие-нибудь серьезные затруднения».

Образец одного такого деления на группы дает нам тот же г. Кривенко, разделяющий промыслы на такие, которые не капитализуются, такие, где произошла уже капитализация, и такие, которые могут «спорить с крупной промышленностью за существование».

«В первом случае — решает администратор — мелкое производство может свободно существовать» — и быть свободным от рынка, колебания которого разлагают мелких производителей на буржуазию и пролетариат? быть свободным от расширения местных рынков и стягивания их в крупный рынок? быть свободным от прогресса техники? Или, может быть, этот прогресс техники — при товарном хозяйстве — может и не быть капиталистическим? — В последнем случае автор требует «организации производства также в крупной форме»: «Ясное дело, — говорит он — что тут нужна уже организация производства также в крупной форме, нужен основной и оборотный капитал, машины и т. д. или уравновешение этих условий чем-нибудь другим: дешевым кредитом, устранением излишнего посредничества, артельною формой хозяйства и возможностью обходиться без предпринимательской выгоды, обеспеченностью сбыта, изобретением более дешевых двигателей и других технических улучшений или, наконец, некоторым понижением заработной платы, если оно будет возмещаться другими выгодами».

Прехарактерное рассуждение для характеристики «друзей народа» с их широкими идеалами на словах, с их шаблонным либерализмом на деле. Начинает наш философ, как видите, ни больше, ни меньше как с возможности обходиться без предпринимательской выгоды и с организации крупного хозяйства.

Прекрасно: это именно то, *чего* хотят и социал-демократы. Но как же хотят достигнуть этого «друзья народа»? Ведь для организации крупного производства без предпринимателей нужно, во-первых, уничтожение товарной организации общественного хозяйства и замена ее организацией общинной, коммунистической, когда бы регулятором производства был не рынок, как теперь, а сами производители, само общество рабочих, когда бы средства производства принадлежали не частным лицам, а всему обществу. Такая замена частной *формы присвоения* — общинною требует, очевидно, *предварительного* преобразования *формы производства,* требует слияния разрозненных, мелких, обособленных процессов производства мелких производителей в *один общественный производительный процесс,* требует, одним словом, тех именно материальных условий, которые и создаются капитализмом. Но ведь «друзья народа» вовсе не намерены опираться на капитализм. Как же они намерены действовать? Неизвестно. Они даже и не упоминают об уничтожении товарного хозяйства: очевидно, их широкие идеалы не могут никак выйти из рамок этой системы общественного производства. Затем, ведь для уничтожения предпринимательской выгоды придется экспроприировать предпринимателей, «выгоды» которых проистекают именно из того, что они монополизировали средства производства. Для этой экспроприации столпов нашего отечества нужно ведь народное революционное движение против буржуазного режима, движение, на которое способен только рабочий пролетариат, ничем не связанный с этим режимом. Но «друзья народа» и в мыслях не имеют никакой борьбы, и не подозревают о возможности и необходимости каких-нибудь других общественных деятелей, помимо административных органов самих этих предпринимателей. Ясное дело, что они нисколько не намерены серьезно выступать против «предпринимательской выгоды»: г. Кривенко просто сболтнул. И он немедленно поправляется: можно ведь и «уравновесить» такую вещь, как «возможность обходиться без предпринимательской прибыли», — «чем-нибудь другим», именно кредитом, организацией сбыта, улучшениями техники. Все устроилось, значит, вполне благополучно: вместо такой обидной для гг. предпринимателей вещи, как уничтожение их священных прав на «выгоду», — появились такие кроткие либеральные мероприятия, которые только дадут в руки капитализму лучшие орудия для борьбы, которые только усилят, укрепят и разовьют нашу мелкую «народную» буржуазию. А чтобы не оставить никакого сомнения в том, что «друзья народа» интересы только этой мелкой буржуазии и отстаивают, г. Кривенко дает еще следующее замечательное разъяснение. Оказывается, что уничтожение предпринимательской выгоды можно «уравновесить»... «понижением заработной платы»!!! С первого взгляда может показаться, что это просто

сапоги всмятку. Но нет. Это последовательное проведение идей мещанства. Автор наблюдает такой факт, как борьбу крупного капитала с мелким, и в качестве истинного «друга народа» становится, конечно, на сторону мелкого... *капитала.* Он слыхал при этом, что одним из могущественнейших средств борьбы для мелких капиталистов является понижение заработной платы — факт, совершенно верно подмеченный, констатированный в массе производств и в России, на ряду с удлинением рабочего дня. И вот он, желая во что бы то ни стало спасти мелких... *капиталистов,* предлагает «некоторое понижение заработной платы, если оно будет возмещаться иными выгодами»! Господа предприниматели, о «выгоде» которых говорились сначала как-будто бы странные вещи, могут быть совершенно спокойны. Они, я думаю, охотно бы даже посадили в министры финансов этого гениального администратора, проектирующего *против* предпринимателей—понижение заработной платы.

Можно привести и еще пример того, как из гуманно-либеральных администраторов «Р. Богатства» проглядывает чистокровный буржуа, как только дело коснется каких-либо практических вопросов. В «Хронике внутренней жизни» в № 12 «Р. Богатства» идет речь о монополии.

«Монополия и синдикат — говорит автор — таковы идеалы развитой промышленности». И он удивляется далее, что эти учреждения появляются и у нас, хотя «сильной конкуренции капиталов» у нас нет. «Ни сахарная, ни нефтяная промышленность вовсе еще не достигли особого развития. Потребление как сахара, так и керосина у нас почти в зародыше, если обратить внимание на то ничтожное количество этих продуктов, какое приходится у нас на одного потребителя сравнительно с другими странами. Казалось бы, поле для развития этих отраслей промышленности очень еще велико и может поглотить массу еще капиталов».

Характерно, что тут как раз — на практическом вопросе — автор забыл любимую идею «Р. Богатства» о сокращении внутреннего рынка. Он вынужден признать, что рынок этот имеет перед собой еще громадное развитие, а не сокращение. Он приходит к этому выводу, сравнивая с Западом, где потребление больше. Почему? — Потому, что культура выше. — Но в чем же состоят материальные основания этой культуры как не в развитии капиталистической техники, в росте товарного хозяйства и обмена, приводящих людей в более частые столкновения друг с другом, разрушающих средневековую обособленность отдельных местностей? Не была ли во Франции, напр., культура не выше нашей перед великой революцией, когда еще не завершился раскол ее полусредневекового крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат? И если бы автор повнимательнее присмотрелся к рус-

ской жизни, он не мог бы не заметить того, напр., факта, что в местностях с развитым капитализмом потребности крестьянского населения стоят значительно выше, чем в чисто земледельческих местностях. Это отмечается единогласно всеми исследователями наших кустарных промыслов во всех случаях, когда эти промыслы достигают такого развития, что кладут промысловой отпечаток на всю жизнь населения *).

«Друзья народа» не обращают никакого внимания на подобные «мелочи», потому что для них дело тут объясняется «просто» культурой или усложняющейся жизнью вообще, при чем они даже и не задаются вопросом о материальных основаниях этой культуры и этого усложнения.—А если бы они обратились хотя бы к экономике нашей деревни, то должны бы были признать, что именно разложение крестьянства на буржуазию и пролетариат создает внутренний рынок.

Они думают, должно быть, что рост рынка вовсе еще не означает роста буржуазии. «Монополия — продолжает свое рассуждение вышецитированный хроникер внутренней жизни — у нас при слабом развитии производства вообще, при отсутствии предприимчивости и инициативы явится новым тормозом для развития *сил страны*». Говоря о табачной монополии, автор рассчитывает, что «она из *народного* обращения возьмет 154 милл. руб.». Здесь уже прямо упускается из виду, что основой-то наших хозяйственных порядков является товарное хозяйство, руководителем которого и у нас, как и везде, является буржуазия. И вместо того, чтобы говорить о стеснении буржуазии монополией, автор говорит о «стране», вместо того, чтобы говорить о товарном, буржуазном обращении,—о «народном» обращении **). Буржуа никогда не в состоянии уловить разницы между этими понятиями, как она ни громадна. Чтобы показать, до какой степени, действительно, очевидна эта разница, я сошлюсь на журнал, имеющий авторитет в глазах «друзей народа»,— на «Отеч. Записки». В № 2 за 1872 г., в статье «Плутократия и ее основы» [28]) мы читаем:

«По характеристике Марло, самый существенный признак плутократии — это любовь к либеральной форме государства, или по крайней мере к принципу свободы приобретения. Если мы возьмем этот признак и сообразим, что̀ было назад тому каких-нибудь 8 — 10 лет, то увидим, что по части либерализма мы сделали успехи громадные... Какую бы газету или журнал вы ни

---

*) Для примера сошлюсь хотя бы на павловских кустарей сравнительно с крестьянами окрестных деревень. См. сочинения Григорьева и Анненского.—Нарочно беру для примера опять-таки деревню, в которой имеется, будто бы, особый «народный строй».

**) Словоупотребление, которое тем более следует поставить в вину автору, что «Р. Богатство» любит употреблять слово «народный» в противоположность буржуазному.

взяли, — все они, повидимому, более или менее представляют собой демократический принцип, все бьются за интересы народа. Но рядом с демократическими воззрениями и даже под покровом их (это *заметьте*) то и дело намеренно или ненамеренно проводятся плутократические стремления».

Автор приводит в пример адрес с.-петербургского и московского купечества министру финансов с благодарностью сего почтеннейшего сословия российской буржуазии за то, что «он основал финансовое положение России на возможно большем расширении единственно плодотворной частной деятельности». И автор статьи заключает: «Плутократические элементы и поползновения несомненно есть в нашем обществе и в достаточном количестве».

Видите — ваши предшественники в давнопрошедшее время, когда еще были живы и свежи впечатления великой освободительной реформы (долженствовавшей, по открытию г. Южакова, освободить спокойные и правильные пути развития «народного» производства, а на деле освободившей только пути развития плутократии), сами не могли не признать плутократического, т.-е. буржуазного характера частной предприимчивости в России.

Зачем же Вы забыли это? Почему, толкуя о «народном» обращении и развитии «сил страны» благодаря развитию «предприимчивости и инициативы», не упоминаете Вы об антагонистичности этого развития? об эксплуататорском характере этой предприимчивости и этой инициативы? Можно и должно, разумеется, высказываться против монополий и т. под. учреждений, так как они, несомненно, ухудшают положение трудящегося, — но не надо забывать, что помимо всех этих средневековых пут трудящийся скован еще более сильными, новейшими, буржуазными путами. Несомненно, отмена монополий будет полезна всему «народу», потому что, когда буржуазное хозяйство стало основой экономики страны — эти остатки средневековых порядков только прибавляют к капиталистическим бедствиям еще горшие бедствия — средневековые. Несомненно, их необходимо нужно уничтожить — и чем скорее, чем радикальнее, тем лучше, — чтобы очищением буржуазного общества от унаследованных им полукрепостнических пут развязать руки рабочему классу, облегчить ему борьбу против буржуазии.

Вот так и надо говорить, называя вещи своим именем, — что отмена монополий и всяких других стеснений средневековых (им же имя в России — легион) необходимо нужна для рабочего класса для облегчения ему борьбы против буржуазных порядков. Вот и все. Забывать за солидарностью интересов всего «народа» против средневековых, крепостнических учреждений — о глубоком и непримиримом антагонизме буржуазии и пролетариата внутри этого «народа» могут только буржуа.

Да, впрочем, нелепо было бы думать устыдить этим «друзей народа», когда они насчет того, что нужно деревне, говорят, напр., такие вещи:

«Когда несколько лет тому назад—повествует г. Кривенко — некоторые газеты рассматривали, какие профессии и какого рода интеллигентные люди нужны деревне, то перечень выходил очень большим и разнообразным и охватывал почти всю жизнь: за докторами и женщинами-врачами шли фельдшера, за ними адвокаты, за адвокатами учителя, устроители библиотек и книжной торговли, агрономы, лесоводы и вообще люди, занимающиеся сельским хозяйством, техники самых разнообразных специальностей (область очень обширная и еще почти не тронутая), устроители и руководители кредитных учреждений, товарных складов и т. д.»

Остановимся хотя бы на тех «интеллигентах» (??), деятельность которых прямо относится к экономической области, на этих лесоводах, агрономах, техниках и т. д. Как в самом деле нужны эти люди деревне! Но только *какой* деревне? — разумеется, деревне землевладельцев, деревне хозяйственных мужичков, имеющих «сбережения» и могущих платить за услуги всем этим ремесленникам, которых г. Кривенко изволит величать «интеллигентами». *Эта* деревня и в самом деле давно жаждет и техников, и кредита, и товарных складов — об этом свидетельствует вся экономическая литература. Но есть и другая деревня, гораздо более многочисленная, о которой не мешало бы почаще вспоминать «друзьям народа», — деревня разоренного и оголенного, обобранного до нитки крестьянства, не имеющего не только «сбережений» для оплаты труда «интеллигентов», но даже и хлеба в таком количестве, чтобы не умереть с голоду. И *этой* деревне хотите помочь вы *товарными складами!!* Что они туда положат, наши однолошадные и безлошадные крестьяне, в эти товарные склады? Свою одежду? — они уже заложили ее в 1891-ом г. сельским и городским кулакам, устраивавшим тогда, во исполнение вашего гуманно-либерального рецепта, настоящие «товарные склады» в своих домах, кабаках и лавках. Остаются еще разве только рабочие «руки». Но для этого товара даже российские чиновники не выдумали до сих пор еще «товарных складов»...

Трудно представить себе более наглядное доказательство крайнего опошления этих «демократов», — как это умиление техническими прогрессами в «крестьянстве» и закрывание глаз на массовую экспроприацию того же «крестьянства». Г. Карышев, напр., в № 2 «Р. Богатства» («Наброски», § XII) с упоением либерального кретина рассказывает случай «усовершенствований и улучшений» в крестьянском хозяйстве — «распространения в крестьянском хозяйстве улучшенных сортов семян» — американского овса, ржи-вазы, клейдесдальского овса

и т. п. «В иных местах крестьяне отводят для семян особые небольшие участки земли, на которых после тщательной обработки садятся руками отборные экземпляры зерен». «Многие и весьма разнообразные нововведения» отмечаются «в области улучшенных орудий и машин» *) — окучники, легкие плужки, молотилки, веялки, сортировки. Констатируется «увеличение разнообразия видов удобрительных средств» — фосфориты, клейный навоз, голубиный помет и пр. «Корреспонденты настаивают на необходимости устраивать по деревням местные земские склады для продажи фосфоритов», — и г. Карышев, цитируя сочинение г. В. В.: «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» (на него ссылается и г. Кривенко), впадает по поводу всех этих трогательных прогрессов совсем уже в пафос:

«Бодрящее и вместе грустное впечатление производят эти сообщения, которые мы могли изложить лишь вкратце... Бодрящее — потому, что этот народ, обедневший, задолжавший, в значительной части обезлошадевший, не покладает рук, не предается отчаянию, не меняет занятия, а остается верным земле, понимая, что в ней, в надлежащем обращении с ней его будущее, его сила, его богатство. (Ну, конечно! Само собой разумеется, что ведь это именно обедневший и обезлошадевший мужик покупает фосфориты, сортировки, молотилки, семена клейдесдальского овса! О, sancta simplicitas! **). Но ведь пишет это не институтка, а профессор, доктор политической экономии!! Нет, как хотите, а одной святой простотой тут дела не объяснишь.) Лихорадочно ищет он способов этого надлежащего обращения, ищет новых путей, приемов обработки, семян, орудий, удобрения, всего, что помогло бы оплодотворить его кормилицу-землю, которая воздаст ему рано или поздно за это сторицею***)... Грустное впечатление производят приведенные сообщения потому (вы, может быть, думаете, что «друг народа» хоть здесь-то упомянет о той массовой экспроприации крестьянства,

---

*) Напомню читателю распределение этих улучшенных орудий в Новоузенском уезде: у 37% (бедных) крестьян, у 10 тыс. дворов из 28 тыс. — 7 орудий из 5.724, т.-е. $^1/_8$%! $^4/_5$ орудий монополизированы богатеями, составляющими лишь $^1/_4$ часть дворов.

**) — о, святая простота! *Ред.*

***) Вы глубоко правы, почтенный г. профессор, что улучшенное хозяйство воздаст *сторицею* этому «народу», который не «предается отчаянию» и «остается верен земле». Но не замечаете ли вы, о великий доктор политической экономии, что для приобретения всех этих фосфоритов и т. д. «мужик» должен выделяться из массы голодающих нищих наличностью *свободных* денег, а деньги — ведь это продукт *общественного* труда, достающийся в руки частных лиц; — что присвоение «воздаяния» за это улучшенное хозяйство будет присвоением *чужого* труда; — что видеть источник этого обильного воздаяния в личном усердии хозяина, который, «не покладая рук», «оплодотворяет кормилицу-землю», могут только самые жалкие прихвостни буржуазии?

которая сопровождает и вызывает концентрацию земли в руках хозяйственных мужичков, превращение ее в *капитал*, в основание *улучшенного* хозяйства, — той экспроприации, которая именно и выбрасывает на рынок «свободные» и «дешевые» «руки», создающие успехи отечественной «предприимчивости» на поприще всех этих молотилок, сортировок, веялок? — ничуть не бывало), потому, что... будить нужно именно нас самих. Где наша помощь этому стремлению мужика поднять свое хозяйство? Для нас есть наука, литература, музеи, склады, комиссионерские конторы. (Право, господа, так рядом и поставлено: «наука» и «комиссионерские конторы»... «Друзей народа» надо изучать не тогда, когда они воюют с социал-демократами, потому что они для такого случая надевают мундир, сшитый из лохмотьев «отцовских идеалов», а в их будничной одежде, когда они обсуждают детально вопросы повседневной жизни. И тогда вы можете наблюдать этих идеологов мещанства со всем их цветом и запахом.) Есть ли что-нибудь подобное для мужика? Есть, конечно, эмбрионы, да что-то они туго развиваются. Мужик хочет примера, — где наши опытные поля, образцовые хозяйства? Мужик ищет печатного слова, — где наша популярная агрономическая литература?.. Мужик ищет удобрения, орудий, семян, — где у нас земские склады всего этого, оптовая заготовка, удобства покупки, распространения?.. Где же вы, деятели, деятели частные и земские? Идите и работайте, время давно приспело, и

Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ!»

Н. Карышев («Р. Б—во», № 2, с. 19).

Вот они, эти друзья мелких «народных» буржуев, во всем самоуслаждении своими мещанскими прогрессами!

Казалось бы, даже помимо анализа экономики нашей деревни, достаточно наблюдать этот бросающийся в глаза факт нашей новой экономической истории — констатируемые всеми прогрессы в крестьянском хозяйстве одновременно с гигантской экспроприацией «крестьянства», — чтобы убедиться в нелепости представления о «крестьянстве», как каком-то солидарном внутри себя и однородном целом, чтобы убедиться в буржуазности всех этих прогрессов! Но «друзья народа» остаются глухи ко всему этому. Утратив хорошие стороны старого русского социально-революционного народничества, они крепко ухватились за одну из крупных его ошибок — непонимание классового антагонизма внутри крестьянства.

«Народник 70-х г.г. — очень метко говорит Гурвич — не имел никакого представления о классовом антагонизме внутри самого крестьянства, ограничивая этот антагонизм исключительно отношениями между «эксплуататором» — кулаком или мироедом —

и его жертвой, крестьянином, пропитанным коммунистическим духом *). Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию. Со своим превосходным знанием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще». См. его статью «Равнение под одно» в «Р. М.» 82 г. № 1 (назв. с., стр. 106).

Но если позволительно и даже естественно было впадать в эту иллюзию в 60-х и 70-х г.г., — когда еще так мало было сравнительно точных сведений об экономике деревни, когда еще не обнаруживалось так ярко разложение деревни, — то теперь ведь надо нарочно закрывать глаза, чтобы не видеть этого разложения. Чрезвычайно характерно, что именно в последнее время, когда разорение крестьянства достигло, кажется, своего апогея, отовсюду слышно о прогрессивных течениях в крестьянском хозяйстве. Г. В. В. (тоже несомненнейший «друг народа») написал об этом предмете целую книгу. И вы не сможете упрекнуть его в фактической неверности. Напротив, факт не может подлежать сомнению, — факт технического, агрикультурного прогресса в крестьянстве, но точно так же несомненен и факт массовой экспроприации крестьянства. И вот, «друзья народа» сосредоточивают все свое внимание на том, как «мужик» лихорадочно ищет новых приемов обработки, которые помогли бы ему оплодотворить кормилицу-землю, — опуская из виду обратную сторону медали, лихорадочное отделение «мужика» же от земли. Они как страусы прячут голову, чтобы не смотреть прямо на действительность, чтобы не видеть, что они присутствуют именно при процессе обращения в капитал той земли, от которой отрывается крестьянство, при процессе создания внутреннего рынка **). Попробуйте опровергнуть *наличность* в нашем общинном крестьянстве двух этих полярных процессов, попробуйте *объяснить* их иначе как буржуазностью нашего общества! — Куда тут! Петь аллилуия и разливаться в гуманно-доброжелательных фразах — вот альфа и омега всей их «науки», всей их политической «деятельности».

И это кротко-либеральное штопанье современных порядков возводят они даже в целую философию. «Маленькое живое дело —

*) «Внутри деревенской общины возникли антагонистические социальные классы» — говорит Гурвич в другом месте (с. 104). Я цитирую Гурвича только в добавление к вышеприведенным фактическим данным.

**) Поиски «новых приемов обработки» потому именно и становятся «лихорадочными», что хозяйственному мужику приходится вести более крупное хозяйство, с которым при помощи старых приемов не справиться; — именно потому, что к поискам новых приемов вынуждает конкуренция, так как земледелие приобретает все более и более товарный, буржуазный характер.

глубокомысленно рассуждает г. Кривенко — гораздо лучше большого безделья». — И ново и умно. И потом — продолжает он — «маленькое дело вовсе не синоним маленькой цели». В пример такого «расширения деятельности», когда дело из маленького становится «правильным и хорошим», — приводится деятельность одной госпожи по устройству школ, — затем адвокатская деятельность в крестьянстве, вытесняющая кляузников, — предположение адвокатов ездить в провинцию с выездными сессиями окружных судов для защиты подсудимых, — наконец, уже знакомое нам устройство кустарных складов: расширение деятельности (до размеров большой цели) должно состоять здесь в устройстве складов «соединенными силами земств в наиболее бойких пунктах».

Все это, конечно, очень возвышенные, гуманные и либеральные дела — «либеральные» потому, что они очистят буржуазную систему хозяйства от всех ее средневековых стеснений и тем облегчат рабочему борьбу против самой этой системы, которой, разумеется, подобные меры не только не затронут, а, напротив, усилят — и все это мы давно уже читаем во всех русских либеральных изданиях. Против этого не стоило бы и выступать, если бы не принуждали к этому господа из «Р. Б—ва», которые принялись выдвигать эти «кроткие начатки либерализма» *против* социал-демократов и в пример им, упрекая их притом в отречении от «идеалов отцов». И тогда мы не можем не сказать, что это по меньшей мере забавно — возражать против социал-демократов предложением и указанием такой умеренной и аккуратной *либеральной* (сиречь служащей буржуазии) деятельности. А по поводу отцов и их идеалов надо заметить, что как ни ошибочны, ни утопичны были старые теории русских народников, но уж во всяком случае они относились *безусловно* отрицательно к подобным «кротким начаткам либерализма». Заимствую это последнее выражение из заметки г. Н. К. Михайловского: «По поводу русского издания книги К. Маркса» («От. Зап.» 1872 г., № 4) — заметки, очень живо, бодро и свеже написанной (сравнительно с теперешними его писаниями) и бурно протестовавшей против предложения не обижать наших молодых либералов.

Но это было давно, так давно, что «друзья народа» успели основательно перезабыть все это и своей тактикой наглядно показали, что при отсутствии материалистической критики политических учреждений, при непонимании классового характера современного государства, — от политического радикализма до политического оппортунизма один только шаг.

Несколько образчиков этого оппортунизма:

«Преобразование министерства государственных имуществ в министерство земледелия — объявляет г. Южаков — может иметь глубокое влияние на ход нашего экономического развития,

но может оказаться и некоторою лишь перетасовкою чиновников» (№ 10 «Р. Б.»).

Все зависит, значит, от того, кого «призовут» — друзей ли народа или представителей интересов помещиков и капиталистов. Самые интересы можно и не трогать.

«Охранение экономически слабейшего от экономически сильного составляет первую естественную задачу государственного вмешательства», продолжает там же тот же г. Южаков, и ему вторит в тех же выражениях хроникер внутренней жизни во 2 № «Р. Б—ва». И чтобы не оставить никакого сомнения в том, что он понимает эту филантропическую бессмыслицу *) так же, как и его достойные сотоварищи, западно-европейские либеральные и радикальные идеологи мещанства, он добавляет вслед за вышесказанным:

«Гладстоновские ландбилли, бисмарковское страхование рабочих, фабричная инспекция, идея нашего крестьянского банка, организация переселений, меры против кулачества, все это — попытки применения именно этого принципа государственного вмешательства с целью защиты экономически слабейшего».

Это уже тем хорошо, что откровенно. Автор прямо говорит здесь, что точно так же хочет стоять на почве данных общественных отношений, как и гг. Гладстоны и Бисмарки, — точно так же хочет чинить и штопать современное общество (буржуазное — чего он не понимает, как не понимают этого и западноевропейские сторонники Гладстонов и Бисмарков), а не бороться против него. В полнейшей гармонии с этим основным их теоретическим воззрением стоит и то обстоятельство, что они орудие реформ видят в органе, выросшем на почве этого современного общества и охраняющем интересы господствующих в нем классов — в государстве. Они прямо считают его всемогущим и стоящим над всякими классами, ожидая от него не только «поддержки» трудящегося, но и создания настоящих, правильных порядков (как мы слышали от г. Кривенко). Понятно, впрочем, что от них, как чистейших идеологов мещанства, и ждать нельзя ничего иного. Это ведь одна из основных и характерных черт мещанства, которая, между прочим, и делает его классом реакционным, — что мелкий производитель, разобщенный и изолированный самими условиями производства, привязанный к определенному месту и к определенному эксплуататору, не в состоянии понять классового характера той эксплуатации и того угнетения, от которых он страдает иногда не меньше пролетария, не в состоянии понять,

*) Потому бессмыслицу — что сила «экономически сильного» в том, между прочим, и состоит, что он держит в своих руках политическую власть. Без нее он не мог бы удержать своего экономического господства.

что и государство в буржуазном обществе не может не быть классовым государством *).

Почему же это, однако, почтеннейшие гг. «друзья народа», до сих пор,— а со времени самой этой освободительной реформы с особенной энергией,—правительство наше «поддерживало, охраняло и создавало» только буржуазию и капитализм? Почему этакая нехорошая деятельность этого абсолютного, якобы над классами стоящего правительства совпала именно с историческим периодом, характеризующимся во внутренней жизни развитием товарного хозяйства, торговли и промышленности? Почему думаете вы, что эти последние изменения во внутренней жизни являются последующим, а политика правительства—предыдущим, несмотря на то, что первые изменения происходили так глубоко, что правительство даже не замечало их и ставило им бездну препятствий, несмотря на то, что то же «абсолютное» правительство, при других условиях внутренней жизни, «поддерживало», «охраняло» и «создавало» другой класс?

О, подобными вопросами «друзья народа» никогда не задаются! Это ведь все — материализм и диалектика, «гегелевщина», «мистика и метафизика». Они просто думают, что если попросить хорошенько да поласковее у этого правительства, то оно может все хорошо устроить. И уж по части ласковости надо отдать справедливость «Р. Богатству»: право, даже среди русской либеральной печати оно выдается неуменьем держать себя с маломальской независимостью. Судите сами:

«Отмена соляного налога, отмена подушной подати и понижение выкупных платежей» именуются г. Южаковым «серьезным облегчением народного хозяйства». Ну, конечно! — А не сопровождалась ли отмена соляного налога учреждением кучи новых косвенных налогов и повышением старых? не сопровождалась ли отмена подушной подати увеличением платежей б. государственных крестьян под видом перевода их на выкуп? не осталось ли и теперь, после пресловутого понижения выкупных платежей (которым государство не отдало крестьянам даже и того барыша, который оно нажило на выкупной операции) — несоответствие платежей с доходностью земли, т.-е. прямое переживание кре-

*) Потому и «друзья народа» являются злейшими реакционерами, когда говорят, что естественная задача государства — охранять экономически слабого (так *должно быть* дело по их пошлой старушечьей морали), тогда как вся русская история и внутренняя политика свидетельствуют о том, что задача нашего государства — охранять только помещиков-крепостников и крупную буржуазию и самым зверским способом расправляться со всякой попыткой *«экономически слабых»* постоять за себя. И это, конечно, его *естественная* задача, потому что абсолютизм и бюрократия насквозь пропитаны крепостнически-буржуазным духом и потому, что в экономической области буржуазия царит и правит безраздельно, держа рабочего «тише воды, ниже травы».

постнических оброков?—Ничего! Важен тут ведь только «первый шаг», «принцип», а там... там еще попросить можно будет!

Но это все только цветочки. А вот и ягодки:

«80-ые годы облегчили народное бремя (это вот указанными-то мерами) и тем спасли народ от окончательного разорения».

Тоже классическая по своему лакейскому бесстыдству фраза, которую можно поставить рядом только разве с вышеприведенным заявлением г. Михайловского, что нам надо еще создавать пролетариат. Нельзя не вспомнить по этому поводу так метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерала. Начинает этот либерал с того, что просит у начальства реформ «по возможности»; продолжает тем, что клянчит «ну, хоть что-нибудь» и кончает вечной и незыблемой позицией «применительно к подлости». Ну, как не сказать в самом деле про «друзей народа», что они заняли эту вечную и незыблемую позицию, когда они под свежим впечатлением голодовки миллионов народа, к которой правительство отнеслось сначала с торгашеской прижимистостью, а потом с торгашескою же трусостью, — говорят печатно, что правительство спасло народ от окончательного разорения!! Пройдет еще несколько лет с еще более быстрой экспроприацией крестьянства, правительство к учреждению министерства земледелия добавит отмену одного-двух прямых налогов и учреждение нескольких новых косвенных; затем голодовка охватит 40 миллионов народа,—и эти господа будут точно так же писать: вот видите, голодает 40, а не 50 миллионов; это потому, что правительство облегчило народное бремя и спасло народ от окончательного разорения, это потому, что оно послушалось «друзей народа» и учредило министерство земледелия!

Другой пример:

Хроникер внутренней жизни в № 2 «Р. Б—ва», толкуя о том, что Россия «к счастью» (sic!) отсталая страна, «сохраняющая элементы для обоснования своего экономического строя на принципе солидарности» *),— говорит, что поэтому она в состоянии выступить «в международных отношениях проводником экономической солидарности» и что шансы на это увеличивает для России ее неоспоримое «политическое могущество»!!

Это европейский-то жандарм, постоянный и вернейший оплот всякой реакции, доведший русский народ до такого позора, что, будучи забит у себя дома, он служил орудием для забивания народов на Западе, — этот жандарм определяется в проводники экономической солидарности!

---

*) Между кем? помещиком и крестьянином? хозяйственным мужичком и босяком? фабрикантом и рабочим? Чтобы уразуметь этот классический принцип солидарности», надо припомнить, что солидарность между предпринимателем и рабочим достигается «понижением заработной платы».

Это уже выше всякой меры! Гг. «друзья народа» за пояс заткнут всех либералов. Они не только просят правительство, не только славословят, они прямо-таки молятся на это правительство, молятся с земными поклонами, молятся с таким усердием, что вчуже жутко становится, когда слышишь, как трещат их верноподданнические лбы.

Помните ли вы немецкое определение филистера?

Was ist der Philister?
Ein hohler Darm,
Voll Furcht und Hoffnung,
Dass Gott erbarm. *)

К нашим делам это определение немножко не подходит. Бог... бог у нас совсем на втором месте. Зато вот начальство— это другое дело. И если мы подставим в это определение вместо слова «бог» слово «начальство»,—мы получим точнейшее выражение идейного багажа, нравственного уровня и гражданского мужества российских гуманно-либеральных «друзей народа».

К такому нелепейшему воззрению на правительство «друзья народа» присоединяют и соответствующее отношение к т.-наз. «интеллигенции». Г. Кривенко пишет: «Литература»... должна «оценивать явления по их общественному смыслу и ободрять каждую активную попытку к добру. Она твердила и продолжает твердить о недостатке учителей, докторов, техников, о том, что народ болеет, беднеет (техников мало!), не знает грамоты и т. д., и когда являются люди, которым надоело сидеть за зелеными столами, участвовать в любительских спектаклях и есть предводительские пироги с вязигой, люди, которые выходят на работу с редким самоотвержением (подумайте-ка: отвергли, ведь, зеленые столы, спектакли и пироги!) и, несмотря на множество препятствий, она должна приветствовать их».

Двумя страницами ниже он с деловитой серьезностью умудренного опытом служаки журит людей, которые «колебались перед вопросом, итти ли им в земские начальники, в городские головы, в председатели и члены земских управ по новому положению, или не ходить. В обществе с развитым сознанием гражданских потребностей и обязанностей (слушайте, господа, право, это стоит речей знаменитых российских помпадуров, каких-нибудь Барановых или Косичей!) ни подобные колебания, ни такое отношение к делу были бы не мыслимы, потому что оно всякую реформу, если только в ней есть жизненные стороны, ассимилировало бы по-своему, т.-е. воспользовалось и дало бы развитие тем ее сторонам, которые целесообразны; стороны же

*) — Что такое филистер? Пустая кишка, полная страха и надежды на милосердие божье (Г. Гейне). *Ред.*

ненужные обратило бы в мертвую букву; и если в реформе совсем нет жизненности, то она и совсем осталась бы инородным телом».

Чорт знает, что такое! Какой-то грошевый оппортунизм и выступает с таким самовосхищением! Задача литературы — собирать салонные сплетни про злых марксистов, раскланиваться перед правительством за спасание народа от окончательного разорения, приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами, учить «публику» не сторониться даже от таких должностей, как должность земского начальника... Да что я читаю? «Неделю» [29]) или «Новое Время»? — Нет, это — «Русское Богатство», орган передовых российских демократов...

И подобные господа толкуют об «идеалах отцов», претендуют на то, что они, именно они хранят традиции тех времен, когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма — и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского. Это уже совсем безобразие, которое было бы глубоко возмутительно и обидно, если бы «Русское Богатство» не было слишком забавно, если бы подобные заявления на страницах такого журнала не вызывали только гомерического смеха. Да, вы пачкаете эти идеалы! В самом деле, в чем состояли эти идеалы у первых русских социалистов, социалистов той эпохи, которую так метко охарактеризовал Каутский словами:

— «когда каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом».

— *Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни;* отсюда — *вера в возможность крестьянской социалистической революции* — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, чтобы они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти. Но я спрашиваю вас: где же она теперь, эта вера? — Ее нет, до такой степени нет, что когда г. В. В. в прошлом году попробовал было толковать о том, что община воспитывает народ к солидарной деятельности, служит очагом альтруистических чувств и т. п. [30]), — то даже г. Михайловский усовестился и стыдливо стал выговаривать г-ну В. В., что нет такого *исследования*, которое бы доказывало связь нашей общины с альтруизмом» [31]). И действительно, такого исследования нет. А вот подите же: — было время — и без всякого исследования люди верили и верили беззаветно.

Как? почему? на каком основании?..

— «каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом».

И потом — добавляет тот же г. Михайловский — все добросовестные исследователи согласны в том, что деревня раскалы-

вается, выделяя, с одной стороны, массу пролетариата, с другой — кучку «кулаков», держащих под своей пятой остальное население. И опять-таки он прав: деревня действительно раскалывается. Мало того, деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм. Иначе как вырождением нельзя назвать этого превращения. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития — вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества* *) — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества.*

Собственно говоря, все предыдущее могло уже дать представление о том, какой «критики» можно ждать от этих господ из «Русского Богатства», когда они берутся «громить» социал-демократов. Нет и попытки прямо и добросовестно изложить их понимание русской действительности (в отношении цензурном это вполне возможно бы было, если бы напирать особенно на экономическую сторону, если бы держаться таких же общих, отчасти эзоповских, выражений, в которых и велась вся их «полемика») и возражать против него по существу, возражать против правильности практических выводов из него. Вместо этого они предпочитают отделываться бессодержательнейшими фразами об абстрактных схемах и вере в них, об убеждении в необходимости пройти для каждой страны через фазу... и т. п. ерунде, с которой мы достаточно познакомились уже у г-на Михайловского. При этом попадаются прямые искажения. Г. Кривенко, напр., заявляет, что Маркс «признавал для нас возможным при желании (?!! Итак, по Марксу, эволюция общественно-экономических отношений зависит от воли и сознания людей?? Что это такое — невежество ли безмерное, нахальство ли беспримерное?!) и соответственной деятельности избежать капиталистических перипетий и итти по другому, более целесообразному пути (sic!!!)».

*) К этому сводились, в сущности, все наши старые революционные программы, — начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками и кончая народовольцами, у которых, ведь, тоже уверенность в том, что крестьянство пошлет подавляющее количество социалистов в будущий земский собор, занимала далеко не последнее место.

Этот вздор наш рыцарь получил возможность говорить при посредстве прямой передержки. Цитируя известное «Письмо К. Маркса» («Юрид. Вест.», 88 г., № 10) — то место, где Маркс говорит о своем высоком уважении к Чернышевскому, который считал возможным для России «не претерпевать мучений капиталистического строя», г. Кривенко, закрыв кавычки, т.-е. покончив точное воспроизведение слов Маркса (кончающееся так: «он (Чернышевский) высказывается в смысле последнего решения») — добавляет: «И я, говорит Маркс, *разделяю* (курсив г-на Кривенко) эти взгляды» (стр. 186, № 12).

А у Маркса на самом деле сказано: «И мой почтенный критик имел, по меньшей мере, столько же основания из моего уважения к этому «великому русскому ученому и критику» вывести заключение, что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и наоборот, из моей полемической выходки против русского «беллетриста» и панслависта [32]) сделать вывод, что я их отвергаю» («Ю. В.», 88 г., № 10, стр. 271).

Итак, Маркс говорит, что г. Михайловский не имел права видеть в нем противника идеи об особом развитии России, потому что он с уважением относится и к тем, кто стоит за эту идею, — а г. Кривенко перетолковывает так, будто Маркс «признавал» это особое развитие. Прямое перевирание. Цитированное заявление Маркса совершенно ясно показывает, что он уклоняется от ответа по существу: «г. Михайловский мог бы взять за основание какое угодно из двух противоречивых замечаний, т.-е. не имел основания ни на том, ни на другом строить свои заключения о моем взгляде на русские дела вообще». И чтобы эти замечания не давали повода к перетолкованиям, Маркс в этом же «письме» прямо дал ответ на вопрос, какое приложение может иметь его теория к России. Ответ этот с особенной наглядностью показывает, что Маркс уклоняется от ответа по существу, от разбора русских данных, которые одни только и могут решить вопрос: «Если Россия — отвечал он — стремится стать нацией капиталистической по образцу западно-европейских наций, — а в течение последних лет она наделала себе в этом смысле много вреда, — она не достигнет этого, не преобразовав предварительно доброй доли своих крестьян в пролетариев».

Кажется, это уже совсем ясно: вопрос состоял именно в том, стремится ли Россия быть капиталистической нацией, есть ли разорение ее крестьянства — процесс создания капиталистических порядков, капиталистического пролетариата; а Маркс говорит, что «если» она стремится, то для этого необходимо обратить добрую долю крестьян в пролетариев. Другими словами, теория Маркса состоит в исследовании и объяснении эволюции хозяйственных порядков известных стран, и «приложе-

ние» ее к России может состоять только в том, чтобы, *пользуясь* выработанными приемами *материалистического* метода и *теоретической* политической экономии, *исследовать* русские производственные отношения и их эволюцию *).

Выработка новой методологической и политико-экономической теории означала такой гигантский прогресс общественной науки, такой колоссальный шаг вперед социализма, что для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения. И замечательно, что когда появилась (лет 10 тому назад) особая группа социалистов, решавшая вопрос о капиталистической эволюции России в утвердительном смысле и основывающая это решение на данных русской экономической действительности, — она не встретила прямой и определенной критики по существу, критики, которая бы принимала те же общие методологические и теоретические основоположения и иначе объясняла соответствующие данные.

«Друзья народа», предприняв целый поход против марксистов, равным образом аргументируют не разбором фактических данных. Они отделываются, как мы видели в 1-ой статье, фразами. При этом г. Михайловский не упускает случая изощрить свое остроумие по поводу того, что среди марксистов нет единогласия, что они не сговорились между собой. И «наш известный» Н. К. Михайловский превесело смеется по поводу своей остроты насчет «настоящих» и «не настоящих» марксистов. Что среди марксистов нет полного единогласия, это правда. Но факт этот представлен г. Михайловским, во-1) неверно, а во-2) он доказывает не слабость, а именно силу и жизненность русской социал-демократии. Дело в том, что последнее время характеризуется особенно тем, что к социал-демократическим воззрениям приходят социалисты разными путями и потому, соглашаясь безусловно в основном и главном положении, что Россия представляет из себя буржуазное общество, выросшее из крепостного уклада, что политическая его форма есть классовое государство и что единственный путь к прекращению эксплуатации трудящегося состоит в классовой борьбе пролетариата, — они по многим частным вопросам расходятся и в приемах аргументации и в детальных объяснениях тех или иных явлений русской жизни. Я могу поэтому наперед порадовать г. Михайловского таким заявлением, что и по

*) Вывод этот, повторяю, не мог не быть ясным для каждого, кто читал «Коммунистический Манифест», «Нищету философии» и «Капитал», и только для одного г-на Михайловского потребовалось особое разъяснение.

тем, напр., вопросам, которые были затронуты в этих беглых заметках — о крестьянской реформе, об экономике крестьянского земледелия и кустарных промыслов, об аренде и т. п. — существуют, в пределах приведенного сейчас основного и общего всем социал-демократам положения, разные мнения. Единогласие людей, успокаивающихся на единодушном признании «высоких истин» вроде того, что крестьянская реформа *могла бы* открыть России спокойные пути правильного развития, — государство *могло бы* призывать не представителей интересов капитализма, а «друзей народа», — община *могла бы* обобществить земледелие купно с обрабатывающей промышленностью, которую *мог бы* возвести к крупному производству кустарь, — *народная* аренда поддерживала *народное* хозяйство, — это умилительное и трогательное единогласие сменилось разногласием людей, ищущих объяснения *действительной, данной* экономической организации России, как системы известных производственных отношений, объяснения ее *действительной* экономической эволюции, ее политических и иных всяких надстроек.

И если такая работа, приводя с разных точек зрения к признанию того общего положения, которое безусловно определяет и солидарную политическую деятельность и потому дает право и обязывает всех его принимающих считать и именовать себя «**социал-демократами**», — оставляет еще обширное поле разногласий по массе частных вопросов, решаемых в разном смысле, то это, конечно, доказывает только силу и жизненность русской социал-демократии *).

При этом условия этой работы так плохи, что хуже трудно себе что-нибудь представить: нет и быть не может органа, который объединял бы отдельные работы; частные сношения при наших полицейских условиях крайне затруднены. Понятно, что социал-демократы не могут как следует сговориться и столковаться о деталях, что они противоречат друг другу...

Не правда ли, как это в самом деле смешно?

В «полемике» г-на Кривенко с социал-демократами может породить недоумение то обстоятельство, что он толкует о каких-то «неомарксистах». Иной читатель подумает, что среди социал-демократов произошло нечто вроде раскола, что от старых

---

*) По той простой причине, что до сих пор эти вопросы *никак не решались.* Нельзя же, в самом деле, назвать решением вопроса об аренде утверждение, что «народная аренда поддерживает народное хозяйство», или такое изображение системы обработки помещичьих земель крестьянским инвентарем: «крестьянин оказался сильнее помещика», который «пожертвовал своей независимостью в пользу самостоятельного крестьянина»; «крестьянин вырвал из рук помещика крупное производство»; «народ остается победителем в борьбе за форму земледельческой культуры». Это либеральное пустоболтунство в «Судьбах капитализма» «нашего известного» г-на В. В.

социал-демократов отделились «неомарксисты». — Ничего подобного. Никто, нигде и никогда не выступал публично во имя марксизма с критикой теорий и программы русских социал-демократов, с защитой иного марксизма. Дело в том, что гг. Кривенко и Михайловский наслушались разных салонных сплетен про марксистов, насмотрелись на разных либералов, прикрывающих марксизмом свое либеральное пустоутробие, и с свойственным им остроумием и тактом принялись с таким багажом за «критику» марксистов. Неудивительно, что эта «критика» представляет из себя сплошную цепь курьезов или и грязных выходок.

«Чтобы быть последовательным — рассуждает г. Кривенко — нужно дать на это утвердительный ответ» (на вопрос: «не следует ли стараться о развитии капиталистической промышленности») и «не стесняться ни скупкой крестьянской земли, ни открытием лавок и кабаков», нужно «радоваться успеху многочисленных трактирщиков в думе, помогать еще более многочисленным скупщикам крестьянского хлеба».

Право, это совсем забавно. Попробуйте сказать такому «другу народа», что эксплуатация трудящегося в России повсюду является по своей сущности капиталистической, что деревенские хозяйственные мужики и скупщики должны быть причислены к представителям капитализма по таким-то и таким-то политико-экономическим признакам, доказывающим буржуазный характер крестьянского разложения, — он поднимет вопли, назовет это невероятной ересью, станет кричать о слепом заимствовании западно-европейских формул и абстрактных схем (обходя притом самым заботливым образом фактическое содержание «еретической» аргументации). А когда нужно разрисовать те «ужасы», которые несут с собой злые марксисты, — тогда можно оставить и в стороне возвышенную науку и чистые идеалы, тогда можно и признать, что скупщики крестьянского хлеба и крестьянской земли действительно представители капитализма, а не только «охотники» попользоваться чужим.

Попробуйте доказывать этому «другу народа», что русская буржуазия не только уже теперь повсюду держит в руках народный труд, вследствие концентрации у нее одной средств производства, но и давит на правительство, порождая, вынуждая и определяя буржуазный характер его политики, — он впадет совсем в неистовство, станет кричать о всемогуществе нашего правительства, о том, что оно только по роковому недоразумению и несчастной случайности «призывает» всё представителей интересов капитализма, а не «друзей народа», что оно искусственно насаждает капитализм... А под шумок сами должны признать именно за представителей капитализма трактирщиков в думе, т.-е. один из элементов этого самого правительства, стоящего якобы над классами. Неужели, однако, господа, инте-

ресы капитализма представлены у нас в России в одной только «думе» и одними только «трактирщиками»?..

Что касается до грязных выходок, то мы видели их слишком достаточно у г. Михайловского и встречаем опять у г. Кривенко, который, напр., желая уничтожить ненавистный социал-демократизм, повествует о том, как «некоторые идут на заводы (когда, впрочем, представляются хорошие технические и конторские места), мотивируя свое поступление исключительно идеей ускорения капиталистического процесса». Конечно, нет нужды и отвечать на такие, совсем уже неприличные, вещи. Тут можно только поставить точку.

Продолжайте, господа, в том же духе, продолжайте смело! Императорское правительство — то самое, которое, как мы сейчас от вас слышали, приняло уже меры (хотя и с дефектами), для спасения народа от окончательного разорения,—примет для спасения вас от уличения в пошлости и невежестве меры, свободные уже от всяких дефектов. «Культурное общество» попрежнему с охотой будет, в промежутке между пирогом с вязигой и зеленым столом, толковать о меньшем брате и сочинять гуманные проекты «улучшения» его положения; представители его с удовольствием узнают от вас, что, занимая места земских начальников или каких-нибудь там других смотрителей за крестьянским карманом, они проявляют развитое сознание гражданских потребностей и обязанностей. Продолжайте! Вам обеспечено не только спокойствие, но и одобрение и похвалы... устами господ Бурениных.

В заключение не лишним будет, кажется, ответить на вопрос, который, вероятно, приходил в голову не одному уже читателю. Стоило ли так долго разговаривать с подобными господами? стоило ли по существу отвечать на этот поток либеральной и защищенной цензурой грязи, который они изволили именовать полемикой?

Мне кажется — стоило, не ради них, конечно, и не ради «культурной» публики, а ради того полезного урока, который могут и должны извлечь для себя из этого похода русские социалисты. Этот поход дает самое наглядное, самое убедительное доказательство того, что та пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое (как это было, напр., в эпоху Чернышевского), безвозвратно канула в вечность. Теперь нет уже решительно никакой почвы для той идеи, — которая и до сих пор продолжает еще кое-где держаться среди русских социалистов, крайне вредно отзываясь и на их теориях и на их практике,—будто в России нет глубокого, качественного различия между идеями демократов и социалистов.

Совсем напротив: между этими идеями лежит целая пропасть, и русским социалистам давно бы пора понять это, понять *неизбежность* и *настоятельную необходимость полного* и *окончательного разрыва* с идеями демократов.

Посмотрим, в самом деле, чем он был, этот русский демократ, в те времена, которые породили указанную идею, и чтò он стал. «Друзья народа» дают нам достаточно материала для такой параллели.

Чрезвычайно интересна в этом отношении выходка г. Кривенко против г. Струве, который выступил в одном немецком издании против утопизма г. Ник.—она (его заметка—«К вопросу о капиталистическом развитии России», Zur Beurtheilung der kapitalistischen Entwicklung Russlands — появилась в Sozialpolitisches Centralblatt, III, № 1, от 2 октября 1893 г.) [33]). Г. Кривенко обрушивается на г. Струве за то, что тот относит будто бы к «национальному социализму» (который, по его словам, «чисто утопической природы») идеи тех, кто «стоит за общину и земельный надел». Это ужасное обвинение якобы в социализме приводит почтеннейшего автора совсем в ярость:

«Неужели — восклицает он — никого другого и не было (кроме Герцена, Чернышевского и народников), кто стоял за общину и земельный надел. А составители положения о крестьянах, положившие общину и хозяйственную самостоятельность крестьян в основу реформы, а исследователи нашей истории и современного быта, говорящие в пользу этих начал, а почти вся наша серьезная и порядочная печать, также стоящая за эти начала, — неужто все это жертвы заблуждения, называемого «национальным социализмом»?»

Успокойтесь, почтеннейший г. «друг народа»! Вы так испугались этого ужасного обвинения в социализме, что не дали себе даже труда внимательно прочесть «маленькую статейку» г. Струве. И в самом деле, какая бы это была вопиющая несправедливость обвинять в социализме тех, кто стоит «за общину и земельный надел»! Помилуйте, чего же здесь социалистического? Ведь социализмом называется протест и борьба против эксплуатации трудящегося, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплуатации, — а «стоять за надел» значит быть сторонником выкупа крестьянами всей земли, бывшей в их распоряжении. Даже если и не за выкуп стоять, а за безмездное оставление за крестьянами всей земли, находившейся до реформы в их владении, — и тогда еще ровно ничего тут нет социалистического, потому что именно эта крестьянская собственность на землю (вырабатывавшаяся в течение феодального периода) и была повсюду на Западе, как и у нас в России *), — основой буржуаз-

*) Доказательство — разложение крестьянства.

ного общества. «Стоять за общину» — т.-е. протестовать против полицейского вмешательства в обычные приемы распределения земли, — чего тут социалистического, когда всякий знает, что эксплуатация трудящегося прекрасно уживается и зарождается внутри этой общины? Ведь это значит уж невозможно растягивать слово «социализм»: придется, пожалуй, и г. Победоносцева отнести к социалистам!

Г. Струве вовсе не совершает такой ужасной несправедливости. Он говорит об «утопичности национального социализма» *народников*, а кого он относит к народникам, — видно из того, что он называет «Наши разногласия» Плеханова полемикой с народниками. Плеханов, несомненно, полемизировал с социалистами, с людьми, не имеющими ничего общего с «серьезной и порядочной» русской печатью. И потому г. Кривенко не имел никакого права отнести на свой счет то, что относится к народникам. Если же он желал непременно узнать мнение г. Струве о том направлении, которого он сам придерживается, — тогда я удивляюсь, почему он не обратил внимания и *не перевел для «Р. Богатства»* следующее место из статьи г. Струве:

«По мере того, как идет вперед капиталистическое развитие, — говорит автор — только что описанное миросозерцание (народническое) должно терять почву. Оно либо выродится (wird herabsinken) в довольно бледное направление реформ, способное на компромиссы и ищущее компромиссов *), к чему имеются уже давно подающие надежду задатки, либо оно признает действительное развитие неизбежным и сделает те теоретические и практические выводы, которые необходимо отсюда проистекают, — другими словами, перестанет быть утопическим».

Если г. Кривенко не догадывается, где это имеются у нас задатки такого направления, которое только и способно на компромиссы, то я посоветовал бы ему оглянуться на «Русское Богатство», на теоретические воззрения этого журнала, представляющие из себя жалкую попытку склеить обрывки народнического учения с признанием капиталистического развития России, на политическую программу его, рассчитанную на улучшения и восстановления хозяйства мелких производителей на почве данных капиталистических порядков **).

---

*) Ziemlich blasse kompromissfähige und kompromissüchtige Reformrichtung—по-русски это можно, кажется, и так передать: культурнический оппортунизм.

**) Жалкое впечатление производит вообще попытка г. Кривенко воевать против г. Струве. Это — какое-то детское бессилие возразить что-нибудь по существу и детское же раздражение. Напр., г. Струве говорит, что г. Ник. — он «утопист». Он совершенно ясно указывает при этом, почему он его так называет: 1) потому, что он игнорирует «действительное развитие России»; 2) потому, что он обращается к обществу» и «государству», не понимая классового характера нашего государ-

Это вообще одно из наиболее характерных и знаменательных явлений нашей общественной жизни в последнее время — вырождение народничества в мещанский оппортунизм.

В самом деле, если мы возьмем содержание программы «Р. Б — ва», — все эти регулирования переселений и аренды, все эти дешевые кредиты, музеи, склады, улучшения техники, артели и общественные запашки, — то увидим, что она действительно пользуется громадным распространением во всей «серьезной и порядочной печати», т.-е. во всей либеральной печати, не принадлежащей к крепостническим органам или к рептилиям. Идея о необходимости, полезности, настоятельности, «безвредности» всех этих мероприятий пустила глубокие корни во всей интеллигенции и получила чрезвычайно широкое распространение: вы встретите ее и в провинциальных листках и газетах, и во всех земских исследованиях, сборниках, описаниях и т. д. и т. д. Несомненно, что, ежели бы *это* принять за народничество,— успех громадный и неоспоримый.

Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова) и успех этот и это громадное распространение вширь достигнуты ценой опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии.

Чтобы убедиться в последнем, стоит обратиться к вышеприведенным картинкам разложения крестьян и кустарей, — а картинки эти вовсе не рисуют каких-нибудь единичных или новых фактов, а просто представляют попытку выразить политико-экономически ту «школу» «животоглотов» и «батраков», существование которой в нашей деревне не отрицается и про-

---

ства. Что же может возразить против этого г. Кривенко? Отрицает ли он, что развитие наше действительно капиталистическое? говорит ли он, что оно какое-либо другое? — что наше государство — не классовое? Нет, он предпочитает совершенно обходить эти вопросы и со смешным гневом воевать против каких-то, им же сочиненных, «шаблонов». Еще пример. Г. Струве, кроме непонимания классовой борьбы, ставит г. Ник. — ону в упрек крупные ошибки в его теории, относящиеся к области «чисто экономических фактов». Он указывает, между прочим, что, говоря о незначительности нашего неземледельческого населения, г. Ник. — он «не замечает, что капиталистическое развитие России будет именно сглаживать эту разницу 80% (сельское население России) и 44% (сельск. насел. в Америке): в этом, можно сказать, состоит его историческая миссия». Г. Кривенко, во-1) перевирает это место, говоря о «нашей» (?) миссии обезземелить крестьян, тогда как речь идет просто о тенденции капитализма сокращать сельское население и, во-2) не сказав ни слова по существу (возможен ли такой капитализм, который бы не вел к уменьшению сельского населения?), принимается болтать вздор о «начетчиках» и т. под. См. Приложение II (стр. 202 настоящего издания. *Ред.*).

тивниками. Понятно, что «народнические» мероприятия в состоянии только усилить мелкую буржуазию; или же (артели и общественные запашки) должны представить из себя мизерные паллиативы, остаться жалкими экспериментами, которые с такой нежностью культивирует либеральная буржуазия везде в Европе по той простой причине, что самой «школы» они нисколько не затрогивают. По этой же причине против таких прогрессов не могут ничего иметь даже гг. Ермоловы и Витте. Совсем напротив. Сделайте ваше одолжение, господа! Они вам даже денег дадут «на опыты» — лишь бы отвлечь «интеллигенцию» от революционной работы (подчеркивание антагонизма, выяснение его пролетариату, попытки вывести этот антагонизм на дорогу прямой политической борьбы) на подобное заштопывание антагонизма, примирение и объединение. Сделайте одолжение!

Остановимся несколько на том процессе, который вел к такому перерождению народничества. При самом своем возникновении, в своем первоначальном виде, теория эта обладала достаточной стройностью — исходя из представления об особом укладе народной жизни, она верила в коммунистические инстинкты «общинного» крестьянина и потому видела в крестьянстве прямого борца за социализм — но ей недоставало теоретической разработки, подтверждения на фактах русской жизни, с одной стороны, и опыта в применении такой политической программы, которая бы основывалась на этих предполагаемых качествах крестьянина, — с другой.

Развитие теории и пошло в этих двух направлениях, в теоретическом и практическом. Теоретическая работа была направлена главным образом на изучение той формы земле*владения*, в которой хотели видеть задатки коммунизма; и эта работа дала разностороннейший и богатейший фактический материал. Но этот материал, касающийся преимущественно формы земле*владения*, совершенно загромоздил от исследователей *экономику* деревни. Произошло это тем естественнее, что, во-первых, у исследователей не было твердой теории о методе в общественной науке, теории, выясняющей необходимость выделения и особого изучения производственных отношений; а во-вторых, — собранный фактический материал давал прямые и непосредственные указания на ближайшие нужды крестьянства, на ближайшие бедствия, угнетающим образом действующие на крестьянское хозяйство. И все внимание исследователей сосредоточилось на изучении этих бедствий, малоземелья, высоких платежей, бесправия, забитости и загнанности крестьян. Все это было описано, изучено и разъяснено с таким богатством материала, с такими мельчайшими деталями, что, конечно, если бы наше государство было не классовым государством, если бы политика его направлялась не интересами правящих классов, а беспристрастным обсуждением

«народных нужд», — оно тысячу раз должно бы убедиться в необходимости устранения этих бедствий. Наивные исследователи, верившие в возможность «переубедить» общество и государство, совершенно потонули в деталях собранных ими фактов и упустили из виду одно — политико-экономическую структуру деревни, упустили из виду основной фон того хозяйства, которое действительно угнеталось этими непосредственными ближайшими бедствиями. Результат получился, естественно, тот, что защита интересов хозяйства, угнетенного малоземельем и т. д., оказалась защитой интересов того класса, который держал в руках это хозяйство, который один только и мог держаться и развиваться при данных общественно-экономических отношениях *внутри* общины, при данной системе хозяйства страны.

Теоретическая работа, направленная на изучение того института, который должен бы послужить основанием и оплотом для устранения эксплуатации, привела к выработке такой программы, которая выражает собой интересы мелкой буржуазии, т.-е. того именно класса, на котором и покоятся эти эксплуататорские порядки!

В то же время практическая революционная работа развивалась тоже совсем в неожиданном направлении. Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ». За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика. Решено было, впрочем, что дело не в мужике, а в правительстве, — и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним *рабочие*. Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба с правительством народовольцев становится борьбой радикалов за политическую свободу.

И с другой стороны, следовательно, работа привела к результатам, прямо противоположным ее исходному пункту; и с другой стороны получилась программа, выражающая только интересы радикальной буржуазной демократии. Собственно говоря, процесс этот еще не завершился, но он определился, кажется, уже вполне. Такое развитие народничества было совершенно естественно и неизбежно, так как в основе доктрины лежало чисто мифическое представление об особом (общинном) укладе крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелко-буржуазного крестьянства.

Обращаюсь к примерам эволюции демократа:

«Надо заботиться о том, — рассуждает г. Кривенко — чтобы вместо всечеловека не сделаться всероссийской размазней, переполненной только смутным брожением хороших чувств, но не способною ни на истинное самоотвержение, ни на то, чтобы сделать что-нибудь прочное в жизни». Мораль превосходная; посмотрим, к чему она прилагается. «В этом последнем отношении — продолжает г. Кривенко — я знаю такой обидный факт»: жила на юге России молодежь, «одушевленная самыми лучшими намерениями и любовью к меньшему брату; мужику оказывалось всяческое внимание и почтение; его сажали чуть ли не на первое место, ели с ним одной ложкой, угощали вареньями и печеньями; за все ему платили дороже, чем другие, давали денег — и взаймы, и «на чай», и просто так себе — рассказывали об европейском устройстве и европейских ассоциациях и т. д. В той же местности жил и один молодой немец — Шмидт, управляющий или, вернее, просто садовник, человек без всяких гуманитарных идей, настоящая узкая формальная немецкая душа (sic??!!)» и т. д. И вот, дескать, прошло 3 — 4 года в этой местности, и они разъехались. Прошло еще около 20 лет, и автор, посетив край, узнал, что «г. Шмидт» (за полезную деятельность переименованный из садовника Шмидта в г. Шмидта) научил крестьян виноградарству, которое им дает теперь «некоторый доход» руб. по 75 — 100 в год, вследствие чего о нем сохранилась «добрая память», а «о господах, только питавших хорошие чувства к мужику и ничего существенного (!) для него не сделавших, даже памяти не сохранилось».

Если мы подведем расчет, то окажется, что описанные события относятся к 1869 — 70 г.г., т. е. как раз к тому приблизительно времени, к которому относятся попытки русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» — Интернациональ.

Ясное дело, что впечатление от рассказа г. Кривенко получается слишком уже резкое, и вот он спешит оговориться:

«Я не говорю этим, конечно, — разъясняет он — что Шмидт лучше этих господ, а говорю, благодаря чему он при всех прочих дефектах оставил все-таки более прочный след в данной местности и в населении. (Не говорю, что лучше, а говорю, что оставил более прочный след, — что это за ерунда?!) Не говорю я также, что он сделал нечто важное, а, напротив, привожу сделанное им, как образчик самого крошечного, попутного и ничего ему не стоившего дела, но дела несомненно жизненного».

Оговорка, как видите, очень двусмысленная, но суть дела не в ее двусмысленности, а в том, что автор, противополагая безрезультатность одной деятельности успешности другой, и не подозревает, очевидно, коренного различия в направлении этих

двух родов деятельности. В этом вся соль, делающая данный рассказ столь характерным для определения физиономии современного демократа.

Ведь эта молодежь, рассказывая мужику о «европейском устройстве и европейских ассоциациях», хотела, очевидно, поднять этого мужика на переустройство форм общественной жизни (может быть, это заключение мое в данном случае и ошибочно, но всякий согласится, я думаю, что оно законно, так как неизбежно следует из вышеприведенного рассказа г. Кривенко), хотела поднять его на социальную революцию против современного общества, порождающего такую безобразную эксплуатацию и угнетение трудящегося — наряду с всеобщим ликованием по поводу всевозможных либеральных прогрессов. А «г. Шмидт», как истый хозяин, хотел только помочь другим хозяевам устроить свои хозяйские дела — и ничего больше. Ну, как же можно сравнивать, сопоставлять эти две деятельности, направленные в диаметрально противоположные стороны? Ведь это же все равно, как если бы кто-нибудь стал сравнивать неуспех деятельности лица, старавшегося разрушить данную постройку, с успехом деятельности того, кто хотел ее укрепить! Чтобы провести сравнение, имеющее некоторый смысл, надо было посмотреть, почему так неудачна была попытка этой молодежи, которая шла в народ, поднять крестьян на революцию, — не потому ли, что она исходила из ошибочного представления, будто именно «крестьянство» является представителем трудящегося и эксплуатируемого населения, тогда как на самом деле крестьянство не представляет из себя особого класса (— иллюзия, объяснимая разве только отраженным влиянием эпохи падения крепостного права, когда крестьянство действительно выступало как *класс*, но только как класс крепостнического общества), так как внутри его самого складываются классы буржуазии и пролетариата, — одним словом, нужно было разобрать старые социалистические теории и критику их социал-демократами. А г. Кривенко из кожи лезет, вместо этого, доказывая, что дело «господина Шмидта» — «дело несомненно жизненное». Да помилуйте, почтеннейший г. «друг народа», к чему вы ломитесь в отворенную дверь? кто же сомневается в этом? Устроить виноградник и получать с него 75 — 100 руб. дохода — что может быть в самом деле жизненнее? *).

И автор принимается разъяснять, что если один хозяин устроит у себя виноградник, — то это будет разрозненная дея-

*) Попробовали бы с предложением этого «жизненного» дела сунуться к *той* молодежи, которая рассказывала мужику о европейских ассоциациях! Как бы они вас встретили, какую бы дали вам прекрасную отповедь! Вы бы так же стали смертельно бояться их идей, как теперь боитесь материализма и диалектики!

тельность, а если несколько хозяев — то обобщенная и распространенная деятельность, превращающая маленькое дело в настоящее, правильное, *как, например,* А. Н. Энгельгардт не только у себя применял фосфориты, а и у других ввел фосфоритное производство.—

Не правда ли, как этот демократ великолепен!

Еще пример возьмем из области суждений о крестьянской реформе. Как относился к ней демократ вышеуказанной эпохи нераздельности демократизма и социализма, Чернышевский? Не будучи в состоянии открыто заявлять свои мнения, он *молчал,* а обиняками характеризовал подготовлявшуюся реформу таким образом:

«*Предположим, что я был заинтересован принятием средств для сохранения провизии, из запаса которой составляется ваш обед. Само собой разумеется, что если я это делал собственно из расположения к вам, то моя ревность основывалась на предположении, что провизия принадлежит вам и что приготовляемый из нее обед здоров и выгоден для вас. Представьте же себе мои чувства, когда я узнаю, что провизия вовсе не принадлежит вам и что за каждый обед, приготовленный из нее, берутся с вас деньги, которых не только не сто́ит самый обед* (это писано *до* реформы. А гг. Южаковы *теперь* уверяют, что основной принцип ее обеспечить крестьян!!), *но которых вы вообще не можете платить без крайнего стеснения. Какие мысли приходят мне в голову при этих столь странных открытиях?.. Как я был глуп, что хлопотал о деле, для полезности которого не обеспечены условия! Кто кроме глупца может хлопотать о сохранении собственности в известных руках, не удостоверившись предварительно, что собственность достанется в эти руки и достанется на выгодных условиях? ...Лучше пропадай вся эта провизия, которая приносит только вред любимому мною человеку! Лучше пропадай все дело, которое приносит вам только разорение!*»

Я подчеркиваю те места, которые рельефнее показывают глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности, понимание того, что̀ такое крестьянские платежи, понимание антагонистичности русских общественных классов. Важно отметить также, что подобные чисто революционные идеи он умел излагать в подцензурной печати. В нелегальных своих произведениях он писал то же самое, но только без обиняков. В «Пролог к прологу» Волгин (в уста которого Чернышевский вкладывает свои мысли) говорит:

«*Пусть дело освобождения крестьян будет передано в руки помещичьей партии. Разница не велика*» *).

*) Цитирую по статье Плеханова: «Н. Г. Чернышевский» в «Социальдемократе» [34]).

и на замечание собеседника, что, напротив, разница колоссальная, так как помещичья партия против наделения крестьян землей, он решительно отвечает:

«Нет, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека вещь или оставить ее человеку — разница, но взять с него плату за нее — все равно. План помещичьей партии разнится от плана прогрессистов только тем, что проще, короче. Поэтому он даже лучше. Меньше проволочек, вероятно, меньше и обременения для крестьян. У кого из крестьян есть деньги, тот купит себе землю. У кого их нет — так нечего и обязывать покупать ее. Это будет только разорять их. Выкуп — та же покупка».

Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства. И при этом Чернышевский понимал, что существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся.

«*Если сказать правду* — продолжает Волгин — *пусть лучше будут освобождены без земли*». (Т.-е. если так сильны у нас крепостники-помещики, пусть лучше выступают они открыто, прямо и договаривают до конца, чем прятать эти же крепостнические интересы под компромиссами лицемерного абсолютного правительства.)

«Вопрос поставлен так, что я не нахожу причин горячиться даже из-за того, будут или не будут освобождены крестьяне; тем меньше из-за того, кто станет освобождать их, либералы или помещики. По моему все равно. Помещики даже лучше».

Из «Письма без адреса»: *«Толкуют: освободить крестьян... Где силы на такое дело? Еще нет сил. Нельзя приниматься за дело, когда нет сил на него. А видите, к чему идет: станут освобождать. Что выйдет — судите сами, что выходит, когда берешься за дело, которого не можешь сделать. Испортишь дело — выйдет мерзость».*

Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т.-е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряю-

щий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов.

А наши современные «демократы» *теперь* — когда гениальные провидения Чернышевского стали фактом, когда 30-тилетняя история беспощадно опровергла всяческие экономические и политические иллюзии — славословят по поводу реформы, усматривают в ней санкцию «народного» производства, ухитряются почерпать из нее доказательство возможности какого-то такого пути, который бы *обошел* враждебные трудящемуся общественные классы. Повторяю, отношение к крестьянской реформе — самое наглядное доказательство того, как наши демократы глубоко обуржуазились. Эти господа ничему не научились, а забыли они очень и очень многое.

Для параллели возьму «От. Записки» за 1872 г. Я приводил уже выше выписки из статьи «Плутократия и ее основы» насчет тех успехов по части либерализма (прикрывавшего собой плутократические интересы), которые сделало русское общество в первое же десятилетие после «великой освободительной» реформы.

«Если раньше часто попадались люди, — писал тот же автор в той же статье — хныкавшие по поводу реформ и оплакивавшие старину, то теперь уж таких нет. Всем понравились новые порядки, все смотрят весело и спокойно», и автор показывает далее, как и литература «сама делается органом плутократии», проводя плутократические интересы и вожделения «под покровом демократизма». Всмотритесь повнимательнее в это рассуждение. Автор недоволен тем, что «все» довольны новыми порядками, созданными реформой, что «все» (представители «общества» и «интеллигенции», конечно, а не трудящиеся) веселы и спокойны, несмотря на очевидные, антагонистические, буржуазные свойства этих новых порядков: публика не замечает, что либерализм прикрывает только «свободу приобретения», и, разумеется, приобретения на счет массы трудящихся и в ущерб ей. И он протестует. Именно этот протест, характерный для социалиста, и ценен в его рассуждении. Заметьте, что этот протест против прикрытого демократизмом плутократизма, противоречит общей теории журнала: они ведь отрицают какие бы то ни было буржуазные моменты, элементы и интересы в крестьянской реформе, отрицают классовый характер русской интеллигенции и русского государства, отрицают существование почвы для капитализма в России — и тем не менее не могут не чувствовать, не осязать капитализма и буржуазности. И поскольку «От. Записки», чувствуя антагонистичность русского общества, воевали с буржуазными либерализмом и демократизмом, — постольку они делали дело, общее

всем нашим первым социалистам, которые хотя и не умели понять этой антагонистичности, но сознавали ее и хотели бороться против самой организации общества, порождавшей антагонистичность; — постольку «От. Записки» были прогрессивны (разумеется, с точки зрения пролетариата). «Друзья народа» забыли об этой антагонистичности, утратили всякое чутье того, как «под покровом демократизма» и у нас, на святой Руси, прячутся чистокровные буржуа; и потому теперь они реакционны (по отношению к пролетариату), так как замазывают антагонизм, толкуют не о борьбе, а о примирительной культурнической деятельности.

Неужели, однако, господа, российский яснолобый либерал, демократический представитель плутократии в 60-х г.г., перестал быть идеологом буржуазии в 90-х годах только оттого, что его чело подернулось дымкой гражданской скорби?

Неужели «свобода приобретения» в крупных размерах, свобода приобретения крупного кредита, крупных капиталов, крупных технических улучшений перестает быть либеральной, т.-е. буржуазной, при неизменности данных общественно-экономических отношений, только оттого, что она заменяется свободой приобретения мелкого кредита, мелких капиталов, мелких технических улучшений?

Повторяю, они не то чтобы перешли к другому мнению под влиянием радикальной перемены взглядов или радикального переворота наших порядков. Нет, они просто забыли.

Утратив эту единственную черту, которая делала некогда их предшественников прогрессивными, несмотря на всю несостоятельность их теорий, несмотря на наивно-утопическое воззрение на действительность, «друзья народа» за весь этот промежуток времени ровно ничему не научились. А между тем, даже независимо от политико-экономического анализа русской действительности, одна уже политическая история России за эти 30 лет должна бы научить их многому.

Тогда, в эпоху «60-х годов», сила крепостников была надломлена: они потерпели, правда, не окончательное, но все же такое решительное поражение, что должны были стушеваться со сцены. Либералы, напротив, подняли голову. Полились либеральные фразы о прогрессе, науке, добре, борьбе с неправдой, о народных интересах, народной совести, народных силах и т. д. и т. д. — те самые фразы, которыми и теперь, в минуты особого уныния, тошнит наших радикальных нытиков в их салонах, наших либеральных фразеров на их юбилейных обедах, на страницах их журналов и газет. Либералы оказались настолько сильны, что переделали «новые порядки» по-своему, — далеко не совсем, конечно, но в изрядной мере. Хотя и тогда не было на Руси «ясного света открытой классовой борьбы», но все-таки было посветлее теперешнего, так что даже те идеологи труд-

щегося класса, которые понятия не имели об этой классовой борьбе, которые предпочитали мечтать о лучшем будущем, чем *объяснять* мерзкое настоящее, даже они не могли не видеть, что за либерализмом прячется плутократия, что эти новые порядки — порядки буржуазные. Именно устранение со сцены крепостников, не отвлекавших внимание на еще более вопиющие злобы дня, не мешавших рассматривать новые порядки в чистом (сравнительно) виде, и позволяло рассмотреть это. Но тогдашние наши демократы, умея осуждать плутократический либерализм, не умели, однако, понять и научно объяснить его, не умели понять его необходимости при капиталистической организации нашего общественного хозяйства, не умели понять прогрессивности этого нового уклада жизни сравнительно со старым крепостническим, не умели понять революционной роли порождаемого им пролетариата — и ограничивались «фырканьем» на эти порядки «свободы» и «гуманности», считали буржуазность какой-то случайностью, ждали, что должны еще в «народном строе» открыться другие какие-то общественные отношения.

И вот, история показала им эти другие общественные отношения. Крепостники, не совсем добитые реформой, так безобразно изуродованной их интересами, ожили (на час) и показали наглядно, каковы эти другие наши общественные отношения, помимо буржуазных, показали в форме такой разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции, что наши демократы струсили, присели, вместо того, чтобы итти вперед, перерабатывая свой наивный демократизм, умевший чувствовать буржуазность, но не умевший понять ее, в социал-демократизм,—пошли назад, к либералам, и гордятся теперь тем, что их нытье... т.-е., я хотел сказать, их теории и программы разделяет «вся серьезная и порядочная печать». Казалось бы, урок был очень внушительный: становилась слишком очевидной иллюзия старых социалистов об особом укладе народной жизни, о социалистических инстинктах народа, о случайности капитализма и буржуазии, казалось бы, можно уже прямо взглянуть на действительность и открыто признать, что никаких других общественно-экономических отношений кроме буржуазных и отживающих крепостнических в России не было и нет, что поэтому не может быть и иного пути к социализму, как через рабочее движение. Но эти демократы ничему не научились, и наивные иллюзии мещанского социализма уступили место практической трезвенности мещанских прогрессов.

Теперь теории этих идеологов мещанства, когда они выступают в качестве представителей интересов трудящихся, прямо реакционны. Они замазывают антагонизм современных русских общественно-экономических отношений, рассуждая так, как будто бы делу можно помочь общими, на всех рассчитанными мероприятиями по «подъему», «улучшению» и т. д., как будто бы

можно было примирить и объединить. Они — реакционны, изображая наше государство чем-то над классами стоящим и потому годным и способным оказать какую-нибудь серьезную и честную помощь эксплуатируемому населению.

Они реакционны потому, наконец, что абсолютно не понимают необходимости борьбы и борьбы отчаянной самих трудящихся для их освобождения. У «друзей народа», например, так выходит, что они и сами всё, пожалуй, устроить могут. Рабочие могут быть спокойны. Вон в редакцию «Р. Б—ва» уж и техник пришел, и они чуть было совсем не разработали одну из «комбинаций» по «введению капитализма в народную жизнь». Социалисты должны *решительно* и *окончательно* разорвать со всеми мещанскими идеями и теориями — *вот главный полезный урок,* который должен быть извлечен из этого похода.

Прошу заметить, что я говорю о разрыве с мещанскими идеями, а не с «друзьями народа» и не с их идеями — потому что не может быть разрыва с тем, с чем не было никогда связи. «Друзья народа» — только одни из представителей одного из направлений этого сорта мещанско-социалистических идей. И если я по поводу данного случая делаю вывод о необходимости разрыва с мещанско-социалистическими идеями, с идеями старого русского крестьянского социализма *вообще*, то это потому, что настоящий поход против марксистов представителей старых идей, напуганных ростом марксизма, побудил их особенно полно и рельефно обрисовать мещанские идеи. Сопоставляя эти идеи с современным социализмом, с современными данными о русской действительности, мы с поразительной наглядностью видим, до какой степени выдохлись эти идеи, как потеряли они всякую цельную теоретическую основу, спустившись до жалкого эклектизма, до самой дюжинной культурническо-оппортунистской программы. Могут сказать, что это — вина не старых идей социализма вообще, а только данных господ, которых никто ведь и не причисляет к социалистам; но подобное возражение кажется мне совершенно несостоятельным. Я везде старался показать необходимость такого вырождения старых теорий, везде старался уделять возможно меньше места критике этих господ в частности и возможно больше — общим и основным положениям старого русского социализма. И если социалисты нашли бы, что эти положения изложены мною неверно или неточно или недоговорены, то я могу ответить только покорнейшей просьбой: пожалуйста, господа, изложите их сами, договорите их как следует!

Право, никто более социал-демократов не был бы рад возможности вести полемику с социалистами.

Неужели вы думаете, что нам приятно отвечать на «полемику» подобных господ и что мы взялись бы за это, не будь с их стороны прямого, настоятельного и резкого вызова?

Неужели вы думаете, что нам не приходится делать над собой усилий, чтобы читать, перечитывать и вчитываться в это отвратительное соединение казенно-либеральных фраз с мещанской моралью?

Но ведь не мы же виноваты в том, что за обоснование и изложение таких идей берутся теперь лишь подобные господа. Прошу заметить также, что я говорю о необходимости разрыва с мещанскими идеями *социализма*. Разобранные мелко-буржуазные теории являются ***безусловно*** реакционными, ***поскольку*** они выступают в качестве социалистических теорий.

Но если мы поймем, что на самом деле ровно ничего социалистического тут нет, т.-е. все эти теории безусловно не объясняют эксплуатации трудящегося и потому абсолютно не способны послужить для его освобождения, что на самом деле все эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии,— тогда мы должны будем иначе отнестись к ним, должны будем поставить вопрос: *как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам?* И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т.-е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении. Подобные реакционные требования, вроде, напр., пресловутой неотчуждаемости наделов, как и многие другие прожекты опеки над крестьянством, прячутся обыкновенно под благовидный предлог защиты трудящихся; но на деле они, разумеется, только ухудшают их положение, затрудняя в то же время борьбу их за свое освобождение. Эти две стороны мелкой буржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части. Поясню на примере, каким образом полное отрицание мещанских теорий марксистами не только не исключает демократизма в их программе, а, напротив, требует еще более настоятельного настаивания на нем. Выше указаны были три основные положения, на которых выезжали всегда представители мещанского социализма в своих теориях — малоземелье, высокие платежи, гнет администрации.

Социалистического ровно ничего нет в требовании устранения этих зол, ибо они нимало не объясняют экспроприации и эксплуатации, и устранение их нимало не затронет гнета капи-

тала над трудом. Но устранение их очистит этот гнет от усиливающих его средневековых ветошек, облегчит рабочему прямую борьбу против капитала и потому в качестве демократического требования встретит самую энергическую поддержку рабочих. Платежи и налоги — это, говоря вообще, такой вопрос, которому в состоянии придавать особую важность только мелкие буржуа, но у нас платежи с крестьян представляют из себя во многих отношениях простое переживание крепостничества: таковы, напр., выкупные платежи, которые должны быть немедленно и безусловно отменены; таковы те налоги, которые падают только на крестьян и мещан и от которых свободны «благородные». Социал-демократы всегда поддержат требование устранения этих остатков средневековых отношений, обусловливающих экономический и политический застой. То же самое следует сказать о малоземелье. Я уже много останавливался выше на доказательстве буржуазного характера воплей о нем. Несомненно, однако, что, напр., крестьянская реформа отрезками земель прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (отхватыванием крестьянской земли) и косвенно (искусным отмежеванием наделов). И социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения — этого оплота крепостнических учреждений и традиций. Этот последний пункт, совпадающий с национализацией земли, не заключает в себе ничего социалистического, потому что складывающиеся уже у нас фермерские отношения только быстрее и пышнее расцвели бы при этом, но он крайне важен в демократическом смысле, как единственная мера, которая могла бы окончательно сломить благородных помещиков. Наконец, говорить о бесправии крестьян, как причине экспроприации и эксплуатации крестьян, могут, конечно, только гг. Южаковы и В. В., но гнет администрации над крестьянством не только несомненен, а представляет из себя не простой гнет, а прямое третирование крестьян, как «подлой черни», которой свойственно быть в подчинении у благородных помещиков, для которой пользование общими гражданскими правами дается только в виде особой милости (переселения *), напр.), которой всякий помпадур может

*) Нельзя не вспомнить тут о чисто-российской наглости крепостника, с которой г. Ермолов, теперь министр земледелия, в своей книге: «Неурожай и народное бедствие» возражает против переселений. Нельзя, дескать, с государственной точки зрения считать их рациональными, когда в Европейской России помещики еще нуждаются в свободных руках. — Для чего же, в самом деле, существуют крестьяне, как не для того, чтобы своим трудом кормить тунеядцев-помещиков с их «высокопоставленными» прихвостнями?

распоряжаться как людьми, запертыми в рабочий дом. И социал-демократы безусловно примыкают к требованию полного восстановления крестьянства в гражданских правах, полной отмены всяких привилегий дворянства, уничтожения бюрократической опеки над крестьянством и предоставления ему самоуправления.

Вообще, русским коммунистам, последователям марксизма, более чем каким-нибудь другим, следует именовать себя *социал-демократами* и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности *демократизма* *).

В России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (сравнительно с Зап. Европой), они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах, — что нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии. Рабочим необходимо со всей подробностью показать, какую страшную реакционную силу представляют из себя эти учреждения, как усиливают они гнет капитала над трудом, как унижающе давят на трудящихся, как задерживают капитал в его средневековых формах, не уступающих новейшим, индустриальным, по эксплуатации труда, но прибавляющим к этой эксплуатации страшные трудности борьбы за освобождение. Рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции **) им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого — необходимое условие для победы рабочего класса,

---

*) Это очень важный пункт. Плеханов глубоко прав, говоря, что у наших революционеров «два врага: не совсем еще искорененные старые предрассудки, с одной стороны, и узкое понимание новой программы, с другой». См. Приложение III (стр. 217 настоящего издания. *Ред.).*

**) Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная *бюрократия*, которая de facto (на деле, фактически. *Ред.*) и правит государством российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это — постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа. Это — иудушка, который пользуется своими крепостническими симпатиями и связями для надувания рабочих и крестьян, проводя под видом «охраны экономически слабого» и «опеки» над ним в защиту от кулака и ростовщика такие мероприятия, которые низводят трудящихся в положение «подлой черни», отдавая их головой крепостнику-помещику и делая тем более беззащитными против буржуазии. Это — опаснейший лицемер, который умудрен опытом западно-европейских мастеров реакции и искусно прячет свои аракчеевские вожделения под фиговые листочки народолюбивых фраз.

никогда не выйти из положения забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу. И потому борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений — прямая обязанность рабочего класса, которую и должны внушать ему социал-демократы, не опуская ни на минуту в то же время внушать ему, что борьба против всех этих учреждений необходима лишь как средство для облегчения борьбы против буржуазии, что осуществление обще-демократических требований необходимо рабочему лишь как расчистка дороги, ведущей к победе над главным врагом трудящихся — чисто демократическим по своей природе учреждением, *капиталом*, который у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения.

Изложенное достаточно определяет, кажется, отношение социал-демократов к абсолютизму и политической свободе, а также отношение их к особенно усиливающемуся в последнее время течению, направленному к «объединению» и «союзу» всех фракций революционеров для завоевания политической свободы [35]).

Это — довольно оригинальное и характерное течение.

Оригинально оно тем, что предложения «союза» исходят не от определенной группы или определенных групп с определенными программами, сходящимися в том-то и том-то. Будь это так, вопрос о союзе был бы вопросом каждого отдельного случая, вопросом конкретным, решаемым представителями объединяемых групп. Тогда не могло бы и быть особого «объединительного» течения. Но таковое имеется и исходит просто от людей, которые от старого отстали, а к новому ни к чему не пристали: та теория, на которую опирались до сих пор борцы с абсолютизмом, видимо, рушится, разрушая и те условия солидарности и организованности, которые необходимы для борьбы. И вот господа «объединители» и «союзники» думают, должно быть, что такую теорию легче всего создать, сведя всю ее к протесту против абсолютизма и требованию политической свободы, обходя все остальные социалистические и несоциалистические вопросы. Понятно, что это наивное заблуждение неминуемо опровергнет себя при первых же попытках подобного объединения.

Но характерно это «объединительное» течение потому, что выражает собой одну из последних стадий того процесса превращения боевого, революционного народничества в политически-радикальный демократизм, который (процесс) я старался наметить выше. Прочное объединение всех не-социал-демократических революционных групп под указанным знаменем возможно

будет только тогда, когда выработается прочная программа *демократических* требований, покончившая с предрассудками старого русского самобытничества. Создание подобной демократической партии социал-демократы считают, конечно, полезным шагом вперед, и их работа, направленная против народничества, должна содействовать этому, содействовать искоренению всяких предрассудков и мифов, группировке социалистов под знамя марксизма и образованию остальными группами демократической партии.

И с этой партией, конечно, не могло бы быть «объединения» у социал-демократов, считающих необходимой самостоятельную организацию рабочих в особую рабочую партию, — но рабочие оказали бы самую энергическую поддержку всякой борьбе демократов против реакционных учреждений.

Вырождение народничества в самую дюжинную теорию мелкобуржуазного радикализма, — о котором (вырождении) с такой наглядностью свидетельствуют «друзья народа», — показывает нам, какую громадную ошибку делают те, кто несет рабочим идею борьбы с абсолютизмом, не выясняя им в то же время антагонистического характера наших общественных отношений, в силу которого за политическую свободу стоят и идеологи буржуазии, — не выясняя им исторической роли русского рабочего, как борца за освобождение всего трудящегося населения.

Социал-демократов любят упрекать в том, что они хотят будто бы взять в свое исключительное пользование теорию Маркса, тогда как, дескать, экономическая теория его принимается всеми социалистами. Но спрашивается, какой же смысл разъяснять рабочим форму стоимости, сущность буржуазных порядков и революционную роль пролетариата, если у нас в России эксплуатация трудящегося объясняется вообще и повсюду совсем не буржуазной организацией общественного хозяйства, — а, хотя бы, малоземельем, платежами, гнетом администрации?

Какой смысл разъяснять рабочим теорию классовой борьбы, если эта теория не может объяснить даже его отношений к фабриканту (наш капитализм искусственно насажден правительством), не говоря уже о массе «народа», не принадлежащего к сложившемуся классу фабричных рабочих?

Каким образом можно принять экономическую теорию Маркса с ее выводом — о революционной роли пролетариата, как организатора коммунизма при посредстве капитализма, когда у нас хотят искать путей к коммунизму помимо капитализма и создаваемого им пролетариата?

Очевидно, что при подобных условиях призыв рабочего к борьбе за политическую свободу будет равносилен призыву его таскать из огня каштаны для передовой буржуазии, потому что нельзя отрицать (характерно, что даже народники и народовольцы не отрицали этого), что политическая свобода послужит

прежде всего интересам буржуазии, давая рабочим не облегчение их положения, а только... только облегчение условий борьбы... *с этой самой буржуазией*. Я говорю это против тех социалистов, которые, не принимая теории социал-демократов, обращают однако свою агитацию на рабочую среду, убедившись эмпирически, что только в ней можно найти революционные элементы. Эти социалисты ставят свою теорию в противоречие с практикой и делают крайне серьезную ошибку, отвлекая рабочих от их прямой задачи — ***организации социалистической рабочей партии*** *).

Ошибка эта естественно возникла тогда, когда классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов. Теперь, — когда экономическое развитие настолько ушло вперед, что даже люди, отрицавшие прежде почву для капитализма в России, признают, что мы вступили именно на капиталистический путь развития, — теперь никакие иллюзии на этот счет уже невозможны. Состав «интеллигенции» обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем царит и правит капиталист, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии, — «интеллигенция» довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет. Наши радикалы и либералы не только не отрицают этого факта, а, напротив, усиленно подчеркивают его, надсаживаясь над доказательствами безнравственности этого, над осуждением, усилиями разгромить, пристыдить... и уничтожить. Эти наивные претензии *устыдить* буржуазную интеллигенцию за ее буржуазность так же смешны, как стремления мещанских экономистов напугать нашу буржуазию (ссылаясь на опыт «старших братьев») тем, что она идет к разорению народа, к нищете, безработице и голоданию масс; этот суд над буржуазией и ее идеологами напоминает тот суд над щукой, который порешил бросить ее в реку. За этими

*) К выводу о необходимости поднять рабочего на борьбу с абсолютизмом можно притти двумя путями: *либо* смотреть на рабочего, как на единственного борца за социалистический строй, и тогда видеть в политической свободе одно из условий, облегчающих ему борьбу. Так смотрят социал-демократы. *Либо* обращаться к нему просто как к человеку, наиболее страдающему от современных порядков, которому уже нечего терять и который всего решительнее может выступить против абсолютизма. Но это и будет значить — заставлять его тащиться в хвосте буржуазных радикалов, не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата за солидарностью всего «народа» против абсолютизма.

пределами начинается либеральная и радикальная «интеллигенция», которая изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т. п., которая любит плакать о 60-х г.г., когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии, и все сердца горели демократизмом.

Со свойственной им наивностью, эти господа никак не хотят понять, что тогдашняя солидарность вызывалась тогдашними матерьяльными условиями, которые не могут вернуться: крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария - дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм. До какой же степени надо убаюкивать себя сладкими мечтами, чтобы и по сю пору не видеть этого антагонизма, который получил такое громадное развитие; чтобы плакаться о возвращении времен солидарности, когда действительность требует борьбы, требует, чтобы всякий, кто не хочет быть *вольным* или *невольным* приспешником буржуазии, становился на сторону пролетариата.

Если вы не поверите на слово пышным фразам о «народных интересах» и попробуете копнуть поглубже, — то увидите, что имеете перед собой чистейших идеологов мелкой буржуазии, мечтающей об улучшении, поддержке и восстановлении своего («народного» на их языке) хозяйства посредством разных невинных прогрессов и не способной абсолютно понять того, что на почве данных производственных отношений все эти прогрессы только глубже и глубже будут пролетаризировать массы. «Друзьям народа» нельзя не быть благодарным за то, что они много посодействовали уяснению классового характера нашей интеллигенции и тем подкрепили теорию марксистов о мелко-буржуазности наших мелких производителей; они неизбежно должны ускорить вымирание старых иллюзий и мифов, так долго смущавших русских социалистов. «Друзья народа» так захватали, истаскали и испачкали эти теории, что русским социалистам, державшимся этих теорий, неминуемо предстоит дилемма — либо пересмотреть заново эти теории, либо откинуть их совершенно, предоставив их в исключительное пользование господ, которые с самодовольным торжеством оповещают urbi et orbi *) о покупке улучшенных орудий крестьянскими богатеями, — которые с серьезным

*) — всему миру. *Ред.*

видом уверяют вас, что необходимо приветствовать людей, которым надоело сидеть за зелеными столами. И в подобном смысле толкуют они о «народном строе» и «интеллигенции» не только серьезно, а и с претенциозными колоссальными фразами о широких идеалах, об идеальной постановке вопросов жизни!..

Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. *Теоретическая* работа ее должна будет при этом направиться на *конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития;* она должна *вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками.* Она должна *дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие.*

Эта теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата, — и если она будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробуждение протестующей мысли пролетариата неизбежно будет приводить эту мысль в русло социал-демократизма. Чем дальше будет подвигаться вперед выработка этой теории, тем быстрее будет расти социал-демократизм, так как самые хитроумные оберегатели современных порядков не в силах помешать пробуждению мысли пролетариата, не в силах потому, что самые эти порядки необходимо и неизбежно влекут за собой все сильнейшую экспроприацию производителей, все больший рост пролетариата и резервной его армии — и это наряду с прогрессом общественного богатства, с громадным ростом производительных сил и обобществлением труда капитализмом. Как ни много осталось еще сделать для выработки такой теории, но порукой за то, что социалисты исполнят эту работу, служит распространение среди них материализма, единственно научного метода, требующего, чтобы всякая программа была точной формулировкой действительного процесса, порукой служит успех социал-демократии, принимающей эти идеи, — успех, до того взбудораживший наших либералов и демократов, что их толстые журналы, по замечанию одного марксиста, перестали быть скучными.

Этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу

сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед *практической* *), — тем менее, чтобы вторая откладывалась до окончания первой. Так могли бы заключить только поклонники «субъективного метода в социологии» или последователи утопического социализма. Конечно, если задача социалистов полагается в том, чтобы искать «иных (помимо действительных) путей развития» страны, тогда естественно, что практическая работа становится возможной лишь тогда, когда гениальные философы откроют и покажут эти «иные пути»; и наоборот, открыты и показаны эти пути — кончается теоретическая работа и начинается работа тех, кто должен направить «отечество» по «вновь открытому» «иному пути». Совсем иначе обстоит дело, когда задача социалистов сводится к тому, чтобы быть идейными руководителями пролетариата в его действительной борьбе против действительных настоящих врагов, стоящих на *действительном* пути данного общественно-экономического развития. При этом условии теоретическая и практическая работа сливаются вместе, в одну работу, которую так метко охарактеризовал ветеран германской социал-демократии Либкнехт словами:

Studieren, Propagandieren, Organisieren **).

Нельзя быть идейным руководителем без вышеуказанной теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того, чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации.

Эта постановка задачи гарантирует социал-демократию от тех недостатков, от которых так часто страдают группы социалистов, — от догматизма и сектаторства.

Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития; не может быть сектаторства, когда задача сводится к содействию организации пролетариата, когда, след., роль «интеллигенции» сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей.

Поэтому, несмотря на наличность разногласий среди марксистов по разным теоретическим вопросам, приемы их поли-

---

*) Напротив. На 1-ое место непременно становится всегда практическая работа пропаганды и агитации по той причине, во-1) что теоретическая работа дает только ответы на те вопросы, которые предъявляет вторая. А во-2) социал-демократы слишком часто, по обстоятельствам от них не зависящим, вынуждены ограничиваться одной теоретической работой, чтобы не ценить дорого каждого момента, когда возможна работа практическая.

**) — изучать, пропагандировать, организовать. *Ред.*

тической деятельности оставались с самого возникновения группы и остаются до сих пор прежними.

Политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу *всего* русского рабочего *класса,* направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящегося. Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России *).

Естественный — потому, что эксплуатация трудящегося в России *повсюду является по сущности своей капиталистической,* если опустить вымирающие остатки крепостнического хозяйства; но только эксплуатация массы производителей мелка, раздроблена, неразвита, тогда как эксплуатация фабрично-заводского пролетариата крупна, обобществлена и концентрирована. В первом случае — эксплуатация эта еще опутана средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями, которые мешают трудящемуся и его идеологу видеть сущность тех порядков, которые давят на трудящегося, видеть, где и как возможен выход из них. Напротив, в последнем случае эксплуатация уже совершенно развита и выступает в своем чистом виде без всяких запутывающих дело частностей. Рабочий не может не видеть уже, что гнетет его *капитал,* что вести борьбу приходится с *классом* буржуазии. И эта борьба его, направленная на достижение ближайших экономических нужд, на улучшение своего материального положения, — неизбежно требует от рабочих организации, неизбежно становится войной не против личности, а против *класса,* того самого класса, который не на одних фабриках и заводах, а везде и повсюду гнетет и давит трудящегося. Вот почему фабрично-заводский рабочий является не более как передовым представителем всего эксплуатируемого населения, и для того, чтобы он осуществил свое представительство в организованной, выдержанной борьбе, — требуется совсем не увлечение его какими-нибудь «перспективами»; для этого требуется только простое *выяснение ему его положения,* выяснение политико-экономического строя той системы, которая гнетет его,

*) Человек будущего в России — мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении слова. Человек будущего в России — рабочий, думают социал-демократы. Так формулирована была в одной рукописи точка зрения марксистов.

выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе. Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы. Во всех остальных местах, при низких формах развития капитализма, нет этих материальных условий: производство раздроблено на тысячи мельчайших хозяйств (не перестающих быть раздробленными *хозяйствами* при самых уравнительных формах общинного земле*владения*), эксплуатируемый большею частью владеет еще крошечным хозяйством и таким образом привязывается к той самой буржуазной системе, против которой должен вести борьбу: это задерживает и затрудняет развитие тех социальных сил, которые способны ниспровергнуть капитализм. Раздробленная, единичная, мелкая эксплуатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности объединиться, поняв, что причина угнетения — не та или другая личность, — а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплуататором, объединяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу. На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский ***рабочий***, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет ***русский пролетариат*** (рядом с пролетариатом ***всех стран***) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* ***победоносной коммунистической революции.***

Конец.

1894.

ПРИЛОЖЕНИЯ АВТОРА
К ВЫПУСКУ III

Разряды домохозяев и число их.		Число душ об. п.	Число работников муж. п.	Батраки. Дворов с батраками.	Батраки. Число их об. п.	Надельной земли десятин.	Аренда. Дворов.	Аренда. Десятин.	Всего пахотной земли.	Число строений.	Число промышленных заведений.	Число земл. орудий.	Скот (голов). Рабочего скота.	Скот (голов). Всего в переводе на крупный
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
6 зажиточных домохозяев.	Сумма	47	11	6	8	132,6	6	52,8	123,4	52	4	224	35	81
	Среднее на 1 хоз.	7,33	1,3	—	—	22,1	—	8,8	20,6	8,6	-	37,3	5,8	13,5
11 среднесостоятельн. домохозяев.	Сумма	92	26	2	2	101,2	10	85,5	140,2	70	—	338	40	89,1
	Среднее на 1 хоз.	8,36	2,4	–	—	9,2	–	7,7	12,7	6,4	—	30,7	3,6	8,1
7 бедных домохозяев.	Сумма	37	10	2	2	57,8	4	19,8	49,8	31	—	108	7	15,3
	Среднее на 1 хоз.	5,28	1,4	—	—	8,5	—	2,8	7,1	4,4	-	15,4	1	2,2
ВСЕГО 24 домохозяина.	Сумма	176	47	10	12	291,6	20	158,1	313,4	153	4	670	82	185,4
	Среднее на 1 хоз.	7,33	1,9	—	·	12,1	—	6,6	13	6,4	—	27,9	3,4	7,7
2 батрака (вошедш. в число бедных).	Сумма	9	2	—	—	14,4	—	—	6,8	6	—	11	—	1,1
	Среднее на 1 хоз.	4,5	1	—	—	7,2	—	—	3,4	3	—	5,5	—	0,5

Разряды домохозяев и число их.		Стоимость в рублях. Строений.	Остальн. недвижимости.	Инвентаря.	Утвари.	Одежды.	Скота и пчел.	ВСЕГО.
		14	15	16	17	18	19	20
6 зажиточных домохозяев.	Сумма	2696	2237	670,8	453	1294,2	3076,5	10427,5
	Среднее на 1 хоз.	449,33	372,83	111,80	75,5	215,7	512,75	1737,91
11 среднесостоятельн. домохозяев.	Сумма	2362	318	532,9	435,9	2094,2	2907,7	8650,7
	Среднее на 1 хоз.	214,73	28,91	48,44	39,63	190,38	264,33	786,42
7 бедных домохозяев.	Сумма	835	90	112,3	254	647,1	605,3	2543,7
	Среднее на 1 хоз.	119,28	12,85	16,04	36,29	92,45	86,47	363,38
ВСЕГО 24 домохозяина.	Сумма	5893	2645	1316	1142,9	4035,5	6589,5	21621,9
	Среднее на 1 хоз.	245,55	110,21	54,83	47,62	168,14	274,56	900,91
2 батрака (вошедш. в число бедных).	Сумма	155	25	6,4	76,8	129,3	9,1	401,6
	Среднее на 1 хоз.	77,5	12,5	3,2	38,4	64,65	4,55	200,8

Разряды домохозяев и число их.		Сумма кредитных недоимок. Рублей.	Распределение дохода. От земледелия. Всего.	В том числе от хлебов.	От скотоводства.	От пчело- и садоводства.	От промыслов.	От заведений.	Разных доходов.	Всего руб.
		21	22	23	24	25	26	27	28	29
6 зажиточных домохозяев.	Сумма	80	61,2 3861,7 1774,4	2598,2 1774,4	15,4% 972,6 396,5	4,3% 271	6,5% 412	5% 320	7,6% 482,2	100% 6319,5 3656,1
	Среднее на 1 хоз.	13,3	643,6	—	162,1	45,2	68,6	53,3	80,4	1053,2 609,3
11 среднесостоятельн. домохозяев.	Сумма	357	60,7% 3163,8 899,9	2203,8 899,9	16,1% 837,5 423,2	0,7% 36,1	18,8% 979,3	—	3,7% 195,5	100% 5212,2 2534
	Среднее на 1 хоз.	32,4	287,7	—	76,1	3,2	89	—	17,8	473,8 230
7 бедных домохозяев.	Сумма	233,6	48,7% 689,9 175,25	502,08 175,24	22,9% 324,2 216,6	1,9 27	23,8% 336,8	—	2,7% 39	100% 1416,9 794,64
	Среднее на 1 хоз.	33,4	98,5	—	46,3	3,3	48,1	—	5,5	202,4 113,5
ВСЕГО 24 домохозяина.	Сумма	670,6	59,6% 7715,4 2849,54	5304,8 2849,54	16,5% 2134,3 1036,3	2,6% 334,1	13,3% 1728,1	2,5% 320	5,5% 716,7	100% 12948,6 6984,74
	Среднее на 1 хоз.	27,9	321,5	—	88,9	13,9	72	13,3	29,9	539,5 291,03
2 батрака (вошедш. в число бедных).	Сумма	50	59,5 3	—	5,7 4,8	—	128,8	—	4	198 140,6
	Среднее на 1 хоз.	25	29,75	—	2,85	—	64,4	—	2	99 70,3

Разряды домохозяев и число их.		Распределение расхода.														Чистый доход + дефицит −
		Всего	Пища.				Одежда и домашн. нужды.	Содержание скота.	Инвентарь живой и мертвый.	На работников и пастухов.	Аренда	Подати.	Попам.	Разные расходы.	Всего рублей.	
			Растительная.	Остальная.	В том числе. Молоко, мясо и пр.	В том числе. Соль, водка, чай.										
		30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44
6 зажиточных домохозяев.	Сумма	29,2% 1500,6 218,7	823,8	676,8	561,3 103,2	115,5	8,2% 423,8	24,9% 1276,6	9,4% 484,5	13,5% 691,7	6,5% 332	4,9% 253,5	1,1% 56	2,3% 116,5	100% 5135,2 2211,5	+1184,3
	Среднее на 1 хоз. . .	250,1	—	—	—	—	70,63	212,76	80,75	115,29	55,33	42,25	9,33	19,42	855,86 368,6	+197,34
11 среднесостоятельн. домохозяев.	Сумма	37,6% 1951,9 257,7	1337,3 33,4	614,6	534,3 144	80,3	10,6% 548,1 49,5	21,2% 1098,2	5% 256	0,9% 47,6	6,8 351,7	4,9% 254,9	1,3% 69,9	11,7% 609,4	100% 5187,7 1896,7	+24,5
	Среднее на 1 хоз. . .	177,45	—	—	—	—	49,83	99,84	23,27	4,33	31,97	23,17	6,35	55,4	471,6 172,5	+2,19
7 бедных домохозяев.	Сумма	42,1% 660,8 253,46	487,7 160,96	173,1	134,4 53,8	38,7	14,6% 229,6 26,8	15,6% 243,7	7,1% 110,6	1,6% 24,3	6% 94,5	6,5% 101,8	1,8% 28	4,7% 73,2	100% 1566,5 712,66	−149,6
	Среднее на 1 хоз. . .	94,4	—	—	—	—	32,8	34,81	15,8	3,47	13,5	14,54	4	10,46	223,78 101,8	−21,38
ВСЕГО 24 домохозяина.	Сумма	34,6% 4113,3 729,86	2648,8	1464,5	1230	234,5	10,1% 1201,5 134,9	22,2% 2618,5	7,1% 851,1	6,4% 763,6	6,5% 778,2	5,1% 610,2	1,3% 153,9	6,7% 799,1	100% 11889,4 4820,86	+1059,2
	Среднее на 1 хоз. . .	171,39	110,37	61,02	51,25	9,77	50,06	109,1	35,46	31,82	32,43	25,43	6,41	33,29	495,39 200,87	+44,11
2 работн. (вошедш. в число бедных).	Сумма	81,7 50,7	72,1 42,5	9,6	6,1 4,7	3,5	14,9 4,6	8	53,2	0,4	—	22,6	2,8	3,3	186,9 137,6	+11,1
	Среднее на 1 хоз. . .	40,85	—	—	—	—	7,45	4	26,6	0,2	—	11,3	1,4	1,65	93,45 68,8	+5,55

Приложение II.

Г. Струве совершенно справедливо ставит во главу угла критики Ник.—она то положение, что «учение Маркса о классовой борьбе и государстве совершенно чуждо русскому политико-эконому». Я не обладаю смелостью г-на Кривенко, чтобы на основании одной этой небольшой заметки (в 4 столбца) г. Струве судить о системе его воззрений (другие его статьи мне неизвестны); я не могу также не сказать, что солидарен не со всеми, высказанными им, положениями, и потому могу защищать не его статью целиком, а только известные основные положения, которые он приводит. Но во всяком случае указанное обстоятельство оценено глубоко верно: действительно, непонимание классовой борьбы, присущей капиталистическому обществу, — *коренная ошибка* г. Ник.—она. Исправления одной этой ошибки достаточно было бы для того, чтобы даже из его теоретических положений и исследований необходимо следовали социал-демократические выводы. Действительно, упущение из виду классовой борьбы свидетельствует о грубейшем непонимании марксизма,— непонимании, которое тем более следует поставить в вину г. Ник.—ону, что он вообще желает выдавать себя за строгого поклонника принципов Маркса. Может ли кто-нибудь, хоть немного знакомый с Марксом, отрицать, что учение о классовой борьбе — центр тяжести всей системы его воззрений?

Г. Ник.—он мог, конечно, принять теорию Маркса за исключением этого пункта, хотя бы, напр., по несоответствию его, положим, с данными русской истории и действительности, — но ведь тогда, во-первых, невозможно бы было говорить, что теория Маркса объясняет наши порядки, невозможно бы говорить даже об этой теории и о капитализме, так как пришлось бы переделать теорию и выработать понятие о другом капитализме, которому не присущи антагонистические отношения и борьба классов. Во всяком случае, следовало бы со всей подробностью оговорить это, разъяснить, почему автор, говоря *А* марксизма, не хочет говорить *Б*. Ничего подобного г. Ник.—он и не пытался сделать.

И г. Струве совершенно справедливо заключил, что непонимание классовой борьбы делает г. Ник.—она *утопистом*, ибо игнорирующий классовую борьбу в капиталистическом обществе eo ipso *) игнорирует все действительное содержание общественно-политической жизни этого общества и для осуществления своих дезидерат неизбежно обрекается на витание в сфере невинных мечтаний. Это непонимание делает его *реакционером*, ибо воззвания к «обществу» и «государству», т.-е. к идеологам и политикам буржуазии, в состоянии только сбить с толку социалистов, принять за союзников злейших врагов пролетариата, в состоянии только затормозить борьбу рабочих за освобождение вместо того, чтобы способствовать усилению, выяснению и большей организации этой борьбы. —

Раз уже зашла речь о статье г. Струве, нельзя не коснуться здесь и ответа г. Ник.—она в № 6 «Р. Богатства» **).

«Оказывается» — рассуждает г. Ник.—он, приводя данные о медленном нарастании числа фабрично-заводских рабочих, нарастании, отстающем от роста населения — «оказывается, что у нас капитализм не только не выполняет своей «исторической миссии», но сам же ставит пределы своему собственному развитию. Вот почему, между прочим, тысячу раз правы те, которые ищут «для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа». (И это пишет человек, признающий, что Россия идет тем же капиталистическим путем!) Невыполнение этой «исторической миссии» усматривает г. Ник.—он в том, что «хозяйственное течение, враждебное общине (т.-е. капитализм), разрушает самые основы ее существования, не принося той доли объединяющего значения, которое так характерно для З. Европы и с особенной силой начинает проявляться в Сев. Америке».

Другими словами, мы имеем перед собой тот казенный довод против социал-демократов, который изобретен знаменитым г. В. В., смотревшим на капитализм с точки зрения департаментского чиновника, решающего государственный вопрос о «введении капитализма в народную жизнь»: если исполняет «миссию»—

---

*) — тем самым. *Ред.*

**) Вообще своими статьями в «Р. Богатстве» г. Ник.—он усиленно старается, кажется, доказать, что он вовсе не так далек от мещанского радикализма, как можно было думать; что и он способен в росте крестьянской буржуазии (№ 6, с. 118 — распространение среди «крестьян» улучшенных орудий, фосфоритов etc.) видеть признаки того, что «само *крестьянство*» (то, которое массами экспроприируется?) «понимает необходимость выбраться из того положения, в каком оно находится».

можно пустить, если не исполняет — «не пущай». Помимо всех других качеств этого остроумного рассуждения, самая «миссия» капитализма понималась при этом г-ном В. В. — и понимается, видимо, г. Ник.—оном — до невозможности, до безобразия неправильно и узко; и опять-таки, разумеется, узость собственного понимания эти господа сваливают без церемоний на социал-демократов: на них можно клепать, как на мертвых, благо их в легальную прессу не пускают!

Маркс видел прогрессивную, революционную работу капитализма в том, что он, обобществляя труд, в то же самое время, механизмом самого процесса «обучает, объединяет и организует рабочий класс», обучает борьбе, организует его «возмущение», объединяет для «экспроприации экспроприаторов», для захвата политической власти и отнятия средств производства из рук «немногих узурпаторов» для передачи их в руки всего общества («Капитал», 650).

Вот — формулировка Маркса.

О «числе фабр.-заводских рабочих» и речи, конечно, нет: говорится о сосредоточении средств производства и обобществлении труда. Ясное дело, что эти критерии не имеют ничего общего с «числом фабр.-заводских рабочих».

Но наши самобытные истолкователи Маркса перетолковали это именно так, что обобществление труда при капитализме сводится к работе в одном помещении фабричных и заводских рабочих и потому, де, степень прогрессивной работы капитализма измеряется... числом фабрично-заводских рабочих!!! Увеличивается число фабрично-заводских рабочих — значит, капитализм хорошо работает прогрессивную работу; уменьшается — значит, он «плохо выполняет свое историческое призвание» (с. 103 статьи г. Ник.—она) и «интеллигенции» следует «искать иных путей для своего отечества».

И вот российская интеллигенция принимается за поиски «иных путей». Ищет и находит она их уже не первое десятилетие, доказывая *) изо всех сил, что капитализм — «неправильное» развитие, ибо ведет к безработице и кризисам. Вот в 1880 году стояли мы перед кризисом; тоже и в 1893 г.: пора сойти с пути, ибо очевидно, что нам приходится плохо.

---

*) Пропадают эти доказательства даром не потому, чтобы неверны были: разорение, обнищание и голодание народа — несомненные и неизбежные спутники капитализма, а потому, что адресуются эти доказательства в воздух. «Общество» — оно даже под покровом демократизма проводит плутократические интересы, и конечно уже не плутократия выступит против капитализма. «Правительство»... — приведу один отзыв противника, г. Н. К. Михайловского: — как ни мало знаем мы программы нашего правительства, — писал он однажды — но настолько-то мы их знаем, чтобы быть уверенным, что «обобществление труда» в их программу не входит.

А русская буржуазия «слушает да ест»: действительно, приходится «плохо», когда уж нельзя получать баснословные прибыли; и она хором подпевает либералам и радикалам и усиленно принимается благодаря освободившимся и более дешевым капиталам за постройку новых железных дорог. «Нам» плохо, потому что на старых местах «мы» уже дочиста обобрали народ и приходится переходить к индустриальному капиталу, не способному так обогащать, как торговый: так «мы» пойдем на восточные и северные окраины Евр. России, где еще возможно «первоначальное накопление», дающее сотни процентов прибыли, где еще буржуазное разложение крестьянства далеко не завершилось. Интеллигенция видит все это и неустанно грозит, что «мы» опять придем к краху. И действительно наступает новый крах. Масса мелких капиталистов побивается крупными, масса крестьян выталкивается из земледелия, все более и более достающегося в руки буржуазии; увеличивается в необъятных размерах море нищеты, безработицы, голодного вымирания — и «интеллигенция» с спокойною совестью ссылается на свои пророчества и паки сетует о неправильном пути, доказывая непрочность нашего капитализма отсутствием внешних рынков.

А русская буржуазия «слушает да ест». Пока «интеллигенция» ищет новых путей, она предпринимает гигантские постройки железных дорог в свои колонии, создавая себе там рынок, неся в молодую страну прелести буржуазных порядков, выращивая с особенной быстротой и там промышленную и земледельческую буржуазию и бросая массу производителей в ряды вечно голодного безработного люда.

Неужели же социалисты все еще будут ограничиваться сетованиями о неправильных путях и доказывать непрочность капитализма... медленным нарастанием числа фабрично-заводских рабочих!!?

Прежде чем перейти к этой ребячьей идее *), нельзя не упомянуть о том, что г. Ник.—он крайне неточно передал критикуемое место статьи г-на Струве. В статье его сказано буквально следующее:

«Если автор (т.-е. г. Ник.—он) указывает на различие в составе русского и американского населения по роду занятий — для России принимается, что 80% всего занятого хозяйственной

---

*) Как же в самом деле не назвать этой идеи ребячьей, когда для определения прогрессивной работы капитализма берется не степень обобществления труда, а такой колеблющийся показатель развития *одной* только отрасли народного труда! Всякий знает, что число рабочих не может не быть чрезвычайно непостоянным при капиталистическом способе производства, что оно зависит от массы второстепенных факторов, вроде кризисов, величины резервной армии, степени эксплуатации труда, степени напряженности его и т. д. и т. д.

деятельностью (erwerbsthätigen) населения занято сельским хозяйством, а в Соед. Штатах только 44% — то он при этом не замечает, что капиталистическое развитие России именно и будет работать над уменьшением этой разницы 80 — 44: в этом, можно сказать, состоит его историческая миссия».

Можно находить, что *слово* «миссия» поставлено здесь очень неудачно, но мысль г-на Струве ясна: г. Ник.—он не заметил, что капиталистическое развитие России (он сам признает, что развитие это действительно капиталистическое) будет уменьшать сельское население, тогда как это — общий закон капитализма. Следовательно, г. Ник.—ону, чтобы опровергнуть это возражение, следовало показать *или* 1) что он не опустил из виду этой тенденции капитализма, *или* 2) что капитализм не имеет этой тенденции.

Вместо этого г. Ник.—он принимается за разбор данных о числе наших фабричных рабочих (1% населения по его счету). Да разве у г. Струве говорится о фабричных рабочих? разве 20% населения в России, 56% в Америке, это — фабричные рабочие? разве понятия: «фабричные рабочие» и «население, занятое не сельским хозяйством» — тождественны? Можно ли оспаривать, что и в России уменьшается доля населения, занятого сельским хозяйством?

После этой поправки, которую я считаю тем более необходимой, что г. Кривенко уже раз в этом же журнале переврал это место, перейдем к самой идее г. Ник.—она о «плохом исполнении миссии нашим капитализмом».

Во-первых, нелепо отождествлять число фабрично-заводских рабочих с числом рабочих, занятых в капиталистическом производстве, как это делает автор «Очерков» [36]. Это значит повторять (*и даже утрировать*) ошибку мещанских российских экономистов, начинающих капитализм прямо с крупной машинной индустрии. Разве миллионы русских кустарей, работающих на купцов из их материала за обыкновенную заработную плату, — заняты не в капиталистическом производстве? Разве батраки и поденщики в земледелии получают от хозяев не заработную плату и отдают им не сверхстоимость? Разве рабочие, занятые строительной промышленностью (быстро развившейся у нас после реформы) — не подвергаются капиталистической эксплуатации? и т. д. *).

---

*) Я ограничиваюсь здесь критикой *приема* г-на Ник.—она — судить об «объединяющем значении капитализма» по числу фабричных рабочих. Не могу войти в разбор цифр, так как у меня нет под руками тех источников, которыми г. Ник.—он пользуется. Нельзя, однако, не заметить, что эти источники выбраны г. Ник.—оном едва ли удачно. Сначала он берет данные из Военно-статистического Сборника для 1865 г. и из Указателя фабрик и заводов 94 г. — для 1890 г. Получается число рабочих

Во-вторых, нелепо сравнивать число фабричных рабочих (1.400.000) со всем населением и выражать это отношение процентом. Это значит прямо-таки сравнивать величины несоизмеримые: население трудоспособное с нетрудоспособным, занятое производством материальных ценностей с «идеологическими состояниями» и т. д. Разве фабрично-заводские рабочие не кормят каждый известное число нерабочих членов семьи? Разве фабричные рабочие не кормят — помимо их хозяев и целой стаи торговцев — кучу солдат, чиновников и т. под. господ, которых вы прикладываете к земледельческому населению и противополагаете всю эту кашу фабрично-заводскому? Разве, затем, нет на Руси таких промыслов, как рыболовство и т. п., которые опять-таки нелепо противополагать фабрично-заводской промышленности, соединяя их с земледелием? Если бы вы хотели получить представление о составе населения России по его занятиям, следовало бы, во-1-х, выделить особо то население, которое занято производством материальных ценностей (исключив, след., нерабочее население, с одной стороны, а с другой — солдат, чиновников, попов и т. п.), и во-2-х, попытаться распределить его по разным отраслям народного труда. Если бы не оказалось для этого данных, следовало бы и не браться за

(кроме горнорабочих) 829.573 и 875.764. Увеличение на 5,5% — гораздо меньше увеличения народонаселения (91 и 61,42 м. — на 48,1%). На *следующей странице* берутся уже другие данные: и для 1865 и для 1890 г.г. — из «Указателя» за 1893 г. По этим данным число рабочих — 392.718 и 716.792; увеличение на 82%. Но это без промышленности, обложенной акцизом, в которой число рабочих (с. 104) было 1865: 186.053 и 1890: 144.332. Складывая эти последние цифры с предыдущими, получаем общее число рабочих (кроме горнозаводских) 1865: 578.771 и 1890: 861.124. Увеличение на 48,7% — при увеличении населения на 48,1%. Итак, на протяжении пяти страниц автор приводит данные, из которых одни показывают увеличение на 5%, а другие — на 48%! И на основании таких данных противоречивых он судит о непрочности нашего капитализма!!

И потом, почему автор не взял данных о числе рабочих, которые приведены им в «Очерках» (таблицы XI и XII) и по которым мы видим возрастание числа рабочих на 12—13% за *три года* (1886—1889), т. е. возрастание, быстро опережающее рост населения? Автор скажет, может быть, что промежуток времени крайне мал. Но зато ведь данные эти однородны, сравнимы и отличаются большей достоверностью; это во-1-х. А во-2-х, разве сам автор не пользовался этими же данными, несмотря на малый промежуток времени, для суждения о росте ф.-зав. промышленности?

Понятно, что данные об одной только отрасли народного труда не могут не быть шаткими, когда берут такой колеблющийся показатель состояния этой отрасли, как число рабочих. Подумайте же, каким бесконечно-наивным мечтателем надо быть, чтобы на основании подобных данных надеяться на то, что наш капитализм развалится, обратится в прах сам собой, без упорной, отчаянной борьбы! — чтобы противопоставлять такие данные несомненному господству и развитию капитализма во всех отраслях народного труда!

подобные расчеты *), а не толковать пустяков об 1% (??!!) населения, занятом фабрично-заводской промышленностью.

В-третьих — и это самое главное и самое безобразное искажение теории Маркса о прогрессивной, революционной работе капитализма — откуда взяли вы, что «объединяющее значение» капитализма выражается в объединении только фабричных рабочих? Уж не заимствуете ли вы представление о марксизме из

---

*) Ник.—он попытался привести такой расчет в «Очерках», но крайне неудачно. На стр. 302 читаем:

«В последнее время сделана была попытка определить число всех свободных рабочих в 50 губ. Евр. России (*С. А. Короленко*. Вольнонаемный труд. Спб. 1892). Исследование сельско-хозяйственного департамента определяет все число сельского населения, способного к труду, в 50 губ. Евр. России в 35.712 тыс. человек, между тем как общее число рабочих, потребных на сельско-хозяйственные нужды, на обрабатывающую, добывающую, перевозочную и пр. промышленность, определяется всего-навсего в 30.124 тыс. чел. Таким образом, избыток рабочих совершенно излишних выразится громадным числом в 5.588 тыс. чел., что с семействами по принятой норме составит никак не менее 15 милл. человек». (Повторено еще раз на 341 стр.)

Если мы обратимся к этому «исследованию», то увидим, что «исследовано» там только употребление помещиками вольнонаемного труда, и к этому исследованию г. С. Короленко приложил «обзор» Евр. России «в сельско-хозяйственном и промышленном отношениях». В этом обзоре делается попытка (не на основании какого-нибудь «исследования», а по старым имеющимся данным) распределить по занятиям рабочее население Евр. России. Результаты у г-на С. А. Короленко получились следующие: всего в 50 губ. Евр. России рабочих 35.712.000. Из этого числа заняты:

в земледелии		27.435,4 тыс.	} 30.124 тыс.
культурой специальных растений		1.466,4 »	
фаб.-зав. и горной промышл.		1.222,7 »	
евреи		1.400,4 »	
лесными промыслами	ок.	2.000 »	
скотоводством	»	1.000 »	
жел.-дор. движением	»	200 »	
рыболовством	»	200 »	
местными и сторонними промыслами, охотой, звероловством и т. под. остальные		782,2 »	
Итого		35.712,1 тысяч	

Таким образом, г. Короленко распределил (худо ли, хорошо) по занятиям *всех* рабочих, а г. Ник.—он произвольно взял первые три рубрики и толкует о 5.588 тыс. «совершенно излишних» (??) рабочих!

Помимо этой неудачи, нельзя не заметить, что расчет г-на Короленко крайне груб и неточен: количество земледельческих рабочих определено по одной общей норме на всю Россию, не выделено непроизводительное население (г. Короленко, подчиняясь юдофобству начальства, отнес туда... *евреев*! Непроизводительных рабочих должно быть больше 1,4 милл.: торговцы, нищие, бродяги, преступники и т. д.), безобразно мало число кустарей (последняя рубрика — отхожие и местные) и т. д. Подобных расчетов лучше бы вовсе не приводить.

статей «От. Записок» насчет обобществления труда? Уж не сводите ли и вы его к работе в одном помещении?

Но нет. Ник.—она нельзя бы, казалось, упрекнуть в этом, потому что он точно характеризует обобществление труда капитализмом на второй странице своей статьи в № 6 «Р. Богатства», правильно отмечая оба признака этого обобществления: 1) работу на все общество и 2) объединение отдельных работников для получения продукта общего труда. Однако, если это так, то к чему же было судить о «миссии» капитализма по числу фабричных рабочих, тогда как эта «миссия» выполняется развитием капитализма и обобществления труда вообще, созданием пролетариата вообще, — по отношению к которому фабрично-заводские рабочие играют роль только передовых рядов, авангарда. Бесспорно, конечно, что революционное движение пролетариата зависит и от числа этих рабочих и от концентрации их и от степени их развития и т. д., но все это не дает ни малейшего права *сводить «объединяющее значение» капитализма к ч и с л у фабрично-заводских рабочих*. Это значит до невозможности суживать идею Маркса.

Приведу пример. В своей брошюре: «Zur Wohnungsfrage» *) Фридрих Энгельс говорит о германской промышленности и указывает, что ни в одной другой стране, кроме Германии, — он говорит только о З. Европе — нет такого количества наемных рабочих, владеющих садом или кусочком полевой земли. «*Деревенская кустарная промышленность, соединенная с садоводством или сельским хозяйством,* — говорит он — *составляет широкое основание молодой крупной промышленности Германии*». Эта кустарная промышленность, по мере возрастания нужды немецкого мелкого крестьянства, все сильнее и сильнее растет (как и в России—добавим от себя), но при этом *соединение* промышленности с земледелием является условием не *благосостояния* кустаря, а напротив — еще большего *угнетения*. Будучи привязан к месту, он вынужден брать какую угодно цену и потому отдает капиталисту не только сверхстоимость, а и крупную часть заработной платы (как и в России с ее громадным развитием домашней системы крупного производства). «*Это одна сторона дела,* — продолжает Энгельс — *но оно имеет и обратную сторону... С распространением кустарной промышленности крестьянство одной местности за другой втягивается в промышленное движение современной эпохи. Это революционизирование земледельческих местностей при посредстве кустарной промышленности распространяет промышленную революцию в Германии на гораздо большее пространство, чем это было в Англии*

*) «Жилищный вопрос». По-русски это произведение Энгельса в то время еще не было переведено. Перевод цитат сделан самим Вл. Ильичем. *Ред.*

и Франции... Это объясняет, почему в Германии, в противоположность Англии и Франции, революционное рабочее движение нашло такое сильное распространение по широкому пространству страны, вместо того, чтобы ограничиваться исключительно городскими центрами. И это же объясняет спокойный, твердый, неудержимый рост этого движения. В Германии ясно само собой, что победоносное восстание в столице и других больших городах только тогда будет возможно, когда и большинство мелких городов и большая часть деревенских областей созреет для переворота».

Вот и смотрите: не только «объединяющее значение капитализма», но и успех рабочего движения зависит, оказывается, не только от числа фабричных рабочих, а и от числа... *кустарей!* А наши самобытники, игнорируя чисто капиталистическую организацию громадного большинства русских кустарных промыслов, противополагают их капитализму, как какую-то «народную» промышленность и судят о «проценте населения, находящегося в непосредственном распоряжении капитализма», по числу фабричных рабочих! Это уже напоминает такое рассуждение г-на Кривенко: марксисты хотят все внимание обратить на фабричных рабочих, но так как их всего только 1 милл. на 100, то это — лишь маленький уголок жизни и посвящать себя ему — все равно, что ограничиваться работой в сословных или благотворительных учреждениях (№ 12 «Р. Б — ва»). Фабрики и заводы — такой же маленький уголок жизни, как сословные и благотворительные учреждения!! О, гениальный г. Кривенко! Вероятно, именно сословные учреждения производят продукты на все общество? вероятно, именно порядки сословных учреждений объясняют эксплуатацию и экспроприацию трудящихся? вероятно, именно в сословных учреждениях надо искать передовых представителей пролетариата, способных поднять знамя освобождения рабочих?

Не удивительны подобные вещи в устах маленьких буржуазных философов, но когда встречаешь нечто подобное у г. Ник.—она, то становится как-то обидно.

На стр. 393-ей «Капитала» Маркс приводит данные о составе английского населения. Всего в Англии и Валлисе было в 1861 г.— 20 милл. человек. Рабочих, занятых в главных отраслях фабрично-заводской промышленности, оказывается 1.605.440 человек *). При этом прислуги оказывается 1.208.648 человек, и в при-

*) 642.607 человек занято в текстильной промышленности, в чулочном и кружевном производстве (у нас десятки тысяч женщин, занятых чулочным и кружевным промыслом, подвергаются самой невероятной эксплуатации «торговок», на которых они работают. Заработная плата доходит иногда до *3-х* (sic!) копеек в день! Неужели они, г. Ник. —он, не «находятся в непосредственном распоряжении капитализма»?), затем 565.835 ч. занято в угольных и металлических копях и 396.998 — во всех металлических производствах и мануфактурах.

мечании ко 2-му изданию Маркс указывает на особенно быстрый рост этого последнего класса. Представьте себе теперь, что в Англии нашлись бы такие «марксисты», которые для суждения об «объединяющем значении капитализма» стали делить 1,6 милл. на 20!! Получается 8% — *менее одной двенадцатой части!!!* Как же можно говорить о «миссии» капитализма, когда он не объединил и двенадцатой части населения! и притом быстрее растет класс «домашних рабов» — мертвая потеря «народного труда», свидетельствующая, что «мы», англичане, идем по «неверному пути»! не ясно ли, что «нам» следует «искать для своего отечества иных», не-капиталистических «путей развития»?!

В аргументации г. Ник.—она остался еще один пункт: говоря, что наш капитализм не приносит того объединяющего значения, которое «так характерно для З. Европы и *с особенной силой начинает проявляться в С. Америке»,* он имеет в виду, очевидно, рабочее движение. Итак, мы должны искать иных путей, так как наш капитализм не приносит рабочего движения. Этот довод, кажется, уже предвосхищен г. Михайловским. Маркс оперировал над готовым пролетариатом — поучал он марксистов. И в ответ на сделанное ему одним марксистом замечание, что он видит в нищете только нищету, он отозвался таким образом: это замечание, по обыкновению, взято целиком у Маркса. Но если, де, мы обратимся к этому месту «Нищеты философии», то увидим, что к нашим делам оно неприложимо, что наша нищета — только нищета. — На деле, однако, из «Нищеты философии» мы еще ничего не увидим. Маркс говорит там о коммунистах старой школы, что они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергнет старое общество. Очевидно, что основанием для утверждения о неприменимости этого к нашим делам служит для г. Михайловского отсутствие «проявления» рабочего движения. По поводу этого рассуждения заметим, во-первых, что только самое поверхностное знакомство с фактами может внушить идею, что Маркс оперировал над готовым пролетариатом. Коммунистическая программа Маркса выработана была им еще до 1848 г. Какое же было тогда рабочее движение *) в Германии? Не было тогда даже политической свободы, и работа коммунистов ограничивалась тайными кружками (как и у нас теперь). Социал-демократическое рабочее движение, показавшее всем наглядно революционную и объединяющую роль капитализма, началось двумя десятилетиями позже, когда доктрина научного социализма окончательно сложилась, когда шире распространилась крупная

*) Насколько мала была тогда численность рабочего класса, можно судить по тому, что *27 лет спустя,* в 1875 г., Маркс писал: «трудящийся народ в Германии состоит в большинстве из крестьян, а не из пролетариев» [37]). Вот что значит — «оперировать (??) над готовым пролетариатом»!

*

индустрия и нашлись ряды талантливых и энергичных распространителей этой доктрины в рабочей среде. Представляя в неверном освещении исторические факты, забывая о массе труда, вложенного социалистами на придание сознательности и организованности рабочему движению, наши философы сверх того подсовывают Марксу бессмысленнейшие фаталистические воззрения. По его взгляду, будто бы, организация и обобществление рабочих происходят сами собой и, след., дескать, если мы, видя капитализм, не видим рабочего движения, так это потому, что капитализм не выполняет миссии, а не потому, что мы слабо еще работаем над этой организацией и пропагандой среди рабочих. Эту мещански трусливую увертку наших самобытных философов не стоит и опровергать: ее опровергает вся деятельность социал-демократов всех стран, ее опровергает каждая публичная речь какого угодно марксиста. Социал-демократия — совершенно справедливо говорит Каутский — это соединение рабочего движения с социализмом. И для того, чтобы прогрессивная работа капитализма «проявилась» и у нас, наши социалисты должны взяться со всей энергией за свою работу; они должны разработать подробнее марксистское понимание русской истории и действительности, прослеживая конкретнее все формы классовой борьбы и эксплуатации, которые особенно запутаны и прикрыты в России. Они должны далее популяризовать эту теорию, принести ее рабочему, должны помочь рабочим усвоить ее и выработать наиболее *подходящую для наших условий форму организации для распространения социал-демократизма и сплочения рабочих в политическую силу.* И русские социал-демократы не только не говорили никогда, чтобы они закончили уже, выполнили эту работу идеологов рабочего класса (работе тут и конца не видно), а, напротив, всегда подчеркивали, что они только начинают ее, что нужны еще многие усилия многих и многих лиц, чтобы создать хотя что-нибудь прочное.

Кроме неудовлетворительного и безобразно узкого понимания теории Маркса, это ходячее возражение об отсутствии прогрессивной работы нашего капитализма основывается еще, кажется, на нелепой идее о мифическом «народном строе».

Когда «крестьянин» в пресловутой «общине» раскалывается на голяка и богатея, на представителей пролетариата и капитала (особенно торгового), — тогда тут не хотят видеть зачаточного, средневекового капитализма и, обходя политико-экономическую структуру деревни, разглагольствуют в поисках «иных путей для отечества» о видоизменениях формы земле*владения* крестьян, с которой непростительно смешивают форму экономической организации, как будто бы внутри самой «уравнительной общины» не процветало у нас чисто буржуазное разложение крестьянства. А когда этот капитализм, развиваясь, перерастает узкие формы

средневекового, деревенского капитализма, разрывает крепостническую власть земли и заставляет давно уже до-чиста обобранного и голодного крестьянина, бросив землю в общество для уравнительного распределения между торжествующими кулаками, уходить на сторону, бродить по всей России, проводя массу времени без работы, наниматься сегодня к помещику, завтра — к подрядчику по постройке жел. дор., потом — в чернорабочие в городе или в батраки к богатому крестьянину и т. д.; когда этот «крестьянин», меняя хозяев по всей России, видит, что везде, куда бы он ни пришел, он подвергается самому бесстыдному грабежу, видит, что рядом с ним грабят таких же, как он, голяков, видит, что грабит не непременно «барин», а и «свой брат-мужик», раз только есть у него деньги на покупку рабочей силы, видит, как правительство повсюду служит его хозяевам, стесняя права рабочих и подавляя под видом бунта всякую попытку защитить свои элементарнейшие права, видит, как все напряженнее и напряженнее становится труд русского рабочего, все быстрее рост богатства и роскоши,— тогда как положение рабочего все ухудшается, экспроприация усиливается и безработица становится нормой, — в это время наши критики марксизма ищут иных путей для отечества, в это время они решают глубокомысленный вопрос: можно ли признать тут прогрессивную работу капитализма, когда мы видим медленное нарастание числа фабричных рабочих, и не следует ли отвергнуть и признать неверным путем наш капитализм за то, что он так «плохо, очень, очень плохо выполняет свою историческую миссию».

Не правда ли, какое возвышенное, широко-гуманное занятие?

И какие узкие доктринеры эти злые марксисты, когда они говорят, что отыскивать иные пути для отечества при наличности повсюду в России капиталистической эксплуатации трудящегося — значит прятаться от действительности в сферу утопий, когда они находят, что плохо исполняют свою миссию не наш капитализм, а русские социалисты, которые не хотят понять, что мечтать о замирении вековой экономической борьбы антагонистических классов русского общества — значит впадать в маниловщину, не хотят понять, что следует стараться о придании организованности и сознательности этой борьбе и для этого взяться за социал-демократическую работу.

В заключение нельзя не отметить еще одной выходки г-на Ник.—она против г. Струве, в том же № 6 «Р. Б—ва».

«Нельзя не обратить внимания — говорит г. Ник.—он — на некоторую особенность полемики г. Струве. Он писал для немецкой публики, в немецком серьезном журнале, а употреблял

приемы, как будто совсем неподходящие. Надо думать, что не только немецкая, но даже русская публика выросла — «в меру взрослого человека», чтобы могла попасться на разные «жупелы», которыми уснащена его статья. «Утопия», «реакционная программа» и подобные выражения попадаются в каждом ее столбце. Но, увы, эти «страшные слова» решительно не производят уже того действия, на которое, повидимому, рассчитывает г. Струве» (с. 128).

Попробуем разобраться, есть ли в этой полемике гг. Ник.—она и Струве «неподходящие приемы» и если есть,— кто их употребляет.

Г. Струве обвиняется в употреблении «неподходящих приемов» на том основании, что в серьезной статье ловит публику на «жупелы» и «страшные слова».

Употреблять «жупелы» и «страшные слова» — это значит давать такую характеристику противника, которая является резко неодобрительной, не будучи в то же время ясно и отчетливо мотивирована, не вытекая с неизбежностью из точки зрения пишущего (точки зрения, определенно изложенной), а выражая просто желание выругать, разнести.

Очевидно, что только этот последний признак и обращает резко неодобрительные эпитеты в «жупелы». Ведь г. Слонимский резко отозвался о г. Ник.—оне, но так как он при этом ясно и точно формулировал свою точку зрения обыкновенного либерала, абсолютно неспособного понять буржуазность современных порядков, совершенно отчетливо формулировал свои феноменальные доводы, — то его можно обвинять в чем угодно, но не в «неподходящих приемах». Г. Ник.—он тоже резко отозвался о г. Слонимском, приведя ему, между прочим, в назидание и поучение слова Маркса, «оправдавшиеся и у нас» (признание г-на Ник.—она), о *реакционности* и *утопичности* той защиты мелкого кустарного производства и мелкого крестьянского землевладения, которой хочет г. Слонимский, обвиняя его в «узости», «*наивности*» и т. п. Смотрите, статья г. Ник.—она «уснащена» такими же эпитетами (подчеркнутые), как и статья г. Струве, но мы не можем говорить о «неподходящих приемах», ибо все это — мотивировано, все это вытекает из определенной точки зрения и системы воззрений автора, которые могут быть неверны, но принимая которые нельзя иначе отнестись к противнику, как к наивному, узкому, реакционному утописту.

Посмотрим, как обстоит дело в статье г. Струве. Обвиняя г. Ник.—она в утопизме, из которого должна произойти реакционная программа, и в наивности, он совершенно ясно указывает те основания, по которым он пришел к такому мнению. Первое: желая «обобществления производства», г. Ник.—он «апеллирует к обществу (sic!) и государству». Это «доказывает,

что учение Маркса о классовой борьбе и о государстве совершенно чуждо русскому политико-эконому». Наше государство — «представитель правящих классов». — Второе: «Если противополагать *действительному* капитализму *воображаемый* хозяйственный строй, который *должен* появиться просто потому, что мы его *хотим*, другими словами, если хотеть обобществления производства помимо капитализма, то это свидетельствует только о наивном, несоответствующем истории, понимании». С развитием капитализма, вытеснением натурального хозяйства, уменьшением сельского населения, «современное государство выступит из тех сумерек, в которых оно еще находится в наше патриархальное время (мы говорим о России), выступит на ясный свет открытой классовой борьбы, и для обобществления производства придется поискать других сил и факторов».

Что же, разве это не достаточно ясная и отчетливая мотивировка? Можно ли оспаривать верность фактических указаний г. Струве на мысли автора? Разве г. Ник.—он в самом деле принял во внимание классовую борьбу, свойственную капиталистическому обществу? Нет. Он говорит об обществе и государстве, забывая эту борьбу, исключая ее. Он, говорит, напр., что государство поддерживало капитализм, вместо того, чтобы обобществлять труд через общину и т. д. Очевидно, что он считает, что государство могло и так и этак поступить, что оно, след., стоит *вне классов*. Не ясно ли, что обвинение г-на Струве в употреблении «жупелов»—*вопиюще* несправедливо? Не ясно ли, что человек, который думает, что наше государство — классовое, не может не считать наивным и реакционным утопистом того, кто обращается к этому государству для обобществления труда, т.-е. для устранения правящих классов? Мало этого. Когда обвиняют противника в употреблении «жупелов», *умалчивая* о том воззрении его, из которого вытек его отзыв, несмотря на ясное формулирование им этого воззрения, когда притом обвиняют его в подцензурном журнале, куда не может проникнуть это воззрение, — не следует ли думать, что это — «вовсе неподходящий прием»?

Пойдем дальше. Второй довод г. Струве формулирован не менее ясно. Что обобществление труда помимо капитализма, через общину, — есть воображаемый строй, это несомненно, ибо его нет в действительности. Эту действительность сам г. Ник.—он рисует так: до 1861 года производительными единицами были «семья» и «община» («Очерки», с. 106—107). Это «мелкое, раздробленное, самодовлеющее производство не могло развиваться значительно, поэтому оно и характерно, как крайне рутинное, мало производительное». Дальнейшее изменение состояло в том, что «общественное разделение труда шло постоянно все глубже и глубже». След., капитализм разорвал узкие границы преж-

них производительных единиц и обобществил труд во всем обществе. *Это обобществление труда нашим капитализмом признает и г. Ник.—он.* Поэтому, желая опираться для обобществления труда не на капитализм, который *уже обобществил труд,* а на общину, *разрушение которой и принесло впервые обобществление труда во всем обществе,* он является реакционным утопистом. Вот — мысль г-на Струве. Можно считать ее верной или неверной, но нельзя отрицать, что из этого мнения с логической неизбежностью вытек резкий отзыв о г. Ник.—оне, и что поэтому о «жупелах» говорить не приходится.

Мало этого. Когда г. Ник.—он заканчивает свою полемику с г. Струве тем, что приписывает противнику желание обезземелить крестьянство («если под прогрессивной программой разуметь обезземеление крестьянства,... то автор «Очерков» консерватор») — вопреки прямому заявлению г-на Струве, что он хочет обобществления труда, хочет его через капитализм, хочет для этого опираться на те силы, которые видны будут при «ясном свете открытой классовой борьбы», — то это ведь нельзя не назвать передачей, диаметрально противоположной истине. А если принять во внимание, что в подцензурной печати г. Струве не мог бы говорить о силах, выступающих при ясном свете классовой борьбы, что, след., противнику г. Ник.—она зажали рот, — то тогда едва ли можно оспаривать, что прием г. Ник.—она совершенно уже — «неподходящий прием».

Приложение III.

Говоря об узком понимании марксизма, я разумею самих марксистов. Нельзя не заметить по этому поводу, что самому безобразному сужению и искажению подвергается марксизм, когда наши либералы и радикалы берутся за изложение его на страницах легальной печати. Что это за изложение! Подумайте только, как изуродовать нужно эту революционную доктрину, чтобы уложить ее на прокрустово ложе российской цензуры! И наши публицисты с легким сердцем проделывают подобную операцию: марксизм в их изложении сводится, почитай что, к учению о том, как при капиталистическом строе проделывает свое диалектическое развитие индивидуальная собственность, основанная на труде собственника, как она превращается в свое отрицание и затем обобществляется. И в этой «схеме» с серьезным видом полагают все содержание марксизма, минуя все особенности его социологического метода, минуя учение о классовой борьбе, минуя прямую цель исследования — вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации, чтобы помочь пролетариату сбросить их. Не удивительно, что получается нечто до такой степени бледное и узкое, что наши радикалы принимаются оплакивать бедных русских марксистов. Еще бы! Русский абсолютизм и русская реакция не были бы абсолютизмом и реакцией, если бы при существовании их можно было целиком, точно и полно излагать марксизм, договаривая до конца его выводы! И если бы наши либералы и радикалы как следует знали марксизм (хотя бы по немецкой литературе), они бы посовестились так уродовать его на страницах подцензурной печати. Нельзя изложить теории — молчите или оговаривайтесь, что излагаете далеко не все, что опускаете самое существенное, но зачем же, излагая обрывки, кричать об узости?

Ведь этак только и можно дойти до таких курьезов, возможных лишь в России, когда к марксистам относят людей, понятия не имеющих о борьбе классов, о необходимом антагонизме, присущем капиталистическому обществу, и о развитии этого антагонизма, людей, не имеющих представления о револю-

ционной роли пролетариата; даже людей, выступающих прямо с буржуазными проектами, лишь бы у них попадались словечки «денежное хозяйство», его «необходимость» и т. под. выражения, для признания которых специально марксистскими нужна вся глубина остроумия г. Михайловского.

А Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая *) и революционная». И это последнее качество действительно присуще *марксизму* всецело и безусловно, потому что эта теория прямо ставит своей задачей *вскрыть* все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму *и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией.* Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе.

> *«Мы не говорим миру: перестань бороться — вся твоя борьба пустяки. Мы только даем ему истинный лозунг борьбы».*

Следовательно, прямая задача науки, по Марксу, это — дать истинный лозунг борьбы, т.-е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь *понять* необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития. «Лозунг борьбы» нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера

---

*) Заметьте, что Маркс говорит здесь о материалистической критике, которую только и считает научной, т.-е. критике, сопоставляющей политико-юридические, социальные, бытовые и др. факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве всех антагонистических общественных отношений. Что русские общественные отношения — антагонистические, в этом едва ли кто мог сомневаться. Но основанием для *такой* критики их еще никто не пробовал брать.

борьбы, общей цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения.

Попробуйте сравнить с «критической и революционной» теорией Маркса ту бесцветную дребедень, которую излагал в своей «критике» и против которой воевал «наш известный» Н. К. Михайловский, — и вы поражены будете, как это могут быть в самом деле люди, считающие себя «идеологами трудящегося класса» и ограничивающиеся... тем «плоским кружком», в который превращают теорию Маркса наши публицисты, стирая с нее все жизненное.

Попробуйте сравнить с требованиями этой теории нашу народническую литературу, исходящую тоже ведь из желания быть идеологом трудящегося, литературу, посвященную истории и современному состоянию наших экономических порядков вообще и крестьянства в частности, — и вы поражены будете, как могли социалисты удовлетворяться подобной теорией, которая ограничивалась изучением и описанием бедствий и моралью по поводу этих бедствий. Крепостное право изображается не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей такую-то эксплуатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и др. порядки, — а просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам. Крестьянская реформа изображается не как столкновение определенных хозяйственных форм и определенных экономических классов, а как мероприятие начальства, «выбравшего» по ошибке «неверный путь», несмотря на самые благие намерения. Пореформенная Россия изображается как уклонение от истинного пути, сопровождающееся бедствиями трудящегося, а не как известная система антагонистических производственных отношений, имеющая такое-то развитие.

Теперь, впрочем, потеря кредита этой теорией несомненна, и чем скорее русские социалисты поймут, что не может быть, при настоящем уровне знаний, революционной теории вне марксизма, чем скорее направят они все свои силы на приложение этой теории к России, в теоретическом и практическом отношениях, — тем вернее и быстрее будет успех революционной работы.

Для наглядной иллюстрации того, какое растление вносят гг. «друзья народа» в современную «бедную русскую мысль» своим призывом интеллигенции к культурному воздействию на «народ» для «создания» правильной, настоящей промышленности и т. п., — приведем отзыв людей, держащихся резко отличного от нашего образа мыслей — «народоправцев», этих прямых,

непосредственных потомков народовольцев. См. брошюру: «Насущный вопрос» [38]), 1894. Изд. Партии Народного Права [39]).

Дав прекрасную отповедь тому сорту народников, которые говорят, «что ни под каким видом, даже под условием широкой свободы, не должна Россия расставаться со своей экономической организацией, обеспечивающей (!) трудящемуся самостоятельное положение в производстве», которые говорят: «нам нужны не политические, а систематические, планомерно проведенные экономические реформы», народоправцы продолжают:

«Мы не защитники буржуазии и еще менее поклонники ее идеалов, но если бы злая судьба дала народу на выбор — «планомерные экономические реформы» под защитой земских начальников, ревниво оберегающих их от посягательств буржуазии или же эту последнюю на почве политической свободы, т.-е. при условиях, *обеспечивающих* народу организованную защиту своих интересов, — мы думаем, что народ, избрав последнее, оказался бы в чистом выигрыше. У нас нет теперь «политических реформ», грозящих отнять у народа его мнимо-самостоятельную экономическую организацию, — и есть то, что̀ всеми и везде принято считать буржуазной политикой, выражающейся в грубейшей эксплуатации народного труда. Теперь у нас нет ни широкой, ни узкой свободы, а есть покровительство сословным интересам, о котором мечтать перестали аграрии и капиталисты конституционных стран. Теперь у нас нет «буржуазного парламентаризма», общество на выстрел не допускается к управлению, — и есть гг. Найденовы, Морозовы, Кази и Беловы, выступающие с требованием китайской стены для ограждения своих интересов, паряду с представителями «нашего верного дворянства», доходящими до требования себе дарового кредита в размере 100 р. на десятину. Их приглашают в комиссии, их выслушивают с почтением, их голос имеет решающее значение в важнейших вопросах экономической жизни страны. И в то же время кто и где выступает на защиту народа? не они ли, земские начальники? Не для него ли проектируются сельско-хозяйственные рабочие роты? Не теперь ли с откровенностью, близкой к цинизму, было заявлено, что народу дан надел единственно для уплаты податей и отбывания повинностей, как выразился в своем циркуляре вологодский губернатор? Он лишь формулировал и громко высказал то, что в своей политике фатально проводит самодержавие или, правильнее сказать, бюрократический абсолютизм».

Как ни туманны все еще представления народоправцев о том «народе», интересы которого они хотят защищать, о том «обществе», в котором они продолжают видеть заслуживающий доверия орган охраны интересов труда, — но во всяком случае нельзя не признать, что образование партии «Народного Права» есть шаг вперед, шаг к тому, чтобы окончательно сбросить иллюзии

и мечтания об «иных путях для отечества», чтобы признать безбоязненно действительные пути и на их почве искать элементов для революционной борьбы. Тут ясно обнаруживается стремление к образованию демократической партии. Говорю о «стремлении» только, потому что народоправцы, к сожалению, не проводят последовательно своей основной точки зрения. Они все еще толкуют об объединении и союзе с социалистами, не желая понять, что втягивать рабочих в простой политический радикализм значит отрывать только рабочих интеллигентов от рабочей массы, значит осуждать на бессилие рабочее движение, потому что оно может быть сильно лишь на почве полного и всестороннего проведения интересов рабочего класса, на почве экономической борьбы с капиталом, нераздельно сливающейся с политической борьбой против слуг капитала. Они не хотят понять, что «объединение» всех революционных элементов гораздо лучше достигнется путем особой организации представителей отдельных интересов *) и совместного действия в известных случаях той и другой партии. Они все еще называют свою партию «социально-революционной» (см. Манифест партии «Народного Права», помеченный 19 февр. 1894 г.), хотя в то же время ограничиваются исключительно политическими реформами, обходя заботливейшим образом наши «проклятые» социалистические вопросы. Партии, так горячо призывающей к борьбе с иллюзиями, не следовало бы других вводить в иллюзии первыми же словами своего «манифеста»; не следовало бы говорить о *социализме* там, где нет ничего кроме *конституционализма*. Повторяю, однако, нельзя оценивать народоправцев, не приняв во внимание их происхождение от народовольцев. Нельзя не признать поэтому, что они делают шаг вперед, обосновывая политическую исключительно борьбу, не имеющую отношения к социализму, политической же исключительно программой. Социал-демократы от всей души желают успеха народоправцам, желают роста и развития их партии, желают более тесного их сближения с теми общественными элементами, которые стоят на почве данных экономических порядков **) и *житейские* интересы которых действительно теснейшим образом связаны с *демократизмом*.

*) Сами же они протестуют против веры в чудотворство интеллигенции, сами говорят о необходимости вовлечения в борьбу самого народа. Для этого необходимо ведь связать эту борьбу с определенными житейскими интересами, необходимо, след., различать отдельные интересы и отдельно их втягивать в борьбу... А если заслонять эти отдельные интересы голыми политическими требованиями, понятными лишь интеллигенции, не значит ли это опять поворачивать назад, опять ограничиваться борьбой одной лишь интеллигенции, бессилие которой было сейчас только признано?

**) (т.-е. капиталистических) — а не на почве необходимого отрицания этих порядков и беспощадной борьбы против них.

Недолго сможет продержаться примирительное, трусливое, сантиментально-мечтательное народничество «друзей народа», когда на него нападут с обеих сторон: политические радикалы за то, что они способны выражать доверие к бюрократии, что они не понимают безусловной необходимости политической борьбы; — социал-демократы — за то, что они пытаются выступать чуть не социалистами, не имея никакого отношения к социализму, не имея никакого понятия о причинах угнетения трудящегося и характере происходящей классовой борьбы.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАРОДНИЧЕСТВА И КРИТИКА ЕГО В КНИГЕ Г. СТРУВЕ [40]

(ОТРАЖЕНИЕ МАРКСИЗМА В БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ) [41]

По поводу книги *П. Струве:* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Спб. 1894 г.

Написано в конце 1894 г.
Первоначально напечатано за подписью К. Тулин в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Спб. 1895 г. [42]

Печатается по тексту сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития»

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ

НАШЕГО ХОЗЯЙСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., № 12.
1895

Титульный лист уничтоженного цензурой марксистского сборника, в котором была напечатана работа В. И. Ленина: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» — 1895 г.

Названная книга г. Струве представляет из себя систематическую критику народничества, понимая это слово в широком смысле — как теоретическую доктрину, определенно решающую важнейшие социологические и экономические вопросы, и как «систему догматов экономической политики» (VII с.). Одна уже постановка подобной задачи могла бы сообщить книге выдающийся интерес; но еще важнее в этом отношении та точка зрения, с которой ведется критика. Об ней автор говорит в предисловии следующее:

«Примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам, он (автор) нисколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксией он не заражен» (IX).

Из всего содержания книги явствует, что под этими «совершенно определившимися в литературе взглядами» разумеются взгляды марксистские. Спрашивается, какие же именно «некоторые основные» положения марксизма автор принимает и какие отвергает? — почему и насколько? Автор не дает прямого ответа на этот вопрос. Поэтому, для выяснения того, что́ именно в этой книге может быть отнесено на счет марксизма, — какие положения доктрины автор принимает и насколько последовательно их выдерживает, — какие отвергает и что́ в этих случаях получается, — для выяснения всего этого необходим подробный разбор книги.

Содержание ее чрезвычайно разнообразно: автор дает, во-первых, изложение «субъективного метода в социологии», принимаемого нашими народниками, критикует его и противопоставляет ему метод «историко-экономического материализма». Затем он дает экономическую критику народничества, во-первых, на основании «общечеловеческого опыта» (с. IX) и, во-вторых, на основании данных русской экономической истории и действительности. Попутно дается и критика догматов народнической экономической политики. Это разнообразие содержания (совершенно неизбежное при критике крупнейшего течения нашей

общественной мысли) определяет и форму разбора: приходится следить шаг за шагом за изложением автора, останавливаясь на каждом ряде его аргументов.

Но прежде чем приступать к разбору книги, мне кажется необходимым остановиться поподробнее на некотором предварительном объяснении. Задача настоящей статьи — критика книги г. Струве с точки зрения человека, «примыкающего» по *всем* (а не по «некоторым» только) «основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам».

Взгляды эти не раз уже излагались с целью критики па страницах либерально-народнической печати [43]), и это изложение до безобразия затемнило их,— даже более того: исказило, припутав не имеющие никакого отношения к ним гегельянство, «веру в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма» и много другого чисто уже нововременского вздора.

Особенно практическая сторона доктрины, применение ее к русским делам, подвергалась искажениям. Не желая понять, что исходным пунктом доктрины русского марксизма является совершенно иное представление о русской действительности, наши либералы и народники сличали доктрину со своим старым взглядом на эту действительность и получали выводы не только ни с чем несообразные, но еще вдобавок возводящие на марксистов самые дикие обвинения.

Не определив с точностью своего отношения к народничеству,— мне представляется, поэтому, невозможным приступать к разбору книги г. Струве. Кроме того, предварительное сличение народнической и марксистской точек зрения необходимо для разъяснения многих мест разбираемой книги, которая ограничивается объективной стороной доктрины и оставляет почти вовсе в стороне практические выводы.

Сличение это покажет нам, какие есть общие исходные пункты у народничества и марксизма, и в чем их коренное отличие. При этом удобнее взять старое русское народничество, так как оно, во-первых, неизмеримо выше современного (представляемого органами вроде «Рус. Богатства») в отношении последовательности и договоренности, а, во-вторых, цельнее показывает лучшие стороны народничества, к которым в некоторых отношениях примыкает и марксизм.

Возьмем одну из таких professions de foi *) старого русского народничества и будем следить шаг за шагом за автором.

---

*) — исповедание веры. *Ред.*

ГЛАВА I.

ПОДСТРОЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К НАРОДНИЧЕСКОЙ PROFESSION DE FOI.

В CCXLII томе «Отечественных Записок» *) помещена, без имени автора, статья: «Новые всходы на народной ниве» [44]), которая рельефно выдвигает прогрессивные стороны народничества в противовес русскому либерализму.

Автор начинает с того, что «теперь» протестовать против «людей, выделяющихся из народной среды и становящихся па высшую общественную ступень», считается «чуть не изменой».

«Еще недавно один литературный осел лягнул «Отечественные Записки» за *пессимизм к народу*, как он выразился по поводу небольшой рецензии о книжке Златовратского, в которой, кроме пессимизма к ростовщичеству и развращающему влиянию полтины вообще, ничего пессимистического не было; а когда, затем, Гл. Успенский написал комментарий к своим последним очеркам («Отеч. Записки», № 11, 1878 г.), то либеральное болото, совсем как в сказке, всколыхалось...... и, нежданно-негаданно, явилось такое множество защитников народа, что мы, поистине, удивились тому, что народ наш имеет столько друзей...... Я не могу не сочувствовать... постановке вопроса о красавице-деревне и об отношении к ней литературных парней или, лучше сказать, не парней, а старых волокит из гг. дворян и лакеев, и молодого купечества...... Петь деревне серенады и «строить ей глазки» вовсе еще не значит любить и уважать ее, точно так же, как и указывать ее недостатки вовсе еще не значит — относиться к ней враждебно. Если вы спросите того же самого Успенского,... к чему больше лежит его душа, в чем он видит больше залогов будущего — в деревне или в старо-дворянском и ново-мещанском наслоениях? то разве может быть какое-нибудь сомнение в том, что он скажет: «в деревне».

Это место весьма характерно. Во-первых, оно показывает наглядно, в чем сущность народничества: в протесте против крепостничества (старо-дворянское наслоение) и буржуазности (ново-мещанское) в России *с точки зрения крестьянина, мелкого производителя*. Во-вторых, оно показывает в то же время и мечтательность этого протеста, его отворачиванье от фактов.

---

*) Год 1879-ый, 1-ый том, «Современное обозрение», стр. 125—152.

*

Разве «деревня» существует где-нибудь *вне* «старо-дворянских» или «ново-мещанских» порядков? Разве не «деревню» именно строили и строят по-своему представители тех и других? Деревня — это и есть «наслоение» отчасти «старо-дворянское», отчасти «ново-мещанское». Как ни вертите деревню, — но если вы будете ограничиваться констатированием действительности (об этом только и идет речь), а не возможностями, вы не сумеете найти в ней ничего иного, никакого третьего «наслоения». И если народники *находят*, то только потому, что за деревьями не видят леса, за формой земле*владения* отдельных крестьянских общин не видят экономической организации всего русского общественного хозяйства. Эта организация, превращая крестьянина в товаропроизводителя, делает его мелким буржуа, — мелким обособленным хозяином на рынок; в силу этого она исключает возможность искать «залогов будущего» *позади*, и заставляет искать их *впереди* — не в «деревне», в которой сочетание «старо-дворянского» и «ново-мещанского» наслоений страшно ухудшает положение труда и отнимает у него возможность борьбы против владык «ново-мещанских» порядков, так как самая противоположность их интересов интересам труда недостаточно развита, — а в вполне развитом, до самого конца «ново-мещанском» наслоении, вполне очистившемся от «старо-дворянских» прелестей, обобществившем труд, довершившем и выяснившем ту социальную противоположность, которая в деревне находится еще в зачаточном, придавленном состоянии.

Теперь следует наметить те теоретические различия, которые есть между доктринами, *приводящими* к народничеству и марксизму, между *пониманиями* русской действительности и истории.

Пойдем дальше за автором

Он уверяет «гг. возмутившихся духом», что соотношение между народной бедностью и народной нравственностью Успенский понимает

«лучше многих поклонников деревни, для которых... деревня есть... нечто вроде либерального паспорта, которым в эпохи, подобные переживаемой, запасаются обыкновенно все неглупые и практические буржуа».

Почему бы это, думаете вы, г. народник, происходит такая прискорбная и обидная для человека, желающего представлять интересы труда, вещь, как обращение в «либеральный паспорт» того, в чем он видит «залоги будущего»? Это будущее должно исключать буржуазию, — а то, через что хотите вы итти к этому будущему, не только не встречается враждебно «практическими и неглупыми буржуа», а напротив, охотно берется и берется за «паспорт».

Как вы думаете, мыслима ли была бы такая скандальная вещь, если бы «залоги будущего» стали указывать вы не там, где социальные противоположности, свойственные тому строю,

в котором хозяйничают «практические и неглупые буржуа», находятся еще в неразвитом, зачаточном состоянии, а там, где они развиты до конца, до nec plus ultra *), где нельзя, следовательно, ограничиваться паллиативами и полумерами, где нельзя утилизировать desiderata **) трудящихся в свою пользу, где вопрос поставлен ребром.

Не говорите ли вы сами ниже такой вещи:

«Не хотят понять пассивные друзья народа той простой вещи, что в обществе все действующие силы слагаются, обыкновенно, в две равнодействующие, взаимно-противоположные, и что пассивные силы, не принимающие, повидимому, участия в борьбе, служат только той силе, которая в данную минуту имеет перевес» (с. 132).

Разве деревня не подпадает под эту характеристику, разве она — какой-нибудь особый мир, в котором нет этих «взаимно-противоположных сил» и борьбы, чтобы о ней можно было говорить огулом, не боясь сыграть на руку «имеющей перевес силе»? Разве, раз уже речь пошла о борьбе, основательно начинать с того, где содержание этой борьбы загромождено кучей посторонних обстоятельств, мешающих твердо и окончательно отделить друг от друга эти взаимно-противоположные силы, мешающих видеть ясно главного врага? Не очевидно ли, что та программа, которую выставляет автор в конце статьи — образование, расширение крестьянского землевладения, уменьшение податей — не в состоянии затронуть ни на иоту того, кто имеет перевес, а последний пункт программы — «организация народной промышленности» — уже предполагает, ведь, что борьба не только была, но, сверх того, что она уже кончилась победой? Ваша программа сторонится от того антагонизма, наличность которого вы сами не могли не признать. Поэтому она и не страшна хозяевам «ново-мещанского наслоения». Ваша программа — мелко-буржуазная мечта. Вот почему только и годна она на то, чтобы быть «либеральным паспортом».

«Люди, для которых деревня есть отвлеченное понятие, а мужик — отвлеченный Нарцис, даже думают плохо, когда говорят, что деревню нужно только хвалить и утверждать, что она «отлично противостоит всем разрушающим ее влияниям. Если деревня поставлена в такие условия, что каждый день должна биться из-за копейки, если ее обирают ростовщики, обманывают кулаки, притесняют помещики, если ее иногда секут в волостном правлении, то разве это может оставаться без влияния на ее нравственную сторону?... Если рубль, эта капиталистическая луна, выплывает на первый план деревенского ландшафта, если на него обращаются все взоры, все помыслы и душевные силы, если он становится целью жизни и мерилом способностей личности, то разве можно скрывать этот факт и говорить, что мужик есть такой Косьма-бессребренник, которому совсем не нужны деньги? Если в деревне заметны стремления к розни,

*) — до крайних пределов. *Ред.*
**) — пожеланий, требований. *Ред.*

расцветает пышным цветом кулачество и стремится к закабалению слабейшего крестьянства в батраки, к разрушению общины и т. д., то разве можно, спрашиваю я, скрывать все эти факты?! Мы можем желать более обстоятельного и всестороннего их исследования, можем объяснять их себе гнетущими условиями бедности (с голоду люди воруют, убивают, а в крайних случаях даже едят друг друга), но скрывать их совсем невозможно. Скрывать их значит защищать statum quo *), значит защищать пресловутое laissez faire, laissez aller **), пока грустные явления не примут ужасающих размеров. Подрумянивать истину вообще всегда излишне».

Опять-таки, как хороша эта характеристика деревни и как мелки выводы из нее! как верно подмечены факты и как мизерно объяснение, понимание их! Снова видим мы тут гигантскую пропасть между desiderat'ами на счет защиты труда и средствами их осуществления. Капитализм в деревне — это для автора не более как «грустное явление». Несмотря на то, что он видит такой же капитализм и в городе в крупных размерах, видит, как капитализм подчинил себе не только все области народного труда, но даже и «прогрессивную» литературу, преподносящую буржуазные меры от имени народа и во имя народа, — несмотря на это, он не хочет признать, что дело в особой организации нашего общественного хозяйства, и утешает себя мечтами, что это только грустное явление, вызванное «гнетущими условиями». А если, де, не держаться теории невмешательства, тогда можно устранить эти условия. Да, если*бы* да кабы! Но никогда еще не бывало на Руси политики невмешательства; всегда было вмешательство... в пользу буржуазии, и только сладкие грезы «послеобеденного спокойствия» могут породить надежду на изменение этого без «перераспределения социальной силы между классами», как говорит г. Струве.

«Мы забываем, что обществу нашему нужны идеалы — политические, гражданские и иные — главным образом для того, чтобы, запасшись ими, можно было уже ни о чем не думать, что ищет оно их не с юношескою тревогой, а с послеобеденным спокойствием, что разочаровывается оно в них не с душевными муками, а с легкостью аркадского принца. Таково, по крайней мере, громадное большинство нашего общества. Ему, собственно говоря, и не нужно никаких идеалов, потому что оно сыто и вполне удовлетворяется утробными процессами».

Превосходная характеристика нашего либерально-народнического общества.

Спрашивается, кто же теперь последовательнее: «народники» ли, продолжающие возиться и пяньчиться с этим «обществом», угощающие его изображением ужасов «грядущего» капитализма, «грозящего зла» ***), как выразился автор статьи, призывающие его представителей сойти с неправильного пути, на который

*) — прежнее, неизменное положение. *Ред.*
**) — предоставьте событиям итти своим чередом. *Ред.*
***) Грозящего чему? утробным процессам? Капитализм не только не «грозит» им, а, напротив, обещает тончайшие и изысканнейшие яства.

«мы» уклонились и т. д., — или марксисты, которые так «узки», что резко отграничивают себя от общества и считают необходимым обратиться исключительно к тем, кто не «удовлетворяется» и *не может удовлетвориться* «утробными процессами», для кого идеалы — нужны, для кого они являются вопросом повседневной жизни.

Это — отношение институтки, — продолжает автор. Это

«свидетельствует о глубоком развращении мысли и чувства... никогда еще не было такого приличного, лакированного, такого невинного и вместе с тем глубокого разврата. Разврат этот есть целиком достояние нашей новейшей истории, достояние мещанской культуры [т.-е. буржуазных, капиталистических порядков, точнее сказать. *К. Т.*], развившейся на почве барства, дворянского сантиментализма, невежества и лени. Мещанство принесло в жизнь свою науку, свой нравственный кодекс и свои софизмы».

Казалось бы, автор настолько верно оценил действительность, чтобы понять и единственно возможный выход. Ежели все дело в нашей буржуазной культуре, — значит, не может быть иных «залогов будущего», кроме как в «антиподе» этой буржуазии, потому что он один окончательно «дифференцирован» от этой «мещанской культуры», окончательно и бесповоротно враждебен ей и неспособен ни на какие компромиссы, из которых так удобно выкраивать «либеральные паспорта».

Но нет. Можно еще помечтать. «Культура» — действительно одно «мещанство», один разврат. Но ведь это только результат старого барства (сам же сейчас признал, что она создана новейшей историей, той историей, которая именно и уничтожила старое барство) и лени, — нечто, значит, случайное и не имеющее прочных корней и т. д. и т. д. Начинаются фразы, не имеющие никакого смысла, кроме отворачивания от фактов и сантиментального мечтания, закрывающего глаза на *наличность* «взаимно противоположных сил». Слушайте:

«Ему (мещанству) нужно водворить их (науку, нравственный кодекс) на кафедре, в литературе, в суде и в других пунктах жизни. [Выше мы видели, что оно *уже водворило их* в таком глубоком «пункте жизни», как деревня. *К. Т.*]. Оно прежде всего не находит для этого достаточно годных людей и, по необходимости, обращается к людям других традиций. [Это русская-то буржуазия «не находит людей»?! Не стоит и опровергать этого, тем более, что автор сам себя ниже опровергнет. *К. Т.*]. Люди эти не знают дела [русские капиталисты?! *К. Т.*], шаги их неопытны, движения неуклюжи [достаточно «знают дело», чтобы получать десятки и сотни процентов прибыли; достаточно «опытны», чтобы практиковать повсеместно truck-system *); достаточно ловки, чтобы получать покровительственные пошлины. Только тому, кто *непосредственно и прямо* не чувствует на себе гнета этих людей, только мелкому буржуа и могла померещиться такая фантазия. *К. Т.*]; они стараются подражать западноевропейской буржуазии, выписывают книжки, учатся [вот уже автор сам должен признать фантастичность сочиненного им сейчас мечтания:

*) — систему выплаты заработка рабочим товарами. *Ред.*

будто у нас «мещанская культура» развилась на почве *невежества*. Неправда. Именно *она* принесла пореформенной России ее культурность, «образованность». «Подрумянивать истину», изображать врага бессильным и беспочвенным «вообще всегда излишне». *К. Т.*]; порой их берет сожаление о прошлом, а порой раздумье о будущем, так как слышны откуда-то голоса, что мещанство есть только наглый временщик, что наука его не выдерживает критики, а нравственный кодекс и совсем никуда не годится».

Это русская-то буржуазия грешит «сожалением о прошлом», «раздумьем о будущем»?! Подите вы! И охота же людям самих себя морочить, клеветать так необъятно на бедную русскую буржуазию, будто она смущалась голосами о «негодности мещанства»! Не наоборот ли: не «смутились» ли эти «голоса», когда на них хорошенько прикрикнули, не они ли это проявляют «раздумье о будущем»?..

И подобные господа удивляются еще и прикидываются непонимающими, за что их называют романтиками!

«Между тем, надо спасаться. Мещанство не просит, а приказывает, под страхом погибели, итти на работу *). Не пойдешь — останешься без хлеба и будешь стоять среди улицы — выкрикивать: «отставному штабс-капитану!», а то и совсем околеешь с голоду. И вот начинается работа, слышится визг, скрип, лязганье, идет суматоха. Работа спешная, не терпящая отлагательств. Наконец, механизм пущен. Визга и острых звуков как будто бы меньше, части как будто бы обходятся, слышен только грохот чего-то неуклюжего. Но тем страшнее: доски гнутся все больше и больше, винты хлябают и, того и гляди, все разлетится в дребезги».

Это место потому особенно характерно, что в рельефной, лаконической, красивой форме содержит схему тех рассуждений, которые любят облачать в научную форму российские народники. Исходя из бесспорных, не подлежащих никакому сомнению фактов, доказывающих наличность противоречий при капиталистическом строе, наличность угнетения, вымирания, безработицы и т. д., они усиливаются доказать, что капитализм — крайне нехорошая вещь, «неуклюжая» [ср. В. В., *Каблукова* (Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве), *отчасти* г. Николая — она], которая «того и гляди» разлетится в дребезги.

Глядим, вот уже много-много лет, как глядим, и видим, что эта сила, приказывающая русскому народу итти на работу, все крепнет и растет, хвастает перед всей Европой мощью создаваемой *ею* России и радуется, конечно, тому, что «слышатся голоса» только о необходимости уповать на то, что «винты расхлябаются».

---

*) Заметьте это, читатель. Когда народник говорит, что у нас в России «на работу приказывает итти *мещанство*», — тогда это правда. А когда марксист скажет, что у нас господствует капиталистический способ производства, — тогда г. В. В. закричит, что он стремится к «замене демократического (sic!!) строя капиталистическим».

«У людей слабых замирает сердце от страха. «Тем лучше», говорят люди отчаянные. «Тем лучше», говорит и буржуазия: — «скорее выпишем новый механизм из-за границы, скорее приготовим платформы, доски и другие грубые части из домашнего материала, скорее заведем искусных машинистов». Между тем, нравственная сторона общества во все это время находится в самом скверном состоянии. Некоторые входят во вкус новой деятельности и стараются через силу, некоторые отстают и разочаровываются в жизни».

Бедная русская буржуазия! «Через силу» старается присвоивать сверхстоимость! и чувствует себя скверно с нравственной стороны! (Не забудьте, что страницей назад вся эта нравственность сводилась к утробным процессам и разврату.) Понятно, что тут уже нет никакой надобности в борьбе с ней — да еще какой-то классовой борьбе, — а просто пожурить хорошенько — и она перестанет себя насиловать.

«О народе в это время почти никто не думает; между тем, делается, по правилам буржуазии, все для народа, в его счет; между тем, каждый общественный деятель и литература считают долгом распространяться об его благе... Это либерально-кокетливое направление подавило все остальные и сделалось преобладающим. В наш *демократический век* не только г. Суворин публично признается в любви к народу и говорит: «одно я всегда любил и умру с этою любовью — народ, я сам вышел из народа» (что̀ еще ровно ничего не доказывает); но даже «Московские Ведомости» [45]) как-то совсем иначе относятся к нему... и как-то, по-своему, конечно, заботятся об его благоустройстве. В настоящее время не осталось ни одного органа печати, подобного покойной «Вести» [46]), т.-е. явно недружелюбного к народу. Но явно недружелюбное отношение было лучше, потому что тогда враг был на чистоту, как на ладони: видно было, с какой стороны он дурак, с какой плут. Теперь все — друзья и в то же время все — враги; все перемешалось в общем хаосе. Народ, как говорит Успенский, именно опутан каким-то туманом, сбивающим неопытного человека с толку и пути. Прежде он видел перед собою одну искреннюю беззаконность. Теперь же ему говорят, что он так же свободен, как и помещик, говорят, что он сам управляет своими делами, говорят, что его поднимают из ничтожества и ставят на ноги, тогда как во всех этих заботах тянется, перевивая их тонкою, но цепкою нитью, одна нескончаемая фальшь и лицемерие».

Что верно, то верно!

«Тогда далеко не все занимались устройством ссудосберегательных товариществ, поощряющих кулачество и оставляющих настоящих бедняков без кредита».

Сначала можно бы подумать, что автор, понимая буржуазность кредита, должен совершенно сторониться от всяких таких буржуазных мер. Но отличительная и основная черта мелкого буржуа — воевать против буржуазности средствами буржуазного же общества. Поэтому и автор, как и народники вообще, *исправляет* буржуазную деятельность, требуя более широкого кредита, кредита для настоящих бедняков!

...«не толковали о необходимости интенсивного хозяйства, которому мешает передел полей и община (?); не распространялись о тяжести подушных податей и не предлагали подоходного налога, умалчивая о налогах

косвенных и о том, что подоходный налог превращается обыкновенно на практике в налог на тех же бедняков; не говорили о необходимости земельного кредита для покупки крестьянами земель у помещиков по ненормально высоким ценам и т. д... То же самое и в обществе: там тоже такое множество друзей у народа, что только даешься диву... Вероятно, скоро о любви к народу начнут говорить закладчики и целовальники».

Протест против буржуазности превосходен; но выводы мизерные: буржуазия царит и в жизни, и в обществе. Казалось бы, следует отвернуться от общества и итти к антиподу буржуазии.

Нет, следует пропагандировать кредит для «настоящих бедняков»!

«Кто больше виноват в подобном смутном положении вещей — литература или общество, — определить трудно, да и определять совершенно бесполезно. Говорят, что рыба разлагается с головы, но я не придаю этому чисто кулинарному наблюдению никакого значения».

Разлагается буржуазное общество — вот, значит, мысль автора. Стоит подчеркнуть, что именно таков исходный пункт марксистов.

«А между тем, когда мы кокетничаем с деревней и делаем ей глазки, колесо истории вертится, действуют стихийные силы, или, говоря понятнее и проще, к жизни пристегиваются всевозможные пройдохи и перестраивают ее по-своему. Пока литература будет спорить о деревне, о прекраснодушии мужика и об отсутствии у него знаний, пока публицистика будет исписывать целые ведра чернил по вопросам об общине и формах землевладения, пока податная комиссия будет продолжать обсуждать податную реформу, — деревня окажется в конец обездоленною».

Вот что! «Пока мы говорим — колесо истории вертится, действуют стихийные силы»!

Какой бы шум вы подняли, друзья, когда бы это сказал я!

Когда марксисты говорят о «колесе истории и стихийных силах», поясняя притом с точностью, что эти «стихийные силы» есть силы развивающейся буржуазии, — гг. народники предпочитают замалчивать вопрос о том, верен ли и верно ли оценен факт роста этих «стихийных сил», и болтать непроходимую белиберду о том, какие это «мистики и метафизики» люди, способные говорить о «колесе истории» и «стихийных силах».

Разница между выписанным признанием народника и обычным положением марксистов только та, — и весьма существенная разница — что, между тем как для народника эти «стихийные силы» сводятся к «пройдохам», которые «пристегиваются к жизни», — для марксиста стихийные силы воплощаются в *классе* буржуазии, который является продуктом и выражением общественной «жизни», представляющей из себя капиталистическую общественную формацию, а не случайно или извне откуда-то «пристегиваются к жизни». Оставаясь на поверхности различных кредитов, податей, форм землевладения, переделов, улучшений и т. п., народник не может видеть у буржуазии глубоких

корней в русских производственных отношениях, и потому утешает себя детскими иллюзиями, что это не более как «пройдохи». И естественно, что с *такой* точки зрения, действительно, будет абсолютно непонятно, при чем тут классовая борьба, когда все дело только в устранении «пройдох». Естественно, что гг. народники на усиленные и многократные указания марксистов на эту борьбу отвечают ничего не понимающим молчанием человека, который не видит класса, а видит только «пройдох».

С классом может бороться только *другой класс*, и притом непременно такой, который вполне уже «дифференцирован» от своего врага, вполне противоположен ему, но с «пройдохами», разумеется, достаточно бороться одной полиции, в крайнем случае, — «обществу» и «государству».

Скоро мы увидим, однако, каковы эти «пройдохи» по характеристике самого народника, как глубоки их корни, как всеобъемлющи их общественные функции.

Далее, после вышевыписанных слов о «пассивных друзьях народа» автор непосредственно продолжает:

«Это — нечто худшее, чем вооруженный нейтралитет в политике, худшее потому, что тут всегда оказывается активная помощь сильнейшему. Как бы пассивный друг ни был искренен в своих чувствах, какое бы скромное и тихое положение он ни старался принять на житейском поприще, он все равно будет вредить друзьям»...

...«Для людей, более или менее цельных и искренне любящих народ *), подобное положение вещей становится, наконец, невыносимо омерзительным. Им становится стыдно и противно слушать это сплошное и приторное изъяснение в любви, которое повторяется из году в год каждый день, повторяется и в канцеляриях, и в великосветских салонах, и в трактирах, за бутылкою клико, и никогда не переходит в дело. Вот поэтому-то, в конце концов, они и приходят к огульному отрицанию всей этой мешанины».

Эта характеристика отношения прежних русских народников к либералам почти целиком подошла бы к отношению марксистов к теперешним народникам. Марксистам тоже «невыносимо» уже слушать о помощи «народу» кредитами, покупками земель, техническими улучшениями, артелями, общественными запашками **) и т. п. Они тоже требуют от людей, желающих стоять на стороне... не «народа», нет, — а того, кому буржуазия приказывает итти на работу, — «огульного отрицания» всей этой либерально-народнической мешанины. Они находят, что это «невыносимое» лицемерие — толковать о выборе путей для Рос-

*) Как неопределенны тут отличительные признаки от «пассивных друзей»! Те, ведь, тоже бывают «цельными» людьми и, несомненно, «искренне» «любят народ». Из предыдущего противопоставления с очевидностью следует, что пассивному надо противопоставить того, кто участвует в борьбе «взаимно-противоположных» *общественных сил*. Hier liegt der Hund begraben. (Вот где собака зарыта. *Ред.*).

**) Г. Южаков в № 7 «Р. Б—ва» за 1894 г.

сии, о бедствиях «грозящего» капитализма, о «нуждах народной промышленности», когда во всех областях этой народной промышленности царит капитал, идет глухая борьба интересов, и надо не замазывать, а раскрывать ее, — не мечтать: «лучше бы без борьбы» *), а *развивать* ее в отношении прочности, преемственности, последовательности и, главное, идейности.

«Вот поэтому-то, в конце концов, и являются известные гражданские заповеди, известные категорические требования порядочности, требования строгие и подчас даже узкие, за что их в особенности не долюбливают широкократые либералы, любящие простор в потемках и забывающие их логическое происхождение».

Превосходное пожелание! Безусловно необходимы именно «строгие» и «узкие» требования.

Но беда в том, что все превосходные намерения народников оставались в области «невинных пожеланий». Несмотря на то, что они сознавали необходимость таких требований, несмотря на то, что они имели весьма достаточно времени для их осуществления, — они до сих пор не выработали их, они постоянно сливались с российским либеральным обществом целым рядом постепенных переходов, они продолжают сливаться с ним и до сих пор **).

Поэтому — пускай уже они пеняют на себя, если теперь марксисты *против* них выдвигают требования действительно очень «строгие» и очень «узкие», — требования *исключительного* служения *исключительно* одному классу (именно тому, который «дифференцирован от жизни»), его самостоятельному развитию и мышлению, требования полного разрыва с «гражданской» «порядочностью» российских «порядочных» буржуев.

«Как бы ни были, на самом деле, узки эти заповеди в частностях, во всяком случае ничего не скажешь против общего требования: «одно из двух: или будьте действительными друзьями, или же обратитесь в открытых врагов!»

«Мы переживаем в настоящее время чрезвычайно важный исторический процесс — процесс формирования третьего сословия. Перед нашими глазами совершается подбор представителей и происходит организация новой общественной силы, которая готовится управлять жизнью».

---

*) Выражение г-на Кривенко («Р. Б.» 1894, № 10) в ответ на слова г-на Струве о «суровой борьбе общественных классов».

**) Некоторые наивные народники, в простоте своей не понимающие, что пишут против себя, даже хвалятся этим:

«Наша интеллигенция вообще, литература в частности, — пишет г. В. В. *против* г. Струве, — даже представители наиболее буржуазных течений, носят на себе, так сказать, народнический характер» («Неделя» 1894 г. № 47, стр. 1506).

Как в жизни мелкий производитель рядом незаметных переходов сливается с буржуазией, — так в литературе народнические невинные пожелания становятся «либеральным паспортом» для вместителей утробных процессов, пенкоснимателей и т. д.

Только еще «готовится»? А кто же «управляет»? Какая другая «общественная сила»?

Уж не та ли, которая выражалась в органах à la «Весть»?— Невозможно. Мы не в 1894 г., а в 1879 г., накануне «диктатуры сердца» [47]), — когда, по выражению автора статьи, «крайних консерваторов показывают на улице пальцем», над ними «хохочут во всю глотку».

Уж не «народ» ли, трудящиеся? — Отрицательный ответ дает вся статья автора.

И при этом говорить все еще: «готовится управлять»?! Нет, сила эта давным давно «приготовилась», давным давно «управляет»; «готовятся» же только одни народники — выбирать лучшие пути для России, да так, должно быть, и прособираются до тех пор, пока последовательное развитие классовых противоречий не оттеснит, не вытолкает за борт всех, кто от них сторонится.

«Процесс этот, начавшийся в Европе гораздо раньше нашего, во многих государствах пришел уже к концу *); в других он еще задерживается обломками феодализма и противодействием рабочих классов, но историческое колесо и здесь с каждым годом все больше и больше дробит эти обломки и укатывает жизнь для новых порядков».

Вот до какой степени не понимают наши народники западноевропейского рабочего движения! Оно «задерживает», видите ли, капитализм, — и его, как «обломок», ставят рядом с феодализмом!

Наглядное доказательство того, что не только для России, но и для Запада наши народники не в состоянии понять того, как можно бороться с капитализмом не «задерживанием» его развития, а ускорением его, не сзади, а спереди, не реакционно, а прогрессивно.

«В общих чертах, процесс этот состоит в следующем: между дворянством и народом образуется новый общественный слой из элементов, опускающихся сверху, и элементов, поднимающихся снизу, которые как бы имеют одинаковый удельный вес, если можно так выразиться; элементы эти тесно сплачиваются, соединяются, претерпевают глубокое внутреннее изменение и начинают изменять и верхний и нижний слои, приспособляя их к своим потребностям. Процесс этот чрезвычайно интересен сам по себе, а для нас он имеет особенно важное значение. Для нас тут представляется целый ряд вопросов: составляет ли господство третьего сословия роковую и неизбежную ступень цивилизации каждого народа?...»

Что за гиль?! Откуда и причем тут «роковая неизбежность»? Не сам ли автор описывал и еще подробнее будет ниже описывать господство 3-го сословия у *нас*, на святой Руси, в 70-ые годы?

---

*) Т.-е. что это значит: «пришел к концу»? То ли, что уже виден его конец, что уже собирается «новая сила»?—тогда он и у нас приходит к концу. Или то, что там уже более не нарождается 3-го сословия?— это неверно, потому что и там есть еще мелкие производители, выделяющие горстки буржуазии и массы пролетариата.

Автор берет, очевидно, те теоретические доводы, за которые прятались представители нашей буржуазии.

Ну, как же это не мечтательная поверхностность — принимать такие выдумки за чистую монету? не понимать, что за этими «теоретическими» рассуждениями стоят *интересы*, интересы того общества, которое сейчас так верно было оценено, интересы буржуазии?

Только романтик и может думать, что можно силлогизмами бороться с интересами.

...«нельзя ли государству прямо с одной ступени перейти на другую, не делая при этом никаких сальто-морталей, которые чудятся на каждом шагу чересчур предусмотрительным филистерам, и, не слушая фаталистов, видящих в истории один роковой порядок, вследствие которого господство третьего сословия так же неизбежно для государства, как неизбежна для человека старость или юность?...»

Вот какое глубокое понимание у народников нашей действительности! Если государство содействует развитию капитализма,— то это вовсе не потому, что буржуазия владеет такой материальной силой, что «посылает на работу» народ и гнет в свою сторону политику. Вовсе нет. Дело просто в том, что профессора Вернадские, Чичерины, Менделеевы и пр. держатся неправильных теорий о «роковом» порядке, а государство их «слушает».

...«нельзя ли, наконец, смягчить отрицательные стороны наступающего порядка, как-нибудь видоизменить его или сократить время его господства? Неужели, и в самом деле, государство есть нечто такое инертное, непроизвольное и бессильное, что не может влиять на свои судьбы и изменять их; неужели, и в самом деле, оно есть нечто вроде волчка, пускаемого провидениме, который двигается по определенному только пути, только известное время и совершает известное число оборотов, или вроде организма с весьма ограниченной волею; неужели, и в самом деле, им управляет нечто вроде гигантского чугунного колеса, которое давит всякого дерзновенного, осмеливающегося попытать ближайших путей к человеческому счастью?!»

Это чрезвычайно характерное место, с особенной наглядностью показывающее *реакционность, мелко-буржуазность* того представительства интересов непосредственных производителей, которое давалось и дается российскими народниками. Будучи враждебно настроены против капитализма, мелкие производители представляют из себя переходный класс, смыкающийся с буржуазией, и потому не в состоянии понять, что неприятный им крупный капитализм — не случайность, а прямой продукт всего современного экономического (и социального, и политического, и юридического) строя, складывающегося из борьбы взаимно-противоположных общественных сил. Только непонимание этого и в состоянии вести к такой абсолютной нелепости, как обращение к «государству», как будто бы политические порядки не коренились в экономических, не выражали их, не служили им.

Неужели государство есть нечто инертное? — вопрошает с отчаянием мелкий производитель, видя, что по отношению к *его* интересам оно, действительно, замечательно инертно.

Нет — могли бы мы ответить ему, — государство ни в каком случае не есть нечто инертное, оно всегда действует и действует очень энергично, всегда активно и никогда пассивно, — и автор сам страничкой раньше характеризовал эту активную деятельность, ее буржуазный характер, ее естественные плоды. Плохо только то, что он не хочет видеть связи между таким ее характером и капиталистической организацией русского общественного хозяйства, и поэтому так поверхностен.

Неужели государство — волчек, неужели это — чугунное колесо? спрашивает Kleinbürger *), видя, что «колесо» вертится вовсе не так, как он того желал бы.

О нет, — могли бы мы ответить ему, — это не волчек, не колесо, не закон фатума, не воля провидения: его двигают «живые личности» «сквозь строй препятствий» **) (в роде, напр., сопротивления непосредственных производителей, или представителей старо-дворянского наслоения), именно те «живые личности», которые принадлежат к имеющей перевес общественной силе. И поэтому, чтобы заставить колесо вертеться в другую сторону, надо против «живых личностей» (т.-е. общественных элементов, принадлежащих не к идеологическим состояниям, а прямо выражающих насущные экономические интересы) обратиться тоже к «живым личностям», против класса — обратиться тоже к классу. Для этого весьма недостаточно добрых и невинных пожеланий насчет «ближайших путей», — для этого нужно «перераспределение социальной силы между классами», для этого нужно стать идеологом не того непосредственного производителя, который стоит в стороне от борьбы, а того, который стоит в самой горячей борьбе, который уже окончательно «дифференцирован от жизни» буржуазного общества. Это *единственный*, а потому ближайший «путь к человеческому счастью», путь, на котором можно добиться не только смягчения отрицательных сторон положения вещей, не только сократить его существование ускорением его развития, но и совсем положить конец ему, заставив «колесо» (не государственных уже, а социальных сил) вертеться совсем в иную сторону.

...«Нас занимает только процесс организации третьего сословия, даже только люди, выходящие из народной среды и становящиеся в его

*) — мелкий буржуа. *Ред.*

**) Г. Н. Михайловский, у г. Струве, с. 8: «Живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставит цели в истории и движет к ним события сквозь строй препятствий, поставляемых ей стихийными силами природы и исторических условий».

ряды. Люди эти очень важны: они исполняют чрезвычайно важные общественные функции, от них прямо зависит степень интенсивности буржуазного порядка. Без них не обходилась ни одна страна, где только этот порядок водворялся. Если их нет или недостаточно в стране, то их необходимо вызвать из народа, необходимо создать в народной жизни такие условия, которые способствовали бы их образованию и выделению, необходимо, наконец, охранять их и помогать их росту, пока они не окрепнут. Здесь мы встречаемся с прямым вмешательством в исторические судьбы со стороны людей наиболее энергичных, которые пользуются обстоятельствами и минутой для своих интересов. Обстоятельства эти состоят, главным образом, в необходимости промышленного прогресса (в замене кустарного производства мануфактурным и мануфактурного фабричным, в замене одной системы полеводства другою, более рациональною), без чего государство, действительно, обойтись не может при известной густоте населения и международных сношениях, и в разладе политическом и нравственном, что обусловливается как экономическими факторами, так и ростом идей... Эти-то настоятельные в государственной жизни изменения и связывают обыкновенно люди ловкие с собою и с известными порядками, которые, без всякого сомнения, могли бы быть заменены и всегда могут быть заменены другими, если другие люди будут умнее и энергичнее, чем они были до сих пор».

Итак, автор не может не признать, что буржуазия исполняет «важные общественные функции», — функции, которые обще можно выразить так: подчинение себе народного труда, руководство им и повышение его производительности. Автор не может не видеть того, что экономический «прогресс» действительно «связывается» с этими элементами, т. е. что наша буржуазия действительно несет с собой экономический, точнее сказать, технический прогресс.

Но тут-то и начинается коренное различие между идеологом мелкого производителя и марксистом. Народник объясняет этот *факт* (связи между буржуазией и прогрессом) тем, что «ловкие люди» «пользуются обстоятельствами и минутой для своих интересов», — другими словами, считает это явление случайным и потому с наивной смелостью заключает: «без всякого сомнения, эти люди всегда (!) могут быть заменены другими», которые тоже дадут прогресс, но прогресс не буржуазный.

Марксист объясняет этот факт теми общественными отношениями людей по производству материальных ценностей, которые складываются в товарном хозяйстве, делают товаром труд, подчиняют его капиталу и поднимают его производительность. Он видит тут не случайность, а необходимый продукт капиталистического устройства нашего общественного хозяйства. Он видит поэтому выход не в россказнях о том, что «могут, без сомнения», сделать люди, заменяющие буржуа (сначала, ведь, надо еще «заменить», — а для этого одних слов или обращения к обществу и государству недостаточно), а в развитии классовых противоречий данного экономического порядка.

Всякий понимает, что эти два объяснения диаметрально противоположны, что из них вытекают две исключающие друг друга

системы действия. Народник, считая буржуазию случайностью, не видит связей ее с государством и с доверчивостью «простодушного мужичка» обращается за помощью к тому, кто именно и охраняет ее интересы. Его деятельность сводится к той умеренной и аккуратной, казенно-либеральной деятельности, которая совершенно равносильна с филантропией, ибо «интересов» серьезно не трогает и нимало им не страшна. Марксист отворачивается от этой мешанины и говорит, что не может быть иных «залогов будущего», кроме «суровой борьбы экономических классов».

Понятно также, что если эти различия в системах действия непосредственно и неизбежно вытекают из различий *объяснения* факта господства нашей буржуазии, — то марксист, ведя *теоретический спор*, ограничивается доказательством необходимости и неизбежности (при данной организации общественного хозяйства) этой буржуазии (это и вышло с книгой г. Струве) и если народник, обходя вопрос об этих различных приемах объяснения, занимается разговорами о гегельянстве и о «жестокости к личности» *), — то это наглядно показывает лишь его бессилие.

«История третьего сословия в Зап. Европе чрезвычайно длинная... Мы, конечно, всю эту историю не повторим, вопреки учению фаталистов; просвещенные представители нашего третьего сословия не станут, конечно, также употреблять всех тех средств для достижения своих целей, к каким прибегали прежде, и возьмут из них только наиболее подходящие и соответствующие условиям места и времени. Для обезземеления крестьянства и создания фабричного пролетариата они не станут, конечно, прибегать к грубой военной силе или не менее грубой прочистке поместий»...

«Не станут прибегать»...?!! Только у теоретиков слащавого оптимизма и можно встретить такое умышленное забывание *фактов* прошлого и настоящего, которые уже сказали свое «да», — и розовое упованье, что в будущем, конечно, будет «нет». Конечно, это ложь.

...«а обратятся к уничтожению общинного землевладения, созданию фермерства, немногочисленного класса зажиточных крестьян **) и вообще к средствам, при которых экономически слабый погибает сам собою. Они не станут теперь создавать цехов, но будут устраивать кредитные, сырьевые, потребительные и производительные ассоциации, которые, суля общее счастье, будут только помогать сильному сделаться еще сильнее, а слабому еще слабее. Они не будут хлопотать о патримониальном суде, но будут хлопотать о законодательстве для поощрения трудолюбия, трезвости и образования, в которых будет подвизаться только молодая буржуазия, так как масса будет попрежнему пьянствовать, будет невежественна и будет трудиться за чужой счет».

Как хорошо характеризованы тут все эти кредитные, сырьевые и всякие другие ассоциации, все эти меры содействия трудо-

*) Г. Михайловский в № 10 «Р. Б.» за 1894 г.

**) Это превосходно осуществляется и без уничтожения общины, которая нисколько не устраняет раскола крестьянства, — как это установлено земской статистикой.

любию, трезвости и образованию, к которым так трогательно относится наша теперешняя либерально-народническая печать, «Р. Б—во» в том числе. Марксисту остается только подчеркнуть сказанное, согласиться вполне, что действительно *все это — не более как представительство третьего сословия*, и, след., люди, пекущиеся об этом, не более как *маленькие буржуа*.

Эта цитата — достаточный ответ современным народникам, которые из презрительного отношения марксистов к подобным мерам заключают, что они хотят быть «зрителями», что они хотят сидеть сложа руки. Да, конечно, в буржуазную деятельность они никогда не вложат своих рук, они всегда останутся по отношению к ней «зрителями».

«Роль этого класса (выходцев из народа, мелкой буржуазии), образующего сторожевые пикеты, стрелковую цепь и авангард буржуазной армии, к сожалению, очень мало интересовала историков и экономистов, тогда как роль его, повторяем, чрезвычайно важна. Когда совершалось разрушение общины и обезземеление крестьянства, то совершалось это вовсе не одними лордами и рыцарями, а и своим же братом, т.-е. опять-таки — выходцами из народа, выходцами, наделенными практическою сметкою и гибкою спиною, пожалованными барскою милостью, выудившими в мутной воде или приобревшими грабежом некоторый капиталец, выходцами, которым протягивали руку высшие сословия и законодательство. Их называли наиболее трудолюбивыми, способными и трезвыми элементами народа»...

Это наблюдение с фактической стороны очень верно. Действительно, обезземеление производилось главным образом «своим же братом», мелким буржуа. Но понимание этого факта у народника неудовлетворительно. Он не отличает двух антагонистических классов, феодалов и буржуазии, представителей «старо-дворянских» и «ново-мещанских» порядков, не отличает различных систем хозяйственной организации, не видит прогрессивного значения второго класса по сравнению с первым. Это во-первых. Во-вторых, он приписывает рост буржуазии грабежу, сметке, лакейству и т. д., тогда как мелкое хозяйство на почве товарного производства превращает в мелкого буржуа самого трезвого, работящего хозяина: у него получаются «сбережения», и силою окружающих отношений эти «сбережения» превращаются в *капитал*. Прочитайте об этом в описаниях кустарных промыслов и крестьянского хозяйства, у наших беллетристов-народников.

...«Это даже не стрелковая цепь и авангард, а главная буржуазная армия, строевые нижние чины, соединенные в отряды, которыми распоряжаются штаб- и обер-офицеры, начальники отдельных частей и генеральный штаб, состоящий из публицистов, ораторов и ученых *). Без этой армии буржуазия ничего не могла бы поделать. Разве английские

*) Следовало добавить: администраторов, бюрократии. Иначе указание состава «генерального штаба» грешит невозможной неполнотой, — невозможной по русским особенно условиям.

лендлорды, которых не насчитывается 30 тысяч, могли бы управлять голодною массою в несколько десятков миллионов без фермеров?! Фермер, это — настоящий боевой солдат в смысле политическом и маленькая экспроприирующая ячейка в смысле экономическом... На фабриках роль фермеров исполняют мастера и подмастерья, получающие очень хорошее жалованье не за одну только более искусную работу; но и за то, чтобы наблюдать за рабочими, чтобы отходить последними от станка, чтобы не допускать со стороны рабочих требований о прибавке заработной платы или уменьшении часов труда и чтобы давать хозяевам возможность говорить, указывая на них: «смотрите, сколько мы платим тем, кто работает и приносит нам пользу»; лавочники, находящиеся в самых близких отношениях к хозяевам и заводской администрации; конторщики, всевозможных видов надсмотрщики и тому подобная мелкая тля, в жилах которой течет еще рабочая кровь, но в душе которой засел уже полновластно капитал. [Совершенно верно! *К. Т.*] Конечно, то же самое, что мы видим в Англии, можно видеть и во Франции, и в Германии, и в других странах. [Совершенно верно! И в России тоже. *К. Т.*] Изменяются в некоторых случаях только разве частности, да и те по большей части остаются неизменными. Французская буржуазия, восторжествовавшая в конце прошлого столетия над дворянством или, лучше сказать, воспользовавшаяся народной победою, выделила из народа мелкую буржуазию, которая помогла обобрать и сама обобрала народ и отдала его в руки авантюристов... В то время, когда в литературе пелись гимны французскому народу, когда превозносилось его величие, великодушие и любовь к свободе, когда все эти воскуривания стояли над Францией туманом, буржуазный кот уплетал себе курченка и уплел его почти всего, оставив народу одни косточки. Прославленное народное землевладение оказалось микроскопическим, измеряющимся метрами и часто даже не выдерживающим расходов по взиманию налогов»...

Остановимся на этом.

Во-первых, нам интересно бы спросить народника, кто у нас «воспользовался победой над крепостным правом», над «стародворянским наслоением»? Вероятно, не буржуазия. Что делалось у нас в «народе» в то время, когда «в литературе пелись гимны», которые приводил сейчас автор, о народе, о любви к народу, о великодушии, об общинных свойствах и качествах, о «социальном взаимоприспособлении и солидарной деятельности» внутри общины, о том, что Россия — вся артель, что община — это «все, что̀ есть в мыслях и действиях сельского люда», etc. etc. etc., что̀ поется и по сейчас (хотя и в минорном тоне) на страницах либерально-народнической печати? Земли, конечно, не отбирались у крестьянства; буржуазный кот не уплетал курченка, не уплел почти всего; «прославленное народное землевладение» не «оказалось микроскопическим», в нем не было превышения платежей над доходами? *) — Нет, только «мистики и метафизики» способны утверждать это, считать это фактом, брать этот факт за исходную отправную точку своих суждений о наших делах, своей

*) И не только «часто», как во Франции, а в виде общего правила, при чем превышение исчисляется не только десятками, а даже сотнями процентов.

деятельности, направленной не на поиски «иных путей для отечества», а на работу на данном, совершенно уже определившемся, капиталистическом пути.

Во-вторых. Интересно сравнить *метод* автора с *методом* марксистов. На конкретных рассуждениях гораздо лучше можно уяснить их различие, чем посредством отвлеченных соображений. Почему это автор говорит о французской «буржуазии», что она восторжествовала в конце прошлого века над дворянством? почему деятельность, состоявшая преимущественно и почти исключительно из деятельности интеллигенции, именуется буржуазной? и потом, действовало ведь правительство, отбирая земли у крестьянства, налагая высокие платежи и т. д.? Наконец, ведь эти деятели говорили о любви к народу, о равенстве и всеобщем счастьи, как говорили и говорят российские либералы и народники? можно ли при этих условиях видеть во всем этом одну «буржуазию»? не «узок» ли этот взгляд, сводящий политические и идейные движения к Plusmacherei *)? — Смотрите, это — всё те же вопросы, которыми заваливают русских марксистов, когда они однородные вещи говорят про нашу крестьянскую реформу (видя ее отличие лишь в «частностях»), про пореформенную Россию вообще. Я говорю здесь, повторяю, не о фактической правильности нашего взгляда, а о *методе*, который в данном случае употребляет народник. Он берет *критерием* — результаты («оказалось», что народное землевладение микроскопично, кот «уплетал» и «уплел» курченка) и притом исключительно экономические *результаты*.

Спрашивается, почему же применяет он этот *метод* только по отношению к Франции, не желая употреблять его и для России? Ведь метод должен быть везде один. Если во Франции за деятельностью *правительства* и *интеллигенции* вы ищете *интересов*, то почему вы *не ищете* их на святой Руси? если *там* критерий ваш ставит вопрос о том, каково «*оказалось*» народное землевладение, почему *здесь* критерий ставится о том, каково оно «может» оказаться? Если там фразы о народе и его великодушии при наличности «уплетания курченка» внушают вам справедливое отвращение, — почему *здесь* не отворачиваетесь вы, как от буржуазных философов, от тех, кто при несомненной, вами же признаваемой наличности «уплетания», способен говорить о «социальном взаимоприспособлении», о «народной общинности», о «*нуждах народной промышленности*» и тому подобные вещи?

Ответ один: потому, что вы — идеолог мелкой буржуазии, потому что ваши идеи, т.-е. идеи народнические вообще, а не идеи Ивана, Петра, Сидора, — результат отражения интересов

*) — прибавочной стоимости. *Ред.*

и точки зрения мелкого производителя, а вовсе не результат «чистой» *) мысли.

«Но для нас в особенности поучительна в этом отношении Германия, опоздавшая так же, как и мы, с буржуазною реформою и потому воспользовавшаяся опытом других народов не в положительном, а в отрицательном, конечно, смысле». Состав крестьянства в Германии — пересказывает автор Васильчикова—был неоднороден; крестьяне разделялись и по правам и по владению, по размерам наделов. Весь процесс привел к образованию «крестьянской аристократии», «сословия мелкопоместных землевладельцев недворянского происхождения», к превращению массы «из домохозяев в чернорабочих». «Наконец, довершила дело и отрезала всякие легальные пути к поправлению положения рабочих полуаристократическая, полумещанская конституция 1849 г., давшая право голоса только дворянству и имущему мещанству».

Оригинальное рассуждение. Конституция «*отрезала*» легальные пути?! Это — еще отражение той доброй старой теории российских народников, по которой «интеллигенция» приглашалась пожертвовать «свободой», ибо таковая, дескать, служила бы лишь ей, а народ отдала бы в руки «имущего мещанства». Мы не станем спорить против этой нелепой и реакционной теории, потому что от нее отказались современные народники вообще и наши ближайшие противники, гг. публицисты «Русского Богатства» в частности. Но мы не можем не отметить, что, отказываясь от этой идеи, делая шаг вперед к открытому признанию *данных* путей России, вместо разглагольствования о возможности иных путей, — эти народники тем самым окончательно установили свою мелко-буржуазность, так как настаивание на мелких, мещанских реформах в связи с абсолютным непониманием классовой борьбы ставит их на сторону либералов против тех, кто становится на сторону «антипода», видя в нем единственного, так сказать, дестинатэра **) тех благ, о которых идет речь.

«И в Германии в это время было много людей, которые предавались только восторгам от эмансипации, предавались десять лет, двадцать лет, тридцать лет и более; люди, которые всякий скептицизм, всякое недовольство реформой считали на руку реакции и предавали их проклятию. Простодушные из них представляли себе народ в виде коня, выпущенного на волю, которого опять можно поставить в конюшню и начать на нем почтовую гоньбу (что вовсе не всегда возможно). Но были тут и плуты, льстившие народу, но под шумок ведшие другую линию, плуты, пристроивавшиеся к таким искренно любившим народ разиням, которых можно было проводить и эксплуатировать. Ах, эти искренние разини! Когда начинается гражданская борьба, то вовсе не всякий готов к ней и вовсе не всякий к ней способен».

Прекрасные слова, которые хорошо резюмируют лучшие традиции старого русского народничества и которыми мы можем

---

*) Выражение г-на В. В. См. «Наши направления», а также «Неделю» за 1894 г., №№ 47 — 49.

**) — созидателя. *Ред.*

воспользоваться для характеристики отношения русских марксистов к *современному* русскому народничеству. Для такого употребления — не приходится много изменять в них: настолько одно*роден* процесс капиталистического развития обеих стран; настолько одно*родны* общественно-политические идеи, отражавшие этот процесс.

У нас тоже царят и правят в «передовой» литературе люди, которые толкуют о «существенных отличиях нашей крестьянской реформы от западной», о «санкции народного (sic!) производства», о великом «наделении землей» (это выкуп-то!!) и т. п. и ждут поэтому от начальства ниспослания чуда, именуемого «обобществлением труда», ждут «десять лет, двадцать лет, тридцать лет и более», а кот — о котором мы сейчас говорили — уплетает курченка, смотря с ласковостью сытого и спокойного зверя на «искренних разинь», толкующих о необходимости избрать другой путь для отечества, о вреде «грозящего» капитализма, о мерах помощи народу кредитами, артелями, общественными запашками и тому подобным невинным штопаньем. «Ах, эти искренние разини!»

«Вот этот-то процесс образования третьего сословия переживаем теперь и мы, и, главным образом, наше крестьянство. Россия отстала с этим делом от всей Европы, даже от своей институтской подруги или, вернее, пепиньерки—Германии. Главным рассадником и бродилом третьего сословия везде в Европе были города. У нас, наоборот», — несравненно меньше городских жителей... «Главная причина этой разницы заключается в нашем народном землевладении, удерживающем население в деревне. Увеличение городского населения в Европе тесно связано с обезземелением народа и фабричною промышленностью, которая, при капиталистических условиях производства, нуждается в дешевом труде и в избытке его предложения. В то время, когда изгоняемое из деревень европейское крестьянство шло на заработки в города, наше крестьянство, докуда хватает сил, держится за землю. Народное землевладение есть главный стратегический пункт, главный ключ крестьянской позиции, значение которого отлично понимают вожаки мещанства и потому направляют на него все свое искусство и все свои силы. Отсюда-то и происходят все нападки на общину, отсюда-то и выходят в великом множестве разные проекты об отрешении земледельца от земли, во имя рациональной агрономии, во имя процветания промышленности, во имя национального прогресса и славы!»

Тут уже наглядно сказывается поверхностность народнической теории, которая, из-за мечтаний об «иных путях», совершенно неправильно оценивает действительность: усматривает «главный пункт» — в таких не играющих коренной роли юридических институтах, как формы крестьянского земле*владения* (общинное или подворное); видит нечто особенное в нашем мелком крестьянском хозяйстве, как будто бы это не было обыкновенное хозяйство мелких производителей, совершенно однородное — по типу своей политико-экономической организации — с хозяйством западно-европейских ремесленников и крестьян, а какое-то «народное» (!?) землевладение. По установи-

вшейся в нашей либерально-народнической печати терминологии, слово «народный» означает такой, который исключает эксплуатацию трудящегося, — так что автор своей характеристикой прямо затушевывает несомненный факт наличности в нашем крестьянском хозяйстве того же присвоения сверхстоимости, того же труда за чужой счет, какой царит и вне «общины», и настежь отворяет двери сантиментальному и слащавому фарисейству.

«Настоящая наша община, малоземельная и обремененная податями, еще не бог весть какая гарантия. Земель у крестьянства было и без того не много, а теперь, вследствие возрастания населения и ухудшения плодородия, стало еще меньше; податная тягость не уменьшается, а увеличивается; промыслов мало; местных заработков еще меньше; жизнь в деревне становится настолько тяжелою, что крестьянство целыми деревнями уходит далеко на заработки, оставляя дома только жен и детей. Таким образом пустеют целые уезды... Под влиянием этих-то тяжелых условий жизни, с одной стороны, из крестьянства и выделяется особый класс людей — молодая буржуазия, которая стремится покупать землю на стороне, в одиночку, стремится к другим занятиям — торговле, ростовщичеству, составлению рабочих артелей, с собою во главе, получению разных подрядов и тому подобным мелким аферам».

Стоит со всей подробностью остановиться на этом месте.

Мы видим тут, во-1-х, констатирование известных фактов, которые можно выразить двумя словами: крестьяне бегут; во-2-х, оценку их (отрицательную) и, в-3-х, объяснение их, из которого вытекает непосредственно и целая программа, здесь не изложенная, но слишком хорошо известная (земли прибавить, подати уменьшить; промыслы «поднять» и «развить»).

Необходимо подчеркнуть, что с точки зрения марксиста вполне и безусловно справедливо (и только выражено, как сейчас увидим, крайне неудовлетворительно) и *первое* и *второе*. Но никуда уже ровно не годится *третье* *).

Поясню это. Справедливо первое. Справедлив факт, что община наша—не гарантия, что крестьянство бросает деревню, уходит с земли; надо было сказать: экспроприируется, — потому что оно владело (на правах частной собственности) известными средствами производства (из них землею на особом праве, дававшем однако тоже в частное эксплуатирование и землю, *выкупаемую* общинами) и теряет их. Справедливо, что кустарные промыслы «падают»—*т.-е.* и тут крестьяне экспроприируются, теряют средства и орудия производства, бросают домашнее ткачество, и идут в рабочие по постройке железных дорог, в каменщики, в чернорабочие и т. д. по найму. Те средства производства, от которых освобождаются крестьяне, идут в руки ничтожного меньшинства, служа источником эксплуатации рабочей силы, — *капиталом*. Поэтому прав автор, что владельцы этих средств произ-

*) Вот почему теоретики марксизма, воюя с народничеством, напирают так на объяснение, понимание, на объективную сторону.

водства становятся «буржуазией», т.-е. классом, держащим в своих руках «народный» труд при капиталистической организации общественного хозяйства. Все эти факты констатированы правильно, оценены верно за их эксплуататорское значение.

Но уже из сделанного описания читатель увидел, конечно, что марксист совсем иначе *объясняет* эти факты. Народник видит причины этих явлений в том, что «мало земли», обременительны подати, падают «заработки» — т.-е. в особенностях *политики* — поземельной, податной, промышленной, а не в особенностях *общественной организации производства*, из которой уже неизбежно вытекает *данная* политика.

Земли мало — рассуждает народник — и становится все меньше. (Я беру даже не это непременно заявление автора статьи, а общее положение народнической доктрины). — Совершенно справедливо, но почему же это вы говорите только, что земли *мало*, а не добавляете: *мало продают*. Ведь вы знаете, что наши крестьяне *выкупают* свои наделы у помещиков. Почему вы обращаете главное внимание на то, что *мало*, а не на то, что *продают?*

Самый уже этот факт продажи, выкупа — указывает на господство таких принципов (приобретение средств производства за деньги), при которых трудящиеся все равно останутся без средств производства, мало ли, много ли их продавать станут. Замалчивая этот факт, вы замалчиваете тот капиталистический способ производства, на почве которого только и могла появиться такая продажа. Замалчивая его, вы тем самым становитесь уже на почву этого буржуазного общества и превращаетесь в простого политикана, рассуждающего о том, много или мало продавать земли. Вы не видите, что самый уже этот факт выкупа доказывает, что «в душе» тех, чьи интересы осуществили «великую» реформу, кто провел ее, «засел уже полновластно *капитал*», что для всего этого либерально-народнического «общества», которое опирается на созданные реформой порядки, политиканствуя о различных улучшениях их,—только и света, что от «капиталистической луны». Поэтому-то народник и ополчается с такой ненавистью на тех, кто последовательно стоит на принципиально иной почве. Он поднимает крик, что они не заботятся о народе, что они хотят обезземеливать крестьян!!

Он, народник, заботится о народе, он не хочет обезземелить крестьянство, он хочет, чтобы ему земли было больше *(продано)*. Он — честный лавочник. Правда, он умалчивает о том, что земли не даром даются, а продаются, — но разве в лавках говорят о том, что за товары надо платить деньги? Это всякий и так знает.

Понятно, что он ненавидит марксистов, которые говорят, что надо обращаться исключительно к тем, кто уже «дифференцирован» от этого лавочнического общества, «отлучен» от него, — если

позволительно употребить эти характернейшие мелко-буржуазные выражения господ Михайловских и Южаковых *).

Пойдем дальше. «Промыслов мало» — вот точка зрения народника на кустарные промыслы. И опять-таки о том, какова организация этих промыслов, он умалчивает. Он благодушно закрывает глаза на то, что и те промыслы, которые «падают», и те, которые «развиваются», — одинаково организованы капиталистически, с полным порабощением труда капиталу скупщиков, купцов и т. д., и ограничивается мещанскими требованиями прогрессов, улучшений, артелей и т. п., как будто бы подобные меры могут хоть сколько-нибудь затронуть *факт* господства капитала. Как в области земледелия, так и в области промышленности обрабатывающей он становится на почву данной их организации и воюет не против самой этой организации, а против различных несовершенств ее. — Что касается податей, то тут уж народник сам опроверг себя, выставив рельефно основную характеристическую черту народничества—способность на компромиссы. Выше он сам утверждал, что всякий налог (даже подоходный) ляжет на рабочие руки при наличности системы присвоения сверхстоимости, — но тем не менее он вовсе не отказывается потолковать с либеральным обществом о том, велики ли подати или малы, и преподать с «гражданской порядочностью» надлежащие советы департаменту податей и сборов.

Одним словом, причина, по мнению марксиста, не в политике, не в государстве и не в «обществе», — а в данной системе экономической организации России; дело не в том, что «ловкие люди» или «пройдохи» ловят рыбу в мутной воде, а в том, что «народ» представляет из себя два, друг другу противоположные, друг друга исключающие, класса: «в обществе все действующие силы слагаются в две равнодействующие, взаимно-противоположные».

«Люди, заинтересованные в водворении буржуазного порядка, видя крушение своих проектов **), не останавливаются на этом: они ежечасно твердят крестьянству, что виновата во всем община и круговая порука, переделы полей и мирские порядки, потворствующие лентяям и пьяницам; они устраивают для достаточных крестьян ссудосберегательные товарищества и хлопочут о мелком земельном кредите, для участкового землевладения; они устраивают в городах технические, ремесленные и разного рода другие училища, в которые опять-таки попадают только дети достаточных людей, тогда как масса остается без школ; они помогают богатым крестьянам улучшать скот выставками, премиями, племенными производи-

*) Кроме замалчивания и непонимания капиталистического характера выкупа, гг. народники скромно обходят и тот факт, что «малоземелье» крестьян дополняется наличностью весьма хороших кусочков земли у представителей «старо-дворянского» наслоения.

**) Итак, крушение проекта об уничтожении общины—означает победу над интересами «водворения буржуазного порядка»!!

Сочинивши себе мещанскую утопию из «общины», народник доходит до такого мечтательного игнорирования действительности, что в проекте

телями, отпускаемыми из депо за плату и т. д. Все эти мелкие усилия слагаются в одну значительную силу, которая действует на деревенский мир разлагающим образом и все больше и больше раскалывает крестьянство на-двое».

Характеристика «мелких усилий» хороша. Мысль автора, что все эти мелкие усилия (па которых так усердно стоит теперь «Русское Богатство» и вся наша либерально-народническая пресса) означают, выражают и проводят «ново-мещанское» наслоение, капиталистические порядки, — совершенно справедлива.

Это обстоятельство именно и является причиной отрицательного отношения марксистов к подобным усилиям. А тот факт, что эти «усилия» несомненно представляют собой ближайшие desiderata мелких производителей, — доказывает, по их мнению, правильность основного их положения: что нельзя видеть представителя идеи труда в крестьянине, так как он, являясь при капиталистической организации хозяйства мелким буржуа, в силу этого становится на почву данных порядков, в силу этого примыкает некоторыми сторонами своей жизни (и своих идей) к буржуазии.

Этим местом небесполезно также воспользоваться, чтобы подчеркнуть следующее. Отрицательное отношение марксистов к «мелким усилиям» — особенно вызывает нарекания господ народников. Напоминая им об их предках, мы тем самым показываем, что было время, когда народники иначе смотрели на это, когда они не так охотно и усердно шли на компромиссы [хотя и тогда все-таки шли, как доказывает эта же статья], когда они — не скажу: понимали,—по по крайней мере чувствовали буржуазность всех таких усилий, когда отрицание их осуждалось как «пессимизм к народу» только самыми наивными из либералов.

Приятное общение господ народников с этими последними, в качестве представителей «общества», принесло, видимо, полезные плоды.

Неспособность удовлетворяться «мелкими усилиями» буржуазного прогресса вовсе не означает абсолютного отрицания частных реформ. Марксисты вовсе не отрицают некоторой (хотя и мизерной) пользы этих мероприятий: они могут принести трудящемуся

против общины видит целое водворение буржуазного порядка, тогда как это—простое политиканство на почве вполне уже «водворенного» буржуазного строя.

Самым решительным доводом против марксиста является для него вопрос, который и задается с видом окончательного торжества: нет, вы скажите, вы хотите уничтожить общину или нет? да или нет? — Для него тут весь вопрос, все «водворение». Он абсолютно не хочет понять, что с точки зрения марксиста «водворение»—давний уже и бесповоротный факт, которого ни уничтожение общины, ни укрепление ее не затронет,—как и теперь господство капитала одинаково и в общинной, и в подворной деревне.

Более глубокий протест против «водворения» народник старается выставить апологией водворения. Утопающий за соломинку хватается.

некоторое (хотя и мизерное) улучшение его положения; они ускорят вымирание особенно отсталых форм капитала, ростовщичества, кабалы и т. под., ускорят превращение их в более современные и человечные формы европейского капитализма. Поэтому марксисты, если бы их спросили, следует ли принимать такие меры, ответили бы, конечно: следует, но при этом пояснили бы свое отношение вообще к тому капиталистическому строю, который этими мерами улучшается,—при этом мотивировали бы свое согласие желанием ускорить развитие этого строя и, след., финал его *).

«Если мы обратим внимание, что у нас крестьянство разделено, как в Германии, по правам и владению, на различные категории (государственные крестьяне, удельные, бывшие помещичьи, и из них получившие полные наделы, средние и четвертные, дворовые); что общинный быт не представляется у нас общим бытом; что в юго-западном крае, встречаясь с личным землевладением, мы встречаемся опять с крестьянами тяглыми, пешими, огородными, батрачными и чиншевиками, из которых одни имеют по 100 десятин и более, а другие не имеют вершка земли; что в балтийских губерниях аграрный строй представляется совершенным сколком с германского аграрного строя и т. д.,—то увидим, что и у нас есть почва для буржуазии».

Нельзя не отметить тут того мечтательного преувеличения значения общины, которым всегда грешили народники. Автор выражается так, как будто бы «общинный быт» исключал буржуазию, исключал раздробление крестьян! Да ведь это же прямая неправда!

Всякий знает, что и общинные крестьяне тоже раздроблены по правам и наделам; что во всякой наиобщинной деревне крестьяне опять-таки раздроблены и «по правам» (безземельные, надельные, бывшие дворовые, выкупившие наделы особыми взносами, приписные etc. etc.), и «по владению»: крестьяне, которые сдали наделы, у которых их отобрали за недоимки, за то, что не обработывают и запускают, — и которые снимают чужие наделы; крестьяне, имеющие «вечную» землю или «покупающие на года» по нескольку десятин; наконец, крестьяне бездомовые, без всякого скота, безлошадные и многолошадные. Всякий знает, что в каждой наиобщинной деревне на этой почве хозяйственной раздробленности и товарного хозяйства растут пышные цветы ростовщического капитала, кабалы во всех ее формах. А народники все еще рассказывают свои приторные сказки о каком-то «общинном быте»!

«И молодая буржуазия у нас, действительно, растет не по дням, а по часам, растет не по одним только еврейским окраинам, но и внутри России. Выразить цифрами ее численность пока очень трудно, но, смотря на возрастающее число землевладельцев, на увеличивающееся число тор-

*) Это относится не только к «техническим и другим училищам», к улучшениям техники крестьян и кустарей, но и к «расширению крестьянского землевладения», к «кредиту» и т. п.

говых свидетельств, на увеличивающееся число жалоб из деревень на кулачество и мироедство и т. п. признаки *), можно думать, что численность ее уже значительна».

Совершенно верно! Именно этот факт, верный для 1879 г. и бесспорный, в неизмеримо большем развитии, для 1895 г., и служит одним из устоев марксистского понимания русской действительности.

Отношение к этому факту у нас одинаково отрицательное; мы оба согласны в том, что он выражает явления, противоположные интересам непосредственных производителей,—но мы совершенно различно *понимаем* эти факты. Теоретическую сторону этого различия я уже охарактеризовал выше, а теперь обращусь к практической.

Буржуазия—особенно деревенская — *еще* слаба у нас; она только еще зарождается, говорит народник. Поэтому с ней и можно *еще* бороться. Буржуазное направление очень еще несильно— поэтому можно *еще* повернуть назад. Время не ушло.

Только метафизик-социолог (превращающийся на практике в трусливого реакционного романтика) в состоянии рассуждать таким образом. Я уже не буду говорить о том, что «слабость» буржуазии деревенской объясняется отливом сильных ее элементов, ее вершин, в города, — что в деревнях это только — «солдаты», а в городах уже сидит «генеральный штаб», — я не буду говорить о всех этих, до-нельзя очевидных извращениях факта народниками. Есть еще ошибка в этом рассуждении, которая и делает его метафизическим.

Мы имеем перед собой известное общественное отношение, отношение между деревенским мелким буржуа (богатым крестьянином, торгашом, кулаком, мироедом и т. п.) и «трудовым» крестьянином, трудовым «за чужой счет», разумеется.

Отношение это существует — народник не сможет отрицать его всеобщей распространенности. Но оно слабо — говорит он — и потому его можно *еще* исправить.

Историю делают «живые личности», скажем мы этому народнику, угощая его его же добром. Исправление, изменение общественных отношений, разумеется, возможно, но возможно лишь тогда, когда исходит *от самих членов этих исправляемых или изменяемых общественных отношений*. Это ясно, как ясен ясный божий день. Спрашивается, может ли «трудовой» крестьянин изменить это отношение? В чем оно состоит? — В том, что два мелкие производителя хозяйничают при системе товарного производства, что это товарное хозяйство раскалывает их «на-двое»,

*) К которым следует добавить — покупки с помощью крестьянского банка, «прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» — улучшения техники и культуры, введение улучшенных орудий, травосеяние и т. п., развитие мелкого кредита и организацию сбыта для кустарей и т. д.

что оно дает одному *капитал,* другого заставляет работать «за чужой счет».

Каким же образом наш трудовой крестьянин изменит это отношение, когда он сам одной ногой стоит на той именно почве, которую и нужно изменять? как может он понять негодность обособленности и товарного хозяйства, когда он сам обособлен и хозяйничает на свой риск и страх, хозяйничает на рынок? когда эти условия жизни порождают в нем «помыслы и чувства», свойственные тому, кто по одиночке работает на рынок? когда он раздроблен самыми материальными условиями, величиной и характером своего хозяйства, и в силу этого его противоположность капиталу настолько еще не развита, что он не может понять, что это именно — *капитал,* а не только «пройдохи» да ловкие люди?

Не очевидно ли, что следует обратиться туда, где *это же* (nota bene) общественное отношение развито *до конца,* где члены этого общественного отношения, являющиеся непосредственными производителями, сами уже окончательно «дифференцированы» и «отлучены» от буржуазных порядков, где противоположность уже развита так, что ясна сама собой, где невозможна уже никакая мечтательная, половинчатая постановка вопроса? И когда непосредственные производители, стоящие в этих передовых условиях, будут «дифференцированы от жизни» буржуазного общества не только *в факте,* но и *в своем сознании,* — тогда и «трудовое» крестьянство, поставленное в отсталые, худшие условия, увидит, «как это делается», и примкнет к своим товарищам по работе «за чужой счет».

«Когда у нас говорят о фактах покупки крестьянами земель и объясняют, что крестьянство покупает землю и в личную собственность и миром, то никогда почти не добавляют к этому, что мирские покупки составляют только редкое и ничтожное исключение из общего правила личных покупок».

Приведя далее данные о том, как число частных землевладельцев, достигавшее 103.158 в 1861 г., оказалось 313.529 по данным 60-х годов, и сказав, что это объясняется тем, что второй раз сосчитаны мелкие собственники из крестьян, которые не считались при крепостном праве, автор продолжает:

«это и есть наша молодая сельская буржуазия, непосредственно примыкающая и соединяющаяся с мелкопоместным дворянством».

Правда — скажем мы на это,— совершенная правда,— особенно насчет того, что она «примыкает» и «соединяется»! И поэтому к идеологам мелкой буржуазии относим мы тех, кто придает серьезное значение (в смысле интересов непосредственных производителей) «расширению крестьянского землевладения», т.-е. и автора, говорящего это на стр. 152-ой.

Поэтому-то и считаем мы не более как политиканами людей, разбирающих вопрос о личных и мирских покупках так, как будто

бы от него зависело хоть на иоту «водворение» буржуазных порядков. Мы и тот и другой случай относим к буржуазности, ибо покупка есть покупка, деньги суть деньги в обоих случаях, т.-е. такой товар, который попадает лишь в руки мелкого буржуа *), все равно, объединенного ли миром «для социального взаимоприспособления и солидарной деятельности» или разъединенного участковым землевладением.

«Впрочем, она (молодая сельская буржуазия) тут далеко еще не вся. «Мироед» — слово, конечно, не новое на Руси, но оно никогда не имело такого значения, какое получило теперь, никогда не оказывало такого давления на односельцев, какое оказывает теперь. Мироед был лицом каким-то патриархальным, сравнительно с настоящим, лицом, всегда подчинявшимся миру, а иногда просто лентяем, особенно и не гнавшимся за наживой.—В настоящее время слово мироед имеет другое значение, а в большинстве губерний оно сделалось уже только родовым понятием, сравнительно мало употребляется и заменяется словами: кулак, кощтан, купец, кабатчик, копатник, подрядчик, закладчик и т. д. Это раздробление одного слова на несколько слов, слов, отчасти тоже не новых, а отчасти совершенно новых или доселе не встречавшихся в крестьянском обиходе, показывает прежде всего на то, что в эксплуатации народа произошло разделение труда, а затем на широкое разрастание хищничества и на специализацию его. Почти в каждом селе и в каждой деревне есть один или несколько таких эксплуататоров».

Бесспорно, что этот факт разрастания хищничества подмечен верно. Напрасно только автор, как и все народники, несмотря на все эти факты, не хочет понять, что это систематическое, всеобщее, правильное (даже с разделением труда) кулачество есть проявление капитализма в земледелии, есть господство капитала в его первичных формах, который, с одной стороны, постоянно высасывает тот городской, банковский, вообще европейский капитализм, который народники считают чем-то наносным, а с другой стороны, — поддерживается и питается этим капитализмом; одним словом, что это — одна из сторон капиталистической организации русского народного хозяйства.

Кроме того, характеристика «эволюции» мироеда даст нам возможность еще уличить народника.

В реформе 1861 г. народник видит санкцию народного производства, усматривает в ней существенные отличия от западной.

Те мероприятия, которых он теперь жаждет, равным образом сводятся к подобной же «санкции» — общины и т. п., к подобным же «обеспечениям наделом» и средствами производства вообще.

*) Речь идет, разумеется, не о таких деньгах, которые служат только для приобретения необходимых предметов потребления, а о *свободных* деньгах, которые могут быть сбережены для покупки средств производства.

Отчего же это, г. народник, реформа, «санкционировавшая народное (а не капиталистическое) производство», привела только к тому, что из «патриархального лентяя» получился сравнительно энергичный, бойкий, подернутый цивилизацией хищник? только к перемене *формы* хищничества, как и соответствующие великие реформы на Западе?

Отчего думаете вы, что следующие шаги «санкции» (вполне возможные в виде расширения крестьянского землевладения, переселений, регулирований аренды и прочих несомненных прогрессов, но только прогрессов буржуазных), — почему думаете вы, что они поведут к чему-нибудь иному, кроме дальнейшего видоизменения *формы*, дальнейшей европеизации *капитала*, перерождению его из торгового в производительный, из средневекового — в новейший?

Иначе *не может быть* — по той простой причине, что подобные меры нисколько не задевают *капитала*, т.-е. того отношения между людьми, при котором в руках одних скоплены деньги — продукт *общественного* труда, организованного товарным хозяйством, — а у других нет ничего кроме свободных «рук» *), свободных именно от того продукта, который сосредоточен у предыдущего разряда.

...«Из них (из этих кулаков и т. д.) не имеющая капитала мелюзга примыкает обыкновенно к крупным торговцам, снабжающим их кредитом или поручающим им покупку за свой счет; более состоятельные ведут дело самостоятельно, сами сносятся с большими торговыми и портовыми городами, отправляют туда от своего имени вагоны и сами отправляются за товарами, потребными на месте. Садитесь вы на любую железную дорогу и вы непременно встретите в III классе (редко во II) десятки этого люда, отправляющегося куда-нибудь по своим делам. Вы узнаете этих людей и по особому костюму, и по крайней бесцеремонности обращения, и по резкому гоготанью над какой-нибудь барыней, которая просит не курить, или над мужичком [так и стоит: «мужичком». *К. Т.*], отправляющимся куда-нибудь на заработки, который оказывается «необразованным», потому что ничего не понимает в коммерции и ходит в лаптях. Вы узнаете этих людей и по разговору. Разговаривают они обыкновенно: о «курпеях», о «постных маслах», о коже, о «снетке», о просах и т. п. Вы услышите при этом и цинические рассказы об употребляемых ими мошенничествах и фальсификациях товаров: о том, как солонину, давшую «сильный дух, сбыли на фабрику», о том, что «подкрасить чай всякий сумеет, ежели раз ему показать», что «в сахар можно вогнать водою три фунта лишнего веса на голову, так что покупатель ничего не заметит» и т. д. Рассказывается все это с такою откровенностью и бесцеремонностью, что вы ясно видите, что люди эти не воруют в буфетах ложек и не отвертывают в вокзалах газовых рожков только потому, что боятся попасть в тюрьму. Нравственная сторона этих новых людей ниже самых элементарных требо-

---

*) «*Масса* будет *попрежнему*... трудиться *за чужой счет*» (разбир. статья, стр. 135): если бы она не была «свободна» (de facto, — de jure **) же, может быть, и «обеспечена наделом»)—этого не могло бы, разумеется, быть.

**)—de facto — фактически, на деле; de jure—юридически, по писанному праву. *Ред.*

ваний, вся она основана на рубле и исчерпывается афоризмами: купец—ловец; на то и щука в море, чтобы карась не дремал; не плошай; присматривайся к тому, что плохо лежит; пользуйся минутой, когда никто не смотрит; не жалей слабого; кланяйся и пресмыкайся, когда нужно». И дальше приводится из газетной корреспонденции пример, как один кабатчик и ростовщик, Волков, поджег свой дом, застрахованный в большую сумму. Этого субъекта «учитель и местный священник считают самым уважаемым своим знакомым», один «учитель пишет ему за вино все кляузные бумаги». «Волостной писарь обещает ему опутать мордву». «Один земский агент и в то же время член земской управы страхует ему старый дом в 1000 р.» и т. д. «Волков — явление вовсе не единичное, а тип. Нет местности, где бы не было своих Волковых, где бы не рассказывали вам не только о подобном же обирании и закабалении крестьян, но и о случаях подобных же поджогов»...

...«Но как же, однако, относится к подобным людям крестьянство? Если они глупы, грубо-бессердечны и мелочны, как Волков, то крестьянство не любит их и боится, боится потому, что они могут сделать ему всякую мерзость, тогда как оно им ничего сделать не может; у них дома застрахованы, у них борзые кони, крепкие запоры, злые собаки и связи с местными властями. Но если эти люди поумнее и похитрее Волкова, если они обирание и закабаление крестьянства облекают в благовидную форму, если, утаивая рубль, они в то же время во всеуслышание скидывают грош, не жалеют лишнего полштофа водки или какой-нибудь меры пшена на погорелую деревню, то они пользуются со стороны крестьян почетом, авторитетом и уважением, как кормильцы, как благодетели бедняков, без которых те, пожалуй, пропали бы. Крестьянство смотрит на них, как на людей умных, и отдает им даже детей в науку, считая за честь, что мальчик сидит в лавке, и будучи уверено, что из него выйдет человек».

Я нарочно выписал поподробнее рассуждения автора, чтобы привести характеристику нашей молодой буржуазии, сделанную *противником* положения о буржуазной организации русского общественного хозяйства. Разбор ее может много уяснить в теории русского марксизма, в характере ходячих нападок на него со стороны *современного* народничества.

По началу этой характеристики видно, что автор понимает, как будто, глубокие корни этой буржуазии, понимает связь ее с крупной буржуазией, к которой «примыкает» мелкая, связь ее с крестьянством, которое отдает ей «детей в науку», — но по примерам автора видно, что он далеко не достаточно оценивает силу и прочность этого явления.

Его примеры говорят об уголовных преступлениях, мошенничествах, поджогах и т. д. Получается впечатление, что «обирание и закабаление» крестьянства — какая-то случайность, результат (как выше выразился автор) тяжелых условий жизни, «грубости нравственных идей», стеснений «доступа литературы к народу» (с. 152) и т. п. — одним словом, что все это не вытекает вовсе с неизбежностью из современной организации нашего общественного хозяйства.

Марксист держится именно этого последнего мнения; он утверждает, что это вовсе не случайность, а необходимость, необходимость, обусловленная капиталистическим способом произ-

водства, господствующим в России. Раз крестьянин становится товарным производителем (а таковыми стали уже все крестьяне),— то «нравственность» его неизбежно уже будет «основана на рубле», и винить его за это не приходится, так как самые условия жизни заставляют ловить этот рубль всяческими торговыми ухищрениями *). При этих условиях без всякой уголовщины, без всякого лакейства, без всяких фальсификаций, — из «крестьянства» выделяются богатые и бедные. Старое равенство не может устоять перед рыночными колебаниями. Это — не рассуждение; это — факт. И факт — то, что «богатство» немногих становится при этих условиях *капиталом*, а «бедность» массы заставляет ее продавать свои руки, работать за чужой счет. Таким образом, с точки зрения марксиста, капитализм засел уже прочно, сложился и определился вполне не только в фабрично-заводской промышленности, а и в деревне и вообще везде на Руси.

Можете себе представить теперь, какое остроумие проявляют гг. народники, когда в ответ на аргументацию марксиста, что причина этих «печальных явлений» в деревнях — не политика, не малоземелье, не платежи, не худые «личности», а капитализм, что все это *необходимо* и неизбежно при существовании капиталистического способа производства, при господстве буржуазии, — когда в ответ на это народник начинает кричать, что марксисты хотят обезземелить крестьянство, что они «предпочитают» пролетария «самостоятельному» крестьянину, что они проявляют, — как говорят провинциальные барышни и г. Михайловский в ответе г. Струве — «презрение и жестокость» к «личности»!

На этой картинке деревни, которая интересна тем, что приведена противником, мы можем видеть наглядно вздорность ходячих возражений против марксистов, выдуманность их — в обход фактов, в забвение прежних своих заявлений — все ради того, чтобы спасти, coûte que coûte **), те теории мечтаний и компромиссов, которые, к счастью, не спасет уже теперь никакая сила.

Толкуя о капитализме в России, марксисты перенимают готовые схемы, повторяют как догмы положения, являющиеся слепком с других совсем условий. Ничтожное по развитию и значению капиталистическое производство России (на наших фабриках и заводах занято всего 1.400 тыс. человек) они распространяют на массу крестьянства, которое еще владеет землей. Таково одно из любимых в либерально-народническом лагере возражений.

И вот на этой же картинке деревни видим мы, что народник, описывая порядки «общинных» и «самостоятельных» крестьян, не может обойтись без той же, заимствованной из абстрактных

*) Ср. *Успенского.*
**) — во что бы то ни стало. *Ред.*

схем и чужих догм, категории буржуазии, не может не констатировать, что она — деревенский тип, а не единичный случай, что она связана с крупной буржуазией в городах крепчайшими нитями, что она связана и с крестьянством, которое «отдает ей детей в науку», из которого, другими словами, и выходит эта молодая буржуазия. Мы видим, стало быть, что растет эта молодая буржуазия изнутри нашей «общины», а не извне ее, что порождается она самими общественными отношениями в среде ставшего товаропроизводителем крестьянства; мы видим, что не только «1.400 тыс. человек», а и вся масса сельского русского люда работает на *капитал*, находится в его «заведывании».— Кто же делает правильнее выводы из этих фактов, констатируемых не каким-нибудь «мистиком и метафизиком» марксистом, верующим в «триады», а самобытным народником, умеющим ценить особенности русского быта? Народник ли, когда он толкует о выборе лучшего пути, как будто бы капитал не сделал уже своего выбора, — когда он толкует о повороте к другому строю, ожидаемом от «общества» и «государства», т.-е. от таких элементов, которые только на почве этого выбора и *для него* выросли? или марксист, говорящий, что мечтать об иных путях значит быть наивным романтиком, так как действительность показывает самым очевидным образом, что «путь» уже выбран, что господство капитала факт, от которого нельзя отговориться попреками и осуждениями, — факт, с которым могут считаться только непосредственные производители?

Другой ходячий упрек. Марксисты признают крупный капитализм в России прогрессивным явлением. Они предпочитают таким образом пролетария — «самостоятельному» крестьянину, сочувствуют обезземелению народа и, с точки зрения теории, выставляющей идеалом принадлежность рабочим средств производства, сочувствуют отделению рабочего от средств производства, т.-е. впадают в непримиримое противоречие.

Да, марксисты считают крупный капитализм явлением прогрессивным, — не потому, конечно, что он «самостоятельность» заменяет несамостоятельностью, а потому, что он создает условия для уничтожения несамостоятельности. Что касается до «самостоятельности» русского крестьянина, — то это слащавая народническая сказка, ничего более; в действительности ее нет. И приведенная картина (да и все сочинения и исследования экономического положения крестьянства) тоже содержит признание этого факта (что в действительности нет самостоятельности): крестьянство тоже, как и рабочие, работает «за чужой счет». Это признавали старые русские народники. Но они не понимали причин и характера этой *не*самостоятельности, не понимали, что это — тоже *капиталистическая* несамостоятельность, отличающаяся от городской меньшей развитостью, большими остатками средневе-

ковых, полукрепостнических форм капитала, и только. Сравним хотя бы ту деревню, которую нарисовал нам народник, с фабрикой. Отличие (по отношению к самостоятельности) только в том, что там — видим мы «мелкую тлю», здесь — крупную, там — эксплуатацию по одиночке, приемами полукрепостническими; здесь — эксплуатацию масс, и уже чисто капиталистическую. Понятно, что вторая прогрессивна: тот же капитализм, который не развит и потому уснащен ростовщичеством etc. в деревне, здесь — развит; та же противоположность, которая есть в деревне, здесь выражена вполне; здесь раскол уже полный, и нет возможности такой половинчатой постановки вопроса, которой удовлетворяется мелкий производитель (и его идеолог), способный распекать, журить и проклинать капитализм, но не способный отказаться от самой почвы *) этого капитализма, от доверия к его слугам, от розовых мечтаний насчет того, что «лучше бы без борьбы», как сказал великолепный г. Кривенко. *Здесь* уже мечты невозможны, — и это одно гигантский шаг вперед; здесь уже ясно видно, на чьей стороне сила, и нельзя болтать о выборе пути, ибо ясно, что сначала надо «перераспределить» эту силу.

«Слащавый оптимизм» — так охарактеризовал г. Струве народничество, и это — глубоко верно. Как же не оптимизм, когда полнейшее господство капитала в деревне игнорируется, замалчивается, изображается случайностью? когда предлагаются разные кредиты, артели, общественные запашки, как будто бы все эти «кулаки, коштаны, купцы, кабатчики, подрядчики, закладчики» и т. д., как будто бы вся эта «молодая буржуазия» не держала уже «в руках» «каждую деревню»? — Как же не слащавость, когда люди продолжают говорить «10 лет, 20 лет, 30 лет и более»: «лучше бы без борьбы» — в то время как борьба уже идет, но только глухая, бессознательная, не освещенная идеей.

«Перейдите теперь, читатель, в города. Здесь вы встретите еще большее число и еще большее разнообразие молодой буржуазии. Все, что становится грамотным и считает себя пригодным к более благородной деятельности, все, что считает себя достойным лучшей участи, чем жалкая участь рядового крестьянина, все, наконец, что на этих условиях не помещается в деревне, стремится теперь в города»...

---

*) Во избежание недоразумений поясню, что под «почвой» капитализма я разумею то общественное отношение, которое, в разных формах, царит в капиталистическом обществе и которое Маркс выразил формулой: деньги—товар — деньги с плюсом.

Народнические меры *не затрогивают* этого отношения, не колебля ни товарного производства, дающего в руки частных лиц деньги = продукт общественного труда, ни раскола «народа» на владельцев этих денег и голь.

Марксист обращается к этому отношению в его наиболее развитой форме, являющейся квинт-эссенцией всех остальных форм, и указывает производителю задачу и цель: уничтожить это отношение, заменить его другим.

И тем не менее гг. народники слащаво толкуют об «искусственности» городского капитализма, о том, что это — «тепличное растение», которое если не оберегать, так оно само сгинет и т. д. Стоит только посмотреть попроще на *факты*, и ясно будет, что эта «искусственная» буржуазия просто — переселившиеся в города деревенские мироеды, которые растут совершенно самопроизвольно на почве, освещенной «капиталистической луной» и вынуждающей каждого рядового крестьянина — дешевле купить, дороже продать.

...«Здесь вы встречаете: приказчиков, конторщиков, мелочных торговцев, разносчиков, разнообразных подрядчиков (штукатуров, плотников, каменщиков и т. д.), кондукторов, старших дворников, городовых, биржевых артельщиков, содержателей перевозов, съестных и постоялых дворов, хозяев различных мастерских, фабричных мастеров и т. д. и т. д. Все это — настоящая молодая буржуазия, со всеми ее характерными признаками. Кодекс ее морали и здесь также весьма не широк: вся деятельность основана на эксплуатации труда *), а жизненная задача заключается в приобретении капитала или капитальца для тупоумного времяпрепровождения»... ...«Я знаю, что многие радуются, смотря на этих людей, видят в них ум, энергию и предприимчивость, считают их элементами наиболее прогрессивными из народа, видят в них прямой и естественный шаг отечественной цивилизации, неровности которой сгладятся временем. О, я давно уже знаю, что у нас создалась высшая буржуазия из людей образованных, купечества и дворянства, либо не выдержавшего кризиса 1861 г. и опустившегося, либо охваченного духом времени, что буржуазия эта образовала уже кадры третьего сословия и что ей недостает только именно таких элементов из народа, без которых она ничего поделать не может и которые потому ей и нравятся»...

И тут оставлена лазейка «слащавому оптимизму»: крупной буржуазии «недостает только» буржуазных элементов в народе!! Да откуда же крупная-то буржуазия вышла, как не из народа? Уж не станет ли автор отрицать связи нашего «купечества» с крестьянством?

Здесь проглядывает стремление выставить этот рост молодой буржуазии делом случайным, результатом политики и т. д. Эта поверхностность понимания, неспособная видеть корни явления в самой экономической структуре общества, — способная перечислить со всей подробностью отдельных представителей мелкой буржуазии, но неспособная понять, что самое уже мелкое само-

---

*) Неточно. Мелкий буржуа тем и отличается от крупного, что трудится и сам, — как трудятся и перечисленные автором разряды. Эксплуатация труда, конечно, есть, но не исключительно одна эксплуатация.

Еще одно замечаньице: жизненная задача тех, кто не удовлетворяется участью рядового крестьянина, — приобретение капитала. Так говорит (в трезвые минуты) народник. — Тенденция русского крестьянства — не общинный, а мелко-буржуазный строй. Так говорит марксист.

Какая разница между этими положениями? Не та ли только, что один дает эмпирическое бытовое наблюдение, а другой — обобщает наблюдаемые факты (выражающие реальные «помыслы и чувства» реальных «живых личностей») в политико-экономический закон?

стоятельное хозяйство крестьянина и кустаря является, при данных экономических порядках, вовсе не каким-то «народным» хозяйством, а хозяйством *мелко-буржуазным,* — крайне типична для народника.

...«Я знаю, что многие потомки древних родов занялись уже винокурением и кабаками, железнодорожными концессиями и изысканиями, засели в правления акционерных банков, пристроились даже в литературе и поют теперь новые песни. Я знаю, что многие из литературных песен чрезвычайно нежны и чувствительны, что говорится в них о народных нуждах и желаниях; но я знаю также и то, что обязанность порядочной литературы состоит в обнаружении намерений преподнести народу, вместо хлеба, камень».

Какая аркадская идиллия! Только еще «*намерение*» преподнести?!

И как это гармонирует: «знает», что «уже давно» образовалась буржуазия,—и все еще видит свою задачу в «обнаружении намерений» создать буржуазию!

Вот это-то и называется «прекраснодушием», когда в виду мобилизованной уже армии, в виду выстроенных «солдат», объединенных «давно уже» образовавшимся «генеральным штабом»,— люди все еще толкуют об «обнаружении намерений», а не о вполне уже обнаружившейся борьбе интересов.

...«Французская буржуазия тоже отождествляла себя с народом и всегда предъявляла свои требования от имени народа, но всегда обманывала его. Мы считаем буржуазное направление, принятое нашим обществом за последние годы, вредным и опасным для народной нравственности и благосостояния».

В этой фразе всего нагляднее, пожалуй, сказалась мелкобуржуазность автора. Буржуазное направление объявляет он «вредным и опасным» для нравственности и благосостояния народа! Какого же это «народа», почтенный г. моралист? — того, который работал на помещиков при крепостном праве, укреплявшем «семейный очаг», «оседлость» и «святую обязанность труда»? *), или того, который после шел доставать выкупной рубль? Вы хорошо знаете, что уплата этого рубля была основным и главным условием «освобождения» и что достать этот рубль крестьянину негде, кроме как у господина Купона. Вы сами же описали, как хозяйничал этот господин, как «мещанство принесло в жизнь свою науку, свой нравственный кодекс и свои софизмы», как образовалась уже литература, поющая об «уме, предприимчивости и энергии» буржуазии. Ясно, что все дело сводится к смене двух форм общественной организации: система присвоения прибавочного труда прикрепленных к земле крепостных крестьян создала нравственность крепостническую;

*) Слова г-на Южакова.

система «свободного труда», работающего «за чужой счет», на владельца денег, — создала взамен ее нравственность буржуазную.

Но мелкий буржуа боится прямо взглянуть на вещи и назвать их своим именем: он отворачивается от этих бесспорных фактов и начинает мечтать. «Нравственным» считает он только мелкое самостоятельное хозяйство (*на рынок* — об этом скромно умалчивается), а наемный труд—«безнравственным». Связи одного с другим — и связи неразрывной — он не понимает и считает, что буржуазная нравственность — какая-то случайная болезнь, а не прямой продукт буржуазных порядков, вырастающих из товарного хозяйства (против которого он, собственно, ничего не имеет). И вот он начинает свою старушечью проповедь: «вредно и опасно». Он не сличает новейшей формы эксплуатации с предыдущей, крепостной, он не смотрит на те изменения, которые внесла она в отношения производителя к собственнику средств производства,— он сравнивает ее с бессмысленной, мещанской утопией: с таким «мелким самостоятельным хозяйством», которое, будучи товарным хозяйством, не вело бы к тому, к чему оно ведет (ср. выше: «расцветает пышным цветом кулачество, стремится к закабалению слабейшего в батраки» и т. д.). Поэтому его протест против капитализма (как таковой, как протест — совершенно законный и справедливый) становится реакционной ламентацией.

Он не понимает, что, заменяя ту форму эксплуатации, которая прикрепляла трудящегося к месту, такой, которая бросает его с места на место по всей стране, «буржуазное направление» делало полезную работу; что, заменяя такую форму эксплуатации, при которой присвоение прибавочного продукта опутывалось личными отношениями эксплуататора к производителю, взаимными гражданскими политическими обязательствами, «обеспечением наделом» и т. п., — такой, которая ставит на место всего этого «бессердечный чистоган», сравнивает рабочую силу со всяким другим товаром, с вещью, что «буржуазное направление» тем самым оголяет эксплуатацию от всех ее затемнений и иллюзий, а оголить ее — уже большая заслуга.

Потом еще обратите внимание на заявление, что буржуазное направление принято нашим обществом «за последние годы».— Неужели только «за последние годы»? Не выразилось ли оно вполне ясно и в 60-ые годы? Не господствовало ли оно и в течение всех 70-х годов?

Мелкий буржуа и тут старается смягчить дело, представить буржуазность, характеризующую наше «общество» в течение всей пореформенной эпохи, каким-то временным увлечением, модой. За деревьями не видеть леса — это основная черта мелко-буржуазной доктрины. За протестом против крепостного права и ярыми нападками на него — он (идеолог мелкой буржуазии) не видит буржуазности, потому что боится прямо взглянуть на экономи-

ческие основы тех порядков, которые при этих яростных криках строились. За толками всей передовой («либерально-кокетливой», с. 129) литературы о кредитах, ссудо-сберегательных товариществах, о тяжести податей, о расширении землевладения и тому подобных мерах помощи «народу» — он видит лишь буржуазность «последних годов». Наконец, за сетованиями насчет «реакции», за плачем по «60-м годам» — он уже не видит вовсе лежащей в основе всего этого буржуазности, и потому все больше и больше сливается с этим «обществом».

На самом деле — в течение всех этих трех периодов пореформенной истории наш идеолог крестьянства всегда стоял рядом с «обществом» и вместе с ним, не понимая, что буржуазность этого «общества» отнимает всякую силу у его протеста против буржуазности и неизбежно осуждает его либо на мечтания, либо на жалкие мелко-буржуазные компромиссы.

Эта близость нашего народничества («в принципе» враждебного либерализму) к либеральному обществу умиляла многих и даже по сю пору продолжает умилять г-на В. В. (ср. его статью в «Неделе» за 1894 г., №№ 47 — 49). Из этого выводят слабость или даже отсутствие у нас буржуазной интеллигенции, что и ставится в связь с беспочвенностью русского капитализма. На самом же деле как раз наоборот: эта близость является сильнейшим доводом против народничества, прямым подтверждением его мелко-буржуазности. Как в жизни мелкий производитель сливается с буржуазией наличностью обособленного производства товаров на рынок, своими шансами выбиться на дорогу, пробиться в крупные хозяева,—так идеолог мелкого производителя сливается с либералом, обсуждая совместно вопросы о разных кредитах, артелях etc.; как мелкий производитель неспособен бороться с буржуазией и уповает на такие меры помощи, как уменьшение податей, увеличение землицы и т. п.,—так народник доверяет либеральному «обществу» и его подернутой «нескончаемой фальшью и лицемерием» болтовне о «народе». Если он иногда и обругает «общество», то тут же прибавит, что это только «за последние годы» оно испортилось, а вообще и само по себе недурно.

«Рассматривая недавно новый экономический класс, сложившийся у нас после реформы, «Современные Известия» [48]) так хорошо характеризуют его: «Скромный и бородатый, в смазных сапогах, миллионер старого времени, смирявшийся перед малым полицейским чином, быстро преобразился в европейски развязного, даже бесцеремонного и надменного антрепренера, иногда украшенного очень заметным орденом и высоким чином. Присмотревшись к этому нежданно выросшему люду, с удивлением замечаешь, что большинство этих светил дня—вчерашние кабатчики, подрядчики, приказчики и т. п. Новые пришельцы оживили городскую жизнь, но не улучшили ее. Они внесли в нее суетливое движение и чрезвычайную путаницу понятий. Усиление оборотов, спрос на капитал развили лихорадку предприятий, которая превратилась в горячку игры. Множество

состояний, создавшихся нежданно-негаданно, довели до высшей степени нетерпения аппетит наживы» и т. д....

«Несомненно, что подобные люди оказывают самое гибельное влияние на народную нравственность [вот в чем беда-то: в порче нравов, а вовсе не в капиталистических производственных отношениях! *К. Т.*], и если не сомневаться в том факте, что городские рабочие развращены более деревенских, то, конечно, нельзя сомневаться и в том, что это зависит от того, что они здесь гораздо больше окружены подобными людьми, дышат их воздухом и живут созданною ими жизнью».

Наглядное подтверждение мнения г-на Струве о реакционности народничества. «Разврат» городских рабочих пугает мелкого буржуа, который предпочитает «семейный очаг» (с снохачеством и палкой), «оседлость» (с забитостью и дикостью) и не понимает, что пробуждение человека в «коняге» — пробуждение, которое имеет такое гигантское, всемирно-историческое значение, что для него законны все жертвы, — не может не принять буйных форм при капиталистических условиях вообще, русских в особенности.

«Если русский помещик отличался дикостью, и стоило его только немного поскоблить, чтобы увидеть в нем татарина, то русского буржуа не нужно даже и скоблить. Если старое русское купечество создало темное царство, то теперь оно с новой буржуазией создадут такую тьму, в которой будет гибнуть всякая мысль, всякое человеческое чувство».

Автор жестоко ошибается. Тут должно стоять прошедшее, а не будущее время, должно было стоять и тогда, в 70-х годах.

«Ватаги новых завоевателей расходятся во все стороны и нигде и ни в ком не встречают противодействия. Помещики им покровительствуют и встречают их с радостью, земские люди выдают им громадные страховые премии, народные учителя пишут им кляузы, духовенство делает визиты, а волостные писаря помогают опутывать мордву».

Совершенно верная характеристика! «не только не встречают ни в ком противодействия», но во всех представителях «общества» и «государства», — которых сейчас примерно исчислял автор, — встречают содействие. Поэтому — самобытная логика! — чтобы переменить дело, следует посоветовать избрать другой путь, посоветовать именно «обществу» и «государству».

«Что же, однако, делать против подобных людей?»

...«Ожидать умственного развития эксплуатирующих и улучшения общественного мнения невозможно ни с точки зрения справедливости, ни с точки зрения нравственной и политической, на которые должно становиться государство».

Изволите видеть: государство должно становиться на «нравственную и политическую точку зрения»! Это уже просто одно фразерство. Разве описанные сейчас представители и агенты «государства» (начиная от волостных писарей и выше) не стоят уже на точке зрения «политической» [ср. выше: «многие радуются... считают их элементами наиболее прогрессивными из народа, видят в них прямой и естественный шаг отечественной цивили-

заппи»] и «нравственной» [ср. там же: «ум, энергия, предприимчивость»]? К чему же вы замазываете факт раскола нравственных и политических идей, столь же враждебных, как в жизни безусловно враждебны «новые всходы» — тем, «кому буржуазия приказывает итти на работу»? К чему затушевываете вы борьбу этих идей, которая является лишь надстройкой над борьбой общественных классов?

Это — все естественный и неизбежный результат мелко-буржуазной точки зрения. Мелкий производитель сильно страдает от современных порядков, но он стоит в стороне от прямых, обнажившихся вполне противоречий, боится их и утешает себя наивно-реакционными мечтами, будто «государство должно становиться на нравственную точку зрения» и именно на точку зрения той нравственности, которая мила мелкому производителю.

Нет, вы не правы. Государство, к которому вы обращаетесь, современное, данное государство *должно* становиться на точку зрения той нравственности, которая мила высшей буржуазии, *должно* потому, что таково распределение социальной силы между наличными классами общества.

Вы возмущены. Вы начинаете кричать о том, что, признавая это «долженствование», эту необходимость, марксист защищает буржуазию.

Неправда. Вы чувствуете, что факт — против вас, и потому прибегаете уже к фокусничанью: приписываете желание защищать буржуев тому, кто опровергает ваши мещанские мечты о выборе пути без буржуазии ссылкой на *факт* господства буржуазии; — кто опровергает пригодность ваших мелких, мизерных мер против буржуазии — ссылкой на глубокие корни ее в экономической структуре общества, на экономическую борьбу классов, лежащую в фундаменте «общества» и «государства»; — кто требует от идеологов трудящегося класса полного разрыва с этими элементами и исключительного служения тому, кто «дифференцирован от жизни» буржуазного общества.

«Мы не считаем, конечно, влияния литературы совсем бессильным, но для этого она должна: во-1-х, лучше понимать свое назначение и не ограничиваться одним только (sic!!!) воспитанием кулачества, но и будить общественное мнение».

Вот уже вам petit bourgeois *) в чистом виде! Если литература воспитывает кулачество, так это потому, что она плохо понимает свое назначение!! И эти господа еще удивляются, когда их называют наивными, когда про них говорят, что они — романтики!

*) — мелкий буржуа. *Ред.*

Наоборот, почтенный г. народник: «кулачество» *) воспитывает литературу — оно дает ей идеи (об уме, энергии, предприимчивости, о естественном шаге отечественной цивилизации), оно дает ей средства. Ваше обращение к литературе так же смехотворно, как если бы кто в виду двух стоящих друг перед другом неприятельских армий обратился к адъютанту неприятельского фельдмаршала с покорной просьбой: «действовать дружнее». Совершенно то же самое.

Таково же пожелание — «будить общественное мнение». — Мнение того общества, которое «ищет идеалов с послеобеденным спокойствием»? Привычное для гг. народников занятие, которому они предаются с таким блестящим успехом «10 лет, 20 лет, 30 лет и более».

Постарайтесь еще, господа! Наслаждающееся послеобеденным сном общество иногда мычит — наверное, это значит, что оно приготовилось дружно действовать против кулачества. Поговорите еще с ним. Allez toujours! **)

...«а, во-2-х, она должна пользоваться большею свободою слова и большим доступом к народу».

Хорошее желание. «Общество» сочувствует этому «идеалу». Но так как оно и его «ищет» с послеобеденным спокойствием и так как оно пуще всего на свете боится нарушения этого спокойствия, то... то оно и спешит очень медленно, прогрессирует так мудро, что с каждым годом оказывается все дальше и дальше позади. Гг. народники думают, что это — случайность, что сейчас послеобеденный сон кончится и начнется настоящий прогресс. Дожидайтесь!

«Мы не считаем точно так же бессильным совсем и влияния воспитания и образования, но полагаем, прежде всего: 1) что образование должно даваться всем и каждому, а не исключительным только личностям, выделяя их из среды и превращая в кулаков»...

«Всем и каждому»... — именно этого хотят марксисты. Но они думают, что это недостижимо на почве данных общественно-экономических отношений, потому что даже и при даровом и обязательном обучении для «образования» нужны будут деньги, каковые имеются только у «выходцев». Они думают, что и тут, след., выхода нет вне «суровой борьбы общественных классов».

...«2) что в народные школы должен быть открыт доступ не одним только отставным дьячкам, чиновникам и разным забулдыгам, а людям действительно порядочным и искренне любящим народ».

Трогательно! Но ведь те, кто видит «ум, предприимчивость и энергию» в «выходцах из народа», — также уверяют (и не всегда

*) Это — слишком узкое слово. Надо было сказать точнее и определеннее: буржуазия.

**) — Продолжайте! продолжайте! *Ред.*

неискренне), что «любят народ», из них многие, несомненно, «действительно порядочные» люди. Кто же тут судить будет? Критически мыслящие и нравственно-развитые личности? Но не сказал ли сам автор, что презрением нельзя действовать на этих выходцев? *)

Мы опять, в заключение, стоим у той же основной черты народничества, которую пришлось констатировать в самом начале— отворачиванье от фактов.

Когда народник дает описание фактов,—он сам всегда вынужден признать, что действительность принадлежит капиталу, что действительная наша эволюция — капиталистическая, что сила находится в руках буржуазии. Это признал сейчас, напр., и автор комментируемой статьи, констатировавший, что у нас создалась «мещанская культура», что итти на работу приказывает народу буржуазия, что буржуазное общество занято только утробными процессами и послеобеденным сном, что «мещанство» создало даже буржуазную науку, буржуазную нравственность, буржуазные софизмы политики, буржуазную литературу.

И тем не менее *все* народнические рассуждения *всегда* основаны на обратном предположении: что сила не на стороне буржуазии, а на стороне «народа». Народник толкует о выборе пути (рядом с признанием капиталистического характера действительного пути), об обобществлении труда (находящегося в «заведывании» буржуазии), о том, что государство должно стать на нравственную и политическую точку зрения, что учить народ должны именно народники и т. д., как будто бы сила была уже на стороне трудящихся или их идеологов, и оставалось уже только указать «ближайшие», «целесообразные» и т. п. приемы употребить эту силу.

Все это — сплошная приторная ложь. Можно еще себе представить raison d'être **) для подобных иллюзий полвека тому назад, в те времена, когда прусский регирунгсрат [49]) открывал в России «общину», — но теперь, после свыше чем 30-тилетней истории «свободного» труда, это — не то насмешка, не то фарисейство и слащавое лицемерие.

В разрушении этой благонамеренной и прекраснодушной лжи заключается основная теоретическая задача марксизма. Первая обязанность тех, кто хочет искать «путей к человеческому счастью»—не морочить самих себя, иметь смелость признать откровенно то, что есть.

И когда идеологи трудящегося класса поймут это и прочувствуют,— тогда они признают, что «идеалы» должны заклю-

---

*) Стр. 151: «...не презирают ли они уже раньше (заметьте хорошенько это «уже раньше») тех, кто мог бы их презирать?»

**) —основание. *Ред.*

чаться не в построении лучших и ближайших путей, а в формулировке задачи и целей той «суровой борьбы общественных классов», которая идет перед нашими глазами в нашем капиталистическом обществе; что мерой успеха своих стремлений является не разработка советов «обществу» и «государству», а степень распространения этих идеалов в определенном классе общества; что самым высоким идеалам цена — медный грош, покуда вы не сумели слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе, слить с теми «узкими» и мелкими житейскими вопросами данного класса, вроде вопроса о «справедливом вознаграждении за труд», на которые с таким величественным пренебрежением смотрит широковещательный народник.

...«Но этого мало, умственное развитие, как это мы видим, к сожалению, на каждом шагу, не гарантирует еще человека от хищных поползновений и инстинктов. А потому должны быть приняты немедленно меры к ограждению деревни от хищничества, должны быть, прежде всего, приняты меры к ограждению нашей общины, как формы общежития, помогающей нравственному несовершенству человеческой природы. Община раз навсегда должна быть обеспечена. Но и этого еще мало: община, при настоящих экономических ее условиях и податных тягостях, существовать не может, а потому нужны меры к расширению крестьянского землевладения, уменьшению податей, организации народной промышленности».

«Вот те средства против кулачества, на которых должна сойтись вся порядочная литература и стоять за них. Средства эти, конечно, не новы; но дело в том, что это единственные в своем роде средства, а в этом далеко еще не все убеждены». (Конец.)

Вот вам и программа этого широковещательного народника! Из описания фактов видели мы, что повсюду обнаруживается полное противоречие экономических интересов,— «повсюду» не только в том смысле, что и в городе и в деревне, и внутри общины и вне ее, и в фабрично-заводской и в «народной» промышленности, но и за пределами хозяйственных явлений — и в литературе и в «обществе», в сфере идей нравственных, политических, юридических и т. д. А наш рыцарь-Kleinbürger проливает горькие слезы и взывает: «немедленно принять меры к ограждению деревни». Мещанская поверхностность понимания и готовность итти на компромиссы выступает с полной очевидностью. Самая эта деревня, как мы видели, представляет из себя раскол и борьбу, представляет строй противоположных интересов,— но народник видит корень зла не в самом этом строе, а в частных недостатках его, строит свою программу не на том, чтобы придать идейность идущей борьбе, а на том, чтобы «оградить» деревню от случайных, незаконных, извне являющихся «хищников»! И кому же, достопочтенный г. романтик, следует принять меры к ограждению? Тому «обществу», которое удовлетворяется утробными процессами на счет именно тех, кого

ограждать следует? Земским, волостным и всяким другим агентам, которые живут долями прибавочной стоимости и поэтому, как мы сейчас видели, оказывают не противодействие, а содействие?

Народник находит, что это — грустная случайность, не более,— результат дурного «понимания своего назначения»; что достаточно призыва «сойтись и действовать дружно», чтобы все подобные элементы «сошли с неверного пути». Он не хочет видеть, что если в отношениях экономических сложилась система Plusmacherei, сложились такие порядки, что иметь средства и досуг для образования может только «выходец из народа», а «масса» должна «оставаться невежественной и трудиться за чужой счет»,— то прямым уже и непосредственным следствием их является то, что в «общество» попадают только представители первых, что из этого же «общества» да из «выходцев» только и могут рекрутироваться волостные писаря, земские агенты и так далее, которых народник имеет наивность считать чем-то стоящим *выше* экономических отношений и классов, *над* ними.

Поэтому и воззвание его: «оградите» обращается совсем не по адресу.

Он успокаивается либо на мещанских паллиативах (борьба с кулачеством — см. выше о ссудо-сберегательных товариществах, кредите, о законодательстве для поощрения трезвости, трудолюбия и образования; расширение крестьянского землевладения — см. выше о земельном кредите и покупке земли; уменьшение податей — см. выше о подоходном налоге), либо на розовых институтских мечтаниях. «Организовать народную промышленность».

Да разве она уже не организована? Разве вся эта вышеописанная молодая буржуазия не организовала уже по своему, по буржуазному эту «народную промышленность»? Иначе как бы могла она «держать каждую деревню в своих руках»? как бы могла она «приказывать народу итти на работу» и присвоивать сверхстоимость?

Народник доходит до высшей степени высоконравственного возмущения. Безнравственно — кричит он — признавать капитализм «организацией», когда он построен на анархии производства, на кризисах, на постоянной, нормальной и все углубляющейся безработице масс, на безмерном ухудшении положения трудящихся.

Напротив. Безнравственно подрумянивать истину, изображать чем-то случайным, нечаянным порядки, характеризующие всю пореформенную Россию. Что всякая капиталистическая нация несет технический прогресс и обобществление труда ценой калечения и уродования производителя, — это установлено уже давным давно. Но обращать этот *факт* в материал мораль-

ных собеседований с «обществом» и, закрывая глаза на идущую борьбу, лепетать с послеобеденным спокойствием: «оградите», «обеспечьте», «организуйте» — значит быть романтиком, наивным, реакционным романтиком.

Читателю покажется, вероятно, что этот комментарий не имеет никакой связи с разбором книги г. Струве. По моему, это — отсутствие лишь внешней связи.

Книга г. Струве совсем не открывает русский марксизм. Она только впервые выносит в нашу печать теории, сложившиеся и изложенные уже раньше *). Этому вынесению предшествовала, как было уже замечено, ожесточенная критика марксизма в либерально-народнической печати, критика, запутавшая и исказившая дело.

Не ответив на эту критику, нельзя было, во-первых, подойти к современному положению вопроса; во-вторых, нельзя было понять книги г-на Струве, ее характера и назначения.

Старая народническая статья взята была для ответа потому, что нужна была принципиальная статья и, сверх того, статья, сохраняющая хотя бы некоторые заветы старого русского народничества, ценные для марксизма.

Этим комментарием мы старались показать выдуманность и вздорность ходячих приемов либерально-народнической полемики. Рассуждения на тему, что марксизм связывается с гегельянством **), с верой в триады, в абстрактные, не требующие проверки фактами, догмы и схемы, в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма и т. п., оказываются пустой болтовней.

Марксизм видит свой критерий в *формулировке* и в теоретическом *объяснении* идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов.

Марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах русской истории и действительности; он представляет из себя тоже идеологию трудящегося класса, но только он совершенно иначе объясняет общеизвестные факты роста и побед русского капитализма, совсем иначе понимает задачи, которые ставит наша действительность идеологам непосредственных производителей. Поэтому, когда марксист говорит о необходимости, неизбежности, прогрессивности русского капитализма,— он исходит из общеустановленных фактов, которые именно в силу их

---

*) Ср. *В. В.* «Очерки теоретической экономии». Спб. 1895, стр. 257—8 [50]).

**) Я говорю, разумеется, не об историческом происхождении марксизма, а о его современном содержании.

общеустановленности, в силу их не-новизны и не всегда приводятся; он дает иное объяснение тому, что̀ рассказано и пересказано народнической литературой, — и если народник в ответ на это кричит, что марксист не хочет знать фактов, тогда для уличения его достаточно даже простой ссылки на любую принципиальную народническую статью 70-х годов.

Перейдем теперь к разбору книги г. Струве.

ГЛАВА II.

КРИТИКА НАРОДНИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ.

«Сущность» народничества, его «основную идею» автор видит в «теории самобытного экономического развития России». Теория эта, по его словам, имеет «два основных источника: 1) определенное учение о роли личности в историческом процессе и 2) непосредственное убеждение в специфическом национальном характере и духе русского народа и в особенных его исторических судьбах» (2). В примечании к этому месту автор указывает, что «для народничества характерны вполне определенные социальные идеалы» *), и говорит, что экономическое мировоззрение народников он излагает ниже.

Такая характеристика сущности народничества требует, мне кажется, некоторого исправления. Она слишком абстрактна, идеалистична, указывая господствующие теоретические идеи народничества, но не указывая ни его «сущности», ни его «источника». Остается совершенно неясным, почему указанные идеалы соединялись с верой в самобытное развитие, с особым учением о роли личности, почему эти теории стали «самым влиятельным» течением нашей общественной мысли. Если автор, говоря о «социологических идеях народничества» (заглавие 1-й главы), не мог однако ограничиться чисто социологическими вопросами (метод в социологии), а коснулся и воззрений народников на русскую экономическую действительность, то он должен был указать сущность этих воззрений. Между тем в указанном примечании это сделано лишь наполовину. Сущность народничества — представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа. Г. Струве в своей

*) Конечно, этого выражения: «вполне определенные идеалы» нельзя понимать буквально, т.-е. в том смысле, чтобы народники «вполне определенно» знали, чего они хотят. Это было бы совершенно неверно. Под «вполне определенными идеалами» следует разуметь не более как идеологию непосредственных производителей, хотя бы эта идеология и была самая расплывчатая.

немецкой статье о книге г. Н.—она (Socialpolitisches Centralblatt, 1893, № 1) назвал народничество «национальным социализмом» («Р. Бог — во», 1893, № 12, стр. 185). Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский» — по отношению к старому русскому народничеству и «мещанский»—по отношению к современному. «Источник» народничества — преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России.

Необходимо пояснить эту характеристику. Выражение «мещанский» употребляю я не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова. Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, — вот два признака, составляющие понятие «мелкого буржуа», Kleinbürger'а или, что то же, мещанина. Сюда подходят таким образом и крестьянин, и кустарь, которых народники ставили всегда на одну доску — и вполне справедливо, так как оба представляют из себя таких производителей, работающих на рынок, и отличаются лишь степенью развития товарного хозяйства. Далее, я отличаю старое *) и современное народничество на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелко-буржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились от либерального «общества» и «шли в народ». Теперь не то: капиталистический путь развития России никем уже не отрицается, разложение деревни — бесспорный факт. От стройной доктрины народничества с детской верой в «общину» остались одни лохмотья. В отношении практическом — на место утопии выступила вовсе не утопическая программа мелко-буржуазных «прогрессов», и только пышные фразы напоминают об исторической связи этих убогих компромиссов с мечтами о лучших и самобытных путях для отечества. Вместо отделения от либерального общества мы видим самое трогательное сближение с ним. Вот эта-то перемена и заставляет отличать идеологию крестьянства от идеологии мелкой буржуазии.

Эта поправка насчет действительного содержания народничества казалась тем более необходимой, что указанная абстрактность изложения у г-на Струве — основной его недостаток; это во-первых. А во-вторых, «некоторые основные» положения той доктрины, которою г. Струве не связан, требуют именно сведения общественных идей к общественно-экономическим отношениям.

*) Под старыми народниками я разумею не тех, кто двигал, напр., «Отеч. Зап.», а тех именно, кто «шел в народ».

И мы постараемся теперь показать, что без такого сведения нельзя уяснить себе даже чисто теоретических идей народничества, вроде вопроса о методе в социологии.

Указавши, что народническое учение об особом методе в социологии всего лучше изложено гг. Миртовым и Михайловским, г. Струве характеризует это учение как «субъективный идеализм» и в подтверждение этого приводит из сочинений названных лиц ряд мест, на которых стоит остановиться.

Оба автора ставят во главу угла положение, что историю делали «одинокие борющиеся личности». «Личности создают историю» (Миртов). Еще яснее у г. Михайловского: «Живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставит цели в истории и движет к ним события сквозь строй препятствий, поставляемых ей стихийными силами природы и исторических условий» (8). Это положение — что историю делают личности — теоретически совершенно бессодержательно. История вся и состоит из действий личностей, и задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия, так что указание на «право вмешательства в ход событий» (слова г. Михайловского, цитированные у г. Струве, с. 8) — сводится к пустой тавтологии. Особенно ясно обнаруживается это на последней тираде у г. Михайловского. Живая личность — рассуждает он — движет события сквозь строй препятствий, поставляемых стихийными силами исторических условий. А в чем состоят эти «исторические условия»? По логике автора, опять-таки в действиях других «живых личностей». Неправда ли, какая глубокая философия истории: живая личность движет события сквозь строй препятствий, поставляемых другими живыми личностями! И почему это действия одних личностей именуются стихийными, а о других говорится, что они «двигают события» к поставленным заранее целям? Ясно, что искать тут хоть какого-нибудь теоретического содержания было бы предприятием едва ли не безнадежным. Дело все в том, что те исторические условия, которые давали для наших субъективистов матерьял для «теории», представляли из себя (как представляют и теперь) отношения антагонистические, порождали экспроприацию производителя. Не умея понять этих антагонистических отношений, не умея найти *в них же* такие общественные элементы, к которым бы могли примкнуть «одинокие личности», субъективисты ограничивались сочинением теорий, которые утешали «одиноких» личностей тем, что историю делали «живые личности». Решительно ничего кроме хорошего желания и плохого понимания знаменитый «субъективный метод в социологии» не выражает. Дальнейшее рассуждение г. Михайловского, приводимое у автора, наглядно подтверждает это.

Европейская жизнь, говорит г. Михайловский, «складывалась так же бессмысленно и безнравственно, как в природе течет река или растет дерево. Река течет по направлению наименьшего сопротивления, смывает то, что может смыть, будь это алмазная копь, огибает то, чего смыть не может, будь это навозная куча. Шлюзы, плотины, обводные и отводные каналы устраиваются по инициативе человеческого разума и чувства. Этот разум и это чувство, можно сказать, не присутствовали (? *П. С.*) при возникновении современного экономического порядка в Европе. Они были в зачаточном состоянии, и воздействие их на естественный, стихийный ход вещей было ничтожно» (9).

Г. Струве ставит вопросительный знак, и мы недоумеваем, почему он поставил его при одном только слове, а не при всех словах: до того бессодержательна вся эта тирада! Что это за чепуха, будто разум и чувство не присутствовали при возникновении капитализма? Да в чем же состоит капитализм, как не в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых бы не было разума и чувства, мы еще не знаем. И что это за фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних «живых личностей» на «ход вещей» было «ничтожно»? Совсем напротив. Люди устраивали тогда, в здравом уме и твердой памяти, чрезвычайно искусные шлюзы и плотины, загонявшие непокорного крестьянина в русло капиталистической эксплуатации; они создавали чрезвычайно хитрые обводные каналы политических и финансовых мероприятий, по которым (каналам) устремлялись капиталистическое накопление и капиталистическая экспроприация, не удовлетворявшиеся действием одних экономических законов. Одним словом, все эти заявления г. Михайловского так чудовищно неверны, что одними теоретическими ошибками их не объяснишь. Они объясняются вполне той мещанской точкой зрения, на которой стоит этот писатель. Капитализм обнаружил уже совершенно ясно свои тенденции, он развил присущий ему антагонизм до конца, противоречие интересов начинает уже принимать определенные формы, отражаясь даже в русском законодательстве, — но мелкий производитель стоит в стороне от этой борьбы. Он еще привязан к старому буржуазному обществу своим крохотным хозяйством и потому, будучи угнетаем капиталистическим строем, он не в состоянии понять истинных причин своего угнетения и продолжает утешать себя иллюзиями, что все беды оттого, что разум и чувство людей находятся еще «в зачаточном состоянии».

«Конечно — продолжает идеолог этого мелкого буржуа — люди всегда старались так или иначе повлиять на ход вещей».

«Ход вещей» и состоит в действиях и «влияниях» людей и ни в чем больше, так что это опять пустая фраза.

«Но они руководствовались при этом указаниями самого скудного опыта и самыми грубыми интересами; и понятно, что только в высшей степени редко эти руководители могли случайно натолкнуть на путь, указываемый современною наукою и современными нравственными идеями» (9).

Мещанская мораль, осуждающая «грубость интересов» вследствие неумения сблизить свои «идеалы» с какими-нибудь насущными интересами; мещанское закрывание глаз на происшедший уже раскол, ярко отражающийся и на современной науке, и на современных нравственных идеях.

Понятно, что все эти свойства рассуждений г. Михайловского остаются неизменными и тогда, когда он переходит к России. Он «приветствует от всей души» столь же странные россказни некоего г. Яковлева, что Россия — tabula rasa *), что она может начать с начала, избегать ошибок других стран и т. д. и т. д. И все это говорится в полном сознании того, что на этой tabula rasa очень еще прочно держатся представители «стародворянского» уклада, с крупной поземельной собственностью и с громадными политическими привилегиями, что на ней быстро растет капитализм, с его всевозможными «прогрессами». Мелкий буржуа трусливо закрывает глаза на эти *факты* и уносится в сферу невинных мечтаний о том, что «мы начинаем жить теперь, когда наука уже обладает и некоторыми истинами и некоторым авторитетом».

Итак, уже из тех рассуждений г. Михайловского, которые приведены у г. Струве, явствует классовое происхождение социологических идей народничества.

Не можем не оставить без возражения одно замечание г. Струве против г. Михайловского. «По его взгляду — говорит автор — не существует непреодолимых исторических тенденций, которые, как таковые, должны служить, с одной стороны, исходным пунктом, с другой—обязательными границами для целесообразной деятельности личности и общественных групп» (11).

Это — язык объективиста, а не марксиста (материалиста). Между этими понятиями (системами воззрений) есть разница, на которой следует остановиться, так как неполное уяснение этой разницы принадлежит к основному недостатку книги г. Струве, проявляясь в большинстве его рассуждений.

Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые про-

---

*) — чистое место. *Ред.*

тиворечия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость. В данном случае, напр., материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы *).

От г. Михайловского автор переходит к г. Южакову, который не представляет из себя ничего самостоятельного и интересного. Г. Струве совершенно справедливо отзывается о его социологических рассуждениях, что это — «пышные слова», «лишенные всякого содержания». Стоит остановиться на чрезвычайно характерном (для народничества вообще) различии между г. Южаковым и г. Михайловским. Г. Струве отмечает это различие, называя г-на Южакова «националистом», тогда как, де, г. Михайловскому «всякий национализм всегда был совершенно чужд», и для него, по его собственным словам, «вопрос о народной правде обнимает не только русский народ, а весь трудящийся люд всего цивилизованного мира». Мне кажется, что за этим различием проглядывает еще отражение двойственного положения мелкого производителя, который является элементом прогрессивным, поскольку он начинает, по бессознательно-удачному выражению г. Южакова, «дифференцироваться от общества», — и элементом реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкого хозяина, и старается задержать экономическое развитие. Поэтому и русское народничество умеет сочетать прогрессивные, демократические черты доктрины — с реакционными, вызывающими сочувствие «Московских Ведомостей». Что касается до этих последних, то трудно было бы, думается, рельефнее выставить их, чем сделал это г. Южаков в следующей тираде, приводимой у г. Струве.

---

*) Конкретные примеры неполного проведения материализма у г. Струве и невыдержанности у него теории классовой борьбы будут указываться ниже в каждом отдельном случае.

«Только крестьянство всегда и всюду являлось носителем чистой идеи труда. Повидимому, эта же идея вынесена на арену современной истории так называемым четвертым сословием, городским пролетариатом, но видоизменения, претерпенные ее сущностью, при этом так значительны, что крестьянин едва ли бы узнал в ней обычную основу своего быта. *Право* на труд, а не святая *обязанность* труда, обязанность в поте лица добывать хлеб свой [так вот что скрывалось за «чистой идеей труда»! Чисто крепостническая идея об «обязанности» крестьянина добывать хлеб... для исполнения своих повинностей? Об этой «святой» обязанности говорится забитому и задавленному ею коняге!! *)]; затем, выделение труда и вознаграждение за него, вся эта агитация о справедливом вознаграждении за труд, как будто не сам труд в плодах своих создает это вознаграждение; [«Что это?»—спрашивает г. Струве—«sancta simplicitas **) или нечто иное?» Хуже. Это — апофеоз послушливости прикрепленного к земле батрака, привыкшего работать на других чуть не даром]; дифференцирование труда от жизни в какую-то отвлеченную (?! *П. С.*) категорию, изображаемую столькими-то часами пребывания на фабрике, не имеющую никакого иного (?! *П. С.*) отношения, никакой связи с повседневными интересами работника [чисто мещанская трусость мелкого производителя, которому порой очень и очень плохо приходится от современной капиталистической организации, но который пуще всего на свете боится серьезного движения против этой организации со стороны элементов, окончательно «дифференцировавшихся» от всякой связи с ней]; наконец, отсутствие оседлости, домашнего, созданного трудом очага, изменчивость поприща труда,—все это совершенно чуждо идее крестьянского труда. Трудовой, от отцов и дедов завещанный очаг, труд, проникающий своими интересами всю жизнь и строящий ее мораль — любовь к политой потом многих поколений ниве, — все это, составляющее неотъемлемую отличительную черту крестьянского быта, совершенно незнакомо рабочему пролетариату, а потому, в то время, как жизнь последнего, хотя и трудовая, строится на морали буржуазной (индивидуалистической и опирающейся на принцип приобретенного права), а в лучшем случае отвлеченно-философской, в основе крестьянской морали лежит именно труд, его логика и его требования» (18). Тут выступают уже в чистом виде реакционные черты мелкого производителя, его забитость, заставляющая его верить в то, что

*) Автор не знает, должно быть, — как и подобает маленькому буржуа, — что западно-европейский трудящийся люд давно перерос ту стадию развития, когда он требовал «права на труд», и требует теперь «права на леность», права на отдых от чрезмерной работы, которая калечит и давит его.

**) — святая простота. *Ред.*

ему навеки суждена «святая обязанность» быть конягой; его «завещанный от отцов и дедов» сервилизм; его привязанность к отдельному крохотному хозяйству, боязнь потерять которое вынуждает его отказаться даже от всякой мысли о «справедливом вознаграждении» и выступать врагом всякой «агитации»,— которое, вследствие низкой производительности труда и прикрепления трудящегося к одному месту делает его дикарем и, силою одних уже хозяйственных условий, необходимо порождает его забитость и сервилизм. Разрушение этих реакционных черт должно быть безусловно поставлено в заслугу нашей буржуазии; прогрессивная работа ее состоит именно в том, что она порвала все связи трудящегося с крепостническими порядками, с крепостническими традициями. Средневековые формы эксплуатации, которые были прикрыты *личными* отношениями господина к его подданному, местного кулака и скупщика к местным крестьянам и кустарям, патриархального «скромного и бородатого миллионера» к его «ребятам», и которые в силу этого порождали ультра-реакционные идеи, — эти средневековые формы она заменила и продолжает заменять эксплуатацией «европейски-развязного антрепренера», эксплуатацией безличной, голой, ничем не прикрытой и уже тем самым разрушающей нелепые иллюзии и мечтания. Она разрушила прежнюю обособленность крестьянина («оседлость»), который не хотел, *да и не мог* знать ничего кроме своего клочка земли, и — обобществляя труд и чрезвычайно повышая его производительность, стала силой выталкивать производителя на арену общественной жизни.

Г. Струве говорит по поводу этого рассуждения г-на Южакова: «Таким образом г. Южаков с полной ясностью документирует славянофильские корни народничества» (18) и ниже, подводя итоги своему изложению социологических идей народничества, он добавляет, что вера в «самобытное развитие России» составляет «историческую связь между славянофильством и народничеством» и что поэтому спор марксистов с народниками есть «естественное продолжение разногласия между славянофильством и западничеством» (29). Это последнее положение, мне кажется, требует ограничения. Бесспорно, что народники очень и очень повинны в квасном патриотизме самого низкого разбора (г. Южаков, напр.). Бесспорно и то, что игнорирование социологического метода Маркса и его постановки вопросов, касающихся непосредственных производителей, равносильно для тех русских людей, кто хочет представлять интересы этих непосредственных производителей, с полным отчуждением от западной «цивилизации». Но сущность народничества лежит глубже; не в учении о самобытности и славянофильстве, а в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя. Поэтому среди народников и были писатели (и это были лучшие из народников),

которые, как это признал и г. Струве, не имели ничего общего с славянофильством, которые даже признавали, что Россия вступила на тот же путь, что и Западная Европа. С такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться. Народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и *капитала*. Оно отразило этот *факт* через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создав теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бесплодные упования на иной путь развития, и наша задача исправить эту ошибку народничества, показать, какая общественная группа может явиться действительным представителем интересов непосредственных производителей.

Переходим теперь ко второй главе книги г. Струве.

План изложения у автора следующий: сначала он указывает те общие соображения, которые заставляют считать материализм единственно правильным методом общественной науки; затем излагает воззрения Маркса и Энгельса и, наконец, применяет полученные выводы к некоторым явлениям русской жизни. Вследствие особенной важности предмета этой главы, мы попытаемся подробнее разобрать ее содержание, отмечая все те пункты, которые вызывают возражение.

Автор начинает с совершенно справедливого указания на то, что теория, сводящая общественный процесс к действиям «живых личностей», которые «ставят себе цели» и «двигают события», — есть результат недоразумения. Никто, разумеется, и не думал никогда о том, чтобы приписывать «социальной группе самостоятельное, независимое от составляющих ее личностей, существование» (31), но дело в том, что «личность, как конкретная индивидуальность, есть производная всех раньше живших и современных ей личностей, т.-е. социальной группы» (31). Поясним мысль автора. Историю делает — рассуждает г. Михайловский — «живая личность со всеми своими помыслами и чувствами». Совершенно верно. Но чем определяются эти «помыслы и чувства»? Можно ли серьезно защищать то мнение, что они появляются случайно, а не вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности и которая отражается в ее «помыслах и чувствах» с положительной или отрицательной стороны, в представительстве интересов того или другого общественного класса? И далее: по каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой

признак может быть лишь один: *действия* этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т.-е. *социальные факты*. «Обособляя социальную группу от личности,— говорит г. Струве,— мы подразумеваем под первой все те многообразные взаимодействия между личностями, которые возникают на почве социальной жизни и объективируются в обычаях и праве, в нравах и нравственности, в религиозных представлениях» (32). Другими словами: социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения. Социолог-субъективист, начиная свое рассуждение якобы с «живых личностей», на самом деле начинает с того, что вкладывает в эти личности такие «помыслы и чувства», которые он считает рациональными (потому что, изолируя своих «личностей» от конкретной общественной обстановки, он тем самым отнял у себя возможность изучить *действительные* их помыслы и чувства), т.-е. «начинает с утопии», как это и пришлось признать г-ну Михайловскому *). А так как, далее, собственные представления этого социолога о рациональном сами отражают (бессознательно для него самого) данную социальную среду, то окончательные выводы его из рассуждения, которые представляются ему «чистейшим» продуктом «современной науки и современных нравственных идей», на самом деле выражают только точку зрения и интересы... мещанства.

Этот последний пункт, — т.-е., что особая социологическая теория о роли личности или о субъективном методе ставит утопию на место критического материалистического исследования, — особенно важен и, так как он опущен г. Струве, то на нем стоит несколько остановиться.

Возьмем для иллюстрации ходячее народническое рассуждение о кустаре. Народник описывает жалкое положение этого кустаря, мизерность его производства, безобразнейшую эксплуатацию его скупщиком, который кладет в карман львиную долю продукта, оставляя производителю гроши за 16 — 18-часовой рабочий день, — и заключает: жалкий уровень производства и эксплуатация труда кустаря — это дурные стороны данных порядков. Но кустарь не наемный рабочий; это — хорошая сторона. Следует сохранить хорошую сторону и уничтожить дурную и для этого устроить кустарную артель. Вот — законченное народническое рассуждение.

Марксист рассуждает иначе. Знакомство с положением промысла возбуждает в нем кроме вопроса о том, хорошо это или

*) Сочинения, т. III, с. 155: «Социология должна начать с некоторой утопии».

дурно, еще вопрос о том, какова организация этого промысла, т.-е. как *и почему именно так, а не иначе*, складываются отношения между кустарями по производству данного продукта. И он видит, что эта организация есть товарное производство, т.-е. производство *обособленных* производителей, связанных между собою *рынком*. Продукт отдельного производителя, предназначенный на чужое потребление, может дойти до потребителя и дать право производителю на получение другого общественного продукта только принявши форму *денег*, т.-е. подвергшись предварительно общественному учету как в качественном, так и в количественном отношениях. А учет этот производится за спиной производителя, посредством рыночных колебаний. Эти неведомые производителю, независимые от него рыночные колебания не могут не порождать неравенства между производителями, не могут не усиливать этого неравенства, разоряя одних и давая другим в руки деньги = продукт общественного труда. Отсюда ясна и причина могущества владельца денег, скупщика: она состоит в том, что среди кустарей, живущих со дня на день, самое большое с недели на неделю, он один владеет деньгами, т.-е. продуктом прежнего *общественного* труда, который в его руках и становится *капиталом*, орудием присвоения прибавочного продукта других кустарей. Поэтому, заключает марксист, при таком устройстве общественного хозяйства экспроприация производителя и эксплуатация его совершенно неизбежны, совершенно необходимо подчинение неимущих имущим и та противоположность их интересов, которая дает содержание *научному* понятию *борьбы классов*. И, следовательно, интерес производителя состоит совсем не в примирении этих противоположных элементов, а, напротив, в развитии противоположности, в развитии сознания этой противоположности. Мы видим, что рост товарного хозяйства приводит и у нас, на Руси, к такому развитию противоположности: по мере увеличения рынка и расширения производства капитал торговый становится индустриальным. Машинная индустрия, разрушая мелкое обособленное производство окончательно (оно уже в корень подорвано скупщиком), обобществляет труд. Система Plusmacherei, которая в кустарном производстве прикрыта кажущейся самостоятельностью кустаря и кажущейся случайностью власти скупщика, — теперь становится ясной и ничем не прикрытой. «Труд», который и в кустарном промысле принимал участие в «жизни» только тем, что дарил прибавочный продукт скупщикам, теперь окончательно «дифференцируется от жизни» буржуазного общества. Это общество выталкивает его с полной откровенностью прочь, договаривая до конца лежащий в его основании принцип, что производитель может получить средства к жизни лишь тогда, когда найдет владельца денег, соблаговоляющего присвоить прибавочный продукт его труда, — и то,

чего не мог понять кустарь [и его идеолог—народник] — именно: глубокий, классовой характер вышеуказанной противоположности, — становится само собой ясным для производителя. Вот почему интересы кустаря могут быть представлены только этим передовым производителем.

Сравним теперь эти рассуждения со стороны их социологического метода.

Народник уверяет, что он — реалист. «Историю делают живые личности», и я, мол, и начинаю с «чувств» кустаря, отрицательно настроенного к современному порядку, и с помыслов его об устройстве порядков лучших, а марксист рассуждает о какой-то необходимости и неизбежности; он мистик и метафизик.

Действительно, отвечает этот мистик, историю делают «живые личности», — и я, разбирая вопрос о том, почему общественные отношения в кустарном промысле сложились так, а не иначе (вы этого вопроса даже и не поставили!), разбирал именно то, *как* «живые личности» *свою историю сделали* и продолжают делать. И у меня был в руках надежный критерий того, что я имею дело с «живыми», действительными личностями, с действительными помыслами и чувствами: критерий этот состоял в том, что у них уже «помыслы и чувства» выразились в действиях, создали определенные общественные отношения. Я, правда, не говорю никогда о том, что «историю делают живые личности» (потому что мне кажется, что это — пустая фраза), но, исследуя *действительные* общественные отношения и их *действительное* развитие, я исследую именно продукт деятельности живых личностей. А вы говорить-то о «живых личностях» говорите, а на самом деле берете за исходный пункт не «живую личность» с теми «помыслами и чувствами», которые действительно создаются условиями их жизни, данной системой производственных отношений, а куклу, и начиняете ей голову своими собственными «помыслами и чувствами». Понятно, что от такого занятия получаются одни только невинные мечтания; жизнь оказывается в стороне от вас, и вы — в стороне от жизни *). Да мало еще этого: вы посмотрите-ка, *чем* вы начиняете голову этой куклы и какие меры вы проповедуете. Рекомендуя трудящимся артель, как «путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями», вы не приняли во внимание одного маленького обстоятельства: всей организации нашего общественного хозяйства. Не понимая, что это—капиталистическое хозяйство, вы не заметили, что *на этой почве* все возможные артели

*) «Практика урезывает ее («возможность нового исторического пути») беспощадно»; «она убывает, можно сказать, с каждым днем» (слова г. Михайловского, у П. Струве, с. 16). Убывает, конечно, не «возможность», которой никогда не было, а убывают иллюзии. И хорошо делают, что убывают.

останутся крохотными паллиативами, нимало не устраняющими ни концентрации средств производства, и денег в том числе, в руках меньшинства (эта концентрация — неоспоримый факт), ни полной обездоленности громадной массы населения, — паллиативами, которые в лучшем случае поднимут только кучку отдельных кустарей в ряды мелкой буржуазии. Из идеолога трудящегося вы становитесь идеологом мелкой буржуазии.

Возвратимся однако к г. Струве. Указавши на бессодержательность рассуждений народников о «личности», он продолжает: «Что социология в самом деле стремится всегда свести элементы индивидуальности к социальным источникам, в этом убеждает любая попытка объяснить тот или другой крупный момент исторической эволюции. Когда дело доходит до «исторической личности», «великого человека», всегда является стремление выставить его, как «носителя» духа известной эпохи, представителя своего времени, — его действия, его успехи и неудачи представить как необходимые результаты всего предшествующего хода вещей» (32). Эта общая тенденция всякой попытки — *объяснить* социальные явления, т.-е. создать общественную науку, «нашла себе яркое выражение в учении о классовой борьбе, как основном процессе общественной эволюции. Раз личность была сброшена со счетов, нужно было найти другой элемент. Таким элементом оказалась социальная группа» (33). Г. Струве совершенно прав, указывая, что теория классовой борьбы довершает, так сказать, общее стремление социологии сводить «элементы индивидуальности к социальным источникам». Мало этого: теория классовой борьбы впервые проводит это стремление с такой полнотой и последовательностью, что возводит социологию на степень науки. Достигнуто было это материалистическим определением понятия «группы». Само по себе это понятие слишком еще неопределенно и произвольно: критерий различения «групп» можно видеть и в явлениях религиозных, и этнографических, и политических, и юридических и т. п. Нет твердого признака, по которому бы в каждой из этих областей можно было различать те или иные «группы». Теория же классовой борьбы потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что установляет приемы этого сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью. Во-первых, эта теория выработала понятие *общественно-экономической формации*. Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт — способ добывания средств к жизни, она поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений («производственных отношений» по терминологии Маркса) указала ту *основу* общества, которая облекается поли-

тико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм. Этой теорией был применен к социальной науке тот объективный, общенаучный критерий повторяемости, возможность применения которого к социологии отрицали субъективисты. Они рассуждали именно так, что вследствие громадной сложности социальных явлений и разнообразия их нельзя изучать эти явления, не отделив важные от неважных, и для такого выделения необходима точка зрения «критически мыслящей» и «нравственно-развитой» личности, — и они приходили таким образом благополучно к превращению общественной науки в ряд назиданий мещанской морали, образцы которой мы видели у г. Михайловского, философствовавшего о нецелесообразности истории и о пути, руководимом «светом науки». Вот этим-то рассуждениям и был подрезан корень теорией Маркса. На место различия важного и неважного было поставлено различие между экономической структурой общества, как *содержанием*, и политической и идейной *формой*: самое понятие экономической структуры было точно разъяснено опровержением взгляда прежних экономистов, видевших законы природы там, где есть место только законам особой, исторически определенной системы производственных отношений. На место рассуждений субъективистов об «обществе» вообще, рассуждений бессодержательных и не шедших далее мещанских утопий (ибо не выяснена была даже возможность обобщения самых различных социальных порядков в особые виды социальных организмов) — было поставлено *исследование* определенных форм устройства общества. Во-вторых, действия «живых личностей» в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия, бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, след., по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой, — одним словом, к действиям *классов*, борьба которых определяла развитие общества. Этим был опровергнут детски-наивный, чисто механический взгляд на историю субъективистов, удовлетворявшихся ничего не говорящим положением, что историю делают живые личности, и не хотевших разобрать, какой социальной обстановкой и как именно обусловливаются их действия. На место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс, — воззрение, без которого, конечно, и не

могло бы быть общественной науки. Г. Струве очень справедливо указывает, что «игнорирование личности в социологии или, вернее, ее устранение из социологии есть в сущности частный случай стремления к научному познанию» (33), что «индивидуальности» существуют не только в духовном, но и в физическом мире. Все дело в том, что подведение «индивидуальностей» под известные общие законы давным давно завершено для мира физического, а для области социальной оно твердо установлено лишь теорией Маркса.

Дальнейшее возражение г. Струве против социологической теории российских субъективистов состоит в том, что помимо всех вышеприведенных аргументов — «социология *ни в каком случае* не может признавать то, что мы называем индивидуальностью, за первичный факт, так как самое понятие индивидуальности (не подлежащей дальнейшему объяснению) и соответствующий ему факт есть результат долгого социального процесса» (36). Это — очень верная мысль, на которой следует остановиться тем более, что аргументация автора представляет некоторые неправильности. Он приводит взгляды *Зиммеля*, который, де, в сочинении своем: «О социальной дифференциации» доказал прямую зависимость между развитием индивидуальности и дифференциацией той группы, в которую входит эта личность. Г. Струве противополагает это положение теории г. Михайловского об обратной зависимости между развитием индивидуальности и дифференциацией («разнородностью») общества. «В недифференцированной среде — возражает ему г. Струве — индивидуум будет «гармонически целостен»... в своем «однообразии и безличности». «Реальная личность не может быть «совокупностью всех черт, свойственных человеческому организму вообще» просто потому, что такая полнота содержания превышает силы реальной личности» (38 — 39). «Для того, чтобы личность могла быть дифференцированной, она должна находиться в дифференцированной среде» (39).

Не ясно из этого изложения, каким именно образом ставит вопрос Зиммель и как он аргументирует. Но в передаче г. Струве постановка вопроса грешит тем же недостатком, что и у г. Михайловского. Абстрактное рассуждение о том, в какой зависимости стоит развитие (и благосостояние) индивидуальности от дифференциации общества, — совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношения, годного для всякой формы устройства общества. Самое понятие «дифференциации», «разнородности» и т. п. получает совершенно различное значение, смотря по тому, к какой именно социальной обстановке применить его. Основная ошибка г. Михайловского именно и состоит в абстрактном догматизме его рассуждений, пытающихся обнять «прогресс» вообще вместо изучения конкретного «прогресса» какой-нибудь

конкретной общественной формации. Когда г. Струве выставляет против г. Михайловского свои общие положения (вышевыписанные), он повторяет его ошибку, отходя от изображения и выяснения конкретного процесса в область туманных и голословных догм. Возьмем пример: «Гармоническая целостность индивидуума в своем содержании определяется степенью развития, т.-е. дифференциации группы» — говорит г. Струве и пишет эту фразу курсивом. Однако, что следует понимать тут под «дифференциацией» группы? Уничтожение крепостного права усилило эту «дифференциацию» или ослабило? Г. Михайловский решает вопрос в последнем смысле («Что такое прогресс?»); г. Струве решил бы его, вероятно, в первом — ссылаясь на усиление общественного разделения труда. Один имел в виду уничтожение сословных различий; другой — создание экономических различий. Термин так неопределенен, как видите, что его можно натягивать на противоположные вещи. Еще пример. Переход от капиталистической мануфактуры к крупной машинной индустрии можно бы признать уменьшением «дифференциации», ибо детальное разделение труда между специализировавшимися рабочими прекращается. А между тем не может подлежать сомнению, что условия развития индивидуальности гораздо благоприятнее (для рабочего) именно в последнем случае. Вывод отсюда — тот, что неправильна уже самая постановка вопроса. Автор сам признает, что существует также антагонизм между личностью и группой (о чем и говорит Михайловский). «Но жизнь — прибавляет он — никогда не слагается из *абсолютных* противоречий: в ней все *текуче* и *относительно*, и в то же время все отдельные стороны находятся в постоянном взаимодействии» (39). Если так, — то к чему же было и выставлять абсолютные соотношения между группой и личностью? — соотношения, не относящиеся к строго определенному моменту развития определенной общественной формации? почему было и не отнести всю аргументацию к вопросу о конкретном процессе эволюции России? У автора есть попытка поставить вопрос таким образом, и если бы он выдержал ее последовательно, его аргументация много выиграла бы. «Только разделение труда, — это грехопадение человечества, по учению г. Михайловского, — создало условия для развития той «личности», во имя которой г. Михайловский справедливо протестует против современных форм разделения труда» (38). Это превосходно сказано; только бы вместо «разделение труда» следовало сказать «капитализм» и даже еще уже: *русский капитализм*. Прогрессивное значение капитализма состоит именно в том, что он разрушил прежние узкие условия жизни человека, порождавшие умственную тупость и не дававшие возможности производителям самим взять в руки свою судьбу. Громадное развитие торговых сношений и мирового обмена, постоянные передвижения громад-

ных масс населения разорвали исконные узы рода, семьи, территориальной общины и создали то разнообразие развития, «разнообразие талантов, богатство общественных отношений» *), которое играет такую крупную роль в новейшей истории Запада. В России этот процесс сказался с полной силой в пореформенную эпоху, когда старинные формы труда рушились с громадной быстротой и первое место заняла купля-продажа рабочей силы, отрывавшая крестьянина от патриархальной полукрепостнической семьи, от отупляющей обстановки деревни и заменявшая полукрепостнические формы присвоения сверхстоимости — формами чисто капиталистическими. Этот экономический процесс отразился в социальной области «общим подъемом чувства личности», вытеснением из «общества» помещичьего класса разночинцами, горячей войной литературы против бессмысленных средневековых стеснений личности и т. п. Что именно пореформенная Россия принесла этот подъем чувства личности, чувства собственного достоинства, — этого народники не станут, вероятно, оспаривать. Но они не задаются вопросом, какие материальные условия повели к этому. При крепостном праве, разумеется, ничего подобного быть не могло, — и вот народник приветствует «освободительную» реформу, не замечая, что он впадает в такой же близорукий оптимизм, как буржуазные историки, про которых Маркс сказал, что они смотрят на крестьянскую реформу сквозь clair-obscur **) «эмансипации», не замечая, что эта «эмансипация» состояла только в замене одной формы другою, в замене феодального прибавочного продукта буржуазною прибавочною стоимостью. Совершенно то же самое было и у нас. Именно система «старо-дворянского» хозяйства, привязывавшая население к месту, раздроблявшая его на кучки подданных отдельных вотчинников, и создавала придавленность личности. И далее, — именно капитализм, оторвавший личность от всех крепостных уз, поставив ее в самостоятельные отношения к рынку, сделав ее товаровладельцем (и в качестве такового — равной всякому другому товаровладельцу), и создал подъем чувства личности. Если гг. народники фарисейски ужасаются, когда им говорят о прогрессивности русского капитализма, то это только потому, что они не задумываются над вопросом о материальных условиях тех «благ прогресса», которые знаменуют пореформенную Россию. Если г. Михайловский начинает свою «социологию» с «личности», протестующей против русского капитализма, как случайного и временного уклонения России с правильного пути,

---

*) *K. Marx*, Der achtzehnte Brumaire, S. 98 u. s. w. (*К. Маркс*. «18-ое Брюмера Луи Бонапарта», стр. 98 и след. В. И. Ленин ссылается здесь на немецкий текст как по цензурным соображениям, так и потому, что русского перевода этой работы в то время еще не было. *Ред.*)

**) — завуалированность. *Ред.*

то он уже тут побивает сам себя, не понимая, что только капитализм и создал условия, сделавшие возможным этот протест личности. — На этом примере мы видим еще раз, в каком изменении нуждается аргументация г. Струве. Вопрос следовало свести целиком на почву русской действительности, на почву выяснения того, что есть, и почему есть именно так, а не иначе: народники не даром всю свою социологию строили на том, что вместо анализа действительности рассуждали о том, что «может быть»; они не могли не видеть, что действительность беспощадно разбивает их иллюзии.

Свой разбор теории «личностей» автор заключает такой формулировкой: «личность для социологии есть функция среды», «личность является тут формальным понятием, содержание которого дается исследованием социальной группы» (40). Последнее противоположение особенно хорошо подчеркивает противоположность субъективизма и материализма: рассуждая о «личности», субъективисты определяли *содержание* этого понятия (т.-е. «помыслы и чувства» этой личности, ее социальные действия) *a priori*, т.-е. подсовывали свои утопии вместо «исследования социальной группы».

Другая «важная сторона» материализма — продолжает г. Струве — «заключается в том, что экономический материализм подчиняет идею факту, сознание и долженствование — бытию» (40). «Подчиняет» — это значит, конечно, в данном случае: отводит подчиненное место в объяснении общественных явлений. Субъективисты-народники поступают как раз наоборот: они исходят в своих рассуждениях из «идеалов», нисколько не задумываясь о том, что эти идеалы могли явиться только известным отражением действительности, что их, следовательно, необходимо проверить фактами, свести к фактам. — Народнику, впрочем, без пояснений будет непонятно это последнее положение. Как это так? — думает он, — идеалы должны осуждать факты, указывать, как изменить их, проверять факты, а не проверяться фактами. Это последнее кажется народнику, привыкшему витать в заоблачных сферах, примирением с фактом. Объяснимся.

Наличность «хозяйничанья за чужой счет», наличность эксплуатации всегда будет порождать как в самих эксплуатируемых, так и в отдельных представителях «интеллигенции» идеалы, противоположные этой системе.

Эти идеалы чрезвычайно ценны для марксиста; он только на их почве и полемизирует с народничеством, он полемизирует исключительно по вопросу о построении этих идеалов и осуществлении их.

Для народника достаточно констатировать факт, порождающий такие идеалы, затем привести указания на законность идеала с точки зрения «современной науки и современных нравственных

идей» [причем он не понимает, что эти «современные идеи» означают только уступки западно-европейского «общественного мнения» новой нарождающейся силе] и взывать далее к «обществу» и «государству»: обеспечьте, оградите, организуйте!

Марксист исходит из того же идеала, но сличает его не с «современной наукой и современными нравственными идеями» *), а *с существующими классовыми противоречиями*, и формулирует его поэтому не как требование «науки», а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат объективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений. Если не свести *таким образом* идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их осуществление. —

Указав таким образом общие теоретические положения, заставляющие признать материализм единственно правильным методом общественной науки, г. Струве переходит к изложению взглядов Маркса и Энгельса, цитируя преимущественно сочинения последнего. Это — чрезвычайно интересная и поучительная часть книги.

Чрезвычайно справедливо указание автора, что «нигде не приходится натыкаться на такое непонимание Маркса, как у русских публицистов» (44). В пример приводится прежде всего г. Михайловский, усматривающий в «историко-философской теории» Маркса только выяснение «генезиса капиталистического строя». Г. Струве с полным правом протестует против этого. Действительно, это в высшей степени характерный факт. Г. Михайловский писал о Марксе много раз, но никогда и не заикался о том отношении, в котором находится *метод Маркса* к «субъективному методу в социологии». Г. Михайловский писал о «Капитале», заявлял свою «солидарность» (?) с экономической доктриной Маркса, но обходил строгим молчанием вопрос — к примеру скажем — о том, не подходят ли российские субъективисты под метод Прудона, желающего переделать товарное хозяйство по своему идеалу справедливости? **). Чем отличается этот критерий (справедливости — justice éternelle) от критерия г-на Михайловского: «современная наука и современные нравственные идеи»? И почему г. Михайловский, так энергично протестовавший всегда против отождествления метода общественных наук с методом наук естественных, не спорил против заявления Маркса, что подобный метод Прудона совершенно так же нелеп, как если бы химик пожелал вместо «изучения действительных законов обмена веществ» преобразовать

*) Энгельс в своей книге «Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft» превосходно заметил, что это — старый психологический метод: сличать свое понятие не с фактом, который оно отражает, а с другим понятием, с слепком с другого факта.

**) Das Kapital, I B., 2-te Aufl., S. 62 u. 38.

этот обмен по законам «сродства»? не спорил против того взгляда Маркса, что социальный процесс есть «естественно-исторический процесс»? Незнакомством с литературой этого не объяснишь: дело, очевидно, в полнейшем непонимании или нежелании понять. Г. Струве первый, кажется, в нашей литературе заявил это, — и в этом его большая заслуга.

Перейдем теперь к тем заявлениям автора по поводу марксизма, которые вызывают критику. «Мы не можем не признать, — говорит г. Струве, — что *чисто философское обоснование* этого учения еще не дано, и что оно еще не справилось с тем огромным конкретным материалом, который представляет всемирная история. Нужен, очевидно, пересмотр фактов с точки зрения новой теории; нужна критика теории на фактах. Быть может, многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены» (46). Не совсем ясно, что разумеет автор под «чисто философским обоснованием»? С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки. Таким образом под философским обоснованием можно разуметь *или* сопоставление посылок ее с твердо установленными законами других наук [и г. Струве сам признал, что уже психология дает положения, заставляющие отказаться от субъективизма и принять материализм], *или* опыт применения этой теории. А в этом отношении мы имеем заявление самого г. Струве, что «за материализмом всегда останется та заслуга, что он дал глубоко-научное, поистине *философское* (курсив автора) истолкование целому ряду (это NB) исторических фактов огромной важности» (50). Последнее заявление автора содержит признание, что материализм — единственно научный метод социологии, и поэтому, конечно, нужен «пересмотр фактов» с этой точки зрения, особенно пересмотр фактов русской истории и действительности, так усердно искажавшихся российскими субъективистами. Что касается до последнего замечания насчет возможных «односторонностей» и «слишком поспешных обобщений», то мы, не останавливаясь на этом общем и потому неясном замечании, обратимся прямо к одной из тех поправок, которую вносит «не зараженный ортодоксией» автор в «слишком поспешные обобщения» Маркса.

Дело идет о государстве. Отрицая государство, «Маркс и его последователи» «увлеклись» «слишком далеко в критике *современного государства*» и впали в «односторонность». «Государство — исправляет это увлечение г. Струве — есть прежде всего *организация порядка;* организацией же господства (классового) оно является в обществе, в котором подчинение одних групп другим обусловливается его экономической структурой» (53). Родовой быт, по мнению автора, знал государство, которое оста-

нется и при уничтожении классов, ибо признак государства — принудительная власть.

Можно только подивиться тому, что автор с таким поразительным отсутствием аргументов критикует Маркса с своей профессорской точки зрения. Прежде всего, он совершенно неправильно видит отличительный признак государства в принудительной власти: принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было. «Существенный признак государства — говорит Энгельс в том самом сочинении, из которого г. Струве взял цитату о государстве—состоит в публичной власти, отдельной от массы народа» [Ursprung der Familie u. s. w., 2-te Aufl., S. 84; русск. пер., с. 109] *), и несколько выше он говорит об учреждении навкрарий [51]), что оно подрывало двояким образом родовое устройство: во-первых, оно создавало публичную власть (oeffentliche Gewalt — в русск. пер. неверно передано: общественная сила), которая уже не совпадала просто-на-просто с совокупностью вооруженного народа» (ib., S. 79; русск. пер., с. 105). Итак, признак государства — наличность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается *власть*. Общину, в которой «организацией порядка» заведывали бы поочередно *все* члены ее, никто, разумеется, не мог бы назвать государством. Далее, по отношению к современному государству рассуждение г-на Струве еще более несостоятельно. Говорить о нем, что оно «прежде всего (sic!?!) организация порядка» — значит не понимать одного из очень важных пунктов теории Маркса. Тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе, это — бюрократия. Непосредственная и теснейшая связь этого органа с господствующим в современном обществе классом буржуазии явствует и из истории (бюрократия была первым политическим орудием буржуазии против феодалов, вообще против представителей «старо-дворянского» уклада, первым выступлением на арену политического господства не породистых землевладельцев, а разночинцев, «мещанства») и из самых условий образования и комплектования этого класса, в который доступ открыт только буржуазным «выходцам из народа» и который связан с этой буржуазией тысячами крепчайших нитей **). Ошибка

---

*) «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Страницы русского перевода указаны по изданию 1894 года. *Ред.*

**) Ср. *K. Marx*, Bürgerkrieg in Frankreich, S. 23 (Lpz. 1876) (*К. Маркс*. Гражданская война во Франции. *Ред.*) и Der achtzehnte Brumaire, S. 45—46 (Hmb. 1885): «Материальный интерес французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этого широкого и широко разветвляющегося механизма [речь идет о бюрократии]. Сюда сбывает она свое излишнее население и пополняет в форме казенного жалованья то, чего она не смогла заполучить в форме прибыли, процентов, ренты и гонораров».

*

автора тем более досадна, что именно российские народники, против которых он возымел такую хорошую мысль ополчиться, понятия не имеют о том, что всякая бюрократия и по своему историческому происхождению и по своему современному источнику и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение, обращаться к которому с точки зрения интересов производителя только и в состоянии идеологи мелкой буржуазии.

Стоит остановиться еще несколько на отношении марксизма к этике. Автор приводит на с. 64—5 прекрасное разъяснение Энгельсом отношения свободы к необходимости: «Свобода есть понимание необходимости» [52]). Детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действования. Нельзя не добавить к этому, что российские субъективисты не сумели разобраться даже в столь элементарном вопросе, как вопрос о свободе воли. Г. Михайловский беспомощно путался в смешении детерминизма с фатализмом и находил выход..., усаживаясь между двумя стульями: не желая отрицать законосообразности, он утверждал, что свобода воли — факт нашего сознания (собственно, идея Миртова, перенятая г. Михайловским) и потому может служить основой этики. Понятно, что в применении к социологии эти идеи не могли дать ничего кроме утопии или пустой морали, игнорирующей борьбу классов, происходящую в обществе. Нельзя не признать поэтому справедливости утверждения Зомбарта, что «в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики»: в отношении теоретическом, «этическую точку зрения» он подчиняет «принципу причинности»; в отношении практическом—он сводит ее к классовой борьбе.

Изложение материализма г. Струве дополняет оценкой с материалистической точки зрения «двух факторов, играющих весьма важную роль во всех народнических построениях» — «интеллигенции» и «государства» (70). На этой оценке опять-таки отразилась та же «неортодоксальность» автора, которая была отмечена выше по поводу его объективизма. «Если... все вообще общественные группы представляют из себя реальную силу только поскольку... они совпадают с общественными классами или к ним примыкают, то очевидно, что «бессословная интеллигенция» не есть реальная общественная сила» (70). В абстрактном теоретическом смысле автор, конечно, прав. Он ловит, так сказать, народников на слове. Вы говорите, что на «иные пути» должна направить Россию интеллигенция — вы не понимаете, что, не примыкая к классу, она есть нуль. Вы хвастаетесь, что русская бессословная интеллигенция отличалась всегда «чистотой» идей — поэтому-то и была она всегда бессильна. Критика автора ограничивается сопоставлением нелепой народнической *идеи* о всемо-

гуществе интеллигенции с своей совершенно справедливой *идеей* о «бессилии интеллигенции в экономическом процессе» (71). Но такого сопоставления мало. Чтобы судить о русской «бессословной интеллигенции», как об особой группе русского общества, которая так характеризует всю пореформенную эпоху — эпоху окончательного вытеснения дворянина разночинцем, — которая, несомненно, играла и продолжает играть известную историческую роль, для этого нужно сопоставить идеи и еще более программы нашей «бессословной интеллигенции» с *положением и интересами данных классов русского общества.* Чтобы устранить возможность заподозрить нас в пристрастности, мы не будем делать этого сопоставления сами, а ограничимся ссылкой на того народника, статья которого была комментирована в I главе. Вывод из всех его отзывов вытекает совершенно определенный: русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной. «Бессословность» нимало не исключает классового происхождения идей интеллигенции. Всегда и везде буржуазия восставала против феодализма во имя бессословности — и у нас против старо-дворянского, сословного строя выступила бессословная интеллигенция. Всегда и везде буржуазия выступала против отживших сословных рамок и других средневековых учреждений во имя всего «народа», классовые противоречия внутри которого были еще не развиты, и она была, как на Западе, так и в России, права, так как критикуемые учреждения стесняли действительно *всех.* Как только сословности в России нанесен был решительный удар (1861), — тотчас же стал обнаруживаться антагонизм внутри «народа», а на ряду с этим и в силу этого антагонизм внутри бессословной интеллигенции между либералами и народниками, идеологами крестьянства (внутри которого первые русские идеологи непосредственных производителей не видели, да и не могли еще видеть, образования противоположных классов). Дальнейшее экономическое развитие повело к более полному обнаружению социальных противоположностей в русском обществе, заставило признать факт разложения крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат. Народничество совсем уже почти превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя марксизм. Поэтому русская «бессословная интеллигенция» представляет из себя «реальную общественную силу», *поскольку она заступает общебуржуазные интересы* *). Если тем не менее эта сила не *смогла* создать подходящих для защищаемых ею интересов учреждений, не сумела переделать «атмосферы современной российской куль-

*) Мелко-буржуазный характер громадной массы народнических пожеланий отмечен был в I главе. Пожелания, не подходящие под эту характеристику (вроде «обобществления труда»), занимают в современном народничестве совсем уже миниатюрное место. И «Русское Богатство»

туры» (г. В. В.), если «активный демократизм в эпоху политической борьбы» сменился «общественным индифферентизмом» (г. В. В. в «Неделе» 94 г. № 47), — то причина этого лежит не только в мечтательном характере отечественной «бессословной интеллигенции», но и главным образом в положении тех классов, из которых она выходила, и от которых черпала силу, в их двуличности. Неоспоримо, что российская «атмосфера» представляла для них много минусов, но она давала им и некоторые плюсы.

В России особенно велика историческая роль того класса, который, по мнению народников, не является носителем «чистой идеи труда»; его «активность» нельзя усыплять «севрюжиной с хреном». Поэтому указания на него со стороны марксистов не только не «обрывают демократической нити», как уверяет г. В. В., специализирующийся на выдумывании самых невероятных нелепостей про марксистов, а, напротив, подхватывают эту «нить», которую выпускает из рук индифферентное «общество», требуют ее развития, укрепления, приближения к жизни.

В связи с неполнотой в оценке интеллигенции стоит у г. Струве не вполне удачная формулировка следующего положения. «Надо доказать, — говорит он,— что разложение старого экономического строя неизбежно» (71). Во-первых, что разумеет автор под «старым экономическим строем»? Крепостничество?—но разложение его нечего и доказывать.—«Народное производство»? — но он сам же говорит ниже и говорит совершенно справедливо, что это словосочетание «не отвечает никакому реальному историческому порядку» (177), что это, другими словами,—миф, так как после отмены «крепостного права» у нас ускоренно стало развиваться товарное хозяйство. Вероятно, автор имел в виду ту стадию развития капитализма, когда он не вполне еще выпутался из средневековых учреждений, когда силен еще торговый капитал и мелкое производство еще держится для большой части производителей. Во-вторых, в чем видит автор критерии этой неизбежности? В господстве таких-то классов? в свойствах данной системы производственных отношений? В обоих случаях вопрос сводится к *констатированию наличности* тех или других (капиталистических) порядков; вопрос сводится к *констатированию факта,* и его ни в каком случае не следовало переносить в область рассуждений о будущем. Подобные рассуждения следовало бы оставить в монопольном владении гг. народников, ищущих «иных путей для отечества». Автор сам говорит на следующей же странице, что всякое государство есть «выражение господства известных общественных

(93, № 11—12, ст. *Южакова* «Вопросы экономического развития России») и г. В. В. («Очерки теоретической экономии». Спб. 1895) протестуют против г. Н. — она, отзывающегося «сурово» (выражение г. Южакова) об истасканной панацее кредитов, расширения землевладения, переселений и т. д.

классов», что «нужно перераспределение социальной силы между отдельными классами для того, чтобы государство коренным образом изменило свой курс» (72). Все это — глубоко верно и очень метко направлено против народников, и сообразно с этим вопрос следовало поставить иначе: надо доказать (не «неизбежность разложения» и т. д.) *наличность* в России капиталистических производственных отношений; надо доказать, что и на русских данных оправдывается тот закон, что «товарное хозяйство есть хозяйство капиталистическое», т.-е. что и у нас товарное хозяйство повсюду перерастает в капиталистическое; надо доказать, что повсюду господствуют порядки в существе своем буржуазные, что именно господство этого класса, а не пресловутые народнические «случайности» или «политика» и т. п. вызывают освобождение производителя от средств производства и повсеместное хозяйничанье его за чужой счет.

Этим закончим разбор первой части книги г. Струве, носящей общий характер.

ГЛАВА III.

ПОСТАНОВКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ У НАРОДНИКОВ И У Г. СТРУВЕ.

Покончив с социологией, автор переходит к более «конкретным экономическим вопросам» (73). Он считает при этом «естественным и законным» начать с «общих положений и исторических справок», с «бесспорных, общечеловеческим опытом установленных, посылок»,—как он говорит в предисловии.

Нельзя не заметить, что этот прием грешит той же абстрактностью, которая была отмечена с самого начала как основной недостаток разбираемой книги. В тех главах, к которым мы теперь переходим (третья, четвертая и пятая), этот недостаток привел к двоякого рода нежелательным последствиям. С одной стороны, он ослабил те определенные теоретические положения, которые автор выставил против народников. Г. Струве рассуждает *вообще*, обрисовывает переход от натурального к товарному хозяйству, указывает, что бывало на свете дело по большей части вот так-то и так-то, и при этом отдельными, беглыми указаниями переходит и к России, распространяя и на нее общий процесс «исторического развития хозяйственного быта». Бесспорно, что такое распространение совершенно законно и что «исторические справки» автора совершенно необходимы для критики народничества, неправильно представляющего историю не одной только России. Но следовало бы конкретнее высказать эти

положения, определеннее противопоставить их доводам народников, которые отрицают правильность распространения общего процесса на Россию; следовало бы сопоставить такое-то понимание русской действительности народниками с *другим* пониманием *той же* действительности марксистами. С другой стороны, абстрактный характер рассуждений автора ведет к недоговоренности его положений, к тому, что он, правильно указывая на наличность такого-то процесса, не разбирает, какие классы складывались при этом, какие классы являлись носителями процесса, заслоняя собой другие, подчиненные им слои населения; одним словом, объективизм автора не доходит тут до материализма — в вышеупомянутом значении этих терминов *).

Доказательства такой оценки указанных глав сочинения г. Струве мы приведем сейчас, разбирая отдельные, наиболее важные положения.

Чрезвычайно верно замечание автора, что «в русской истории зависимость (юридическая и экономическая) непосредственных производителей от господ встречается нам чуть не с первых страниц, как исторический спутник идиллии «народного производства» (81). В эпоху натурального хозяйства крестьянин был порабощен землевладельцу, он работал не на себя, а на бояриuа, на монастырь, на помещика, — и г. Струве с полным правом противопоставляет этот *исторический факт* россказням наших самобытных социологов о том, как «средства производства принадлежали производителю» (81). Эти россказни представляют из себя одно из тех искажений русской истории в угоду мещанской утопии, на которые так щедры были всегда народники. Боясь прямо взглянуть на действительность, боясь назвать это угнетение его настоящим именем, они обращались к истории, изображая дело таким образом, что принадлежность средств производства производителю была «ископным» началом, «вековым устоем» крестьянского труда и что современная экспроприация крестьянства объясняется поэтому не сменой феодального прибавочного продукта буржуазною сверхстоимостью, не

---

*) Такое соотношение объективизма и материализма указано, между прочим, Марксом в предисловии к его сочинению: «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonapartes». Маркс говорит, что об этом же историческом событии писал Прудон (Coup d'état) [53]) и отзывается о его точке зрения в противоположность своей следующим образом:

«Прудон, с своей стороны, стремится представить государственный переворот [2-го дек.] результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота превращается у него под рукой в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает таким образом в ошибку наших т.-наз. *объективных* историков. Я, напротив, показываю, каким образом *классовая борьба* во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя» (Vorwort).

капиталистическою организацией нашего общественного хозяйства, а случайностью неудачной политики, временным «отклонением от пути, предписываемого всею историческою жизнью нации» (г. Южаков, цитировано у П. Струве, с. 15). И эти вздорные побасенки не стыдились рассказывать про страну, в которой только очень недавно прекратилась *) крепостническая эксплуатация крестьянства в самых грубых, азиатских формах, когда не только средства производства не принадлежали производителю, но и сами производители очень мало отличались от какого-нибудь «средства производства». Г. Струве очень метко противополагает этому «слащавому оптимизму» резкий отзыв Салтыкова о связи «народного производства» и крепостного права, о том, как «изобилие» эпохи «вековых устоев» «выпадало только [это заметьте] на долю потомков лейбкампанцев и прочих дружинников» [54]) (83).

Далее, отметим следующее замечание г. Струве, определенно касающееся определенных фактов русской действительности и содержащее чрезвычайно верную мысль. «Когда производители начинают работать не на местный, точно отграниченный, а на отдаленный и неопределенный рынок, и развивается конкуренция, борьба за рынок, то эти условия приводят к техническому прогрессу... Раз возможно разделение труда, оно должно быть проведено как можно шире, но, прежде чем производство реорганизуется в техническом отношении, влияние новых условий обмена (сбыта) скажется в том, что производитель попадет в экономическую зависимость от торговца (скупщика), и в социальном отношении этот момент имеет решающее значение. Это упускают из виду наши «истинные марксисты» в роде г. В. В., ослепленные значением чисто технического прогресса» (98). Это указание на решающее значение появления скупщика—глубоко верно. Решающим является оно в том отношении, что безусловно доказывает уже наличность капиталистической организации производства, доказывает применимость и к России положения, что «товарное хозяйство — денежное хозяйство — есть хозяйство капиталистическое», создает то подчинение производителя — капиталу, из которого не может быть иного выхода, кроме самодеятельности производителя. «С того момента, что между потребителем и производителем становится капиталист-предприниматель,— а это неизбежно при производстве на широкий и неопределенный рынок,—мы имеем перед собой одну из форм капиталисти-

*) Даже еще нельзя сказать, чтобы окончательно прекратилась. С одной стороны, мы имеем выкупные платежи (а известно, что в них вошла не только цена земли, но и выкуп крепостного права); с другой стороны, например, отработки крестьян за «отрезные земли» — прямое переживание феодального способа производства.

ческого производства». И автор справедливо добавляет, что, «если под *кустарным* производством разуметь такое, при котором производитель, работая на неопределенный и отдаленный рынок, пользуется *полной экономической самостоятельностью,* то окажется, пожалуй, что этого настоящего кустарного производства в русской *действительности* совсем не имеется». Напрасно только употреблено тут выражение «пожалуй» и будущее время: преобладание домашней системы крупного производства и полнейшего порабощения кустарей скупщикам — общераспространенный и преобладающий *факт* действительной организации наших кустарных промыслов. Эта организация — не только капиталистическая, но, по верному замечанию автора, это еще организация «чрезвычайно выгодная для капиталистов», обеспечивающая им гигантские барыши, безобразно низкую заработную плату и в высшей степени затрудняющая организацию и развитие рабочих (с. 99 — 101). Нельзя не отметить, что факт преобладания капиталистической эксплуатации в наших кустарных промыслах известен давным давно, но народники игнорируют его самым беззастенчивым образом. В каждом почти номере их журналов и газет, где идет речь об этом предмете, встретите вы сетования на то, что правительство поддерживает «искусственно» крупный капитализм [вся «искусственность» которого состоит в том, что он крупный, а не мелкий, фабричный, а не кустарный, механический, а не ручной] и ничего не делает для «нужд *народной* промышленности». С полной наглядностью выказывается тут ограниченность мелкого буржуа, борющегося за мелкий *капитал* против крупного и упорно закрывающего глаза на бесспорно установленный факт, что и в этой «народной» промышленности существует такая же противоположность интересов и что, следовательно, не в жалких кредитах и т. п. заключается выход. Так как для мелкого хозяина, привязанного к своему хозяйству и боящегося постоянно потерять его, все это представляется чем-то ужасным, какой-то «агитацией» «о справедливом вознаграждении за труд, как будто не сам труд в плодах своих создает это вознаграждение», — то понятно, что единственным представителем трудящейся массы кустарей может быть только производитель, стоящий в «искусственных», «тепличных» условиях фабрично-заводской промышленности *).

Остановимся еще на рассуждении г. Струве о земледелии. Паровой транспорт вынуждает переход к меновому хозяйству, он делает сельско-хозяйственное производство товарным. Товарный же характер производства безусловно требует «его экономи-

---

*) «Весь процесс выражается в том, что мелкое производство (ремесло) одними своими элементами сближается с «капитализмом», другими — с наемным трудом, свободным от средств производства» (с. 104).

ческой и технической рациональности» (110). Положение это автор считает особенно важным аргументом против народников, которые с торжеством указывают на недоказанность (будто бы) преимуществ крупного производства в земледелии. «Тем, кто опирается на учение Маркса,— отвечает им автор — не пристало отрицать значение экономических и технических особенностей сельско-хозяйственного производства, благодаря которым в известных случаях мелкие предприятия имеют экономические преимущества над крупными,—хотя бы сам Маркс и отрицал значение этих особенностей» (111). Очень неясное место. О каких это особенностях говорит автор? Почему не указывает их точно? Почему не указывает, где и как выражал об этом свое мнение Маркс и на каких основаниях признается нужным исправить это мнение?

«Мелкое земледельческое производство—продолжает автор— все больше и больше должно принимать товарный характер и для того, чтобы быть жизнеспособными *предприятиями*, мелкие земледельческие хозяйства должны удовлетворять общим требованиям экономической и технической рациональности» (111). «Дело вовсе не в том, будут ли мелкие земледельческие предприятия поглощены крупными — такого исхода экономической эволюции вряд ли можно ждать — а в том метаморфозе, которому подвергается все народное хозяйство под влиянием обмена. Народники упускают из виду, что вытеснение натурального хозяйства меновым в связи с констатированным выше «рассеянием промышленности» совершенно изменяет всю структуру общества. Прежнее отношение между земледельческим (сельским) и неземледельческим (городским) населением нарушается в пользу последнего. Самый экономический тип и психический склад сельскохозяйственных производителей коренным образом изменяется под влиянием новых условий хозяйственной жизни» (114).

Приведенное место поясняет нам, что̀ хотел сказать автор своей тирадой о Марксе, и вместе с тем наглядно иллюстрирует вышесделанное замечание, что догматичный способ изложения, не опирающийся на изображение конкретного процесса, затемняет мысли автора и оставляет их недоговоренными. Положение его о неверности народнических взглядов совершенно правильно, но неполно, потому что не сопровождается указанием на те новые формы классового антагонизма, которые развиваются при этой замене нерационального производства рациональным. Автор, например, ограничивается беглым упоминанием, что «экономическая рациональность» означает «наивысшую ренту» (110), но забывает добавить, что *рента* предполагает *буржуазную организацию земледелия*, т.-е., во-первых, полное подчинение его рынку, и, во-вторых, образование в земледелии таких же классов буржуазии и пролетариата, которые свойственны и капиталистической индустрии.

Народники, рассуждая о некапиталистической, будто бы, организации нашего земледелия, ставят вопрос безобразно узко и неправильно, сводя все к вытеснению мелких хозяйств крупными, и только. Г. Струве совершенно справедливо говорит им, что при таком рассуждении они упускают из виду общий характер земледельческого производства, который может быть (и действительно является у нас) буржуазным и при мелком производстве, как является буржуазным хозяйство западно-европейских крестьян. Условия, при которых мелкое самостоятельное хозяйство («народное» — по терминологии российской интеллигенции) становится буржуазным, известны: это, во-первых, господство товарного хозяйства, которое при изолированности *) производителей порождает среди них конкуренцию и, разоряя массу, обогащает немногих; это, во-вторых, превращение рабочей силы в товар и средств производства в капитал, т.-е. освобождение производителя от средств производства и капиталистическая организация важнейших отраслей промышленности. При этих условиях мелкий самостоятельный производитель становится в исключительное положение по отношению к массе производителей, — как и у нас сейчас *действительно самостоятельные* хозяева представляют исключение среди массы, работающей за чужой счет, не имеющей не только «самостоятельного» хозяйства, но даже и жизненных средств на неделю. Положение и интересы самостоятельного хозяина обособляют его от массы производителей, живущих *главным образом* заработной платой. Между тем как последние выдвигают вопрос о «справедливом вознаграждении», являющийся по необходимости преддверием коренного вопроса об ином устройстве общественного хозяйства, — первого интересует гораздо живее совсем другое: кредит, и особенно мелкий «народный» кредит, улучшенные удешевленные орудия, «организация сбыта», «расширение землевладения» и т. п.

Самый закон о преимуществе крупных хозяйств над мелкими есть закон только товарного производства и, следовательно, не может быть прилагаем к хозяйствам, не втянутым еще окончательно в товарное производство, не подчиненным рынку. Поэтому такая аргументация (в которой, между прочим, упражнялся и г. В. В.), что упадок дворянских хозяйств после реформы и аренда крестьянами частновладельческих земель опровергает мнение о капиталистической эволюции нашего земледелия, — эта аргументация доказывает только полное непонимание дела у прибегавших к ней. Понятно, что разрушение крепостных отношений, при которых

*) Понятно, что речь идет о *хозяйственной* изолированности. Общинное земле*владение* нимало ее не устраняет. При самых «уравнительных» переделах крестьянин в одиночку хозяйничает на своей полосе, следовательно, является изолированным, обособленным производителем.

культура была в руках крестьян, вызвало кризис помещиков. Но не говоря уже о том, что этот кризис повел только к применению все в больших и больших размерах труда батраков и поденщиков, сменявшего отживающие формы полуфеодального труда (за отработки), — не говоря уже об этом, самое крестьянское хозяйство стало существенно изменять свой характер: оно вынуждено было работать на рынок, что́ и не замедлило повести к расколу крестьянства на деревенскую мелкую буржуазию и сельский пролетариат. Этот раскол окончательно решает вопрос о капитализме в России. Г. Струве поясняет указанный процесс в V главе, где он замечает: «Мелкий земледелец дифференцируется: развивается, с одной стороны, «экономически крепкое» крестьянство [надо было сказать: буржуазное], с другой — крестьянство пролетарского типа. Черты народного производства соединяются с капиталистическими в одну картину, над которой явственно значится надпись: чумазый идет» (стр. 177).

Вот на эту сторону дела, на *буржуазную организацию* нового, «рационального» земледелия и следовало обратить внимание. Следовало показать народникам, что, игнорируя указанный процесс, они превращаются из идеологов крестьянства в идеологов мелкой буржуазии. «Поднятие народного производства», которого они жаждут, может означать, при такой организации крестьянского хозяйства, только «поднятие» мелкой буржуазии. Напротив, те, кто указывает на производителя, живущего в наиболее развитых капиталистических отношениях, выражают правильно интересы не одного только этого производителя, а и всей гигантской массы «пролетарского» крестьянства.

Неудовлетворительность изложения у г. Струве, его неполнота и недоговоренность привела к тому, что, говоря о рациональном земледелии, он не характеризовал его общественно-экономической организации, — что, показывая, как паровой транспорт заменяет нерациональное производство рациональным, натуральное товарным, он не характеризовал той новой формы классового антагонизма, которая складывается при этом.

Этот же недостаток в постановке вопросов сказывается на большей части рассуждений в разбираемых главах. Для иллюстрации приведу еще несколько примеров. Товарное хозяйство — говорит автор — и широкое общественное разделение труда «развиваются, опираясь на институт частной собственности, принципы экономической свободы и чувство индивидуализма» (91). Прогресс национального производства связан с «мерой господства института частной собственности над обществом». «Быть может, это печально, но так происходит дело в действительности, это — эмпирически, исторически установленное сосуществование. В настоящее время, когда с таким легкомыслием третируются идеи и принципы XVIII века, при чем в сущности повторяется его же

ошибка, — слишком часто забывается эта культурно-историческая связь экономического прогресса с институтом частной собственности, принципами экономической свободы и чувством индивидуализма. Только игнорируя эту связь, можно рассчитывать на то, что без осуществления названных начал возможен для экономически и культурно неразвитого общества хозяйственный прогресс. Мы не чувствуем никакой особенной симпатии к этим началам и прекрасно понимаем их исторически-*преходящий* характер, но в то же время мы не можем не видеть в них огромной культурной силы, не только отрицательной, но и положительной. Не видеть ее может только идеализм, мнящий себя в своих построениях не связанным никакой исторической преемственностью» (91).

Автор совершенно прав в своем «объективном» констатировании «исторических сосуществований», но тем более досады возбуждает недоговоренность его аргументации. Так и хочется сказать ему: договаривайте же! сводите эти общие положения и исторические справки к определенному периоду нашей русской истории, формулируйте их так, чтобы показать, почему и в чем именно отличается ваше понимание от народнического, сопоставляйте их с той действительностью, которая должна служить критерием для русского марксиста, показывайте классовые противоречия, скрадываемые всеми этими прогрессами и культурами *).

Тот «прогресс» и та «культура», которые принесла с собой пореформенная Россия, несомненно, связаны с «институтом частной собственности» — он не только был проведен впервые со всей полнотой созданием нового «состязательного» гражданского процесса, обеспечившего такое же «равенство» на суде, которое воплощалось в жизни «свободным трудом» и его продажей капиталу; он был распространен на землевладение как помещиков, избавленных от всех государственных повинностей и обязанностей, так и крестьян, превратившихся в крестьян-*собственников*; он был положен даже в основание политических прав «граждан» на участие в местном самоуправлении (ценз) и т. д. Еще более несомненна «связь» нашего «прогресса» с «принципами экономической свободы»: мы уже слышали в I главе от нашего народника, как эта «свобода» состояла в освобождении «скромных и бородатых» собирателей земли русской от необходимости «смиряться пред малым полицейским

*) Contra principia negantem disputari non potest (против отрицающего основные положения спорить невозможно. *Ред.*) — говорит автор о споре с народниками. Это зависит от того, как формулировать эти principia, — как общие ли положения и справки, или как *иное понимание* таких-то и таких-то *фактов* русской истории и действительности.

чином». Мы уже говорили о том, как «чувство индивидуализма» создавалось развитием товарного хозяйства. Сводя вместе все эти черты отечественного прогресса, нельзя не притти к выводу (сделанному и народником 70-х годов), что этот прогресс и культура были сплошь буржуазными. Современная Россия гораздо лучше дореформенной, но так как все это улучшение целиком и исключительно обязано буржуазии, ее агентам и идеологам, то производители им и не воспользовались. Для них эти улучшения означали только перемену формы прибавочного продукта, означали только улучшенные и усовершенствованные приемы освобождения производителя от средств производства. Поэтому гг. народники проявляют самое невероятное «легкомыслие» и забывчивость, когда с протестом против русского капитализма и буржуазности обращаются к тем, кто именно и был их носителем и проводником. Про них только и можно сказать: «своя своих не познаша».

Согласиться с такой квалификацией пореформенной России и «общества» современному народнику будет не под силу. А чтобы оспаривать это, ему пришлось бы отрицать буржуазный характер пореформенной России, отрицать то самое, во имя чего поднимался его отдаленный предок, народник 70-х годов, и «шел в народ» искать «залогов будущего» у самих непосредственных производителей. Конечно, *современный* народник не только решится, чего доброго, отрицать это, но и станет, пожалуй, доказывать, что в рассматриваемом отношении произошла перемена к лучшему: но этим он только показал бы всем, кто еще этого не видит, что он не представляет из себя решительно ничего более, как самого обыкновенного *маленького буржуа*.

Как видит читатель, мне приходится только договаривать положения г. Струве, давать им иную формулировку, — «то же слово да иначе молвить». Спрашивается, есть ли нужда в этом? Стоит ли останавливаться с такой подробностью на этих дополнениях и выводах? Не разумеются ли они сами собой?

Мне кажется, — стоит, по двум причинам. Во-первых, узкий объективизм автора крайне опасен, так как доходит до забвения граней между старыми, так вкоренившимися в нашей литературе, профессорскими рассуждениями о путях и судьбах отечества, — и точной характеристикой действительного процесса, двигаемого такими-то классами. Этот узкий объективизм, эта невыдержанность марксизма — основной недостаток книги г. Струве, и на нем необходимо особенно подробно остановиться, чтобы показать, что он вытекает именно не из марксизма, а из недостаточного проведения его; не из того, чтобы автор видел иные критерии своей теории, кроме действительности, чтобы он делал другие практические выводы из доктрины (они невозможны, повторяю, немыслимы без искалечения всех главнейших ее положений),

а потому, что автор ограничился одной, наиболее общей, стороной теории и не провел ее с полной последовательностью. Во-вторых, нельзя не согласиться с той мыслью, которая высказана автором в предисловии, что прежде чем критиковать народничество на частных вопросах, необходимо было «раскрыть самые основы разногласия» (VII) посредством «принципиальной полемики». Но именно для того, чтобы эта цель автора не осталась недостигнутой, и необходимо придать более конкретный смысл почти всем его положениям, необходимо свести его слишком общие указания на конкретные вопросы русской истории и действительности. По всем этим вопросам предстоит еще русским марксистам большая работа «пересмотра фактов» с материалистической точки зрения, — раскрытия классовых противоречий в деятельности «общества» и «государства», за теориями «интеллигенции», — наконец, работа по установлению связи между всеми отдельными, бесконечно разнообразными, формами присвоения прибавочного продукта в российских «народных» производствах и той передовой, наиболее развитой капиталистической формой этого присвоения, которая содержит в себе «залоги будущего» и выдвигает в настоящее время на первый план идею и историческую задачу «производителя». Поэтому, как бы ни казалась смелой попытка указать решение этих вопросов, сколько изменений, исправлений ни принесло бы дальнейшее, детальное изучение, — все-таки стоит труда наметить конкретные вопросы, чтобы вызвать возможно более общее и широкое обсуждение их.

Кульминационной точкой того узкого объективизма г. Струве, который порождает у него неправильность постановки вопросов, является рассуждение его о Листе, о его «замечательном учении» насчет «конфедерации национальных производительных сил», о важности для сельского хозяйства развития фабричной промышленности, о превосходстве мануфактурно-земледельческого государства над земледельческим и т. п. Автор находит, что это «учение» чрезвычайно «убедительно говорит об исторической неизбежности и законности капитализма в широком смысле слова» (123), о «культурно-исторической мощи торжествующего товарного производства» (124).

Профессорский характер рассуждений автора, как бы поднимающегося выше всяких определенных стран, определенных исторических периодов, определенных классов, сказывается тут особенно наглядно. Как ни смотреть на это рассуждение, — с теоретической ли чисто или с практической стороны, — одинаково правильна будет такая оценка. Начнем с первой. Не странно ли думать, что можно «убедить» кого бы то ни было в «исторической неизбежности и законности капитализма» для известной страны абстрактными, догматичными положениями о значении фабричной промышленности? Не ошибка ли ставить вопрос на

эту почву, столь любезную либеральным профессорам из «Русского Богатства»? Не обязательно ли для марксиста свести все дело к выяснению того, что́ есть и почему есть именно так, а не иначе?

Народники считают наш капитализм искусственным, тепличным растением, потому что не понимают связи его со всей товарной организацией нашего общественного хозяйства, не видят корней его в нашем «народном производстве». Покажите им эти связи и корни, покажите, что капитализм господствует в наименее развитой и потому в наихудшей форме и в народном производстве, — и вы докажете «неизбежность» русского капитализма. Покажите, что этот капитализм, повышая производительность труда и обобществляя его, развивает и выясняет ту классовую, социальную противоположность, которая повсюду сложилась в «народном производстве», — и вы докажете «законность» русского крупного капитализма. Что касается до практической стороны этого рассуждения, соприкасающегося с вопросом о торговой политике, то можно заметить следующее. Русские марксисты, подчеркивая прежде всего и сильнее всего, что вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, вопрос буржуазной политики, должны стоять за свободу торговли, так как в России с особенной силой сказывается реакционность протекционизма, задерживающего экономическое развитие страны, служащего интересам не всего класса буржуазии, а лишь кучке олигархов-тузов, — так как свобода торговли означает ускорение того процесса, который несет средства избавления от капитализма.

Последний § (XI) III-ей главы посвящен разбору понятия «капитализм». Автор очень справедливо указывает, что это слово употребляется «весьма вольно», приводит примеры «очень узкого» и «очень широкого» его понимания, но никаких точно определенных признаков не устанавливает; понятие — «капитализм», несмотря на разбор автора, осталось неразобранным. А между тем, казалось бы, это не должно представить особенного труда, потому что понятие это введено в науку Марксом и им же обосновано фактически. Но г. Струве и тут не желал бы заражаться «ортодоксией». «Маркс сам — говорит он — представлял себе процесс превращения *товарного* производства в *товарно-капиталистическое*, быть может, более стремительным и прямолинейным, чем он есть на самом деле» (стр. 127, прим.). Быть может. Но так как это единственное представление, обоснованное научно и подкрепленное историей капитала, так как с другими представлениями, «быть может» менее «стремительными» и менее «прямолинейными», мы не знакомы, то мы и обратимся

к Марксу. Существенными признаками капитализма, по его учению, являются (1) товарное производство, как *общая* форма производства. Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организмах, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта труда является *общей*, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признак капитализма (2) — принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т.-е. рабочей силы человека. Степень развития товарной формы рабочей силы характеризует степень развития капитализма *). — При помощи этого определения мы легко разберемся в приводимых г. Струве примерах неправильного понимания этого термина. Несомненно, что противопоставление русских порядков капитализму, основанное на технической отсталости нашего народного хозяйства, на преобладании ручного производства и т. п., и так часто приводимое народниками, — совершенно нелепо, ибо капитализм существует и при низкой и при высоко развитой технике, и Маркс много раз подчеркивает в «Капитале», что капитал сначала подчиняет себе производство таким, каким он его находит, и лишь впоследствии преобразует его технически. Несомненно, что немецкая Hausindustrie **), русская «домашняя система крупного производства» представляют из себя капиталистическую организацию промышленности, ибо тут не только господствует товарное производство, но и владелец денег господствует над производителем и присвоивает себе сверхстоимость. Несомненно, что любимое народническое противопоставление западно-европейскому капитализму русского «владеющего землей» крестьянства показывает тоже только непонимание того, что такое капитализм. И на Западе, как совершенно справедливо замечает автор, сохраняется кое-где «полунатуральное хозяйство крестьян» (124), но этот факт ни на Западе, ни в России не устраняет ни преобладания товарного производства, ни подчинения преобладающего большинства производителей капиталу, — подчинения, которое до своего высшего, предельного развития проходит много ступеней, обыкновенно народниками игнорируемых, несмотря на совершенно точное разъяснение дела Марксом. Начинается это подчинение *торговым* и *ростовщическим капиталом*, затем переходит в индустриальный капитализм, который в свою очередь сначала является технически совершенно примитивным и ничем не отличается от старых систем производства, затем организует мануфактуру, —

*) Das Kapital, II Band (1885), S. 93. — Необходимо оговориться, что Маркс в указанном месте вовсе не дает *дефиниции* (определения. *Ред.*) капитализма. Он вообще дефинициями не занимался. Здесь указывается лишь на отношение товарного производства к капиталистическому, о чем в тексте и идет речь.

**) — домашняя промышленность. *Ред.*

которая все еще основывается на ручном труде, покоится на преобладающих кустарных промыслах, не нарушая связи наемного рабочего с землей, — и завершает развитие крупной машинной индустрией. Только последняя, высшая стадия представляет кульминационную точку развития капитализма, *только она* создает совершенно экспроприированного, свободного как птица, рабочего *), *только она* порождает (и в материальном и в социальном отношении) то «объединяющее значение» капитализма, которое народники привыкли связывать с капитализмом вообще, *только она* противополагает капитализму его «кровное детище».

Четвертая глава книги: «Прогресс экономический и прогресс социальный» составляет прямое продолжение третьей главы, относясь к той части книги, которая выдвигает против народников данные «общечеловеческого опыта». Нам придется тут подробно остановиться, во-первых, на одном неправильном взгляде автора [или неудачном выражении?] насчет последователей Маркса и, во-вторых, на формулировке задач экономической критики народничества.

Г. Струве говорит, что Маркс представлял себе переход от капитализма к новому общественному строю в виде резкого падения, крушения капитализма. (Он находит, что это дают основание думать «некоторые места» у Маркса, тогда как на самом деле этот взгляд содержится *во всех сочинениях* Маркса.) Последователи его борются *за реформы*. В точку зрения Маркса 40-х годов «внесен был важный корректив»: вместо «пропасти», отделяющей капитализм от нового строя, был признан «целый ряд переходов».

Мы никак не можем признать это правильным. Никакого «корректива» (*исправления* по-русски) ни важного ни неважного не вносили «последователи Маркса» в его точку зрения. Борьба за реформы нисколько не свидетельствует о «коррективе», нимало не исправляет учения о пропасти и резком падении, так как эта борьба ведется с открыто и определенно признанной целью — дойти именно до «падения»; а что для этого необходим «целый ряд переходов» — одного фазиса борьбы, одной ступени ее в следующие, — это признавал и Маркс в 1840-х г.г., говоря в «Манифесте», что нельзя *отделять* движение к новому строю от рабочего движения (и, след., от борьбы за реформы), выставляя сам в заключение ряд практических мероприятий.

Если г. Струве хотел указать на *развитие* точки зрения Маркса, то он, конечно, прав. Но тогда мы видим тут не «*корректив*» к его взглядам, а как раз наоборот: *проведение, осуществление* их.

*) Народники всегда изображают дело так, что обезземеленный рабочий — необходимое условие капитализма *вообще*, а не только машинной индустрии.

*

Мы не можем также согласиться с отношением автора к народничеству.

«Наша народническая литература — говорит он — подхватила противопоставление национального богатства и народного благосостояния, прогресса социального, прогресса распределения» (131).

Народничество не «подхватило» этого противопоставления, а только *констатировало* наличность в пореформенной России той же противоположности между прогрессом, культурой, богатством и — освобождением производителя от средств производства, уменьшением доли производителя в продукте народного труда, ростом нищеты и безработицы, которая создала это противопоставление и на Западе.

...«В силу своего гуманного, народолюбивого характера, эта литература сразу решила вопрос в пользу народного благосостояния, и так как некоторые народно-экономические формы (община, артель), повидимому, воплощали в себе идеал экономического равенства и таким образом обеспечивали народное благосостояние, а прогресс производства под влиянием усиленного обмена отнюдь не обещал благоприятствовать этим формам, устраняя их экономические и психические основы, то народники, указывая на печальный опыт Запада с производственным прогрессом, опирающимся на частную собственность и экономическую свободу, противопоставили товарному хозяйству — капитализму такназываемое «народное производство», гарантирующее народное благосостояние, как общественно-экономический идеал, за сохранение и дальнейшее развитие которого надлежит бороться русской интеллигенции и русскому народу».

В этом рассуждении с полной наглядностью выступают недостатки изложения у г. Струве. Народничество изображается как «гуманная» теория, которая «подхватила» противопоставление национального богатства и народной бедности, «решила вопрос» в пользу распределения, ибо «опыт Запада» «не обещал» народного благосостояния. И автор начинает спорить против такого «решения» вопроса, упуская из виду, что он воюет только против идеалистического и притом наивно-мечтательного облачения народничества, а не против его содержания, упуская из виду, что он самым уже допущением обычной у гг. народников профессорской постановки вопроса делает крупную ошибку. — Как уже было замечено, *содержание* народничеству дает отражение точки зрения и интересов русского мелкого производителя. «Гуманность и народолюбивость» теории была следствием придавленного положения нашего мелкого производителя, терпевшего жестокие невзгоды и от «старо-дворянских» порядков и традиций и от гнета крупного капитала. Отношение народничества к «Западу» и его влиянию на Россию определилось, конечно, уже не тем, что оно «подхватило» у него ту или иную идею,

а условиями жизни мелкого производителя: он видел против себя крупный капитализм, заимствующий западно-европейскую технику *), и, будучи угнетаем им, строил наивные теории, объяснявшие не капиталистическую политику капиталистическим хозяйством, а капитализм — политикой, объявлявшие крупный капитализм чем-то чуждым русской жизни, наносным. Прикрепление к своему отдельному маленькому хозяйству отнимало у него возможность понять истинный характер государства, — и он обращался к нему с просьбой о поддержке и развитии мелкого («народного») производства. Неразвитость классовой противоположности, присущей русскому капиталистическому обществу, породила то, что теория этих идеологов мещанства выступила как представительница интересов труда вообще.

Вместо того, чтобы показать нелепость самой уже постановки вопроса у народников и объяснить их «решение» этого вопроса материальными условиями жизни мелкого производителя, автор сам в своей постановке вопроса проявляет догматизм, напоминающий о народническом «*выборе*» между экономическим и социальным прогрессом.

«Задачей критики экономических основ народничества... является... доказать следующее:

1) «Прогресс экономический есть необходимое условие прогресса социального; последний исторически вытекает из первого, и на известной ступени развития между обоими процессами должно явиться и на самом деле является органическое взаимодействие, взаимная обусловленность» (133).

Вообще говоря, положение это, разумеется, совершенно справедливо. Но оно намечает скорее задачи критики социологических, а не экономических основ народничества: в сущности, это — иная формулировка того учения, по которому развитие общества определяется развитием производительных сил и о котором шла речь в I и II главах. Для критики «*экономических основ* народничества» этого недостаточно. Надо конкретнее формулировать вопрос, свести его от прогресса вообще к «прогрессу» капиталистического русского общества, к тем неправильностям в понимании *этого* прогресса, которые породили смешные народнические сказки о tabula rasa, о «народном производстве», о беспочвенности русского капитализма и т. д. Вместо того, чтобы говорить: между экономическим и социальным прогрессом должно явиться взаимодействие, — надо указать (или хотя бы наметить) определенные явления социального прогресса в России, у которых народники не видят *таких-то* экономических корней **).

---

*) Ср. вышеприведенную статью из «От. Зап.».

**) Могут возразить, что я просто забегаю вперед: автор, ведь, сказал, что от общих вопросов намерен постепенно переходить к конкрет-

2) «Поэтому вопрос об организации производства и степени производительности труда есть вопрос, первенствующий над вопросом о распределении; при известных исторических условиях, когда производительность народного труда и абсолютно и относительно очень низка, первостепенное значение производственного момента сказывается особенно резко».

Автор опирается тут на учение Маркса о подчиненном значении распределения. Эпиграфом к IV главе взяты слова его из замечаний на Готскую программу [55]), где Маркс противопоставляет вульгарный социализм — научному, который не придает существенного значения распределению, объясняя общественный строй организацией *производственных отношений* и считая, что данная организация их уже включает в себе определенную систему распределения. Эта идея, по совершенно справедливому замечанию автора, проникает собой все учение Маркса, и она имеет крайне важное значение для уяснения мещанского содержания народничества. Но вторая половина фразы г. Струве сильно затуманивает ее, особенно благодаря неясному термину «производственный момент». Может, пожалуй, возникнуть недоумение, в каком смысле понимать этот термин. Народник стоит на точке зрения мелкого производителя, объясняющего свои невзгоды крайне поверхностно: тем, что он «беден», а сосед скупщик «богат», тем, что «начальство» помогает только крупному капиталу и т. д., одним словом, особенностями распределения, ошибками политики и т. п. Какую же точку зрения противополагает ему автор: точку ли зрения крупного капитала, с презрением смотрящего на мизерное хозяйствование крестьянина-кустаря и гордящегося высокой степенью развития своего производства, своей «заслугой», состоящей в повышении и абсолютно и относительно низкой производительности народного труда? или точку зрения его антипода, который живет уже в отношениях настолько развитых, что не может удовлетвориться ссылками на политику да на распределение, который начинает понимать, что причина лежит глубже — в самой организации (общественной) производства, в самом устройстве общественного хозяйства на началах индивидуальной собственности под контролем и руководством рынка? Такой вопрос естественно мог бы возникнуть у читателя, тем более, что автор иногда употребляет выражение «производственный момент» наряду с выражением «хозяйственность» (см. с. 171: «игнорирование производственного момента» у народников, «доходящее до отрицания всякой хозяйственности»), тем более, что автор иногда

ным, которые он и разбирает в VI главе. Но дело в том, что указанная абстрактность критики г. Струве составляет отличительное свойство *всей* его книги, и VI-й главы и даже заключительной части. Нуждается в исправлении у него больше всего именно *постановка вопросов.*

соотношением «нерационального» и «рационального» производства заслоняет отношение мелкого производителя и производителя, окончательно уже потерявшего средства производства. Спору нет, что верность изложения автора *с объективной стороны* от этого не уменьшается; что представить себе дело с точки зрения последнего отношения легко для всякого понимающего антагонистичность капиталистического строя. Но так как общеизвестно, что именно господа российские народники этого не понимают, то в спорах с ними и желательно видеть больше определенности и договоренности и как можно меньше слишком общих абстрактных положений.

Как мы старались показать на конкретном примере в I главе, *все* отличие народничества от марксизма состоит *в характере критики русского капитализма.* Народник для критики капитализма считает достаточным констатировать наличность эксплуатации, взаимодействие между ней и политикой и т. п. Марксист считает необходимым объяснить и связать вместе эти явления эксплуатации как систему известных производственных отношений, как особую общественно-экономическую формацию, законы функционирования и развития которой подлежат объективному изучению. Народник считает достаточным для критики капитализма — осудить его с точки зрения своих идеалов, с точки зрения «современной науки и современных нравственных идей». Марксист считает необходимым проследить со всей подробностью те классы, которые образуются в капиталистическом обществе, считает основательной только критику с точки зрения определенного класса, — критику, основывающуюся не на моральных суждениях «личности», а на точной формулировке действительно происходящего общественного процесса.

Если попытаться, исходя из этого, формулировать задачи критики экономических основ народничества, то они выразились бы примерно таким образом:

Надо доказать, что крупный капитализм в России относится к «народному производству» как вполне развитое явление к неразвитому, как высшая стадия развития капиталистической общественной формации к низшей ее стадии *); — что освобождение производителя от средств производства и присвоение продукта его труда владельцем денег должно быть объяснено

---

*) Анализ экономической стороны должен быть, разумеется, дополнен анализом социальных, юридико-политических и идейных надстроек. Непонимание связи капитализма с «народным производством» порождало у народников идеи о *не-классовом* характере крестьянской реформы, государственной власти, интеллигенции и т. д. Материалистический анализ, сводя все эти явления к классовой борьбе, должен показать конкретно, что наш русский пореформенный «социальный прогресс» был только следствием капиталистического «экономического прогресса».

как на фабрике, так и в самой хотя бы общинной деревне не политикой, не распределением, а теми отношениями производства, которые необходимо складываются в товарном хозяйстве, тем образованием противоположных по своим интересам классов, которое характеризует капиталистическое общество *); — что та действительность (мелкое производство), которую народники хотят поднять на высшую ступень, минуя капитализм, уже включает в себя капитализм и присущую ему противоположность классов и столкновения их, — но только в наихудшей ее форме, затрудняющей самостоятельную деятельность производителя, и что поэтому народники, игнорируя сложившиеся уже социальные противоположности и мечтая об «иных путях для отечества», являются утопистами-реакционерами, так как крупный капитализм только развивает, очищает и выясняет содержание этих противоположностей, существующих в России везде и повсюду.

В непосредственной связи с слишком абстрактной формулировкой задач экономической критики народничества стоит и дальнейшее изложение автора, доказывающего «необходимость» и «прогрессивность» не русского капитализма, а западно-европейского. Не затрогивая непосредственно экономического содержания народнической доктрины, это изложение дает однако много интересного и поучительного. В нашей народнической литературе не раз раздавались голоса недоверия к западно-европейскому рабочему движению. Особенно ярко выразилось это во время последней полемики против марксистов гг. Михайловского и К⁰ («Р. Бог.», 1893—4). Мы еще ничего хорошего не видали от капитализма — писал тогда г. Михайловский **).

*) «Пересмотр фактов» русской экономической действительности, особенно той, из которой народники почерпают материал для своих институтских мечтаний, т.-е. крестьянского и кустарного хозяйства, — должен показать, что причина угнетенного положения производителя лежит не в распределении («мужик беден, скупщик богат»), а в самых уже отношениях производства, в самой общественной организации современного крестьянского и кустарного хозяйства. Отсюда выяснится, что и в «народном» производстве «вопрос об организации производства первенствует над вопросом о распределении».

**) Нельзя не отметить, что в ответе г. Струве г. Михайловский усматривает «влюбленность в себя» у Энгельса, который говорит, что доминирующим, гигантским фактом современности, делающим эту современность лучше всякой другой эпохи, оправдывающим историю ее происхождения, является рабочее движение на Западе.

Этот, просто возмутительный, упрек Энгельсу крайне характерен для оценки современного русского народничества.

Эти господа умеют болтать о «народной правде», умеют разговаривать с нашим «обществом», журя его за неправильный выбор пути для отечества, умеют сладко петь о том, что «либо сейчас, либо никогда», и петь это «10 лет, 20 лет, 30 лет и более», — но абсолютно неспособны понять, какое всеобъемлющее значение имеет самостоятельное выступление тех, во имя кого и пелись эти сладкие песни.

Нелепость этих мещанских взглядов прекрасно опровергается данными г. Струве, тем более, что данные эти заимствованы из новейшей буржуазной литературы, которую никак нельзя заподозрить в преувеличении. Цитаты, приводимые автором, показывают, что на Западе все, даже буржуа, видят, что переход капитализма в новую общественно-экономическую формацию неизбежен.

Обобществление труда капитализмом подвинулось так далеко, что даже и в буржуазной литературе громко говорят о необходимости «планомерной организации народного хозяйства». Автор совершенно прав, говоря, что это — «признак времени», признак полного разложения капиталистических порядков. Крайне интересны приводимые им заявления не только буржуазных профессоров, но и консерваторов, вынужденных признать то, что и по сю пору хотят отрицать российские радикалы, — именно, что рабочее движение создано теми материальными условиями, которые порождены капитализмом, а не «просто» культурой или иными политическими условиями.

После всего вышеизложенного, нам едва ли уже есть надобность останавливаться на рассуждении автора, что распределение может прогрессировать только опираясь на рациональное производство. Ясно, что смысл этого положения — тот, что только крупный капитализм, основанный на рациональном производстве, ставит производителя в условия, позволяющие ему поднять голову, подумать и позаботиться и о себе и о тех, кто благодаря отсталому производству не находится в этих условиях.

Мы заметим только два слова по поводу такой фразы г. Струве: «Крайне неравномерное распределение, задерживающее экономический прогресс, не создано капитализмом: оно перешло к нему по наследству» от той эпохи, в которой романтики видят молочные реки и кисельные берега (с. 159). Это верно, если при этом автор хочет сказать только, что и до капитализма было неравномерное распределение, о котором склонны забывать гг. народники. Но это неверно, если отрицать усиление неравномерности капитализмом. При крепостном праве не было и быть не могло такого резкого неравенства между совершенно обнищавшим крестьянином или босяком, — и банковским, железнодорожным, промышленным тузом, которое создано пореформенной капиталистической Россией.

Перейдем к V-й главе. Автор дает тут общую характеристику «народничества, как экономического мировоззрения». «Народники», по мнению г. Струве, «идеологи натурального хозяйства и первобытного равенства» (167).

С такой характеристикой невозможно согласиться. Мы не станем здесь повторять доводов, приведенных в I-ой главе,

в пользу того, что народники — идеологи мелкого производителя. Там было уже показано, как именно материальные условия жизни мелкого производителя, его переходное, срединное положение между «хозяевами» и «рабочими», — порождают и непонимание классовых противоречий народниками и странную смесь прогрессивных и реакционных пунктов их программы.

Здесь добавим только, что первой, т.-е. прогрессивной, своей стороной русское народничество сближается с западно-европейским демократизмом, и потому к нему целиком приложима гениальная характеристика демократизма, данная свыше 40 лет тому назад по поводу событий французской истории:

«Демократ, представляя мелкую буржуазию, т.-е. *переходный класс*, в котором взаимно притупляются интересы двух классов, — воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всем остальным населением нации они составляют *народ*. Они стоят за *народное право;* они представляют *народные интересы*. Поэтому им нет надобности исследовать интересы и положение различных классов. Им нет надобности слишком строго взвешивать свои собственные средства *)... Если оказывается, что их интересы не заинтересовывают, что их сила есть *бессилие*, то виноваты тут либо вредные софисты, раскалывающие *единый народ* на различные враждебные лагери **),... либо все рухнуло из-за какой-нибудь детали исполнения, либо, наконец, непредусмотренная случайность повела на этот раз к неудаче. Во всяком случае демократ выходит из самого позорного поражения настолько же незапятнанным, насколько невинным он туда вошел, выходит с укрепившимся убеждением, что он должен победить, что не он сам и его партия должна оставить старую точку зрения, а, напротив, обстоятельства должны дорасти до него» (ihm entgegenzureifen haben. Der achtzehnte Brumaire u. s. w., S. 39) ***).

О неправильности той характеристики народников, которая видит в них идеологов натурального хозяйства и первобытного равенства, говорят приведенные самим автором примеры. «Как

---

*) Точь в точь российские народники. Они не отрицают, что есть на Руси классы, антагонистичные производителю, но они убаюкивают себя рассуждениями о ничтожности этих «хищников» перед «народом» и не хотят заняться точным исследованием положения и интересов каждого отдельного класса, не хотят разобрать, не переплетаются ли интересы некоторого разряда производителей с интересами «хищников», ослабляя силу сопротивления первых против последних.

**) Для российских народников — виноваты зловредные марксисты, искусственно прививающие капитализм и его классовые антагонизмы к почве, на которой так пышно растут цветы «социального взаимоприспособления» и «солидарной деятельности» (г. В. В. у Струве, с. 161).

***) *К. Маркс.* «18 Брюмера». *Ред.*

курьез следует отметить»,— говорит г. Струве — «что г.—он до сих пор называет Васильчикова либеральным экономистом» (169). Если брать это наименование *по существу*, то оно вовсе не курьезно. Васильчиков ставит в свою программу дешевый и широко распространенный кредит. Г. Николай —он не может не видеть, что на почве капиталистического общества, каково русское, кредит только усилит буржуазию, поведет к «развитию и упрочению капиталистических отношений» («Очерки», с. 77). Васильчиков, как и все народники, своими практическими мероприятиями представляет интересы одной лишь мелкой буржуазии. Курьезно тут разве то, что г.—он, восседая рядом с публицистами «Русского Богатства», «до сих пор» не видит, что они представляют из себя совершенно таких же маленьких «либеральных экономистов», как и кн. Васильчиков. Теория утопизма легко мирится на практике с мещанскими прогрессами. Еще более подтверждает такую квалификацию народничества Головачев, сознающий бессмысленность поголовного надела и предлагающий «дешевый кредит для рабочего люда». Критикуя эту «изумительную» теорию, г. Струве обращает внимание только на ее теоретическую вздорность, но не замечает как будто ее мелкобуржуазного содержания [56]).

Нельзя не остановиться еще, по поводу V главы, на «законе средних потребностей» г. Щербины. Это важно для оценки мальтузианства г. Струве, которое рельефно выступает в VI главе. «Закон» состоит в том, что при группировке крестьян *по наделу* получается очень мало колеблющаяся (по группам) средняя величина потребностей крестьянской семьи (т.-е. расходов на разные нужды), при чем расходы г. Щербина расчисляет на 1 душу населения.

Г. Струве с удовольствием подчеркивает, что этот «закон» «имеет огромное значение», так как, дескать, подтверждает «общеизвестный» закон Мальтуса, что «благосостояние и размножение населения определяется доступными ему средствами существования».

Непонятно, почему обрадовался этому закону г. Струве. Непонятно, каким образом можно усматривать «закон» да еще с «огромным значением» в расчетах г. Щербины. Очень естественно, что при не особенно больших различиях в образе жизни отдельных крестьянских семей мы получаем мало колеблющиеся средние, если разобьем крестьян по группам; особенно если за основание при делении на группы возьмем размер надела, не определяющий непосредственно благосостояния семьи (так как надел может быть сдан, а может быть и еще арендована земля) и достающийся одинаково и богатому и бедному крестьянину, владеющим одинаковым числом окладных душ. Расчеты г. Щербины только и доказывают, что он избрал неудачный прием

группировки. Если г. Щербина видит тут какой-то открытый им закон, — то это совсем странно. Не менее странно усматривать тут подтверждение закона Мальтуса, как будто бы по величине надела можно было судить о «доступных крестьянину средствах существования», не принимая во внимание ни аренды, ни «заработков», ни экономической зависимости крестьянина от помещика и скупщика. — По поводу этого «закона» г. Щербины (изложение его у г. Щербины показывает, что сам автор «закона» придает невероятно большое значение своим ровно ничего не доказывающим средним цифрам) г. Струве говорит: «Народное производство» в данном случае означает просто хозяйство без приложения наемного труда. Что при такой организации хозяйства «прибавочная стоимость» остается в руках производителя — это бесспорно» (176). И автор указывает, что при низкой производительности труда это не мешает представителю такого «народного производства» жить хуже рабочего. Увлечение мальтузианством привело автора к неточной формулировке выписанного положения. Торговый и ростовщический *капитал* подчиняет себе труд в каждой русской деревне и — не обращая производителя в наемного рабочего — отнимает у него не меньше прибавочной стоимости, чем капитал индустриальный берет у работника. Г. Струве справедливо указал выше, что капиталистическое производство наступает с того момента, когда между производителем становится *капиталист,* хотя бы он только покупал у самостоятельного (по виду) производителя готовый товар (стр. 99 и пр. 2), и из русских «самостоятельных» производителей было бы не легко найти таких, которые не работают на капиталиста (купца, скупщика, кулака и пр.). Одна из самых крупных ошибок народников состоит в том, что они не видят теснейшей и неразрывной связи между капиталистической организацией русского общественного хозяйства и полновластным господством в деревне торгового капитала. Поэтому замечательно верно говорит автор, что «самое словосочетание «народное производство» в том смысле, как его употребляют гг. народники, не отвечает никакому реальному историческому порядку. У нас в России до 1861 г. «народное производство» было тесно связано с крепостным строем, а затем после 1861 г. ускоренным темпом происходило развитие товарного хозяйства, которое не могло не искажать чистоты народного производства» (177). Когда народник говорит, что принадлежность производителю средств производства — исконное начало русского быта, он просто-на-просто извращает историю в угоду своей утопии, извращает посредством словесного ухищрения: при крепостном праве средства производства давались производителю помещиком *для того, чтобы* производитель мог отрабатывать на него барщину; надел был как бы натуральной заработной платой, — «исконным» средством присвоения прибавочного про-

дукта. Разрушение крепостного права вовсе не было «освобождением» производителя; оно означало только *перемену формы* прибавочного продукта. Если где-нибудь в Англии падение крепостного права создало действительно самостоятельных и свободных крестьян, то наша реформа сразу совершила переход от «позорного» крепостного прибавочного продукта к «свободной» буржуазной сверхстоимости.

ГЛАВА IV.

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЧЕРТ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ У Г. СТРУВЕ.

Последняя (шестая) глава книги г. Струве посвящена самому важному вопросу — экономическому развитию России. Теоретическое содержание ее распадается на следующие отделы: 1) перенаселение в земледельческой России, его характер и причины; 2) разложение крестьянства, его значение и причины; 3) роль промышленного капитализма в разорении крестьянства; 4) частновладельческое хозяйство; характер его развития и 5) вопрос о рынках для русского капитализма. Прежде чем перейти к разбору аргументации г. Струве по каждому из этих вопросов, остановимся на замечаниях его о крестьянской реформе.

Автор заявляет протест против «идеалистического» ее понимания и указывает на потребности государства, которые требовали подъема производительности труда, на *выкуп*, на давление «снизу». Жаль, что автор не договорил своего законного протеста до конца. Народники объясняют реформу развитием в «обществе» «гуманных» и «освободительных» идей. Факт этот несомненен, но *объяснять* им реформу значит впадать в бессодержательную тавтологию, сводя «освобождение» к «освободительным» идеям. Для материалиста необходимо особое рассмотрение *содержания* тех мероприятий, которые во имя идей были осуществлены. Не было в истории ни одной важной «реформы», хотя бы и носившей классовый характер, в пользу которой не приводились бы высокие слова и высокие идеи. Точно так же и в крестьянской реформе. Если обратить внимание на действительное содержание произведенных ею перемен, то окажется, что характер их таков: часть крестьян была обезземелена, и — главное — остальным крестьянам, которым была оставлена часть их земли, пришлось *выкупать* ее как совершенно чужую вещь у помещиков и притом еще выкупать по цене, искусственно поднятой. Такие реформы не только у нас в России, но и на Западе облекались теориями «свободы» и «равен-

ства», и было уже показано в «Капитале», что почвой, взрастившей идеи свободы и равенства, было именно товарное производство. Во всяком случае, как ни сложен был тот бюрократический механизм, который проводил реформу в России, как ни далек он был, *повидимому* *), от самой буржуазии, — остается неоспоримым, что на почве *такой* реформы только и могли вырасти *порядки буржуазные.* Г. Струве совершенно справедливо указывает, что ходячее противоположение русской крестьянской реформы — западно-европейским неправильно: «совершенно неверно *(в столь общей форме)* утверждение, что в З. Европе крестьяне были освобождены без земли или, другими словами, обезземелены законодательным путем» (196). Я подчеркиваю слова: «в столь общей форме», так как обезземеление крестьян законодательным путем — несомненный исторический факт всюду, где была произведена крестьянская реформа, но это факт не всеобщий, ибо *часть* крестьян, при освобождении от крепостной зависимости, *выкупила* землю у помещиков на Западе, выкупает и у нас. Только буржуа способны затушевывать этот факт *выкупа* и толковать о том, будто «освобождение крестьян с землей **) сделало из России tabula rasa» (слова некоего г. Яковлева, «от души приветствуемые» г-ном Михайловским — см. стр. 10 у П. Струве).

I.

Перейдем к теории г. Струве о «характере перенаселения в земледельческой России». Это — один из самых важных пунктов, в которых г. Струве отступает от «доктрины» марксизма к доктрине мальтузианства. Сущность его взглядов, развиваемых им в полемике против г. Н. — она, состоит в том, что перенаселение в земледельческой России — «не капиталистическое, а, так сказать, простое, соответствующее натуральному хозяйству» ***).

Так как г. Струве говорит, что его возражение г. — ону «вполне совпадает с общим возражением Ф.-А. Ланге против теории относительного перенаселения Маркса» (183, пр.), то мы

*) На самом деле, как было указано выше, этот механизм только и мог служить буржуазии и по своему составу и по своему историческому происхождению.

**) Ежели бы говорить правду, то следовало бы сказать: предоставление *части* крестьян *выкупать* у помещиков *часть их* надельной земли *за двойную цену.* И даже еще не годится слово «предоставление», потому что за отказ крестьянина от такого «обеспечения наделом» ему грозила порка в волостном правлении.

***) Так формулирует г. Струве в своей статье в Socialpolitisches Centralblatt (1893 № 1, от 2 Okt.). Он прибавляет, что не считает этого взгляда «мальтузианским».

и обратимся сначала к этому «общему возражению» Ланге для его проверки.

Ланге рассуждает о законе народонаселения Маркса в своем «Рабочем вопросе» в главе V-ой (русск. пер., с. 142—178). Он начинает с основного положения Маркса, что «вообще каждому исторически особенному способу производства соответствует свой собственный закон возрастания народонаселения, имеющий только историческое значение. Абстрактный закон размножения существует только для растений и животных». Ланге говорит на это:

«Да будет нам позволено заметить, что и для растений и животных, строго говоря, не существует никакого «абстрактного» закона размножения, так как вообще абстракция есть только выделение в целом ряде однородных явлений» (143), и Ланге с подробностью разъясняет Марксу, что такое абстракция. Очевидно, что он просто не понял смысла заявления Маркса. Маркс противополагает в этом отношении человека—растениям и животным на том основании, что первый живет в *различных*, исторически сменяющихся, *социальных организмах*, определяемых системой общественного производства, а, следовательно, и распределения. Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно», без отношения к исторически различным формам общественного устройства. Разъяснение Ланге, что абстракция есть выделение общего из *однородных* явлений, обращается целиком против него самого: мы можем считать однородными условия существования только животных и растений, но никак не человека, раз мы знаем, что он жил в различных по типу своей организации социальных союзах.

Изложивши затем теорию Маркса об относительном перенаселении в капиталистической стране, Ланге говорит: «с первого взгляда может показаться, что эта теория порывает длинную нить, проходящую через всю органическую природу вплоть до человека, что она объясняет основания рабочего вопроса так, как будто бы общие изыскания о существовании, размножении и совершенствовании человеческого рода для нашей цели, т.-е. для понимания рабочего вопроса, вполне излишни» (154) *).

Нити, проходящей через всю органическую природу вплоть до человека, теория Маркса нимало не прерывает: она требует только, чтобы «рабочий вопрос» — так как таковой существует лишь в капиталистическом обществе — решался не на основании

*) И в чем могут состоять эти «общие изыскания»? Если они будут игнорировать особенные экономические формации человеческого общества, — они сведутся к банальностям. А если они должны обнять несколько формаций, тогда очевидно, что им должны предшествовать особенные изыскания о каждой формации отдельно.

«общих изысканий» о размножении человека, а на основании особенных изысканий о законах капиталистических отношений. Но Ланге другого мнения: «в действительности же — говорит он — это не так. Прежде всего ясно, что фабричный труд уже в первых начатках своих предполагает *нищету*» (154). И Ланге посвящает полторы страницы доказательствам этого положения, которое очевидно само собой и которое ни на волос не двигает нас вперед: во-первых, мы знаем, что капитализм сам создает нищету еще ранее той стадии его развития, когда производство принимает фабричную форму, ранее того, как машины создают избыточное население; во-вторых, и предшествующая капитализму форма общественного устройства — феодальная, крепостническая, сама создавала свою особую нищету, которую она и передала по наследству капитализму.

«Но даже с таким могучим помощником [т.-е. с нуждой] первому предпринимателю лишь в редких случаях удается переманить значительное количество рабочих сил к новому роду деятельности. Обыкновенно дело происходит следующим образом. Из местности, где фабричная промышленность отвоевала уже себе права гражданства, предприниматель привозит с собой контингент рабочих; к нему он присоединяет нескольких бобылей *), не имеющих в данный момент работы, и дальнейшее пополнение наличного фабричного контингента производится уже среди *подрастающего юношества*» (156). Два последние слова Ланге пишет курсивом. Очевидно, «общие изыскания о существовании, размножении и совершенствовании человеческого рода» выразились именно в том положении, что фабрикант набирает новых рабочих из «подрастающего юношества», а не из увядающей старости. Добрый Ланге на целой странице еще (157) продолжает эти «общие изыскания», рассказывая читателю, что родители стремятся обеспечить своих детей, — что досужие моралисты напрасно осуждают стремление выбиться из того состояния, в котором родился, что стремиться пристроить детей к собственному заработку — вполне естественно. Только преодолев все эти рассуждения, уместные разве в прописях, доходим мы до дела:

«В земледельческой стране, почва которой принадлежит мелким и крупным владельцам, неизбежно возникает, если только в народных нравах не укрепилась тенденция добровольного ограничения рождений, постоянный избыток рабочих рук и потребителей, желающих существовать на произведения данной территории» (157 — 8). Это чисто мальтузианское положение Ланге просто выставляет, без всяких доказательств. Он повторяет его

*) Между прочим: откуда взялись эти «бобыли»? Вероятно, по мнению Ланге, это — не остаток крепостных порядков и не продукт господства капитала, а результат того, что «в народных нравах не укрепилась тенденция добровольного ограничения рождений» (стр. 157)?

еще и еще раз, говоря, что «во всяком случае народонаселение такой страны, хотя бы оно абсолютно и было очень редко, представляет обыкновенно признаки относительного перенаселения», что «на рынке *постоянно преобладает* предложение труда, между тем как спрос остается незначительным» (158), — но все это остается совершенно голословным. Откуда это следует, чтобы «избыток рабочих» получался действительно «неизбежно»? Откуда явствует связь этого избытка с отсутствием в народных нравах тенденции добровольного ограничения рождений? Не следовало ли, прежде чем рассуждать о «народных нравах», посмотреть на те производственные отношения, в которых живет этот народ? Представим себе, напр., что те мелкие и крупные владельцы, о которых говорит Ланге, были соединены по производству материальных ценностей таким образом: мелкие владельцы получали от крупных земельные наделы на свое содержание и за это работали на крупных барщину, обрабатывая их поля. Представим далее, что эти отношения разрушены, что гуманные идеи до того закружили голову крупным владельцам, что они «освободили своих крестьян с землей», *т.-е.* отрезали у них, примерно, 20% наделов, а за остальные 80% заставили платить покупную цену земли, повышенную вдвое. Понятно, что эти крестьяне, обеспеченные таким образом от «язвы пролетариата», по-прежнему должны работать на крупных владельцев, чтобы существовать, но работают они теперь уже не по наряду крепостного бурмистра, как прежде, а по свободному договору — следовательно, перебивают друг у друга работу, так как теперь они уже вместе не связаны и каждый хозяйничает за свой счет. Этот порядок перебивания работы неизбежно вытолкнет некоторых крестьян: так как они вследствие уменьшения наделов и увеличения платежей стали слабее по отношению к помещику, то конкуренция их увеличит норму прибавочного продукта, и помещик обойдется меньшим числом крестьян. Сколько бы ни укреплялась в народных нравах тенденция добровольного ограничения рождений,— образование «избытка» все равно неизбежно. Рассуждение Ланге, игнорирующее общественно-экономические отношения, служит только наглядным доказательством негодности его приемов. А Ланге ничего не дает еще кроме таких же рассуждений. Он говорит, что фабриканты охотно переносят производство в деревенскую глушь, по той причине, что там «*всегда имеется наготове потребное количество детского труда для любого дела*» (161), не исследуя, какая история, какой способ общественного производства создал эту «готовность» родителей отдавать своих детей в кабалу. Его приемы всего рельефнее выясняются на таком его рассуждении: он цитирует Маркса, который говорит, что машинная индустрия, давая возможность капиталу покупать труд женщин и детей, делает рабочего «работорговцем».

«Так вот к чему клонилась речь!»— победоносно восклицает Ланге. — «Но разве можно думать, что рабочий, который из нужды продает свою собственную рабочую силу, так легко перешел бы и к торговле женой и детьми, если бы его и к этому шагу не побуждали, с одной стороны, нужда, а с другой — соблазн?» (163).

Добрый Ланге довел свое усердие до того, что защищает рабочего от Маркса, доказывая Марксу, что рабочего «толкает нужда».

...«Да и что иное в сущности представляет собою эта все дальше развивающаяся нужда, как не метаморфозу борьбы за существование?» (163).

Вот к каким открытиям приводят «общие изыскания о существовании, размножении и совершенствовании человеческого рода»! Узнаем ли мы хоть что-нибудь о причинах «нужды», об ее политико-экономическом содержании и ходе развития, если нам говорят, что это — метаморфоза борьбы за существование? Ведь это можно сказать про все, что̀ угодно, и про отношения рабочего к капиталисту, и землевладельца к фабриканту и к крепостному крестьянину и т. д. и т. д. Ничего, кроме подобных бессодержательных банальностей или наивностей, не дает нам попытка Ланге исправить Маркса. Посмотрим теперь, что дает в подкрепление этой поправки последователь Ланге, г. Струве — на рассуждении о конкретном вопросе, именно перенаселении в земледельческой России.

Товарное производство — начинает г. Струве — увеличивает емкость страны. «Обмен проявляет такое действие не только путем полной, технической и экономической, реорганизации производства, но и в тех случаях, когда и техника производства остается на прежней ступени, и натуральное хозяйство удерживает, в общей экономии населения, прежнюю доминирующую роль. Но в этом случае после короткого оживления совершенно неизбежно наступает «перенаселение»; в нем, однако, товарное производство если и виновато, то только: 1) как *возбудитель*, 2) как усложняющий момент» (182). Перенаселение наступило бы и без товарного хозяйства: оно носит некапиталистический характер.

Вот те положения, которые выставляет автор. С самого начала они поражают той же голословностью, которую мы видели у Ланге: утверждается, что натурально-хозяйственное перенаселение неизбежно, но не поясняется, каким именно процессом оно создается. Обратимся к тем фактам, в которых автор находит подтверждение своих взглядов.

Данные за 1762 — 1846 г.г. показывают, что население в общем размножалось вовсе не быстро: ежегодный прирост — 1,07 — 1,5%. При этом быстрее размножилось оно, по словам Арсеньева, в губерниях «хлебопашественных». «Факт» этот,

заключает г. Струве, «чрезвычайно характерен для примитивных форм народного хозяйства, где размножение стоит в непосредственной зависимости от естественного плодородия, зависимости, которую можно, так сказать, осязать руками». Это — действие «закона соответствия между размножением населения и средствами существования» (185). «Чем шире земельный простор и чем выше естественное плодородие земли, тем больше естественный прирост населения» (186). Вывод совершенно бездоказательный: на основании одного того факта, что в губерниях центральной области Евр. России население всего менее возросло с 1790 по 1846 год в Владимирской и Калужской губерниях, строится целый закон о соответствии между размножением населения и средствами существования. Да разве по «земельному простору» можно судить о средствах существования населения? (Если бы даже и признать, что столь немногочисленные данные позволяют делать общие выводы.) Ведь «население» это не прямо обращало на себя добытые им продукты «естественного плодородия»: оно делилось ими с помещиками, с государством. Не ясно ли, что та или другая система помещичьего хозяйства, — оброк или барщина, размер повинностей и способы их взимания и т. д. — неизмеримо более влияли на величину достающихся населению «средств существования», чем земельный простор, находившийся не в исключительном и свободном владении производителей? Да мало этого. Независимо от тех общественных отношений, которые выражались в крепостном праве, население связано было и тогда обменом: «отделение обрабатывающей промышленности от земледелия,— справедливо говорит автор — т.-е. общественное, национальное разделение труда существовало и в дореформенную эпоху» (189). Спрашивается, почему же в таком случае должны мы думать, что «средства существования» были менее обильны у владимирского кустаря или прасола, живших на болоте, чем у тамбовского серого земледельца со всем его «естественным плодородием земли»?

Затем г. Струве приводит данные об уменьшении крепостного населения перед освобождением. Экономисты, мнение которых он сообщает, приписывают это явление «упадку благосостояния» (189). Автор заключает:

«Мы остановились на факте уменьшения числа крепостного населения перед освобождением, потому что он—по нашему мнению — бросает яркий свет на экономическое положение России в ту эпоху. Значительная часть страны была... насыщена населением при данных технико-экономических и социально-юридических условиях: последние были прямо неблагоприятны для сколько-нибудь быстрого размножения почти 40% всего населения» (189). При чем же тут «закон» Мальтуса о соответствии размножения со средствами существования, когда крепостнические

*

общественные порядки направляли эти средства существования в руки кучки крупных землевладельцев, минуя массу населения, размножение которой подвергается изучению? Можно ли признать какую-нибудь цену за таким, например, соображением автора, что наименьший прирост оказался или в малоплодородных губерниях со слабым развитием промышленности, или в густо населенных чисто-земледельческих губерниях? Г. Струве хочет видеть в этом проявление «некапиталистического перенаселения», которое должно было бы наступить и без товарного хозяйства, которое «соответствует натуральному хозяйству». Но с таким же, если не с бо́льшим правом можно было бы сказать, что это перенаселение соответствует крепостному хозяйству, что медленный рост населения всего более зависел от того усиления эксплуатации крестьянского труда, которое произошло вследствие роста товарного производства в помещичьих хозяйствах вследствие того, что они стали употреблять барщинный труд на производство хлеба *для продажи*, а не на свои только потребности. Примеры автора говорят против него: они говорят о невозможности построить абстрактный закон народонаселения, по формуле о соответствии размножения со средствами существования, игнорируя исторически особые системы общественных отношений и стадии их развития.

Переходя к пореформенной эпохе, г. Струве говорит: «в истории населения после падения крепостного права мы видим ту же основную черту, что и до освобождения. Энергия размножения в общем стоит в прямой зависимости от земельного простора и земельного надела» (198). Это доказывается табличкой, группирующей крестьян по размеру надела и показывающей, что прирост населения тем больше, чем больше размер надела. «*Да оно и не может быть иначе при условии натурального*, «самопотребительского»... хозяйства, служащего прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд самого производителя» (199).

Действительно, *если бы это было так*, если бы наделы служили прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд производителя, если бы они представляли единственный источник удовлетворения этих нужд, — тогда и только тогда можно было бы выводить из подобных данных общий закон размножения. Но мы знаем, что это не так. Наделы служат «прежде всего» для удовлетворения нужд помещиков и государства: они отбираются от владельцев, если эти «нужды» не удовлетворяются в срок; они облагаются платежами, превышающими их доходность. Далее, это — не единственный рессурс крестьянина. Дефицит в хозяйстве — говорит автор — должен превентивно и репрессивно отражаться на населении. Отхожие промыслы, отвлекая взрослое мужское население, сверх того задерживают размножение (199). Но если дефицит надельного хозяйства покрыт арен-

дой или промысловым заработком, то средства существования крестьянина могут оказаться вполне достаточными для «энергичного размножения». Бесспорно, что так благоприятно обстоятельства могут сложиться лишь для меньшинства крестьян, но — при отсутствии специального разбора производственных отношений внутри крестьянства — ниоткуда не видно, чтобы этот прирост шел равномерно, чтобы он не вызывался преимущественно благосостоянием меньшинства. Наконец, автор сам ставит условием доказательности своего положения — натуральное хозяйство, а после реформы, по его собственному признанию, широкой волной проникло в прежнюю жизнь товарное производство. Очевидно, что *для установления общего закона размножения* данные автора абсолютно недостаточны. Мало того — абстрактная «простота» этого закона, предполагающего, что средства производства в рассматриваемом обществе «служат прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд самого производителя», дает совершенно неправильное, ничем не доказанное освещение в высшей степени сложным фактам. Например: после освобождения — говорит г. Струве — помещикам выгодно было сдавать крестьянам земли в аренду. «Таким образом, пищевая площадь, доступная крестьянству, т.-е. его средства существования увеличивались» (200). Это прямолинейное отнесение всей аренды на счет «пищевой площади» совершенно голословно и неверно. Автор сам указывает, что помещики брали себе львиную долю продукта, производимого на их земле (200), так что еще вопрос, не ухудшала ли такая аренда (за отработки, напр.) положения арендаторов, не возлагала ли она на них обязательств, приводивших в конце концов к уменьшению пищевой площади. Далее, автор сам указывает, что аренда под силу лишь зажиточным (216) крестьянам, в руках которых она должна являться скорее средством расширения товарного хозяйства, чем укрепления «самопотребительского». Если бы даже было доказано, что в общем аренда улучшила положение «крестьянства», — то какое значение могло бы иметь это обстоятельство, когда, по словам самого автора, бедняки разорялись арендами (216) — т.-е. это улучшение для одних означало ухудшение для других? В крестьянской аренде, очевидно, переплетаются старые, крепостнические отношения и новые, капиталистические; абстрактное рассуждение автора, не принимающего во внимание ни тех, ни других, не только не помогает разобраться в этих отношениях, а напротив, запутывает дело.

Остается еще одно указание автора на данные, подтверждающие, якобы, его взгляды. Это именно ссылка на то, что «старое слово *малоземелье* есть только общежитейский термин для того явления, которое наука называет перенаселением» (186). Автор как бы опирается таким образом на всю нашу народни-

ческую литературу, которая бесспорно установила тот факт, что крестьянские наделы «недостаточны», которая тысячи раз «подкрепляла» свои пожелания о «расширении крестьянского землевладения» таким «простым» соображением: население увеличилось — наделы измельчали — естественно, что крестьяне разоряются. Едва ли однако это избитое народническое рассуждение о «малоземельи» имеет какое-нибудь научное *) значение, едва ли оно может годиться на что-нибудь иное, кроме как на «благонамеренные речи» в комиссии по вопросу о безболезненном шествовании отечества по правильному пути. В этом рассуждении за деревьями не видно леса, за внешними контурами явления не видно основного общественно-экономического фона картины. Принадлежность огромного земельного фонда представителям «старо-дворянского» уклада — с одной стороны, приобретение земли покупкой, с другой — вот тот основной фон, при котором всякое «расширение землевладения» останется жалким паллиативом. И народнические рассуждения о малоземельи, и Мальтусовы «законы» о соответствии размножения со средствами существования грешат именно своей абстрактной «простотой», игнорирующей данные, конкретные общественно-экономические отношения.

Этот обзор аргументов г. Струве приводит нас к тому выводу, что положение его, будто перенаселение в земледельческой России объясняется несоответствием размножения со средствами существования, решительно ничем не доказано. Свои аргументы он заключает таким образом: «и вот — перед нами картина натурально-хозяйственного перенаселения, осложненного товарно-хозяйственными моментами и другими важными чертами, унаследованными от социального строя крепостной эпохи» (200). Конечно, про всякий экономический факт, происходящий в стране, которая переживает переход от «натурального» хозяйства к «товарному», можно сказать, что это — явление «натурально-хозяйственное, осложненное товарно-хозяйственными моментами». Можно и наоборот сказать: «товарно-хозяйственное явление, осложненное натурально-хозяйственными моментами» — но все это не в состоянии дать не только «картины», но даже и малейшего представления о том, *как именно* создается перенаселение на почве *данных общественно-экономических отношений.* Окончательный вывод автора против г. Н. — она и его теории капиталистического перенаселения в России гласит: «наши крестьяне производят недостаточно пищи» (237).

---

*) Т.-е. это рассуждение совершенно не пригодно для *объяснения* разорения крестьянства и перенаселения, хотя самый факт «недостаточности» стоит вне спора, равно как и обострение его вследствие роста населения. Требуется не констатировать факт, а объяснить, откуда он вышел.

Земледельческое производство крестьян до сих пор дает продукты, идущие помещикам, получающим чрез посредство государства выкупные платежи, — оно служит постоянным объектом операций торгового и ростовщического *капитала*, отбирающего громадные доли продукта у преобладающей массы крестьянства, — наконец, среди самого «крестьянства» это производство распределено так сложно, что общий и средний плюс (аренда) оказывается для массы минусом, и всю эту сеть общественных отношений г. Струве разрубает как Гордиев узел абстрактным и голословнейшим решением: «недостаточно производство». Нет, эта теория не выдерживает никакой критики: она только загромождает то, что подлежит исследованию, — производственные отношения в земледельческом хозяйстве крестьян. Мальтузианская формула изображает дело так, как будто перед нами tabula rasa, а не крепостнические и буржуазные отношения, переплетающиеся в современной организации русского крестьянского хозяйства.

Разумеется, мы никак не можем удовлетвориться одной критикой взглядов г. Струве. Мы должны еще задаться вопросом: в чем основания его ошибки? и кто из противников (г. Н. —он и г. Струве) прав в своих объяснениях перенаселения?

Г. Н. —он основывает свое объяснение перенаселения на факте «освобождения» массы рабочих вследствие капитализации промыслов. При этом он приводит только данные о росте крупной фабрично-заводской промышленности и оставляет без внимания параллельный факт роста кустарных промыслов, выражающий углубление общественного разделения труда *). Он переносит свое объяснение на земледелие, даже и не пытаясь обрисовать точно его общественно-экономическую организацию и *степень ее развития*.

Г. Струве указывает в ответ на это, что «капиталистическое перенаселение в смысле Маркса тесно связано с прогрессом техники» (183) и так как он, вместе с г. —оном, находит, что «техника» крестьянского «хозяйства почти не прогрессировала» (200), — то он и отказывается признать перенаселение в земледельческой России капиталистическим и ищет других объяснений.

Указание г. Струве в ответ г. Н. —ону правильно. Капиталистическое перенаселение создается тем, что *капитал* овладевает производством и, уменьшая число необходимых (для производства данного количества продуктов) рабочих, создает излишнее

---

*) Известен факт роста наших кустарных промыслов и появления массы новых после реформы. Известно также теоретическое объяснение этого факта на-ряду с капитализацией других промыслов, данное Марксом при объяснении «создания внутреннего рынка для промышленного капитала» [Das Kapital, 2 Aufl., S. 776 u. ff.].

население. Маркс говорит о капиталистическом перенаселении в земледелии следующее:

«Как скоро капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством или по мере того, как оно овладевает им, — спрос на сельских рабочих абсолютно уменьшается вместе с накоплением функционирующего в этой области капитала, причем выталкивание рабочих не сопровождается, как в промышленности неземледельческой, большим привлечением их. Поэтому часть сельского населения постоянно готова перейти в городское или мануфактурное население *). (Мануфактура — здесь в смысле всякой неземледельческой промышленности.) Этот источник относительного перенаселения течет таким образом постоянно. Но его постоянное течение предполагает уже в деревне постоянное скрытое перенаселение, размер которого становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются необыкновенно широко. В силу этого сельский рабочий вынужден ограничиваться минимумом заработной платы и постоянно стоит одной ногой в болоте пауперизма» (Das Kapital, 2 Aufl., S. 668).

Г. Н. —он *не доказал* капиталистического характера перенаселения в земледельческой России потому, что не поставил его в связь с капитализмом в земледелии: ограничившись беглым и неполным указанием на капиталистическую эволюцию частновладельческого хозяйства, он совершенно упустил из виду буржуазные черты организации крестьянского хозяйства. Г-ну Струве следовало исправить эту неудовлетворительность изложения г. Н. —она, имеющую очень важное значение, ибо игнорирование капитализма в земледелии, его господства и в то же время его слабого еще развития, естественно повело к теории об отсутствии или сокращении внутреннего рынка. Вместо того, чтобы свести теорию г. Н. —она к конкретным данным нашего земледельческого капитализма, г. Струве впал в другую ошибку, отрицая совершенно капиталистический характер перенаселения.

Вторжением *капитала* в земледельческое хозяйство характеризуется вся пореформенная история. Помещики переходили (медленно или быстро, это — другой вопрос) к вольнонаемному труду, который получил весьма широкое распространение и определил собой даже характер преобладающей части крестьянских заработков; они повышали технику и вводили в употребление машины. Даже вымирающая крепостническая система хозяй-

*) Между прочим. Наблюдение этого факта и подало, вероятно, повод Ланге сочинять поправку к теории Маркса, которую он недостаточно понял. Вместо того, чтобы, анализируя этот факт, взять исходным пунктом данный (капиталистический) способ общественного производства и следить за его проявлением в земледелии, он вздумал сочинять из головы разные особенности «народных нравов».

ства — отдача крестьянам земли за отработки — подвергалась буржуазному превращению вследствие конкуренции крестьян, поведшей к ухудшению положения съемщиков, к более тяжелым условиям *) и, след., к уменьшению числа рабочих. В крестьянском хозяйстве обнаружилось совершенно ясно разложение крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат. «Богатеи» расширяли запашку, улучшали хозяйство [ср. *В. В.* «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве»] и вынуждены были прибегать к наемному труду. Все это — давно установленные, общепризнанные факты, которые указывает (как сейчас увидим) и сам г. Струве. Возьмем еще для иллюстрации самый обыкновенный в русской деревне случай: «кулак» оттягал у «общины», вернее, у сообщинников пролетарского типа, лучший кусок надельной земли и ведет на нем хозяйство трудом и инвентарем тех же «обеспеченных наделом» крестьян, которые опутаны долгами и обязательствами и привязаны к своему благодетелю — для социального взаимоприспособления и солидарной деятельности — силою излюбленных народниками общинных начал. Его хозяйство ведется, конечно, лучше хозяйства разоренных крестьян и требует гораздо меньше рабочих сравнительно с тем временем, когда этот кусок был в руках нескольких мелких хозяев. Что подобные факты не единичны, а всеобщи, — этого ни один народник отрицать не может. Самобытность их теорий состоит только в том, что они не хотят назвать эти факты их настоящим именем, не хотят видеть, что они означают *господство капитала в земледелии*. Они забывают, что первичной формой *капитала* всегда и везде был капитал торговый, денежный, что капитал всегда берет технический процесс производства таким, каким он его застает, и лишь впоследствии подвергает его техническому преобразованию. Они не видят поэтому, что, «отстаивая» (словами, разумеется, — не более того) современные земледельческие порядки от «грядущего» (?!) капитализма, они отстаивают только *средневековые* формы капитала от натиска его новейших, чисто буржуазных форм.

Таким образом нельзя отрицать капиталистического характера перенаселения в России, как нельзя отрицать господства капитала в земледелии. Но совершенно нелепо, разумеется, игнорировать *степень развития капитала*, как это делает г. Н. — он, который в своем увлечении представляет его почти завершившимся и потому сочиняет теорию о сокращении или отсутствии внутреннего рынка, тогда как на самом деле капитал, хотя уже

*) См., напр., Карышева («Итоги земской статистики», т. II, с. 266) — указание сборника по Ростовскому н/Д уезду на постепенное уменьшение доли крестьян в скопщине. Там же, гл. V, § 9 — о доплатах крестьян трудом при издольной аренде.

и господствует, но в очень неразвитой сравнительно форме; до полного развития, до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней, и каждый шаг вперед земледельческого капитализма означает *рост* внутреннего рынка, который, по теории Маркса, именно земледельческим капитализмом и создается, — который в России не сокращается, а, напротив, складывается и развивается.

Далее, мы видим из этой, хотя бы и самой общей характеристики нашего земледельческого капитализма *), что он не покрывает собой *всех* общественно-экономических отношений в деревне. Рядом с ним мы видим все еще и крепостнические отношения — и в хозяйственной области (напр., сдача отрезных земель за отработки и взносы натурой — тут на-лицо все признаки крепостнического хозяйства: и натуральный «обмен услуг» между производителем и владельцем средств производства, и эксплуатация производителя посредством *прикрепления* его к земле, а не отделения от средств производства), и еще более в социальной и юридико-политической (обязательное «обеспечение наделом», прикрепление к земле, т.-е. отсутствие свободы передвижения, платеж выкупных, т.-е. того же оброка помещику, подчинение привилегированным землевладельцам в области суда и управления и т. д.); эти отношения тоже ведут, несомненно, к разорению крестьян и к безработице, «перенаселению» прикрепленных к земле батраков. Капиталистическая основа современных отношений не должна скрывать этих все еще могущественных остатков «старо-дворянского» наслоения, которые *еще не разрушены* капитализмом именно вследствие его неразвитости. Неразвитость капитализма, «отсталость России», которую народники считают «счастьем» **), является «счастьем» только для эксплуататоров благородного звания. В современном «перенаселении» кроме основных капиталистических черт есть, след., еще крепостнические.

Если мы сравним это последнее положение с положением г-на Струве о том, что в «перенаселении» есть натурально-хозяйственные и товарно-хозяйственные черты, то увидим, что первое не исключает второго, а, напротив, включается в него: крепостное право относится к явлениям «натурально-хозяйственным», капитализм — к «товарно-хозяйственным». Положение г-на Струве, с одной стороны, точно не указывает, какие именно *отношения* натурально-хозяйственные и какие товарно-хозяйственные, а, с другой стороны, ведет нас назад к голословным и бессодержательным «законам» Мальтуса.

---

*) О нем будет подробнее говориться ниже, по отношению к крестьянам и помещикам отдельно.

**) Г. Южаков в «Р. Бог.».

Из этих недостатков естественно вытекла неудовлетворительность последующего изложения. «Каким же образом, — спрашивает автор, — на каких началах *может* быть реорганизовано наше народное хозяйство?» (202). Странный вопрос, формулированный опять-таки совершенно по-профессорски, совершенно так, как привыкли ставить вопросы гг. народники, констатирующие неудовлетворительность настоящего и выбирающие лучшие пути для отечества. «Наше народное хозяйство» есть капиталистическое хозяйство, организация и «реорганизация» которого определяется буржуазией, «заведующей» этим хозяйством. Вместо вопроса о возможной реорганизации и следовало поставить вопрос о последовательных ступенях развития этого буржуазного хозяйства, — следовало с точки зрения той именно теории, во имя которой автор так прекрасно отвечает г-ну В. В., аттестующему г. Н. —она «несомненным марксистом», что этот «несомненный марксист» понятия не имеет о классовой борьбе и о классовом происхождении государства. Изменение постановки вопроса в указанном смысле гарантировало бы автора от таких сбивчивых рассуждений о «крестьянстве», которые мы читаем на стр. 202 — 4.

Автор начинает с того, что крестьянству недостаточно надельной земли, что если оно и покрывает этот недостаток арендой, то «у значительной части его» тем не менее *всегда* бывает дефицит; говорить о крестьянстве, как о целом, нельзя, ибо это значит говорить о фикции *) (с. 203). И непосредственно из этого выводится:

«Во всяком случае, недостаточное производство — *основной, доминирующий* факт нашего народного хозяйства» (с. 204). Совершенно голословно и ни в какой связи не стоит с предыдущим: почему «основным, доминирующим фактом» не является тот, что крестьянство как целое есть фикция, ибо внутри его складываются враждебные классы? Автор делает свой вывод без всяких данных, без всякого анализа фактов, относящихся к «недостаточному производству» [которое однако не мешает меньшинству обзаводиться достатком на счет большинства] или к расчленению крестьянства, — просто в силу какого-то предубеждения в пользу мальтузианства. — «Поэтому, — продолжает он, — увеличение производительности земледельческого труда прямо выгодно и благодетельно для русского крестьянства» (204). Мы в недоумении: сейчас только автор выставил против народников серьезное (и в высшей степени справедливое) обвинение за рассуждения о «фикции» — «крестьянстве» вообще, а теперь сам вводит в свой

*) «Главный недостаток рассуждений г. Голубева в его замечательных статьях состоит именно в том, что он никак не может отделаться от этой фикции» (203).

анализ эту фикцию! Если отношения внутри этого «крестьянства» таковы, что меньшинство становится «экономически крепким», а большинство пролетаризуется, если меньшинство расширяет землевладение и богатеет, а большинство имеет всегда дефицит и разоряется, то каким образом можно говорить о «выгодности и благодетельности» процесса вообще? Вероятно, автор хотел сказать, что процесс выгоден и для той и для другой части крестьянства. Но тогда, во-первых, он должен был разобрать положение каждой отдельной группы и исследовать его особо, а во-вторых, при наличности антагонизма между группами, необходимо было определенно установить, с точки зрения *какой* группы говорится о «выгодности и благодетельности». Неудовлетворительность, недоговоренность объективизма г-на Струве еще и еще раз подтверждается на этом примере.

Так как г. Н. —он по данному вопросу держится противного мнения, утверждая, что «увеличение производительности земледельческого труда *), если продукты будут производиться в виде товара, не может служить к поднятию народного благосостояния» («Очерки», с. 266), — то г. Струве и переходит теперь к опровержению этого мнения.

Во-первых, говорит он, тот крестьянин, на которого современный кризис обрушился всей своей тяжестью, производит хлеб для собственного потребления; он не продает хлеб, а прикупает его. Для такого крестьянина — а их до 50% (однолошадные и безлошадные) и уже никак не менее 25% (безлошадные) — увеличение производительности труда во всяком случае выгодно, несмотря на понижение цены хлеба.

Да, конечно, увеличение производительности было бы для такого крестьянина выгодно, если бы он мог удержать свое хозяйство и поднять его на высшую ступень. Но ведь этих-то условий и нет у однолошадных и безлошадных крестьян. Им не под силу удержать теперешнее свое хозяйство, с его примитивными орудиями, с небрежной обработкой почвы и т. д., а не то чтобы повышать технику. Это повышение техники является результатом роста товарного хозяйства. И если уже на данной ступени развития товарного производства продажа хлеба является необходимостью даже для тех крестьян, которым приходится прикупать хлеб, то последующая ступень сделает эту продажу еще более обязательной (автор сам признает необходимость перехода от натурального хозяйства к товарному), и конкуренция повысивших культуру хозяев неминуемо и немедленно экспроприирует его до конца, обратит из пролетария, прикрепленного к земле, в пролетария, свободного как птица. Я вовсе не хочу сказать,

*) «Как бы ни было» оно «желательно и необходимо», — добавляет г. Н. —он.

чтобы такая перемена была *для него* невыгодна. Напротив, раз производитель уже попал в лапы капитала — а это бесспорно совершившийся факт по отношению к рассматриваемой группе крестьянства — ему весьма «выгодна и благодетельна» полная свобода, позволяющая менять хозяев, развязывающая ему руки. Но полемика гг. Струве и Н. —она ведется совсем не в области *таких* соображений.

Во-вторых, продолжает г. Струве, г. Н. —он «забывает, что повышение производительности земледельческого труда возможно только путем изменений в *технике* и в *системе* хозяйства или полеводства» (206). Действительно, г. Н. —он забывает это, но это соображение только усилит положение о неизбежности окончательной экспроприации несостоятельных крестьян, крестьян «пролетарского типа». Для изменения техники к лучшему нужны свободные денежные средства, а у этих крестьян нет даже продовольственных средств.

В-третьих — заключает автор — не прав г. Н. —он, утверждая, что повышение производительности земледельческого труда заставит конкурентов понизить цену. Для такого понижения — справедливо говорит г. Струве — необходимо, чтобы производительность нашего земледельческого труда не только догнала западноевропейскую [в этом случае мы будем продавать продукт по уровню общественно-необходимого труда], но и перегнала ее. — Это возражение вполне основательно, но оно ничего еще не говорит о том, для какой именно части «крестьянства» и в силу чего будет выгодно это повышение техники.

«Вообще г. Н. —он напрасно так боится увеличения производительности земледельческого труда» (207). Происходит это у него, по мнению г. Струве, оттого, что он не может себе иначе представить прогресс сельского хозяйства, как в виде прогресса экстенсивного земледелия, сопровождающегося все большим и большим выталкиванием рабочих машинами.

Автор очень метко характеризует отношение г. Н. —она к росту земледельческой техники словом: «боязнь»; он совершенно прав, что эта боязнь — нелепа. Но его аргументация затрогивает, кажется нам, не основную ошибку г. Н.—она.

Г. Н. — он, придерживаясь будто бы со всей строгостью доктрины марксизма, резко отличает тем не менее капиталистическую эволюцию земледелия в капиталистическом обществе от эволюции обрабатывающей промышленности, — различает в том отношении, что для последней он признает прогрессивную работу капитализма, обобществление труда, а для первой не признает. Поэтому для обрабатывающей промышленности он «не боится» увеличения производительности труда, а для земледелия—«боится», *хотя общественно-экономическая сторона дела и отражение этого процесса на разных классах общества совершенно одинаковы*

в обоих случаях... Маркс выразил это положение особенно рельефно в следующем замечании: «Филантропические английские экономисты, как Милль, Роджерс, Гольдвин Смит, Фаусетт и т. д., и либеральные фабриканты, как Джон Брайт и К⁰, спрашивают английских поземельных аристократов, как бог спрашивал Каина о его брате Авеле, — куда девались тысячи наших крестьян? — Да откуда же вы-то произошли? Из уничтожения этих крестьян. И почему вы не спрашиваете, куда девались самостоятельные ткачи, прядильщики, ремесленники?» («Das Kapital, I, S. 780, Anm. 237). Последняя фраза наглядно отождествляет судьбу мелких производителей в земледелии с судьбой их в обрабатывающей промышленности, подчеркивает образование классов буржуазного общества в обоих случаях *). Основная ошибка г. Н.—она состоит именно в том, что он игнорирует эти классы, их образование в нашем крестьянстве, не задается целью проследить со всей точностью каждую последовательную ступень развития противоположности этих классов.

Но г. Струве совсем не так ставит вопрос. Он не только не исправляет указанной ошибки г. Н. —она, а, напротив, *сам повторяет ее,* рассуждая с точки зрения профессора, стоящего *над* классами, о «выгодности» прогресса для «крестьянства». Это покушение подняться выше классов приводит к крайней туманности положений автора, туманности, доходящей до того, что из них могут быть сделаны буржуазные выводы: против неоспоримо верного положения, что капитализм в земледелии (как и капитализм в индустрии) ухудшает положение производителя — он выдвигает положение о «выгодности» этих изменений *вообще*. Это все равно, как если бы кто-нибудь, рассуждая о машинах в буржуазном обществе, стал опровергать теорию экономиста-романтика, что они ухудшают положение трудящихся, доказательствами «выгодности и благодетельности» прогресса вообще.

На соображение г-на Струве народник, вероятно, ответит: г. Н. —он боится не увеличения производительности труда, а буржуазности.

Что прогресс техники в земледелии при наших капиталистических порядках связан с буржуазностью, — это несомненно, но «боязнь», проявляемая народниками, разумеется, совершенно нелепа. Буржуазность — уже факт действительной жизни, труд подчинен капиталу уже и в земледелии, — и «бояться» надо не буржуазности, а отсутствия сознания этой буржуазности у производителя, отсутствия у него способности отстаивать свои интересы против нее. Поэтому надо желать не задержки развития капитализма, а, напротив, полного его развития, развития до конца.

*) См. особенно § 4 главы XXIV: «Генезис капиталистических арендаторов». SS. 773—776.

Чтобы подробнее и точнее указать основания той ошибки, которую допустил г. Струве, трактуя о земледелии в капиталистическом обществе, попробуем обрисовать (в самых общих чертах) процесс образования классов рядом с теми изменениями в технике, которые подали повод к рассуждению. Г. Струве различает при этом строго экстенсивное земледелие и интенсивное, усматривая корень заблуждений г. Н.—она в том, что он кроме экстенсивного земледелия не хочет ничего знать. Мы постараемся доказать, что *основная* ошибка г. Н.—она не в этом, что, при переходе земледелия в интенсивное, образование классов буржуазного общества в сущности однородно с тем, которое происходит при развитии экстенсивного земледелия.

Об экстенсивном земледелии говорить много не приходится, потому что и г. Струве признает, что тут получается выталкивание буржуазией «крестьянства». Отметим только два пункта. Во-первых. Прогресс техники вызывается товарным хозяйством; для осуществления его необходима наличность у хозяина свободных, избыточных [по отношению к его потреблению и воспроизведению его средств производства] *денежных* средств. Откуда могут взяться эти средства? Очевидно, они не могут взяться ни откуда, кроме как из того, что обращение: товар — деньги — товар превратится в обращение: деньги — товар — деньги с плюсом. Другими словами, средства эти могут взяться исключительно от капитала, *от торгового и ростовщического капитала,* от тех самых «коштанов, кулаков, купцов» и т. д., которых наивные российские народники относят *не* к капитализму, *а* к «хищничеству» (как будто капитализм не есть хищничество! как будто русская действительность не показывает нам взаимной связи всевозможных форм этого «хищничества»—от самого примитивного и первобытного кулачества до самого новейшего, рационального предпринимательства!) *). Во-вторых, отметим странное отношение г. Н.—она к этому вопросу. В примечании 2-м на стр. 233-й он опровергает автора «Южно-русского крестьянского хозяйства» В. Е. Постникова, который указывает, что машины повысили рабочую площадь крестьянского двора ровно вдвое, с 10 дес. до 20 дес.

---

*) Есть у гг. народников еще один, весьма глубокий, прием затушевывать корни нашего промышленного капитализма в «народном производстве», т.-е. в «народном» ростовщичестве и кулачестве. Кулак несет свои «сбережения» в государственный банк; вклады его позволяют банку, опираясь на рост народного богатства, народных сбережений, народной предприимчивости, народной кредитоспособности, занять денег у англичанина. Занятые деньги «государство» обращает на помощь... — какая недальновидная политика! какое печальное игнорирование «современной науки» и «современных нравственных идей»!—...*капиталистам.* Спрашивается теперь, неужели не ясно, что ежели бы государство обращало эти деньги (капиталистов) не на капитализм, а на «народное производство»,—то у нас на Руси был бы не капитализм, а «народное производство»?

на рабочего, и что поэтому причина «бедности России» — «малый размер крестьянского хозяйства». Другими словами: рост техники в буржуазном обществе ведет к экспроприации мелких и отсталых хозяйств. Г. Н.—он возражает: завтра техника может еще втрое повысить рабочую площадь. Тогда 60-ти-десятинные хозяйства надо будет превратить в 200 или 300-десятинные. — Такой аргумент против положения о буржуазности нашего земледелия так же смешон, как если бы кто-нибудь стал доказывать слабость и бессилие фабричного капитализма на том основании, что сегодняшнюю паровую машину придется «завтра» заменить электрической. «Также остается неизвестным, куда деваются миллионы освободившихся рабочих сил» — добавляет г. Н.—он, призывая на суд перед собой буржуазию и забывая, что судить-то ее некому, кроме самого производителя. Образование резервной армии безработных — такой же необходимый результат применения машин в буржуазном земледелии, как и в буржуазной индустрии.

Итак, по отношению к развитию экстенсивного земледелия нет сомнения, что прогресс техники при товарном хозяйстве ведет к превращению «крестьянина» в фермера, с одной стороны (понимая под фермером предпринимателя, капиталиста в земледелии), — в батрака и поденщика, с другой. Посмотрим теперь на тот случай, когда экстенсивное земледелие переходит в интенсивное. Г. Струве именно от этого процесса ждет «выгод» для «крестьянина». Чтобы устранить спор о пригодности того материала, по которому мы описываем этот переход, воспользуемся сочинением: «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» г-на А. И. Скворцова *), которого так безмерно восхваляет г. Струве.

В главе 3-ей отдела IV-ого своей книги г. А. Скворцов рассматривает «изменение техники земледелия под влиянием парового транспорта» в странах экстенсивных и интенсивных. Возьмем описание этого изменения в *густо-населенных экстенсивных странах.* Можно думать, что центральная Европейская Россия подойдет под такую характеристику. Г. Скворцов предсказывает для такой страны те же изменения, которые неминуемо должны произойти, по мнению г-на Струве, и в России, именно: превращение в страну интенсивного земледелия с развитым фабричным производством.

*) В нашей литературе принято относить его к марксистам. На это так же мало оснований, как и на зачисление в марксисты г-на Н. —она. Г. А. Скворцов тоже не знаком с учением о классовой борьбе и классовом характере государства. Его практические предложения в «Экономических этюдах» ничем не отличаются от обыкновенных буржуазных предложений. Если он гораздо трезвее смотрит на русскую действительность, чем гг. народники, то на этом *одном* основании следовало бы зачислять в марксисты и г. Б. Чичерина и многих других.

Последуем за г. А. Скворцовым (§§ 4—7, с. 440—451).

Страна экстенсивная *). Весьма значительная часть населения занята земледелием. Однообразие занятий вызывает отсутствие рынка. Население бедно, во-первых, вследствие малого размера хозяйств и, во-вторых, вследствие отсутствия обмена: «удовлетворение остальных потребностей, кроме пищи, производимой самим земледельцем, совершается, можно сказать, исключительно на счет произведений первобытного ремесла, так называемого у нас кустарного промысла».

Проведение железной дороги повышает цену земледельческих продуктов и, след., увеличивает покупательную силу населения. «Вместе с железною дорогою страна наводняется дешевыми произведениями мануфактур и фабрик», которые разоряют местных кустарей. Это — первая причина «крушения многих хозяйств».

Вторая причина того же явления — неурожаи. «Земледелие также велось до сих пор первобытным способом, т.-е. всегда нерационально, и, след., неурожаи составляют нередкое явление, а с проведением железной дороги вздорожание продукта, бывшее прежде последствием неурожая, или совсем не имеет места, или, во всяком случае, значительно уменьшается. Поэтому естественным последствием первого же неурожая здесь является обыкновенно крушение многих хозяйств. Такой результат является тем скорее, чем вообще меньше были избытки нормальных урожаев и чем более население должно было полагаться на заработок от кустарных промыслов».

Для того, чтобы обойтись без кустарных промыслов и обеспечить себя от неурожаев переходом к интенсивному (рациональному) земледелию, — необходимы, во-1-х, большие избытки денежных средств (от продажи по более высоким ценам земледельческих продуктов) и, во-2-х, интеллигентная сила населения, без которой невозможно повышение рациональности и интенсивности. У массы населения, конечно, этих условий нет: им удовлетворяет лишь меньшинство **).

«Избыточное население, образовавшееся таким образом [т.-е. вследствие «ликвидации» многих хозяйств, разоренных падением

*) Г. А. Скворцов указывает, что обыкновенно под экстенсивной страной разумеют малонаселенную (с. 439, пр.). Он считает это определение неправильным, указывая следующие признаки экстенсивности: 1) сильные колебания урожаев; 2) однообразие культур и 3) отсутствие внутренних рынков, т.-е. больших городов, концентрирующих в себе обрабатывающую промышленность.

**) «Для такой страны (насыщенной населением при данной степени хозяйственной культурности) мы должны допустить, что, с одной стороны, малые избытки, с другой — низкая образовательная ступень населения заставляет, при изменившихся условиях, многие хозяйства притти к ликвидации» (442).

кустарных промыслов и более высокими требованиями от земледелия], частью будет поглощено теми хозяйствами, которые выйдут из этого положения более счастливо и будут иметь возможность увеличить интенсивность производства» (т.-е., конечно, будут «поглощены» в качестве наемных рабочих, батраков и поденщиков. Г. А. Скворцов не говорит этого, считая, может быть, что это слишком ясно). Потребуется большая затрата живой силы, ибо близость рынка, достигаемая улучшенными путями сообщения, дает возможность производить трудно транспортируемые продукты, «производство которых по большей части требует значительной затраты живой рабочей силы». «Обыкновенно, однако, — продолжает г. Скворцов — процесс разрушения идет гораздо быстрее процесса улучшения сохранившихся хозяйств, и часть разоренных хозяев должна выселиться если не воп из страны, то по крайней мере в города. Эта-то часть составила главный контингент прироста населения европейских городов со времени проведения железных дорог».

Далее. «Избыток населения означает дешевые рабочие руки». «При плодородной почве (и благоприятном климате...) здесь даны все условия для культуры растений и вообще производства земледельческих продуктов, требующих большого расхода рабочей силы на единицу пространства» (443), тем более, что мелкие размеры хозяйств («хотя они, быть может, и увеличатся против прежнего») затрудняют введение машин. «Рядом с этим не останется без изменения и основной капитал, и прежде всего должен изменить свой характер мертвый инвентарь». И помимо машин «необходимость лучшей обработки почвы поведет к замене прежних первобытных орудий более совершенными, к замене дерева железом и сталью. Это преобразование необходимо вызовет образование здесь фабрик, занятых приготовлением таких орудий, ибо они не могут быть изготовляемы сколько-нибудь сносно кустарным путем». Развитию этой отрасли промышленности благоприятствуют следующие условия: 1) необходимость получить машину или часть ее в скором времени; 2) «рабочих рук здесь изобилие и они дешевы»; 3) топливо, постройки и земля дешевы; 4) «мелкость хозяйственных единиц ведет к тому, что потребление орудий увеличивается, ибо известно, что мелкие хозяйства требуют относительно больше инвентаря». Развиваются и производства иного рода. «Вообще развивается городская жизнь». Развиваются в силу необходимости *горные промыслы*, «так как, с одной стороны, является масса свободных рук, а с другой — благодаря железным дорогам и развитию перерабатывающей машинной и другой промышленности усиливается запрос на продукты горного промысла».

«Таким образом, такой район, бывший до проведения железной дороги густонаселенным районом экстенсивного земледелия,

более или менее быстро обращается в район очень интенсивного земледелия с более или менее развитым фабричным производством». Увеличение интенсивности проявляется изменением системы полеводства. Трехполье невозможно вследствие колебания урожаев. Необходим переход к «плодосменной системе полеводства», устраняющей колебания урожаев. Конечно, *полная плодосменная система* *), требующая очень высокой интенсивности, не может войти в употребление сразу. Сначала поэтому введется *зерновой плодосменный севооборот* [правильное чередование растений], разовьется скотоводство, *посев кормовых трав*.

«В конце концов, след., наш густонаселенный экстенсивный район более или менее быстро, по мере развития путей сообщения, превратится в район высоко-интенсивного хозяйства, при чем интенсивность его, как сказано, будет расти прежде всего на счет увеличения переменного капитала».

Это подробное описание процесса развития интенсивного хозяйства показывает наглядно, что и в этом случае прогресс техники при товарном производстве ведет к буржуазному хозяйству, раскалывает непосредственного производителя на *фермера*, пользующегося всеми выгодами от интенсивности, улучшения орудий и т. д., — и *рабочего*, доставляющего своей «свободой» и своей «дешевизной» самые «благоприятные условия» для «прогрессивного развития всего народного хозяйства».

Основная ошибка г. Н. —она не в том, что он игнорирует интенсивное земледелие, ограничиваясь одним экстенсивным, а в том, что он вместо анализа классовых противоречий в области русского земледельческого производства угощает читателя бессодержательными ламентациями, что «мы» идем неверным путем. Г. Струве повторяет эту ошибку, заслоняя классовые противоречия «объективными» рассуждениями, и исправляет лишь второстепенные ошибки г. Н. —она. Это тем более странно, что сам же он совершенно справедливо упрекает этого «несомненного марксиста» в непонимании теории классовой борьбы. Это тем более досадно, что такой ошибкой г. Струве ослабляет доказательное значение своей совершенно верной мысли, что «боязнь» технического прогресса в земледелии нелепа.

Чтобы покончить с этим вопросом о капитализме в земледелии, резюмируем вышеизложенное. Как ставит вопрос г. Струве? Он исходит из априорного, голословного объяснения перенаселения несоответствием размножения со средствами существования, указывает далее, что производство пищи у нашего крестьянина «недостаточно», и решает вопрос тем, что прогресс техники

*) Признаки ее: 1) вся земля обращается в пашню; 2) пар, по возможности, исключается; 3) в севообороте правильно чередуются растения; 4) возможно тщательная обработка; 5) стойловое содержание скота.

*

выгоден для «крестьянства», что «земледельческая производительность должна быть повышена» (211). Как должен он был поставить вопрос, если бы был «связан доктриной» марксизма? Он должен был *начать* с анализа данных производственных отношений в русском земледелии и — показавши, что угнетение производителя объясняется не случайностью и не политикой, а господством *капитала*, необходимо складывающегося на почве товарного хозяйства, — следить далее за тем, как этот капитал разрушает мелкое производство и какие формы при этом принимают классовые противоречия. Он должен был затем показать, как дальнейшее развитие ведет к тому, что капитал перерастает из торгового в индустриальный (принимая такие-то формы при экстенсивном, такие-то при интенсивном хозяйстве), развивая и обостряя ту классовую противоположность, основа которой была вполне уже положена при старой ее форме, окончательно противополагая «свободный» труд «рациональному» производству. Тогда достаточно уже было бы простого сопоставления этих двух последовательных форм буржуазного производства и буржуазной эксплуатации, чтобы «прогрессивный» характер изменения, его «выгодность» для производителя выступила с полной очевидностью: в первом случае подчинение труда капиталу прикрыто тысячами обломков средневековых отношений, которые мешают производителю видеть сущность дела и порождают у его идеолога нелепые и реакционные идеи о возможности ждать помощи от «общества» *и т. п.*; во втором случае подчинение это совершенно свободно от средневековых пут, и производитель получает возможность и понимает необходимость самостоятельной, сознательной деятельности против своего «антипода». На место рассуждений о «трудном, болезненном переходе» к капитализму выступила бы теория, не только говорящая о классовых противоречиях, но и действительно вскрывающая их в каждой форме «нерационального» и «рационального» производства, «экстенсивного» и «интенсивного» хозяйства.

Результаты, к которым привел нас разбор первой части VI-ой главы книги г. Струве, посвященной «характеру перенаселения в земледельческой России», можно формулировать следующим образом: 1) Мальтузианство г-на Струве не подкреплено никакими фактическими данными и основано на методологически неправильных догматических посылках. — 2) Перенаселение в земледельческой России объясняется господством капитала, а не отсутствием соответствия между размножением и средствами существования населения. — 3) Положение г-на Струве о натурально-хозяйственном характере перенаселения верно только в том смысле, что земледельческий капитал задерживается в неразвитых и потому особенно тяжелых для производителя формах переживанием крепостнических отношений. — 4) Г. Н.—он не

доказал капиталистического характера перенаселения в России потому, что не исследовал господства капитала в земледелии. — 5) Основная ошибка г. Н.—она, повторяемая и г. Струве, состоит в отсутствии анализа тех классов, которые складываются при развитии буржуазного земледелия. — 6) Это игнорирование классовых противоречий у г. Струве естественно привело к тому, что совершенно верное положение о прогрессивности и желательности технических улучшений выражено было в крайне неудачной и туманной форме.

II.

Перейдем теперь ко второй части главы VI, посвященной вопросу о разложении крестьянства. Эта часть стоит в прямой и непосредственной связи с предыдущей частью, служа дополнением к вопросу о капитализме в земледелии.

Указавши на повышение цен на сельско-хозяйственные продукты в течение первых 20 лет после реформы, на расширение товарного производства в земледелии, г. Струве совершенно справедливо говорит, что от этого «выиграли по преимуществу землевладельцы и зажиточные крестьяне» (214). «Дифференциация в среде крестьянского населения должна была увеличиться, и к этой эпохе относятся первые ее успехи». Автор цитирует указания местных исследователей, что проведение железных дорог подняло только благосостояние зажиточной части крестьянства, что аренда порождает среди крестьян «чистый бой», приводящий всегда к победе экономически сильных элементов (216—7). Он цитирует исследование В. Постникова, по которому хозяйство крестьян зажиточных настолько уже подчиняется рынку, что 40% посевной площади дают продукт, идущий на продажу, и — добавляя, что на противоположном полюсе крестьяне «теряют свою экономическую самостоятельность и, продавая свою рабочую силу, находятся на границе батрачества», — справедливо заключает: «Только проникновением менового хозяйства объясняется тот факт, что экономически сильные крестьянские хозяйства могут извлекать выгоду из разорения слабых дворов» (223). «Развитие денежного хозяйства и рост населения — говорит автор — приводит к тому, что крестьянство распадается на две части: одну экономически крепкую, состоящую из представителей новой силы, капитала во всех его формах и степенях, и другую, состоящую из полу-самостоятельных земледельцев и настоящих батраков» (239).

Как ни кратки замечания автора об этой «дифференциации», тем не менее они дают нам возможность отметить следующие важные черты рассматриваемого процесса: 1) Дело не ограничивается созданием одного только имущественного неравенства:

создается «новая сила» — *капитал*. 2) Создание этой новой силы сопровождается созданием новых типов крестьянских хозяйств: во-первых, зажиточного, экономически крепкого, ведущего развитое товарное хозяйство, отбивающего аренду у бедноты, прибегающего к эксплуатации чужого труда *); — во-вторых, «пролетарского» крестьянства, продающего свою рабочую силу капиталу. 3) Все эти явления прямо и непосредственно выросли на почве товарного хозяйства. Г. Струве сам указал, что без товарного производства они были невозможны, а с его проникновением стали необходимы. 4) Явления эти («новая сила», новые типы крестьянства) относятся к области *производства*, а не ограничиваются областью обмена, товарного обращения: капитал проявляется в земледельческом *производстве*; тоже и продажа рабочей силы.

Казалось бы, эти черты процесса прямо определяют, что мы имеем дело с чисто капиталистическим явлением, что в крестьянстве складываются *классы*, свойственные капиталистическому обществу,— буржуазия и пролетариат. Мало этого: эти факты свидетельствуют не только о господстве капитала в земледелии, но и о том, что капитал сделал уже, если можно так выразиться, второй шаг. Из торгового капитала он превращается в индустриальный, из господствующего на рынке в господствующий в производстве; классовая противоположность богача-скупщика и бедняка-крестьянина превращается в противоположность рационального буржуазного хозяина и свободного продавца свободных рук.

Но г. Струве и тут не мог обойтись без своего мальтузианства; в указанном процессе, по его мнению, выражается лишь *одна сторона* дела («только прогрессивная сторона»), рядом с которой есть и другая: «техническая нерациональность всего крестьянского хозяйства»: «в ней выражается, так сказать, регрессивная сторона всего процесса», она «нивелирует» крестьянство, сглаживает неравенство, действуя «в связи с ростом населения» (223 — 224).

В этом довольно туманном рассуждении только и видно, что автор предпочитает крайне абстрактные положения конкретным указаниям, что он ко всему припутывает «закон» о соответствии размножения со средствами существования. Говорю: припутывает,— потому что, если даже строго ограничиться фактами, приводимыми самим автором, невозможно найти указания на такие конкретные черты процесса, которые бы не подходили под «док-

*) Г. Струве не упоминает об этой черте. Она выражается и в употреблении наемного труда, играющем не малую роль в хозяйстве зажиточных крестьян, и в операциях ростовщического и торгового капитала в их руках, равным образом отнимающего сверхстоимость у производителя. Без этого признака нельзя и говорить о «капитале».

трину» марксизма и требовали признания мальтузианства. Наметим еще раз этот процесс: сначала мы имеем натуральных производителей, крестьян, сравнительно однородных *). Проникновение товарного производства ставит богатство отдельного двора в зависимость от рынка, создавая таким образом путем рыночных колебаний неравенство и обостряя его, сосредоточивая у одних в руках свободные деньги и разоряя других. Эти деньги служат, естественно, для эксплуатации неимущих, превращаются в капитал. Покуда еще разоряющиеся крестьяне держатся за свое хозяйство, капитал может эксплуатировать их, оставляя их хозяйничать по прежнему, на старых, технически нерациональных основаниях, может основывать эксплуатацию на покупке продукта их труда. Но разорение достигает, наконец, такой степени развития, что крестьянин вынужден совсем бросить хозяйство: он не может уже продавать продукта своего труда, ему остается только продавать труд. Капитал берет тогда хозяйство в свои руки, при чем он вынужден уже — силою конкуренции — организовать его рационально; он получает возможность к тому благодаря «сбереженным» ранее свободным денежным средствам, он эксплуатирует уже не хозяина, а батрака, поденщика. Спрашивается, какие же это две стороны отличает автор в этом процессе? Каким образом находит он возможным делать такой чудовищный мальтузианский вывод: «Техническая нерациональность хозяйства, а не капитализм [заметьте это «а не»] — вот тот враг, который отнимает хлеб насущный у нашего крестьянства» (224). Как будто бы этот насущный хлеб доставался когда-нибудь целиком производителю, а не делился на необходимый продукт и прибавочный, получаемый помещиком, кулаком, «крепким» крестьянином, капиталистом!

Нельзя не добавить однако, что по вопросу о «нивелировке» у автора есть некоторое дальнейшее разъяснение. Он говорит, что «результатом указанной выше нивелировки» является «констатируемое во многих местах *уменьшение* или *даже исчезновение среднего слоя крестьянского населения*» (225). Приведя цитату из земского издания, констатирующего «еще большее увеличение расстояния, отделяющего сельских богатеев от безземельного и безлошадного пролетариата», он заключает: «*Нивелировка* в данном случае, конечно, в то же время и *дифференциация*, но на почве *такой* дифференциации развивается только одна *кабала*, могущая быть лишь тормозом экономического прогресса» (226).— Итак, оказывается уже теперь, что дифференциацию, создаваемую

*) *Работающих на помещика.* Эта сторона отодвигается, чтобы яснее представить переход от натурального хозяйства к товарному.—Что остатки «старо-дворянских» отношений ухудшают положение производителя и придают разорению особенно тяжелые формы,—об этом было уже говорено.

товарным хозяйством, следует противополагать не «нивелировке», а тоже дифференциации, но только дифференциации *иного рода*, а именно кабале. А так как кабала «тормозит» «экономический прогресс», то автор и называет эту «сторону» — «регрессивной».

Рассуждение построено по крайне странным, никак уже не марксистским приемам. Сравниваются «кабала» и «дифференциация», как какие-то две самостоятельные, особые «системы»; одна восхваляется за то, что содействует «прогрессу»; другая осуждается за то, что тормозит прогресс. Куда делось у г. Струве то требование анализа классовых противоположностей, за неисполнение которого он так справедливо нападал на г. Н. —она, то учение о «стихийном процессе», о котором он так хорошо говорил? Ведь эта кабала, которую он сейчас уничтожил за ее регрессивность, представляет из себя не что иное, как первоначальное проявление капитализма в земледелии, того самого капитализма, который ведет далее к прогрессивному подъему техники. В самом деле, что такое кабала? Это — зависимость владеющего своими средствами производства хозяина, вынужденного работать на рынок, от владельца денег, — зависимость, которая, как бы она различно ни выражалась (в форме ли ростовщического капитала или капитала скупщика, который монополизировал сбыт), — всегда ведет к тому, что громадная часть продукта труда достается не производителю, а владельцу денег. Следовательно, сущность ее— чисто капиталистическая *), и вся особенность заключается в том, что эта первичная, зародышевая форма капиталистических отношений целиком опутана прежними, крепостническими отношениями: тут нет свободного договора, а есть сделка вынужденная (иногда приказом «начальства», иногда желанием сохранить хозяйство, иногда старыми долгами и т. д.); производитель тут привязан к определенному месту и к определенному эксплуататору: в противоположность безличному характеру товарной сделки, свойственному чисто капиталистическим отношениям, здесь сделка носит непременно личный характер «помощи», «благодеяния», — и этот характер сделки неизбежно ставит производителя в зависимость личную, полу-крепостническую. Такие выражения автора,

*) Тут на-лицо все признаки: товарное производство, как почва, — монополизация продукта общественного труда в форме денег, как результат, — и обращение этих денег в капитал. — Я нисколько не забываю, что эти первичные формы *капитала* встречались в отдельных случаях и до капиталистических порядков. Но дело именно в том, что они являются в современном русском крестьянском хозяйстве не как единичные случаи, а как правило, как господствующая система отношений. Они связались уже (торговыми оборотами, банками) с крупным фабрично-заводским машинным капитализмом и тем показали свою тенденцию; — показали, что представители этой «кабалы» только боевые солдаты единой и нераздельной армии буржуазии.

как «нивелировка», «тормоз прогресса», «регрессивность», — не означают ничего иного, кроме того, что капитал овладевает сначала производством на старом основании, подчиняет производителя, технически отсталого. Указание автора, что наличность капитализма не дает еще права считать его «виновным во всех бедствиях», верно в том смысле, что наш работающий на других крестьянин страдает не только от капитализма, но и от недостаточного развития капитализма. Другими словами: в громадной массе крестьянства нет почти уже вовсе самостоятельного производства на себя; на-ряду с работой на «рациональных» буржуазных хозяев мы видим только работу на владельцев денежного капитала, т.-е. тоже капиталистическую эксплуатацию, но только неразвитую, примитивную, которая в силу этого, во-1-х, вдесятеро ухудшает положение трудящегося, опутывая его сетью особых, добавочных прижимок, а, во-2-х, отнимает у него (и его идеолога — народника) возможность понять классовый характер совершаемых по отношению к нему «неприятностей» и сообразовать свою деятельность с таковым их характером. Следовательно, «прогрессивная сторона» «дифференциации» (говоря языком г. Струве) состоит в том, что она выводит на свет ту противоположность, которая прячется в форме кабалы, и отнимает у нее ее «старо-дворянские» черты. «Регрессивность» народничества, отстаивающего крестьянское равнение (пред... кулаком), состоит в том, что оно желает задержать капитал в его средневековых формах, соединяющих эксплуатацию с раздробленным, технически отсталым производством, с личным давлением на производителя. В обоих случаях (и в случае «кабалы», и в случае «дифференциации») причиной угнетения является *капитализм*, и противоположные заявления автора, что дело «не в капитализме», а в «технической нерациональности», что «не капитализм — виновник крестьянской бедности» и т. п., — показывают только, что г. Струве слишком увлекся, защищая правильную мысль о предпочтительности развитого капитализма перед неразвитым, и благодаря абстрактности своих положений противопоставил первое второму не как две последовательные стадии развития данного явления, а как особые случаи *).

---

*) На каком основании — спросит, пожалуй, читатель — относится это лишь к *увлечению* г-на Струве? — На том основании, что автор вполне определенно признает капитализм, как основной фон, на котором совершаются все описываемые явления. Он совершенно ясно указал на быстрый рост товарного хозяйства, на разложение крестьянства, на «распространение улучшенных орудий» (245) и т. п., с одной стороны, — на «освобождение крестьян от земли, создание сельского пролетариата» (238), с другой. Он сам, наконец, характеризовал это, как создание новой силы — *капитала*, и отметил решающее значение появления капиталиста между производителем и потребителем.

III.

Увлечение автора сказывается и на следующем рассуждении о том, что причину разорения крестьянства нельзя видеть собственно в крупном промышленном капитализме. Он вступает тут в полемику с г. Н. —оном.

Дешевое производство фабричных продуктов — говорит г. Н. —он о фабричной одежде — вызвало сокращение домашней их выработки (с. 227 у г. Струве).

«Дело представлено тут как раз навыворот, — восклицает г. Струве, — и это не трудно показать. Уменьшение крестьянского производства прядильных материалов повело к увеличению производства и потребления продуктов капиталистической хлопчатобумажной промышленности, а не наоборот» (227).

Автор едва ли удачно ставит вопрос, загромождая суть дела второстепенными частностями. Если исходить из наблюдения над фактом развития фабричной промышленности (а г. Н. —он именно из наблюдения этого факта и исходит), то невозможно отрицать, что и дешевизна фабричных продуктов ускоряет рост товарного хозяйства, ускоряет вытеснение домашних продуктов. Возражая против такого заявления г-на Н. —она, г. Струве только ослабляет этим свою аргументацию против этого автора, основная ошибка которого состоит в том, что он пытается представить «фабрику» чем-то оторванным от «крестьянства», случайно, извне нагрянувшим на него, тогда как на самом деле «фабрика» является (и по той теории, которой г. Н. —он хочет верно следовать, и по данным русской истории) только завершением развития товарной организации всего общественного, следовательно, и крестьянского хозяйства. Крупно-буржуазное производство на «фабрике» — прямое и непосредственное продолжение мелко-буржуазного производства в деревне, в пресловутой «общине» или в кустарном промысле. «Для того, чтобы «фабричная форма» стала «более дешевой», — совершенно справедливо говорит г. Струве — крестьянин должен стать на точку зрения экономической рациональности при условии денежного хозяйства». «Если бы крестьянство держалось... за натуральное хозяйство, никакие ситцы... его не соблазнили бы».

Другими словами: «фабричная форма» — это не более как *развитое* товарное производство, а развилось оно из того *неразвитого* товарного производства, которое мы имеем в крестьянском и кустарном хозяйстве. Автор желает доказать г. Н. —ону, что «фабрика» и «крестьянство» взаимно связаны, что хозяйственные «начала» их порядков не антагонистичны *), а тожде-

*) Народники это говорили открыто и прямо, а «несомненный марксист» г. Н. —он преподносит эту же бессмыслицу в туманных фразах о «народном строе» и «народном производстве», уснащенных цитатами из Маркса.

ственны. Для этого ему и следовало свести вопрос к экономической организации крестьянского хозяйства, выставить против г. Н. —она положение, что наш мелкий производитель (крестьянин-земледелец и кустарь) есть мелкий буржуа. Такой постановкой вопроса он свел бы его из области рассуждений о том, что «должно» быть, что «может» быть и т. д., в область выяснения *того, что есть*, и объяснения, *почему оно есть именно так, а не иначе*. Чтобы опровергнуть это положение, народникам пришлось бы либо отрицать общеизвестные и бесспорные факты о росте товарного хозяйства и разложении крестьянства [*а эти факты доказывают* мелко-буржуазность крестьянства], либо отрицать азбучные истины политической экономии. Принять это положение — значит признать нелепость противопоставления «капитализма» — «народному строю», признать реакционность прожектов «искать иных путей для отечества» и обращаться с своими пожеланиями об «обобществлении» к буржуазному «обществу» или на половину еще «старо-дворянскому» «государству».

А г. Струве вместо того, чтобы начать с начала *), начинает с конца: «мы отвергаем — говорит он — одно из самых краеугольных положений народнической теории экономического развития России, — положение, что развитие крупной обрабатывающей промышленности разоряет крестьянина-земледельца» (246). Это уж значит, как говорят немцы, выплескивать из ванны вместе с водой и ребенка! «Развитие крупной обработывающей промышленности» означает и выражает развитие капитализма. А что разоряет крестьянина именно капитализм, это—краеугольное положение совсем не народничества, а *марксизма*. Народники видели и видят причины освобождения производителя от средств производства не в той специфической организации русского общественного хозяйства, которая носит название капитализма, а в политике правительства, которая, де, была неудачна («мы» шли неверным путем и т. д.), в косности общества, недостаточно сплотившегося против хищников и пройдох и т. п. Поэтому и «мероприятия» их сводились к деятельности «общества» и «государства». Напротив, указание причин экспроприации в наличности капиталистической организации общественного хозяйства приводит неминуемо к учению *о борьбе классов* (ср. у Струве, стр. 101, 288 и мн. др.). Неточность выражения автора состоит в том, что он говорит о «*земледельце*» вообще, а не о противоположных классах буржуазного земледелия. Народники говорят, что капитализм губит *земледелие* и потому неспособен обнять все производство страны и ведет это произ-

*) Т.-е. начать с мелко-буржуазности «крестьянина-земледельца» для доказательства «неизбежности и законности» крупного капитализма.

водство неправильным путем, марксисты говорят, что капитализм как в обрабатывающей промышленности, так и в земледелии давит *производителя*, но, поднимая производство на высшую ступень, создает условия и силы для «обобществления» *).

Заключение г-на Струве по этому вопросу таково: «одна из самых коренных ошибок г. Н. —она заключается в том, что он на современное, до сих пор более натуральное, чем денежное, крестьянское хозяйство целиком перенес представления и категории *сложившегося* капиталистического строя» (237).

Мы видели выше, что только полное игнорирование конкретных данных русского земледельческого капитализма повело к смешной ошибке г. Н. —она, толкующего о «сокращении» внутреннего рынка. Но произошла эта ошибка не оттого, что он перенес на крестьянство все категории капитализма, а оттого, что он никаких *категорий капитализма* не приложил к данным о земледелии. Важнейшей «категорией» капитализма являются, конечно, классы буржуазии и пролетариата. Г. Н. —он не только не «перенес» их на «крестьянство» (т. е. не проанализировал, к каким именно группам или разрядам крестьянства приложимы эти категории и насколько они развиты), а, напротив, рассуждал чисто по-народнически, игнорируя противоположные элементы внутри «общины», рассуждая о «крестьянстве» вообще. Это и повело к тому, что положение его о капиталистическом характере перенаселения, о капитализме, как причине экспроприации земледельца, осталось не доказанным и послужило лишь для реакционной утопии.

IV.

В § VIII-ом шестой главы г. Струве излагает свои мысли о частновладельческом хозяйстве. Он совершенно справедливо указывает на тесную и непосредственную зависимость тех форм, которые принимает это хозяйство, от крестьянского разорения. Разоренный крестьянин не «соблазняет» уже помещика «баснословными арендными ценами», и помещик переходит к батрацкому труду. В доказательство приводятся выписки из статьи Распопина, обработавшего данные земской статистики помещичьего хозяйства, и из земского издания по текущей статистике, отмечающего «вынужденный» характер увеличения экономических запашек. В ответ гг. народникам, столь охотно

*) «Великая заслуга капиталистического способа производства состоит, с одной стороны, в рационализировании земледелия, возможность общественного ведения которого создает только этот способ производства, — а с другой стороны, в доведении поземельной собственности до абсурда. Как и все его другие исторические прогрессы, так и этот был куплен капитализмом ценой полного обнищания непосредственного производителя» («Das Kapital», III B., 2 Th., стр. 157).

загромождающим рассуждениями о «будущности» капитализма в земледелии и его «возможности» факт господства его в настоящем, автор дает точное указание на *действительность*.

Мы должны остановиться тут лишь на оценке этого явления автором, который говорит, что это — «прогрессивные течения в частновладельческом хозяйстве» (244), что эти течения создаются «неумолимой логикой экономической эволюции» (240). Мы боимся, что эти совершенно верные положения, по своей абстрактности, останутся невразумительны для читателя, незнакомого с марксизмом; что читатель не поймет — без определенного указания на смену таких-то систем хозяйства, таких-то форм классовой противоположности, — почему это данное течение «прогрессивно» (с той точки зрения, разумеется, с которой только и может ставить вопрос марксист, с точки зрения определенного класса), в чем именно «неумолимость» происходящей эволюции. Попробуем поэтому обрисовать эту смену (хотя бы в самых общих чертах) в параллель с народническим изображением дела.

Народник изображает процесс развития батрацкого хозяйства как переход от «самостоятельного» крестьянского хозяйства к подневольному, и — естественно — считает это регрессом, упадком и т. д. Такое изображение процесса прямо *фактически неверно*, совершенно не соответствует действительности, а потому нелепы и выводы из него. Изображая дело таким оптимистическим (по отношению к прошлому и настоящему) образом, народник просто *отворачивается от фактов*, установленных народнической же литературой, в сторону утопий и возможностей.

Возьмем за исходный пункт дореформенное крепостническое хозяйство.

Основное содержание производственных отношений при этом было таково: помещик давал крестьянину землю, лес для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненные средства) для каждого отдельного двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себе пропитание, заставлял *все прибавочное время* работать на себя, на барщине. Подчеркиваю: «все прибавочное время», чтобы отметить, что о «самостоятельности» крестьянина при этой системе не может быть и речи *). «Надел», которым «обеспечивал» крестьянина помещик, служил не более как *натуральной заработной платой*, служил всецело и исключительно для эксплуатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения самого крестьянина **).

*) Я ограничиваюсь *исключительно* хозяйственной стороной дела.

**) Поэтому ссылаться на крепостническое «наделение землей» для доказательства «исконности» принадлежности средств производства производителю — сплошная фальшь.

Но вот вторгается товарное хозяйство. Помещик начинает производить хлеб на продажу, а не на себя. Это вызывает усиление эксплуатации труда крестьян, — затем, затруднительность системы наделов, так как помещику уже невыгодно наделять подрастающие поколения крестьян новыми наделами, и появляется возможность расплачиваться деньгами. Становится удобнее отграничить раз навсегда крестьянскую землю от помещичьей (особенно ежели отрезать при этом часть наделов и получить «справедливый» выкуп) и пользоваться трудом *тех же* крестьян, поставленных материально в худшие условия и вынужденных конкурировать и с бывшими дворовыми, и с «дарственниками», и с более обеспеченными бывшими государственными и удельными крестьянами и т. д.

Крепостное право падает.

Система хозяйства, — рассчитанного уже на рынок (это особенно важно), — меняется, но меняется не сразу. К старым чертам и «началам» присоединяются новые. Эти новые черты состоят в том, что основой Plusmacherei делается уже не снабжение крестьянина средствами производства, а, напротив, «свобода» его от средств производства, его нужда в деньгах; основой становится уже не натуральное хозяйство, не натуральный обмен «услуг» (помещик дает крестьянину землю, а крестьянин — продукты прибавочного труда, хлеб, холст и т. п.), а товарный, денежный «свободный» договор. Эта именно форма хозяйства, совмещающая старые и новые черты, и воцарилась в России после реформы. К старинным приемам ссуды земли за работу (хозяйство за отрезные земли, напр.) присоединилась «зимняя наемка» — ссуда денег под работу в такой момент, когда крестьянин особенно нуждается в деньгах и в тридешева продает свой труд, ссуда хлеба под отработки и т. п. Общественно-экономические отношения в бывшей «вотчине» свелись, как видите, к самой обыкновенной *ростовщической* сделке: это операции — совершенно аналогичные с операциями скупщика над кустарями.

Неоспоримо, что именно такое хозяйство стало типом после реформы, и наша народническая литература дала превосходные *описания* этой особенно непривлекательной формы Plusmacherei, соединенной с крепостническими традициями и отношениями, с полной беспомощностью связанного своим «наделом» крестьянина.

Но народники не хотели и не хотят видеть, в чем же экономическая основа этих отношений?

Основой господства здесь является уже не только владение землей, как в старину, а еще владение деньгами, в которых нуждается крестьянин (а деньги, это — продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством), — и «свобода» крестьянина от средств к жизни. Очевидно, что это — отношение

капиталистическое, буржуазное. «Новые» черты — не что иное, как первичная форма господства *капитала* в земледелии, форма, не высвободившаяся еще от «старо-дворянских» пут, форма, создавшая классовую противоположность, присущую капиталистическому обществу, но еще не фиксировавшая ее.

Но вот с развитием товарного хозяйства ускользает почва из-под этой первичной формы господства капитала: разорение крестьянства, дошедшее теперь уже до полного краха, означает потерю крестьянами своего инвентаря,—на основании которого держалась и крепостная и кабальная форма труда—и тем вынуждает помещика переходить к своему инвентарю, крестьянина—делаться батраком.

Что этот переход и начал совершаться в пореформенной России,— это опять-таки бесспорный факт. Факт этот показывает тенденцию той кабальной формы, которую народники рассматривают чисто метафизически — вне связи с прошлым, вне стремления к развитию; факт этот показывает *дальнейшее* развитие капитализма, дальнейшее развитие той классовой противоположности, которая присуща нашему капиталистическому обществу и которая в предыдущую эпоху выражалась в отношении «кулака» к крестьянину, а теперь начинает выражаться в отношении рационального хозяина к батраку и поденщику.

И вот эта-то последняя перемена и вызывает отчаяние и ужас народника, который начинает кричать об «обезземелении», о «потере самостоятельности», о «водворении» капитализма и «грозящих» от него бедствиях и т. д. и т. д.

Посмотрите на эти рассуждения беспристрастно,—и вы увидите в них, во-первых, *ложь*, хотя бы и благонамеренную, так как предшествует этому батрацкому хозяйству не «самостоятельность» крестьянина, а другие формы отдавания прибавочного продукта тому, кто не участвовал в его создании. Во-вторых, вы увидите поверхностность, мелкость народнического протеста, обращающую его, по меткому выражению г. Струве, в вульгарный социализм. Почему это «водворение» усматривается лишь во второй форме, а не в обеих? почему протест направляется не против того основного исторического факта, который сосредоточил в руках «частных землевладельцев» средства производства, а лишь против одного из приемов утилизации этой монополии? почему корень зла усматривается не в тех производственных отношениях, которые везде и повсюду подчиняют труд владельцу денег, а лишь в той неравномерности распределения, которая так рельефно выступает в *последней* форме этих отношений? Именно это основное обстоятельство—протест против капитализма, остающийся на почве капиталистических же отношений, — и делает из народников идеологов мелкой буржуазии, боящейся не буржуазности, а лишь обострения ее, которое одно только и ведет к коренному изменению.

V.

Переходим к последнему пункту теоретических рассуждений г-на Струве, к «вопросу о рынках для русского капитализма» (245).

Разбор построенной народниками теории об отсутствии у нас рынков автор начинает вопросом: «что понимает г. В. В. под капитализмом?» Такой вопрос поставлен очень уместно, так как г. В. В. (да и все народники вообще) всегда сличали русские порядки с какою-нибудь «английской формой» (247) капитализма, а не с основными его чертами, изменяющими свою физиономию в каждой стране. Жаль только, что г. Струве не дает полного определения капитализма, указывая вообще на «господство менового хозяйства» [это — один признак; второй — присвоение прибавочной стоимости владельцем денег, господство этого последнего над трудом], на «тот строй, который мы видим на западе Европы» (247), «со всеми его последствиями», с «концентрацией промышленного производства, капитализмом в узком смысле слова» (247).

«Г. В. В.— говорит автор — в анализ понятия: «капитализм» не вдался, а заимствовал его у Маркса, который имел в виду, по преимуществу, капитализм в узком смысле, как уже вполне сложившийся продукт отношений, развивающихся на почве подчинения производства обмену» (247). С этим невозможно согласиться. Во-первых, если бы г. В. В. действительно заимствовал свое представление о капитализме у Маркса, то он имел бы правильное представление о нем и не мог бы смешивать «английскую форму» с капитализмом. Во-вторых, совершенно несправедливо, что Маркс по преимуществу имел в виду «централизацию или концентрацию промышленного производства» [это разумеет г. Струве под капитализмом в узком смысле]. Напротив, он проследил развитие товарного хозяйства с первых его шагов, он анализировал капитализм в его примитивных формах простой кооперации и мануфактуры,— формах, на целые века отстоящих от концентрации производства машинами,— он показал связь промышленного капитализма с земледельческим. Г. Струве сам суживает понятие капитализма, говоря: «...объектом изучения г-на В. В. являлись *первые* шаги народного хозяйства на пути от натуральной организации к товарной». Надо было сказать: *последние* шаги. Г. В. В., насколько известно, изучал только пореформенное хозяйство России. *Начало товарного* производства относится к дореформенной эпохе, как указывает сам г. Струве (189—190), и даже *капиталистическая* организация хлопчатобумажной промышленности сложилась до освобождения крестьян. Реформа дала толчок *окончательному* развитию в этом смысле;

она выдвинула на первое место не товарную форму продукта труда, а товарную форму рабочей силы; она санкционировала господство не товарного, а уже капиталистического производства. Неясное различие капитализма в широком и узком смысле *) приводит г. Струве к тому, что он смотрит, повидимому, на русский капитализм, как на нечто будущее, а не настоящее, вполне уже и окончательно сложившееся. Он говорит, например: «Прежде чем ставить вопрос: неизбежен ли для России капитализм в английской форме, г. В. В. должен был поставить и разрешить другой, более общий и потому более важный вопрос: неизбежен ли для России переход от натурального хозяйства к денежному и каково отношение капиталистического производства sensu stricto **) к товарному производству вообще?» (247). Едва ли удобно так ставить вопрос. Если данная, существующая теперь в России, система производственных отношений будет выяснена, тогда вопрос о «неизбежности» того или другого развития будет уже решен eo ipso ***). Если же она не будет выяснена, тогда он не разрешим. Вместо рассуждений о будущем (излюбленных гг. народниками) следует *объяснять* настоящее. В пореформенной России крупнейшим фактом выступило внешнее, если можно так выразиться, проявление капитализма, т.-е. проявление его «вершин» (фабричного производства, железных дорог, банков и т. п.), и для теоретической мысли тотчас же встал вопрос о капитализме в России. Народники старались доказать, что эти вершины — случайны, не связаны со всем экономическим строем, беспочвенны и потому бессильны; при этом они оперировали с слишком узким понятием «капитализма», забывая, что порабощение труда капиталу проходит очень длинные и различные стадии от торгового капитала до «английской формы». Марксисты и должны доказать, что эти вершины — не более как последний шаг развития товарного хозяйства, давно сложившегося в России и *повсюду,* во всех отраслях производства, порождающего подчинение капиталу труда.

С особенной наглядностью воззрение г-на Струве на русский капитализм как на нечто будущее, а не настоящее,— сказалось в следующем рассуждении: «пока будет существовать современная община, закрепленная и укрепленная законом, на ее почве разовьются такие отношения, которые с «народным благосостоянием» не имеют ничего общего. [Неужели только еще «разо-

*) Не видно, по какому признаку отличает автор эти понятия? Если под капитализмом в узком смысле разуметь машинную индустрию только, тогда непонятно, почему не выделить особо и мануфактуру? Если под капитализмом в широком смысле разуметь товарное только хозяйство, тогда тут нет капитализма.

**) — в узком смысле. *Ред.*

***) — тем самым. *Ред.*

вьются», а не развились уже так давно, что вся народническая литература, с самого своего возникновения, более четверти века тому назад, описывала эти явления и протестовала против них?] На Западе мы имеем несколько примеров существования парцеллярного хозяйства рядом с крупным капиталистическим. Наша Польша и наш юго-западный край представляют явления того же порядка. Можно сказать, что и подворная и общинная Россия, поскольку разоренное крестьянство остается на земле и в его среде нивелирующие влияния оказываются сильнее дифференцирующих, приближается к этому типу» (280). Неужели только еще приближается, а не представляет уже сейчас именно этот *тип*? Для определения «типа» надо брать, конечно, основные экономические черты порядков, а не юридические формы. Если мы посмотрим на эти основные черты экономики русской деревни, то увидим изолированное хозяйство крестьянских дворов на мелких участках земли, увидим растущее товарное хозяйство, играющее доминирующую роль уже сейчас. Это именно те черты, которые дают содержание понятию: «парцеллярное хозяйство». Мы видим далее ту же задолженность крестьян ростовщикам, ту же экспроприацию, о которой свидетельствуют данные Запада. Вся разница — в особенности наших юридических порядков (гражданская неравноправность крестьян; формы землевладения), которые сохраняют цельнее следы «старого режима» вследствие более слабого развития у нас капитализма. Но однородности *типа* наших крестьянских порядков с западными эти особенности нимало не нарушают.

Переходя к самой теории рынков, г. Струве замечает, что гг. В. В. и Н. —он путаются в порочном круге: для развития капитализма нужен рост рынка, а капитализм разоряет население. Автор исправляет этот порочный круг своим мальтузианством крайне неудачно, относя причину разорения крестьянства не к капитализму, а к «росту населения»!! Ошибка указанных авторов совсем иная: капитализм не разоряет только, а *разлагает* крестьянство на буржуазию и пролетариат. Процесс этот не сокращает внутренний рынок, а *создает* его: товарное хозяйство растет у обоих полюсов разлагающегося крестьянства, и у «пролетарского», вынужденного продавать «свободный труд», и у буржуазного, поднимающего технику своего хозяйства (машины, инвентарь, удобрения и т. д. Ср. «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» г. В. В.) и развивающего потребности. Несмотря на то, что такое понимание процесса непосредственно основано на теории Маркса о соотношении индустриального и земледельческого капитализма, г. Струве игнорирует его, — может быть, оттого, что введен в заблуждение «теорией рынков» г-на В. В. Этот последний, опираясь якобы на Маркса, преподнес российской публике «теорию», будто бы в капиталистическом развитом

обществе неизбежен «излишек товаров»; внутренний рынок не может быть достаточным, необходим внешний. «Эта теория верна (?!) — заявляет г. Струве — поскольку она констатирует тот факт, что прибавочная стоимость не может быть реализована в потреблении ни капиталистов, ни рабочих, а предполагает потребление 3-х лиц» (251). С заявлением этим нет никакой возможности согласиться. «Теория» г-на В. В. (если можно тут говорить о теории) состоит просто в игнорировании того различия личного и производительного потребления, различия средств производства и предметов потребления, без которого (различия) невозможно уяснение воспроизводства всего общественного капитала в капиталистическом обществе. Маркс показал это со всею подробностью во II-м томе «Капитала» (третий отдел: «Воспроизводство и образование всего общественного капитала»), и отметил рельефно и в I-м, критикуя то положение классической политической экономии, по которому накопление капитала состоит в превращении сверхстоимости в заработную плату только, а не в постоянный капитал (средства производства) плюс заработная плата. Для подтверждения такой характеристики теории г. В. В. ограничимся двумя цитатами из указанных г-ном Струве статей.

«Каждый рабочий — говорит г. В. В. в статье «Излишек снабжения рынка товарами» — производит больше, чем он потребляет, и все эти излишки скопляются в немногих руках; владельцы этих излишков потребляют их сами, для чего обменивают их внутри страны и за границей на разнообразные продукты необходимости и комфорта; но сколько бы они ни пили, ни ели и ни плясали (sic!!) — всей прибавочной стоимости им не извести» («От. Зап.» 1883 г., № 5, стр. 16), и «для большей наглядности» автор «рассматривает главнейшие траты» капиталиста вроде обедов, поездок и т. д. Еще рельефнее в статье «Милитаризм и капитализм»: «Ахиллесова пята капиталистической организации промышленности заключается в невозможности для предпринимателей потребить весь свой доход» («Русская Мысль» 1889 г., № 9, стр. 81). «Ротшильд не сумеет потребить всего приращения своего дохода... просто потому, что это приращение... представляет такую значительную массу предметов потребления, что Ротшильд, все прихоти которого и без того исполняются, решительно затруднился бы» и т. д.

Все эти рассуждения, как видите, основаны на том наивном мнении, будто капиталист имеет целью личное потребление, а не накопление сверхстоимости, — на той ошибке, будто общественный продукт распадается на $v+m$ (переменный капитал плюс сверхстоимость), как учил А. Смит и вся политическая экономия до Маркса, а не на $c+v+m$ (постоянный капитал, средства производства, и затем уже заработная плата и сверхстоимость), как

показал Маркс. Раз исправлены эти ошибки и принято во внимание то обстоятельство, что в капиталистическом обществе громадную и все растущую роль играют средства производства (та часть общественных продуктов, которая идет не на личное, а на производительное потребление, на потребление не людей, а капитала), рушится совершенно и вся пресловутая «теория». Маркс доказал во II-ом томе, что вполне мыслимо капиталистическое производство без внешних рынков, с растущим накоплением богатства и без всяких «3-х лиц», привлечение которых г-ном Струве в высшей степени неудачно. Рассуждение г. Струве об этом предмете тем более вызывает недоумение, что сам же он указывает на преобладающее значение для России внутреннего рынка и ловит г. В. В. на «программе развития русского капитализма», опирающегося на «крепкое крестьянство». Процесс образования этого «крепкого» (сиречь буржуазного) крестьянства, идущий в настоящее время в нашей деревне, прямо показывает нам зарождение капитала, пролетаризирование производителя и *рост внутреннего рынка:* «распространение улучшенных орудий», напр., означает именно накопление капитала на счет средств производства. По этому вопросу особенно необходимо было бы вместо изложения «возможностей» дать изложение и объяснение того действительного процесса, который выражается в создании внутреннего рынка для русского капитализма *).

Заканчивая этим разбор теоретической части книги г. Струве, мы можем теперь попытаться дать общую, сводную, так сказать, характеристику основных приемов его рассуждений и подойти таким образом к разрешению вопросов, выставленных в начале: «что именно в этой книге может быть отнесено на счет марксизма?», «какие положения доктрины (марксизма) автор отвергает, пополняет или поправляет, и что в этих случаях получается?»

Основная черта рассуждений автора, отмеченная с самого начала, это его узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, — объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс.

Мы вполне понимаем, что для такого ограничения своих «заметок» одной «объективной» и притом наиболее общей частью у автора были свои основания: во-1-х, желая противопоставить народникам основы враждебных воззрений, он излагал одни

---

*) Так как это очень важный и сложный вопрос, то мы намерены посвятить ему отдельную статью [57].

principia, предоставляя развитие и более конкретное их выяснение дальнейшему развитию полемики, во-2-х, мы в I-ой главе старались показать, что *все* отличие народничества от марксизма состоит в *характере критики* русского капитализма, в ином *объяснении* его, — откуда естественно и проистекает то, что марксисты ограничиваются иногда одними общими «объективными» положениями, напирают исключительно на то, что́ отличает наше понимание *(общеизвестных фактов)* от понимания народнического.

Но у г. Струве, кажется нам, дело зашло уже слишком далеко в этом отношении. Абстрактность изложения давала часто положения, не могущие не вызвать недоразумений; постановка вопроса не отличалась от ходячих, царящих в нашей литературе приемов рассуждать по-профессорски, сверху — о путях и судьбах отечества, а не об отдельных классах, идущих таким-то и таким-то путем; чем конкретнее становились рассуждения автора, тем более становилось невозможным разъяснить principia марксизма, оставаясь на высоте общих абстрактных положений, тем необходимее было давать определенные указания на такое-то положение таких-то классов русского общества, на такое-то соотношение разных форм Plusmacherei к интересам производителей.

Поэтому и казалась нам не совсем неуместной попытка дополнить и пояснить положения автора, проследить шаг за шагом его изложение, чтобы отметить необходимость *иной* постановки вопросов, необходимость *более последовательного* проведения теории классовых противоречий.

Что касается до прямых отступлений г. Струве от марксизма— по вопросам о государстве, о перенаселении, о внутреннем рынке— то об них достаточно было уже говорено.

VI.

В книге г. Струве кроме критики теоретического содержания народничества помещены, между прочим, еще некоторые замечания, касающиеся народнической экономической политики. Хотя замечания эти брошены бегло и не развиты автором, но мы не можем тем не менее не коснуться их, чтобы не оставлять места никаким недоразумениям.

В этих замечаниях содержатся указания на «рациональность», прогрессивность, «разумность» и т. п. либеральной, т.-е. буржуазной политики по сравнению с политикой народнической *).

*) Укажем образчики этих замечаний: «Если государство... желает укрепить не крупное, а мелкое землевладение, то при данных экономических условиях оно может достигнуть этой цели не тем, что будет гоняться за неосуществимым экономическим равенством в среде крестьянства, а только — путем поддержания его жизнеспособных элементов, путем созда-

Очевидно, автор хотел сопоставить две политики, остающиеся на почве существующих отношений, — и *в этом смысле* он совершенно справедливо указал, что «разумна» политика, развивающая, а не задерживающая капитализм, — «разумна», конечно, не потому, что, служа буржуазии, все сильнее подчиняет ей производителя [как пытаются истолковать разные «простяки» или «акробаты»], а потому, что, обостряя и очищая капиталистические отношения, она просветляет *разум* того, от кого только и зависит перемена, и развязывает ему руки.

Мы не можем не заметить, однако, что это совершенно верное положение выражено г-ном Струве неудачно, высказано им благодаря свойственной ему абстрактности так, что иногда хочется сказать ему: предоставьте мертвым погребать своих мертвецов. Никогда не было в России недостатка в людях, всю душу полагавших на создание теорий и программ, выражающих интересы нашей буржуазии, выражающих все эти «долженствования» сильного и крупного капитала раздавить маленький капитал и разрушить его примитивные и патриархальные приемы эксплуатации.

Если бы автор и тут строго выдержал требования «доктрины» марксизма, обязывающей сводить изложение к формулировке действительного процесса, обязывающей вскрывать классовые противоречия за каждой формой «разумной», «рациональной» и прогрессивной политики, — он высказал бы ту же мысль иначе, дал другую постановку вопроса. Он привел бы те теории и программы либерализма, т.-е. буржуазии, которые как грибы после дождя росли после великой реформы, в параллель с фактическими данными о развитии капитализма в России. Он бы показал таким образом на русском примере ту связь общественных идей с экономическим развитием, которую он доказывал в первых главах и которая может быть окончательно установлена только материалистическим анализом русских данных. Он бы показал таким образом, во-вторых, как наивны народники, воюющие в своей литературе против буржуазных теорий так, как будто бы эти теории представляли только ошибочные рассуждения, а не интересы могущественного класса, который глупо усовещевать, который может быть «убежден» только внушительной силой другого класса. Он показал бы таким образом, в-третьих, какой класс на самом деле определяет у нас «долженствование» и «про-

---

ния из них экономически крепкого крестьянства» (240). «Я не могу не видеть, что политика, которая направится на создание *такого* крестьянства (именно: «экономически крепкого, приспособленного к товарному производству»), будет единственной разумной и прогрессивной политикой» (281). «Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной» (251) и т. д. вплоть до заключительной фразы: «пойдем на выучку к капитализму».

гресс», и как смешны народники, рассуждающие о том, какой «путь» «выбрать».

Гг. народники с особенным удовольствием подхватили эти выражения г-на Струве, злорадствуя по поводу того, что неудачная формулировка их позволила разным буржуазным экономистам (в роде г. Янжула) и крепостникам (в роде г. Головина) цепляться за отдельные, вырванные из общей связи, фразы. Мы видели, в чем состоит неудовлетворительность г. Струве, давшая противникам такое оружие в руки.

Попытки критиковать народничество просто как теорию, неправильно указывающую пути для отечества *), привели автора к неясной формулировке своего отношения к «экономической политике» народничества. Тут могут увидеть, пожалуй, огульное отрицание этой политики, а не одной только ее половины. Необходимо поэтому остановиться на этом пункте.

Философствование о возможности «иных путей для отечества», это — только внешнее облачение народничества. Содержание же его — представительство интересов и точки зрения русского мелкого производителя, мелкого буржуа. Поэтому народник в теории точно так же является Янусом, который смотрит одним ликом в прошлое, другим — в будущее, как в жизни является Янусом мелкий производитель, который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое мелкое хозяйство, не зная и знать ничего не желая об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом, — а другим ликом в будущее, настраиваясь враждебно против разоряющего его капитализма.

Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу целиком, без разбора, было бы абсолютно неправильно. В ней надо строго отличать ее реакционную и прогрессивную стороны. Народничество реакционно, поскольку оно предлагает мероприятия, привязывающие крестьянина к земле и к старым способам производства, вроде неотчуждаемости наделов и т. п. **), поскольку они хотят задержать развитие денежного хозяйства, поскольку они ждут не частичных улучшений, а перемены пути от «общества» и от воздействия представителей бюрократии (пример: г. Южаков, рассуждавший в «Рус. Бог.» 94, № 7, об общественных запашках, проектируемых одним земским начальником, и занимавшийся внесением поправок в эти проекты). Против подобных пунктов народнической программы необходима, конечно,

*) Автор «Критических заметок» указывает на экономическую почву народничества (стр. 166 — 7), но его указание представляется нам недостаточным.

**) Чрезвычайно верно говорит г. Струве, что эти меры могли бы лишь «осуществить пламенные мечтания некоторых западно-европейских и российских землевладельцев о крепких земле батраках» (279).

безусловная война. Но есть у них и другие пункты, относящиеся к самоуправлению, свободному и широкому доступу знаний к «народу», к «подъему» «народного» (сиречь мелкого) хозяйства посредством дешевых кредитов, улучшений техники, упорядочений сбыта и т. д. и т. д. и т. д. Что подобные, обще-демократические, мероприятия прогрессивны, — это признает, конечно, вполне и г. Струве. Они не задержат, а ускорят экономическое развитие России по капиталистическому пути, ускорят создание внутреннего рынка, ускорят рост техники и машинной индустрии улучшением положения трудящегося и повышением его уровня потребностей, ускорят и облегчат его самостоятельное мышление и действие.

Тут может только разве возникнуть вопрос: кто вернее и лучше указывает подобные, безусловно желательные, меры, — народники ли или публицисты à la г. А. Скворцов, который тоже распинается за технический прогресс и к которому так чрезвычайно расположен г. Струве? Мне кажется, что с марксистской точки зрения нельзя сомневаться в абсолютной предпочтительности народничества *в этом отношении*. Мероприятия гг. Скворцовых так же относятся к интересам всего класса мелких производителей, мелкой буржуазии, как программа «Московских Ведомостей» к интересам крупной. Они рассчитаны не на всех *), а только на отдельных избранников, удостоивающихся внимания начальства. Они безобразно грубы, наконец, потому что предполагают полицейское вмешательство в хозяйство крестьян. Взятые в совокупности, эти меры не дают никаких серьезных гарантий и шансов на «производственный прогресс крестьянского хозяйства».

Народники неизмеримо правильнее понимают и представляют *в этом отношении* интересы мелких производителей, и марксисты должны, отвергнув все реакционные черты их программы, не только принять обще-демократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше. Чем решительнее будут такие реформы в России, чем выше поднимут жизненный уровень трудящихся масс, — тем резче и чище выступит важнейшая и основная (уже сейчас) социальная противоположность русской жизни. Марксисты не только не «обрывают демократической нити» или течения, как клеплет на них г. В. В., — напротив, они хотят развития и усиления этого течения, хотят приближения его к жизни, хотят поднять ту «нить», которую выпускает из рук «общество» и «интеллигенция» **).

*) Т.-е., конечно, на всех, *кому доступен* технический прогресс.

**) «Неделя» 1894 г. № 47, г. В. В.: «В пореформенный период нашей истории социальные отношения в некоторых чертах приблизились к западноевропейским, с активным демократизмом в эпоху политической борьбы и общественным индифферентизмом в последующее время». Мы стара-

Это требование — не бросать «нити», а, напротив, укреплять ее — вовсе не случайно вытекает из личного настроения тех или других «марксистов», а необходимо определяется положением и интересами того класса, которому они хотят служить, необходимо и безусловно предписывается коренными требованиями их «доктрины». Я не могу, по легко понятным причинам, останавливаться здесь на разборе первой части этого положения, на характеристике «положения» и «интересов»; да тут, кажется, дело само говорит за себя. Коснусь только второй части, именно отношения марксистской доктрины к вопросам, выражающим «обрывающуюся нить».

Марксисты должны *иначе ставить* эти вопросы, чем это делали и делают гг. народники. У последних вопрос ставится с точки зрения «современной науки, современных нравственных идей»; дело изображается так, будто нет каких-нибудь глубоких, в самых *производственных отношениях* лежащих причин неосуществления подобных реформ, а есть препятствия только в грубости чувств: в слабом «свете разума» и т. п., будто Россия — tabula rasa, на которой остается только правильно начертать правильные пути. *При такой постановке вопроса* ему обеспечивалась, понятно, «чистота», которой хвастается г. В. В. и которая на самом деле означает лишь «чистоту» институтских мечтаний, которая делает народнические рассуждения столь пригодными для бесед в кабинетах.

Постановка этих же вопросов у марксистов необходимо должна быть совершенно иная *). Обязанные отыскивать корни общественных явлений в производственных отношениях, обязанные сводить их к *интересам* определенных классов, они должны формулировать те же desiderata, как «пожелания» таких-то общественных элементов, встречающие противодействие таких-то других элементов и классов. Такая постановка будет уже абсолютно устранять возможность утилизации их «теорий» для профессорских, поднимающихся *выше* классов, рассуждений, для каких-нибудь обещающих «блестящий успех» **) проектов и докладов. Это, конечно, только еще косвенное достоинство указываемой перемены точки зрения, но и оно очень велико, если принять во внимание, по какой крутой наклонной плоскости катится *современное* народничество в болото оппортунизма. Но одним

лись показать в I главе, что этот «индифферентизм» — не случайность, а неизбежный результат положения и интересов того класса, из которого выходят представители «общества» и который рядом с минусами от современных отношений получает от них весьма немаловажные плюсы.

*) Если они будут последовательно проводить свою теорию. Мы много уже говорили о том, что неудовлетворительность изложения у г. Струве произошла именно оттого, что он не выдержал со всей строгостью этой теории.

**) Выражение г. Южакова.

косвенным достоинством дело не ограничивается. Если ставить те же вопросы применительно к теории классового антагонизма [для чего нужен, конечно, «пересмотр фактов» русской истории и действительности], — тогда ответы на них будут давать формулировку насущных интересов таких-то классов, — эти ответы будут предназначаться на практическую утилизацию *) их именно этими заинтересованными классами и исключительно одними ими, — они будут рваться, говоря прекрасным выражением одного марксиста, из «тесного кабинета интеллигенции» к самим участникам производственных отношений в наиболее развитом и чистом их виде, к тем, на ком всего сильнее сказывается «обрыв нити», для кого «идеалы» «нужны», потому что без них им приходится плохо. Такая постановка вдохнет новую живую струю во все эти старые вопросы — о податях, паспортах, переселениях, волостных правлениях и т. п. — вопросы, которые наше «общество» обсуждало и трактовало, жевало и пережевывало, решало и перерешало, и к которым оно стало теперь терять всякий вкус.

Итак, как бы ни подходили мы к вопросу, — разбирая ли содержание царящей в России системы экономических отношений и разные формы этой системы в их исторической связи и в их отношении к интересам трудящихся, — или же разбирая вопрос об «обрыве нити» и о причинах этого «обрыва», — в обоих случаях мы приходим к одному выводу, к выводу о великом значении той исторической задачи «дифференцированного от жизни труда», которая выдвигается переживаемой нами эпохой, к выводу о всеобъемлющем значении идеи этого класса.

---

*) Конечно, *для этой* «утилизации» требуется громадная подготовительная работа, притом работа, по самому существу своему, невидная. *До* этой утилизации может пройти более или менее значительный период времени, в течение которого мы будем прямо говорить, что нет еще никакой силы, способной дать лучшие пути для отечества, — в противоположность «слащавому оптимизму» гг. народников, уверяющих, что силы есть и остается лишь посоветовать им «сойти с неправильного пути».

ОБЪЯСНЕНИЕ ЗАКОНА О ШТРАФАХ, ВЗИМАЕМЫХ С РАБОЧИХ НА ФАБРИКАХ И ЗАВОДАХ

Написано осенью 1895 г.

Напечатано в 1895 г. нелегально в Петербурге в типографии народовольцев [58])

Печатается с 1-го нелегального издания 1895 года

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА А. Е. ВАСИЛЬЕВА.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЗАКОНА О ШТРАФАХЪ,

ВЗИМАЕМЫХЪ

СЪ

рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ.

ХЕРСОНЪ.
Типографія К. Н. Субботина, Екатерин. ул. д. Калинина.
1895.

Обложка 1-го издания брошюры: «Объяснение закона о штрафах», печатавшейся в Петербурге в нелегальной типографии группы народовольцев. Обложке придан вид якобы легального издания.

I.

ЧТО ТАКОЕ ШТРАФЫ?

Если спросить рабочего, знает ли он, что такое штрафы, то он, пожалуй, удивится такому вопросу. Как же ему не знать штрафов, когда постоянно приходится платить их? Об чем тут спрашивать?

Но это только кажется, будто тут нечего и спрашивать. А на самом деле большинство рабочих не имеет правильного понятия о штрафах.

Обыкновенно думают, что штраф это — платеж хозяину за убыток, причиненный ему рабочим. — Это неверно. — Штраф и вознаграждение за убыток — две различные вещи. Если один рабочий причинил какой-нибудь убыток другому рабочему, — он может требовать вознаграждение за убыток (напр., за испорченную материю), но не может оштрафовать его. Точно так же, если один фабрикант причинит убыток другому (напр., не поставит в срок товара), то фабрикант может требовать вознаграждение, но не может оштрафовать другого фабриканта. — Вознаграждения за убыток требуют от человека равного, а штрафовать можно только человека подчиненного. Поэтому, вознаграждение за убыток надо требовать судом, а штраф назначается хозяином без суда. Штраф назначается иногда в таких случаях, когда никакого убытку хозяину не было: напр., штраф за курение табаку. Штраф есть наказание, а не вознаграждение за убыток. Если рабочий, скажем, заронил при курении и сжег хозяйскую материю, то хозяин не только оштрафует его за курение, но еще сверх того вычтет за сожженную материю. На этом примере ясно видно отличие штрафа от вознаграждения за убыток.

Назначение штрафов — не вознаграждать за убыток, а создать дисциплину, т.-е. подчинение рабочих хозяину, заставить рабочих исполнять хозяйские приказания, слушаться его во время работы.— Закон о штрафах так и говорит: штраф есть «денежное взыскание, налагаемое в видах поддержания порядка собственной властью

заведующих фабрикой». И величина штрафа зависит, поэтому, не от величины убытка, а от степени неисправности рабочего: штраф тем больше, чем больше неисправность, чем крупнее неповиновение хозяину, отступление от хозяйских требований. Если кто идет работать на хозяина, то понятно, что он становится человеком подневольным; он должен хозяина слушаться, и хозяин его может наказывать. — Крепостные крестьяне работали на помещиков, и помещики их наказывали. — Рабочие работают на капиталистов, и капиталисты их наказывают.— Разница вся только в том, что прежде подневольного человека били дубьем, а теперь его бьют рублем.

Против этого, пожалуй, возразят: скажут, что общая работа массы рабочих на фабрике или заводе не возможна без дисциплины: необходим порядок в работе, необходимо следить за этим порядком и наказывать нарушителей. Поэтому—скажут—штрафы берутся не потому, что рабочие — народ подневольный, а потому, что совместная работа требует порядка.

Такое возражение совершенно неправильно, хотя с первого взгляда оно могло бы ввести в заблуждение. Приводят это возражение только те, кто хочет скрыть от рабочих их подневольное положение. Порядок, действительно, необходим при всякой общей работе. Но разве необходимо, чтобы люди работающие подчинены были произволу фабрикантов, т. - е. людей, которые сами не работают и сильны только потому, что забрали в руки все машины, орудия и материалы? Общей работы нельзя вести без порядка, без того, чтобы все подчинялись этому порядку; но общую работу можно вести и без подчинения рабочих фабрикантам и заводчикам. Общая работа требует, действительно, наблюдения за порядком, но она вовсе не требует, чтобы власть наблюдать за другими доставалась всегда тому, кто сам не работает, а живет чужим трудом. — Отсюда видно, что штрафы берутся не потому, что люди ведут общую работу, а потому, что при теперешних капиталистических порядках весь рабочий люд не имеет никакой собственности: все машины, орудия, сырые материалы, земля, хлеб находятся в руках богачей. Рабочие должны продаваться им, чтобы не умереть с голоду. А продавшись, они, разумеется, уже обязаны подчиняться им и терпеть от них наказания.

Это должен уяснить себе каждый рабочий, который хочет понимать, что такое штрафы. Необходимо знать это, чтобы опровергнуть обыкновенное (и очень ошибочное) рассуждение, будто штрафы необходимы, так как без них невозможна, будто бы, общая работа. Необходимо знать это, чтобы уметь объяснить каждому рабочему, чем отличается штраф от вознаграждения за убыток, и почему штрафы означают подневольное положение рабочих, подчинение их капиталистам.

II.

КАК ПРЕЖДЕ НАЛАГАЛИСЬ ШТРАФЫ И ЧЕМ БЫЛИ ВЫЗВАНЫ НОВЫЕ ЗАКОНЫ О ШТРАФАХ?

Законы о штрафах существуют недавно: всего девять лет. До 1886 года не было никаких законов о штрафах. — Фабриканты могли брать штрафы, за что хотели и в каком угодно количестве. Фабриканты брали тогда штрафы в безобразных размерах и наживали на штрафах громадные доходы. — Штрафы назначались иногда просто «по усмотрению хозяина», без указания причины штрафа. — Штрафы доходили иногда *до половины заработка*, так что рабочий из заработанного рубля отдавал хозяину пятьдесят копеек в виде штрафов.—Бывали такие случаи, что сверх штрафов назначалась еще неустойка; напр., 10 рублей за оставление фабрики. Всякий раз, когда у фабриканта дела шли плохо, — ему ничего не стоило сбавить плату вопреки условию. — Он заставлял мастеров строже брать штрафы и браковать товар: выходило на то же, как если бы рабочему сбавили плату.

Долго терпели рабочие все эти притеснения, но по мере того, как более и более развивались крупные заводы и фабрики, особенно ткацкие, вытесняя мелкие заведения и ручных ткачей,— возмущение рабочих против произвола и притеснений становилось все сильнее. Лет десять тому назад в делах купцов и фабрикантов наступила *заминка*, так называемый кризис: товар не шел с рук; фабриканты несли убытки и стали еще сильнее налегать на штрафы. Рабочие, заработки которых и без того были плохи, не могли уже снести новых притеснений, и вот в губерниях Московской, Владимирской и Ярославской начались в 1885—86 годах рабочие бунты. Выведенные из терпения рабочие прекращали работу и страшно мстили притеснителям, разрушая фабричные здания и машины, иногда поджигая их, избивая администрацию и т. п.

Особенно замечательна из всех этих стачек — стачка на известной Никольской мануфактуре Тимофея Саввича Морозова (в местечке Никольском, у станции Орехово, Московско-Нижегородской ж. д.) [59]). С 1882 года Морозов стал сбавлять плату, и до 1884 года было пять сбавок. В то же время становились все строже и строже штрафы: по всей фабрике они составляли почти четверть заработка (24 копейки штрафов на заработанный рубль), а иногда доходили у отдельных рабочих до половины заработка. Чтобы скрыть такие безобразные штрафы, контора в последний год перед погромом поступала так: тех рабочих, у которых штрафы достигали половины заработка, она заставляла

брать расчет, а потом хоть в тот же день рабочие эти могли опять поступать на работы и получать новую книжку. Посредством этого книжки, где были записаны очень уж большие штрафы, уничтожались. — При прогулах вычитали 3 дня за один прогульный день, за курение штрафовали по 3, 4 и 5 руб. за раз. Выведенные из терпения, рабочие 7 января 1885 г. бросили работу, и в течение нескольких дней разгромили фабричную лавку, квартиру мастера Шорина и некоторые другие фабричные здания. Этот страшный бунт десятка тысяч рабочих (число рабочих доходило до 11.000 человек) чрезвычайно напугал правительство: в Орехово-Зуево явились тотчас же войска, губернатор, прокурор из Владимира, прокурор из Москвы. — Во время переговоров со стачечниками, из толпы были переданы начальству «условия, составленные самими рабочими», в которых рабочие требовали, чтобы им вернули штрафы с Пасхи 84 г., чтобы штрафы впредь не превышали $5^0/_0$ заработка, т.-е. составляли не более 5 коп. с заработанного рубля, чтобы за прогул одного дня брали не более 1 рубля. Кроме того, рабочие требовали возвращения к заработку 1881 — 82 г.г., требовали, чтобы хозяин платил за прогульные по его вине дни, чтобы полный расчет выдавался по предупреждению за 15 дней, чтобы прием товара производился при свидетелях из рабочих и т. д.

Эта громадная стачка произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования. Фабриканты тоже почуяли силу рабочих и стали поосторожнее. — В газете «Новое Время» сообщали, напр., из Орехова-Зуева: «Прошлогодний погром (т.-е. погром в январе 1885 г. у Морозова) имеет то значение, что сразу изменил старые фабричные порядки, как на орехово-зуевских фабриках, так и в окрестности». Значит, не только хозяева морозовской фабрики должны были изменить безобразные порядки, когда рабочие сообща потребовали их отмены, но даже соседние фабриканты пошли на уступки, боясь у себя погромов. «Главное—то» — писали в той же газете — «что теперь установилось более человеческое отношение к рабочим, чем прежде отличались немногие из фабричных администраторов».

Даже «Московские Ведомости» (эта газета всегда защищает фабрикантов и винит во всем самих рабочих) поняли невозможность сохранить старые порядки и должны были признать, что произвольные штрафы — «зло, ведущее к возмутительнейшим злоупотреблениям», что «фабричные лавки — сущий грабеж», что необходимо, поэтому, установить закон и правила о штрафах.

Громадное впечатление, произведенное этой стачкой, усилилось еще благодаря суду над рабочими. За буйство во время

стачки, за нападение на военный караул (часть рабочих была арестована во время стачки и заперта в одном здании, но рабочие сломали дверь и ушли) 33 рабочих было предано суду. Суд состоялся во Владимире, в мае 1886 г. Присяжные оправдали всех подсудимых, так как на суде показания свидетелей, — в том числе хозяина фабрики, Т. С. Морозова, директора Дианова и многих ткачей-рабочих,— выяснили все безобразные притеснения, которым подвергались рабочие. Этот приговор суда явился прямым осуждением не только Морозова и его администрации, но и всех вообще старых фабричных порядков.

Защитники фабрикантов страшно переполошились и озлобились. Те самые «Московские Ведомости», которые после погрома признавали безобразие старых порядков, теперь заговорили совсем другое: «Никольская мануфактура принадлежит», дескать, «к числу лучших мануфактур. Рабочие не состоят к фабрике ни в каких крепостных или обязательных отношениях, приходят они добровольно и уходят беспрепятственно. Штрафы — но штрафы на фабриках необходимость; без них не было бы никакого сладу с рабочими, и фабрику хоть закрывай». — Вся вина, дескать, самих рабочих, «распущенных, пьяных и небрежных». Приговор суда может только «развращать народные массы» *). — «Но с народными массами шутить опасно», — восклицали «Московские Ведомости».—«Что должны подумать рабочие в виду оправдательного приговора Владимирского суда? Весть об этом решении мгновенно облетела весь этот мануфактурный край. Наш корреспондент, выехавший из Владимира тотчас после состоявшегося приговора, уже слышал о нем на всех станциях...» [60]).

Таким образом, фабриканты старались запугать правительство: если, дескать, уступить рабочим в одном, то они завтра потребуют другого.

Но погромы рабочих были еще страшнее, и правительству пришлось уступить.

В июне 1886 г. вышел новый закон о штрафах, который указал случаи, когда позволительно брать штрафы, определил крайнюю величину штрафов и постановил, что штрафные деньги должны итти не в карман фабриканта, а на нужды самих рабочих.

Многие рабочие не знают этого закона, а те, которые знают, думают, что облегчение в штрафах вышло от правительства, что надо быть благодарным за это облегчение начальству. Мы видели, что это неправда. — Как ни безобразны были старые фабричные порядки, — начальство ровно ничего не сделало для

*) Фабриканты и их защитники всегда смотрели и смотрят так, что если рабочие начинают думать о своем положении, начинают добиваться своих прав и сообща сопротивляться безобразиям и притеснениям хозяев,—то все это один только «разврат».— Конечно, для хозяев выгоднее, чтобы рабочие не думали о своем положении и не понимали своих прав.

облегчения рабочих, покуда рабочие не начали бунтовать против них, покуда озлобленные рабочие не дошли до того, что стали ломать фабрики и машины, жечь товары и материалы, бить администрацию и фабрикантов. — *Только тогда правительство испугалось и уступило.*—Рабочие должны благодарить за облегчение не начальство, а своих товарищей, которые добивались и добились отмены безобразных притеснений.

История погромов 1885 года показывает нам, какая громадная сила заключается в соединенном протесте рабочих.—Необходимо только позаботиться о том, чтобы эта сила употреблялась сознательнее, чтобы она не тратилась даром, на месть тому или другому отдельному фабриканту или заводчику, на погром той или другой ненавистной фабрики или завода, чтобы вся сила этого возмущения и этой ненависти направлялась против всех фабрикантов, заводчиков вместе, против всего *класса* фабрикантов и заводчиков, и шла на постоянную, упорную борьбу с ним.

Рассмотрим теперь подробно наши законы о штрафах. Чтобы ознакомиться с ними, надо разобрать следующие вопросы: 1) В каких случаях или по каким поводам разрешает закон налагать штрафы?—2) Каков по закону должен быть размер штрафов? 3) Каков порядок наложения штрафов указан в законе?— т.-е. кто по закону может назначать штраф? можно ли жаловаться на это? каким образом рабочему должно наперед объявить табель о штрафах? как должно записывать штрафы в книгу?— 4) На что должны итти, по закону, штрафные деньги? где они хранятся? каким образом расходуются на нужды рабочих и на какие именно нужды? Наконец, последний вопрос 5) На всех ли рабочих распространяется закон о штрафах?

Когда мы разберем все эти вопросы, мы будем знать не только, что́ такое штраф, но и все особенные правила и подробные постановления русских законов о штрафах. А знать это необходимо рабочим, чтобы сознательно относиться к каждому случаю несправедливых штрафов, чтобы уметь разъяснить товарищам, почему существует та или другая несправедливость, — потому ли, что начальство фабрики нарушает закон, или потому, что в самом законе существуют такие несправедливые правила, — и чтобы сообразно с этим уметь выбрать подходящую форму борьбы против притеснений.

III.

ПО КАКИМ ПОВОДАМ ФАБРИКАНТ МОЖЕТ НАЛАГАТЬ ШТРАФЫ?

Закон говорит, что поводы наложения штрафов, т.-е. провинности, за которые хозяин фабрики или завода вправе штрафовать рабочих, могут быть следующие: 1) неисправная работа; 2) прогул; 3) нарушение порядка. «Никакие взыскания» — сказано в законе—«не могут быть налагаемы по другим поводам» *). Рассмотрим внимательно каждый из этих трех поводов отдельно.

Первый повод — неисправная работа. В законе сказано: «Неисправной работой считается производство рабочим, по небрежности, недоброкачественных изделий, порча им при работе материалов, машин и иных орудий производства». Надо запомнить тут слова: «по небрежности». Они очень важны.—Штраф можно налагать, значит, только за небрежность. Если изделие вышло недоброкачественным не по небрежности рабочего, а, например, потому, что хозяин дал плохой материал, — тогда фабрикант не имеет права налагать штраф. Необходимо, чтобы рабочие хорошо поняли это, и в случае наложения штрафа за неисправную работу, когда неисправность произошла не по вине рабочего, не по его небрежности, заявляли протест, потому что в таком случае штрафовать — прямо незаконно.—Возьмем еще пример: работает заводский рабочий на станке около электрической лампочки. Отлетает кусок железа, попадает прямо в лампочку и разбивает ее. Хозяин пишет штраф: «за порчу материалов». Имеет ли он на это право? Нет, не имеет, потому что рабочий не по небрежности разбил лампочку: рабочий не виноват, что ничем не защитили лампочку от кусков железа, которые всегда отлетают при работе **).

Спрашивается теперь, достаточно ли охраняет этот закон рабочего? защищает ли он его от произвола хозяина и несправедливого наложения штрафов? Конечно, нет, потому что хозяин по своему усмотрению решает, доброкачественно изделие или

*) Закон, о котором мы говорим, есть «Устав о промышленности», который входит во вторую часть одиннадцатого тома русского «Свода законов». — Закон излагается в отдельных статьях, которые перенумерованы. — О штрафах говорят статьи 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151 и 152.

**) Такой именно случай был в Петербурге, в Порту (новом Адмиралтействе), командир которого, Верховский, известен своими притеснениями рабочих. После стачки рабочих он заменил штрафы за разбитие лампочки вычетами за разбитую лампочку со всех рабочих мастерской. Понятно, что эти вычеты так же незаконны, как и штрафы.

недоброкачественно; всегда возможны придирки, всегда возможно, что хозяин усилит штрафы за недоброкачественность и станет посредством их выгонять больше работы за ту же плату.— Закон оставляет рабочего беззащитным, оставляет хозяину возможность притеснений.— Явно, что закон пристрастен, составлен к выгоде фабрикантов и несправедлив.

Каким образом следовало бы защитить рабочего? Рабочие давно уже указали это: ткачи на Никольской фабрике Морозова, во время стачки 85 г., предъявили требование, между прочим, такое: «установлять доброкачественность или недоброкачественность товара при сдаче его, в случае разногласия, со свидетелями из рабочих, которые работают по близости, с записью всего этого в товарную приемную книгу». (Это требование было записано в тетради, составленной «по общему согласию рабочих» и переданной из толпы во время стачки прокурору.— Тетрадь эта читалась на суде.) Требование это совершенно справедливое, потому что не может быть иного способа предупреждать произвол хозяина, как привлекать свидетелей, когда возникает спор о доброкачественности товара, и притом свидетели эти должны быть непременно из рабочих: мастера или служащие никогда не посмели бы итти против хозяина.

Второй повод наложения штрафов — прогул. Что называет закон прогулом? «Прогулом» — сказано в законе — «в отличие от несвоевременной явки на работу или самовольной отлучки с нее, считается неявка на работу в течение не менее половины рабочего дня». Несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка считается по закону, как мы сейчас увидим, «нарушением порядка», и штраф налагается за это меньший. Если рабочий пришел в завод, опоздавши на несколько часов, но все-таки раньше полудня, это не будет прогулом, а только нарушением порядка; если же он пришел только к полудню, — тогда это прогул.— Точно так же, если рабочий самовольно, без разрешения ушел с работы после полудня, т.-е. пропустил несколько часов — тогда это будет нарушением порядка, а если он ушел на целые полдня — то это прогул.— В законе постановлено, что если рабочий прогуляет более трех дней подряд или в сложности более шести дней в месяц, — то фабрикант вправе рассчитать его.—Спрашивается, всегда ли пропуск половины или целого дня считается прогулом?— Нет.— Только тогда, когда не было уважительных причин неявки на работу. Уважительные причины неявки перечислены в законе. Они следующие: 1) «лишение рабочего свободы». Значит, если рабочего, например, арестуют (по приказу полиции или по приговору мирового судьи), то фабрикант не вправе при расчете поставить штрафа за прогул, 2) «внезапное разорение от несчастного случая», 3) «пожар», 4) «разлив рек». Напр., если рабочий при весенней распутице не может пере-

браться через реку, — то фабрикант не вправе штрафовать его, 5) «болезнь, лишающая возможности отлучиться из дому», и 6) «смерть или тяжкая болезнь родителей, мужа, жены и детей». Во всех этих шести случаях неявка рабочего считается уважительной. Чтобы не быть оштрафованным за прогул, рабочему только следует позаботиться о доказательстве: на слово ему не поверят в конторе, что он не явился по уважительной причине. Необходимо взять свидетельство врача (в случае, напр., болезни) или полиции (в случае, напр., пожара). Если нельзя достать свидетельство тотчас, следует принести его хотя бы и позже и требовать на основании закона, чтобы штраф не был назначаем, а если он уже назначен, то чтобы был сложен.

По поводу этих правил закона об уважительных причинах неявки необходимо заметить, что правила эти так суровы, как будто бы они относились к солдатам в казарме, а не к свободным людям. Правила эти списаны с правил о законных причинах неявки в суд: если кто-нибудь обвиняется в каком-нибудь преступлении, то его вызывает судебный следователь, и обвиняемый обязан явиться. Неявка разрешается только именно в тех случаях, когда разрешается неявка рабочих *). Значит, закон относится к рабочим так же строго, как ко всяким мошенникам, ворам и т. п. Всякий понимает, почему так строги правила о явке в суд, — потому что преследование преступлений касается всего общества. Но явка рабочего на работу вовсе не касается всего общества, а только одного фабриканта, и притом одного рабочего легко заменить другим, чтобы работа не останавливалась. Значит, не было никакой надобности в такой военной строгости законов. Но капиталисты не ограничиваются тем, что отнимают у рабочего все время для работы на фабрике; они хотят также отнять у рабочего всякую волю, всякие другие интересы и помыслы, как только о фабрике. С рабочим обращаются, как с человеком подневольным.— Поэтому и составляют такие казарменные, канцелярски-придирчивые правила. Напр., мы видели сейчас, что уважительной причиной неявки закон признает «смерть или тяжкую болезнь родителей, мужа, жены и детей».—Так сказано в законе о явке в суд. — Точно так же сказано в законе и о явке рабочего на работу. Значит, если у рабочего умрет, напр., не жена, а сестра,—то рабочий не смеет пропустить рабочего дня, не смеет тратить времени на похороны: время принадлежит не ему, а фабриканту. А похоронить может и полиция, — стоит ли об этом заботиться. По закону о явке в суд, интерес семьи должен уступить интересам общества, для которого необходимо преследование преступников. — По закону о явке на работу,

*) Кроме одного случая — «пожара», который не упомянут в законе о вызове обвиняемых.

интересы семьи рабочего должны уступить интересам фабриканта, для которого необходимо получить прибыль.— И после этого чистые господа, составляющие, исполняющие и защищающие такие законы, смеют обвинять рабочих в том, что они не ценят семейной жизни!..

Посмотрим, справедлив ли закон о штрафах за прогул? Если рабочий бросает работу на день, на два, — это считается прогулом, рабочий наказывается за это, а при прогуле более трех дней сряду его могут прогнать.— Ну, а если фабрикант приостановит работу (напр., по неимению заказов) или станет давать работу только пять дней в неделю вместо установленных шести? Если бы рабочие были действительно равноправны с фабрикантами, тогда закон для фабриканта должен бы был быть такой же, как и для рабочего.— Если рабочий прекращает работу, он теряет плату и платит штраф. Значит, если фабрикант произвольно прекращает работу, он должен бы был, во-первых, платить рабочему полную заработную плату за все время простоя фабрики, а, во-вторых, должен бы подлежать и штрафу.—Но ни того, ни другого в законе не постановлено. На этом примере ясно подтверждается то, что мы раньше говорили о штрафах, именно, что штрафы означают порабощение рабочих капиталистом, означают, что рабочие представляют из себя низший, подневольный класс, осужденный на всю жизнь работать на капиталистов и создавать их богатство, получая за это гроши, недостаточные для мало-мальски сносной жизни.— О том, чтобы фабриканты платили штраф за произвольную остановку работ, не может быть и речи. Но фабриканты не платят рабочим даже заработной платы, когда работа приостанавливается не по вине рабочих. Это — возмутительнейшая несправедливость. Закон содержит только правило, что договор между фабрикантом и рабочим прекращается «за приостановкой в течение более 7 дней работ на фабрике или заводе, вследствие пожара, наводнения, взрыва паровика и тому подобного случая». Рабочие должны добиваться установления правила, обязывающего фабрикантов платить рабочим заработную плату во время остановки работ.— Требование это уже было выставлено публично русскими рабочими 11 января 1885 года во время известной стачки у Т. С. Морозова *). В тетради рабочих требований стояло такое требование:

*) Надо заметить, что в то время (1884 — 85 году) случаи простоя фабрики не по вине рабочих были очень часты, так как тогда был торговый и промышленный кризис: товар у фабрикантов не шел с рук, они старались сокращать производство. Напр., в декабре 1884 года большая Вознесенская мануфактура (в Московской губ. около станц. Талицы, Моск. - Ярос. ж. д.) сократила число рабочих дней в неделю до 4-х. Рабочие, которые работали сдельно, ответили на это стачкой, окончившейся в начале января 1885 года уступкой фабриканта.

«чтобы вычет за прогул не превышал одного рубля с тем, чтобы и хозяин платил за прогульные по его вине дни, как-то: за время простоя и переделки машин, и с этой целью каждый прогульный день чтобы записывался в расчетную тетрадь».— Первое требование рабочих (чтобы штраф за прогул не превышал одного рубля) исполнено и вошло в закон о штрафах 1886 года. Второе требование (чтобы хозяин платил за прогульные, по его вине, дни) не исполнено, и рабочим нужно еще добиваться его исполнения. Для того, чтобы борьба за такое требование была успешна, необходимо, чтобы у всех рабочих было ясное понимание несправедливости закона, ясное понимание того, что нужно требовать. В каждом отдельном случае, когда какая-нибудь фабрика или завод стоят и рабочие не получают платы, — рабочие должны поднимать вопрос о несправедливости этого, они должны настаивать на том, что пока договор с фабрикантом не расторгнут, фабрикант обязан платить за каждый день, заявлять это инспектору, разъяснения которого подтвердят рабочим, что закон, действительно, не говорит об этом, и вызовут обсуждение закона рабочими. Они должны обращаться в суд, когда есть возможность, с просьбой о взыскании с фабриканта задельной платы,— наконец, заявлять общие требования об уплате заработка за дни простоя.

Третий повод наложения штрафа — «нарушение порядка».— Закон относит к нарушениям порядка следующие 8 случаев: 1) «несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка с нее» (мы сейчас уже говорили, чем отличается этот пункт от прогула); 2) «несоблюдение в заводских или фабричных помещениях установленных правил осторожности при обращении с огнем, в тех случаях, когда заведывающий фабрикой или заводом не признает нужным расторгнуть, в силу примечания 1 к статье 105, заключенный с рабочими договор найма».—Это значит, что при нарушении рабочим правил об осторожном обращении с огнем закон предоставляет фабриканту на выбор либо оштрафовать рабочего, либо прогнать его («расторгнуть договор найма», как выражается закон); 3) «несоблюдение в заводских или фабричных помещениях чистоты и опрятности»; 4) «нарушение тишины при работах шумом, криком, бранью, ссорою или дракою»; 5) «непослушание». По поводу этого пункта следует заметить, что только тогда фабрикант вправе оштрафовать рабочего за «непослушание», когда рабочий не исполнил законного требования, т.-е. требования, основанного на договоре.—Если предъявлено какое-нибудь произвольное требование, не основанное на договоре рабочего с хозяином,— тогда нельзя штрафовать за «непослушание».—Напр., рабочий работает по условию о сдельной работе. Мастер зовет его бросить эту работу и сделать другую. Рабочий отказывается.— В этом случае неправильным

был бы штраф за непослушание, потому что рабочий договорился об одной только работе и, так как он работает сдельно, то перейти на другое дело значит для него работать даром; 6) «приход на работу в пьяном виде»; 7) «устройство недозволенных игр на деньги (в карты, орлянку и т. п.)» и 8) «несоблюдение правил внутреннего на фабриках распорядка». Правила эти составляются хозяином каждой фабрики и завода и утверждаются фабричным инспектором. — Извлечения из них печатаются в расчетных книжках. — Рабочим следует читать эти правила и знать их, чтобы проверять, правильно или неправильно налагаются на них штрафы за неисполнение правил внутреннего распорядка. — Необходимо отличать эти правила от закона. Закон один для всех фабрик и заводов; правила внутреннего распорядка — различные на каждой фабрике. — Закон утверждается или отменяется властью государя; правила внутреннего распорядка — фабричным инспектором. — Поэтому, если правила эти оказываются притеснительны для рабочих, то отмены их можно добиться жалобой инспектору (на которого, в случае отказа, можно жаловаться фабричному присутствию). — Чтобы показать необходимость отличать закон от правил внутреннего распорядка, возьмем пример: Положим, рабочего штрафуют за неявку, по требованию мастера, на работу в праздник или в сверхсуточные часы. — Правилен такой штраф или нет? — Чтобы ответить на это, надо знать правила внутреннего распорядка. — Если в правилах не сказано ничего об обязанности рабочего являться, по требованию, на работу в неурочное время, — тогда штраф незаконный. Но если в правилах сказано, что рабочий обязан, по требованию начальства, являться на работу в праздники и в неурочное время, — тогда штраф будет законным. — Чтобы добиться отмены этого обязательства, рабочие должны жаловаться не на штрафы, а требовать изменения правил внутреннего распорядка. — Необходимо договориться всем рабочим, и тогда при дружном действии они смогут добиться отмены такого правила.

IV.

КАК ВЕЛИКИ МОГУТ БЫТЬ ШТРАФЫ?

Теперь мы знаем все случаи, когда закон дозволяет штрафовать рабочих. — Рассмотрим, что говорит закон о величине штрафов? Закон не определяет одной величины штрафов для всех фабрик и заводов. Он назначает только предел, выше которого штрафы назначать нельзя. Предел этот указывается отдельно для каждого из трех случаев наложения штрафов (неисправная работа, прогул и нарушение порядка). — Именно, для штрафов за

прогул предел следующий: при поденной плате — не свыше суммы шестидневного заработка (считая штрафы за целый месяц), то-есть в один месяц нельзя назначать штрафы за прогул более, чем в размере шестидневного заработка *). Если же плата сдельная, то тогда предел штрафа за прогул — 1 рубль за день и всего не более 3-х рублей в месяц. Сверх того, при прогуле рабочий теряет плату за все прогульное время. Далее, для штрафов за нарушение порядка предел — один рубль за каждое отдельное нарушение. Наконец, что касается штрафов за неисправную работу, то предел в законе не означен вовсе. — Указан еще один общий предел для всех штрафов в сложности: за прогул, за нарушение порядка и за неисправную работу вместе. Все эти взыскания, взятые вместе, «не должны превышать *одной трети* заработка, действительно причитающегося рабочему к установленному сроку расплаты». То-есть, если рабочему надо получить, скажем, 15 рублей, то штрафов с него нельзя по закону взять больше 5 руб., — за все нарушения, прогулы и неисправности вместе. Если накопилось штрафов больше, то фабрикант должен скостить их. Но в этом случае закон дает еще другое право фабриканту: именно, фабрикант вправе расторгнуть договор, если с рабочего приходится штрафов более одной трети заработка **).

Об этих правилах закона, на счет предельной величины штрафов, надо сказать, что они слишком суровы для рабочего и оберегают одного фабриканта в ущерб рабочему. — Во-первых, закон допускает слишком высокие штрафы — до одной трети заработка. Это безобразно высокие штрафы. Сравним этот предел с известными случаями особенно высоких штрафов. Фабричный инспектор Владимирской губернии, г. Микулин (который написал книгу о новом законе 1886 г.) [61]) рассказывает, как высоки были штрафы на фабриках до этого закона. Всего выше были штрафы в ткацком производстве, и самые высокие штрафы на ткацкой фабрике составляли 10% заработка рабочих, т.-е. *одну десятую заработка*. — Фабричный инспектор Владимирской губ., г. Песков в своем отчете ***) приводит примеры особенно высоких штрафов: самый высокий из них — штраф в 5 руб. 31 коп. при заработке в 32 руб. 31 коп. Это составляет 16,4% (16 копеек

*) Предел штрафа за один день прогула при поденной плате не указан. Сказано только: «соответственно заработной плате рабочего». Размер штрафов точно обозначается в табели взысканий на каждой фабрике, как мы сейчас увидим.

**) Рабочий, который находит это расторжение договора неправильным, может жаловаться суду, но только для таких жалоб установлен очень короткий срок: один месяц (считая, конечно, со дня расчета).

***) Первый отчет за 1885 год. Только первые отчеты фабричных инспекторов были напечатаны. Правительство тотчас же прекратило печатать отчеты. — Должно быть, хороши были фабричные порядки, если боялись публиковать описание их.

на рубль), т.-е. *менее одной шестой части заработка.* Такой штраф называют высоким, и называет его так не рабочий, а инспектор. А наш закон позволяет брать *вдвое* более высокие штрафы, *в одну треть заработка,* $33^1/_3$ копейки на рубль! Очевидно, на фабриках более или менее порядочных не бывало таких штрафов, которые разрешены нашими законами.—Возьмем данные о штрафах на Никольской мануфактуре Т. С. Морозова перед стачкой 7-го января 1885 г. Штрафы были на этой фабрике, по словам свидетелей, выше, чем на окрестных фабриках. Они были так безобразны, что вывели совершенно из терпения 11.000 человек.—Мы наверное не ошибемся, если возьмем эту фабрику за образец фабрики с безобразными штрафами.—Как же высоки были штрафы на ней?—Ткацкий мастер Шорин показывал на суде, как мы уже говорили, что штрафы доходили до половины заработка, и вообще были от 30 до 50%, от 30 до 50 копеек на 1 рубль.—Но это показание, во-первых, не подтверждено точными данными, а во-вторых, относится либо к отдельным случаям, либо к одной мастерской.—На суде над стачечниками были оглашены некоторые данные о штрафах. — Были приведены заработки (месячные) и штрафы в 17 случаях: весь заработок составляет 179 руб. 6 коп., а штрафы 29 руб. 65 коп. Это дает 16 коп. штрафов на заработок в 1 руб. Самый высокий штраф во всех этих 17 случаях — 3 руб. 85 коп. из заработка в 12 руб. 40 коп. Это составляет $31^1/_2$ копейки на рубль — все-таки меньше того, что допускает наш закон.—Но лучше всего взять данные по всей фабрике.—Штрафы за 84 г. были выше, чем за предыдущие года: они составляли $23^1/_4$ коп. на рубль (это самая большая цифра: штрафы были от $20^3/_4$ до $23^1/_4$%). Итак, на фабрике, получившей известность безобразной высотой штрафов,—штрафы были все-таки ниже, чем те, которые дозволяет русский закон!.. Хорошо защищает рабочих такой закон, нечего сказать! — Стачечники у Морозова требовали: «штрафы должны быть не выше 5% с заработанного рубля, причем необходимо, чтобы рабочий предупреждался о плохой работе и вызывался не более 2-х раз в течение месяца». Штрафы, разрешаемые нашими законами, можно сравнить только с какими-нибудь ростовщическими процентами. Едва ли какой-нибудь фабрикант решится довести штрафы до такой высоты; закон-то разрешает, да рабочие не позволят *).

*) Нельзя не заметить по этому поводу, что г. Михайловский, бывший главный фабричный инспектор Петербургского округа, находит справедливым назвать такой закон «истинно гуманною (человеколюбивою) реформой, делающею величайшую честь заботливости русского императорского правительства о рабочих классах». (Такой отзыв находится в книге о русской фабрично-заводской промышленности, изданной русским правительством для всемирной выставки 1893 года в Чикаго [62].) Вот какова заботли-

Наши законы о величине штрафов отличаются не только безобразной прижимистостью, но кроме того страшной несправедливостью. Если штраф слишком велик (более одной трети), то фабрикант может расторгнуть договор, а рабочему не предоставляется такое же право, т.-е. право уйти с фабрики, если на него так много налагают штрафов, что они превышают треть заработка. Явно, что закон заботится только о фабриканте, как будто бы штрафы вызываются только виною рабочих. А на самом деле всякий знает, что фабриканты и заводчики нередко налегают на штрафы без всякой вины рабочих, напр., для того, чтобы заставить рабочих напряженнее работать. Закон защищает только фабриканта от неисправного рабочего, но не защищает рабочего от слишком прижимистых фабрикантов. В этом случае, значит, не у кого искать защиты рабочим. Они должны сами подумать о себе и о борьбе с фабрикантами.

V.

КАКОВ ПОРЯДОК НАЛОЖЕНИЯ ШТРАФОВ?

Мы уже говорили, что по закону штрафы налагаются «собственной властью» заведующих фабрикой или заводом. Относительно жалоб на их распоряжения, закон говорит: «Распоряжения заведующего фабрикою или заводом о наложении на рабочих взысканий обжалованию не подлежат. Но если при посещении фабрики или завода чинами фабричной инспекции будет обнаружено из заявлений, сделанных рабочими, несогласное с требованиями закона наложение на них взысканий, то заведующий привлекается к ответственности».— Постановление это, как видите, очень неясное и противоречивое: с одной стороны, рабочему говорят, что жаловаться на наложение штрафа нельзя. А с другой стороны говорят, что рабочие могут «заявлять» инспектору о «несогласном с законом» наложении штрафов. «Заявлять о незаконности» и «жаловаться на незаконность», человек, не имевший случая знакомиться с русскими законами, спросил бы, в чем же тут разница? Разницы нет, но цель этого кляузного постановления закона очень ясная: закон хотел стеснить рабочего в праве жаловаться на фабрикантов за несправедливое и незаконное наложение штрафов. Теперь, если какой-нибудь рабочий пожалуется инспектору на незаконный штраф, то инспектор

вость русского правительства!!! До закона и без всякого закона находились еще из фабрикантов такие грабители, которые удерживали у рабочего по 23 коп. с рубля. А закон, заботясь о рабочих, постановил: не удерживать более $33^1/_3$ (тридцать три с третью) коп. с рубля! А тридцать три копейки без трети удерживать можно теперь уже по закону. — Действительно, «истинно гуманная реформа»!

может ответить ему: «Жаловаться на наложение штрафов закон не разрешает».— Много ли найдется рабочих, знакомых с хитрым законом, которые сумеют ответить на это: «Я не жалуюсь, я только заявляю».— Инспекторы на то и поставлены, чтобы смотреть за соблюдением законов об отношениях рабочих к фабрикантам. Инспекторы обязаны принимать всякие заявления о неисполнении закона. Инспектор, по правилу (см. утвержденный министром финансов «Наказ чинам фабричной инспекции»), должен иметь приемные дни, не менее одного в неделю, для словесных объяснений с лицами, имеющими в них надобность, и об этих днях на каждой фабрике должно быть вывешено объявление.— Таким образом, если рабочие будут знать закон и твердо решат не позволять никаких отступлений от него,— тогда хитрость приведенного сейчас закона окажется напрасной, и рабочие сумеют добиться соблюдения закона.— Имеют ли они право получать обратно штрафные деньги, если они взысканы неправильно? Рассуждая по здравому смыслу, следовало бы, конечно, ответить: да. Нельзя же допустить, чтобы фабрикант мог неправильно штрафовать рабочего и не возвращать неправильно удержанных денег. Но оказывается, что, при обсуждении этого закона в государственном совете, решено было *нарочно* умолчать об этом. Члены государственного совета нашли, что предоставление рабочим права требовать обратно неправильно взысканные деньги «ослабит в глазах рабочих то значение, которое имеется в виду присвоить заведывающему фабрикою, в видах поддержания среди рабочих порядка». Вот как судят государственные люди о рабочих! Если фабрикант неправильно взыскал деньги с рабочего, то рабочему не следует давать права вытребовать их назад. Почему же отнимать у рабочего его деньги?— Потому что жалобы «ослабят значение заведующих»! Значит, «значение заведующих» и «поддержание порядка на фабриках» держатся только на том, что рабочие не знают своих прав и «не смеют» жаловаться на начальство, хотя бы оно и нарушало закон! Значит, государственные люди прямо-таки боятся, как бы рабочие не вздумали следить за правильным наложением штрафов! Рабочие должны поблагодарить членов государственного совета за их откровенность, которая показывает рабочим, чего они могут ждать от правительства. Рабочие должны показать, что они считают себя за таких же людей, как и фабриканты, и не намерены позволять обращаться с собой, как с бессловесным скотом. Поэтому рабочие должны поставить своей обязанностью не оставлять без жалобы ни одного случая неправильного наложения штрафа, предъявлять непременно требование о возвращении денег, — либо инспектору, либо, в случае его отказа, суду. — Пускай рабочие ничего не добьются ни от инспекторов, ни от суда, — все-таки их усилия не пропадут

даром: они откроют глаза рабочим, покажут им, как относятся наши законы к правам рабочих.

Итак, мы знаем теперь, что штрафы налагаются «собственной властью» заведывающих. — Но на каждой фабрике могут быть различные размеры штрафов (так как закон указывает ведь только предел, выше которого нельзя назначать штрафа), могут быть различные правила внутреннего распорядка. Поэтому закон требует, чтобы все нарушения, облагаемые штрафами, и размер штрафа за каждое нарушение были указаны наперед в *табели взысканий*. Эта табель составляется каждым фабрикантом и заводчиком отдельно и утверждается фабричным инспектором. Она должна быть выставлена, по закону, в каждой мастерской.

Для того, чтобы можно было следить за тем, правильно ли налагаются штрафы и сколько их налагается, необходимо, чтобы штрафы все без исключения были правильно записываемы. Закон требует, чтобы штрафы «не позднее трех дней со времени наложения» записывались в расчетную книжку рабочего. Эта запись должна указывать, во-первых, повод взыскания (т. е. за что оштрафован, — за неисправную работу и за какую именно, за прогул, или за нарушение порядка и какое именно) и, во-вторых, размер взыскания. — Запись штрафов в расчетную книжку необходима для того, чтобы рабочие могли проверять правильность наложения штрафа и во-время заявлять жалобу в случае какой-нибудь незаконности. Затем, штрафы должны записываться все в особую шнуровую книгу, которая должна быть на каждой фабрике или заводе для проверки штрафов инспекцией.

По этому поводу, может быть, нелишним будет сказать два слова о жалобах на фабрикантов и инспекторов, так как рабочие большею частью не знают, как и кому жаловаться. — По закону, жаловаться на всякие нарушения закона на фабрике или заводе следует фабричному инспектору. Он обязан принимать словесные и письменные заявления неудовольствия. Если фабричный инспектор не уважит просьбы, тогда можно заявить старшему инспектору, который тоже обязан иметь приемные дни для выслушивания заявлений. — Сверх того, канцелярия старшего инспектора должна быть открыта *ежедневно* для лиц, имеющих надобность в справках или разъяснениях или заявлениях (см. «Наказ чинам фабричной инспекции», ст. 18). На решение инспектора можно жаловаться Губернскому по фабричным делам Присутствию *). Для этих жалоб установлен в законе месячный срок,

*) Из кого состоит Фабричное Присутствие? Из губернатора, прокурора, начальника жандармского управления, фабричного инспектора и *двух фабрикантов*. — Если бы прибавить сюда начальника тюрьмы и командующего казаками, то налицо были бы все чиновники, осуществляющие «заботливость русского императорского правительства о рабочих классах».

считая со дня объявления инспектором его распоряжения. Далее, на постановления Фабричного Присутствия в такой же срок можно жаловаться министру финансов.

Как видите, очень много указано в законе лиц, которым можно жаловаться. И притом жаловаться имеют право и фабрикант, и рабочий одинаково. Беда только в том, что эта защита только на бумаге и остается. У фабриканта есть полная возможность приносить жалобы, — есть свободное время, есть средства нанять адвоката и т. п., и потому фабриканты действительно приносят жалобы на инспекторов, доходят до министра и добились уже различных льгот. А для рабочего это право приносить жалобы — одни слова, не имеющие никакого значения. Прежде всего, у него нет времени ходить по инспекторам, да канцеляриям! он работает, и за «прогул» его штрафуют. У него нет денег на то, чтобы нанять адвоката. Он не знает законов, и потому не может настоять на своем праве. А начальство не только не заботится о том, чтобы рабочим были известны законы, а, напротив, старается их скрыть от рабочего. Тому, кто не поверит этому, мы приведем следующее правило из «Наказа чинам фабричной инспекции» (наказ этот утвержден министром и разъясняет права и обязанности фабричных инспекторов): «Всякие разъяснения владельцу промышленного заведения или заведывающему оным по предмету допущенных нарушений закона и изданных в его развитие обязательных постановлений делаются фабричным инспектором не иначе, как в отсутствии рабочего» *). Вот как. Если фабрикант нарушает закон, то инспектор не смеет говорить ему об этом *при рабочих*: министр запрещает! А не то, пожалуй, рабочие в самом деле узнают закон и захотят требовать исполнения его! Недаром писали «Московские Ведомости», что это был бы один только «разврат»!

Всякий рабочий знает, что жалобы, особенно на инспектора, им почти вовсе не доступны. Конечно, мы не хотим сказать, что рабочим не следует возбуждать жалоб: напротив, всегда, когда есть хоть какая-нибудь возможность, непременно следует жаловаться, потому что только таким образом рабочие будут знакомиться со своими правами и научатся понимать, в чьих интересах написаны фабричные законы. Мы хотим только сказать, что нельзя жалобами добиться никакого серьезного и общего улучшения положения рабочих. Для этого есть один только путь — чтобы рабочие соединились вместе для отстаивания своих прав для борьбы с притеснениями хозяев, для достижения более сносного заработка и более короткого рабочего дня.

*) Примечание к статье 26-й «Наказа».

VI.

КУДА ДОЛЖНЫ ИТТИ, ПО ЗАКОНУ, ШТРАФНЫЕ ДЕНЬГИ?

Обратимся теперь к последнему вопросу, относящемуся к штрафам: каким образом расходуются штрафные деньги?—Мы уже говорили, что до 1886 года деньги эти шли в карман фабрикантов и заводчиков. Но эти порядки приводили к такой массе злоупотреблений и до того раздражали рабочих, что сами хозяева стали сознавать необходимость уничтожить эту систему. На некоторых фабриках сам собой установился обычай выдавать из штрафных денег пособия рабочим. Напр., у того же Морозова еще до стачки 1885 г. было постановлено, что штрафы за курение и за пронос водки должны итти на пособия увечным, а штрафы за неисправную работу — хозяину.

Новый закон 1886 г. установил общее правило, что штрафы не могут итти в карман хозяина. В законе сказано: «Взыскания с рабочих обращаются на составление особого рода при каждой фабрике капитала, состоящего в заведывании фабричного управления. Капитал этот может быть употребляем, с разрешения инспектора, только на нужды самих рабочих, согласно правилам, издаваемым министром финансов по соглашению с министром внутренних дел». Итак, штрафы, по закону, должны итти только на нужды самих рабочих. Штрафные деньги, это — собственные деньги рабочих, вычеты из их заработка.

Правила расходования штрафного капитала, о которых говорится в законе, были изданы только в 1890 г. (4 декабря), т.-е. целых $3^1/_2$ года спустя после издания закона. В правилах сказано, что штрафные деньги расходуются на следующие, *по преимуществу,* нужды рабочих: «а) на пособия рабочим, потерявшим навсегда способность к труду или лишившимся возможности временно трудиться по болезни». В настоящее время рабочие, получившие увечье, остаются обыкновенно без всяких средств к жизни. Чтобы судиться с фабрикантом, они поступают обыкновенно на содержание к адвокатам, которые ведут их дела и, взамен подачек рабочему, берут себе громадные доли из присужденного вознаграждения. А если рабочий может получить по суду только небольшое вознаграждение, то он даже не найдет адвоката. Штрафными деньгами следует непременно пользоваться в этих случаях; посредством пособия из штрафного капитала, рабочий перебьется некоторое время и сможет найти себе адвоката для ведения дела с хозяином, не попадая, по нужде, из кабалы хозяина в кабалу адвокату. Рабочие, потерявшие работу

по болезни, тоже должны брать пособия из своего штрафного капитала *).

В разъяснение этого первого пункта правил С.-Петербургское Фабричное Присутствие постановило, что пособия должны выдавать на основании свидетельства врача, в размере не более половины бывшего заработка. Заметим в скобках, что Спб. Фабричное Присутствие сделало это постановление в заседании 26 апреля 1895 г. Разъяснение состоялось, значит, $4^1/_2$ года спустя после издания правил, а правила $3^1/_2$ г. спустя после издания закона. Следовательно, *всего понадобилось восемь лет только на то, чтобы закон был достаточно разъяснен!!* Сколько же теперь потребуется лет, чтобы закон стал всем известен и стал применяться на самом деле?

Во-вторых, выдачи из штрафного капитала производят «б) на пособия работницам, находящимся в последнем периоде беременности и прекратившим работу за 2 недели до родов». По разъяснению Петербургского Фабричного Присутствия, выдача должна происходить только в течение 4-х недель (две до родов и две после) и в размере не более половины бывшего заработка.

В-третьих, пособия выдаются «в) в случае утраты или порчи имущества от пожара или другого несчастия». По разъяснению Петербургского Присутствия, в удостоверение такого обстоятельства представляется свидетельство от полиции, и размер пособия должен быть не свыше $^2/_3$ полугодового заработка (т.-е. не свыше четырехмесячного заработка).

Наконец, в-четвертых, пособия выдаются «г) на погребение». По разъяснению Спб. Присутствия, пособия эти должны выдаваться только для рабочих, работавших и умерших на данной фабрике, или их родителей и детей. — Размер пособия от 10 до 20 рублей.

Таковы указанные в правилах 4 случая выдачи пособий.— Но рабочие имеют право получать пособия и в других случаях: в правилах указано, что пособия даются «по преимуществу» в этих 4 случаях. Рабочие вправе получать пособие на всякие нужды, а не только на перечисленные. Петербургское Присутствие в своем разъяснении правил о штрафах (разъяснение это вывешено на фабриках и заводах) тоже говорит: «Назначение пособия во всех других случаях производится с разрешения инспекции», и при этом Присутствие добавило, что пособия не должны ни в каком случае уменьшать расходы фабрики на разные учреждения (напр., школы, больницы и т. п.) и обязательные траты (напр., на приведение в исправное состояние

*) Понятно само собой, что получение пособия из штрафного капитала не лишает рабочего права требовать от фабриканта вознаграждения в случае, напр., увечья.

помещений для рабочих, на врачебную помощь и т. п.). Это значит, что выдача пособий из штрафного капитала не даст права фабриканту считать это своим расходом; это расход не его, а расход тех же рабочих. Расходы фабриканта должны остаться прежние.

Петербургское Присутствие постановило еще следующее правило: «сумма выдающихся постоянных пособий не должна быть более половины годичного поступления штрафов». Тут различаются пособия постоянные (которые производятся в течение известного времени, напр., больному или увечному) от единовременных (которые выдаются один раз, напр., на погребение или по случаю пожара). Чтобы оставить деньги на единовременные пособия, постоянные пособия не должны превышать половины всех штрафов.

Каким образом получать пособия из штрафного капитала? Рабочие должны, по правилам, обращаться с просьбой о пособии к хозяину, который и выдает пособие с разрешения инспекции. В случае отказа со стороны хозяина, следует обращаться к инспектору, который может назначить пособие собственной властью.

Фабричное Присутствие может разрешать благонадежным фабрикантам выдавать небольшие пособия (до 15 рублей), не испрашивая разрешения инспектора.

Штрафные деньги до 100 руб. хранятся у хозяина, а при большем количестве вносятся в сберегательную кассу.

Если какая-нибудь фабрика или завод закроется, то штрафной капитал передается в общий по губернии рабочий капитал. О том, каким образом расходуется этот «рабочий капитал» (о котором рабочие ничего даже не знают и не могут знать), — в правилах не сказано. Следует, дескать, хранить в Государственном банке «впредь до особого назначения». Если потребовалось даже в столице 8 лет для установления правил о расходовании штрафных капиталов на отдельных фабриках,—то, вероятно, придется подождать не один десяток лет, покуда составят правила для расходования «общего по губернии рабочего капитала».

Таковы правила о расходовании штрафных денег. Как видите, они отличаются чрезвычайной сложностью и запутанностью, и потому не удивительно, что до сих пор рабочие почти вовсе не знают об их существовании. В нынешнем году (1895) на петербургских фабриках и заводах развешиваются объявления об этих правилах *). Надо уже самим рабочим постараться,

*) Таким образом в Петербурге только в 1895 году приступлено к исполнению закона 1886 года о штрафах. А главный инспектор, г. Михайловский, о котором мы выше упоминали, говорил в 1893 году, что закон 1886 года «ныне исполняется в точности». — На этом маленьком примере мы видим, какую наглую ложь писал главный фабричный инспектор в книге, назначенной для ознакомления американцев с русскими фабричными порядками.

чтобы все знали эти правила, чтобы рабочие научились правильно смотреть на пособие из штрафного капитала — не как на подачки фабрикантов, не как на милостыню, а как на свои собственные деньги, составленные из вычетов из их заработка, и расходуются которые только на их нужду. Рабочие имеют полное право требовать выдачи им этих денег.

По поводу этих правил необходимо сказать, во-первых, о том, как они применяются, какие при этом возникают неудобства и какие злоупотребления. Во-вторых, надо посмотреть, справедливо ли составлены эти правила, защищают ли они достаточно интересы рабочих.

Что касается применения правил, то прежде всего необходимо указать на такое разъяснение Петербургского Фабричного Присутствия: «Если в данный момент штрафных денег не имеется..., то рабочие не могут предъявлять никаких претензий к фабричным управлениям». Но спрашивается, каким образом будут знать рабочие, имеются ли штрафные деньги или нет, и сколько их, если они имеются? Фабричное Присутствие рассуждает так, как будто рабочим это известно, — а между тем оно не потрудилось ничего сделать для сообщения рабочим о состоянии штрафного капитала, не обязало фабрикантов и заводчиков вывешивать объявления о штрафных деньгах. — Неужели Фабричное Присутствие думает, что достаточно рабочим узнать об этом у хозяина, который будет гонять просителей, когда нет штрафных денег? Это было бы безобразием, потому что тогда с рабочим, желающим получить пособие, хозяева обращались бы как с нищим. — Рабочим необходимо добиваться, чтобы на каждой фабрике или заводе было вывешиваемо ежемесячно объявление о состоянии штрафного капитала: сколько имеется денег налицо, сколько получено за последний месяц, сколько израсходовано «на какие нужды»? Иначе рабочие не будут знать, сколько они могут получить; не будут знать, могут ли быть удовлетворены из штрафного капитала все требования или только часть, — в этом случае было бы справедливо выбрать нужды самые насущные. Лучше устроенные заводы сами ввели кое-где такие объявления: в Спб., кажется, делается это на заводе Сименс и Гальске и на казенном патронном заводе. Если рабочий при каждой беседе с инспектором будет настойчиво обращать внимание на это обстоятельство и заявлять о необходимости вывешивать объявление, тогда рабочие, наверное, добьются, чтобы это было введено везде. Далее, было бы очень удобно для рабочих, если бы заведены были на фабриках и заводах печатные бланки *) для прошений о выдаче

*) То-есть печатные заявления, в которых самое прошение напечатано и оставлены белые места для того, чтобы вписать название фабрики, по какому случаю просят пособия, местожительство, подпись и т. п.

пособий из штрафного капитала. Такие бланки заведены, напр., во Владимирской губернии. Писать все прошение самому рабочему не легко, да притом он не сумеет написать все, что потребуется, а в бланке все указано и ему остается только вписать в оставленные пробелы несколько слов. Если не заведут бланок, то многие рабочие должны будут обращаться к писарям за составлением прошений, а это требует расходов. Конечно, самые просьбы о пособии могут, по правилам, быть и устные, но, во-первых, рабочему все равно нужно добывать требуемое правилами письменное удостоверение полиции или врача (при прошении на бланке — тут же, на этом бланке, пишется и удостоверение), а, во-вторых, на устную просьбу иной хозяин, пожалуй, и не ответит, а на письменную он обязан дать ответ. Печатные заявления, подаваемые в контору фабрики или завода, отнимут у прошений о выдаче пособий характер попрошайничества, который стараются придать им хозяева. Многие фабриканты и заводчики особенно недовольны тем, что штрафные деньги, по закону, идут не в их карман, а на нужды рабочих. Поэтому много придумывалось ухищрений и уловок, чтобы надуть рабочих и инспекторов и обойти закон. Мы расскажем, в предупреждение рабочих, о некоторых таких уловках.

Некоторые фабриканты записывали штрафы в книгу не как штрафы, а как выданные рабочему деньги. Оштрафуют рабочего на рубль, а в книгу запишут, что рабочему выдан рубль. Когда этот рубль вычитают при получке, то он остается в кармане хозяина. Это уже не только обход закона, а прямо обман, подлог.

Другие фабриканты вместо штрафов за прогул записывали рабочему не все рабочие дни, то-есть, если рабочий прогулял, скажем, один день в неделю, то ему ставят не пять дней, а четыре: заработная плата за один день (которая должна бы составить штраф за прогул и итти в штрафной капитал) достается хозяину. Это опять-таки грубый обман. Заметим кстати, что рабочие совершенно беззащитны против таких обманов *), потому что им не объявляют о состоянии штрафного капитала. Только при ежемесячных подробных объявлениях (с указанием количества штрафов за каждую неделю по каждой мастерской отдельно) рабочие могут следить за тем, чтобы штрафы поступали действительно в штрафной капитал. Кто же будет следить за правильностью всех этих записей, если не сами рабочие? Фабричные инспекторы? Но каким же образом узнает инспектор, что вот эта именно цифра поставлена в книге обманом? Фабричный инспектор, г. Микулин, рассказывая об этих обманах, замечает:

*) А о том, что такие обманы практикуются, рассказывает не кто иной как *фабричный инспектор* Владимирской губернии, г. Микулин, в своей книге о новом законе 1886 г.

«Во всех таких случаях открывать злоупотребления было чрезвычайно трудно, если на то не было прямых указаний в виде жалоб рабочих». Сам инспектор признает, что ему нельзя открыть обмана, если не укажут рабочие. А рабочие не могут указать его, если фабриканты не будут обязаны вывешивать объявления о штрафах.

Третьи фабриканты придумали гораздо более удобные способы обманывать рабочих и обойти закон, — такие хитрые и кляузные способы, что нелегко было придраться к ним. Многие хозяева бумаготкацких фабрик во Владимирской губ. представляли на утверждения инспектора не один расценок на каждый сорт ткани, а два или даже три расценка; в примечании к расценку было сказано, что ткачи, сработавшие безукоризненно товар, получают за него плату по высшей цене, сработавший товар похуже — по второму расценку, а тот товар, который будет считаться браком, расценивается по самой низкой цене *). Ясно, с какой целью придумана была такая хитрая штука: разница между высшим и низшим расценком доставалась в карман хозяину, тогда как эта разница на самом деле означала взыскание за неисправную работу и должна была поэтому итти в штрафной капитал. Ясно, что это был грубый обход закона, и не только закона о штрафах, но также и закона об утверждении расценка; расценок утверждается для того, чтобы хозяин не мог произвольно изменять заработной платы, а если расценок будет не один, а несколько, то понятно, что тогда хозяину предоставляется полнейший произвол.

Фабричные инспектора видели, что такие расценки «направлены, *очевидно*, к обходу закона» (все это рассказывает тот же г. Микулин в выше упомянутой книге), но тем не менее «*не считали себя вправе*» отказать почтенным «господам» фабрикантам.

Еще бы. Легкое ли это дело — отказать фабрикантам (такую штуку придумал не один фабрикант, а несколько сразу!). Ну, а если бы попытались обойти закон не «господа» фабриканты, а рабочие? Интересно бы знать, нашелся ли бы тогда во всей Российской империи хоть один фабричный инспектор, который бы «*не счел себя вправе*» отказать рабочим в попытке обойти закон?

Таким образом, эти двух- и трехэтажные расценки были утверждены фабричной инспекцией и введены в действие. Но оказалось, что интересуются вопросом о расценке не одни господа фабриканты, выдумывающие способы обойти закон, и не одни

---

*) Такие расценки бывают и на петербургских фабриках; пишут, напр., что за такое-то количество товара рабочий получает от 20 до 50 копеек.

господа инспектора, не считающие себя вправе мешать фабрикантам в их благом намерении, а еще сверх того... рабочие. У рабочих не оказалось такой нежной снисходительности к мошенничествам господ фабрикантов, и они «сочли себя вправе» помешать этим фабрикантам объегоривать рабочих.

Эти расценки — повествует г. инспектор Микулин — «возбудили такое неудовольствие среди рабочих, что оно было одною из главных причин разразившихся беспорядков с буйством, *потребовавших* вмешательства вооруженной силы».

Вот как идут дела на свете! Сначала «не сочли вправе» помешать гг. фабрикантам нарушать закон и надувать рабочих, — а когда возмущенные такими безобразиями рабочие подняли восстание, тогда «потребовали» вооруженную силу! Почему же эта вооруженная сила «потребовалась» против рабочих, которые защищали свои *законные* права, а не против фабрикантов, которые явно нарушали закон? Как бы там ни было, но только после восстания рабочих «распоряжением губернатора расценки такого рода были уничтожены». Рабочие настояли на своем. Закон был введен не господами фабричными инспекторами, а самими рабочими, которые доказали, что они не позволят издеваться над собой и сумеют постоять за свои права. «В дальнейшем уже — рассказывает г. Микулин — фабричная инспекция отказывалась утверждать такие расценки». Таким образом рабочие научили инспекторов применять закон.

Но наука эта досталась только одним владимирским фабрикантам. А между тем фабриканты везде одни: и во Владимире, и в Москве, и в Петербурге. Попытка владимирских фабрикантов перехитрить закон — не удалась, но придуманный ими способ не только остался, но был даже усовершенствован одним гениальным петербургским заводчиком.

В чем состоял способ владимирских фабрикантов? В том, чтобы не употреблять слова штраф, а заменять его другими словами. Если я скажу, что рабочий по случаю неисправности получает рублем меньше, — тогда это будет штраф и его придется отдать в штрафной капитал. Но если я скажу, что рабочий по случаю неисправности получает плату по низшему расценку,— тогда это не будет штрафом, а целковый попадет в мой карман. Так рассуждали владимирские фабриканты, которых, однако, опровергли рабочие. Можно и еще несколько иначе рассуждать. Можно сказать: рабочий по случаю неисправности получает плату *без* наградных, тогда это опять не будет штрафом, и целковый попадает в карман хозяина. Вот такое рассуждение и придумал хитроумный петербургский заводчик Яковлев, хозяин механического завода. Он говорит так: вы будете получать по рублю в день, но, если за вами не будет никаких провинностей, ни прогулов, ни грубостей, ни неисправностей, то вы получите

по 20 коп. «наградных». А если окажется провинность, то хозяин удерживает двугривенные и кладет их, конечно, себе в карман, — потому что, ведь, это не штраф, а «наградные». Все законы о том, за какие провинности можно назначать взыскание и в каком размере, как их нужно расходовать на нужды рабочих, — оказываются для г. Яковлева несуществующими. Законы писаны про «штрафы», а у него «наградные». Ловкий заводчик до сих пор надувает рабочих посредством своей кляузной выходки. Петербургский фабричный инспектор тоже, вероятно, «*не счел себя вправе*» помешать ему обходить закон. Будем надеяться, что петербургские рабочие не отстанут от владимирских и научат инспектора и заводчика, как следует соблюдать закон.

Чтобы показать, какие громадные деньги составляются из штрафов, приведем сведения о величине штрафных капиталов во Владимирской губернии.

Выдача пособий начала производиться там с февраля 1891 г. До октября 1891 г. было выдано пособий 3.665 лицам на сумму 25.458 руб. 59 коп. Штрафной капитал к 1 окт. 1891 г. составлял 470.052 руб. 45 коп. Следует сказать кстати еще об одном употреблении, сделанном из штрафных денег. На одной фабрике штрафной капитал составлял 8.242 руб. 46 к. Фабрика эта обанкротилась, и рабочие остались зимой без хлеба и без работы. Тогда из этого капитала было роздано 5.820 руб. в пособия рабочим, которых было до 800 человек.

С 1-го октября 1891 г. по 1-ое октября 1892 г. было взыскано штрафных денег 94.055 руб. 47 коп., а выдано в пособия 45.160 руб. 52 коп. — 6.312 лицам. По отдельным статьям пособия эти распределялись так: 208 лицам было выдано ежемесячных пенсий по случаю неспособности к труду на сумму 6.198 руб. 20 коп., значит, в среднем на 1 человека приходится в год 30 руб. (назначают такие нищенские пособия в то время, как десятки тысяч штрафных денег лежат без употребления!). Далее, по случаю потери имущества 1.307 лицам было выдано 17.827 руб. 12 коп., в среднем по 18 руб. на человека. Беременным женщинам выдано 10.641 руб. 81 коп. в 2.669 случаях, в среднем по 4 руб. (это за три недели, одну до родов и две после родов). По болезни выдано 877 рабочим 5.380 руб. 68 коп., в среднем по 6 руб. На похороны 4.620 руб. — 1.506 рабочим (по 3 рубля), и в разных случаях 532 руб. 71 коп. — 15 лицам.

Теперь мы познакомились вполне с правилами о штрафных деньгах и с тем, как эти правила применяются. Посмотрим, справедливые ли эти правила и достаточно ли охраняют они права рабочих.

Мы знаем, что в законе постановлено, что штрафные деньги не принадлежат хозяину, что они могут итти только на нужды рабочих. Правила о расходовании денег должны были утвердить министры.

Что же вышло из этих правил? Деньги эти собраны с рабочих и расходуются на их нужды, — а в правилах не сказано даже, что хозяева обязаны объявлять рабочим состояние штрафного капитала. Рабочим не предоставлено права избирать выборных, чтобы следить за правильным поступлением денег в штрафной капитал, чтобы принимать заявления от рабочих и распределять пособия. В законе сказано было, что пособия выдаются «с разрешением инспектора», а по правилам, которые изданы министрами, вышло так, что с просьбой о пособии должны обращаться к *хозяину*. Почему же следует обращаться к хозяину? Ведь, деньги эти не хозяйские, а деньги рабочих, составившиеся из вычетов из их заработка. Хозяин сам не имеет права трогать этих денег: если он израсходует их — то отвечает за это, как за присвоение и растрату, все равно как если бы он израсходовал чужие деньги. Очевидно, министры потому издали такое правило, что они хотели услужить хозяевам: теперь рабочие должны *просить* у хозяина пособия, как будто подачки. Правда, если хозяин откажет, — инспектор может сам назначить пособие. Но инспектор, ведь, сам ничего не знает — скажет ему хозяин, что рабочий этот такой-сякой, что он не заслуживает пособия, и инспектор поверит *). Да и много ли найдется рабочих, которые станут обращаться с жалобами к инспектору, терять рабочее время на хождение к нему, писание прошений и тому подобное? В действительности, благодаря министерским правилам, получится только новая форма зависимости рабочих от хозяев. Хозяева получат возможность притеснять тех рабочих, которыми они недовольны, может быть, за то, что они не дают себя в обиду: отказывая в прошении, хозяева наверное причинят такому рабочему массу лишних хлопот, а, может быть, даже добьются того, что он вовсе не получит пособия. Напротив, тем рабочим, которые угождают хозяину и лакействуют перед ним, которые фискальничают ему на товарищей, — хозяева могут разрешать выдачу особенно больших пособий и в таких случаях, когда другой рабочий получил бы отказ. Вместо уничтожения зависимости рабочих от хозяев по штрафным делам получится новая зависимость, разъединяющая рабочих, создающая прислужничество и пролазничество. А потом обратите еще внимание на

---

*) В печатном заявлении о пособии, которое, как мы говорили, разослано было по фабрикам и заводам Владимирским фабричным Присутствием и которое представляет из себя наиболее удобное для рабочих применение «правил»,—значится: «контора фабрики подпись руки и изложенное в заявлении удостоверяет, добавляя, что, по ее мнению, проситель заслуживает пособия в размере таком-то».

Значит, контора всегда может написать, даже и не объясняя причин, что «по ее мнению» проситель не заслуживает пособия.

Пособия будут получать не те, кто нуждается, а те, кто «заслуживает его по мнению фабрикантов».

ту безобразную волокиту, которой обставлено, по правилам, получение пособий: каждый раз рабочий должен обращаться за удостоверением то к врачу, от которого он наверное встретит грубость, то к полиции, которая ничего не делает без взяток. Повторяем, ничего этого нет в законе; это установлено министерскими правилами, которые явно составлены в угоду фабрикантам, которые явно направлены на то, чтобы сверх зависимости от хозяев создать еще зависимость рабочих от чиновников, чтобы отстранить рабочих от всякого участия в расходовании на их нужды с них же взятых штрафных денег, чтобы сплести паутину бессмысленной казенной формалистики, отупляющей и деморализующей *) рабочих.

Предоставление хозяину разрешать выдачу пособий из штрафных денег, это вопиющая несправедливость. Рабочие должны добиваться того, чтобы им дано было по закону право выбирать депутатов (выборных), которые бы следили за поступлением штрафов в штрафной капитал, принимали и проверяли заявления рабочих о выдаче пособий, давали отчет рабочим о состоянии штрафного капитала и расходовании его. На тех заводах, на которых существуют в настоящее время депутаты, они должны обратить внимание на штрафные деньги, требовать, чтобы им сообщали все данные о штрафах, они должны принимать заявления рабочих и передавать их начальству.

VII.

НА ВСЕХ ЛИ РАБОЧИХ РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ ЗАКОНЫ О ШТРАФАХ?

Законы о штрафах, как и большинство других русских законов, распространяются не на все фабрики и заводы, не на всех рабочих. Издавая закон, русское правительство всегда боится обидеть им господ фабрикантов и заводчиков, боится, что хитросплетения канцелярских правил и чиновнических прав и обязанностей столкнутся с какими-нибудь другими канцелярскими правилами (а их у нас бесчисленное множество), с правами и обязанностями каких-нибудь других чиновников, которые смертельно обидятся, если в их область вторгнется какой-нибудь новый чиновник, и изведут бочки казенных чернил и стопы бумаги на переписку о «разграничении ведомства». Редкий закон поэтому вводится у нас сразу для всей России, без изъятий, без трусли-

*) Разъединяющей, создающей прислужничество, развивающей дурные нравы.

вых отсрочек, без предоставления министрам и другим чиновникам дозволять отступления от закона.

Особенно сильно сказалось все это на законе о штрафах, который, как мы видели, возбудил такое неудовольствие господ капиталистов, который был проведен только под давлением грозных рабочих восстаний.

Во-первых, закон о штрафах распространяется только на небольшую часть России *). Закон этот издан, как мы говорили, 3 июня 1886 г. и введен в действие с 1 октября 1886 г. *только в трех губерниях*: Петербургской, Московской и Владимирской. Чрез *пять лет* закон распространен на губернии Варшавскую и Петроковскую (11 июня 1891 года). Затем еще чрез *три года* он распространен еще на 13 губерний (именно: из центральных губерний — Тверская, Костромская, Ярославская, Нижегородская и Рязанская; из остзейских губерний — Эстляндская и Лифляндская; из западных — Гродненская и Киевская; из южных — Волынская, Подольская, Харьковская и Херсонская) — по закону 15 марта 1894 года. В 1892 году правила о штрафах распространены на частные горные заводы и промыслы.

Быстрое развитие капитализма на юге России и громадный рост горного дела собирает там массы рабочих и заставляет правительство поторапливаться.

Правительство, как видно, очень медленно отказывается от старых фабричных порядков. Необходимо заметить при этом, что отказывается оно только под давлением рабочих: усиление рабочего движения и стачки в Польше вызвали распространение закона на Варшавскую и Петроковскую (к Петроковской губ. относится город Лодзь) губернии. Громадная стачка на Хлудовской мануфактуре в Егорьевском уезде Рязанской губернии вызвала тотчас же распространение закона на Рязанскую губернию. Правительство, — видимое дело, — тоже «не считает себя вправе» отнять у господ капиталистов право бесконтрольного (произвольного) штрафования, покуда не вмешаются сами рабочие.

Во-вторых, закон о штрафах, как и все правила о надзоре за фабриками и заводами, не распространяется на заведения, принадлежащие казне и правительственным установлениям. На казенных заводах имеется свое «попечительное» о рабочих начальство, которое закон не хочет утруждать правилами о штрафах. В самом деле, к чему надзирать за казенными заводами, когда начальник завода сам чиновник? Рабочие могут жаловаться на него ему же.

*) Закон этот составляет часть так называемых «особенных правил о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». Эти «особенные правила» распространяются только на «местности, отличающиеся значительным развитием фабрично-заводской промышленности», которые мы укажем ниже в тексте.

Неудивительно, что среди этих начальников казенных заводов попадаются такие безобразники, как, например, командир Петербургского порта, г. Верховский.

В-третьих, правила о штрафных капиталах, расходуемых на нужды самих рабочих, не распространяются на рабочих в мастерских тех железных дорог, на которых есть пенсионные или сберегательно-вспомогательные кассы. Штрафные деньги идут в эти кассы.

Всех этих изъятий показалось все-таки еще недостаточным, и в законе постановлено, что министры (финансов и внутренних дел) имеют право, с одной стороны, «устранять от подчинения» этим правилам «незначительные фабрики и заводы, в случаях действительной надобности», а, с другой стороны, распространять эти правила на «значительные» ремесленные заведения.

Таким образом, мало того, что закон поручил министру составлять правила о штрафных деньгах, — он еще дал право министрам освобождать некоторых фабрикантов от подчинения закону! Вот до какой степени доходит любезность нашего закона к господам фабрикантам! В одном из разъяснений министра говорится, что он освобождает только таких фабрикантов, о которых фабричное присутствие «*уверено, что владелец заведения не будет нарушать интересов рабочих*». Фабриканты и фабричные инспектора — такие близкие друзья-приятели, что верят друг другу на слово. К чему отягощать фабриканта правилами, когда он «уверяет», что не будет нарушать интересов рабочих? Ну, а если бы рабочий попробовал просить у инспектора или министра освободить его от правил, «уверяя», что он не нарушит интересов фабриканта? Такого рабочего сочли бы, вероятно, за сумасшедшего.

Это называется «равноправностью» рабочих и фабрикантов.

Что касается до распространения правил о штрафах на значительные ремесленные заведения, то до сих пор, насколько известно, правила эти были распространены только (в 1893 году) на раздаточные конторы, раздающие работающим на дому ткачам основу. Министры не торопятся распространять правила о штрафах. Вся масса рабочих, работающих на дому на хозяев, на большие магазины и т. п., остается до сих пор на старом положении, в полном подчинении произволу хозяев. Рабочим этим труднее соединяться вместе, столковаться о своих нуждах, предпринять общую борьбу с притеснениями хозяев, — поэтому на них и не обращают внимания.

VIII.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы познакомились теперь с нашими законами и правилами о штрафах, со всей этой чрезвычайно сложной системой, которая отпугивает рабочего своею сухостью и неприветным канцелярским языком.

Мы можем теперь опять обратиться к вопросу, поставленному в начале — о том, что штрафы порождены капитализмом, т.-е. таким общественным устройством, когда народ разделяется на два класса, на собственников земли, машин, фабрик и заводов, материалов и припасов—и на людей, которые не имеют никакой собственности, которые должны поэтому продаваться капиталистам и работать на них.

Всегда ли было так, что рабочие, работавшие на хозяина, должны были платить ему штрафы за всякие неисправности?

В мелких заведениях, — напр., у городских ремесленников или у рабочих, — штрафов нет. Там нет полного отчуждения рабочего от хозяина, они вместе живут и работают. Хозяин и не думает вводить штрафы, потому что он сам смотрит за работой и всегда может заставить исправить, что ему не нравится.

Но такие мелкие заведения и производства постепенно исчезают. Кустарям и ремесленникам, а также мелким крестьянам, невозможно выдержать конкуренции крупных фабрик, заводов и крупных хозяев, употребляющих лучшие орудия, машины и соединяющих вместе труд массы рабочих. Поэтому мы видим, что кустари, ремесленники и крестьяне все больше и больше разоряются, идут в рабочие на фабрики и заводы, бросают деревни и уходят в города.

На крупных фабриках и заводах отношения между хозяином и рабочими уже совсем не такие, как в мелких мастерских. Хозяин стоит настолько выше рабочего по богатству, по своему общественному положению, что между ними находится целая пропасть, они часто даже не знают друг друга и не имеют ничего общего. Рабочему нет никакой возможности пробиться в хозяева: он осужден вечно оставаться неимущим, работающим на неизвестных ему богачей. На место двух-трех рабочих, которые были у мелкого хозяина, является теперь масса рабочих, приходящих из разных местностей и постоянно сменяющихся. На место отдельных распоряжений хозяина являются общие правила, которые делаются обязательными для всех рабочих. Прежнее постоянство отношений между хозяином и рабочим исчезает: хозяин вовсе не дорожит рабочим, потому что ему легко найти всегда

другого из толпы безработных, готовых наняться к кому угодно. Таким образом власть хозяина над рабочими усиливается, и хозяин пользуется этой властью, загоняет рабочего в строгие рамки фабричной работы штрафами. Рабочий должен был подчиниться этому новому ограничению своих прав и своих заработков, потому что он теперь бессилен перед хозяином.

Итак, штрафы явились на свет божий не очень давно — вместе с крупными фабриками и заводами, вместе с крупным капитализмом, вместе с полным расколом между богачами-хозяевами и босяками-рабочими. Штрафы явились результатом полного развития капитализма и полного порабощения рабочего.

Но это развитие крупных фабрик и усиление давления со стороны хозяев повело еще к другим последствиям. Рабочие, оказавшиеся совершенно бессильными перед фабрикантами, стали понимать, что их ожидает полное падение и нищенство, если они будут оставаться разъединенными. Рабочие начали понимать, что для спасения от голодной смерти и вырождения, которым грозит им капитализм, у них есть одно только средство — соединиться вместе для борьбы с фабрикантами за заработную плату и лучшие условия жизни.

Мы видели, до каких безобразных притеснений рабочих дошли наши фабриканты в 80-х годах, как они превратили штрафы в средство понижения заработной платы рабочим, не ограничиваясь одним понижением расценки. Гнет капиталистов над рабочими дошел до своего высшего развития.

Но этот гнет вызвал и сопротивление рабочих. Рабочие восстали против притеснителей и одержали победу. Напуганное правительство уступило их требованиям и поспешило издать закон об уничтожении штрафов.

Это была уступка рабочим. Правительство думало, что, издавая законы и правила о штрафах, вводя пособия из штрафных денег, оно сразу удовлетворит рабочих и заставит их забыть о своем общем рабочем деле, о своей борьбе против фабрикантов.

Но такие надежды правительства, выставляющего себя защитником рабочих, не оправдаются. Мы видели, как несправедлив к рабочим новый закон, как малы уступки рабочим сравнительно хотя бы с теми требованиями, которые были выставлены морозовскими стачечниками; мы видели, как оставлены были повсюду лазейки фабрикантам, желающим нарушить закон, как в их интересах составлены правила о пособиях, присоединяющие к произволу хозяев произвол чиновников.

Когда такой закон, такие правила будут применяться, когда рабочие ознакомятся с ними и начнут узнавать из своих столкновений с начальством о том, как притесняет их закон, — тогда они начнут понемножку сознавать свое подневольное положение. Они поймут, что только нищета заставила их работать

на богатых и довольствоваться грошами за свой тяжкий труд. Они поймут, что правительство и его чиновники держат сторону фабрикантов, а законы составляются так, чтобы хозяину было легче прижимать рабочего.

И рабочие узнают, наконец, что закон ничего не делает, чтоб улучшить их положение, покуда будет существовать зависимость рабочих от капиталистов, потому что закон всегда будет пристрастен к капиталистам-фабрикантам, потому что фабриканты всегда сумеют найти уловки для обхода закона.

Понявши это, рабочие увидят, что им остается только одно средство для своей защиты — соединиться вместе для борьбы с фабрикантами и с теми несправедливыми порядками, которые установлены законом.

ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ХОЗЯЙСТВА И ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ГИМНАЗИИ

(«РУССКОЕ БОГАТСТВО»)

Написано осенью 1895 г.
Напечатано в газете «Самарский Вестник» [63] *№ 254, 25 ноября 1895 г., за подписью К. Т—ин*

Печатается по тексту газеты «Самарский Вестник»

№ 254-й. Суббота, 25 Ноября 1895 г. Годъ изданія XXI Суббота, 25 Ноября 1895 г. № 254-й.

САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Давно известно решение вопроса о капитализме в России, предлагаемое народниками и представляемое в последнее время всего рельефнее «Русским Богатством». Не отрицая наличности капитализма, будучи вынуждены признать его развитие, народники считают однако наш капитализм не естественным и необходимым процессом, завершающим вековое развитие товарного хозяйства в России, а случайностью, не имеющей прочных корней, означающей лишь уклонение с пути, предписываемого всей исторической жизнью нации. «Мы должны» — говорят народники — «выбрать иные пути для отечества», сойти с пути капитализма и «обмирщить» производство, пользуясь наличными силами «всего» «общества», которое, де, начинает уже убеждаться в несостоятельности капитализма.

Очевидно, что ежели возможно выбрать иной путь для отечества, ежели все общество начинает понимать необходимость этого, тогда «обмирщение» производства не представляет больших трудностей и не требует известного подготовительного исторического периода. Стоит только выработать план такого обмирщения и убедить кого следует в его осуществимости, — и «отечество» свернет с ошибочного пути капитализма на дорогу обобществления.

Всякий понимает, какой громадный интерес должен представлять подобный план, обещающий столь радужные перспективы, а потому русская публика должна быть очень благодарна г-ну Южакову, одному из постоянных сотрудников «Рус. Богатства», за то, что он взял на себя труд разработать подобный план. В майской книге «Р. Бог.» находим его статью: «Просветительная утопия» с подзаголовком: «План всенародного обязательного среднего образования».

Какое же отношение имеет это к «обмирщению» производства? — спросит читатель. Самое непосредственное, так как план г-на Южакова очень широк. Автор проектирует учреждение в каждой волости гимназии, включающей все население мужского и женского пола школьного возраста (8 — 20 лет, maximum и до

25 лет). Такие гимназии должны представлять собой производительные ассоциации, ведущие земледельческое и нравственное хозяйство, не только содержащие своим трудом население гимназий (составляющее, по г. Южакову, *пятую часть* всего населения), но дающие сверх того средства для содержания *всего детского населения.* Подробный расчет, сделанный автором для одной типичной гимназии-волости (она же — «гимназия-ферма», «гимназическое хозяйство» или «земледельческая гимназия»), показывает, что всего-на-всего гимназия будет содержать *свыше половины всего местного населения.* Если мы примем во внимание, что каждая такая гимназия (всего их проектируется на Россию 20.000 двойных гимназий, т.-е. 20.000 мужских и 20.000 женских) снабжается землей и средствами производства (имеется в виду выпустить земские с правительственной гарантией облигации с $4^1/_2{}^0/_0$ платежа и $^1/_2{}^0/_0$ погашения), — то мы поймем, насколько в самом деле «план» г-на Южакова является «огромным». Производство обобществляется для целой половины населения. Сразу, значит, выбирается иной путь для отечества! И это достигается «без всяких затрат (sic!) со стороны правительства, земства и народа». Это «кажется утопией только с первого взгляда», а на самом деле «гораздо осуществимее всенародного начального образования». Г. Южаков свидетельствует, что необходимая для этого финансовая операция «не представляется химерой и утопией», и достигается не только, как мы видели, без затрат, без всяких затрат, но даже без изменения «установившихся учебных планов»!! Г. Южаков совершенно справедливо замечает, что «все это имеет немаловажное значение при желании не ограничиться одним опытом, но достигнуть действительно всенародного образования». Он говорит, правда, что он «не задавался целью составить исполнительный проект», но его изложение дает и предполагаемое число учеников и учениц на гимназию, и расчет рабочих сил, потребных для содержания всего населения гимназий, и перечисления педагогического и административного персонала, с указанием как довольствия членов гимназии натурой, так и денежного жалованья педагогам, врачам, техникам и мастерам. Автор подробно рассчитывает число рабочих дней, необходимых для земледельческих работ, количество земли, необходимой для каждой гимназии, и денежных средств, требующихся для первоначального обзаведения. Он предусматривает судьбу, с одной стороны, инородцев и сектантов, которые не смогут воспользоваться благами всенародного среднего образования, а с другой стороны, лиц, удаляемых из гимназий за порочное поведение. Расчеты автора не ограничиваются одной типической гимназией. Ни в каком случае. Он ставит вопрос об осуществлении всех 20.000 двойных гимназий и дает указания на то, как добыть

потребное для этого количество земли и как обеспечить «удовлетворительный персонал учащих, администраторов и хозяев».

Понятно, какой захватывающий интерес представляет подобный план, — интерес не только теоретический (очевидно, что столь конкретно разработанный план обмирщения производства должен окончательно убедить всех скептиков и уничтожить всех отрицающих осуществимость подобных планов), но и живой практический интерес. Было бы странно, если бы на проект организации всенародного обязательного среднего образования не обратило внимание высшее правительство, особенно когда автор предложения решительно утверждает, что дело обойдется «без всяких затрат» и «встретит препятствия не столько со стороны финансовых и экономических условий задачи, сколько со стороны условий культурных», которые однако «не непреоборимы». Такой проект непосредственно затрагивает не только министерство народного просвещения, но равным образом и министерство внутренних дел, министерство финансов, министерство земледелия и даже, как мы увидим ниже, министерство военное. В министерство юстиции должны будут отойти, по всей вероятности, проектируемые «исправительные гимназии». Нельзя сомневаться, что и остальные министерства будут заинтересованы этим проектом, который, по словам г. Южакова, «ответит всем вышеперечисленным потребностям (т.-е. образования и содержания), а, вероятно, и многим другим».

Мы уверены поэтому, что читатель не посетует на нас, если мы займемся подробным рассмотрением этого высоко-замечательного проекта.

Основная мысль г. Южакова заключается в следующем: летнее время освобождается совершенно от учебных занятий и посвящается земледельческой работе. Далее, ученики, кончившие гимназию, оставляются на некоторое время при ней в качестве работников; они исполняют зимние работы и употребляются на работы промысловые, которые дополняют собой земледельческие и дают возможность каждой гимназии трудами рук своих содержать всех учеников и рабочих, весь персонал учащих и администрации и покрывать расходы на образование. Подобные гимназии — справедливо говорит г. Южаков — явились бы большими земледельческими артелями. Это последнее выражение не оставляет, между прочим, уже ни малейшего сомнения в том, что мы вправе рассматривать план г. Южакова, как первые шаги народнического «обмирщения» производства, как часть того нового пути, который должна выбрать Россия, чтобы избегнуть перипетий капитализма.

«В настоящее время — рассуждает г. Южаков — оканчивают гимназию в возрасте 18—20 лет, а порой запаздывают на 1—2 года. При обязательном обучении... запаздывание станет еще распро-

страненнее. Оканчивать будут позже, а три старших класса будут состоять из возрастов от 16 до 25 лет, если именно 25 лет будет предельный возраст для увольнения без окончания курса. Таким образом, принимая во внимание добавочный контингент великовозрастных пятиклассников, можно смело считать около трети учащихся в гимназии... в возрасте рабочем». Если даже процент этот понизить до четверти, как рассчитывает далее автор, присоединяя к 8 классам гимназии 2 класса для приготовительной начальной школы (принимались бы восьмилетние безграмотные ребята), — все-таки получим очень большое число рабочих, которые, с помощью полурабочих, справятся с летней работой. Но «десятиклассная гимназия-ферма — основательно замечает г. Южаков — потребует необходимо известный контингент зимних рабочих». Откуда же взять их? Автор предлагает два выхода: 1) наем рабочих («из которых некоторые заслуженные могли бы приобщаться к доходам»). Гимназическое хозяйство должно быть доходным хозяйством и оправдать такой наем. Но автору «представляется важнее другой выход»: 2) окончившие курс гимназии будут обязаны отработать затраты на их учение и содержание в младших классах. Это их «прямая обязанность», — добавляет г. Южаков — разумеется, обязанность только для тех, кто не может уплатить стоимость учения. Они-то составят необходимый контингент зимних рабочих и дополнительный контингент летних.

Такова первая черта проектируемой организации, долженствующей «обмирщить» в земледельческие артели одну пятую часть населения. Мы уже на ней можем видеть, какого качества будет выбор иного пути для отечества. Наемный труд, служащий в настоящее время единственным источником жизни для лиц, которые «не могут уплатить стоимости учения» и жизни, заменяется обязательным даровым трудом. Но мы не должны смущаться этим: не следует забывать, что за это население будет пользоваться благами всеобщего среднего образования.

Пойдем далее. Автор проектирует отдельные мужские и женские гимназии, снисходя к господствующему на континенте Европы предубеждению против совместного обучения, которое собственно было бы рациональнее. «50 учеников на класс или 500 на все десять классов или 1.000 на гимназическое хозяйство (500 мальчиков и 500 девочек) будет вполне нормальным составом» средней гимназии. В ней будет 125 «пар рабочих» и соответствующее число полурабочих. «Если я замечу, — говорит Южаков — что это число рабочих способно обработать, напр., в Малороссии 2.500 дес. культурной полевой земли, то всякий поймет, какую громадную силу представляет труд гимназии»!...

Но сверх этих рабочих будут еще «постоянные рабочие», «отработывающие» образование и содержание. Сколько их будет? Ежегодный выпуск будет 45 учеников и учениц. Треть учеников

будет отбывать воинскую повинность (ныне отбывает четверть. Автор увеличивает это число до трети, сокращая срок службы до 3-х лет) в течение 3-х лет. «Не будет несправедливостью поставить в те же условия и остальные две трети, т.-е. удерживать их при гимназиях для отработки цены собственного образования, а также образования товарищей, ушедших под знамена. Все девушки также могут быть удержаны для того же».

Организация новых порядков, устраивающихся в отечестве, выбравшем иной путь, обрисовывается все с большей определенностью. Ныне все русские подданные считаются обязанными нести воинскую повинность и, так как число лиц призывного возраста более числа требуемых воинов, то последние выбираются по жребию. В обмирщенном производстве рекруты будут тоже выбираться по жребию, но остальных предполагается «поставить в те же условия», т.-е. обязать провести три года на службе, не военной, правда, а в работах на гимназию. Они должны отработывать цену содержания товарищей, ушедших под знамена. Все ли должны отработывать? Нет. Только те, кто не может уплатить стоимости учения. Автор выставил уже выше эту оговорку, а ниже мы увидим, что для лиц, которые в состоянии платить за учение, он вообще проектирует особые гимназии, сохраняющие старый тип. Почему же, спрашивается, отработка содержания товарищей, ушедших под знамена, возлагается на тех, кто не может уплатить стоимости учения? а не на тех, кто может? Очень понятно, почему. Если гимназисты будут разделяться на платящих и даровых, то очевидно, что современное строение общества реформой не затрагивается: это сознает прекрасно и сам г. Южаков. А если так, то понятно, что общие расходы государства (на солдат) будут нести те, которые не имеют средств к жизни *), — точно так же, как они и теперь несут их в форме, напр., косвенных налогов и т. п. В чем же отличие нового строя? В том, что ныне не имеющие средств могут продать рабочую силу, а в новом строе они будут *обязаны* работать *даром* (т.-е. за одно содержание). Не может подлежать ни малейшему сомнению, что Россия избегает таким образом все перипетии капиталистического строя. Вольно-наемный труд, грозящий «язвой пролетариата», изгоняется и уступает место... даровому обязательному труду.

И нет ничего удивительного, что люди, поставленные в отношения дарового обязательного труда, оказываются в условиях, соответствующих этим отношениям. Слушайте, что говорит нам народник («друг народа») непосредственно вслед за предыдущим:

«Если при этом будут разрешены браки между такими окончившими курс и оставшимися на 3 года при гимназии молодыми

*) Иначе не поддерживалось бы господство первых над последними.

людьми; если будут устроены отдельные помещения для семейных рабочих; и если доходы гимназии дозволят ей при их удалении из гимназии выдавать хотя скромное пособие деньгами и натурою, то такое трехлетнее пребывание при гимназии будет далеко менее обременительно, чем воинская повинность»...

Не очевидно ли, что такие льготные условия заставят население всеми силами души стремиться попасть в гимназию. Посудите сами: во-первых, разрешено будет вступить в брак. Правда, по ныне действующим гражданским законам, такого разрешения (от начальства) вообще не требуется. Но примите во внимание, что ведь это будут *гимназисты* и *гимназистки*,—правда, достигающие 25-летнего возраста, но все-таки гимназисты. Если студентам университета не разрешаются браки, то можно ли было разрешить их гимназистам. И притом, ведь разрешение будет зависеть от начальства гимназии, следовательно, от людей с высшим образованием: ясно, что нет оснований бояться злоупотреблений. Кончившие гимназию и оставшиеся при ней постоянными рабочими, однако, уже не гимназисты. И тем не менее и по отношению к ним идет речь о разрешении браков — по отношению к лицам 21 — 27 лет. Нельзя не сознаться, что новый путь, выбранный отечеством, сопряжен с некоторым уменьшением гражданской правоспособности русских граждан, но надо признаться, что блага всеобщего среднего образования не могут же быть приобретены без жертв. Во-вторых, для семейных рабочих будут устроены отдельные помещения, вероятно, не хуже тех каморок, в которых живут в настоящее время фабричные рабочие. И в-3-х, постоянные рабочие получают за это «скромное пособие». Несомненно, население предпочтет эти льготы спокойной жизни под крылышком начальства треволнениям капитализма, предпочтет до такой степени, что некоторые рабочие постоянно останутся при гимназии (вероятно, в благодарность за то, что им разрешили брак): «Небольшой контингент постоянных рабочих, совсем оставшихся при гимназии и к ней приобщившихся (sic!!), дополняет эти рабочие силы гимназического хозяйства. Таковы возможные и отнюдь не утопические рабочие силы нашей земледельческой гимназии».

Помилуйте! Что же тут «утопического»? Постоянные даровые рабочие, «приобщившиеся» к хозяевам, разрешающим им браки,— да спросите любого старого крестьянина, и он вам по собственному опыту расскажет о полнейшей осуществимости всего этого.

(Продолжение будет) *).

---

*) Продолжения в газете «Самарский Вестник» не имеется. *Ред.*

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Написано осенью 1895 г.
Напечатано в сборнике «Работник» [64]
№ 1—2, 1896 г., без подписи автора [65]

Печатается по тексту сборника «Работник»

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РАБОТНИКЪ

№№ 1 и 2.

НЕПЕРІОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

Съ портретомъ Фридриха Энгельса.

Изданіе „Союза Русскихъ Социальдемократовъ“.

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ“.
1896

Обложка «Работника» № 1—2, 1896 г.

Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало!

5-го августа нового стиля (24 июля) 1895 года скончался в Лондоне Фридрих Энгельс. После своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.), Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом. Поэтому, для того, чтобы понять, что сделал Фридрих Энгельс для пролетариата, надо ясно усвоить себе значение учения и деятельности Маркса в развитии современного рабочего движения. Маркс и Энгельс первые показали, что рабочий класс с его требованиями есть необходимое порождение современного экономического порядка, который вместе с буржуазией неизбежно создает и организует пролетариат; они показали, что не благожелательные попытки отдельных благородных личностей, а классовая борьба организованного пролетариата избавят человечество от гнетущих его теперь бедствий. Маркс и Энгельс в своих научных трудах первые разъяснили, что социализм не выдумка мечтателей, а конечная цель и необходимый результат развития производительных сил в современном обществе. Вся писаная история до сих пор была историей классовой борьбы, сменой господства и побед одних общественных классов над другими. И это будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнут основы классовой борьбы и классового господства — частная собственность и беспорядочное общественное производство. Интересы пролетариата требуют уничтожения этих основ, и потому против них должна быть направлена сознательная классовая борьба организованных рабочих. А всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Эти взгляды Маркса и Энгельса усвоены теперь всем борющимся за свое освобождение пролетариатом, но когда два друга в 40-х годах приняли участие в социалистической литературе и общественных движениях своего времени, такие воззрения

были совершенной новостью. Тогда было много талантливых и бездарных, честных и бесчестных людей, которые, увлекаясь борьбою за политическую свободу, борьбой с самодержавием царей, полиции и попов, не видели противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Эти люди не допускали и мысли, чтобы рабочие выступали, как самостоятельная общественная сила. С другой стороны, было много мечтателей, подчас гениальных, думавших, что нужно только убедить правителей и господствующие классы в несправедливости современного общественного порядка, и тогда легко водворить на земле мир и всеобщее благополучие. Они мечтали о социализме без борьбы. Наконец, почти все тогдашние социалисты и вообще друзья рабочего класса видели в пролетариате только *язву*, с ужасом смотрели они, как, с ростом промышленности, растет и эта язва. Поэтому все они думали о том, как бы остановить развитие промышленности и пролетариата, остановить «колесо истории». В противоположность общему страху перед развитием пролетариата, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на беспрерывный рост пролетариата. Чем больше пролетариев, тем больше их сила, как революционного класса, тем ближе и возможнее социализм. В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию, и на место мечтаний поставили науку.

Вот почему имя и жизнь Энгельса должны быть знакомы каждому рабочему, вот почему в нашем сборнике, цель которого, как и всех наших изданий, будить классовое самосознание в русских рабочих, мы должны дать очерк жизни и деятельности Фридриха Энгельса, одного из двух великих учителей современного пролетариата.

Энгельс родился в 1820 году в г. Бармене, в рейнской провинции прусского королевства. Отец его был фабрикантом. В 1838 году Энгельс семейными обстоятельствами был вынужден, не кончив гимназии, поступить в приказчики одного бременского торгового дома. Занятия купеческим делом не помешали Энгельсу работать над своим научным и политическим образованием. Еще гимназистом возненавидел он самодержавие и произвол чиновников. Занятия философией повели его дальше. В то время в немецкой философии господствовало учение Гегеля, и Энгельс сделался его последователем. Хотя сам Гегель был поклонником самодержавного прусского государства, на службе которого он состоял в качестве профессора Берлинского университета, — *учение* Гегеля было революционным. Вера Гегеля в человеческий разум и его права и основное положение гегелевской философии, что в мире происходит постоянный процесс изменения и развития, приводили тех учеников берлинского философа, которые не хотели

мириться с действительностью, к мысли, что и борьба с действительностью, борьба с существующей неправдой и царящим злом коренится в мировом законе вечного развития. Если все развивается, если одни учреждения сменяются другими, почему же вечно будут продолжаться самодержавие прусского короля или русского царя, обогащение ничтожного меньшинства на счет огромного большинства, господство буржуазии над народом? Философия Гегеля говорила о развитии духа и идей, она была *идеалистической*. Из развития духа она выводила развитие природы, человека и людских, общественных отношений. Маркс и Энгельс, удержав мысль Гегеля о вечном процессе развития *), отбросили предвзятое идеалистическое воззрение; обратившись к жизни, они увидели, что не развитие духа объясняет развитие природы, а наоборот — дух следует объяснить из природы, материи... В противоположность Гегелю и другим гегелианцам, Маркс и Энгельс были материалистами. Взглянув материалистически на мир и человечество, они увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обусловливается развитием материальных, производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов. Развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность, но теперь мы видим, как то же развитие производительных сил отнимает собственность у большинства и сосредоточивает ее в руках ничтожного меньшинства. Оно уничтожает собственность, основу современного общественного порядка, оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты. Социалистам надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современном обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи. Такая сила — пролетариат. С ним Энгельс познакомился в Англии, в центре английской промышленности, Манчестере, куда он перебрался в 1842 году, поступив на службу в торговый дом, одним из пайщиков которого был его отец. Здесь Энгельс не только сидел в фабричной конторе, — он ходил по грязным кварталам, где ютились рабочие, сам своими глазами видел их нищету и бедствия. Но он не

---

*) Маркс и Энгельс не раз указывали, что они в своем умственном развитии многим обязаны великим немецким философам и в частности Гегелю. «Без немецкой философии,—говорит Энгельс,—не было бы и научного социализма».

удовольствовался личными наблюдениями, он прочел все, что было найдено до него о положении английского рабочего класса, он тщательно изучил все доступные ему официальные документы. Плодом этих изучений и наблюдений была вышедшая в 1845 году книга: «Положение рабочего класса в Англии». Мы уже упомянули выше, в чем главная заслуга Энгельса, как автора «Положения рабочего класса в Англии». И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе*. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью *политической* борьбы рабочего *класса*. Вот основные мысли книги Энгельса о положении рабочего класса в Англии, мысли, теперь усвоенные всем мыслящим и борющимся пролетариатом, но тогда совершенно новые. Эти мысли были изложены в книге, увлекательно написанной, полной самых достоверных и потрясающих картин бедствий английского пролетариата. Книга эта была ужасным обвинением капитализма и буржуазии. Впечатление, произведенное ею, было очень велико. На книгу Энгельса стали всюду ссылаться как на лучшую картину положения современного пролетариата. И действительно, ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса.

Социалистом Энгельс сделался только в Англии. В Манчестере он вступил в связь с деятелями тогдашнего английского рабочего движения и стал писать в английских социалистических изданиях. В 1844 году, возвращаясь в Германию, он по пути познакомился в Париже с Марксом, с которым уже раньше у него завязалась переписка. Маркс в Париже под влиянием французских социалистов и французской жизни сделался тоже социалистом. Здесь друзья сообща написали книгу: «Святое семейство, или критика критической критики». В этой книге, вышедшей за год до «Положения рабочего класса в Англии» и написанной большей частью Марксом, заложены основы того революционно-материалистического социализма, главные мысли которого мы изложили выше. «Святое семейство» — шуточное прозвание философов братьев Бауэров с их последователями. Эти господа проповедывали критику, которая стоит выше всякой действительности, выше партий и политики, отрицает всякую практическую деятельность и лишь «критически» созерцает окружающий мир и происходящие в нем события. Господа Бауэры свысока судили

о пролетариате, как о некритической массе. Против этого вздорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс. Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества. Силу, способную вести такую борьбу и заинтересованную в ней, они видят, конечно, в пролетариате. Еще до «Святого семейства» Энгельс напечатал в «Немецко-французском журнале» [66]) Маркса и Ругэ «Критические очерки по политической экономии», в которых с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности. Общение с Энгельсом бесспорно содействовало тому, что Маркс решил заняться политической экономией, той наукой, в которой его труды произвели целый переворот.

Время от 1845 по 1847 г. Энгельс провел в Брюсселе и Париже, соединяя научные занятия с практическою деятельностью в среде немецких рабочих Брюсселя и Парижа. Тут у Энгельса и Маркса завязались отношения с тайным немецким «Союзом коммунистов» [67]), который поручил им изложить основные начала выработанного ими социализма. Так возник напечатанный в 1848 году знаменитый «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира.

Революция 1848 г., разразившаяся сперва во Франции, а потом распространившаяся и на другие страны Западной Европы, привела Маркса и Энгельса на родину. Здесь, в Рейнской Пруссии, они стали во главе демократической «Новой Рейнской Газеты» [68]), издававшейся в Кельне. Оба друга были душой всех революционно-демократических стремлений в Рейнской Пруссии. До последней возможности отстаивали они интересы народа и свободы от реакционных сил. Последние, как известно, одолели. «Новая Рейнская Газета» была запрещена, Маркс, потерявший за время своей эмигрантской жизни права прусского подданного, был выслан, а Энгельс принял участие в вооруженном народном восстании, в трех сражениях бился за свободу и после поражения повстанцев бежал через Швейцарию в Лондон.

Там же поселился и Маркс. Энгельс вскоре снова сделался приказчиком, а потом и пайщиком того торгового дома в Манчестере, в котором он служил в 40-х г.г. До 1870 года он жил в Манчестере, а Маркс в Лондоне, что не мешало им находиться в самом живом духовном общении: они почти ежедневно переписывались. В этой переписке друзья обменивались своими взглядами и знаниями и продолжали сообща вырабатывать научный социализм. В 1870 г. Энгельс перебрался в Лондон, и до 1883 г.,

когда скончался Маркс, продолжалась их совместная духовная жизнь, полная напряженной работы. Плодом ее были — со стороны Маркса — «Капитал», величайшее политико-экономическое произведение нашего века, со стороны Энгельса — целый ряд крупных и мелких сочинений. Маркс работал над разбором сложных явлений капиталистического хозяйства. Энгельс в весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого и настоящего — в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса. Из этих работ Энгельса назовем: — полемическое сочинение против Дюринга (здесь разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук) *), «Происхождение семьи, собственности и государства» (перев. на русский яз., издано в С.-Петербурге, 3-е изд. 1895), «Людвиг Фейербах» (русский перевод с примеч. Г. Плеханова, Женева, 1892), статья об иностранной политике русского правительства (переведена на русский язык в женевском «Социаль-демократе», №№ 1 и 2), замечательные статьи о квартирном вопросе, наконец, две маленькие, но очень ценные статьи об экономическом развитии России («Фридрих Энгельс о России», перев. на русский язык В. И. Засулич, Женева, 1894). Маркс умер, не успев окончательно обработать свой огромный труд о капитале. Вчерне, однако, он был уже готов, и вот Энгельс после смерти друга принялся за тяжелый труд обработки и издания II и III тома «Капитала». В 1885 г. он издал II-ой, в 1894 г. III-й том (IV-й том он не успел обработать). Работы над этими двумя томами потребовалось очень много. Австрийский социаль-демократ Адлер верно заметил, что изданием II-го и III-го томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса. Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе. Энгельс всегда,— и, в общем, совершенно справедливо,— ставил себя позади Маркса. «При Марксе, — писал он одному старому приятелю, — я играл вторую скрипку». Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны. Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу.

*) Это удивительно содержательная и поучительная книга. Из нее, к сожалению, на русский язык переведена только небольшая часть, содержащая исторический очерк развития социализма («Развитие научного социализма», 2-ое изд., Женева, 1892). (Полный русский перевод «Анти-Дюринга» вышел в 1904 г. *Ред.*)

После движения 1848 — 49 г.г. Маркс и Энгельс в изгнании занимались не одной только наукой. Маркс создал в 1864 г. «Международное Общество Рабочих» и в течение целого десятилетия руководил этим обществом. Живое участие в его делах принимал также и Энгельс. Деятельность «Международного Общества», соединявшего, по мысли Маркса, пролетариев всех стран, имела огромное значение в развитии рабочего движения. Но и с закрытием в 70-х годах «Международного Общества» объединяющая роль Маркса и Энгельса не прекратилась. Наоборот, можно сказать, что значение их, как духовных руководителей рабочего движения, постоянно возрастало, потому что непрерывно росло и само движение. После смерти Маркса Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов. К нему одинаково обращались за советами и указаниями и немецкие социалисты, сила которых, несмотря на правительственные преследования, быстро и непрерывно увеличивалась, и представители отсталых стран,— напр., испанцы, румыны, русские, которым приходилось обдумывать и взвешивать свои первые шаги. Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса.

Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами. Оба они сделались социалистами из *демократов*, и демократическое чувство *ненависти* к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно. Это непосредственное политическое чувство вместе с глубоким теоретическим пониманием связи политического произвола с экономическим угнетением, а также богатый жизненный опыт сделали Маркса и Энгельса необычайно чуткими именно в *политическом* отношении. Поэтому героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отзвук. Наоборот, поползновения ради мнимых экономических выгод отворачиваться от самой непосредственной и важной задачи русских социалистов — завоевания политической свободы — естественно являлось в их глазах подозрительным и даже прямо считалось ими изменой великому делу социальной революции. «Освобождение пролетариата должно быть его собственным делом» — вот чему постоянно учили Маркс и Энгельс. А для того, чтобы бороться за свое экономическое освобождение, пролетариат должен завоевать себе известные *политические* права. Кроме того, и Маркс и Энгельс ясно видели, что и для западно-европейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение. Самодержавная Россия всегда была оплотом всей европейской реакции. Необыкновенно

выгодное международное положение, в которое поставила Россию война 1870 года, надолго поселившая раздор между Германией и Францией, конечно, только увеличило значение самодержавной России, как реакционной силы. Только свободная Россия, не нуждающаяся ни в угнетении поляков, финляндцев, немцев, армян и прочих мелких народов, ни в постоянном стравливании Франции с Германией, даст современной Европе свободно вздохнуть от военных тягостей, ослабит все реакционные элементы в Европе и увеличит силу европейского рабочего класса. Вот почему Энгельс и для успехов рабочего движения на Западе горячо желал водворения в России политической свободы. Русские революционеры потеряли в нем своего лучшего друга.

Вечная память Фридриху Энгельсу, великому борцу и учителю пролетариата!

О ЧЕМ ДУМАЮТ НАШИ МИНИСТРЫ?

Написано в конце 1895 г. для газеты «Рабочее Дело» 69)
Впервые напечатано в 1924 г.

Печатается по копии департамента полиции

Министр внутренних дел Дурново написал письмо обер-прокурору св. синода Победоносцеву. Письмо написано было 18 марта 1895 г. за № 2603, и на нем стоит надпись: «совершенно доверительно» [70]). Значит, министр хотел, чтобы письмо осталось в строжайшей тайне. Но нашлись люди, которые не разделяют взглядов господина министра, что русским гражданам не следует знать намерений правительства, и вот теперь это письмо гуляет всюду в рукописной копии.

О чем же писал г. Дурново г-ну Победоносцеву?

Он писал ему о воскресных школах. В письме говорится: «Сведения, получаемые в течение последних лет, свидетельствуют, «что лица, неблагонадежные в политическом отношении, а также «часть учащейся молодежи, известного направления, по примеру «60-х годов, стремятся к поступлению в воскресные школы, «в качестве преподавателей, лекторов, библиотекарей и т. д. Такое «систематическое стремление, не оправдываемое даже изысканием «средств для существования, так как обязанности в подобных «школах исполняются безвозмездно, доказывает, что вышеозна-«ченное явление представляет собою одно из средств борьбы на «легальной (законной) почве с существующим в России государ-«ственным порядком и общественным строем противоправитель-«ственных элементов».

Вот как судит г. министр! Из образованных людей находятся такие, которые хотят поделиться своими знаниями с рабочими, хотят, чтобы ученье приносило пользу не одним им, а и народу, — и министр сейчас же решает, что тут есть «противоправительственные элементы», т.-е. что это какие-нибудь заговорщики подстрекают людей итти в воскресные школы. Неужели без подстрекательства не могло возникнуть у некоторых образованных людей желание учить других? Но министра смущает то, что учителя воскресных школ не получают жалованья. Он привык видеть, что служащие ему шпионы и чиновники служат только из-за жалованья, служат тому, кто больше дает денег, а тут вдруг люди работают, служат, занимаются и все это... даром. Подозрительно! думает министр, и подсылает шпионов разведать

*

дело. В письме дальше говорится: «Из следующих сведений» (полученных от шпионов, существование которых оправдывается получением жалованья) «устанавливается, что не только в составе «преподавателей попадаются лица вредного направления, но что «нередко самые школы находятся под негласным руководством «целого кружка неблагонадежных лиц, члены которого, совер-«шенно не принадлежащие к официальному персоналу служащих, «по приглашению ими же поставленных учителей и учительниц «читают по вечерам лекции и занимаются с учащимися... Порядок, «допускающий возможность чтения лекций людьми посторон-«ними, дает полный простор для проникновения в число лекто-«ров лиц прямо революционной среды».

Итак, если «посторонние люди», не одобренные и не осмотренные попами и шпионами, хотят заниматься с рабочими, — это значит прямая революция! Министр смотрит на рабочих как на порох, а на знание и образование как на искру; министр уверен, что если искра попадет в порох, то взрыв направится прежде всего на правительство.

Мы не можем отказать себе в удовольствии заметить, что в этом редком случае мы вполне и безусловно согласны со взглядами его высокопревосходительства.

Министр приводит дальше в письме «доказательства» правильности своих «сведений». Хороши эти доказательства!

Во-первых, «письмо преподавателя одной из воскресных школ, фамилия которого до сих пор остается невыясненною». Письмо это отобрано при обыске. В письме говорится о программе исторических чтений, об идее закрепощения и раскрепощения сословий, упоминается о бунте Разина и Пугачева.

Должно быть, эти последние имена и напугали так доброго министра: ему сейчас же померещились, вероятно, вилы.

Второе доказательство:

«В министерстве внутренних дел имеется полученная негласным путем программа для публичного чтения в одной из московских воскресных школ следующего содержания: «Происхождение общества. Первобытное общество. Развитие общественной «организации. Государство и для чего оно нужно. Порядок. «Свобода. Справедливость. Формы государственного устройства. «Монархия абсолютная и конституционная. Труд — основа общего «благосостояния. Полезность и богатство. Производство, обмен «и капитал. Как распределяется богатство. Преследование собственного интереса. Собственность и ее необходимость. Освобождение крестьян с землей. Рента, прибыль, заработная плата. «Отчего зависит плата и ее виды. Бережливость».

«Чтение по этой программе, безусловно негодной для народ-«ной школы, дает полную возможность лектору ознакомить посте-«пенно слушателей и с теориями Карла Маркса, Энгельса и т. п.,

«а присутствующее по назначению епархиального начальства лицо «едва ли будет в состоянии уловить в чтении начатки социал-«демократической пропаганды».

Должно быть г. министр сильно боится «теорий Маркса и Энгельса», если замечает «начатки» их даже в такой программе, в которой не заметно и следа их. Что нашел в ней министр «негодного»? Вероятно, вопрос о формах государственного устройства и конституции.

Да возьмите, г. министр, любой учебник географии и вы найдете там эти вопросы! Неужели взрослым рабочим нельзя знать того, чему учат ребят?

Но г. министр не надеется на лиц епархиального ведомства: «пожалуй, не поймет, о чем говорят».

Кончается письмо перечислением «неблагонадежных» учителей в церковно-приходской воскресной школе при московской фабрике Товарищества Прохоровской Мануфактуры, воскресной школы в г. Ельце и предполагаемой школы в г. Тифлисе. Г. Дурново советует г. Победоносцеву заняться «тщательной проверкой лиц, допускаемых к занятиям в школах». Теперь, когда читаешь список учителей, волосы дыбом встают: все бывший студент, да бывший студент, да еще бывшая курсистка. Г. министр желал бы, чтобы преподавателями были бывшие унтеры.

С особенным ужасом говорит г. министр, что школа в г. Ельце «помещается за рекой Сосной, где живет преимущественно про-«стой» (о, ужас!) «и мастеровой народ, и где находится железно-«дорожная мастерская».

Подальше, подальше надо держать школы от «простого и мастерового люда».

Рабочие! Вы видите, как смертельно боятся наши министры соединения знания с рабочим людом! Покажите же всем, что никакая сила не сможет отнять у рабочих сознания! Без знания рабочие — беззащитны, со знанием они — сила!

ПРОЕКТ И ОБЪЯСНЕНИЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Написано в тюрьме в 1895—1896 гг.[71]
Впервые напечатано в 1924 г.

Печатается по копии из бумаг В. И. Ленина, сверенной с гектографированным списком и со списком, писанным химическими чернилами между строк книги

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ.

А. 1. Все быстрей и быстрей развиваются в России крупные фабрики и заводы, разоряя мелких кустарей и крестьян, превращая их в неимущих рабочих, сгоняя все больше и больше народа в города, фабричные и промышленные села и местечки.

2. Этот рост капитализма означает громадный рост богатства и роскоши среди кучки фабрикантов, купцов и землевладельцев и еще более быстрый рост нищеты и угнетения рабочих. Вводимые крупными фабриками улучшения в производстве и машины, способствуя повышению производительности общественного труда, служат к усилению власти капиталистов над рабочими, к увеличению безработицы, а вместе с ней и к беззащитности рабочих.

3. Но доводя до высшей степени гнет капитала над трудом, крупные фабрики создали особый класс рабочих, который получает возможность вести борьбу с капиталом, потому что самые условия его жизни разрушают все связи его с собственным хозяйством и, соединяя рабочих общей работой и перебрасывая их с фабрики на фабрику, сплачивают вместе массы рабочего люда. Рабочие начинают стачками борьбу с фабрикантами и среди них появляется усиленное стремление к объединению. Из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба русского рабочего класса.

4. Эта борьба рабочего класса с классом капиталистов есть борьба против всех классов, живущих чужим трудом, и против всякой эксплуатации. Она может окончиться лишь переходом политической власти в руки рабочего класса, передачей всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества для устройства социалистического производства, при котором все производимое рабочими и все улучшения в производстве должны итти на пользу самих трудящихся.

5. Движение русского рабочего класса по своему характеру и цели входит как часть в международное движение рабочего класса всех стран.

6. Главным препятствием в борьбе русского рабочего класса за свое освобождение является неограниченное самодержавное правительство с его безответственными чиновниками. Опираясь

на привилегии землевладельцев и капиталистов и на прислужничество их интересам, оно держит в полной бесправности низшие сословия и тем связывает движение рабочих и задерживает развитие всего народа. Поэтому борьба русского рабочего класса за свое освобождение с необходимостью вызывает борьбу против неограниченной власти самодержавного правительства.

Б. 1. Русская социал-демократическая партия объявляет своей задачей — помогать этой борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием настоящей цели борьбы.

2. Борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая и первой задачей ее является достижение политической свободы.

3. Поэтому русская социал-демократическая партия, не отделяя себя от рабочего движения, будет поддерживать всякое общественное движение против неограниченной власти самодержавного правительства, против класса привилегированных дворян-землевладельцев и против всех остатков крепостничества и сословности, стесняющих свободу конкуренции.

4. Напротив того, русская социал-демократическая партия будет вести войну со всеми стремлениями облагодетельствовать трудящиеся классы опекой неограниченного правительства и его чиновников и задержать развитие капитализма, а, следовательно, и развитие рабочего класса.

5. Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих.

6. Русскому народу нужна не помощь неограниченного правительства и его чиновников, а освобождение от их гнета.

В. Исходя из этих воззрений, русская социал-демократическая партия требует прежде всего:

1. Созвания Земского Собора из представителей всех граждан для выработки конституции.

2. Всеобщего и прямого избирательного права для всех русских граждан, достигших 21 года, без различия вероисповедания и национальности.

3. Свободы собраний, союзов и стачек.

4. Свободы печати.

5. Уничтожения сословий и полного равенства всех граждан перед законом.

6. Свободы вероисповедания и равноправности всех национальностей. Передачи ведения метрик в руки самостоятельных гражданских чиновников, независимых от полиции.

7. Предоставления каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом, без жалобы по начальству.

8. Отмены паспортов, полной свободы передвижений и переселений.

9. Свободы промыслов и занятий и уничтожения цехов.

Г. Для рабочих русская социал-демократическая партия требует:

1. Учреждения промышленных судов во всех отраслях промышленности, с выборными судьями от капиталистов и рабочих поровну.

2. Законодательного ограничения рабочего дня 8 часами в сутки.

3. Законодательного запрещения ночной работы и смен. Запрещения работы детей до 15 лет.

4. Законодательного установления праздничного отдыха.

5. Распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности во всей России и на казенные фабрики, а также и на кустарей, работающих на дому.

6. Фабричная инспекция должна иметь самостоятельное положение и не находиться в ведомстве министерства финансов. Члены промышленных судов получают равные права с фабричной инспекцией по надзору за исполнением фабричных законов.

7. Безусловного запрещения повсюду расплаты товарами.

8. Надзора выборных от рабочих за правильным составлением расценок, за браковкой товара, за расходованием штрафных денег и за фабричными квартирами рабочих.

Закона о том, чтобы все вычеты из заработной платы рабочих, для какого бы предназначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.), вместе взятые, не могли превышать 10 коп. с рубля.

9. Закона об ответственности фабрикантов за увечья рабочих с обязательством фабриканту доказывать, что вина на стороне рабочих.

10. Закона об обязанности фабрикантов содержать школы и давать медицинскую помощь рабочим.

Д. Для крестьян русская социал-демократическая партия требует:

1. Отмены выкупных платежей и вознаграждения крестьян за уплаченные выкупные платежи. Возвращения крестьянам излишне уплаченных в казну денег.

2. Возвращения крестьянам отрезанных от них в 1861 г. земель.

3. Полного равенства в податях и налогах с крестьянской и помещичьей земель.

4. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении их землей.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРОГРАММЫ.

Программа разделяется на три главные части. В первой части излагаются все воззрения, из которых вытекают остальные части программы. В этой части указывается, какое положение занимает рабочий класс в современном обществе, какой смысл и значение имеет его борьба с фабрикантами и каково политическое положение рабочего класса в русском государстве.

Во второй части излагается *задача партии* и указывается, в каком отношении она находится к другим политическим направлениям в России. Здесь говорится о том, какова должна быть деятельность партии и всех, сознающих свои классовые интересы рабочих, и как следует им относиться к интересам и стремлениям других классов русского общества.

3-я часть содержит практические требования партии. Эта часть подразделяется на 3 отдела. 1-й отдел содержит требование общегосударственных преобразований. 2-й отдел — требования и программу рабочего класса. 3-й — требования в пользу крестьян. Некоторые предварительные объяснения к этим отделам даны ниже, перед переходом к практической части программы.

А 1. Программа говорит прежде всего о быстром росте крупных фабрик и заводов, потому что это главное явление в современной России, совершенно изменяющее все старые условия жизни, в особенности условия жизни трудящегося класса. При старых условиях почти все количество богатств производилось мелкими хозяевами, которые составляли громадное большинство населения. Население жило неподвижно по деревням, производя большую часть продуктов либо на свое собственное потребление, либо на небольшой рынок окрестных селений, мало связанный с другими соседними рынками. На помещиков работали те же мелкие хозяева, и помещики заставляли их производить продукт главным образом на собственное потребление. Домашние продукты отдавались в обработку ремесленникам, которые жили тоже по деревням или ходили набирать работу по окрестностям.

И вот со времени освобождения крестьян эти условия жизни массы народа подверглись полному изменению: на место мелких ремесленных заведений стали появляться крупные фабрики, которые росли с чрезвычайной быстротой; они вытесняли мелких хозяев, превращая их в наемных рабочих, и заставляли сотни и тысячи рабочих работать вместе, производя в громадном количестве товар, распродающийся по всей России.

Освобождение крестьян уничтожило неподвижность населения и поставило крестьян в такие условия, что они не могли уже кормиться с оставшихся у них клочков земли. Масса народа бросилась на поиски заработка, идя на фабрики, на постройку

железных дорог, соединяющих разные концы России и развозящих повсюду товары крупных фабрик. Масса народа пошла на заработки в города, занималась постройкой фабричных и торговых зданий, доставкой топлива к фабрикам, подготовлением материалов для нее. Наконец, множество лиц занято было работой на дому, раздаваемой купцами и фабрикантами, не успевающими расширять своих заведений. Такие же изменения произошли в земледелии, помещики стали производить хлеб на продажу, появились крупные посевщики из крестьян и купцов, сотни миллионов пудов хлеба стали продаваться за границу. Для производства потребовались наемные рабочие, и сотни тысяч и миллионы крестьян пошли, забрасывая свои крохотные наделы, в батраки и поденщики к новым хозяевам, производящим хлеб на продажу. Вот эти-то изменения старых условий жизни и описывает программа, говоря, что крупные фабрики и заводы разоряют мелких кустарей и крестьян, превращая их в наемных рабочих. Мелкое производство повсюду заменяется крупным, и в этом крупном производстве массы рабочих уже простые наемники, работающие за заработную плату на капиталиста, который владеет громадными капиталами, строит громадные мастерские, закупает массы материала и кладет себе в карман всю прибыль этого массового производства объединенных рабочих. Производство стало капиталистическое и оно давит беспощадно и безжалостно всех мелких хозяев, разрушая их неподвижную жизнь в деревнях, заставляя их простыми чернорабочими ходить из конца в конец всей страны, продавая свой труд капиталу. Все бо́льшая и бо́льшая часть населения окончательно отрывается от деревни и от сельского хозяйства и собирается в города, фабричные и промышленные села и местечки, образуя особый класс людей, не имеющих никакой собственности, класс наемных рабочих-пролетариев, живущих только продажей своей рабочей силы.

Вот в чем состоят те громадные изменения в жизни страны, которые произведены крупными фабриками и заводами: мелкое производство заменяется крупным, мелкие хозяева превращаются в наемных рабочих. Что же означает эта перемена для всего трудящегося народа и к чему она ведет? Об этом и говорит дальше программа.

А 2. Замена мелкого производства крупным сопровождается заменой мелких денежных средств в руках отдельного хозяина — громадными капиталами, заменой мелких, ничтожных барышей — миллионными барышами. Поэтому рост капитализма ведет повсюду к росту роскоши и богатства. В России создался целый класс крупных денежных тузов, фабрикантов, железнодорожников, купцов, банкиров, создался целый класс людей, живущих доходами с денежных капиталов, отдаваемых под проценты промышленникам; обогатились крупные землевладельцы, получая

с крестьян много выкупа за землю, пользуясь их нуждой в земле для превышения цен на отдаваемую в аренду землю, заводя в своих имениях крупные свеклосахарные и винокуренные заводы. Роскошь и мотовство во всех этих классах богачей достигли небывалых размеров, и парадные улицы больших городов застроились их княжескими палатами и роскошными замками. Но положение рабочего по мере роста капитализма все ухудшалось. Заработки если и увеличились кое-где после освобождения крестьян, то очень немного и ненадолго, потому что масса приливающего из деревни голодного народа сбивала цены, а между тем съестные и жизненные припасы все дорожали, так что даже при увеличившейся плате рабочим приходилось получать меньше средств к жизни; заработок найти становилось все труднее и труднее, и рядом с роскошными палатами богачей (или на окраинах городов) росли лачуги рабочих, принужденных жить в подвалах, в переполненных сырых и холодных квартирах, а не то и прямо в землянках около новых промышленных заведений. Капитал, становясь все крупнее, сильнее давил на рабочих, превращая их в нищих, принуждая отдавать все свое время фабрике, загоняя на работу жен и детей рабочих. Таким образом, вот в чем состоит первая перемена, к которой ведет рост капитализма: громадные богатства скопляются в руках небольшой кучки капиталистов, а массы народа превращаются в нищих.

Вторая перемена состоит в том, что замена мелкого производства крупным повела ко многим улучшениям в производстве. Прежде всего на место труда по одиночке, порознь в каждой маленькой мастерской, у каждого мелкого хозяина отдельно, стала работа соединенных рабочих, трудящихся вместе на одной фабрике, у одного землевладельца, у одного подрядчика. Совместный труд гораздо успешнее (производительнее) одиночного и дает возможность производить товары гораздо легче и скорее. Но всеми этими улучшениями пользуется один капиталист, который платит рабочим их же гроши и даром присваивает всю выгоду от соединенного труда рабочих. Капиталист оказывается еще сильнее, рабочий еще слабее, потому что он привыкает к одной какой-нибудь работе и ему труднее перейти на другое дело, переменить занятие.

Другим, гораздо более важным улучшением в производстве являются *машины,* которые вводит капиталист. Успешность труда увеличивается во много раз от употребления машин; но капиталист обращает всю эту выгоду против рабочих: пользуясь тем, что машины требуют меньшего физического труда, он ставит к ним женщин и детей, платя им меньшую плату. Пользуясь тем, что при машинах нужно гораздо меньше рабочих, он выталкивает их массами с фабрики и пользуется этой безработицей, чтобы еще сильнее поработить рабочего, чтобы увеличить рабочий

день, чтобы отнять у рабочего ночной отдых и превратить его в простой придаток машины. Безработица, созданная машинами и постоянно увеличивающаяся, ведет теперь к полной беззащитности рабочего. Его искусство теряет цену, он легко заменяется простым чернорабочим, быстро привыкающим к машине и охотно идущим работать за меньшую плату. Всякая попытка отстоять себя от еще большего давления капитала ведет к расчету. По одиночке рабочий оказывается совершенно бессильным перед капиталом, машина грозит задавить его.

А 3. Мы показали в объяснении к предыдущему пункту, что рабочий в одиночку оказывается бессильным и беззащитным перед капиталистом, вводящим машины. Рабочему приходится во что бы то ни стало искать средств дать отпор капиталисту, чтобы отстоять себя. И такое средство они находят в *соединении.* Бессильный в одиночку, рабочий становится силой в соединении с своими товарищами, получает возможность бороться против капиталиста и дать ему отпор.

Соединение становится необходимостью для рабочего, против которого стоит уже крупный капитал. Но возможно ли соединить массу стороннего друг другу сбродного народа, работающего хотя бы и на одной фабрике? Программа указывает те условия, которые подготовляют рабочих к соединению и развивают в них способности и умение соединяться. Эти условия следующие: 1) крупная фабрика с машинным производством, требующим постоянной работы круглый год, совершенно разрывает связь рабочего с землей и с собственным хозяйством, делая его полным пролетарием. А собственное хозяйство на кусочке земли разъединяло рабочих, давало каждому из них некоторый особый интерес, отдельный от интересов товарища, и таким образом препятствовало их объединению. Разрыв рабочего с землей разрывает эти препятствия. 2) Далее, совместная работа сотен и тысяч рабочих сама собой приучает рабочих к совместному обсуждению своих нужд, к совместному действию, наглядно показывая одинаковость положения и интересов всей массы рабочих. 3) Наконец, постоянные перебрасывания рабочих с фабрики на фабрику приучают их сличать условия и порядки на разных фабриках, сравнивать их, убеждаться в одинаковости эксплуатации на всех фабриках, заимствовать опыт других рабочих в их столкновениях с капиталистом и таким образом усиливают сплочение, солидарность рабочих. Вот эти-то условия, вместе взятые, и повели к тому, что появление на свет крупных фабрик и заводов вызвало соединение рабочих. Среди русских рабочих это соединение выражается чаще всего и сильнее всего в стачках (о том, почему нашим рабочим недоступно соединение в форме союзов или касс, мы будем говорить позже). Чем сильнее развиваются крупные фабрики и заводы, тем чаще, сильнее и упор-

нее становятся рабочие стачки, потому что чем сильнее гнет капитализма, тем более необходим совместный отпор рабочих. Стачки и отдельные восстания рабочих, как говорит программа, составляют в настоящее время самое распространенное явление на русских фабриках. Но, по мере дальнейшего роста капитализма и учащения стачек, они оказываются недостаточными. Фабриканты принимают против них общие меры: они заключают между собой союз, они выписывают рабочих из других мест, они обращаются за содействием к государственной власти, которая помогает им подавлять сопротивление рабочих. Против рабочих стоит уже не один отдельный фабрикант каждой отдельной фабрики, против них стоит *весь класс капиталистов* с помогающим ему правительством. Весь *класс капиталистов* вступает в борьбу со всем *классом рабочих,* изыскивая общие меры против стачек, добиваясь от правительства законов против рабочих, перенося фабрики и заводы в более глухие местности, прибегая к раздаче работы на дом и к тысяче всяких других уловок и ухищрений против рабочих. Соединение рабочих отдельной фабрики, даже отдельной отрасли промышленности оказывается недостаточным для отпора всему классу капиталистов, становится безусловно необходимым совместное действие *всего класса рабочих.* Таким образом, из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба всего рабочего класса. Борьба рабочих с фабрикантами превращается в *классовую борьбу.* Всех фабрикантов соединяет один интерес — держать рабочих в подчинении и платить им как можно меньше рабочей платы. И фабриканты видят, что им не отстоять своего дела иначе, как при совместном действии всего класса фабрикантов, иначе, как приобретая влияние на государственную власть. Рабочих точно также связывает один общий интерес — не дать капиталу задавить себя, отстоять свое право на жизнь и на человеческое существование. И рабочие точно также убеждаются, что и им необходимо объединение, совместное действие всего класса — рабочего класса — и что для этого необходимо добиться влияния на государственную власть.

А 4. Мы объяснили, каким образом и почему борьба фабричных рабочих с фабрикантами становится классовой борьбой, борьбой рабочего класса — пролетариев — с классом капиталистов — буржуазией. Спрашивается, какое значение для всего народа и всех трудящихся имеет эта борьба? При современных условиях, о которых мы говорили уже в объяснении к 1 пункту, производство посредством наемных рабочих все более и более вытесняет мелкое хозяйство. Число людей, *живущих наемным трудом,* быстро увеличивается и не только увеличивается число постоянных фабричных рабочих, но еще более увеличивается число крестьян, которые должны искать себе той же наемной работы, чтобы прокормиться. В настоящее время работа по

найму, работа на капиталиста стала уже самой распространенной формой работы. Господство капитала над трудом охватило массу населения не только в промышленности, но и в земледелии. Вот эту-то эксплуатацию наемного труда, которая лежит в основании современного общества, крупные фабрики доводят до высшей степени развития. Все приемы эксплуатации, которые употребляются всеми капиталистами во всех отраслях промышленности, от которых страдает вся масса рабочего населения России — здесь, на фабрике, собираются вместе, усиливаются, делаются постоянным правилом, распространяются на все стороны труда, жизни рабочего, создают целый распорядок, целую систему выжимания соков из рабочего капиталистом. Поясним это примером: везде и всегда каждый, нанимающийся на работу, отдыхает, оставляет работу в праздник, если его празднуют в окрестности. Совсем другое дело на фабрике: нанимая работника, фабрика распоряжается уже им как ей угодно, не обращая никакого внимания на привычки рабочего, на обычный образ жизни, на его семейное положение, на умственные потребности. Фабрика гонит его на работу тогда, когда ей это нужно, заставляя пригонять к ее требованиям всю свою жизнь, заставляя разрывать на части свой отдых, при работе сменами заставляя работать [и] ночью, [и] в праздник. Все злоупотребления, какие можно себе представить относительно рабочего времени, фабрика пускает в ход, а вместе с тем вводит свои «правила», свои «порядки», обязательные для каждого рабочего. Фабричный порядок оказывается нарочно подогнанным так, чтобы выжать из нанятого рабочего все то количество труда, какое он может дать, выжать как можно скорее и затем выбросить его долой! Другой пример. Всякий, нанимающийся на работу, обязывается, конечно, подчиняться хозяину, исполнять то, что ему прикажут. Но, обязываясь исполнять временную работу, нанимающийся вовсе не отказывается от своей воли; находя неправильным или чрезмерным требование хозяина, он уходит от него. Фабрика же требует, чтобы рабочий отказался совершенно от своей воли; она заводит у себя дисциплину, заставляет рабочего по звонку вставать на работу и прекращать ее, она присваивает себе право самой наказывать рабочего и за каждое нарушение ею же составленных правил подвергает его штрафу или вычету. Рабочий становится частью громадного машинного аппарата: он должен быть так же беспрекословен, порабощен, лишен собственной воли, как и сама машина.

Еще 3-й пример. Всякий, нанимающийся на работу, сплошь и рядом оказывается недовольным хозяином, обращается с жалобой на него в суд или к начальнику. И начальник и суд решают спор обыкновенно в пользу хозяина, держат его руку, но это потворство хозяйским интересам основывается не на общем прави[е или] законе, а на услужливости отдельных чиновников,

которые иногда больше защищают, иногда меньше, которые решают дело несправедливо в пользу хозяина или по знакомству с хозяином, или по незнанию условий работы и неумению понять рабочего. Каждый отдельный случай такой несправедливости зависит от каждого отдельного столкновения рабочего с хозяином, от каждого отдельного чиновника. Фабрика же соединяет вместе такую массу рабочих, доводит притеснения до такой степени, что становится невозможным [разбирать] особо каждый случай. Создаются общие правила, составляется закон об отношениях рабочих к фабрикантам, закон, обязательный для всех. И в этом законе потворство интересам хозяина закрепляется уже государственною властью. На место несправедливости отдельных чиновников становится несправедливость самого закона. Появляются, напр., такие правила, что рабочий за прогул не только теряет заработок, но платит еще штраф, а хозяин, посылая гулять рабочего, ничего не платит ему; что хозяин может рассчитать рабочего за грубость, а рабочий не может по той же причине уйти от него; что хозяин в праве налагать штрафы, вычет или требовать сверхурочной работы и т. п.

Все эти примеры показывают нам, каким образом фабрика усиливает эксплуатацию рабочих и делает эту эксплуатацию всеобщей, делает из нее целый *«порядок»*. Рабочему волей-неволей приходится уже теперь иметь дело не с отдельным хозяином и его волей и притеснением, а с произволом и притеснением всего класса хозяев. Рабочий видит, что его угнетатели не какой-нибудь один капиталист, а весь класс капиталистов, потому что у всех заведений одинаковый порядок эксплуатации; отдельному капиталисту нельзя даже отступить от этого порядка: если бы он вздумал, напр., сократить рабочее время, ему обошлись бы дороже товары, чем его соседу, другому фабриканту, который заставляет рабочего за ту же плату работать дольше. Чтобы добиться улучшения своего положения, рабочему приходится теперь иметь дело с целым общественным устройством, направленным к эксплуатации труда капиталом. Против рабочего стоит уже не отдельная несправедливость одного какого-либо чиновника, а несправедливость самой государственной власти, которая берет под свою защиту весь класс капиталистов и издает обязательные для всех законы в пользу этого класса. Таким образом борьба фабричных рабочих с фабрикантами неизбежно превращается в борьбу против всего класса капиталистов, против всего общественного устройства, основанного на эксплуатации труда капиталом. Поэтому борьба рабочих и приобретает общественное значение, становится борьбой от лица всех трудящихся против всех классов, живущих чужим трудом. Поэтому борьба рабочих открывает собою новую эпоху русской истории и является зарей освобождения рабочих.

На чем же держится господство класса капиталистов над всей массой рабочего люда? На том, что в руках капиталистов, в их частной собственности находятся все фабрики, заводы, рудники, машины, орудия труда; на том, что в их руках громадные количества земли (из всей земли Евр. России более $^1/_3$ принадлежит землевладельцам, число которых не составляет полумиллиона). Рабочие, сами не имея никаких орудий труда и материалов, должны продавать свою рабочую силу капиталистам, которые платят рабочим только то, что необходимо на содержание их, и весь излишек, производимый трудом, кладут себе в карман; они уплачивают таким образом только часть потребленного им на работу времени и присваивают себе остальную часть. Все увеличение богатства, происходящее от соединенного труда массы рабочих или улучшений в производстве, достается классу капиталистов, и рабочие, трудясь из поколения в поколение, остаются такими же неимущими пролетариями. Поэтому есть только одно средство положить конец эксплуатации труда капиталом, именно: уничтожить частную собственность на орудия труда, передать все фабрики, заводы, рудники, а также все крупные имения и т. п. в руки всего общества и вести общее социалистическое производство, направляемое самими рабочими. Продукты, производимые общим трудом, будут тогда итти в пользу самих трудящихся, а производимый ими излишек над их содержанием будет служить для удовлетворения потребностей самих рабочих для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства. В программе и указано поэтому, что только этим может окончиться борьба рабочего класса с капиталистами. А для этого необходимо, чтобы политическая власть, т.-е. власть управления государством из рук правительства, находящегося под влиянием капиталистов и землевладельцев, или из рук правительства, состоящего прямо из выборных представителей капиталистов, перешла в руки рабочего класса.

Такова конечная цель борьбы рабочего класса, таково условие его полного освобождения. К этой конечной цели должны стремиться сознательные, объединенные рабочие; но у нас в России они встречают еще огромные препятствия, мешающие им вести борьбу за свое освобождение.

А 5. Борьбу с господством класса капиталистов ведут в настоящее время уже рабочие всех европейских стран, а также рабочие Америки и Австралии. Соединение и сплочение рабочего класса не ограничивается пределами одной страны или одной национальности: рабочие партии разных государств громко заявляют о полной одинаковости (солидарности) интересов и целей рабочих всего мира. Они собираются вместе на общие конгрессы, выставляют общие требования к классу капиталистов всех стран,

учреждают международный праздник всего объединенного, стремящегося к своему освобождению, пролетариата (1 мая), сплачивают рабочий класс всех национальностей и всех стран в одну великую рабочую армию. Это объединение рабочих всех стран вызывается необходимостью, тем, что класс капиталистов, господствующий над рабочими, не ограничивает своего господства одной страной. Торговые связи между различными государствами становятся все теснее и обширнее; капитал переходит постоянно из одной страны в другую. Банки, эти громадные склады капиталов, собирающие его отовсюду и распр[еделяющие его] в ссуду капиталистам, становятся из национальных международными, собирают капиталы из всех стран, распределяют их капиталистам Европы и Америки. Громадные акционерные компании устраиваются уже для заведения капиталистических предприятий не в одной стране, а в нескольких сразу; появляются международные общества капиталистов. Господство капитала международно. Вот почему и борьба рабочих всех стран за освобождение имеет успех лишь при совместной борьбе рабочих против международного капитала. Вот почему товарищем русского рабочего в борьбе против класса капиталистов является и рабочий немец, и рабочий поляк, и рабочий француз, точно так же, как врагом его являются капиталисты и русские, и польские, и французские. Так, в последнее время иностранные капиталисты особенно охотно переносят свои капиталы в Россию, строят в России отделения своих фабрик и заводов и основывают [общества] для новых предприятий в России. Они жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде, в которой они находят рабочих менее объединенных, менее способных к отпору, чем на Западе, в которой жизненный уровень рабочих, а потому и их заработная плата гораздо ниже, так что иностранные капиталисты могут получать громадные, неслыханные у себя на родине, барыши. Международный капитал протянул уже свою руку и на Россию. Русские рабочие протягивают руки международному рабочему движению.

А 6. Мы говорили уже о том, как крупные фабрики и заводы доводят до высшей степени гнет капитала над трудом, как они создают целую систему приемов эксплуатации; как рабочие, восставая против капитала, неизбежно приходят к необходимости объединения всех рабочих, к необходимости совместной борьбы всего рабочего класса. В этой борьбе против класса капиталистов рабочие сталкиваются с общими государственными законами, которые берут под свою охрану капиталистов и их интересы.

Но ведь, если рабочие, соединяясь вместе, оказываются в силах вынуждать уступки капиталистов, давать им отпор, то

рабочие могли бы точно также своим объединением влиять на государственные законы, добиваться их изменения. Так и поступают рабочие всех других стран, но русские рабочие не могут прямо влиять на государство. Рабочие поставлены в России в такие условия, при которых они лишены самых простых гражданских прав. Они не смеют ни собираться, ни обсуждать своих дел совместно, ни устраивать союзов, ни печатать свои заявления, другими словами—государственные законы не только составлены в интересах класса капиталистов, но они прямо лишают рабочих всякой возможности влиять на эти законы и добиться их изменения. Происходит это оттого, что в России (и только в одной России из всех европейских государств) сохраняется до сих пор неограниченная власть самодержавного правительства, то-есть такое государственное устройство, при котором издавать законы, обязательные для всего народа, может один только царь по своему усмотрению, а исполнять эти законы могут одни только чиновники, назначаемые им. Граждане лишены всякого участия в издании законов, обсуждении их, предложении новых, требовании отмены старых. Они лишены всякого права требовать отчета от чиновников, проверять их действия, обвинять пред судом. Граждане лишены даже права обсуждать государственные дела: они не смеют устраивать собрания или союзы без разрешения тех же чиновников. Чиновники являются таким образом в полном смысле слова безответственными; они составляют как бы особую касту, поставленную над гражданами. Безответственность и произвол чиновников и полная безгласность самого населения порождают такие вопиющие злоупотребления власти чиновников и такое нарушение прав простого народа, какое едва ли возможно в любой европейской стране.

Таким образом, по закону русское правительство является совершенно неограниченным, оно считается как бы совершенно независимым от народа, стоящим выше всех сословий и классов. Но если бы это было действительно так, отчего бы и закон и правительство во всех столкновениях рабочих с капиталистами становились на сторону капиталистов? Отчего бы капиталисты встречали все больше поддержки по мере того, как увеличивается их число и растет их богатство,—а рабочие встречали все более и более сопротивлений и стеснений?

На самом деле правительство не стоит выше классов и берет под свою защиту один класс против другого, берет под свою защиту класс имущих против неимущих, капиталистов против рабочих. Неограниченное правительство не могло бы и управлять таким громадным государством, если бы оно не оказывало всяческих льгот и поблажек имущим классам.

Хотя по закону правительство является неограниченной и независимой властью, но на деле капиталисты и землевладельцы

имеют тысячи способов влиять на правительство и на государственные дела. У них есть свои, законом признанные, сословные учреждения, дворянские и купеческие общества, комитеты торговли и мануфактуры и т. п. Выборные представители их или прямо становятся чиновниками и принимают участие в управлении государством (напр., предводители дворянства) или приглашаются в качестве членов во все правительственные учреждения: напр., фабриканты по закону заседают в фабричных присутствиях (это — начальство над фабричной инспекцией), выбирая туда своих представителей. Но этим прямым участием в управлении государством они не ограничиваются. В своих обществах они обсуждают государственные законы, вырабатывают проекты, и правительство по каждому поводу спрашивает обыкновенно их мнение, оно предлагает им какой-нибудь проект и просит сделать на него замечания.

Капиталисты и землевладельцы устраивают общерусские съезды, на которых обсуждают свои дела, изыскивая разные мероприятия на пользу своего класса, заявляют от лица всех дворян-помещиков, от «всероссийского купечества» ходатайства об издании новых законов и изменении старых. Свои дела они могут обсуждать в газетах, ибо как ни стесняет правительство печать своей цензурой, но отнять у имущих классов право обсуждать свои дела оно и думать не смеет. Они имеют всяческие ходы и доступы к высшим представителям государственной власти и легче могут обсуждать произвол низших чиновников, легко могут добиться отмены особенно стеснительных законов и правил. И если ни в одной стране в мире нет такого множества законов и правил, такой беспримерной полицейской опеки правительства, предусматривающей всякие мелочи и обессиливающей всякое живое дело — то ни в одной стране в мире не нарушаются так легко эти буржуазные правила и так легко не обходят эти полицейские законы по одному милостивому соизволению высшего начальства. А в этом милостивом соизволении никогда не отказывают *).

Б 1. Этот пункт программы самый важный, самый главный, потому что он указывает, в чем должна состоять деятельность партии, защищающей интересы рабочего класса и деятельность всех сознательных рабочих. Он указывает, каким образом стремления социализма, стремления устранить вечную эксплуатацию человека человеком должны быть соединены с тем народным движением, которое нарождается условиями жизни, созданными крупными фабриками и заводами.

---

*) Гектографированная тетрадь содержит здесь слова: «[*пропуск I*] владычество безответств. чиновников, чем всякого вмешательства общества в правит. дела, чем охотнее представляет оно возможность [**пропуск II*]». *Ред.*

Деятельность партии должна состоять в содействии классовой борьбе рабочих. Задача партии состоит не в том, чтобы сочинить из головы какие-либо модные средства помощи рабочим, а в том, чтобы примкнуть к движению рабочих, внести в него свет, помочь рабочим в этой борьбе, которую они уже сами начали вести. Задача партии защищать интересы рабочих и представлять интересы всего рабочего движения. В чем же должна проявляться помощь рабочим в их борьбе?

Программа говорит, что эта помощь должна состоять, во-1-х, в развитии классового самосознания рабочих. О том, как борьба рабочих с фабрикантами становится классовой борьбой пролетариата с буржуазией — мы уже говорили.

Из сказанного нами тогда вытекает, что́ надо разуметь под классовым самосознанием рабочих. Классовое самосознание рабочих есть понимание рабочими того, что единственное средство улучшить свое положение и добиться своего освобождения заключается в борьбе с классом капиталистов и фабрикантов, которые созданы крупными фабриками и заводами. Далее, самосознание рабочих означает понимание того, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, солидарны, что они все составляют один класс, отдельный от всех остальных классов общества. Наконец, классовое самосознание рабочих означает понимание рабочими того, что для достижения своих целей рабочим необходимо добиваться влияния на государственные дела, как добились и продолжают добиваться землевладельцы и капиталисты.

Каким же путем приобретают рабочие понимание всего этого? Рабочие приобретают его, постоянно почерпая его из той самой борьбы, которую они начинают вести с фабрикантами и которая все больше и больше развивается, становится резче, втягивает большее число рабочих по мере развития крупных фабрик и заводов. Было время, когда вражда рабочих против капитала выражалась только в смутном чувстве ненависти против своих эксплуататоров, в смутном сознании своего угнетения и рабства и в желании *отомстить* капиталистам. Борьба выражалась тогда в отдельных восстаниях рабочих, которые разрушали здания, ломали машины, били фабричное начальство и т. п. Это была *первая,* начальная форма рабочего движения, и она была необходима потому, что ненависть к капиталисту всегда и везде являлась первым толчком к пробуждению в рабочих стремления к защите себя. Но из этой первоначальной формы русское рабочее движение уже выросло. Вместо смутной ненависти к капиталисту рабочие стали уже понимать враждебность интересов класса рабочих и класса капиталистов. Вместо неясного чувства угнетения они стали уже разбирать, *чем именно и как именно* давит их капитал, и восстают против той или другой

формы угнетения, ставя предел давлению капитала, защищая себя от алчности капиталиста. Вместо мести капиталистам они переходят теперь к борьбе за уступки, они начинают выставлять одно требование за другим к классу капиталистов и требуют себе улучшения условия работы, повышения платы, сохранения рабочего дня. Каждая стачка сосредоточивает все внимание и все усилия рабочих то на одном, то на другом условии, в которые поставлен рабочий класс. Каждая стачка вызывает обсуждение этих условий, помогает рабочим оценить их, разобраться, в чем состоит тут давление капитала, какими средствами можно бороться против этого давления. Каждая стачка обогащает опыт всего рабочего класса. Если стачка удачна, она показывает ему силу объединения рабочих и побуждает других воспользоваться успехом товарищей. Если она неудачна, она вызывает обсуждение причин неуспеха и изыскание лучших приемов борьбы. В этом начавшемся теперь повсюду в России переходе рабочих к неуклонной борьбе за свои насущные нужды, борьбе за уступки, за лучшие условия жизни, заработка и рабочего дня, заключается громадный шаг вперед, сделанный русскими рабочими, и на эту борьбу, на содействие ей должно быть обращено поэтому главное внимание с.-д. партии и всех сознательных рабочих. Помощь рабочим должна состоять в указании тех наиболее насущных нужд, на удовлетворение которых должна итти борьба, в разборе тех причин, которые особенно ухудшают положение тех или других рабочих, в разъяснении фабричных законов и правил, нарушение которых (и обманные уловки капиталистов) так часто подвергает рабочих двойному грабежу. Помощь должна состоять в том, чтобы точнее и определеннее выразить требования рабочих и публично выставить их, в том, чтобы выбрать наилучший момент для сопротивления, в том, чтобы выбрать способ борьбы, обсудить положение и силы обеих борющихся сторон, обсудить, нельзя ли избрать еще лучшего способа борьбы (прием вроде, может быть, письма к фабриканту, или обращения к инспектору, или к врачу, смотря по обстоятельствам, если не следует прямо перейти к стачке и т. д.).

Мы сказали, что переход русских рабочих к такой борьбе указывает на сделанный ими громадный шаг вперед. Эта борьба ставит (выводит) рабочее движение на прямую дорогу и служит верным залогом его дальнейшего успеха. На этой борьбе массы рабочего люда учатся, во-1-х, распознавать и разбирать один за другим приемы капиталистической эксплуатации, соображать их и с законом, и с своими жизненными условиями, и с интересами класса капиталистов. Разбирая отдельные формы и случаи эксплуатации, рабочие научаются понимать значение и сущность эксплуатации в ее целом, научаются понимать тот общественный строй, который основан на эксплуатации труда капиталом. Во-2-х, на

этой борьбе рабочие пробуют свои силы, учатся объединению, учатся понимать необходимость и значение его. Расширение этой борьбы и учащение столкновений ведет неизбежно к расширению борьбы, к развитию чувства единства, чувства своей солидарности сначала среди рабочих данной местности, затем среди рабочих всей страны, среди всего рабочего класса. В-3-х, эта борьба развивает политическое сознание рабочих. Масса рабочего люда поставлена условиями самой жизни в такое положение, что они (не могут) не имеют ни досуга, ни возможности раздумывать о каких-нибудь государственных вопросах. Но борьба рабочих с фабрикантами за их повседневные нужды сама собой и неизбежно наталкивает рабочих на вопросы государственные, политические, на вопросы о том, как управляется русское государство, как издаются законы и правила и чьим интересам они служат. Каждое фабричное столкновение необходимо приводит рабочих к столкновению с законами и представителями государственной власти. Рабочие слушают тут впервые «политические речи». Сначала хотя бы от фабричных инспекторов, разъясняющих им, что уловка, посредством которой их дожал фабрикант, основана на точном смысле правил, утвержденных надлежащей властью и оставляющих на произвол фабриканта дожимать рабочих, или что притеснения фабриканта вполне законны, потому что фабрикант пользуется только своим правом, опирается вот на такой-то закон, утвержденный государственной властью и охраняемый ею. К политическим объяснениям гг. инспекторов прибавляются иногда еще более полезные «политические объяснения» г. министра, напоминающего рабочим о чувствах «христианской любви», которой они обязаны фабрикантам за то, что фабриканты наживают миллионы на счет труда рабочих. После к этим объяснениям представителей государственной власти и к непосредственному знакомству рабочих с тем, в чью пользу эта власть действует, присоединяются еще листки или другие объяснения социалистов, так что рабочие вполне уже получают на такой стачке свое политическое воспитание. Они учатся понимать не только особые интересы рабочего класса, но и особое место, занимаемое рабочим классом в государстве. Итак, вот в чем должна состоять та *помощь*, которую может оказать с.-д. партия классовой борьбе рабочих: в развитии классового самосознания рабочих посредством содействия им в борьбе за свои наиболее насущные нужды.

Вторая *помощь* должна состоять, как говорится в программе, в содействии организации рабочих. Та борьба, которую мы сейчас описали, требует необходимо организации рабочих. Организация становится необходимой и для стачки, чтобы успешнее вести ее, и для сборов в пользу стачечников, и для устройства рабочих касс, и для агитации среди рабочих, распространения

среди них листков или объявлений, воззваний и т. п. Еще более необходима организация, чтобы защитить себя от преследования полиции и жандармерии, чтобы скрыть от них все соединения рабочих, все их сношения, чтобы устроить им доставку книг, брошюр, газет и т. д. Помощь во всем этом — такова вторая задача партии.

Третья состоит в указании настоящей цели борьбы, т. е. в разъяснении рабочим того, в чем состоит эксплуатация труда капиталом, на чем она держится, каким образом частная собственность на землю и орудия труда ведет к нищенству рабочих масс, заставляет их продавать свой труд капиталистам и отдавать им даром весь излишек, производимый трудом рабочего сверх его содержания, в разъяснении, далее, того, как эта эксплуатация неизбежно ведет к классовой борьбе рабочих с капиталистами, каковы условия этой борьбы и ее конечные цели — одним словом, в разъяснении того, что вкратце указано было в этой программе.

Б 2. Что это значит, что борьба рабочего класса есть борьба политическая? Это значит, что рабочий класс не может вести борьбу за свое освобождение, не добиваясь влияния на государственные дела, на управление государством, на издание законов. Необходимость этого влияния давно уже поняли русские капиталисты, и мы показали, каким образом они, несмотря на всяческие запрещения полицейских законов, сумели найти себе тысячи способов влияния на государственную власть, и как эта власть служит интересам класса капиталистов. Отсюда само собой следует, что и рабочему классу невозможно вести своей борьбы, невозможно даже добиться постоянного улучшения своей участи помимо влияния на государственную власть.

Мы уже говорили, что борьба рабочих с капиталистами неизбежно приведет их к столкновению с правительством, и правительство само изо всех сил старается доказать рабочим, что только борьбой и соединенным сопротивлением они могут повлиять на государственную власть. Особенно наглядно показывают это те крупные стачки, которые были в России в 1885—6 г.г. Правительство сейчас же занялось правилами о рабочих, тотчас же издало новые законы о фабричных порядках, уступив настоятельным требованиям рабочих (напр., введены были правила по ограничению штрафов и о правильной расплате), точно также и теперешние (96 г.) стачки опять-таки вызвали немедленно участие правительства, и правительство уже поняло, что ему нельзя ограничиться арестами и высылками, что смешно потчевать рабочих глупыми наставлениями о благородстве фабрикантов (см. циркуляр министра финансов Витте к фабричным инспекторам. Весна 96 г.) [72]). Правительство увидело, что «соединенные рабочие представляют из себя силу, с которой приходится

считаться», и вот оно предприняло уже пересмотр фабричных законов и созывает в С. П. Б. съезд старших фабричных инспекторов, чтобы обсудить вопрос о сокращении рабочего дня и о других неизбежных уступках рабочим.

Таким образом мы видим, что борьба рабочего класса с классом капиталистов необходимо должна быть борьбой политической. Эта борьба, действительно, оказывает уже теперь влияние на государственную власть, приобретает политическое значение. Но чем дальше развивается рабочее движение, тем яснее, резче выступает и чувствуется полная политическая бесправность рабочих, о которой мы говорили раньше, полная невозможность для рабочих открытого и прямого влияния на государственную власть. Поэтому самым насущным требованием рабочих и первой задачей влияния рабочего класса на государственные дела должно быть *достижение политической свободы*, т.-е. прямого, обеспеченного законами (конституцией) участия всех граждан в управлении государством, обеспечение за всеми гражданами права свободно собираться, обсуждать свои дела, влиять на государственные дела союзами и печатью. Достижение политической свободы становится «*насущным делом рабочих*», потому что без нее рабочие не имеют и не могут иметь никакого влияния на государственные дела и таким образом неизбежно остаются бесправным, униженным, бесcловесным классом. И если даже теперь, когда борьба рабочих и сплочение их только еще начинается, правительство спешит уже сделать уступки рабочим, чтобы остановить дальнейший рост движения, то нет сомнения, что когда рабочие сплотятся и объединятся под руководством одной политической партии, они сумеют заставить правительство сдаться, сумеют завоевать себе и всему русскому народу политическую свободу!

В предыдущих частях программы было указано, какое место занимает рабочий класс в современном обществе и современном государстве, какова цель борьбы рабочего класса и в чем состоит задача партии, представляющей интересы рабочих. При неограниченной власти правительства в России нет и не может быть явных политических партий, но есть политические направления, выражающие интересы других классов и оказывающие влияние на общественное мнение и на правительство. Поэтому, чтобы выяснить положение с.-д. партии, необходимо теперь указать отношение ее к остальным политическим направлениям в русском обществе, чтобы рабочие определили то, кто может быть их союзником, до каких пределов и кто их враг. Это и указывается в 2-х следующих пунктах программы.

Б 3. Программа объявляет, что союзниками рабочих являются, во-1-х, все те слои общества, которые выступают против неограниченной власти самодержавного правительства. Так как

эта неограниченная власть есть главное препятствие в борьбе рабочих за свое освобождение, то отсюда само собою следует, что прямой интерес рабочих требует поддержки всякого общественного движения против абсолютизма (абсолютный — значит неограниченный; абсолютизм — неограниченная власть правительства). Чем сильнее развивается капитализм, тем глубже становятся противоречия между этим чиновничьим управлением и интересами самих имущих классов, интересами буржуазии. И с.-д. партия объявляет, что она будет поддерживать все слои и разряды буржуазии, выступающие против неограниченного правительства.

Для рабочих бесконечно выгоднее *прямое влияние* буржуазии на государственные дела, чем теперешнее ее влияние через посредство оравы продажных и бесчинствующих чиновников. Для рабочих гораздо выгоднее *открытое* влияние буржуазии на политику, чем теперешнее *прикрытое*, якобы всесильным «независимым» правительством, которое пишется «Божьей милостью» и раздает «свои милости» страждущим и трудолюбивым землевладельцам и бедствующим и угнетенным фабрикантам. Рабочим нужна *открытая борьба* с классом капиталистов, чтобы весь русский пролетариат мог видеть, за какие интересы ведут борьбу рабочие, мог учиться, как следует вести борьбу, чтобы происки и стремления буржуазии не прятались в прихожих великих князей, в гостиных сенаторов и министров, в закрытых от всех департаментских канцеляриях, чтобы они выступили наружу и раскрыли глаза всем и каждому на то, кто на самом деле внушает правительственную политику и к чему стремятся капиталисты и землевладельцы. Поэтому долой все, что прикрывает теперешнее влияние класса капиталистов, поэтому поддержка всех и всяких представителей буржуазии, *выступающих* против чиновничества, чиновничьего управления, против неограниченного правительства! Но, объявляя о своей поддержке всякого общественного движения против абсолютизма, с.-д. партия признает, что она не отделяет себя от рабочего движения, потому что у рабочего класса свои особые интересы, противоположные интересам всех других классов. Оказывая поддержку всем представителям буржуазии в борьбе за политическую свободу, рабочие должны помнить, что имущие классы могут лишь временно быть их союзниками, что интересы рабочих и капиталистов не могут быть примирены, что устранение неограниченной власти правительства нужно рабочим лишь для того, чтобы открыто и широко повести свою борьбу с классом капиталистов.

Далее с.-д. партия объявляет, что будет оказывать поддержку всем восстающим против класса привилегированных дворян-землевладельцев. Дворяне-помещики считаются в России первым сословием в государстве. Остатки их крепостной власти над крестьянами до сих пор угнетают массу народа. Крестьяне остаются

еще прикрепленными к земле, чтобы господа помещики не могли *) испытывать недостаток в дешевых и покорных батраках. Крестьяне до сих пор как бесправные и несовершеннолетние отданы на произвол чиновников, оберегающих чиновничий карман, вмешивающихся в крестьянскую жизнь, чтобы крестьяне «исправно» платили выкупы или оброки крепостникам-помещикам, чтобы они не смели «уклоняться» от работы на помещиков, не смели, например, переселяться и этим заставить, пожалуй, помещиков нанимать рабочих со стороны, не таких дешевых и не так задавленных нуждой. Закабаляя миллионы и десятки миллионов крестьян в службу себе и поддерживая их бесправность, гг. помещики пользуются за эту доблесть высшими государственными привилегиями. Дворянами-землевладельцами замещаются главным образом высшие государственные должности (да и по закону дворянское сословие пользуется наибольшим правом на государственную службу); знатные помещики стоят ближе ко двору и прямее и легче всех склоняют на свою сторону политику правительства. Они пользуются своей близостью к правительству, чтобы грабить государственную казну и получать из народных денег подарки и подачки в миллионах рублей, то в виде крупных поместий, раздаваемых за службу, то в виде «уступок» **).

---

*) Гектографированная копия содержит здесь заключенную в квадратные скобки фразу: «[крестьяне продолжают платить выкуп за освобождение из-под власти]». *Ред.*

**) На этом кончается имеющаяся в нашем распоряжении гектографированная копия. *Ред.*

ПРОКЛАМАЦИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА» [73])

1895 — 1896 г.г.

Группа «стариков», основателей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».
Сидят: В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов.
Стоят: А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев.
снято в феврале 1897 г.

К РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ФАБРИКИ ТОРНТОНА [74]).

Рабочие и работницы фабрики Торнтона!

6-ое и 7-ое ноября должны быть для всех нас памятными днями. Ткачи своим дружным отпором хозяйской прижимке доказали, что в нашей среде в трудную минуту еще находятся люди, умеющие постоять за наши общие рабочие интересы, что еще не удалось нашим добродетельным хозяевам превратить вас окончательно в жалких рабов их бездонного кошелька. Будемте же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линию до конца, будем помнить, что улучшить свое положение мы можем только общими дружными усилиями. Прежде всего, товарищи, не попадайтесь в ловушку, которую нам подстроили г.г. Торнтоны. Они рассуждают таким образом: «теперь время заминки в сбыте товаров, так что при прежних условиях работы на фабрике не получить нам нашего прежнего барыша... А на меньший мы не согласны... Стало быть, надо будет поналечь на рабочую братию, пусть-ка они своими боками поотдуваются за плохие цены на рынке... Только дельце это надо обстроить не кое-как, а с уменьем, чтобы рабочий по своей простоте и не понял, какую закуску мы ему подготавливаем... Затронь всех сразу,— сразу все и поднимутся, ничего с ними не поделаешь, а вот мы сначала объегорим бедняков-ткачишек, тогда и прочие не увернутся... Стесняться с этими людишками мы не привыкли, да и к чему? У нас новые метлы чище метут...». Итак, заботливые о благах рабочих хозяева потихоньку да полегоньку хотят приготовить для рабочих всех отделений фабрики такое же будущее, которое они уже осуществили для ткачей... Поэтому, если мы все останемся безучастны к судьбе нашего ткацкого отделения, то мы выроем своими собственными руками яму, в которую в скором времени швырнут и нас. Ткачи зарабатывали в последнее время, почитай что на круг, по 3 р. 50 к. в полумесяц, в течение этого же времени они ухищрялись жить семьями в 7 человек на 5 р., семьей же из мужа, жены и ребенка—всего на 2 р. Они поспустили последнюю одежонку, прожили последние гроши,

приобретенные адским трудом в ту пору, когда благодетели Торнтоны наращивали миллионы на свои миллионы. Но и этого всего было мало, и на их глазах выкидывались за ворота все новые и новые жертвы хозяйского корыстолюбия, а прижимка росла своим чередом с самой бессердечной жестокостью... В шерсть стали валить без всяких оговорок поллеса и кнопа, отчего страшно замедлялась выработка товара, проволочки на получение основы, будто ненароком, увеличились, наконец, стали прямо сбавлять рабочие часы, а теперь вводят куски из 5 шпиц вместо 9, чтобы ткач почаще возился с хлопотами по получению и заправке основ, за которые, как известно, он не получает ни гроша. Измором хотят извести ткачей, и заработок в 1 р. 62 к. в полумесяц, который уже стал появляться в расчетных книжках некоторых ткачей, может стать в скором времени общим заработком ткацкого отделения.— Товарищи, хотите ли и вы дождаться такой хозяйской ласки? А если нет, если еще, наконец, не совсем окаменели ваши сердца таких же, как и мы, бедняков, сплотимтесь дружно около наших ткачей, выставим наши общие требования и при каждом удобном случае станем отвоевывать себе лучшую долю у наших угнетателей. Рабочие прядильного отделения, не самообольщайтесь устойчивостью и некоторым повышением вашего заработка... Ведь почти $^2/_3$ вашего брата уже рассчитаны с фабрики, и ваш лучший заработок куплен ценою голода выкинутых за ворота ваших же прядильщиков. Это опять-таки хитрая уловка хозяев, и понять ее не трудно, если только подсчитать, сколько вырабатывало все льнопрядильное отделение прежде и сколько вырабатывает теперь.—Рабочие новой красильни! Вы вырабатываете ценой 14 с $^1/_4$ ч. ежедневного труда, пронизываемые с ног до головы убийственными испарениями красок, уже и теперь 12 р. в месяц! Обратите внимание на наши требования: мы хотим положить конец и тем незаконным вычетам, которые производятся с вас за неумелость вашего мастера.—Чернорабочие и вообще все неспециальные рабочие фабрики, неужели вы надеетесь удержать свои 60 - 80 к. поденных, когда специалисту-ткачу придется довольствоваться 20 к. в сутки?—Товарищи, не будьте слепыми, не попадайте в хозяйскую ловушку, крепче стойте друг за друга, иначе всем нам плохо придется в эту зиму. Самым зорким образом должны мы все следить за маневрами наших хозяев по части понижения расценок и сопротивляться всеми силами этому гибельному для нас стремлению... Будьте глухи ко всем их отговоркам о плохих делах: для них это только меньшая прибыль на их капитал, для нас — это голодные страдания наших семей, лишение последнего куска черствого хлеба, а разве можно положить то и другое на одни и те же весы? Теперь жмут в первую голову ткачей, и мы должны добиваться:

1) повышения ткацких расценок до их весенней величины, т.-е. приблизительно на 6 коп. на шпиц;

2) чтобы исполняли и для ткачей закон о том, что рабочему должна быть перед началом работы объявлена величина того заработка, на который он идет. Пусть табель, подписанная фабричным инспектором, не будет только на бумаге, но и на деле, как того требует закон. Для ткацкой, например, работы должны быть к существующей расценке добавлены указания о качестве шерсти, количестве в ней поллеса и кнопа, должно быть просчитано время, идущее на подготовительную работу;

3) рабочее время должно быть распределено так, чтобы с нашей стороны не являлось невольных прогулов; теперь, например, подстроили так, что ткач на каждом куске теряет день на получение основы, а так как кусок станет меньше почти вдвое, то ткач и на этом будет нести, независимо от табели расценок, двойную потерю. Хочет у нас хозяин грабить заработок, так пусть идет в чистую, так, чтобы мы твердо знали, что от нас хотят отжилить;

4) фабричный инспектор должен следить за тем, чтобы в расценках не было обмана, чтобы они не были двойными. Это значит, например, что в табели расценок не должно за один и тот же сорт товара, но только с различными названиями, допускать двух различных цен. Например, бибер мы ткали по 4 р. 32 к., а урал всего 4 р. 14 к.,— а разве по работе это не одно и то же? Еще более наглым надувательством является двойная цена работы при товаре одного наименования. Таким путем г.г. Торнтоны обходили законы о штрафах, в которых сказано, что штраф можно наложить только за такую порчу работы, которая зависела от небрежности рабочего, в таком случае вычет должен заноситься в рабочую книжку под графою штрафа не позже трех дней со дня его наложения. Все же штрафы вместе должны находиться в строгом отчете, и сумма, из них составленная, не может итти в карман фабриканта, а должна итти на нужды рабочих этой фабрики. А у нас — посмотрите в наши книжки — чисто, можно подумать, что наши хозяева изо всех хозяев предобрейшие. На самом же деле они обходят по нашему незнанию закон и ловко обстрапвают свои делишки... Нас, видите ли, не штрафуют, а у нас производят вычет, платя по меньшей расценке, и пока существовали две расценки — меньшая и большая — придраться к ним никак нельзя, а они себе вычитают да вычитают в свой карман;

5) вместе с введением одной расценки, пусть каждый вычет заносится в графу штрафов с обозначением, почему он произведен.

Тогда нам будет видна неправильная штрафовка, меньше будет пропадать даром нашего труда и уменьшится число таких безобразий, которые творятся в настоящее время, например,

в красильной, где рабочие вырабатывали меньше по вине неумелого мастера, что по закону не может быть причиной неоплаты труда, так как тут небрежность рабочего не при чем. А мало ли у всех нас таких вычетов, в которых мы ничуть не виноваты?

6) мы требуем, чтобы за квартиру с нас брали столько, сколько брали до 1891 г., т.-е. по 1 р. с человека в месяц, потому что платить 2 рубля при нашем заработке положительно не из чего, да и за что?.. За эту грязную, вонючую, тесную и опасную в пожарном отношении конуру? Не забывайте, товарищи, что во всем Питере плата по 1 руб. в месяц считается достаточной, только одни наши заботливые хозяева не довольствуются ею, и мы должны их заставить прекратить и здесь свою алчность. Защищая свои требования, товарищи, мы вовсе не бунтуем, мы только требуем, чтобы нам дали то, чем пользуются уже все рабочие других фабрик по закону, что отняли у нас, надеясь лишь на наше неумение отстоять свои собственные права. Докажем же на этот раз, что наши «благодетели» ошиблись.

Написано и издано на мимеографе 6 ноябре 1895 г.

Без подписи.

«РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК 1-ого МАЯ» (19-ого АПРЕЛЯ ПО НАШЕМУ) [75].

Товарищи, посмотрим внимательно на наше положение, оглянемся на ту обстановку, где мы проводим свою жизнь. Что мы увидим? Мы работаем много, мы создаем несметные богатства, золото и ткани, парчу и бархат, добываем из недр земли железо и уголь, строим машины, сооружаем корабли и дворцы, проводим железные дороги. Все богатство мира создано нашими руками, добыто нашим потом и кровью. Какую же мзду получаем мы за наш каторжный труд? По справедливости мы должны бы жить в хороших квартирах, носить хорошее платье и уж во всяком случае не нуждаться в хлебе насущном. Но всем нам хорошо известно, что нашей заработной платы едва хватает на то, чтобы едва существовать. Наши хозяева понижают расценки, заставляют работать сверхсрочное время, несправедливо штрафуют, словом, притесняют нас всячески, а в случае неудовольствия с нашей стороны рассчитывают без рассуждения. Мы много раз убеждались, что все, к кому мы обращались за защитою, оказываются прислужниками и друзьями хозяев. Нас, рабочих, держат в тьме, нам не дают знания, чтобы мы не научились бороться за улучшение своего положения. Нас держат в неволе, прогоняют с работы, высылают и арестуют всякого, кто дает отпор притеснениям, нам запрещают бороться. Тьма и неволя—

"РАБОЧІЙ ПРАЗДНИКЪ 1-аго МАЯ" | 19-аго Апрѣля по нашему|

Товарищи, посмотримъ внимательно на наше положеніе, оглянемся на ту обстановку, гдѣ мы проводимъ свою жизнь. Что мы увидимъ? Мы работаемъ много, мы создаемъ несмѣтныя богатства, золото и ткани, парчу и бархатъ, добываемъ изъ нѣдръ земли желѣзо и уголь, строимъ машины, сооружаемъ корабли и дворцы, проводимъ желѣзныя дороги. Все богатство міра создано нашими руками, добыто нашимъ потомъ и кровью. Какую-же мзду получаемъ мы за нашъ каторжный трудъ? По справедливости мы должны-бы жить въ хорошихъ квартирахъ, носить хорошее платье и ужъ во всякомъ случаѣ не нуждаться въ хлѣбѣ насущномъ. Но всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что нашей заработной платы едва хватаетъ на то, чтобы едва существовать. Наши хозяева понижаютъ расцѣнки, заставляютъ работать сверхсрочное время несправедливо штрафуютъ, словомъ притѣсняютъ насъ всячески, а въ случаѣ неудовольствія съ нашей стороны расчитываютъ безъ разсужденія.
Мы много разъ убѣждались, что всѣ, къ кому мы обращались за защитою, оказываются прислужниками и друзьями хозяевъ. Насъ рабочихъ держатъ в тьмѣ, намъ не даютъ знанія, чтобы мы не научились бороться за улучшеніе своего положенія. Насъ держатъ въ неволѣ, прогоняютъ съ работы, высылаютъ и арестуютъ всякаго, кто даетъ отпоръ притѣсненіямъ, намъ запрещаютъ бороться. Тьма и неволя - вотъ тѣ средства, которыми держатъ насъ въ угнетеніи капиталисты и все дѣлающее въ угоду имъ правительство. Какое-же есть у насъ средство, чтобы улучшить свое положеніе, повысить заработную плату, сократить рабочій день, защититься отъ оскорбленій, читать умныя и полезныя книги? Противъ насъ всѣ - и хозяева |потому что имъ жить тѣмъ лучше, чѣмъ намъ хуже| и всѣ ихъ прислужники, всѣ тѣ, кто живетъ подачками капиталистовъ и въ угоду имъ держитъ насъ въ невѣжествѣ и неволѣ. Намъ не откуда ждать помощи, мы можемъ надѣяться только на самихъ себя. Наша сила въ единеніи, наше средство- дружное, единодушное и упорное сопротивленіе - хозяевамъ. Они-то давно уже поняли, въ чемъ наша сила, и

Первомайская прокламация, написанная В. И. Лениным в тюрьме и изданная «Союзом борьбы» на мимеографе в 1896 г.
Уменьшено.

вот те средства, которыми держат нас в угнетении капиталисты и все делающее в угоду им правительство. Какое же есть у нас средство, чтобы улучшить свое положение, повысить заработную плату, сократить рабочий день, защититься от оскорблений, читать умные и полезные книги? Против нас все — и хозяева (потому что им жить тем лучше, чем нам хуже), и все их прислужники, все те, кто живет подачками капиталистов и в угоду им держит нас в невежестве и неволе. Нам не откуда ждать помощи, мы можем надеяться только на самих себя. Наша сила в единении, наше средство — *дружное, единодушное и упорное сопротивление* — хозяевам. Они-то давно уже поняли, в чем наша сила, и всячески стараются разъединить нас, не дать нам понять, что у нас, рабочих, одни общие интересы. Они понижают расценки, но не всем сразу, а по одиночке; заводят старших; вводят поштучную плату, а сами, посмеиваясь в бороду, видя, как наш брат надрывается над работою, исподволь понижают наши расценки. Ну, да не все коту масляница. Всякому терпению бывает конец. В минувшем году русские рабочие показали своим хозяевам, что покорность рабов сменяется в них стойким мужеством людей, не поддающихся наглости жадных до дарового труда капиталистов. В разных городах возникало множество стачек: в Ярославле, Тейкове, Иваново-Вознесенске, Белостоке, Вильне, Минске, Киеве, Москве и др. городах. Большинство стачек кончилось удачно для рабочих; но и неудачные стачки неудачны только повидимому. На самом деле они страшно пугают хозяев, приносят им большие убытки и заставляют из страха перед новою стачкой итти на уступки. Фабричные инспектора тоже начинают суетиться и замечать бревна в глазу фабрикантов. Они бывают слепы до тех пор, пока рабочие стачкой не откроют им глаз. Где же в самом деле заметить фабричным инспекторам безобразия на фабриках таких влиятельных особ, как господин Торнтон или акционеры Путиловского завода? Наделали мы хлопот хозяевам и у нас в Петербурге. Стачка ткачей у Торнтона, папиросниц у Лаферма, у Лебедева, на фабрике механ. производства обуви, волнения рабочих у Кенига, Воронина, в Порту и наконец недавние волнения в Сестрорецке показали, что мы перестали быть безответными страстотерпцами и принялись за борьбу. Как известно, рабочие со многих фабрик и заводов образовали у нас *Союз борьбы за освобождение рабочего класса*, с целью разоблачать все злоупотребления, искоренять безобразия, бороться с наглыми притеснениями и прижимками наших бессовестных эксплуататоров-хозяев и добиться полного освобождения от их власти. Союз распространяет листки, при виде которых трепещут сердца хозяев и их верных прислужников властей. Не листки им страшны, а возможность нашего дружного сопротивления, появления нашей

могучей силы, которую мы им не раз показали. Мы, петербургские рабочие, члены «*Союза*», приглашаем остальных наших товарищей присоединиться к нашему «*Союзу*» и способствовать великому делу объединения рабочих для борьбы за свои интересы. Пора и нам, русским рабочим, разорвать цепи, которыми опутали нас капиталисты и правительство, чтобы держать в угнетении, пора нам присоединиться к борьбе наших братьев, рабочих других государств, стать с ними под общее знамя, на котором написано: *Рабочие всех стран, соединяйтесь*...

Во Франции, Англии, Германии и др. странах, где рабочие уже объединились в сильные союзы и завоевали себе много прав, они устраивают 19-го апреля (по заграничному 1-ое мая) всеобщий праздник труда.

Бросив душные фабрики, они с музыкой и знаменами стройными толпами проходят по главным улицам города; показывая хозяевам все возрастающую свою силу, они собираются на многочисленные и многолюдные собрания, где говорят речи, пересчитывая победы над хозяевами в минувшем году, и намечают планы борьбы в будущем. Под страхом стачки ни один фабрикант не штрафует рабочих за неявку в этот день на работу. В этот день рабочие также напоминают хозяевам свое главное требование: ограничение рабочего дня 8-ю часами — 8 часов работы, 8 час. сна и 8 час. отдыха, вот о чем заявляют теперь рабочие других государств. Было время, и не так давно, когда они, так же, как мы теперь, не имели права заявлять о своих нуждах, они так же были подавлены нуждой и разъединены, как и мы теперь. Но они упорной борьбой и тяжелыми жертвами завоевали себе право обсуждать сообща свое рабочее дело. Пожелаем же нашим братьям в других странах, чтобы борьба скорее привела их к желанной победе, к тому времени, когда не будет ни господ, ни рабов, ни рабочих, ни капиталистов, а все будут одинаково работать и одинаково разумно наслаждаться жизнью.

Товарищи, если мы будем дружно и единодушно соединяться, недалеко то время, когда и мы, сомкнув в стройные ряды свои силы, сможем открыто присоединиться к этой общей борьбе рабочих всех стран, без различия веры и племени, против капиталистов всего мира. И поднимется наша мускулистая рука и падут позорные цепи неволи, поднимется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и правительства, которое всегда им усердно служит и помогает.

19-го апреля 1896-го года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

Написано в тюрьме.
Издано на мимеографе.

ЦАРСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ [76]).

В настоящем 1896 году русское правительство вот уже два раза обращалось к публике с сообщением о борьбе рабочих против фабрикантов [77]). В других государствах такие сообщения не в редкость, — там не прячут того, что происходит в государстве, и газеты свободно печатают известия о стачках. Но в России правительство пуще огня боится огласки фабричных порядков и происшествий: оно запретило писать в газетах о стачках, оно запретило фабричным инспекторам печатать свои отчеты, оно даже перестало разбирать дела о стачках в обыкновенных судах, открытых для публики, — одним словом, оно приняло все меры, чтобы сохранить в строгой тайне все, что делается на фабриках и среди рабочих. И вдруг все эти полицейские ухищрения разлетаются, как мыльный пузырь,— и правительство само вынуждено открыто говорить о том, что рабочие ведут борьбу с фабрикантами. Чем вызвана такая перемена? — В 1895 году было особенно много рабочих стачек. Да, но стачки бывали и прежде, и однако правительство умело не нарушать тайны, и эти стачки проходили безгласно для всей массы рабочих. Нынешние стачки были гораздо сильнее предыдущих и сосредоточены в одном месте. Да, но и прежде бывали не менее сильные стачки, — напр. в 1885 — 6 годах в Московской и Владимирской губ. — Но правительство все-таки еще крепилось и не заговаривало о борьбе рабочих с фабрикантами. Отчего же на этот раз оно заговорило? Оттого, что на этот раз на помощь рабочим пришли социалисты, которые помогли рабочим разъяснить дело, огласить его повсюду, и среди рабочих и в обществе, изложить точно требования рабочих, показать всем недобросовестность и дикие насилия правительства́. Правительство увидело, что становится совсем глупо молчать, когда все знают о стачках, — и оно тоже потянулось за всеми. Листки социалистов потребовали правительство к ответу, и правительство явилось и дало ответ.

Посмотрим, каков был ответ.

Сначала правительство пыталось уклониться от гласного и публичного ответа. Один из министров, министр финансов Витте разослал циркуляр фабричным инспекторам, и в этом циркуляре обзывал рабочих и социалистов «злейшими врагами общественного порядка», советовал фабричным инспекторам запугивать рабочих, уверять их, что правительство запретит фабрикантам делать уступки, указывать им на хорошие побуждения и благородный помысел фабрикантов, говорить о том, как фабриканты заботятся о рабочих и их нуждах, как фабриканты полны «хороших чувств». О самых стачках

правительство не говорило, оно не сказало ни слова о том, из-за чего были стачки, в чем состояли безобразные притеснения фабрикантов и нарушения закона; чего добивались рабочие; одним словом, оно прямо-таки *изолгало* все бывшие летом и осенью 95-го года стачки, попыталось отделаться избитыми казенными фразами о насильственных и «противозаконных» действиях рабочих, хотя рабочие не делали насилий: насильничала одна только полиция. Министр хотел оставить этот циркуляр в тайне, но сами чиновники, которым он вверил ее, не сдержали тайну, и циркуляр пошел гулять в публике. Затем его напечатали социалисты. Тогда правительство, видя себя по обыкновению одураченным со своими всем известными «тайнами», напечатало его в газетах. Это было, как мы уже сказали, ответом на летние и осенние стачки 1895 года. Но вот весной 1896 года стачки повторились еще гораздо сильнее. К слухам о них присоединились листки социалистов. Правительство сначала трусливо молчало, выжидая, как кончится дело, и затем, когда уже восстание рабочих улеглось, — оно выступило задним числом со своей канцелярской мудростью, как с запоздалым полицейским протоколом. На этот раз пришлось уже выступить открыто и притом всему правительству целиком. Его сообщение было напечатано в номере 158 «Правит. Вестника». На этот раз не удалось уже по прежнему изолгать рабочие стачки. Пришлось рассказать, как было дело, в чем состояли притеснения фабрикантов, чего требовали рабочие; пришлось признать, что рабочие вели себя «чинно». Таким образом рабочие отучили правительство от гнусной полицейской лжи: они заставили его признать правду, когда поднялись массой, когда воспользовались листками для оглашения дела. Это большой успех. Рабочие будут знать теперь, в чем состоит единственное средство добиться публичного заявления своих нужд, оповещения о борьбе рабочих всей России. Рабочие будут знать теперь, что ложь правительства опровергается только соединенной борьбой самих рабочих и их сознательным отношением, — добиться своего права. — Рассказавши, в чем было дело, министры стали придумывать отговорки, они стали уверять в своем сообщении, что стачки вызваны были только «особенностями бумагопрядильного и ниточного производства». Вот как! А не особенностями всего российского *производства*, не особенностями ли русских государственных порядков, позволяющих полиции травить и хватать мирных рабочих, которые защищают себя от притеснений? Отчего же, добрые г.г. министры, рабочие читали на расхват и требовали листков, в которых говорилось совсем не о бумаге и нитках, а о бесправии русских граждан, и о диком произволе правительства, прислуживающегося к капиталистам, нет, эта новая отговорка чуть ли

еще не хуже, гнуснее той, которой отделывался в своем циркуляре министр финансов Витте, валивши все на «подстрекателей». Министр Витте рассуждает о стачке так же, как рассуждает о ней любой полицейский чиновник, получающий подачки от фабрикантов: пришли подстрекатели — явилась стачка. Теперь, увидев стачку 30 тысяч рабочих, все министры вместе принялись думать и додумались, наконец, что не оттого бывает стачка, что являются подстрекатели-социалисты, а оттого являются социалисты, что начинаются стачки, начинается борьба рабочих против капиталистов. Министры уверяют теперь, что социалисты потом «примкнули» к стачкам. Это хороший урок для министра финансов Витте. Смотрите же, господин Витте, учитесь хорошенько! Учитесь разбирать вперед, из-за чего вышла стачка, учитесь смотреть на требования рабочих, а не на донесения ваших полицейских крыс, которым вы сами ведь ни на грош не верите. Г.г. министры уверяют публику, что это только «злонамеренные личности» пытались придать стачкам «преступный политический характер» или, как они говорят в одном месте, «социальный характер» (г.г. министры хотели сказать социалистический, но по безграмотности или по канцелярской трусости, сказали социальный, и вышла бессмыслица: социалистический значит поддерживающий рабочих в борьбе с капиталом, а социальный значит просто общественный. Как же можно стачке придать общественный характер? Ведь это все равно, что придать министрам министерский чин!) Вот это забавно! Социалисты придают стачкам политический характер! Да само правительство прежде всяких социалистов приняло все меры, чтобы придать стачкам политический характер. Не оно ли стало хватать мирных рабочих, точно преступников? Арестовывать и высылать? Не оно ли разослало повсюду шпионов и провокаторов? Не оно ли забирало всех, кто попадет под руку? Не оно ли обещало оказать помощь фабрикантам, чтобы они не уступали? Не оно ли преследовало рабочих за простые сборы денег в пользу стачечников? Правительство само лучше всех разъяснило рабочим, что война их с фабрикантами должна быть войною неизбежно с правительством. Социалистам осталось только подтвердить это и опубликовать в листках. Вот и все. Но русское правительство прошло уже огонь и воду в искусстве лицемерить, и министры постарались промолчать о том, какими средствами наше правительство «придавало политический характер стачкам», оно рассказало публике, какими числами были помечены листки социалистов, — отчего не рассказало оно, какими числами были помечены приказы градоначальника и прочих башибузуков об аресте мирных рабочих, о вооружении войска, о посылке шпионов и провокаторов? Они перечислили публике, сколько было листков социалистов, отчего

не перечислили они, сколько было схвачено рабочих и социалистов, сколько разоренных семей, сколько высланных и заключенных без суда в тюрьмы. Отчего? Да оттого, что даже русские министры, при всем их бесстыдстве, остерегаются говорить публично о таких разбойничьих подвигах. На мирных рабочих, восставших за свои права, защищавших себя от произвола фабрикантов, — обрушилась вся сила государственной власти, с полицией и войском, жандармами и прокурорами, — против рабочих, державшихся на свои гроши и гроши их товарищей, английских, польских, немецких и австрийских рабочих, — выступила вся сила государственной казны, обещав поддержку беднякам фабрикантам.

Рабочие были не объединены. Им нельзя было устроить сбор денег, привлечь другие города и других рабочих, их травили повсюду, они должны были уступить перед всей силой государственной власти. Господа министры ликуют, что правительство победило!

Хороша победа! Против 30 тысяч мирных рабочих, не имевших денег, — вся сила власти, все богатство капиталистов! Министры поступили бы умнее, подождав хвастаться такой победой, а то их хвастовство очень уж напоминает хвастовство полицейского солдата, который похваляется тем, что ушел со стачки *не* битым.

«Наущения» социалистов не имели успехов — торжественно объявляет правительство, успокаивая капиталистов. — Да, никакие наущения, ответим и мы на это, не могли бы произвести и сотой доли того впечатления, которое произведено на всех петербургских, на всех русских рабочих поведением правительства в этом деле! Рабочие увидели ясно политику правительства — замолчать рабочие стачки и изолгать их. Рабочие увидели, как их соединенная борьба заставила отбросить полицейскую лицемерную ложь. Они увидели, чьи интересы оберегает правительство, которое обещало поддержку фабрикантам. Они поняли, кто их настоящий враг, когда на них, не нарушающих закона и порядка, точно на неприятелей послали войско и полицию. Сколько бы ни толковали министры о безуспешности борьбы, но рабочие видят, как присмирели везде фабриканты, и знают, что правительство созывает уже фабричных инспекторов совещаться о том, какие уступки надо сделать рабочим, ибо оно видит, что уступки необходимы. Стачки 1895 — 6 годов не прошли даром. Они сослужили громадную службу русским рабочим, они показали, как им следует вести борьбу за свои интересы. Они научили их понимать *политическое положение и политические нужды рабочего класса.*

Ноябрь 1896-го года.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

Написано в тюрьме.
Издано на мимеографе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА, ОТНОСЯЩИХСЯ К 1891—1896 г.г., ДО СЕГО ВРЕМЕНИ НЕ РАЗЫСКАННЫХ.

1891 г.

КУРСОВОЕ СОЧИНЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ.

Сочинение это написано Владимиром Ильичем и подано при прошении председателю юридической испытательной комиссии при петербургском университете в марте 1891 г., когда Владимиру Ильичу разрешено было держать экзамены экстерном по предметам юридического факультета. Точная тема этого сочинения нам пока неизвестна.

РАБОТЫ 1892—1893 г.г.

С. И. Мицкевич в статье: «Как появились статьи «Что такое «друзья народа»?» (см. «Что такое «друзья народа»?» в изд. «Московский Рабочий» и «Новая Москва», 1923, стр. XV и XVIII) говорит, что в самарский период жизни Владимира Ильича, до осени 1893 г., Владимир Ильич написал статью, посвященную *критике книги В. В. «Судьбы капитализма в России»*, которую (как об этом говорит в своих воспоминаниях т. Григорьев — см. «Пролетарская Революция», № 8/20) он читал в Н.-Новгороде.

Об этой статье, вероятно, говорит А. А. Ганшин (см. то же издание «Что такое «друзья народа»?»): «...когда В. И. приехал в Петербург из Самары в 1893 г., то привез с собой рукопись, кажется, под таким заглавием:

«Обоснование народничества в трудах В. В. и других».

Кроме этого, М. И. Семенов (М. Бланк) в своих воспоминаниях (см. сб. «Старый товарищ А. П. Скляренко», стр. 11) говорит, описывая собрания в квартире Скляренко, где часто бывал и Владимир Ильич:

«Он читал нам здесь свои статейки, касавшиеся, главным образом, вопросов экономического развития России. Здесь разбирались работы Николая —она, Постникова («Южно-русское крестьянское хозяйство») *), критиковались с марксистской точки зрения труды В. В., Карышева и других столпов народничества... У меня долго хранились некоторые статьи Владимира Ильича, пока их не отобрали во время последующих многочисленных обысков. Это были тетрадки в четвертую долю листа, исписанные мелким четким почерком с многочисленными табличками, которыми тогда Владимир Ильич очень любил иллюстрировать изложение».

---

*) Это, видимо, та работа: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», которая напечатана в этом томе, стр. 1—49. *Ред.*

«О РЫНКАХ».

К 1893 году Н. К. Крупская относит работу Владимира Ильича «О рынках» (см. ее воспоминания в сборнике «О Ленине», изд. Института Ленина, 1925 г.):

«...Слышала я от товарищей, что с Волги приехал какой-то знающий марксист, затем мне принесли тетрадку «О рынках», порядком-таки зачитанную. В тетрадке были изложены взгляды, с одной стороны, нашего питерского марксиста, технолога Германа Красина, с другой — приезжего волжанина. Тетрадка была согнута пополам, на одной стороне растрепанным почерком, с помарками и вставками, излагал свои мысли Г. Красин, на другой — старательно, без помарок, писал свои примечания и возражения приезжий.

«...Тетрадка, о которой идет речь, к сожалению, не сохранилась.

«...Вопрос о рынках в его трактовке приезжим марксистом ставился архи-конкретно, связывался с интересами масс, чувствовался во всем подходе именно живой марксизм, берущий явления в их конкретной обстановке и в их развитии».

«ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА» И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?»

Выпуск II.

Написано летом 1894 г.

ПЕРЕПИСКА С Н. Е. ФЕДОСЕЕВЫМ.

Началась с 1894 года.

Владимир Ильич в своем письме «Несколько слов о Н. Е. Федосееве» — от 6 декабря 1922 г. — пишет:

«Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению. Помню, что на этой почве началась его полемика с Н. К. Михайловским, который отвечал ему в «Русском Богатстве» на одно из его нелегальных писем. На этой почве началась моя переписка с Н. Е. Федосеевым... Насколько я помню, моя переписка с Н. Е. Федосеевым касалась возникающих тогда вопросов марксистского или с.-д. мировоззрения...».

Вскоре после смерти Н. Е. Федосеева Вл. Ильич писал о нем своей сестре А. И. Елизаровой в письме от 16/VIII 1898 г.:

«Вместе с твоим письмом получил известие из Архангельска, что М. Г. [Гопфенгауз] тоже застрелилась (18/VII), получив 16/VII известие о кончине Н. Е. Ужасно это трагическая история! И дикие клеветы какого-то негодяя Юходкого (политический!! ссыльный в Верхоленске) сыграли в этом финале одну из главных ролей. Н. Е. был страшно поражен этим и удручен. Из-за этого он решил не брать *ни от кого* помощи и терпел страшные лишения. Говорят, дня за 2 — 3 до смерти он получил письмо, в котором повторялись эти клеветы. Чорт знает, что такое! Хуже всего в ссылке эти «ссыльные истории», но я никогда не думал, чтобы они могли доходить до таких размеров! Клеветник был открыто и решительно осужден всеми товарищами, и я никак не думал, что Н. Е. (обладавший некоторым опытом по части ссыльных историй) берет все это так ужасно близко к сердцу...».

ЛИСТОК ПО ПОВОДУ СТАЧКИ У СЕМЯННИКОВА.

Листок этот относится к началу 1895 г., когда на заводе б. Семянникова («Невско-механический завод Московского Товарищества») вспых-

нули «беспорядки» (подробно см. брошюру Тахтарева (Петербуржца): «Рабочее движение в Петербурге 1893 — 1901 г.г.»).

В своих воспоминаниях о «Союзе борьбы» («Творчество», 1920 г., № 7 — 10) Н. К. Крупская говорит следующее об этом листке:

«Листок *написал Ленин,* переписал его от руки печатными буквами в 4-х экземплярах, Бабушкин разбросал по заводу. 2 листка подняли сторожа, а два подняты были рабочими и пошли по рукам — это считалось большим успехом тогда».

Сам Вл. Ильич называет этот листок *первым агитационным листком* и относит к *осени* 1894 г. (см. «И. В. Бабушкин» — «Раб. Газ.» № 2 от 18 (31) XII 1910 г.).

Тахтарев в своей книге говорит не о листке, а о *брошюрке.* Акимов-Махновец («Очерк развития с.-д-тии в России», стр. 44 — 45) говорит: «... в январе 1895 г ... была выпущена первая *прокламация* по поводу стачки у Семянникова», — но после этого тотчас приводит цитату из Тахтарева о *брошюрке,* очевидно, считая их за одно и то же произведение.

СТАТЬИ ДЛЯ «РАБОЧЕГО ДЕЛА», № 1.

Владимиру Ильичу в № 1 «Рабочего Дела» (см. прим. 69) принадлежало несколько статей. Какие именно — точно установить до сих пор еще не представляется возможным, но на основании «Доклада по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 годах преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами», т.-е. доклада департамента полиции о петербургском «Союзе борьбы» *), приводимых в нем показаний самого Вл. Ильича и примечаний Л. Мартова, просматривавшего этот доклад, можно с большей или меньшей уверенностью приписать Вл. Ильичу следующие статьи:

а) «К русским рабочим».

Это — передовая статья, содержание которой кратко передает сам Вл. Ильич (лишнее подтверждение принадлежности статьи ему) в «Что делать?»:

«*Передовая статья этой газеты* **) *(которую, быть может, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина» из архивов департамента полиции) обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы*».

б) «Фридрих Энгельс».

На принадлежность этой статьи (некролога) Вл. Ильичу указывает Л. Мартов. Возможно, что это было краткое изложение статьи, напечатанной в «Работнике» (см. стр. 407 — 416 настоящего тома).

в) «Ярославская стачка 1895 г.»
г) 2 рукописи о стачке ткачей в Иваново-Вознесенске.

Об авторстве последних вещей, о которых Вл. Ильич говорит (там же), как «о ряде корреспонденций не только из Петербурга, но и из других местностей России (напр., о побоище рабочих в Ярославской губ.)», — можно судить по «Докладу», в котором говорится, что Вл. Ил. «не отрицал, что эти рукописи и найденные у него статьи об Ярославской стачке написаны им».

---

*) Напечатан в «Сборнике материалов и статей» редакции журнала «Исторический архив» — ГИЗ, М. 1921 г.; перепечатан в 1-м издании Собрания сочинений В. И. Ленина. *Ред.*

**) Т.-е. «Рабочего Дела». *Ред.*

Кроме этого, к помещению в «Раб. Деле» предназначалась статья «О чем думают наши министры», напечатанная на стр. 407 — 421.

«О СТАЧКАХ».

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях в «Творчестве» говорит об этой брошюре следующее:

«Тем временем *) с арестованными «декабристами» **) удалось завязать правильные сношения с воли; при помощи химических писем, шифрованных записок, передаваемых через родственников, мы сообщали «декабристам» о ходе работы, они писали советы, передавали еще не переданные связи. *Владимир Ильич написал молоком целую брошюру «О стачках», которая потом была проявлена, переписана и сдана в типографию...»*

Типография, в которой печаталась эта брошюра, была та же типография группы народовольцев на Лахте, которая помещалась раньше на Крюковом канале и в которой печаталась брошюра «Объяснение закона о штрафах». П. Куделли говорит об этом следующее («Красная Летопись», № 2/11, стр. 73):

«Вторая брошюра В. И. Ульянова (Ленина) «О стачках» была передана Союзом борьбы 10 мая 1896 г., когда автор ее сидел в Доме Предварительного Заключения. О ней сохранились некоторые более подробные сведения. Брошюра «О стачках» была передана Аполлинарией Якубовой Л. М. Книпович, а последняя передала народовольцам через Катанскую. Брошюра была принята народовольцами, но, по мнению Е. Прейсс, тоже требовала исправлений и с этой целью была снова отправлена Союзу и затем получена обратно. Прейсс в своем показании говорит, что «О стачках» была написана на 98 четвертушках от руки. Брошюра хотя и была назначена к набору, но напечатать ее не успели, ибо Лахтинская типография 24 июня 1896 г. была арестована и рукопись попала в охранное отделение или в департамент полиции и, повидимому, бесследно пропала, ибо при деле «О Лахтинской типографии» никаких следов о ней не имеется».

«О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ».

В. Катин-Ярцев в своих воспоминаниях о петербургском «Союзе борьбы» («Первые шаги» — «Былое» 1907 г., сентябрь, и «Тени прошлого» — «Былое» 1924 г., № 25) упоминает, что в своих лекциях и собеседованиях с рабочими он и его товарищи пользовались *рукописными записками Вл. Ильича «О заработной плате».*

«ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ХОЗЯЙСТВА И ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ГИМНАЗИИ».

Конец статьи, начатой печатанием в № 254 «Самарского Вестника» от 25 ноября 1895 г. (см. стр. 399 — 406 настоящего тома).

ПЕРЕПИСКА С ГРУППОЙ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

Относится к лету — осени 1895 г. О ней см. воспоминания П. Б. Аксельрода — «Документы», № 8, стр. 491.

---

*) Т.-е. к январю 1896 г. *Ред.*

**) Т.-е. Лениным и его товарищами, арестованными 9-го декабря 1895 г. *Ред.*

ПЕРЕПИСКА В ТЮРЬМЕ И ИЗ ТЮРЬМЫ.

«Он переписывался с очень многими из сидящих товарищей, для которых эта переписка имела громадное значение. Письма Владимира Ильича дышали бодростью, говорили о работе. Получая их, человек забывал, что сидит в тюрьме, и сам принимался за работу. Я помню впечатление от этих писем (в августе 1896 г. я тоже села). Письма молоком приходили через волю в день передачи книг — в субботу. Посмотришь на условные знаки в книге и удостоверишься, что в книге письмо есть. В шесть часов давали кипяток, а затем надзирательница водила уголовных в церковь. К этому времени разрежешь письмо на длинные полоски, заваришь чай — и, как уйдет надзирательница, начинаешь опускать полоски в горячий чай — письмо проявляется (в тюрьме неудобно было проявлять на свечке письма, вот Владимир Ильич додумался проявлять их в горячей воде), и такой бодростью оно дышит, с таким захватывающим интересом читается. Как на воле Владимир Ильич стоял в центре всей работы, так в тюрьме он был центром сношений с волей» (Н. К. Крупская. — «Из воспоминаний» — сб. «О Ленине», стр. 17).

Подробно об этой переписке с волей см. статью А. И. Елизаровой: «Владимир Ильич в тюрьме» в № 3 (26) «Пролетарской Революции» за 1924 г., где приложены также два письма Владимира Ильича 1896 года.

II. СПИСОК ИЗДАНИЙ ПЕРИОДА 1891—1896 г.г., В РЕДАКТИРОВАНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В. И. ЛЕНИН.

Пока нам известны лишь два случая редакционной работы Владимира Ильича, относящихся к осени 1895 года.

Ему, во-первых, принадлежит редакция не увидевшего свет № 1 журнала «Рабочее Дело» (см. прим. 69). Н. К. Крупская в своих воспоминаниях (сб. «О Ленине») говорит об этом: «Тщательно готовил Владимир Ильич к нему материалы. Каждая строчка проходила через его руки».

Во-вторых, ему принадлежит редактирование статей, посылавшихся через него из России для заграничного «Работника» (см. прим. 64). Из этих статей были напечатаны: «Вести из России» и «Стачка ткачей на фабрике товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры» в № 1—2, 1896 г. и «Сельские рабочие в юго-восточных губерниях Европейской России» в № 5—6, 1899 г.

III. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ В СТАТЬЯХ I ТОМА.

АННЕНСКИЙ, Н. — Доклад по вопросу о положении кустарей павловского района («Журналы и доклады XXVI очередного нижегородского губернского земского собрания»; также в книге М. А. Плотникова — Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Изд. Ниж. губ. земства. Н.-Н. 1894). — 119, 153.

[БОГДАНОВИЧ, А.]. — Насущный вопрос. Изд. Партии «Народного Права». [Смоленск.] 1894. Стр. 41. — 220.

БОГДАНОВСКИЙ, А. — Общество и закон о переселениях. «Северный Вестник» 1892 г., № 5. — 135.

В. В. (ВОРОНЦОВ, В. П.) — Излишек снабжения рынка товарами. «Отечеств. Записки» 1883 г., № 5. — 355.

— Крестьянская община (I том «Итогов экономического исследования России по данным земской статистики». М. 1893. Стр. XXXV + 600). — 4.

— Милитаризм и капитализм. «Русская Мысль» 1889 г., № 9. — 355.

— Наши направления. СПБ. 1893. Стр. VI + 215. — 245.

— Немецкий социал-демократизм и русский буржуаизм. «Неделя» 1894 г., №№ 47 — 49. — 236, 245, 263, 294, 360.

— Очерки теоретической экономии. СПБ. 1895. Стр. 319. — 270, 294.

— Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПБ. 1892. Стр. VI + 261. — 156, 329, 354.

— Судьбы капитализма в России. СПБ. 1882. Стр. 312. — 168.

ВОЕННО - СТАТИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК. Вып. IV. Россия. Составлен офицерами Генерального Штаба: В. Ф. де-Ливроном, бар. А. Б. Вревским, Н. Н. Мосоловым, Ф. А. Фельдманом, Л. Л. Лобко, П. А. Гельмерсеном, С. А. Быховцем, Г. И. Бобриковым и А. А. Боголюбовым, под общей редакцией генерал-майора Н. Н. Обручева. СПБ. 1871. Стр. XXX + 922 + 235. — 206.

ГРИГОРЬЕВ, В. Н. — Переселения крестьян Рязанской губернии. С отзывами проф. А. И. Чупрова и А. И. Кошелева. Изд. редакции журнала «Русская Мысль». М. 1885. Стр. XVI + 194. — 135.

— Кустарное замочно-ножевое производство павловского района в Горбатовском уезде Нижегородской губернии и в Муромском уезде Владимирской губернии («Материалы к исследованию кустарного промысла волжского бассейна», изд. В. Рагозина. 1881). — 153.

ГУРВИЧ, И. А. (HURWICZ, I. A.) — The economics of the russian village. New-York, 1892. (Русский перевод А. А. Санина под названием: «Экономическое положение русской деревни», М. 1896). — 135, 158.

ДЕМЕНТЬЕВ, Е. М. — Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М. 1893. Стр. 246 + VI. — 121.

DÜHRING, E. (ДЮРИНГ, Е.). — Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Sozialismus (3-te Aufl., Leipzig. 1879). (Критическая история политической экономии и социализма.— 3-е изд., Лейпциг. 1879. Стр. XIV + 574). — 84, 89.

[ЕЛИСЕЕВ, Г. З.] — Плутократия и ее основы. «Отеч. Записки» 1872 г., № 2. — 153, 180.

ЕРМОЛОВ, А. С. — Неурожай и народное бедствие. СПБ. 1892. Стр. 270. — 185.

ЗИБЕР, Н. И. — Экономическая теория К. Маркса. «Знание» 1876 г., №№ 10 и 12 и 1877 г. №№ 2 и 4; «Слово» 1878 г., №№ 1 — 6, 11 — 12. — 44.

ЗИММЕЛЬ, Г. — Ueber soziale Differenzierung. Leipzig 1890. (О социальной дифференциации. Лейпциг 1890. Стр. VII + 147). — 285.

[ИСАЕВ, А.]. — Промыслы Московской губернии. Изд. Моск. Губ. Зем. Управы. Т.т. I и II. М. 1876 — 1877. — 125.

ИТОГИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИИ ПО ДАННЫМ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ. Т. I. М. 1893 и т. II. Дерпт. 1892.—3—4.

КАБЛУКОВ, Н. — Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве. М. 1884. Стр. 299. — 232.

— Очерк хозяйства частных землевладельцев (Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Том пятый. Вып. первый. Изд. Моск. Губ. Земства. М. 1879. Стр. V + 200 + 103). — 148.

КАРЫШЕВ, Н.—Крестьянские вненадельные аренды (II том «Итогов экономического исследования России по данным земской статистики». Дерпт. 1892. Стр. 402). — 4, 11, 14, 329.

— Народно-хозяйственные наброски. «Русское Богатство» 1894 г., № 2. — 155, 157.

КАУТСКИЙ, К. — Экономическое учение К. Маркса. — 56.

К[АУФМАН], И.—Точка зрения политико-экономической критики К. Маркса. «Вестник Европы» 1872, № 5. — 82.

КОРОЛЕНКО, С. А. — Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. СПБ. 1892. Стр. 134 + 562 + 145. — 208.

КРИВЕНКО, С.—К вопросу о нуждах народной промышленности. «Русское Богатство» 1894 г., № 10. — 236.

— Письма с дороги. «Русское Богатство» 1894 г., № 1. — 117, 128.

— По поводу культурных одиночек. «Русское Богатство» 1893 г., № 12. — 55, 117, 145, 166, 210, 272.

ЛАНГЕ, Ф.-А.—Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем. Перевод с немецк. изд. А. Л. Блека, с предисловием Р. И. Сементковского. СПБ. 1892. Стр. 323. — 319.

МАНИФЕСТ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ «НАРОДНОГО ПРАВА». [Смоленск.] 1894. — 221.

МАРКС, К. (MARX, K.) — Bürgerkrieg in Frankreich (Leipzig, 1876) (Гражданская война во Франции. Лейпциг, 1876. Стр. 56.)— 291.

— Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte (Hmb., 1885) (18 Брюмера Л. Бонапарта. Гамбург, 1885. Стр. VI + 108). — 287, 291, 296, 314.

ПЛЕХАНОВ, Г. В. — Н. Г. Чернышевский. «Социал - Демократ» 1890 г., № 1 (см. V том Сочинений под ред. Д. Рязанова). — 178.

— Наши разногласия. Женева 1885. Стр. XXIV + 322. (См. II том Сочинений под ред. Д. Рязанова). — 105, 172.

ПОСТНИКОВ, В. Е. — Южно-русское крестьянское хозяйство. М. 1891. Стр. XXXII + 391. — 1, 3, 5, 13, 335.

ПОСТОРОННИЙ [МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. К.] — Письмо в редакцию. «Отечеств. Записки» 1883, № 7 (см. V том Полного собр. сочин., стр. 786). — 90.

«ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК» 1896 г., № 158.—456.

ПРУДОН (PROUDHON). — Révolution sociale, démontrée par le coup d'état (Социальная революция, демонстрированная государственным переворотом). — 296.

«РУССКАЯ МЫСЛЬ» 1885 г., № 11.—Рецензия (без подписи) на книгу: Зибер, Н. И.—Давид Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях. СПБ. 1885. — 127.

СБОРНИК СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ ПО ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ. Том II, вып. II: Ф. Щербина. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж. 1887. Стр. 454 + 49. — 34, 129.

СБОРНИК СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ ПО МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ. Отдел хозяйственной статистики. Том VI, вып. 1. Промыслы Московской губернии. Вып. III. Сост. Стат. отд. Московской Губ. Зем. Управы. М. 1882. Стр. VIII + 147 + 358. — 122.

СБОРНИК СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ ПО РЯЗАНСКОЙ ГУБ. Том II, вып. I — III. Скопин 1882. Стр. II + 8 + 261 + II + II + 195 + 177. — 135.

СБОРНИК СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ ПО ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ. Том I: Статистические таблицы о хозяйственном положении селений Мелитопольского уезда. Симферополь. 1885. Стр. 23 + 195 + 29 + 11 + 9 + 12. — 36.

СБОРНИК СТАТИСТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ ПО ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ. Том II: Статистические таблицы о хозяйственном положении селений Днепровского уезда. Симферополь. 1886. Стр. 21 + 123 + 25 + 11 + 5 + 67. — 36, 38.

СКВОРЦОВ, А. И. — Влияние парового транспорта на сельское хозяйство. Варшава. 1890. Стр. VI + 701. — 336.

— Экономические причины голодовок в России и меры к их устранению. СПБ. 1894. Стр. VIII + 185. — 109.

— Экономические этюды. СПБ. 1894. Стр. VIII+185.— 336.

СЛОНИМСКИЙ, Л. З.—Крестьянские нужды и их исследователи. «Вестник Европы» 1893 г., № 3. — 40.

СТРУВЕ, П.— Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Выпуск I. СПБ. 1894. Стр. X + 291. — 223, 225, 359.

— Zur Beurtheilung der kapitalistischen Entwicklung Russlands (К вопросу о капиталистическом развитии России). «Sozialpolitisches Centralblatt» 1893 г., № 1.—171—172, 202—203, 272, 318.

ТРИРОГОВ, В. — Община и подать. СПБ. 1882. Стр. 508. — 38.

УКАЗАТЕЛЬ ФАБРИК И ЗАВОДОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ. Составили по официальным сведениям Департамента Торговли и Мануфактур П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Изд. 3-е, испр. и значит. дополненное. [По сведениям за 1890 г., дополненным сведениями за 1893 и 1894 г.г.]. СПБ. 1894. Стр. XVI + 826. — 206.

УСПЕНСКИЙ, Гл. И. — Равнение «под-одно» (из памятной книжки). «Русская Мысль» 1882 г., № 1. — 158.

IV. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

№ 1 (k стр. 66).

ПИСЬМО К. МАРКСА К РЕДАКТОРУ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»—1877 г.

I.

Автор статьи «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» человек, очевидно, умный, и, найди он в моем изложении «первоначального накопления» хотя что-нибудь подтверждающее его выводы, он, конечно, привел бы такое место. За неимением чего-либо подобного, он был вынужден удовольствоваться небольшой вставкой (hors d'oeuvre), полемической выходкой против русского «беллетриста», помещенной в примечании к первому немецкому изданию «Капитала» *). В чем же я упрекаю этого писателя? В том, что он сделал открытие «русского коммунизма» не в России, а в сочинении прусского регирунгсрата Гакстгаузена **), и что в его руках русская община служит только доводом для доказательства того, что гнилая старуха Европа должна быть возрождена победой панславизма. Моя оценка этого писателя может быть справедливою, может быть и ложною, но ни в каком случае она не дает ключа к моим воззрениям на усилия «русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа».

В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» я говорю о «великом русском ученом и критике» ***) с тем высоким уважением, какого он заслуживает (стр. 817). Ученый этот в своих замечательных статьях исследовал вопрос, должна ли Россия, чтобы перейти к капиталистическому строю, начать с уничтожения поземельной общины, как того добиваются либеральные экономисты, или же, наоборот, она может, не претерпевая всех мучений этого строя, усвоить все плоды его, развивая собственные исторические данные. Он высказывается в смысле последнего решения. И мой почтенный критик имел, по меньшей мере, столько же основания из моего уважения к этому «великому русскому ученому и критику» вывести заключение, что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и, наоборот, из моей полемической выходки против русского «беллетриста» и панслависта сделать вывод, что я их отвергаю. Наконец, так как я не люблю оставлять ничего на долю догадок (quelque chose à deviner), то выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность

---

*) Т.-е. против Герцена. Во втором издании «Капитала» Маркс выбросил это примечание. *Ред.*

**) См. прим. 49. *Ред.*

***) Т.-е. о Н. Г. Чернышевском. *Ред.*

судить с знанием дела об экономическом развитии современной России, я выучился по-русски и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу: если Россия будет продолжать итти по тому же пути, по которому она шла с 1861 года, то она лишится самого прекрасного случая, который когда-либо представляла народу история, чтобы избежать всех перипетий капиталистического строя.

II.

В главе о «первоначальном накоплении» я только имел намерение проследить тот путь, которым в Западной Европе экономический капиталистический строй вышел из недр экономического феодального строя. А путь этот вел к тому, чтобы разъединить производителя от его средств производства, обращая первого в наемника (пролетария в современном смысле этого слова), а последние в капитал. В этой истории «составляет эпоху всякий переворот, который служит средством подвинуть вперед формирование капиталистического класса... Но основою всего процесса служит экспроприация землевладельцев». В конце главы я рассматриваю историческое направление (tendance) капиталистического накопления и утверждаю, что его последнее слово, это — преобразование капиталистической собственности в общественную. В этом месте я не приводил никаких доказательств этого положения, по той простой причине, что само это положение есть не более, как краткое резюме длинного ряда данных, уже разобранных в главе о капиталистическом производстве.

Теперь спрашивается, какое же приложение к России может извлечь мой критик из моего краткого исторического очерка? Только следующее: если Россия стремится стать нацией капиталистической по образцу западноевропейских наций, — а в течение последних лет она наделала себе в этом смысле много вреда, — она не достигнет этого, не преобразовав предварительно доброй доли своих крестьян в пролетариев; а после этого приведенная раз на лоно капиталистического строя, она подпадет под власть его неумолимых законов, как и всякая другая непосвященная (profane) нация. Вот и все! Но этого слишком мало для моего критика. Ему непременно надо преобразовать мой очерк происхождения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию общего хода развития, в теорию, которой фатально должны подчиниться все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся, чтобы в конце концов притти к такому экономическому строю, который обеспечивает наибольшую свободу проявления производительных способностей общественного труда и всестороннее развитие человека. Но прошу у него извинения. Это значит делать мне много чести и в то же время много бесчестия (honte). Возьмем пример. В различных местах «Капитала» я делаю намеки на судьбу плебеев древнего Рима. Вначале это были свободные крестьяне, обрабатывавшие для себя свои собственные участки земли. В течение римской истории они были экспроприированы. То же движение, которое разъединило связь их с принадлежавшими им средствами производства и существования, предполагает не только образование крупной поземельной собственности, но также и крупных денежных капиталов. Итак, в одно прекрасное утро появились, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме их рабочей силы, а с другой — для эксплуатации этого труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздно-любивою чернью, «mob», более низкою, чем бывшие «белые бедняки» (poor whites) южных штатов, и вместе с ними развился не капиталистический способ производства, а рабский. Следовательно, события поразительно аналогичные, но происходящие в среде исторически различной, приводят к результатам совершенно несходным. Изучая каждую из этих эволюций

в отдельности и затем сравнивая их, легко найти ключ к этим явлениям, но никогда нельзя притти к пониманию их, имея в руках отмычку (passe partout) историко-философской теории, высшее достоинство которой состоит в том, чтобы быть наи-историческою (supra-historique).

№ 2 (к стр. 369).

СУДЕБНЫЙ САЛЮТ РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ.

(Статья М. Каткова в № 146 «Московских Ведомостей» от 29 мая 1886 г.)

Вчера, в старом богоспасаемом граде Владимире, раздался сто один салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса. Итак, да здравствует рабочий вопрос и droit au travail! Пора ему явиться на Руси. У нас есть и jury, и арлекинада судебных прений, и свои maîtres Lachaud,— как же не быть у нас рабочему вопросу со всею его свитой! Одно к одному, одно тесно связано с другим. Разве вслед за принесенною пародией чужих учреждений не появился у нас и социализм, и заговоры, и политические преступления, разве Россия не ославилась в целом мире как революционный вулкан? Мы знаем, что все это был обман и призрак, но призрак этот действовал и оставил очень реальные последствия. Призрак этот действует и теперь и последствия его еще далеко не исчерпаны. Все эти неестественные явления в нашей жизни весьма естественно порождаются легкомысленно заимствованными из чужих стран, фальшиво понятыми, фальшиво поставленными учреждениями, которые расстроили и одурманили нас и, не сделав нас ни французами, ни англичанами, грозят сделать нас никуда негодными русскими. Мы убедились ежедневным опытом в несостоятельности и нелепости внесенных к нам с новыми учреждениями доктрин; мы убедились в невозможности жить долее в этих условиях; все сверху до низу чувствуем мы и сознаем настоятельную необходимость избавить страну от этих чужеядных начал,— и нет ничего легче, как положить конец нашему расстройству, отрезвить и оздоровить наши учреждения; но тем не менее, из года в год, продолжаем мы терпеть и питать в себе это зло, давая ему распространять свое действие на все сферы нашей жизни, мутить общество и, наконец, развращать народные массы.

Почти за полтора года пред сим на Никольской фабрике, в Покровском уезде, Владимирской губернии, произошли беспорядки, о которых тогда писалось во всех газетах. Если публика забыла подробности этого происшествия, то читанный на этих днях во Владимирском окружном суде обвинительный акт, в котором изложены установленные следствием по этому делу сведения, напоминают нам все эти подробности. Это была такая же подделка под рабочие движения во Франции или Бельгии, столь же бессмысленная, грубая и фальшивая, как и принесенные к нам политические доктрины, которые до сих пор фигурируют в наших учреждениях. Если не по размерам, то по своему характеру сцены, происходившие на Никольской фабрике, принадлежат к одной категории с беспорядками в Деказвилле, с тою только разницею, что там эти явления имеют своего рода смысл и вызываются некоторыми органическими условиями тамошней жизни, между тем как у нас они возбуждаются искусственно. Бунт на Никольской фабрике содержал в себе все, что нужно для того, чтобы Россия могла представиться одержимою недугом пролетариата и рабочего вопроса и, что важнее, представить в России трагикомедию борьбы труда с капиталом. Что тут были дрессированные подстрекатели и руководители, в этом нельзя было сомневаться с самого начала. В этом бунте было все, и буйство, и грабеж, и пляска женщин, как будто в Деказвилле, были побоища, было даже убийство, наконец, было сопротивление властям и нападения

на военную команду. Руководители оказались людьми отлично для этого дела приспособленными, умеющими скрываться за толпой и вести свое дело систематически. Что дело было горячее, явствует уже из того, что власти, давно утратившие дух и склонные действовать послабительно, должны были вызвать военную команду. Несколько сот человек, помним мы, были пригнаны в Москву, в Пересыльный зàмок, откуда партиями препровождались на места жительства. Этим бы лучше было и кончить. Что же касается руководителей и подстрекателей, то они были хорошо ведомы правительству. Если б имелось в виду только прекратить зло, то стоило бы только изъять двух-трех человек из среды рабочего люда и выслать их в знакомые им места. Ближайший руководитель дела, крестьянин Смоленской губернии Мосеенок, равно как и другой крестьянин, работавший не на Никольской фабрике, а на одной из соседних, но бывший в единомыслии и постоянных сношениях с Мосеенком, Лука Иванов, еще в 1878 году, состоя на одной из петербургских фабрик, были замечены полицией в политической неблагонадежности, были высланы на места жительства, вновь появились в Петербурге и, как участники в тайном сообществе, были препровождены в Сибирь, в Каинский округ, откуда освобождены в 1880 г., во время столь памятной «диктатуры сердца». Мосеенок шлялся по разным фабрикам, ища повидимому удобной почвы для пропаганды, просвещая рабочих, читая и толкуя им об «эксплуатации» рабочего труда капиталом. Он-то, с подручным ему молодым парнем, и старался устроить на Никольской фабрике стачку и забастовку, по всем правилам выработанной по сему предмету доктрины. Стачка и забастовка не удались; вышел простой бунт, дикий разбой и грабеж. Как Мосеенок, так и Лука Иванов находились в сношениях еще с одним, гораздо более значительным государственным преступником, некиим Аппельбергом... Итак, дело было бы кончено благополучно, попросту без затей, если б администрация приняла свои меры, даже если бы никаких дальнейших мер не принимала. Но, к сожалению, были тогда же арестованы 33 человека, заключены во Владимирский тюремный зàмок и преданы суду как главные участники буйства, а девятеро из них еще специально как стачечники и забастовщики. Просидели они в тюремном зàмке слишком год. 10 февраля стачечников и забастовщиков судили и приговорили к разным срокам тюремного заключения; остальные же были отпущены на поруки, в ожидании процесса собственно о беспорядках на фабрике, который начался на этих днях и окончился вчера.

Присяжным были заданы *сто один* вопрос, из коих на каждый был дан ими ответ отрицательный. Присяжные, таким образом, как сказано в полученной нами телеграмме, сполна *оправдали* всех подсудимых. А так как судились из числа рабочих признанные за главных зачинщиков и участников, то вышло как бы так, что беспорядков вовсе не было, что если были в этом деле виновные, то разве только хозяин фабрики. И буйство, и поломанные станки, и разграбленные лавки, и побитые люди, и нападения с угрозами убийства на мирных товарищей-рабочих, и сопротивление властям и войскам, все это признано делом законным и справедливым. Присяжные не то что помиловали подсудимых,—миловать они не имеют права, что̀ и объяснил им пред их удалением в совещательную комнату председатель суда,—они *оправдали* подсудимых, то-есть признали бунт законным бунтом и грабеж справедливым грабежом. Что оправдывается, то заслуживает одобрения и подражания. Остается только горький вопрос: за что̀ же так долго томились в тюрьме добрые люди, эти мученики? Оправдать и помиловать, всякий видит, две разные вещи. Допустим, что рабочие были вынуждены к буйству превышающими всякую меру притеснениями; допустим, что фабрика была для них сущим адом, что с ними обращались как плантаторы в романе Бичер-Стоу с неграми, и что хозяин фабрики был хуже этих плантаторов: в виду таких ужасов, жаль было бы карать этих несчастных, выведенных из

терпения и доведенных до исступления; следовало бы оказать им снисхождение и быть может полное помилование, однако не обеляя, не одобряя, то-есть не оправдывая деяний несомненно преступных. Но наши судебные порядки изгладили это существенное различие. Суд вообще бывает у нас судом не столько над преступниками, сколько над потерпевшими, и в данном случае суд происходил не столько над рабочими, привлеченными к ответственности за буйство, сколько над дирекцией фабрики, которая якобы донимала рабочих чрезмерными штрафами. Весьма печальную роль играл, при допросе, сам хозяин фабрики и другие служащие при ней лица. Они, видимо, говорили как бы не своим голосом и не осмеливались настаивать на каком-либо своем праве. Особенно бывший смотритель на фабрике, Шорин, на которого главным образом были злы рабочие, так что ему бы не сдобровать во время бунта, если б он не спрятался на чердак и потом не убежал задним ходом из своей квартиры, куда вторглась буйная толпа, видимо, хотел выставить себя либералом и филантропом, на счет своего бывшего хозяина. Эта неестественность и фальшь объясняются общим упадком духа и опасением подвергнуться ошельмованию на суде и потом в печати.

Теперь спрашивается, действительно ли так притеснялись рабочие, что им было не в мочь и ничего не оставалось, как бить, ломать и грабить. Никольская фабрика существует давно; она принадлежит к числу лучших мануфактур. Рабочие не состоят к фабрике ни в каких крепостных или обязательных отношениях; приходят они добровольно и уходят, по окончании договорного срока, беспрепятственно. Если б именно на этой фабрике чинились нестерпимые притеснения, то она давно закрылась бы, между тем как число рабочих в ней доходило до одиннадцати тысяч, и никогда рабочие не бунтовали, пока не поселился между ними Мосеенок. Двух месяцев было достаточно ему, чтобы поставить их на ноги. При фабрике есть школа на 600 человек, больница на двести кроватей и, кроме лавки от самой фабрики для продовольствия рабочих, есть другая, конкурирующая с ней на артельном начале, самими рабочими содержимая лавка, которая также подвергалась нападению буйной толпы. Штрафы, — но штрафы на фабриках — необходимость; без них не было бы никакого слада с рабочими, и фабрику хоть закрывай. Без строгого порядка и должной требовательности не может итти дело. Все кричат и сетуют, что мы далеко отстали от других народов в промышленном деле; глумятся за это над своим варварством, выставляют себя пасынками природы, просят охраны нашей промышленности от иностранной конкуренции, дабы дать ей срок окрепнуть и усовершенствоваться. Но можно ли достигнуть сколько-нибудь уважительных результатов при рабочих распущенных, пьяных, небрежных, и послужит ли самим рабочим в пользу их распущенность, их пьянство, их небрежность? Мы готовы взять назад все, чтò было настойчиво говорено нами о потребности охраны промышленного дела в России; мы готовы, наоборот, просить Министерство Финансов, чтоб оно отменило все таможенные преграды. Пусть лучше все наши мануфактуры закроются, если положение нашей промышленности, равно как другие отправления общественной жизни, будут регулироваться нашими присяжными поверенными и нашими присяжными заседателями (к слову сказать, в данном случае, старшиной владимирских присяжных состояло лицо финансового ведомства).

Итак, мы дозволяем себе спросить, нужно ли было и зачем было нужно предавать бунтовавших рабочих суду? Чтò ожидалось от нашего суда? Чего иного можно было ожидать, кроме нового скандала... Но с народными массами шутить опасно... Что должны подумать рабочие в виду оправдательного вердикта Владимирского суда? Весть об этом решении мгновенно облетела весь этот мануфактурный край. Наш корреспондент, выехавший из Владимира тотчас после состоявшегося приговора, уже слышал о нем на всех станциях...

№ 3 (к стр. 419).

ПИСЬМО ДУРНОВО ПОБЕДОНОСЦЕВУ.

М. В. Д. *Совершенно доверительно.*

Милостивый Государь Константин Петрович!

Сведения, полученные в течение последних лет, свидетельствуют, что лица, неблагонадежные в политическом отношении, а также часть учащейся молодежи известного направления, по примеру шестидесятых годов, стремятся к поступлению в воскресные школы в качестве преподавателей, лекторов, библиотекарей и т. п. Такое систематическое стремление, не оправдываемое даже изысканием способа приобретения средств для существования, так как все обязанности в подобных школах исполняются безвозмездно, доказывает, что вышеозначенное явление представляет собою одно из средств борьбы на легальной почве с существующим в России государственным порядком и общественным строем противоправительственных элементов. По имеющимся сведениям, все воскресные школы, учрежденные городскими управлениями, земствами, а равно и частными лицами до 1891 года на основании Положения о начальных народных училищах 1874 г., состоят в ведении М. Н. П. и находятся под наблюдением дирекции и инспекции народных училищ, губернского и городского училищных советов, при чем высшее наблюдение за преподаванием Закона Божия и религиозно-нравственным направлением обучения принадлежит по ст. 7 Положения епархиальному архирею через назначенных им с этою целью особых лиц. Заведывание же делами и ответственность за порядок лежит в силу ст. 14 Положения — в школах общественных — на попечителях и попечительницах, а в частных — на распорядителях и распорядительницах. Преподаватели избираются на основании циркуляра М. Н. П. от 3-го мая 1875 года содержателями или учредителями училищ и допускаются к исполнению должности инспектором народных училищ, по предварительному сношению об их нравственных качествах и политической благонадежности с местной администрацией. После же 1891 года открытие воскресных школ и управление ими переданы в исключительное ведение епархиального начальства и в какой мере применяются вышеизложенные правила Положения о начальных народных училищах М. В. Д. неизвестно. Между тем, из имеющихся сведений усматривается, что не только в составе преподавателей встречаются люди вредного в политическом отношении направления, но что нередко самые школы находятся под негласным руководством целого кружка неблагонадежных лиц, члены коего, совершенно не принадлежащие к официальному персоналу служащих, по приглашению ими же поставленных учителей и учительниц, читают по вечерам лекции и занимаются по временам с учащимися, при чем в некоторых школах на каждого ученика приходится по отдельному неофициальному учителю. Хотя публичные чтения в школах этого типа допускаются на основании Высочайше утвержденного Положения 24 декабря 1876 года, беседы же духовно-нравственного содержания разрешаются епархиальным начальством под надзором указанных им лиц, но порядок, допускающий возможность чтения лекций людьми посторонними, дает полный простор для проникновения в число лекторов лиц прямо революционной среды, которые, разумеется, сумеют воспользоваться всяким предметом и любой одобренной программой для внушения слушателям, конечно, с осторожностью и с соблюдением постепенности, противоправительственных идей. Яркой иллюстрацией к вышеизложенному может служить отобранное по обыску у лица, привлеченного к дознанию политического характера, письмо преподавателя одной из воскресных школ, фамилия которого до сего времени остается невыясненною.

«С формулировкой Вашей задачи исторических чтений, пишет он, «я согласен, если только внести поправки в п. 2-й. Именно, что только «коллективное самосознание, совокупность отдельных критических личностей «может дать осязательные плоды. Деятельность отдельной личности, «как бы широко она ни была развита, сводится обыкновенно если не «к нулю, то к бесконечно малой величине, парализуемая встречными «противными деятельностями. Да и есть ли особая нужда напирать на «роль личности, когда ей и так склонны навязывать излишнее значение? «Ведь постоянно приходится слышать: «Куда нам дуракам чай пить!» «Да и чем объяснить продолжительность и абсолютную власть в России, «как не тем же самым превозношением отдельной личности на счет массы. «А это у Вас, кажется, упущено из виду. Далее я бы еще более выдвинул «практическую задачу: именно, ознакомление с современной действитель-«ностью, как следствием предыдущей исторической жизни. Следует «остановиться на тех фактах нашей истории, которые так или иначе «отзываются на текущей действительности или, по крайней мере, объ-«ясняют ее. Объединяющей идеей в этом случае можно было бы выста-«вить идею закрепощения и раскрепощения сословий. Ведь крестьянский «вопрос есть исходная точка для объяснения современного строя (рабочий «вопрос неразрывно связан с ним и другие стороны нашей жизни тоже). «К нему бы можно было приурочить некоторые другие Ваши темы, «напр., Разина, Пугачева; хотя они и действовали в разное время, но «смысл их бунтов был один и тот же. А ведь надо иметь в виду кратко-«временность срока чтений, а потому останавливаться лишь на наиболее «характерных, наиболее типичных фактах. С этой же точки зрения мне «кажется излишне обособлять Бироновщину и Аракчеевщину. Точно «также незачем так долго останавливаться на московских князьях, осо-«бенно не надо упускать из виду текущую жизнь. Ведь только знакомство «с условиями тебя окружающими сделают из тебя человека сознательного «и активного. Ваша проповедь может привести к результатам прямо «противоположным тем, коих Вы желаете. Именно эта борьба, привле-«кательная с нравственной стороны, но сопряженная с личными страда-«ниями, может во многих не усилить энергию, а ослабить ее».

Независимо от сего в М. В. Д. имеется полученная негласным путем программа для публичного чтения в одной из московских воскресных школ следующего содержания: «Происхождение общества, развитие обще-«ственной организации. Государство и для чего оно нужно. Порядок, «свобода, справедливость. Формы государственного устройства. Монархия «абсолютная и конституционная. Труд — основа общего благосостояния. «Полезность и богатство. Производство, обмен и капитал. Как распре-«деляется богатство. Преследование собственного интереса. Собственность «и ее необходимость. Освобождение крестьян с землею. Рента, прибыль, «заработная плата. Отчего зависит плата и ее виды. Бережливость». Чтение по этой программе, безусловно негодной для народной школы, дает полную возможность лектору ознакомить постепенно слушателей с теориями Карла Маркса, Энгельса и др., и присутствующее по назначению епархиального начальства лицо едва ли в состоянии будет уловить в чтении начатки социал-демократической пропаганды. Для более точного ознакомления с составом служащих в воскресных школах затребованы были сведения о церковно-приходской воскресной школе при московской фабрике Товарищества Прохоров. Трехгорной мануфактуры, о мужской воскресной школе, открытой 15-го минувшего января в г. Ельце с разрешения епархиального начальства под наблюдением соборного протоиерея о. Г. Селихова и о воскресной школе в г. Тифлисе при главных мастерских Закавказской железной дороги, разрешенной к открытию Его Высокопреосвященством экзархом Грузии в декабре прошлого года согласно ходатайства начальника названной дороги. Из полученных официальных отзывов усматривается, что в первой из вышепоименованных школ в числе

преподавателей состоят следующие лица, известные по своей неблагонадежности или по сношениям с лицами вредного направления: бывший студент москов. унив. Дмитрий Дмитриевич *Солодовников*, томская мещанка Таисия Михайловна *Акимова*, таганрогская мещанка Надежда Степановна *Селеда*, дочь гражданина города Вехно Софья Семеновна *Якобсон* и итальянская подданная Матильда Исидоровна *Семерга*. Кроме того, зимою прошлого года означенную школу посещали в качестве лекторов еще несколько лиц, ныне, впрочем, устранившихся от занятий. — Учредителем Елецкой воскресной школы, помещающейся за рекой Сосной, где живет преимущественно простой и мастеровой люд и где находятся железнодорожные мастерские, состоит инспектор Александровского Елецкого технического железнодорожного училища Андрей Иванов *Яшнов*, который, будучи студентом московского технического училища, вращался в противоправительственных кружках и находился в сношениях с лицами, привлеченными к делам политического характера; из числа учителей и учительниц Департаменту более или менее известны по сомнительной благонадежности бывшая ученица Елецкой гимназии Анна Ивановна *Архипова*, Александр Павлов *Бутягин*, врач Владимир Андреев *Варгунин*, бывшая слушательница СПБ. высших женских курсов Фелидота Ивановна *Коренева*, Екатерина Никоновна *Однолюбова* и мещанка Антонина Николаевна *Сафонова*.

Тифлисская школа фактически пока еще не открыла своих действий, но в числе 16 человек, изъявивших желание принять участие в обучении, уже значатся шесть человек, весьма неблагонадежных в политическом отношении, а именно: бывший студент новороссийского университета Рудольф Иванов *Данилович*, бывш. студент петербургского университета Николай Иванов *Семенов*, бывший студент москов. коммерческого училища Петр Васильев *Румянцев*, бывший студент технологического института *В. В. Тимофеев*, Николай Карлов *Кессених* и бывший студент московского университета Николай Яковлев *Слепородский*, при чем трое первых привлекались в качестве обвиняемых по делам политического характера и понесли соответствующие наказания.

Сообщая об изложенном Вашему Высокопревосходительству для сведения, я считаю долгом добавить, что по моему мнению представляется настоятельно необходимым принятие самых действительных мер к устранению возможности лицам, не принадлежащим к официальному составу воскресных школ, выступать в качестве лекторов и вообще принимать всякое, хотя бы даже косвенное участие в преподавании или наблюдении за школьными занятиями. Равным образом весьма желательно, чтобы епархиальное начальство, по сношении с администрацией, занялось тщательной проверкой лиц, уже допущенных к занятиям в школах, а при назначении новых наставников предварительно собирались бы сведения об их благонадежности. Вместе с сим, прилагая копию циркуляра губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам и начальникам жандармских управлений, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, не изволите ли Вы признать полезным сделать распоряжение по вверенному Вам ведомству о том, чтобы, в случае требования сведений о политической благонадежности, запросы по этому предмету были направляемы губернским начальством к местным губернаторам, а центральными правлениями в Департамент Полиции.

Примите и проч. Подписал: *Ив. Дурново.*

№ 2603. 18-го марта 1895 г.

№ 4 (k стр. 442).

ЦИРКУЛЯР ВИТТЕ ФАБРИЧНЫМ ИНСПЕКТОРАМ.

Секретно.

Министерство Финансов.

Департамент Торговли и Мануфактур.

Чинам фабричной инспекции.

Случаи беспорядков в текущем году на некоторых мануфактурах побуждают меня обратить внимание ваше на эти печальные явления, нарушающие спокойное течение промышленности к ущербу для фабрикантов и к еще большему вреду для самих рабочих.

Беспорядки последнего времени, как это раньше наблюдалось, были вызваны или теми переходящими с фабрики на фабрику рабочими, которые по своим нравственным качествам не могли себе приобрести прочного положения ни на одной из мануфактур, или людьми, превратно понимающими интересы рабочих и стремящимися искусственно создать у нас ту печальную рознь, которая возникла между фабрикантами и рабочими на Западе.

Эти люди, являющиеся злейшими врагами не только общественного порядка, но и действительных интересов самих рабочих, тем опаснее, что они вносят в среду рабочих смуту во имя отвлеченных или заведомо ложных идей, совершенно чуждых народному духу и складу русской жизни.

Стоя близко к фабричной жизни и зная, как легко толпа может поддаваться подстрекательствам, вы должны обратить особое внимание на возможно частое разъяснение рабочим всей незаконности их действий, ведущих к беспорядкам на фабриках, и их ответственности за нарушение закона и порядка.

В нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочими. Эта патриархальность во многих случаях выражается в заботливости фабриканта о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечениях о сохранении лада и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях. Когда в основе таких отношений лежит закон нравственный и христианские чувства, тогда не приходится прибегать к применению писаного закона и принуждения.

Способствуя и помогая этому доброму течению всеми зависящими от вас мерами, действуя силою вашего нравственного авторитета, разъясняя рабочим значение всего полезного и доброго, что для них делается не по обязанности, а по христианскому побуждению и из благородных помыслов, вы будете проявлять ту живую и плодотворную деятельность, которая, независимо от ее прямой пользы для других, даст вам самим большее нравственное удовлетворение, нежели одно лишь нелицеприятное и строгое исполнение обязанностей формальных блюстителей закона.

Я поручил Департаменту Торговли и Мануфактур предложить вам следить с особенным вниманием за всяким проявлением среди фабрикантов заботливости о рабочих и представлять описание учреждений, устройств и порядков, имеющих целью благо рабочих, дабы, по опубликовании их затем во всеобщее сведение, обратить на них внимание остальных фабрикантов и пробудить в них благородное соревнование в следовании добрым примерам. Вместе с тем с особенным вниманием вы должны следить и своевременно доводить до сведения Министерства Финансов о всех таких нездоровых проявлениях и неустройствах на фабриках, которые могут порождать беспорядки.

Как люди, ясно понимающие важность лежащих на вас обязанностей, как люди образованные и близко знакомые с фабричным бытом, вы должны пользоваться подходящим случаем, чтобы внушить рабочим, что не только незаконность притязаний, но даже стремление к достижению законных прав, но противозаконным или насильственным путем, будет неизбежно приводить не к улучшению, а к ухудшению их положения, ибо правительство, при таких обстоятельствах, не может допустить осуществления желаний рабочих даже в том случае, если бы фабриканты, под влиянием угроз или по добродушию, изъявили согласие на уступки, и что закон призван одинаково ограждать справедливые интересы как фабрикантов, так и рабочих.

В заключение не могу не выразить уверенности в благотворных последствиях своего обращения к вам, так как с особенно отрадным чувством осведомлялся из ваших донесений, что на всех фабриках, где происходили беспорядки, рабочие, по разъяснении им законных их обязанностей, внимали увещаниям фабричной инспекции и других местных властей и немедленно становились вновь на работу. Я убедился также и в том, что со стороны инспекции были приняты все разумные меры к скорейшему водворению порядка: все инспектора, в особенности старший фабричный инспектор Владимирской губернии, принявший на себя, с моего разрешения, ответственный пост временного директора-распорядителя фабрики и тем предупредивший распространение беспорядков на соседние мануфактуры, проявили достойную похвалы распорядительность.

№ 5 (к стр. 455).

ЦИРКУЛЯР ВИТТЕ К СТАЧЕЧНИКАМ.

Сим, по приказанию министра финансов, объявляется рабочим с.-петербургских бумагопрядильных и ткацких фабрик:

В течение последних двух недель на некоторых с.-петербургских хлопчато-бумажных мануфактурах рабочие прекращали работы и устраивали стачки, подстрекаемые к тому злонамеренными людьми, которые давно уже приглашают их забастовать и сулят, что этим путем рабочие добьются для себя разного рода выгод.

Уже за эти дни рабочие сами убедились, что стачка повела к дурным последствиям для них: рабочие потеряли обычный свой заработок, многие за целый полумесяц; зачинщики и коноводы арестованы, и по закону будут подлежать строгому наказанию. А сколько страху и нужды натерпелись за это время ни в чем неповинные семьи рабочих...

Когда рабочие забастовывают, то даже справедливые их желания во время забастовки не могут выслушиваться; — никакие просьбы от них не могут приниматься, потому что забастовщики, самовольно, скопом бросая работу, действуют *беззаконно.*

Закон защищает рабочих и указывает путь, которым они могут отъискать правду, если чувствуют себя обиженными. Закон говорит, что в случае каких-либо между фабрикантом и рабочими неудовольствий, которые полюбовно не улаживаются, рабочие должны обратиться к фабричному инспектору; он разберет дело и решит его. Если решение фабричного инспектора не удовлетворит рабочих, они могут обратиться в Департамент Торговли и Мануфактур, а то и к самому Министру Финансов, и никогда жалобы рабочих в Департамент или Министру не оставались без расследования и удовлетворения, если они не были противозаконны.

Пусть рабочие будут уверены, что правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих. Правительство заботится об улуч-

шении их быта и облегчении их работы, насколько это можно и выгодно для самих рабочих.

Пусть рабочие не верят тем, кто пишет подметные листки: не от доброго сердца подстрекают они рабочих и не к добру их ведут, а пользуются ими как орудием для достижения своих преступных целей. Пусть разумные рабочие не только не слушают подстрекателей, но разъясняют своим молодым и неопытным товарищам, что, только повинуясь закону, можно ожидать удовлетворения справедливых ходатайств, стачки же будут всегда вести к несчастию и к разорению рабочих.

Каждый обязан долг свой выполнять по закону и жить по правде божией. Только такой человек может быть полезным отечеству, и о нем будет заботиться *Царское Правительство.* Всякий же нарушитель закона и порядка никогда не найдет поддержки у начальства, а напротив, за свое беззаконие понесет должное наказание.

С.-Петербург, 15 июня 1896 года.

№ 6 (к стр. 455).

К ПЕТЕРБУРГСКИМ РАБОЧИМ.

(Прокламация петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».)

Товарищи! Стачка ткачей так перепугала царское правительство, что оно пускается на всякие средства, лишь бы замять ее. Сначала оно нас всячески запугивало: грозило и судом, и тюрьмою, обещало всех нас выслать на родину, и действительно арестовало и выслало более тысячи человек, — но все это не помогло. Теперь оно прибегает к «подметным» листкам, разговаривает с нами, — чего раньше не бывало. Царское правительство приглашает нас жить по правде божией и уверяет, что ему одинаково дороги интересы фабрикантов и рабочих. Ой, правда ли? Правда, правда. Посмотрите, товарищи: капиталисты устраивают и стачки для повышения цен на товары, и съезды для обсуждения своих плутней, — рабочим же обсуждать сообща свои нужды нельзя: это незаконно. Капиталистам обещали возместить так или иначе убытки за время стачки, — к рабочим же приставили солдат, жандармов, казаков, должно быть, для того, чтобы капиталисты не притесняли. Капиталистов звали на совещание к министру, ну, а рабочих — в кутузку. И все это потому, что министр заботится об улучшении нашего быта и облегчении работы, насколько это можно и выгодно для нас самих. Ведь мы не понимаем сами своих интересов, это все злоумышленники и подстрекатели действуют. Мы не можем сами понимать, как тяжело работать по 15 часов в сутки и не иметь никогда отдыха, мы не можем сами понимать, как тяжело постоянно жить впроголодь. Куда нам! Этому научили нас подстрекатели. Министр и фабричные инспектора — покровители наши и защитники наших «законных» требований? Хитро сказано — «законных» требований. Будто мы не знаем законов. Будто мы не знаем, что наши требования о насущных нуждах наших, сокращении рабочего дня, увеличении заработной платы считаются незаконными.

А то, что есть в законе, то разве соблюдается? Столь заботливое о нас правительство, приглашая нас поступать по закону, разослало недавно секретный циркуляр мировым судьям, предписывая разбирать дела фабрикантов с рабочими не по закону, а по обычаям, какие существуют на фабрике, попросту говоря, как фабрикант захочет.

Эх, братцы, полно нам слушать министра! Посмеемся над его воззванием и будем продолжать наше тяжелое и славное дело, будем попреж-

нему неустанно и твердо бороться сами за свои интересы и будем тому же учить наших молодых и неопытных товарищей. Вся наша трудовая жизнь научила нас, что кроме самих себя у нас нет друзей, что только суровою борьбою можем мы добиться чего-либо от капиталистов и правительства. Нас не испугают никакие угрозы, не устрашат никакие жертвы. Мы будем бороться, пока не добьемся своей великой цели — освобождения рабочего класса.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

27-го июня 1896 г.

№ 7 (к стр. 447).

СПИСОК ПРОКЛАМАЦИЙ ПЕТЕРБУРГСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА» ЗА 1895 — 1897 г.г.

В списке министра юстиции Муравьева *) имеются указания на следующие прокламации петербургского «Союза борьбы»:

1. «*Что такое социалист и политический преступник*». За подписью «Ваш товарищ-рабочий». [Автор — И. В. Бабушкин. Выпущена в конце 1895 г.]

2. «*К товарищам-рабочим*». В прокламации сообщается об арестах, произведенных в Спб. в ночь на 9 декабря 1895 г., при чем рабочие приглашаются попрежнему дружно защищать свои интересы. [Автор — Л. Мартов. Имеется в Институте Ленина.]

3. «*Ко всем петербургским папиросницам*». Приглашает работниц «восстать на защиту своего бедственного положения, выступив на борьбу за общее дело». [Относится к февралю 1896 г. Имеется.]

4. «*Ко всем петербургским рабочим*». Рабочие призываются вести борьбу с фабрикантами и правительством дружно, но спокойно, без беспорядков и насилий, чтобы избежать вмешательства военной силы. [Относится, вероятно, к декабрю 1895 г. Имеется.]

5. «*Требование ткачей на фабрике Лебедева*» — призывает рабочих к требованию освобождения арестованных товарищей и к восстановлению старого заработка. Гектографированное. [Имеется.]

6. «*К рабочим Путиловского завода*», призывающая рабочих к устройству стачки.

7. «*К прядильщикам фабрики Кенига*», по поводу необходимости устройства стачки. [Автор — Л. Мартов.]

8. «*К рабочим и работницам фабрики Торнтона*». Рабочие приглашаются к повторению стачки, происходившей 6 и 7 ноября 1895 г. [Автор — В. И. Ленин; перепечатывается здесь.]

9. «*Чего требуют ткачи*». Прокламация убеждает рабочих требовать возвращения к той расценке, которая была ранее, определяя табеля расценок по соглашению с рабочими, и уменьшения платы за квартиру.

10. «*Ко всем петербургским папиросницам*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Гектографированная прокламация, приглашающая папиросниц примкнуть к союзу рабочих для борьбы за общее дело.

11. «*Товарищи*». Гектографированное воззвание, подстрекающее рабочих к организации стачек. [Относится к началу декабря 1895 года. Составлено рабочим Б. Зиновьевым и передано было Л. Мартову, который

---

*) «Революционное движение в России в докладах министра Муравьева», с пред. Л. Мартова. СПБ. 1907 г.

вместе с Б. Горевым - Гольдманом печатали его на квартире последнего впервые на мимеографе, при чем восковка писалась Б. Горевым от руки печатными буквами. Имеется.]

12. «*К товарищам рабочим Путиловского завода*». Гектографированная прокламация, приглашающая рабочих к устройству стачки.

13. «*К рабочим Резво-Островской мануфактуры А. П. Воронина*» от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Гектографированное воззвание, призывающее рабочих требовать повышения расценки и сокращения штрафов, а при неисполнении сего устроить стачку.

14. «*К рабочим Калинкинской бумагопрядильной фабрики*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Петербург. Апрель». Гектографированное воззвание, подстрекающее рабочих к требованию отмены штрафов за опоздание. [Имеется.]

15. «*К оружейникам Сестрорецкого завода от союза рабочих в Петербурге*», за подписью «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «5 апреля 1896 года». Гектографированная прокламация, призывающая рабочих названного завода примкнуть к «Союзу» и общими силами бороться с капиталистами и правительством. [Материал для прокламации дан рабочим Ивановым. Напечатана Б. Горевым. Имеется.]

16. «*Товарищам-рабочим Александровского чугунного завода*». 13 апреля 1896 г. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Воззвание гектографированное, приглашает рабочих устроить стачку. [Имеется.]

17. «*Рабочий праздник 1-го мая*» от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «19 апреля 1896 года». Гектографированное воззвание, приглашающее рабочих праздновать день 1-го мая. [Автор — В. И. Ленин; перепечатывается здесь.]

18. «*К рабочим завода Феникс*», с пометкою: «С.-Петербург, 30 апреля 1896 г.». Гектографированное воззвание, приглашает рабочих требовать сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы. [Имеется.]

19. «*Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен*», за подписью «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и с пометкою: «30 мая 1896 г.». Гектографированное воззвание. [Имеется.]

20. «*К рабочим всех петербургских бумагопрядилен*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «1-го июня 1896 г.». Гектографированное воззвание, подстрекающее рабочих к устройству стачки. [Имеется.]

21. «*Ко всем петербургским рабочим*», за подписью «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «3 июня 1896 года». Гектографированная прокламация, призывает рабочих поддерживать забастовавших ткачей, собирая деньги в пользу стачечников. [Имеется.]

22. «*Ко всем рабочим Петербургских заводов*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «4 июня 1896 года». Гектографированное воззвание, призывающее рабочих к общей стачке. [Имеется.]

23. «*К рабочим Невской писчебумажной фабрики Варгунина*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «4 июня». Гектографированное воззвание, приглашающее рабочих названной фабрики примкнуть к забастовке. [Имеется.]

24. «*К русскому обществу*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «10 июня 1896 г.». Гектографированная прокламация, в которой общество приглашается сочувственно отнестись к рабочему движению и оказать рабочим материальную поддержку для борьбы. [Имеется.]

25. «*Товарищи рабочие*». Гектографированное воззвание без обозначения времени и места выпуска, оканчивающееся призывом: «Рабочие, соединяйтесь». [Имеется.]

26. «*К рабочим ткацких и прядильных фабрик*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «27 июня 1896 г.». Гекто-

графированное воззвание, приглашающее рабочих устроить новую стачку, чтобы довести свое дело до конца. [Имеется.]

27. «*К петербургским рабочим*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «27 июня 1896 г.». Гектографированная прокламация, приглашающая всех рабочих к совместной борьбе с капиталистами и правительством. [Имеется.]

28. «*К рабочим Балтийского завода*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «27 июня 1896 г.». Гектографированное воззвание, приглашающее рабочих к устройству стачки. [Имеется.]

29. «*К рабочим фабрики Паля*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «19 июля 1896 г.». Гектографированная прокламация, приглашающая рабочих дружнее отстаивать свои требования. [Имеется.]

30. «*К рабочим Балтийского завода*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «24 июля 1896 года». Гектографированная прокламация, призывает рабочих не соглашаться на уступки, сделанные администрацией завода, и требовать новых послаблений. [Имеется.]

31. «*К рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «6 августа 1896 г.». Гектографированная прокламация, приглашающая рабочих требовать от хозяев и правительства улучшения их положения. [Имеется.]

32. «*К русскому обществу*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «сентябрь 1896 г. С.-Петербург». Гектографированное воззвание, призывающее всех, «кому дороги интересы рабочего класса», оказать посильную помощь забастовщикам. [Имеется.]

33. «*Всем С.-Петербургским рабочим*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «15 сентября 1896 г.». Воззвание гектографированное, издано по поводу происходивших стачек и приглашает рабочих «бодро итти по намеченному пути к великой, конечной цели — полному освобождению рабочего класса от гнета капитала». [Автор — Б. Горев - Гольдман. Имеется.]

34. «*Союз борьбы за освобождение рабочего класса царскому правительству*», с пометкою: «Ноябрь 1896 г.». Гектографированное воззвание, в котором заявляется, что происходившие в 1895 — 1896 г.г. стачки оказали громадную услугу русским рабочим, показав им, как надлежит вести борьбу за свои интересы. [Автор — В. И. Ленин; перепечатывается здесь.]

35. «*К рабочим Путиловского завода*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «С.-Петербург, 12 ноября 1896 г.». Гектографированное воззвание, подстрекающее рабочих к борьбе с администрацией завода из - за последовавшей сбавки. [Имеется.]

36. «*К рабочим Балтийского завода*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «14 ноября 1896 г.». Гектографированное воззвание, приглашающее рабочих сплотиться для борьбы за улучшение своего положения. [Автор — Б. Горев-Гольдман. Имеется.]

37. «*К рабочим бумагопрядильной мануфактуры Кенига*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «14 декабря 1896 г.». Гектографированная прокламация, призывающая к устройству новой стачки.

38. «*К рабочим Екатерингофской мануфактуры*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Декабрь, 1896 г.». Гектографированное воззвание, подстрекающее рабочих требовать сокращения рабочего дня. [Имеется.]

39. «*К рабочим Петербургских бумагопрядилен и ткацких*», от 7 января 1897 г. Гектографированное.

40. «*Петербургским ткачам и прядильщикам*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Петербург, 9 января

1897 г.», указывающее на сокращение рабочего дня, как результат стачек, и приглашающее поддержать требование о часовом обеденном перерыве, сокращении рабочего дня в субботу и повышении расценки. Воспроизведено на мимеографе.

41. «*Ко всем Петербургским рабочим*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкой: «11 января 1897 г.», приглашающее петербургских рабочих дружно отстаивать свои требования. Воспроизведено на мимеографе. [Имеется.]

42. «*К рабочему населению С.-Петербурга*», от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», помечено: «6 марта 1897 г.» и приглашает фабричные классы к борьбе с правительством. Воспроизведено на мимеографе.

43. «*Петербургским ткачам и прядильщикам*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Март, 1897 г.», приглашающее к устройству общей забастовки 16 апреля. Воспроизведено на мимеографе.

44. От имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — «*работницам фабрики Лаферма*», — «март, 1897 г.», призывающее к объединению — устройству кружков и кассы. Воспроизведено па мимеографе. [Автор, очевидно, Б. Горев. Имеется.]

45. «*К рабочим Балтийского завода*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», помеченное мартом 1897 г., по поводу вывешенного в мастерских объявления о незаконности требований рабочими возврата 1% вычетов в капитал вспоможения, приглашающее дружно отстаивать свои интересы и соединиться с рабочими других фабрик и заводов для борьбы с правительством. Гектографированное.

46. «*Рабочим Кожевниковской мануфактуры*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Март 1897 г.», по поводу сокращения рабочего дня, приглашающее предъявить новые требования: 1) уплаты за краденые аршины, 2) введения одних верных часов и уплаты за краденые минуты, 3) уничтожения штрафа 25 коп. за опоздания и 4) повышения расценки или выдачи лучшего материала. Воспроизведено на мимеографе.

47. «*К рабочим Балтийского завода*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Апрель, 1897 г.», поздравляющее «товарищей с победой» по поводу обещанного администрацией завода возвращения рабочим «вычетов» и приглашающее добиваться «политической свободы». Воспроизведено на мимеографе.

48. «*К рабочим писчебумажной фабрики Варгунина*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Апрель 1897 г.», приглашающее требовать увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Воспроизведено на мимеографе.

49. От имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса, под заглавием «*Всемирный рабочий праздник 1-го мая*», призывающее к объединению для требования в будущем политических прав. Воспроизведено на мимеографе. [Автор — Б. Горев. Прокламация была тогда же отпечатана также (в первый раз) и типографским способом. Имеется.]

50. От имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — «*К рабочим Нового Адмиралтейства*», издано 1 апреля 1897 г. Приглашает предъявить требование об уничтожении «незаконных поборов» и сокращении рабочих часов. Воспроизведено на мимеографе.

51. «*Ко всем ткачам и прядильщикам*», от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «Петербург, 16 апреля 1897 г.», приглашающее дружно отстаивать свои интересы и устроить общую стачку 19 апреля (1 мая нов. стиля). Воспроизведено на мимеографе. [Имеется.]

52. «*Речь товарища на всемирном рабочем празднике 1 мая*», подписанное «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», «Апрель, 1897 г.»

и оканчивающееся: «Да здравствует международное движение. Да здравствует международная революционная социал-демократия». Воспроизведено на мимеографе.

53. «*Прядильщикам и ткачам*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «1 мая 1897 г.», приглашающее требовать повышения расценки. Воспроизведено на мимеографе.

54. От имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», — «*рабочим Нового Адмиралтейства*». Издано 20 мая 1897 г.; сообщает о решении устно повторить начальству прежние требования об уничтожении «неправильных вычетов и поборов». Воспроизведено на мимеографе.

55. «*К рабочим писчебумажной фабрики Варгунина*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с пометкою: «28 мая 1897 г.»; ссылается на неисполнение администрацией фабрики прежних требований и приглашает дружно отстаивать свои интересы. Гектографированное.

56. «*Письмо k рабочим по поводу нового закона о длине рабочего дня*» (второе издание), 1 сентября 1897 г., «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Воспроизведено на мимеографе.

57. «*К рабочим бумагопрядильной фабрики Зотова в гор. Костроме*», от 4 октября 1897 г. Воспроизведено на пишущей машине. [Прокламацию отвозила в Кострому молодой член «Союза» О. В. Неустроева.]

58. «*К рабочим и работницам российско-американской резиновой мануфактуры*», от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», без обозначения времени издания, приглашающее взамен участия в подписке на подношение блюда государю императору делать денежные взносы на устройство своей рабочей кассы взаимопомощи в борьбе с капиталистами и правительством. Воспроизведено на мимеографе. [Имеется.]

Кроме перечисленных в этом списке Муравьева, в распоряжении Института Ленина имеются еще копии следующих прокламаций того же периода:

1. «*К рабочим Балтийского завода*» — без даты.
2. «*К ткачам фабрики Лебедева*» — 1 января 1896 г.
3. «*Французским рабочим*» — 3 (15) марта 1896 г. Листок написан к 25-летнему юбилею Парижской Коммуны и отправлен за границу, покрытый подписями рабочих. Автор — А. Потресов.
4. «*К рабочим Нового Адмиралтейства*» — 7 апреля 1896 г.
5. «*К рабочим бумагопрядильни Кенига*» — 4 июня 1896 г.
6. «*К прядильщикам, возобновившим работу*» — 5 июня 1896 г.
7. «*К рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик в Петербурге*» — 12 июня 1896 г.
8. «*К путиловским рабочим*» — 15 июня 1896 г.
9. «*К рабочим чугунного Александровского завода*» — 15 июня 1896 г.
10. «*К рабочим Невского Механического завода*» — 17 июня 1896 г.
11. «*К рабочим Путиловских заводов*» — 19 июня 1896 г.
12. «*К рабочим Варшавской железной дороги*» — 19 июля 1896 г.
13. «*К рабочим фабрики Лаферм*» — 19 июля 1896 г.
14. «*К рабочим Варшавской железной дороги*» — 26 июля 1896 г.
15. «*К рабочим писчебумажной фабрики Варгунина*» — 30 июля 1896 г.
16. «*К рабочим Александровского чугунного завода и Варшавской железной дороги*» — 2 августа 1896 г.
17. «*К рабочим петербургских бумагопрядилен и ткацких фабрик*» — 1 января 1897 г.

Наконец, нам известно о выпуске еще следующих прокламаций, нами пока не разысканных:

1. «*К рабочим фабрики Семянникова*» — январь 1895 г. Автор — В. И. Ленин (см. стр. 463).

2. Первый листок «*К рабочим фабрики Торнтона*» — начало ноября 1895 г.; автор, очевидно, Г. М. Кржижановский.

3. «*К рабочим Александровского механического завода*» — январь 1896 г.

4. «*Ответ английским рабочим*» на их приветствие петербургским стачечникам в 1896 г. Автор — А. Потресов.

№ 8 (к примеч. 64).

СВЕДЕНИЯ О ПРЕБЫВАНИИ В. И. ЛЕНИНА ЗА ГРАНИЦЕЙ В 1895 г.

(Из воспоминаний П. Б. Аксельрода.) *)

Спустя несколько дней после отъезда «Учителя жизни» [Е. И. Спонти], ко мне приехал новый гость, тоже молодой человек, невысокого роста, довольно бесцветного вида. Представился:

— Владимир Ульянов, приехал недавно из России. Георгий Валентинович, в Женеве, просил вам кланяться.

Молодой человек передал мне довольно объемистую книгу,— сборник статей под заглавием «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России», незадолго до того вышедшую в России и уже конфискованную и даже сожженную по приговору цензуры. Здесь были статьи марксистов: Плеханова, Струве, Потресова, К. Тулина и др. Я знал о подготовке этого сборника и сам писал для него статью — под заглавием «Главнейшие запросы русской жизни»,— но не смог кончить ее в срок из-за болезни.

Посидев у меня, побеседовав о положении дел в России, молодой человек поднялся и сказал вежливо:

— Завтра, если вы позволите, я зайду к вам, чтобы продолжать разговор.

Вечером и ночью я просмотрел привезенный Ульяновым сборник. Мое внимание привлекла обширная статья К. Тулина, имя которого я встретил здесь впервые. Эта статья произвела на меня самое лучшее впечатление. Тулин выступал здесь с критикой народничества и «Критических заметок» Струве. Статьи были построены несколько нестройно, пожалуй, даже небрежно. Но в них чувствовался темперамент, боевой огонек, чувствовалось, что для автора марксизм является не отвлеченной доктриной, а орудием революционной борьбы. Для меня ознакомление с этим сборником было истинным наслаждением. Наконец-то, — думал я, — появляется в России легальный сборник, проникнутый не просто духом отвлеченного, академического марксизма, но духом социал-демократии, дающей учению марксизма революционное применение.

Но были в статьях Тулина некоторые тенденции, с которыми я не мог согласиться. Автор, разбирая вопрос о задачах социалистов в России, подходил к этому вопросу абстрактно, решал его вне времени и вне пространства, не останавливаясь на особенностях общественно-исторических условий в России, и рассуждал так, как будто мы жили в Западной Европе. В частности, именно так подходил Тулин к вопросу об отношении социалистов к либералам.

Но этот недостаток статьи не нарушал общего благоприятного впечатления.

---

*) См. «Переписку Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, изд. Р. М. Плехановой. М. 1925. *Ред.*

Утром пришел ко мне Ульянов.

— Просмотрели сборник?

— Да! И должен сказать, что получил большое удовольствие. Наконец-то пробудилась в России настоящая революционная социал-демократическая мысль. Особенно хорошее впечатление произвели на меня статьи Тулина...

— Это мой псевдоним,— заметил мой гость.

Тогда я принялся объяснять ему, в чем я не согласен с ним:

— У вас,— говорил я,— заметна тенденция, прямо противоположная тенденции той статьи, которую я писал для этого же самого сборника. Вы отожествляете наши отношения к либералам с отношениями социалистов к либералам на Западе. А я как раз готовил для сборника статью под заглавием «Запросы русской жизни», в которой хотел показать, что в данный исторический момент ближайшие интересы пролетариата в России совпадают с основными интересами других прогрессивных элементов общества. Ибо у нас перед рабочими, как и перед другими прогрессивными общественными элементами, на очереди одна и та же неотложная задача: добиться условий, допускающих развитие их широкой самодеятельности. Точнее говоря, это — задача свержения абсолютизма. Эта задача диктуется всем нам русской жизнью. Так как цензурные условия не позволяют определить эту задачу настоящим словом, то я характеризовал ее формулой: «Создание условий для широкой общественной самодеятельности», требуемое русской жизнью.

Ульянов, улыбаясь, заметил в ответ:

— Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы,— говорит,— поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом».

Невольно бросалось в глаза глубокое различие между сидевшим передо мною молодым товарищем и людьми, с которыми мне приходилось иметь дело в Швейцарии. Какой-нибудь Грозовский, приехав из Вильны без всяких знаний, уже считал ниже своего достоинства учиться. А Ульянов, несомненно обладая талантом и имея собственные мысли, вместе с тем обнаруживал готовность и проверять эти мысли, учиться, знакомиться с тем, как думают другие.

У него не было ни малейшего намека на самомнение и тщеславие. Он даже не сказал мне, что порядочно писал в Петербурге и уже приобрел значительное влияние в революционных кружках. Держался он деловито, серьезно и вместе с тем скромно.

В Швейцарию он приехал по своему легальному паспорту и предполагал так же легально вернуться в Россию. Его частые встречи со мной могли обратить на него внимание. А между тем нам о многом еще хотелось переговорить. Мы условились поэтому уехать на несколько дней из Цюриха в деревню, где могли бы проводить целые дни вместе, не привлекая ничьих подозрительных взглядов.

Переехали в деревушку Афольтерн, в часе езды от Цюриха. Здесь мы провели с неделю. Был май, стояла прекрасная погода. Мы целыми днями гуляли, подымались вместе на гору около Цуга и все время беседовали о волновавших нас обоих вопросах.

И я должен сказать, что эти беседы с Ульяновым были для меня истинным праздником. Я и теперь вспоминаю о них, как об одном из самых радостных, самых светлых моментов в жизни Группы «Освобождение Труда».

Первый вопрос, который мы обсуждали, касался отношения русских социал-демократов к либералам. В конце концов, Ульянов заявил, что признает правильность точки зрения «Группы» на этот вопрос.

Рассказал я Ульянову о своих встречах с «Учителем жизни». Оказалось, что оба товарища приехали из России вместе (не помню лишь, ехали ли они вместе из Москвы или встретились в Петербурге).

Я передал Ульянову двойственное впечатление, которое произвел на меня его товарищ: с одной стороны, глубокое рабочелюбие, трогательная преданность пролетарскому делу; с другой стороны — поразительная примитивность мышления.

— А знаете, что он говорил мне о вас? — заметил Ульянов: — «Непременно,— говорит,— остановитесь в Цюрихе, побывайте у Аксельрода,— только не рассказывайте ему о разногласиях между нами».

Я был искренно тронут этими словами «Учителя жизни» и принял их за показатель того, что мои беседы с ним не остались совершенно бесплодны.

— Я очень рад тому, что вы сообщили мне,— сказал я Ульянову,— но объясните, чего хотел от нас ваш товарищ, с чего он так донимал меня «агитацией».

— А видите ли, он имел в виду *экономическую агитацию.*

— Чорт возьми! Почему же он не мог прямо сказать мне, в чем дело!

— Это не его личное мнение. Об этом у нас в России за последнее время много было разговоров. Я привез с собой брошюрку, посвященную этому вопросу. По ней вы разберете, о чем шла у нас речь.

— Экономическая агитация, — заметил я, — не только не противоречит ни нашей программе, ни тактике, защищаемой нашей «Группой», а, наоборот, теоретически обусловлена ею. Весь вопрос в том, как вести эту агитацию.

— Как? — переспросил Ульянов.

— Я вам поясню это простым примером. Возьмем Сысойку Решетникова или, еще лучше, целую деревню, населенную Сысойками. Это люди настолько темные, что было бы бессмыслицей начать беседу с ними с вопросов о политической свободе и конституции или с лозунга «Долой самодержавие». Но они непосредственно сталкиваются с ростовщиком, с кулаком. Вот вам почва для самой распроэкономической агитации. При первой же попытке оказать сопротивление кулаку они натолкнутся на защитника кулака—старшину. А старшина, это—уже представитель власти, первая ступень начальства. Столкновение Сысоек со старшиной приведет их к столкновению с высшим начальством, хотя бы в виде станового, а затем и исправника и так дальше. Опираясь на эти столкновения, агитатору нетрудно привести Сысоек к обобщенному пониманию связи существующего антагонизма между их жизненными интересами и существующей государственной властью. Если мы ведем агитацию среди фабричнозаводского населения, то там дело еще проще: с чего ни начать здесь — с мастера, с фабриканта и с фабричного инспектора,—всегда мы наталкиваемся на вмешательство полиции, и борьба само собой из экономической плоскости переносится в плоскость политическую...

Говорили мы с Ульяновым и о тех особых исторических задачах, которые предстоят русской социал-демократии в общенациональном движении против абсолютизма.

И я должен признать, что впервые пришлось мне встретить за границей молодого товарища, который проявлял столько любознательности и интереса к этим вопросам.

Разговор коснулся, между прочим, нашей заграничной «оппозиции» и отношений между Группой «Освобождение Труда» и «Союзом Русских Социал-Демократов».

— Социал-демократическое движение в России,— сказал я по этому поводу,— находится пока лишь в состоянии зародыша. По мере его развития, по мере расширения его русла, в партию будут вливаться все новые и новые элементы, порою лишь поверхностно усвоившие социалдемократическое мировоззрение. При этом внутри партии легко могут возникнуть центробежные силы, разногласия, борьба тенденций. Представляется поэтому весьма важным, в интересах движения, сохранить нашу «Группу», как самостоятельную ячейку, которая стояла бы на страже

революционных традиций и теоретической устойчивости движения. С этим вопросом тесно связан вопрос о будущих взаимоотношениях между «Группой» и российскими товарищами.

— Я не представляю себе такой схемы наших взаимоотношений, которая была бы хороша при всевозможных условиях. В моменты подъема руководящий центр должен быть в России, а в период упадка элементы революционного движения, вынужденные эмигрировать, могут найти пристань около нашей «Группы» и работать вместе с нею.

Чтоб пояснить свой взгляд на задачи нашей «Группы», я привел своему собеседнику такой пример:

— Мы — маленький отряд армии, очутившийся на высокой горе, в безопасном месте, в то время как в долине еще продолжается бой. С вершины мы следим за боем и, благодаря преимуществам нашего положения, мы можем легко обозревать все поле битвы, оценивать общее положение. Но детали борьбы и положения в долине ускользают от нашего взора. Эти детали могут быть учтены лишь нашими товарищами, непосредственно ведущими бой. В интересах дела — необходима самая тесная связь и взаимный контроль между армией и отрядом ее, заброшенным на вершину горы.

Ульянов соглашался со мной. И только восемь лет спустя, на Лондонском съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, я увидел, как своеобразно переработались у него идеи о взаимоотношении между заграничным центром и российской партией. Само собою разумеется, говорили мы о положении социал-демократической работы в России и, в частности, в Петербурге.

— Если у вашего кружка имеются уже более или менее прочные связи с рабочими, — сказал я Ульянову, — то вы должны попытаться оформить их в виде социал-демократической организации под каким-нибудь определенным названием (напр., «Союз Освобождения Труда»). Нужно, чтобы рабочие и в Петербурге, и в Москве, и в других городах знали о вашем существовании. В этом деле недопустимы шаги, которые отзывались бы рекламой, обманом. Не приписывайте своей группе того значения, какого она в настоящий момент еще не имеет. Но придайте ее работе широкую гласность. Вы знаете, что не только спрос вызывает предложение, но и наоборот. Когда станет известно о существовании социал-демократического кружка, к нему потянутся и передовые рабочие, и революционно-настроенные интеллигенты-марксисты, готовые активно работать. По мере расширения рабочего движения, притягательная сила вашего кружка будет расти, и он может превратиться сперва в центр собирания сил, а затем и в руководящий центр социал-демократического движения в России. Необходимо лишь, чтобы ваш кружок своевременно и ярко откликался на все явления развивающегося в России рабочего и обще-революционного движения.

Этот разговор происходил между нами в мае 1895 г. А уже в конце этого или начале следующего года в Петербурге вышли прокламации по поводу происходивших в то время стачек, за подписью «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

С появлением на нашем горизонте Ульянова у нас завязались, наконец, более или менее правильные сношения с Россией.

Еще из Берлина, куда он уехал из Швейцарии, Ульянов прислал мне различные материалы и рукописи, представлявшие для меня большой интерес. А затем, вернувшись в Россию, он продолжал довольно часто писать мне и сообщать материалы относительно жизни рабочих в Петербурге.

К концу 1895 г. переписка наша оборвалась. Долгое время не получая от Ульянова писем, я начал уже беспокоиться, когда пришло из России известие: Ульянов арестован.

Но наши сношения с Россией из-за этого ареста не расстроились!

V. ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья «*Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни*» является наиболее ранней из всех *дошедших* до нас статей Владимира Ильича. Она имеется в архиве Института Ленина в двух списках, писанных рукой Владимира Ильича. Один из этих списков был передан В. И. Лениным тов. С. И. Мицкевичу, у которого рукопись была взята при обыске 3 декабря 1894 г. Эта рукопись предназначалась для печати. В начале 1923 г. она была найдена в жандармском «деле Мицкевича» и напечатана в сборнике Истпарта: «К 25-летию первого съезда партии».

Одновременно в бумагах Владимира Ильича была найдена вторая рукопись той же статьи. Из сличения обеих рукописей можно установить, что вторая рукопись является первоначальною. Список же, отобранный полицией у С. И. Мицкевича, представляет ту же статью с некоторыми добавлениями, сделанными Владимиром Ильичем при окончательной переписке. В настоящем издании статья печатается по этому второму списку.

Обе рукописи представляют из себя тетрадки в четвертую долю листа, простой писчей бумаги, писанные очень мелким почерком черными чернилами.

[2]) Оба названные сочинения вошли в сб. «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики»: т. I. — *В. В.* «Крестьянская община» (Москва 1892 г.); т. II. — *Н. Карышев.* «Крестьянские вненадельные аренды» (Дерпт 1892 г.). Эти две работы долго играли роль главнейшего обоснования народнических взглядов на экономическую эволюцию России. В своих последующих работах, посвященных этому вопросу, Владимир Ильич неоднократно касается этих сочинений В. В. и Карышева (в частности в «Развитии капитализма в России», см. III том Сочинений).

[3]) Начало девяностых годов прошлого столетия ознаменовалось, с одной стороны, грандиозным голодом 1891 — 1892 г.г., с другой стороны — первыми признаками сознательного рабочего движения (речи рабочих на праздновании 1-го мая 1891 г., адрес, поднесенный рабочими Шелгунову, стачки 1892 — 1893 г.г. и пр.). Эти обстоятельства не могли не вызвать значительного оживления в тогдашней публицистике. Вместе с первыми крупными выступлениями на арену борьбы нового фактора русской общественной жизни — городского промышленного пролетариата — в русской литературе — сначала подпольной, потом и легальной — на-ряду с прежними «властителями дум» — народниками — начинают появляться статьи «русских учеников» Маркса, в которых они выступают с безжалостной критикой господствовавших до того времени мелко-буржуазных народнических теорий с их надеждами на «самобытное» экономическое развитие России, идеализацией натурального хозяйства и скептицизмом по отно-

шению к возможности развития в России капитализма с его «язвой пролетариата» (по известному выражению Гакстгаузена).

Первой, наиболее полной попыткой систематического изложения взглядов русских марксистов в борьбе с народниками в этот момент и явилась работа В. И. Ленина *«Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»*, изданная нелегально еще до появления в свет первых легальных книг марксистов — «Критических заметок» П. Струве и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г. Плеханова.

«Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» написано Владимиром Ильичем весною — летом 1894 г. и издано в трех выпусках в том же году частью на гектографе, частью на автокописте, при чем первый выпуск имел повторные издания. Точные хронологические данные об изданиях «Друзей народа» дает т. С. И. Мицкевич:

«*I выпуск* написан Владимиром Ильичем в апреле 1894 г.

Издан первый раз на гектографе (синие чернила) в апреле или в мае 1894 г.

Издан второй раз на гектографе (синие чернила) в июле 1894 г.

Издан третий раз на автокописте (черная краска) А. А. Ганшиным и бр. Масленниковыми в «Горках» в августе 1894 г. Экземпляров этого издания пока не найдено.

Издан четвертый раз (? — не найден) в Петербурге на гектографе («Издание провинциальной группы социал-демократов». Сентябрь 1894 г.).

II выпуск написан Владимиром Ильичем летом 1894 г.

Издан первый раз А. А. Ганшиным и бр. Масленниковыми в «Горках» на автокописте (черная краска) в августе - сентябре 1894 г.

Издан второй раз (? — не найден) в Петербурге на гектографе (?).

III выпуск написан Владимиром Ильичем летом 1894 г.

Передан А. А. Ганшину для печати, но им не был издан, увезен в Петербург и там издан на гектографе (синими чернилами) («Издание провинциальной группы социал-демократов». Сентябрь 1894 г.)».

О количестве изданных экземпляров т. Мицкевич говорит следующее:

«Если принять во внимание, что гектограф при нашей тогдашней технике давал 30 — 40 оттисков и в самом лучшем случае — 50, то оказывается, что первый выпуск был издан максимум в 250 экз., вероятнее — меньше, а третья часть, повидимому, была издана только один раз на гектографе, т.-е. максимум в 50 экз. Этим объясняется, что эта работа Вл. Ильича была сравнительно мало распространена: со слов т. Гожанского знаю, что она попала в Вильно в конце 1894 г., т. Лалаянц читал ее в Пензе в 1895 г., т. Сергиевский — во Владимире около этого же времени, а т. Перазич — в Вене в 1895 г. или в Вильне в 1896 г., но уже работники кружков второй половины 90-х годов о ней не знали...».

М. Могилянский в № 23 «Былого» за 1924 г. рассказывает о перепечатке «Друзей народа» на гектографе в том же 1894 г. в Борзенском уезде, Черниговской губернии, в количестве около 100 экз., из которых часть была уничтожена из опасения полицейских обысков, часть же, около 30 экз., распространена в Чернигове, Киеве и Петербурге.

Е. Колосов в № 27 «Былого» за 1925 г. указывает на распространение «Друзей народа» среди студентов-марксистов г. Томска в 1895 — 96 г.г.; В. И. Невский сообщил нам, что читал их в то время в Ростове н/Д.; П. П. Румянцев видел их в 1896 г. в Полтаве (см. воспоминания Н. Крупской в сборн. «О Ленине»).

О том, как издавались «Друзья народа», рассказывают в своих воспоминаниях т.т. А. Ганшин и В. Масленников. А. А. Ганшин говорит:

«Ранней весной в 1894 году я узнал от своих родственников - друзей бр. Масленниковых, что им удалось, после долгих попыток, приобрести

в Москве типографский шрифт. Я тотчас же предложил нашему кружку технологов-марксистов (Вл. Ильичу Ульянову, С. И. Радченко, В. В. Старкову, Г. М. Кржижановскому, Г. Б. Красину, М. К. Названову, А. Л. Малченко, А. А. Ванееву, П. К. Запорожцу) воспользоваться шрифтом и отпечатать только что написанную статью Владимира Ильича «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», при чем всю типографскую работу я брал на себя. Условились, что рукопись мне передаст Владимир Ильич в Москве в середине июня.

«Приехав в Москву, я узнал от бр. Масленниковых, что шрифта нет: доставший шрифт рабочий испугался ревизии типографии и взял его обратно, но есть надежда получить шрифт из других источников. Обещали не сегодня-завтра достать; время шло, а шрифта не было.

«Рукопись о Михайловском была передана мне Владимиром Ильичем на Садовой в квартире С. И. Мицкевича, которому она была дана для прочтения. Дело было только за шрифтом.

«Решено было ехать в г. Юрьев-Польский, где был у меня знакомый наборщик, и предложить ему или отпечатать рукопись или снабдить нас шрифтом. Переговоры не привели ни к чему: типография была маленькая, и убыль шрифта сразу могла броситься в глаза владельцу. Но все-таки удалось достать литографский камень, на котором в конце концов и решили отпечатать статьи Владимира Ильича. Местом для работы выбрали имение моего отца «Горки», Переславского уезда, Владим. губ., в 160 верстах от Москвы, куда, приобретя пишущую машинку, краски и валик и пр., перебрались мы с В. Н. Масленниковым, но вследствие неумения литографскую работу поставить не удалось.

«Тогда В. Н. Масленников едет в Москву, достает там автокопист, пергамент и пр.; начинаем печатать; работа идет медленно: станок всего на пол-листа, делаем новый — в лист. К концу августа напечатали одну только первую часть в количестве 100 экземпляров, форматом в $^1/_4$ листа, черной краской, стараясь придать внешность типографской работы.

«С начала сентября продолжаем работу в Москве, на 1-й Мещанской в д. Зайцевского, в квартире моего отца, куда приезжал из Петербурга А. Л. Малченко и забрал все готовые экземпляры и рукопись в Петербург (для Москвы ничего не оставили второпях), где она была вскоре вновь издана полностью на гектографе (синими чернилами). Насколько помню, в этом издании принимал участие А. А. Ванеев. На этом издании, повидимому, ради конспирации (т.-е. чтобы отвлечь внимание жандармов от Петербургской организации), была сделана пометка: «Издание провинциальной группы социал-демократов». В ноябре я привез из Петербурга несколько экземпляров этого издания для бр. Масленниковых и С. И. Мицкевича. В «Горках» и Москве мною и В. Н. Масленниковым были изданы только две первых части: ответ Михайловскому и Южакову. Ответ Кривенко — не успели.

«Рукописи о Южакове (вып. II) и Кривенко (вып. III) я получил от Владимира Ильича в Люблине, где он жил на даче у А. И. Елизаровой. Двадцатидевятилетняя давность не изгладила из памяти тех бесед, которые вел со мной Владимир Ильич, гуляя по берегу пруда в Кузьминках: уже тогда чувствовалось, что перед тобой могучая умственная сила и воля, в будущем — великий человек».

В. Масленников в своих воспоминаниях говорит:

«Вместе с А. А. Ганшиным мы обсуждали, каким образом лучше поставить издание нелегальной литературы. А. А. Ганшину удалось достать литографский камень, намечалась возможность наладить типографию, но в конце концов удалось наладить печатание при помощи автокописта.

«Образец автокописта, в размере полулиста писчей бумаги, удалось получить у покойного А. Р. Бриллинга, в то время студента московского

технического училища. По имеющемуся образцу мною был сконструирован автокопист размером в лист писчей бумаги и заказан в столярных мастерских Комиссаровского технического училища. Ленту для автокописта, литографскую краску, чернила, валик удалось приобрести в магазине, кажется, у Гагена. При помощи таких средств и было нами напечатано произведение Ленина в 1894 г.: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Печатали непосредственно с рукописи Ленина, полученной через А. А. Ганшина...».

Появившиеся в разгар борьбы с народничеством, до книги Бельтова-Плеханова: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», статьи Владимира Ильича, хотя и изданные в ограниченном количестве, произвели огромное впечатление на приверженцев завоевывавшего в то время в России свое положение марксизма, давая им богатый материал для борьбы с народниками. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях А. И. Елизарова («Пролетарская Революция», № 2/14), Б. И. Горев-Гольдман («Из партийного прошлого», Ленинград, 1924 г.), Н. А. Семашко (сборник «На заре рабочего движения в Москве», изд. М. С. Р. и К. Д., Москва, 1919 г.), С. И. Мицкевич («Пролетарская Революция», № 2/14) и др.

Л. Мартов в своих «Записках социал-демократа» (изд. «Кр. Новь», 1924 г., стр. 239—240) пишет следующее:

«Друзья познакомили меня с петербургской литературной новинкой, ходившей в хорошо отгектографированном виде. Это была состоявшая из трех частей брошюра: «Что такое «друзья народа»... После академической полемики Струве, от брошюры, исполненной желчных характеристик теоретической мысли и политических тенденций эпигонов народничества, веяло подлинной революционной страстью и плебейской грубостью... Брошюра обнаруживала и литературное дарование и зрелую политическую мысль человека, сотканного из материала, из которого создаются партийные вожди. Я интересовался личностью автора, но уровень конспирации стоял тогда так высоко, что мне ничего не удалось узнать, кроме того, что брошюра вышла, повидимому, из группы «стариков». Лишь впоследствии, через год, я услышал имя В. И. Ульянова».

Первый и третий выпуски «Друзей народа» найдены были Н. С. Ангарским в Берлинском архиве и почти одновременно В. И. Невским в Публичной Библиотеке в Ленинграде в начале 1923 г. Оба выпуска имеются в Институте Ленина. Второго выпуска, посвященного разбору взглядов С. Южакова, до сих пор найти не удалось.

В настоящем издании «Друзья народа» перепечатываются: выпуск I — с первого издания (апрель или май 1894 г.), представляющего собою гектографированную тетрадь в четвертую долю листа в 80 стр., с дополнением «К предлагаемому изданию» из второго издания; выпуск III — с единственного известного издания, представляющего такую же гектографированную тетрадь в 106 стр. Текст этого издания третьего выпуска отличается от текста издания первого выпуска разнообразием подчеркиваний и шрифтами. Для обозначения их в настоящем издании мы придерживались следующего: слова, в гектографированном издании подчеркнутые одной чертой, написанные в разрядку или курсивом, — набраны курсивом; слова, подчеркнутые двумя чертами, — набраны курсивом в разрядку; написанные прописью — набраны жирным курсивом; написанные прописью и подчеркнутые — набраны жирным курсивом в разрядку.

[4]) *«Русское Богатство»* — ежемесячный журнал, основанный Л. Оболенским, перешедший в начале 90-х годов к народникам и ставший главным органом их борьбы против марксизма. По выходе из него С. Кривенко издавался под редакцией Н. Михайловского и Вл. Короленко. Группировал вокруг себя радикально-народническую интеллигенцию, организовавшуюся потом в народно-социалистическую (н.-с.) партию, отчасти же вошедшую в партию эс-эров.

[5]) Статья Н. К. Михайловского в № 10 «Русского Богатства» за 1893 г. — «Литература и жизнь». Перепечатана в Полном собрании сочинений, т. VII, стр. 647 — 684, под заглавием: «О народничестве г-на В. В.». Эта статья Н. Михайловского немедленно по напечатании вызвала ряд откликов со стороны марксистов в виде писем к автору статьи. Часть этих писем напечатана ныне в № 23 «Былого» за 1924 г.

[6]) Перепечатано в VII томе Полного собрания сочинений Н. К. Михайловского, стр. 715 — 758 и 758 — 780.

[7]) Статья Н. Михайловского: «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» в «Отеч. Записках», октябрь 1877 г. (перепечатана в IV томе Полн. собр. сочин., стр. 165—204).

[8]) Приводимая дальше цитата взята из предисловия «К критике политической экономии» К. Маркса.

[9]) Contrat Social («Общественный договор») — основная работа Ж.-Ж. Руссо, в которой проведена идея о том, что всякий общественный порядок, всякое общественное устройство есть результат свободного соглашения, договора между людьми. Это неверное в основе своей положение сыграло громадную революционную роль во время Великой французской революции 1789 г., давая теоретическое оправдание деятельности буржуазных революционеров, когда они низвергали монархию «божьей милостью», то-есть будто бы извечного происхождения, и заменяли новым общественным (буржуазным) строем, будто бы основанным на договоре между свободными гражданами, под которыми понимались обычно буржуазные, зажиточные, цензовые слои населения.

[10]) *Письмо К. Маркса к редактору «Отечественных Записок» о Н. Михайловском* написано было К. Марксом в конце 1877 г. в связи со статьей Н. Михайловского: «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». Оно осталось неотправленным и было найдено в бумагах Маркса уже после его смерти. Напечатано было в № 5 «Вестника Народной Воли» за 1886 г. и в № 10 «Юридического Вестника» за 1888 г. Приводим его так, как оно было напечатано в «Ю. В.» (см. «Документы», № 1, стр. 472).

[11]) Имеется в виду «Немецкая идеология» Маркса-Энгельса, часть которой ныне опубликована в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, 1924 г.

[12]) «*Новое Время*» — издававшаяся с 1876 г. в Петербурге под руководством Суворина газета, бывшая органом консервативно-дворянских и бюрократических кругов, преследовавшая всякое проявление оппозиционного, а тем паче революционного движения.

В № 6433 «Нового Времени» от 4 февраля 1894 г. В. Буренин поместил фельетон («Критические заметки»), направленный против Н. Михайловского, но хваливший последнего за его полемику с марксистами.

[13]) В гектографированном издании 1894 г. все это примечание, равно как и примечание на стр. 75-й напечатаны в самом тексте, но выделены в нем при помощи скобок. Возможно, что это сделано было не автором, а переписчиками. Для удобства чтения мы печатаем эти примечания в сносках.

Приводимая здесь цитата взята из письма Маркса к Руге в 1843 г.— см. «Литературное наследство К. Маркса», М. 1907 г., том I, стр. 338. Первоначально было опубликовано в русском переводе Б. Наумова (Б. Кричевского) в «Социал-Демократе», кн. 4, Женева, 1892 г., стр. 27—28.

[14]) *Триада* — учение о трехчленном, трехфазном развертывании понятий, первоначально развитое в формальной логике и затем перенесенное идеалистической философией Гегеля на все явления природы и общества. Суть его в том, что всякое понятие, идея в своем развертывании проходит следующие ступени: сперва определенное положение (тезу или тезис), которое не остается неизменным, а обязательно переходит в свою противоположность, отрицается (отрицание, противоположение, антитезис); антитезис, в свою очередь, не является застывшим и также переходит в свою противоположность, которая есть по существу возврат к исходной форме,

только обогащенной новым содержанием и на новой основе (отрицание отрицания, примирение противоречий, синтез или синтезис). Затем цикл повторяется снова, и так до бесконечности. Вульгарное толкование гегельянства обычно сводило все его содержание к всеобщему применению этой трехчленной формы развертывания понятий и явлений, тогда как основным в диалектике Гегеля является развитие от внутренне заложенных противоречий, проходящее различные пути, начиная от двухчленной формулы (дихотомия) и кончая многочленной.

[15]) *«Вестник Европы»* — основанный в 1866 г. М. Стасюлевичем ежемесячный журнал, отражавший взгляды либерально-буржуазной части русского общества, главной задачей для России считавший политические реформы в либеральном духе. В 90-х годах вел борьбу с русскими марксистами, главным образом в статьях одного из своих сотрудников — Л. Слонимского.

[16]) Автор заметки — профессор петербургского университета *И. И. Кауфман.* Заметка была помещена за подписью *И. К.* и оценена Марксом как одно из лучших изложений его метода — см. его послесловие к I тому «Капитала».

[17]) *«Отечественные Записки»* — основаны в 1818 году П. П. Свиньиным, в 1838 г. перешли к Краевскому, который привлек к участию в них Белинского. С 1868 г. становятся органом революционного народничества под руководством Некрасова, Елисеева, Салтыкова-Щедрина и Михайловского и оказывают громадное влияние на революционную русскую интеллигенцию. В 1884 году закрыты правительством.

[18]) *Посторонний* — псевдоним Н. К. Михайловского. Цитируемая Владимиром Ильичем статья перепечатана в Полном собрании сочинений Н. К. Михайловского, т. V, стр. 786.

[19]) Речь идет о статьях Н. К. Михайловского: «По поводу русского издания книги К. Маркса» («Отечественные Записки», апрель 1872 г.; перепечатано в Полном собрании сочинений, т. X, стр. 1—12) и «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» («Отеч. Зап.», октябрь 1877 г.; перепечатано в Полном собрании сочинений, т. IV, стр. 165—205).

[20]) *«Русская Мысль»* — ежемесячный журнал, выходивший с 1880 года. По закрытии в 1884 г. «Отечественных Записок» и до перехода в 1892 г. к Н. Михайловскому «Русского Богатства» давал место на своих страницах статьям Н. Михайловского и всей группы «Отеч. Записок». В споре с народниками и марксистами в 90-х годах «Русская Мысль» — оставаясь органом либерально-народнической интеллигенции — пыталась, по крайней мере на первых порах, сохранить нейтралитет и объективность суждений и даже дала место на своих страницах письму Г. В. Плеханова для разъяснения позиции марксистов («Несколько слов в защиту экономического материализма» (открытое письмо В. А. Гольцеву) за подписью С. Ушаков, в № 9 за 1896 г.) и ответу П. Струве его критику Л. Оболенскому («Несколько слов по поводу статьи г. Оболенского: «Новый раскол в интеллигенции», в № 2 за 1896 г.). После революции 1905 г. «Русская Мысль» стала органом правого крыла кадетской партии, проповедывавшего примирение с «исторической» властью и стоявшего за империалистическую политику («Великая Россия»). Редактором ее с этого момента стал бывший марксист П. Струве, продолжавший издавать ее и после Октябрьской революции в Праге, объединяя в ней правых кадетов с монархистами.

[21]) Статья Н. К. Михайловского: «Литература и жизнь» в № 6 «Русской Мысли» за 1892 г.; перепечатана в Полном собр. сочин., т. VII, стр. 297—339.

[22]) Социалистов-революционеров, как партии, в 1894 г. еще не существовало. Здесь это выражение применено в смысле общего обозначения всех революционных социалистов, включая и социал-демократов.

[23]) *«От издателей»* — послесловие к первому изданию первого выпуска «Что такое «друзья народа»?» (апрель или май 1894 г.).

[24]) Упоминаемые в тексте *«готовящиеся 2-е и 3-е издания»* — очевидно, 2-й и 3-й *выпуски.*

[25]) «*К предлагаемому изданию*» — послесловие ко второму изданию первого выпуска (тетрадь в четвертую долю листа в 82 стр., гектографированная, шрифт пишущей машинки иной, чем у 1-го издания). Помечено июлем 1894 г.

[26]) «*Юридический Вестник*» — ежемесячный журнал, выходивший в Москве с 1867 г. по 1892 г. Редакторами его были С. А. Муромцев и М. М. Ковалевский. В редактировании политико-экономического отдела журнала участвовал также Н. Зибер. Журнал давал иногда место статьям марксистского направления; так, напр., в нем были опубликованы исследования П. И. Скворцова («Международная хлебная торговля России» — 1890 г., XII; «Итоги крестьянского хозяйства на южном трехпольном черноземе» — 1891, № 5 — 6).

[27]) Речь идет о помещенной в ноябрьской книге «Русской Мысли» за 1885 г. рецензии без подписи на книгу Н. И. Зибера: «Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях». СПБ. 1885 г.

[28]) Автор статьи — *Г. З. Елисеев*, один из руководителей «Современника» и «Отечественных Записок».

[29]) «*Неделя*» — право-народнический орган, проповедник теории «малых дел» и т. п., выходивший под редакцией П. Гайдебурова. Уделял также место полемике с марксистами (В. В. поместил здесь, в №№ 47 — 49 за 1894 г., свою статью «Немецкий социал-демократизм и русский буржуаизм», направленную против Струве).

[30]) Речь идет о вышедшей в 1893 г. книге В. В.: «Наши направления».

[31]) Ответ Н. Михайловского В. В. был помещен в № 10 «Русского Богатства» за 1893 г. Перепечатан в Полном собрании сочинений, т. VII, стр. 647 — 684, под заглавием: «О народничестве В. В.».

[32]) *Русский беллетрист и панславист* — А. И. Герцен.

[33]) «Sozialpolitisches Centralblatt» («Центральный социально-политический листок») — орган правого крыла немецкой с.-д-тии. В № 1 этого издания за 1893 г., вышедшем 2 октября, напечатана указанная статья П. Струве: «К вопросу о капиталистическом развитии России». Она вызвала отклики Ник. —она (статья «Нечто об условиях нашего хозяйственного развития» в № 6 «Русского Богатства» за 1894 г.), В. В. («Немецкий социал-демократизм и русский буржуаизм» в №№ 47 — 49 «Недели» за 1894 г.) и С. Кривенко (заметка в № 10 «Русского Богатства» за 1894 г.).

[34]) «*Социал-Демократ*» — литературно-политическое обозрение, издававшееся Группой «Освобождение Труда» за границей в 1890 — 1892 г.г. Вышло всего четыре книги. Главное участие в нем принимали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич.

Цитаты взяты Владимиром Ильичем из статьи Плеханова — «Н. Г. Чернышевский» в № 1 «С.-Д.», стр. 138—139. Цитируемые Плехановым места см. в Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского, т. X, ч. 1, стр. 163 — 164.

[35]) Имеются в виду народоправцы — см. дальше прим. 39.

[36]) Имеется в виду работа Ник. —она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». СПБ. 1893.

[37]) Цитата взята из «Критики Готской программы» К. Маркса, гл. IV.

[38]) Автор «Насущного вопроса» — А. Богданович, близко стоявший к Партии Народного Права, позже известный критик «Мира Божьего».

[39]) *Партия Народного Права* — партия мелко-буржуазной служилой интеллигенции, основателями которой в 1893 г. были М. А. Натансон, Аптекман, Тютчев, Гедеоновский, Манцевич, В. Чернов и др. Близко стояли к ней и поддерживали ее Н. К. Михайловский, Вл. Короленко и А. Богданович. Народоправцы отказывались от борьбы за социализм и своей задачей, «насущным вопросом» считали безоговорочное объединение всех оппозиционных и революционных сил для борьбы с самодержавием во имя политической свободы. Партия успела издать свой «Манифест», брошюру А. Богдановича «Насущный вопрос» и была разгромлена правитель-

ством в апреле 1894 года. Критику народоправчества Владимир Ильич дает в своей брошюре: «Задачи русских социал-демократов» (см. II том Сочинений). Большинство народоправцев впоследствии вошло в состав партии эс-эров.

[40]) В борьбе с народничеством первой *легально* вышедшей работой, пытавшейся дать более или менее систематическое изложение взглядов русских марксистов, была вышедшая в сентябре 1894 г. книга П. Б. Струве под названием: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Но П. Струве был одним из тех пришедших в «легальный марксизм» литераторов, о которых Владимир Ильич говорит, что это были «буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму», — и это тогда уже значительно отразилось в положениях, выдвинутых П. Струве в его книге. Необходимость противопоставить этим, прикрытым марксистской формой, буржуазно-либеральным положениям взгляды подлинно революционного марксизма побудила Владимира Ильича выступить открыто с резкой критикой одного из тогдашних своих «союзников».

О происхождении направленной против П. Струве статьи сам Владимир Ильич рассказывает следующее (см. предисловие к сборнику «За 12 лет», 1907):

«...в основу ее положен реферат, читанный мною осенью 1894 г. в небольшом кружке тогдашних марксистов *). От группы с.-д., работавших тогда в Петербурге и создавших, год спустя, «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в этом кружке были Ст., Р. и я. Из легальных литераторов-марксистов были П. Б. Струве, А. Н. Потресов и К.**). В этом кружке я читал реферат, озаглавленный: «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Как видно из заглавия, полемика со Струве была здесь несравненно более резка и определенна (по социал-демократическим выводам), чем в напечатанной весной 1895 г. статье. Смягчения были сделаны частью по цензурным соображениям, частью ради «союза» с легальным марксизмом для совместной борьбы с народниками. Что «толчок влево», данный тогда г-ну Струве петербургскими социал-демократами, не остался совсем безрезультатен, это ясно доказывает статья г-на Струве в сожженном сборнике (1895 г.) ***) и некоторые статьи его в «Новом Слове» (1897 г.)».

Подробнее см. Предисловие к сборнику «За 12 лет».

[41]) Подзаголовок «Отражение марксизма в буржуазной литературе», т.-е. первоначальное заглавие реферата, легшего в основу этой статьи, — вставлен Владимиром Ильичем при составлении сборника «За 12 лет», в котором эта статья была перепечатана в 1907 г.

[42]) Сборник «*Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития*», отпечатанный в количестве 2.000 экз., в мае 1895 г. сдан был в цензуру, где пролежал до марта 1896 г., когда был уничтожен постановлением комитета министров. Интересные сведения о нем дает в своих воспоминаниях Л. Мартов, как раз в то время приехавший в Петербург, чтобы вступить в группу «стариков», руководившую с.-д. работой среди петербургских рабочих, во главе которой стоял В. И. Ленин. Указав на появление под одной кровлей статей Плеханова, Ленина и Струве, Л. Мартов говорит:

«...Этот «блок», представивший эмигрантский, подпольный и легальный марксизм как единое политическое целое, был организован Потресо-

*) Реферат читался на квартире А. Потресова — Озерный пер., д. 9, кв. 6. *Ред.*

**) Ст. — В. В. Старков; Р. — С. И. Радченко; К. — Р. Э. Классон. *Ред.*

***) П. Струве — «Моим критикам». Перепечатана в сб. «На разные темы». СПБ. 1902. *Ред.*

*

вым после его удачи с выпуском в легальном издании книги Бельтова*). Он рассказывал мне, что Струве и окружавшие его «легальные марксисты» охотно шли навстречу членам кружка «стариков», с которыми Потресов свел их через Ст. Ив. Радченко, но что сами «старики», во главе с юристом Ульяновым, проявили изрядную подозрительность к тенденциям Струве и, соглашаясь на совместное выступление, как будто боялись быть обманутыми. В конце концов Ульянов получил возможность подробной критикой Струве подчеркнуть, поскольку это мыслимо было в легальной книге, действенно-революционный характер марксистской идеологии; Струве воспользовался представившимся случаем, чтобы в ответе своим народническим критикам, помещенном в том же сборнике, взять более боевую по отношению к капитализму ноту и сгладить впечатление, оставшееся у читателей от некоторых страниц его книги...

«Сборник» вызвал в цензурных сферах настоящий переполох, и к нему применена была редкая в то время мера: конфискация и сожжение. Потресову удалось спасти нелегальным путем сотню экземпляров, которая сыграла свою роль, распространившись по социалистическим кругам столицы и провинции» (*Ю. Мартов*, «Записки социал-демократа», изд. «Красная Новь» 1924, стр. 260—263).

Сборник содержал следующие статьи:

П. Скворцов. Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям.

В. И. Борьба общины с хутором. (Автор статьи — В. А. Ионов, саратовский земский статистик, умерший в начале девятисотых годов.)

А. Потресов. Кризис в замочном промысле Павловского уезда Нижегородской губернии.

Третий том «Капитала». (Перевод, без указания автора, очерка *Эд. Бернштейна* о только что тогда вышедшем III томе «Капитала». Переводчиком был Р. Классон.)

К. Тулин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.

П. Струве. Моим критикам.

Д. Кузнецов. Пессимизм как отражение экономической действительности.

Утис. Несколько слов нашим противникам (Материалы для истории цивилизации в русской литературе).

Последние две статьи, подписанные Д. Кузнецовым и Утисом, принадлежали Г. В. Плеханову. Первая была посвящена Чаадаеву, вторая отвечала на критику его книги: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Н. Михайловским и Н. — оном. (Статьи перепечатаны в X и VII томах Сочинений Г. В. Плеханова под ред. Д. Рязанова.)

Для сборника предназначалась также статья *П. Б. Аксельрода* «Главнейшие запросы русской жизни», по болезни автора к сроку не доставленная (см. «Переписку Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, М. 1925 г.).

[43]) Критике учения К. Маркса в русской литературе стали посвящаться статьи вскоре же после появления перевода I тома «Капитала». В 1872 г., в год выхода русского перевода, в майской книжке «Вестника Европы» появилась рецензия *И. К[ауфма]на* под названием «Точка зрения политико-экономической критики Карла Маркса», правильно излагавшая метод работы К. Маркса. Первым злобствующим критиком был *Ю. Жуковский*, поместивший в «Вестнике Европы», сентябрь 1877 г., статью: «Карл Маркс и его книга о Капитале», где он пытался при

*) Т.-е. книги Плеханова: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Вышла в свет 29 декабря 1894 года. *Ред.*

помощи цифр опровергнуть положения К. Маркса. С ответом ему выступил *Н. Михайловский* в статье: «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» («Отеч. Записки», октябрь 1877 г.) и *Н. Зибер*: «Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского» («Отеч. Записки», декабрь 1877 г.). Затем выступили проф. *Э. Вреден* (в его «Курсе политической экономии», 1874) и *А. Антонович* («Теория ценности», Варшава, 1877). В 80-х годах в поход против Маркса выступил *Б. Чичерин* («Немецкие социалисты: К. Маркс» в «Сборнике государственных знаний» Безобразова, 1888), пытавшийся опровергнуть диалектический материализм Маркса. Более злобствующим был *И. А. Тарасов* («О социализме», публичн. лекция, Ярославль, 1888). С более спокойною критикой выступили: проф. *Л. Ходский* («Политическая экономия в связи с финансами», 1884), *Н. Х. Бунге* (статьи, вошедшие потом в его книгу «Очерки политико-экономической литературы») и проф. *Георгиевский* («Политическая экономия»). В 1880 г. на страницах «Отечественных Записок» «научный марксист» *Н.—он* начинает серию своих «Очерков», вошедших позже в сборник «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893); *В. В.* в «Северном Вестнике» 1887 г. «приемлет» экономическую теорию Маркса в статьях, позже вместе с другими статьями против марксизма вошедших в его «Очерки теоретической экономии» (1895).

Особо следует поставить среди статей 80-х годов работы *Н. Зибера*, первого в России популяризатора и пропагандиста научных идей марксизма.

В 90-х годах — до появления книги Струве — против марксизма больше всего выступало «Русское Богатство» (статьи *В. В.* 1892 г., вошедшие в его сборник «Наши направления» (1893); *Н. Кареева* «Источники исторических перемен» в № 1 за 1892 г.; *С. Кривенко* «По поводу культурных одиночек» в № 12 за 1893 г.; *Н. Михайловского* «Литература и жизнь» в №№ 1 и 2 за 1894 г., где он приводит, между прочим, письмо-протест одного из первых русских марксистов-революционеров — Н. Е. Федосеева; *Н.— она* «Нечто об условиях нашего хозяйственного развития» в №№ 4 и 6 за 1894 г.). См. также отдельную книгу *Л. Е. Оболенского* «Изложение и критика нео-марксизма» (СПБ. 1893).

Особенно же ожесточенная критика началась тотчас после появления книг Струве и Бельтова. Против марксизма двинулись в поход почти все народнические публицисты, как, напр.: *В. В.* («Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм» в №№ 47 — 49 «Недели» за 1894 г.; «Экономический материализм на русской почве» в №№ 2 — 3 «Нового Слова» за 1895 г.; «Очерки современных направлений» в № 6 и «Милостивый критик» в № 7 «Нов. Сл.» за 1896 г.); *Ч. Ветринский* («Модная теория» в № 11 «Нов. Сл.» за 1894 г.); *Н. Михайловский* («Литература и жизнь» в № 10 «Русск. Бог.» за 1894 г., № 1 за 1895 г., №№ 1 — 2, 4 — 5 за 1896 г., № 10 за 1897 г.); *С. Кривенко* (заметка в № 10 «Р. Бог.» за 1894 г.); *Н. — он* («Апология власти денег как признак времени» в №№ 1 — 2 «Р. Бог.» за 1895 г.; «Что же значит экономическая необходимость» в № 3 за тот же год; «Несколько слов об основных положениях теории К. Маркса» в № 1 «Р. Бог.» за 1897 г.); *С. Южаков* («Из современной хроники» в № 2 «Р. Бог.» за 1895 г.); *Н. Кудрин* («На высотах объективной мысли» в № 5 «Р. Б.» за 1896 г.); *В. Яроцкий* («Односторонняя теория экономического развития» в январск. номере «Нов. Слова» за 1896 г.); *Н. Г. (Х. Житловский)* («Научно-исторические теории и общественная деятельность» в декабр. номере «Нов. Сл.» за 1896 г.); *Б. Глинский* («Регрессивное течение в русской жизни» в № 4 «Истор. Вестника» за 1896 г.) и др. В либеральном «Вестнике Европы» за 1896 г. (№№ 3, 4—5, 7—9) и 1897 г. (№ 2) присяжный экономист этого журнала вульгарный *Л. З. Слонимский* помещает ряд статей, вышедших потом отдельной книгой — «Экономическое учение К. Маркса» (СПБ. 1898).

В 1895 г. он же издал книгу: «Очерки политико-экономической литературы. Карл Маркс». Кроме того, см. книги: *Н. Кареев* — «Старые и новые этюды об историческом материализме». Курс лекций в СПБ. университете (СПБ. 1896); *К. Головин* — «Мужик без прогресса или прогресс без мужика (К вопросу об экономическом материализме)» (СПБ. 1896) и *И. Гофштеттер* — «Доктринеры капитализма» (СПБ. 1897).

[44]) Статья «Новые всходы на народной ниве», первоначально напечатанная в февральской книжке «Отечественных Записок» за 1879 год, включена в I том «Собрания сочинений С. Н. Кривенко», вышедший в 1911 году. Не исключена возможность того, что неизвестным издателем «Собрания сочинений С. Н. Кривенко» статья эта приписана Кривенко ошибочно. Есть указания, что статья на самом деле принадлежит Г. З. Елисееву.

[45]) «*Московские Ведомости*» — при Каткове, в 60-х годах, а позже при Грингмуте — монархическо-националистическая газета, отражавшая мнения «диких помещиков» и попов. Главный орган «черносотенцев».

[46]) «*Весть*» — реакционно-крепостническая рептилия, выходившая в 60—70-х г.г. прошлого столетия.

[47]) «*Диктатурой сердца*» названа была политика начальника «Верховной распорядительной комиссии» по борьбе с крамолой в 1880 году Лорис-Меликова. Эта политика была очень кратковременной попыткой русской бюрократии путем заигрывания с либералами и обывателем отвлечь их симпатии от растущего в стране революционного движения.

[48]) «*Современные Известия*» — ежедневная консервативная газета, выходившая в Москве с 1867 по 1887 г.г. под редакцией Гилярова-Платонова.

[49]) *Прусский регирунгсрат* (статский советник) — речь идет о немецком экономисте крайних консервативных взглядов, прусском бароне *Ф. Гакстгаузене*, в сороковых годах прошлого столетия бывшем в России и в своих исследованиях описавшем русскую крестьянскую общину. Идеализируя общину и артель, Гакстгаузен являлся горячим поклонником крепостного права и высоко превозносил николаевскую Россию перед Зап. Европой за отсутствие в ней «язвы пролетариата».

[50]) Настоящее место представляет из себя один из образчиков того «эзоповского» языка, к которому приходилось прибегать, дабы пройти сквозь игольные уши тогдашней цензуры. Владимир Ильич не указывает прямо на ряд марксистских работ, которые были к тому времени изданы уже (Группы «Освобождение Труда», сочинения Плеханова и др.), а вынужден ссылаться на В. В., полемизирующего с марксистами.

[51]) *Навкрарии* — у древних греков организации небольших территориальных округов, каждый из которых должен был соорудить, вооружить и снабдить экипажем одно военное судно и выставить двух всадников.

[52]) Струве цитировал следующее место из Энгельсовского «Анти-Дюринга»: «Гегель был первым, правильно определившим отношение между свободой и необходимостью. Для него свобода есть понимание необходимости. «*Слепа необходимость лишь постольку, поскольку она непонятна*». Не в воображаемой независимости от законов природы состоит свобода, а в познании этих законов и в открывающейся благодаря этому возможности планомерно пользоваться ими для определенных целей. Это относится столько же к законам внешней природы, как и к тем, которые управляют физическим и духовным бытием самого человека, — двум разрядам законов, которые мы можем разделять разве только мысленно, но не в действительности. Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность человека принимать решения со знанием дела. Чем *свободнее*, следовательно, суждение человека по известному вопросу, с тем большей *необходимостью* будет определено содержание этого суждения, тогда как неуве-

ренность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими неодинаковыми и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свое подчинение тому предмету, над которым она должна была бы господствовать. Свобода заключается, таким образом, в господстве над самим собой и над внешней природой, — господстве, основанном на понимании естественной необходимости; поэтому она необходимо является продуктом исторического развития» (ср. «Анти-Дюринг» в изд. «Моск. Рабочий» 1924 г.).

53) Имеется в виду сочинение Прудона: «Révolution sociale, démontrée par le coup d'état» («Социальная революция, демонстрированная государственным переворотом»), написанное им в 1852 г.

54) *Лейбкампанцы* — солдаты Преображенского полка, возведшие на престол Елизавету Петровну, за что были наделены дворянством и поместьями.

Струве цитировал следующее место из «Пошехонских рассказов» Салтыкова-Щедрина:

«Многие и до сих пор повествуют, что пошехонская страна кипела млеком и медом... Что касается меня, то хотя я остаюсь при особом мнении насчет подлинности и размеров пошехонского изобилия, но должен все-таки признать, что лет тридцать тому назад жилось здесь как будто ходчее. Действительно, что-то такое было в роде полной чаши, напоминавшей об изобилии. Но когда я спрашиваю себя, на чью собственно долю выпадало это изобилие? — то, по совести, вынужден сознаться, что оно выпадало только на долю потомков лейбкампанцев, истопников и прочих дружинников, и что подлинные пошехонцы участвовали в нем лишь воздыханиями».

55) *Готская программа* — программа германской социалистической партии, принятая в 1875 году на конгрессе в Готе, объединившем две существовавшие до того отдельно социалистические фракции — лассальянскую и эйзенахскую (марксистскую). Программа вызвала критику К. Маркса (см. его брошюру: «Критика Готской программы»).

56) П. Струве цитировал статью А. Головачева из «Отеч. Записок» 1877 г., посвященную критике книги кн. Васильчикова: «Землевладение и земледелие в России и в других европейских государствах». В своей статье А. Головачев защищал преимущества общинного землевладения и, боясь «коммунистических идей» и «пролетария», проповедывал «широкое развитие системы действительного народного кредита».

57) Подробно этот вопрос разобран Владимиром Ильичем в «Развитии капитализма в России» (см. III том Сочинений).

58) Брошюра «*Объяснение закона о штрафах*» впервые была напечатана в конце 1895 г. в нелегальной типографии (известной потом по своему местонахождению под названием «Лахтинской», но в это время помещавшейся еще на Крюковом канале, д. 23, кв. 13), принадлежавшей группе народовольцев. Группа согласилась напечатать брошюру в результате начинавших налаживаться близких отношений ее с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

П. Куделли в статье: «Народовольцы на перепутьи» («Красная Летопись», № 2/11 за 1924 г.) говорит об издании этой брошюры следующее: «А. Ергин, это было приблизительно в ноябре 1895 г., получил ее от того же социал-демократа, приметы которого были выше указаны (т.-е., очевидно, от члена кружка Вл. Ильича П. Запорожца. *Ред.*). Брошюра была зачитана в группе и одобрена к печати, но, по заявлению Прейсс, она все же внесла в нее некоторые исправления. На единственном общем собрании группы от 11 ноября 1895 г. было решено печатать в своей типографии, главным образом, литературу для рабочих. Оригинал брошюры «Объяснение закона о штрафах», по показанию Григория Тулупова, был частью напечатан на пишущей

машинке, частью от руки и после набора был сожжен, как вообще сжигались все использованные оригиналы. Брошюру начали печатать в типографии на Крюковом канале 3 декабря 1895 г. Была она напечатана в количестве 3.000 экземпляров, и затем Василий Приютов передал ее Евгению Ростковскому для Союза борьбы».

Брошюра имела для отвода глаз полиции вымышленные отметки: «Издание книжного магазина А. Е. Васильева», «Херсон. Типография К. Н. Субботина, Екатерин. ул., д. Калинина. 1895». «Продается во всех книжных магазинах Москвы и С.-Петербурга», «Дозволено цензурою. Херсон, 14 Ноября 1895 года».

Второй раз брошюра была издана в 1897 г. в Женеве в типографии «Союза русских социал-демократов».

[59]) Из дальнейшего видно, что Владимир Ильич изучал рабочее движение 80-х годов и, в частности, Морозовскую стачку по старым газетам того времени.— Теперь можно ознакомиться с этой стачкой по книге: «Морозовская стачка 7 — 13 января 1885 г.», под редакцией и с предисловием Д. Рязанова, изд. «Моск. Рабочий», 1923 г., а также по статье организатора этой стачки, П. Моисеенко, в № 1 (24) «Пролет. Революции» и по его воспоминаниям (изд. «Красная Новь», 1924 г.).

Подробный перечень литературы см. в книге Центрархива — «Морозовская стачка в 1885 г.», изд. «Вопросы Труда», М. 1925.

[60]) Цитируемая здесь Владимиром Ильичем статья из «Московских Ведомостей» помещена в № 146 за 1886 г. Она принадлежит перу М. Каткова и перепечатана в книге: «Собрание передовых статей «Московских Ведомостей» 1886 года», Москва 1898. Перепечатываем ее полностью (см. «Документы», № 2, стр. 474).

[61]) *А. А. Микулин* — «Очерки из истории применения закона 3 июня 1886 г. о найме рабочих на фабриках и заводах Владимирской губернии». Владимир, 1893.

[62]) Статья *Я. Т. Михайловского* — «Заработная плата и продолжительность рабочего времени на фабриках и заводах» в книге: «Фабрично-заводская промышленность и торговля России». Изд. Деп. Торговли и Мануфактур Министерства Финансов к Всемирной Колумбовой Выставке 1893 г. в Чикаго. СПБ. 1893 г.

[63]) «*Самарский Вестник*» — провинциальная газета, вначале обывательского характера, издававшаяся земцем Н. Реутовским, в которой изредка появлялись статьи марксистского характера, помещавшиеся в ней благодаря связям с редакцией живших в Самаре марксистов. С конца 1896 г. газета перешла в руки новой, марксистской редакции (П. Маслов, А. Санин, Р. Циммерман, В. Португалов) и, несмотря на цензурные преследования, просуществовала до 16 марта 1897 г., явившись первой в России марксистской газетой.

В «Самарском Вестнике» были помещены статьи А. Санина, В. Португалова, Р. Гвоздева (Циммермана), П. Маслова, А. Потресова, П. Скворцова, П. Струве, М. Туган-Барановского, Ушакова (Плеханова) и др. О «Самарском Вестнике» более подробно см. воспоминания Н. Самойлова в № 7 и А. Санина в № 12 «Пролетарской Революции» за 1924 г., а также книгу Н. Ангарского «Легальный марксизм», вып. I, Москва 1925 г.

[64]) «*Работник*» — непериодический сборник «Союза русских социал-демократов», выходивший в 1896 — 1899 г.г. за границей под редакцией Группы «Освобождение Труда».

Владимир Ильич принимал деятельное участие в организации издания «Работника». Как сообщает тов. Ц. Гришин-Копельзон (см. «Переписку Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, стр. 113), в Петербурге зимою 1894 — 1895 г. состоялось совещание социал-демократов различных местностей России, на котором присутствовали В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, Е. И. Спонти («учитель жизни», «дворянин» — из Москвы),

Я. М. Ляховский, Ц. Копельзон-Гришин. Совещание, обсуждавшее вопрос о необходимости перехода от кружковщины к агитации, приняло решение поставить за границей дело издания популярной литературы для рабочих, с каковой целью Спонти и В. И. Ленин предприняли в 1895 г. поездку за границу для переговоров с Группою «Освобождение Труда», в результате чего Группа предприняла издание сборников «Работник». (О пребывании В. И. Ленина за границей в 1895 г. см. рассказ П. Б. Аксельрода—«Документы», № 8, стр. 488).

Всего вышло 6 номеров «Работника» в трех книгах. Кроме него, выходили еще *Листки «Работника»*, из которых №№ 1—8 (1896—1898 г.г.) выходили под той же редакцией, последний же № 9—10 вышел в ноябре 1898 г. под временной редакцией после того, как Группа «Освобождение Труда» отказалась от редактирования изданий «Союза русских социал-демократов».

[65]) Напечатанная в № 1—2 «Работника» статья-некролог «*Фр. Энгельс*» принадлежит безусловно перу Владимира Ильича. За это говорит как стиль статьи, так и то, что доставлена она была в редакцию из России (см. «Переписку Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, изд. Р. М. Плехановой, М. 1925, стр. 118). В России же, как известно (см. стр. 463 наст. тома), статью под тем же заглавием Владимир Ильич писал в 1895 г. для «Рабочего Дела». Г. М. Кржижановский, один из трех редакторов «Рабочего Дела», подтверждает принадлежность статьи из «Работника» Вл. Ильичу.

[66]) «*Немецко-французский журнал*» («Deutsch-Französische Jahrbücher») — издавался К. Марксом совместно с Руге в Париже. Вышел всего один номер в феврале 1844 г. Маркс поместил здесь свои статьи — предисловие к критике Гегелевской «Философии права» и разбор книг бр. Бауэров по еврейскому вопросу.

[67]) «*Союз Коммунистов*» — международная организация рабочих с коммунистической программой, основанная при деятельном участии Маркса и Энгельса в 1847 г. и просуществовавшая до 1852 г. По поручению «Союза Коммунистов» Маркс написал свой «Манифест Коммунистической партии».

[68]) «*Новая Рейнская Газета*» («Neue Rheinische Zeitung») — издавалась с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г. в Кельне кружком коммунистов во главе с К. Марксом и Фр. Энгельсом.

[69]) «*О чем думают наши министры*» — одна из статей, которые должны были войти в подготовлявшуюся «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» популярную газету для рабочих — «*Рабочее Дело*». Л. Мартов пишет об этом следующее («Записки соц.-демократа», стр. 275 и 290):

«...Петербургская «группа народовольцев» предложила нашей организации совместное издание газеты, для которой предлагала свою, так блестяще себя проявившую, нелегальную типографию (см. прим. 58). Предварительные разговоры выяснили, что народовольцы предлагают посвятить этот общий орган задачам пропаганды социалистической конечной цели, агитации за политическую свободу и за непосредственную борьбу на экономической почве, стало быть, отказывались поднимать в органе вопросы о характере экономического развития России и отношении между крестьянством и пролетариатом и пропагандировать в нем террор. Нам оставалось, с своей стороны, «воздерживаться» от критики этих идейных традиций революционного движения и от выпячивания некоторых воззрений, чтобы сообща вести орган, который понес бы нашу социалистическую и демократическую пропаганду в массы *). Обменявшись мнениями и учтя несо-

*) Несколько позже, говоря о необходимости договориться с этой же группой народовольцев, Вл. Ил. говорил: «Раз у них есть типография, то они многое могут диктовать нам, и мы на многое должны согласиться» (см. книжку Б. И. Горева: «Из партийного прошлого. Воспоминания 1895—1905 г.г.», Ленинград 1924 г., стр. 8). *Ред.*

мненно замечавшийся в петербургской группе народовольцев сдвиг со старых народнических и заговорщических позиций, который выразился в вышедшем незадолго № 3 ее «Летучего Листка», мы единодушно решили, что опыт совместного издания надо будет сделать, в надежде, что нам удастся самим говорить, а может быть, и наших контрагентов соблазнить говорить марксистской прозой, не ставя марксистских точек над «i». На следующем нашем собрании уверенность в этой возможности сильно возросла, когда Ульянов, которому поручено было нами договориться о подробностях с представителем народовольцев, доложил нам, что этот представитель (им, очевидно, был Белевский, позднее известный под именем А. Белоруссова, так далеко от социализма и демократизма ушедший за последние годы), ничего не возражая против всех наших предложений, принял порядок, по которому газета редактируется представителями обеих групп, из которых каждый пользуется правом «вето» по отношению к материалу, доставленному другой стороной, и заявил, что первый номер его группа предлагает составить нам целиком, что уже совсем нас растрогало и обрадовало. Кржижановскому, мне и Ульянову организация поручила составить первый номер, и мы взялись за работу.

«... Мы подготовили номер газеты и после тщательного обсуждения представили его нашим товарищам по предприятию — народовольцам. Последние целиком одобрили содержание номера. Он состоял из программной статьи, написанной В. И. Ульяновым и разъяснявшей необходимость образования самостоятельной рабочей партии и борьбы за политическую свободу, как средство достижения социализма. Другие статьи излагали историю конфликтов на фабриках Лаферм и Торнтон, давали обзор летнего стачечного движения в Московской и Владимирской губерниях (этот материал доставили нам товарищи-москвичи) и историю всеобщей забастовки в Белостоке, написанную мной. Одна статья посвящена была походу правительства на «Комитеты грамотности», другая — смерти Фр. Энгельса. Газету, по соглашению с народовольцами, мы решили назвать «Рабочим Делом».

Номер должен был быть уже сдан в типографию, когда в ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. полиция произвела аресты главнейших руководителей «Союза борьбы» во главе с Владимиром Ильичем, и все рукописи «Рабочего Дела» были взяты у А. А. Ванеева.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях (сб. «О Ленине») сообщает, что рукопись «Рабочего Дела» существовала в двух экземплярах. Один взял для окончательного просмотра Ванеев, у которого он и был отобран полицией, другой оставался у Н. К. Крупской, которая передала его на хранение Н. А. Герд (будущей жене П. Струве). Обе рукописи до сего времени не разысканы. Надежды Владимира Ильича на то, что рукописи эти, «может быть, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина» из архивов департамента полиции» — пока еще не сбылись. Лишь в январе 1924 года удалось найти в деле департамента полиции о «Союзе борьбы» копию данной статьи — «О чем думают наши министры».

За принадлежность статьи Вл. Ильичу говорит, во-первых, то, что сам Вл. Ильич в «Что делать?» дает ее содержание; во-вторых, Л. Мартов, один из редакторов «Рабочего Дела», в своих примечаниях к «докладу д-та полиции о «Союзе борьбы» (см. «Сборник материалов и статей» — Редакции журнала «Историч. Архив» — М., 1921) говорит, что статья, «кажется, была написана Владимиром Ильичем»; в-третьих, т. Г. М. Кржижановский, третий редактор «Рабочего Дела», подтверждает принадлежность статьи Вл. Ильичу.

[70]) Письмо Дурново к Победоносцеву перепечатывается нами полностью — см. «Документы», № 3, стр. 477.

[71]) «*Проект программы*» имеется в трех списках: первый, найденный в бумагах Владимира Ильича периода 1900—1904 г.г., отбитый на машинке на тонкой папиросной бумаге; второй, написанный химиче-

скими чернилами и проявленный путем нагревания между строк какой-то медицинской книги, изданной не ранее конца 1898 г., и третий, найденный Истпартом в Женевском архиве партии и представляющий гектографированную тетрадь, в которой помещены подряд, как одно цельное произведение, и «Проект программы» и «*Объяснение программы*».

В основе этих списков (все они хранятся ныне в Институте Ленина) лежит текст Владимира Ильича, написанный им в тюрьме. «Проект программы» написан Владимиром Ильичем в тюрьме уже в конце 1895 г. (на списке, найденном в бумагах Вл. Ильича, имеется отметка его рукой: «1895»), «Объяснение программы» — там же спустя несколько месяцев (в июне — июле 1896 г., так как в тексте упоминаются уже летние стачки 1896 года).

По воспоминаниям Н. К. Крупской и А. И. Елизаровой текст Владимира Ильича был передан на волю в виде записи жидким молоком между строк какой-то книги (подробнее см. «Пролетарская Революция», № 3, 1924 г.). Этот подлинный текст Владимира Ильича должен был быть сначала проявлен, затем переписан и, наконец, переписан вторично для воспроизведения на гектографе.

Этот сложный процесс, при котором первоначальный текст Вл. Ильича должен был пройти через руки по меньшей мере двух-трех переписчиков, вполне объясняет как разночтения в трех имеющихся списках «Проекта программы», так и ряд бросающихся в глаза ошибок и описок в единственном имеющемся у нас списке «Объяснения программы». Этим же, вероятно, объясняется и то, что гектографированная тетрадь не доводит до конца «Объяснения программы», а обрывается на объяснении приблизительно только первой половины программы.

При этих условиях воспроизведение текста «Проекта программы» и «Объяснения программы» с буквальной точностью в начертании слов, расположении абзацов, пунктуации и т. п. было бы излишним педантизмом. Там, где ошибки, описки, пропуски или искажения переписчиков явно бросаются в глаза, мы — без особых оговорок — освобождали от них текст Владимира Ильича.

Что касается самого «Проекта программы», то из сопоставления трех имеющихся списков ясно, что первоначальный текст Владимира Ильича подвергся искажениям. Сопоставление их, однако, к счастью, дает возможность восстановить первоначальный текст, вероятно, с буквальной точностью. Мы даем тот текст, который, будучи основан на трех списках и на тексте «Объяснения», может, как нам кажется, почитаться наиболее близким к тому, что было в действительности написано самим Владимиром Ильичем.

Здесь необходимо упомянуть об одном примечании к письму П. Б. Аксельрода от 12/VII 1901 г. в «Письмах П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова» (Берлин 1924 г.). В письме П. Б. Аксельрод говорит о «наброске», который мог бы годиться как введение к программе. Редакция издания так комментирует это место:

«Набросок», о котором упоминает здесь П. Б. Аксельрод, был сделан Лениным; история его такова: вопрос о программе встал в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» еще в 1895 г.; после ареста в декабре 1895 г. Ленин в тюрьме составил проект этой программы; написанный химическими чернилами в книге, между строк, он был переслан им летом 1896 г. на волю, А. Н. Потресову; последний едва успел проявить книгу и переписать проект, как был арестован сам; рукопись была оставлена им у одного из своих знакомых, но последний, испугавшись арестов, уничтожил ее. Зимою 1900 и 1901 г.г. Ленин восстановил этот свой набросок и давал его читать Аксельроду и Плеханову; сохранился ли он, нам не известно».

Это свидетельство в общем совпадает с воспоминаниями Н. К. Крупской (неверно, что текст был переслан из тюрьмы А. Н. Потресову: он

был переслан Н. К. Крупской, ею же был расшифрован и попал к А. Н. Потресову через А. И. Елизарову после ареста Н. К. Крупской в августе 1896 г.). Недоумение вызывает лишь фраза П. Б. Аксельрода о том, что «набросок» мог бы служить *введением* к программе, а не канвой для самой программы.

Необходимо здесь отметить также указание К. Тахтарева-Петербуржца («Рабочее движение в Петербурге 1893 — 1901 г.г.», изд. «Прибой», 1924, стр. 85): «За эту работу (составления программы. *Ред.*) взялся Владимир Ильич, находившийся в это время в тюрьме, в Доме Предварительного Заключения. По просьбе товарищей он взялся составить проект программы русских социал-демократов. Это он выполнил, и ему удалось передать рукопись нам в Союз... Насколько знаю, рукопись была уничтожена».

На самом деле рукопись, очевидно, не была уничтожена, так как в одном из писем П. Аксельрода к Г. Плеханову *в июне 1898 г.* (см. «Переписку Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», том II, стр. 38) П. Аксельрод говорит о необходимости издать отдельным сборником программу и объяснительную записку Петрова (Ленина) вместе с «Манифестом» первого съезда Р. С.-Д. Р. П. и переводом статьи П. Аксельрода: «Die historische Berechtigung der russischen Sozialdemokratie» («Историческое оправдание русской социал-демократии» — вышла по-русски в 1898 г. в Женеве под заглавием: «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России»).

[72]) См. «Документы», № 4, стр. 480.

[73]) *Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»* организовался фактически еще зимой 1894—1895 г., но название свое принял лишь в декабре 1895 г., уже после ареста своего основного ядра во главе с В. И. Лениным. «Союз борьбы» ставил своей задачей непосредственную агитацию среди рабочих фабрик и заводов на почве их насущных интересов и требований, заменив этой тактикой господствовавшую до того систему кружковых занятий с наиболее толковыми рабочими. Эта агитация совпала с массовым стачечным движением, вызванным нестерпимыми условиями труда, господствовавшими на фабриках и заводах, и захватившим до 40 тысяч рабочих (летние стачки ткачей в 1896 г.). «Союз борьбы» руководил этим движением, развив необычайную деятельность и завязав на этой почве связи с рабочей массой, которые послужили основой всей дальнейшей работы революционных социал-демократов в Петербурге.

Организационно «Союз борьбы» состоял из руководящей «Центральной Организационной Группы», состоявшей из вполне определившихся уже социал-демократов, которая руководила всем делом пропаганды и агитации, писала листки и брошюры, вела всю организационную работу и держала связь с другими городами; она опиралась на «Центральную Рабочую Группу», состоявшую из представителей от рабочих, за которыми стояли пропагандистские кружки.

Главными деятелями «Союза борьбы» в 1895 — 1896 г.г. были: В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев, Ю. О. Мартов, Н. К. Крупская, З. П. Невзорова, С. И. Радченко, Л. Н. Радченко, А. А. Якубова, М. А. Сильвин, С. А. Гофман, Я. М. Ляховский; рабочие В. А. Шелгунов и И. В. Бабушкин; А. Потресов, Ф. Гурвич (Дан), Б. Горев-Гольдман и др.

Этой группе («стариков») удалось просуществовать недолго. В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. были арестованы Ленин, Кржижановский, Запорожец, Ванеев, Старков, Малченко и др.; в январе 1896 г. — Мартов, Ляховский; в августе 1896 г. — Крупская и др. Сидя в тюрьме, «старики» не прерывали своего руководства «Союзом», посылая оттуда листовки, брошюры, давая указания и т. д.

Одним из способов агитации, который впервые широко применил и умело использовал «Союз борьбы», было распространение по фабрикам

и заводам печатанных гектографским и мимеографическим способом листков-прокламаций, в которых, на-ряду с насущными нуждами и требованиями рабочих, формулировались и требования политические. «Это были линючие лиловые маленькие листочки, но несли они новые смелые слова, простые и правдивые, близкие и понятные каждому» (З. Невзорова). Для того, чтобы написать такой листок, «Союз борьбы» предварительно тщательно собирал на месте все необходимые сведения. Вот как рассказывает Владимир Ильич о собирании им таких сведений:

«Как сейчас помню свой «первый опыт», которого я бы никогда не повторил. Я возился много недель, допрашивая с «пристрастием» одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал. Правда, описание (одного только завода!) я, хотя и с громадным трудом, все же кое-как составил, но зато рабочий, бывало, вытирая пот, говорил под конец занятий с улыбкой: «мне легче экстру проработать, чем вам на вопросы отвечать!» («Что делать?»).

О другом «опыте» Владимира Ильича рассказывает Л. Мартов («Записки с.-д-та», стр. 278):

«В первые дни после «беспорядков» (на ф-ке Лаферм. *Ред.*), когда фабрика еще не работала и неизвестно было, где искать лаферморвских рабочих, М. А. Сильвин пытался вместе с В. И. Ульяновым ориентироваться, засевши в какой-либо близкий к месту событий трактир и собирая на-лету то, что в беседах между собой расскажут посетители о событии. Пользы, однако, получилось мало. Как передавал Ульянов, купцы и мещане, виденные им в трактире, рассказывали лишь о перипетии обливания работниц водой из пожарных кишек и заканчивали рассказ нравоучительной сентенцией, отирая пот после соответствующего количества чайных порций: «А потому — ни-и скандаль!».

В «Документах», № 7 (см. стр. 483) мы приводим список прокламаций «Союза борьбы» за 1895 — 1897 г.г. по отчету министра юстиции Муравьева «Революционное движение в России 1894 — 1905 г.г.», с пред. Л. Мартова, (1907), отмечая (в скобках) имеющиеся в Институте Ленина и дополняя этот список известными нам прокламациями того же периода, не вошедшими в список Муравьева.

Из многочисленной литературы о «Союзе борьбы» см. воспоминания Н. К. Крупской, В. Шелгунова и др. в «Творчестве» № 7 — 10 за 1920 г.; книгу К. Тахтарева (Петербуржца) — «Рабочее движение в Петербурге 1893 — 1901 г. г.», изд. «Прибой», 1924 г.; воспоминания Б. Горева (Гольдмана) — «Из партийного прошлого», ГИЗ, Ленинград 1924 г. и др.

[74]) Стачка на фабрике Торнтона 5 — 8 ноября 1895 г. явилась одним из первых крупных событий рабочего движения, где группа «стариков» применила свою новую тактику массовой агитации. Группа выпустила два листка к рабочим ф-ки Торнтона. Первый листок, написанный, очевидно, Г. М. Кржижановским и до настоящего времени не разысканный, был выпущен перед началом забастовки и формулировал требования рабочих. Печатаемый нами второй листок, написанный Владимиром Ильичем, был выпущен уже по окончании забастовки (В. Акимов-Махновец дает его дату — 10 ноября, — см. его «Очерк развития с.-д-тии», стр. 52).

Листок был перепечатан за границей в 1896 в № 1 — 2 «Работника».

О стачке на фабрике Торнтона см. подробно у К. Тахтарева-Петербуржца: «Рабочее движение в Петербурге 1893 — 1901 г. г.», где также перепечатан этот листок.

[75]) *Майский листок* «Союза борьбы» 1896 г., присланный Владимиром Ильичем из тюрьмы, впервые удалось размножить в огромном по тому времени количестве — свыше 2.000 экземпляров (эту цифру точно устанавливает Б. Горев-Гольдман, печатавший листок) и распространить по 40 фабрикам и заводам Петербурга. Именно этот листок имел громадное влияние на рост сознания петербургских рабочих. «Когда через месяц после этого вспыхнули знаменитые стачки 1896 г., рабочие говорили нам.

что первым толчком к их объединению был этот маленький скромный майский листок» (З. Волжанский [З. П. Кржижановская], «Волна», № 6, 1 мая 1906 г.). — «Многие рабочие потом говорили, что если бы не майский листок, то, может быть, не было бы и летних стачек» (Тахтарев-Петербуржец). — Б. Горев-Гольдман в своей книжке («Из партийного прошлого», Ленингр. 1924) говорит: «Выпустив и распространив майский листок, мы *чувствовали*, что сделали большое революционное дело. Разразившаяся спустя полтора месяца великая забастовка ткачей и прядильщиков, у которых брожение началось и не прекращалось *именно под влиянием первомайской прокламации* и ждало лишь повода, чтобы проявиться в активной форме, — эта забастовка показала наглядно нам и всему миру, что наше чувство не обмануло нас... Забастовка началась именно там, где случайно наш листок был лучше всего распространен»...

[76]) Точное указание на принадлежность Владимиру Ильичу прокламации «*Царскому правительству*» дают В. Акимов-Махновец («Очерк истории с.-д-тии в России», стр. 49 и 54) и Б. Горев-Гольдман («Из партийного прошлого», стр. 36).

Прокламация явилась ответом на опубликованное в № 158 «Правительственного Вестника» от 19 (31) июля 1896 г. правительственное сообщение о летних стачках 1896 года в Петербурге. К. Тахтарев пишет следующее по поводу издания указанного правительственного сообщения:

«Правительству и другим классам общества впервые пришлось взглянуть на рабочий класс, как на новую народившуюся общественную силу. Для правительства и реакционеров стало уже поздно повторять избитую ложь, что у нас в России нет рабочего вопроса, и хвастаться «патриархальными отношениями» хозяев к рабочим, якобы царящими на русских фабриках.

«Несмотря на все желание, движения нельзя было скрыть, ибо оно было вынесено, как говорится, на улицу и благодаря прокламации Союза получило широкую огласку. Весь Петербург мог проверить то, что писалось в листках. Делать было нечего, и правительство, умудренное горьким опытом, пускается на новую штуку — объявить официально о забастовках... Конечно, сообщение было тотчас же перепечатано другими газетами и облетело все даже самые отдаленные уголки России. Правительство постаралось, однако, и тут слукавить: чтобы умалить грандиозность движения, оно убавило число забастовщиков почти больше, чем наполовину. Любопытно также, что на этот раз члены «Союза борьбы» и других революционных организаций из «подстрекателей», какими они являлись в прежних секретных циркулярах Витте, превратились в «злонамеренных личностей», которые «пытались воспользоваться уже совершившимися стачками с целью придать им преступный характер». Как бы в ответ на все эти правительственные сообщения, осенью «Союзом» была выпущена длинная прокламация»...

Прокламация была перепечатана в заграничном издании книжки Петербуржца (К. Тахтарева) — «Очерк петербургского рабочего движения 90-х г. г.» (1902).

Упоминаемый в прокламации циркуляр Витте фабричным инспекторам — см. «Документы», № 4, стр. 480.

[77]) Первый раз правительство обратилось с сообщением по поводу стачек 1895 г. во Владимирской губернии. Сообщение было напечатано в газетах в самом начале 1896 года.

Кроме этого, необходимо отметить знаменитый циркуляр Витте к стачечникам летом 1896 г., перепечатываемый нами полностью (см. «Документы», № 5, стр. 481).

Интересен способ, к которому прибег Витте для распространения этого обращения, о чем рассказывает К. Тахтарев-Петербуржец: «Министерская прокламация, как ей и надлежит быть, была расклеена на стенах и заборах и раздавалась полицейскими. Но во многих местах рабочие

проходили мимо и не читали ее, а, получая от полицейских, просто рвали и бросали ее, с упоминанием всех родителей. Тогда кое-где усердные городовые начали разбрасывать прокламации подобно тому, как разбрасывались листки «Союза». «Было уморительно смотреть, — говорили некоторые рабочие, — как слуги правительства не нашли ничего лучшего, как подражать в тактике «Союзу».

В ответ на это ханжеское обращение министра финансов «Союз борьбы» выпустил одну из своих характернейших прокламаций: «К петербургским рабочим» (см. «Документы», № 6, стр. 482).

VI. СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

АДЛЕР, Виктор (1852—1918)—один из вождей австрийской с.-д-тии, вначале занимавший ортодоксально - марксистскую позицию, потом скатившийся до ревизионизма и оппортунизма. Был редактором центрального органа партии «Arbeiter-Zeitung» («Рабочей Газеты»). — 414.

АННЕНСКИЙ, Н. Ф. (1843 — 1912) — один из виднейших народников 90-х и 900-х г.г., вместе с Н. К. Михайловским, А. В. Пешехоновым, В. Г. Короленко и др. принадлежал к руководящей группе легального народничества, публицист и статистик. В качестве руководителя статистических работ казанского и нижегородского земств сыграл крупную роль в организации русской земской статистики. Сотрудничал в «Отеч. Записках», входил в состав редакции «Русск. Богатства». После разрыва последней с партией с.-р. (в 1905 г.) выступил как один из организаторов и руководителей народно-социалистической партии. — 119, 153.

АРСЕНЬЕВ, К. И. (1789 — 1865) — географ и статистик, один из основателей Русского Географического Общества. — 322.

Б.

БАРАНОВ, Н. М. (1836 — 1901) — нижегородский губернатор с 1883 г. по 1897 г. Стал широко известен своим самодурством в связи с голодом 1892 г. Благодаря разоблачениям В. Г. Короленко, его имя стало нарицательным для провинциальных сатрапов. —163.

БАУЭРЫ, БРУНО (1809 — 1882) и ЭДГАР (1820 — 1886) — немецкие историки и философы, вначале левые гегельянцы и радикалы, потом скатившиеся до защиты прусского консерватизма и поповства. Их взглядам Маркс и Энгельс в 40-х годах посвятили ряд полемических статей — 412.

БЕЛОВЫ — московская торгово-промышленная фирма. — 220.

БИСМАРК (1815 — 1898) — «железный канцлер» Германской империи, главным делом которого было объединение «кровью и железом» мелких, разрозненных немецких государств и создание германского национального единства под главенством юнкерской Пруссии. При нем было введено в Германии всеобщее избирательное право. При помощи исключительных законов против социалистов пытался бороться со все усиливавшимся ростом и влиянием германской с.-д-тии. — 160.

БЛОС, В. (р. 1849) — германский социал-демократ-реформист, историк. Главные его труды: «История германской революции 1848 г.», «Французская революция 1789 г.» (переведены на русский язык). — 65, 79.

БОГДАНОВСКИЙ, А. — автор статьи «Общество и закон о переселениях» в № 5 «Северного Вестника» за 1892 г. — 135.

БРАЙТ, ДЖ. (1811 — 1889) — английский фабрикант, один из вождей фритредерского движения, член радикальной партии, руссофил. Стоял

(вместе с Кобденом) во главе основанной в 1838 г. «Лиги против хлебных законов», стремившейся к уничтожению установленных, с целью создания монополии для богатых землевладельцев, чрезмерных пошлин на иностранный хлеб. Позже был министром в кабинете Гладстона. — 334.

БУРЕНИН, П. В. (р. 1841) — реакционный фельетонист «Нового Времени», не брезговавший никакими методами борьбы с противником. Вл. Ильич часто употреблял его имя для обозначения бесчестных, безыдейных методов полемики. — **74, 76, 97, 100, 170.**

В.

В. В. — псевдоним В. П. Воронцова (1847—1917), одного из главных теоретиков народничества 80 — 90-х годов. Главные сочинения: «Судьбы капитализма в России» (1883), «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономии» (1895). Сотрудничал во всех руководящих органах народничества — от Лавровского «Вперед» (в 70-х г.г.) до «Русского Богатства» Михайловского, с которым в начале 90-х г.г. разошелся. После этого стал писать в либеральном «Вестнике Европы». Решительно выступал против марксизма и был объектом критических статей чуть ли не всех первых марксистов в России. Систематическую критику взглядов В. В. дал Г. В. Плеханов в своем сочинении: «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)».

Вл. Ильич также уделял много внимания критике взглядов В. В. По свидетельству т. Григорьева, одной из первых работ Владимира Ильича, написанной им в самарский период его жизни, был реферат под заглавием: «Обоснование народничества в трудах г. В. В.» (см. стр. 461). — **4, 76, 147, 156, 158, 164, 168, 185, 203 — 204, 232, 236, 245, 263, 270, 294, 297, 300, 314, 329, 331, 352 — 356, 360 — 361.**

ВАСИЛЬЧИКОВ, А. И. (1818 — 1881) — публицист и общественный деятель, писавший по вопросам местного самоуправления, мелкого земельного кредита, сельского хозяйства и землевладения. В своих сочинениях стоял за сохранение «векового хода нашего общественного построения», т.-е. общинного землевладения, хотя и видел в нем препятствие к улучшению земледельческой культуры. Главные сочинения: «Землевладение и земледелие в России и в других европейских государствах» (1876) и «О самоуправлении» (1869 — 1871). — **143, 317.**

ВЕРНАДСКИЙ, И. В. (1821 — 1884) — либеральный экономист, горячий защитник свободы торговли в 50 — 60 г.г. Н. Г. Чернышевский в «Современнике» посвятил не мало места полемике с Вернадским, как типичным защитником буржуазных взглядов и интересов. Редактировал в 1857 — 1861 г.г. журнал «Экономический Указатель». — **238.**

ВЕРНЕР, К. А. (1850 — 1902) — статистик-агроном народнического направления; заведывал статистическим бюро таврического земства, затем профессор московской с.-х. академии. — **14.**

ВЕРХОВСКИЙ — командир петербургского порта в 90-х г.г. — **371, 394.**

ВИТТЕ, С. Ю. (1849 — 1915) — самый крупный и дальновидный из министров Александра III и Николая II, своими мероприятиями в области финансов, железнодорожного дела и пр. много способствовавший развитию капитализма в России. После неудачной для Романовской монархии русско-японской войны ему было поручено ведение переговоров о мире с Японией. В 1905 г. в виду усиления революционного движения выступил с планом ликвидации революции путем уступок и созыва Государственной Думы. Автор манифеста 17 октября 1905 г. Сошел с политической сцены после поражения революции 1905 года. См. его «Воспоминания» (изд. ГИЗ, Петроград, 1923). — **174, 442, 455, 457.**

ВОЛГИН — герой романа Н. Г. Чернышевского «Пролог Пролога», в уста которого Чернышевский вложил свои собственные взгляды, в частности на условия «освобождения крестьян» в 1861 г. — **178 — 179.**

Г.

ГАЛЬВАНИ (1737—1798) — итальянский анатом и физиолог, открывший явление гальванизма, сыгравшего колоссальную роль в науке об электричестве. — **80.**

ГЕГЕЛЬ (1770 — 1831) — виднейший из представителей немецкой идеалистической философии, имевший огромное влияние на германскую, а также и на русскую (Белинский) интеллигенцию. Маркс взял у Гегеля его диалектический метод, «поставив его на ноги», т.-е. преобразовав в материалистическую диалектику. — **59, 80, 82, 84 — 86, 410 — 411.**

ГЕРЦЕН, А. И. (1812—1870) — русский писатель и политический деятель, родоначальник народничества и русского либерализма. В 40-х г.г., являясь левым гегельянцем и последователем французского социализма, стоял во главе русских западников и вел борьбу с славянофилами. Эмигрировав заграницу, издавал в Лондоне (позже в Женеве) «Полярную Звезду» (1855 — 1869) и «Колокол» (1857 — 1867), в которых обличал императорский абсолютизм и требовал освобождения крестьян с полным земельным наделом и с сохранением общины, в которой видел залог нового социального и политического строя. Оценка громадной роли А. И. Герцена в истории русского освободительного движения дана В. И. Лениным в статье: «Памяти Герцена» (1912 г.). — **164, 171.**

ГЛАДСТОН (1809 — 1898) — виднейший из английских либеральных министров второй половины XIX ст. — **160.**

ГОЛОВАЧЕВ, А. А. (1819 — 1903) — право-народнический публицист, один из деятелей тверского комитета по освобождению крестьян, автор ряда работ по крестьянскому и др. вопросам (статьи в «Русск. Вестнике» за 1858 г. по крестьянскому вопросу; «Десять лет реформы» в «Вестнике Европы» за 1870 — 71 г.г.; ряд статей о государственном бюджете в «Русской Мысли» за 1882 г.; «История жел.-дор. дела в России» и др.). — **315.**

ГОЛОВИН, К. Ф. (1843—1913) — реакционный критик «Русского Вестника», выступавший против общины (его «Сельская община в литературе и действительности»). В № 12 «Русского Вестника» за 1894 г. выступил со статьею «Два новых противника общины», где разбирал «Экономические этюды» А. Скворцова и «Критические заметки» П. Струве. В этой статье Головин заявлял о возможности «итти рука об руку» с марксистами (конечно, типа П. Струве). П. Струве дал ему ответ в статье «Моим критикам» в сборнике: «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (перепечатано в сборнике П. Струве: «На разные темы»). Писал также беллетристические произведения под псевдонимом К. Орловский. — **359.**

ГОЛУБЕВ, П. А. — статистик, автор ряда работ по экономическим вопросам («К вопросу о причинах экономического упадка сельского населения» в № 10 «Юридич. Вестника» за 1892 г., «Подать и народное хозяйство» в «Русской Мысли» 1893 г., №№ 5 — 7, «Податные очерки» в «Русск. Бог.» за 1895 г., № 5 и др.). — **331.**

ГРИГОРЬЕВ, В. Н. (1852 — 1925) — один из крупнейших организаторов и руководителей земской статистики, заведывал статистическим бюро рязанского губернского земства и статистическим отделом московской городской управы, автор «Переселения крестьян Рязанской губернии» и ряда статей по вопросам городского хозяйства. — **135, 153.**

ГУРВИЧ, И. А. (1860 — 1924) — один из первых русских марксистов (см. его воспоминания о марксистском кружке 1885 — 1887 г.г. в Минске — «Былое», № 6 за 1907 г.). Эмигрировал в Америку, где занимал профес-

сорскую кафедру, которой был лишен за свои взгляды. Главные его работы: «Переселение крестьян в Сибирь» (М. 1888) и «The economics of the russian village» (Нью-Иорк, 1892). Последняя, под названием: «Экономическое положение русской деревни», вышла в 1896 г. в переводе А. Санина, с приложением статьи последнего: «Несколько замечаний по поводу теории народного производства». Книга И. Гурвича вызвала ряд как сочувственных, так и враждебных отзывов (см., напр., «Р. Мысль», № 12 за 1896 г.; статью М. Плотникова: «Поучение из-за океана» в «Нижегор. Листке» и др.), на которые А. Санин ответил большой статьей в № 269 — 270 «Самарского Вестника» за 1896 г. Вл. Ильич очень высоко ценил обе работы И. Гурвича (см. его отзывы о них в «Развитии капитализма в России», III том Сочинений) и поддерживал переписку с ним. — **134, 157—158.**

Д.

ДАРВИН, Ч. (1809 — 1882) — английский естествоиспытатель, в своих трудах (главный: «О происхождении видов путем естественного подбора», 1859 г.) давший обоснование *дарвинизму*, учению, по которому высшие формы растений и животных развиваются путем естественного подбора из низших путем выживания наиболее приспособленных. Учение Дарвина вошло необходимой составной частью в общую теорию эволюции. — **56, 62, 68.**

ДЕМЕНТЬЕВ, Е. М. — санитарный врач и статистик, по поручению московского губернского земства произведший обследование ряда уездов Московской губернии, данные которого давали возможность опровергнуть ходячее в то время представление народников об отсутствии в России класса фабричных рабочих, потерявших связь с землей. Главное его сочинение: «Русская фабрика, что она дает населению и что она у него берет» (1893). — **121.**

ДУРНОВО, И. Н. (1834 — 1903) — министр внутренних дел в 1889 — 1895 г.г., затем председатель комитета министров, один из ярых проводников дворянской политики Александра III, введший институт земских начальников, усиливший преследование «инородцев», строгости цензуры и пр. — **419, 421.**

ДЮРИНГ, Е. (E. DÜHRING) (1833 — 1902) — немецкий экономист и философ, ярый противник Маркса и научного социализма, пытавшийся дать свою собственную «социалитарную теорию», в экономических работах повторявший американского экономиста Кэри. Уничтожающую критику взглядов Дюринга дали Маркс и Энгельс в книге: «Переворот в науке, произведенный г-ном Е. Дюрингом» («Анти-Дюринг»). В России большим почитателем Дюринга был Н. К. Михайловский.— **68, 80—82, 84—89, 94, 97, 414.**

DÜHRING, E.— см. ДЮРИНГ, Е.

Е.

ЕРМОЛОВ, А. С. (1846—1917) — министр земледелия и государственных имуществ с 1892 г. по 1905 г., проводивший дворянско-крепостнические тенденции в сельско-хозяйственной промышленности. В 1892 г. издал вызвавшую большую полемику книгу: «Неурожай и народное бедствие», в которой пытался оправдать сельско-хозяйственную политику правительства. — **174, 185.**

Ж.

ЖУКОВСКИЙ, Ю. Г. (1822—1907) — экономист и юрист, писал в «Современнике», «Вестнике Европы», редактировал журнал «Космос» (1869—1870), издал книги: «Политические и общественные теории в XIX в.» (1866), «Прудон и Луи Блан» (1867), «История политической литературы XIX в.»

(1871) и др. В сентябрьском номере «Вестника Европы» за 1877 г. поместил злобствующую статью: «Карл Маркс и его книга о Капитале», где пытался опровергнуть положения Маркса. Статья вызвала ответ Н. Михайловского («К. Маркс перед судом Ю. Жуковского» в «Отеч. Записках», октябрь 1877 г.) и Н. Зибера («Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского» в «Отеч. Зап.», ноябрь 1877 г.).— **57, 86, 90.**

З.

ЗАСУЛИЧ, В. И. (1851—1919) — вместе с Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом и Л. Г. Дейчем основала Группу «Освобождение Труда». После II съезда партии примыкала к меньшевикам. — **414.**

ЗИБЕР, Н. И. (1844—1888) — профессор Киевского университета, один из первых в России популяризаторов и пропагандистов экономического учения Маркса. Его марксизм был в значительной степени односторонним, революционно-критическая сторона учения Маркса осталась ему чужда, в своих политических воззрениях он был эволюционистом. Тем не менее до появления сочинений Бельтова (Плеханова), Ленина и др. его сочинения сыграли большую роль в деле распространения идей марксизма в России, а также в проникновении их на университетскую кафедру. Главнейшие из них: «Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885), «Экономическая теория К. Маркса» (в «Знании» 1876—1877 г.г. и «Слове» 1878 г.), «Очерки первобытной культуры» (1883), а также полемика о Марксе с Б. Чичериным, Ю. Жуковским и др. (см. его Собрание сочинений в 2-х томах). Вл. Ильич был знаком с работами Н. Зибера еще в 1892—1893 г.г., что видно из его замечания в статье о Постникове (см. стр. 44).— **44, 127.**

ЗИММЕЛЬ, Г. (1858—1918) — немецкий философ и социолог идеалистического направления, последователь Канта. Из его работ переведены на русский язык: «Социальная дифференциация», «Проблемы философии истории», «Социологический метод» и др.— **285.**

ЗЛАТОВРАТСКИЙ, Н. Н. (1845—1911) — писатель народнического направления, в своих произведениях идеализировавший «устои» — общинный строй русского крестьянства. Главные сочинения: «Деревенские будни», «Устои» и др.— **227.**

ЗОМБАРТ, В. (р. 1863) — виднейший из представителей современной немецкой буржуазной науки, много работающий над вопросами происхождения и развития современного капитализма. Один из типичнейших буржуазных критиков Маркса. Главные сочинения Зомбарта: «К критике политической экономии К. Маркса», «Социализм и социальное движение в XIX веке», «Современный капитализм» и др. Зомбарта усиленно пропагандировали «ревизионисты» как в Европе, так и в России. Об его отношении к с.-д. см. любопытные «Мемуары социалистки» Лили Браун (есть русский перевод). — **292.**

И.

ИСАЕВ, А. А. (1851—1924) — экономист и статистик, профессор петербургского университета. Занимался изучением кустарных промыслов Московской губернии (его книга: «Промыслы Московской губернии»). Написал ряд работ по политической экономии («Начала политич. экономии»). Сторонник классической школы политической экономии. — **125.**

К.

КАБЛУКОВ, Н. А. (1849—1919) — экономист и статистик народнического направления, профессор московского университета, заведывал статистическим отделом московского земства, провел ряд образцово разработанных

обследований хозяйственной жизни Московской губернии. В главных своих трудах: «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» (1884), «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» (1899) пытался доказать преимущественность мелкой хозяйственной единицы в земледелии. Критику его взглядов Владимир Ильич дает в «Развитии капитализма в России».— 148, 232.

КАЗИ, М. И. (1835—1896) — финансово-промышленный делец, сотрудник Витте, организатор Нижегородской ярмарки.— 220.

КАРЕЕВ, Н. И. (р. 1850) — профессор-историк и публицист, один из представителей субъективной школы социологов, в вопросах философии истории примыкавший к П. Л. Лаврову. Сотрудничал в народнических и либеральных органах. Посвятил полемике против марксистов длинный ряд статей, своим эклектизмом вызвавших насмешки со стороны последних. Впоследствии был членом ЦК кадетской партии.—64.

КАРЫШЕВ, Н. А. (1855—1905) — профессор политической экономии и статистики в московском сельско-хозяйственном институте, заведывал экономическим отделом московского земства, автор ряда работ, посвященных вопросам арендных отношений (главная из них: «Крестьянские вненадельные земли»), сотрудник «Русского Богатства» и «Русских Ведомостей». Развивал обычные народнические взгляды.— 4, 11—12, 14, 143, 155—157, 329.

КАУТСКИЙ, К. (р. 1854) — немецкий с.-д., крупнейший из теоретиков марксизма эпохи II Интернационала, историк, экономист. До 1911—1912 г.г. занимал ортодоксальную позицию и вел борьбу со всеми видами ревизионизма. Был редактором научно-марксистского органа «Neue Zeit» («Новое Время»). С началом империалистской войны занимает колеблющуюся позицию между интернационалистами и оборонцами, постепенно скатываясь к реформизму и отказу от прежних своих ортодоксальных взглядов. После Октябрьской революции борется против советской системы, защищая чистую демократию и парламентаризм. О нем см. работу В. И. Ленина 1918 г.: «Пролетарская революция и ренегат Каутский».—56, 75, 79, 164, 212.

KLOPSTOCK (КЛОПШТОК) (1724—1803) — немецкий поэт, автор ложно-классической поэмы «Мессиада».— 56.

КОРОЛЕНКО, С. А.— статистик, автор книги: «Вольнонаемный труд» (1892). — 208.

КОСИЧ, А. А.— саратовский губернатор в 1887—1891 г.г., считавшийся представителем либерализма у власти.—163.

КРИВЕНКО, С. Н. (1847—1907) — публицист народнического направления, сотрудник «Отечественных Записок», «Русского Богатства», редактор народнического «Нового Слова» и «Сына Отечества». Собрание сочинений его вышло в 1911 г. Одним из первых выступил против русских марксистов и подвергся жестокой критике В. И. Ленина, а затем был осмеян Г. В. Плехановым («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»).— 55, 112, 117—119, 128—132, 136—137, 143—145, 149—151, 155, 159—160, 163, 165—166, 168—173, 176—177, 202, 210, 236, 259.

Л.

ЛАВРОВ, П. Л. (МИРТОВ) (1823—1900) — виднейший представитель революционного народничества, член общества «Земля и Воля», потом партии «Народной Воли», член I Интернационала, эмигрант. Издавал за границей (сначала в Цюрихе, потом в Лондоне) «Вперед» (1873—1876), в котором развивал взгляды о необходимости «итти в народ» с целью длительной пропаганды и перевоспитания народных масс в духе социалистических идей, — в противоположность бунтарям-бакунистам, считавшим русский народ готовым к социалистической революции и шедшим к нему с целью

организации немедленного восстания. Был редактором «Вестника Народной Воли» (1883 — 1886) и вплоть до своей смерти (1900 г.) авторитетнейшим истолкователем взглядов народничества. В своих «Исторических письмах», изданных под псевдонимом—Миртов, имевших громадное влияние на русскую интеллигенцию, является родоначальником так наз. «русской социологической школы». — 273, 292.

ЛАНГЕ, Ф. А. (1828 — 1875) — немецкий экономист и философ, один из первых представителей неокантиантства. Автор сочинений: «Рабочий вопрос» (1865) и «История материализма» (1866), сыгравших довольно значительную роль в деле ознакомления широкой публики с некоторыми элементами взглядов социалистов и материалистов и ставших затем обычным — по выражению В. И. Ленина — источником «профессорской» буржуазной мудрости в области истории материализма и социализма.—318 — 322, 328.

ЛИБКНЕХТ, ВИЛЬГЕЛЬМ (1826 — 1900) — один из вождей германской социал-демократии, отец Карла Либкнехта. Был близок с Марксом и Энгельсом. Принимал активное участие в революции 1848 г.; некоторое время вместе с Марксом жил в Лондоне в качестве эмигранта. Стоял на революционном крыле партии, борясь против соглашательских тенденций правого крыла ее (Фольмар и др.). Был редактором центр. органа партии «Vorwärts» («Вперед»). — 192.

ЛИСТ, ФР. (1789 — 1846) — видный немецкий экономист, апологет развивающейся германской промышленности, с ее стремлением к расширению и объединению в единое национальное целое. Ярый сторонник системы протекционизма. Главное его сочинение: «Национальная система политической экономии».— 304.

М.

МАЛЬТУС (1766 — 1834) — английский экономист, вульгарный представитель классической школы политической экономии. В своем сочинении «Опыт о законе народонаселения» пытался установить свой закон народонаселения, по которому население увеличивается быстрее увеличения средств производства (первое происходит в геометрической, второе— в арифметической прогрессии). Учение Мальтуса было отражением эпохи первоначального развития крупной фабричной промышленности в Англии, с ее заменою человеческого труда машиною и лишением многих рабочих заработка, и явилось попыткой со стороны буржуазии оправдания страданий и нищеты рабочего класса на-ряду с богатством господствующих классов. Жестокую критику теории Мальтуса дал К. Маркс (см. его «Теорию прибавочной стоимости»). Тем не менее, впоследствии этой теорией увлекались многие видные экономисты, как, напр., К. Каутский (в ранних своих, до-марксистских, работах). Из русских писателей пропагандистами его взглядов были П. Б. Струве (мальтузианством пропитаны уже его «Критические заметки») и Н. В. Водовозов (см. его книгу: «Мальтус, его жизнь и научная деятельность», 1895). — 315 — 316, 323, 326, 330.

МАРКС, К. (MARX, K.) (1818 — 1883)—см. его биографию, написанную В. И. Лениным в 1914 г. — 55 — 59, 61 — 63, 65 — 71, 74 — 76, 79 — 90, 92 — 93, 95 — 100, 102, 104 — 107, 121, 142, 165 — 166, 202, 204, 209 — 212, 214 — 215, 218 — 219, 259, 278 — 279, 283 — 285, 287, 289 — 291, 296, 299, 305 —307, 310, 318 — 319, 321 — 322, 327 — 328, 330, 334, 346, 352, 354 — 356, 409 — 415, 420 — 421.

MARX, K. — см. МАРКС, К.

МАРЛО — псевдоним немецкого экономиста К. Винкельблеха (1810 — 1865). Умеренный социалист, защитник мелко-буржуазных интересов, в своем главном сочинении: «Исследование об организации труда, или система мировой экономии» (1850) дает план социальной реформы в духе Фурье и Луи Блана. — 153.

МЕЙЕР, Г. Р. (1839 — 1899) — один из немецких так называемых «социал-консервативных» экономистов, последователь Родбертуса. Издал

сочинения последнего и ряд собственных работ: «Борьба четвертого сословия за свое освобождение», «Аграрное движение», «Капитализм конца века» и др. — 78.

МЕНДЕЛЕЕВ, Д. И. (1834 — 1907) — всемирно-известный русский ученый - химик, автор периодической системы элементов. Был одновременно уральским заводчиком и в качестве такового являлся одним из идейных вождей воинствующего русского капитализма. В вопросах экономической политики был защитником протекционизма (см. его книгу: «Толковый тариф», 1892). — 238.

МИКУЛИН, А. А. — старший фабричный инспектор Херсонской губ., автор книги: «Очерки из истории применения закона 3 июля 1886 г.» — Владимир, 1893 г. — 377, 387 — 389.

МИЛЛЬ, ДЖЕМС (1773 — 1836) — английский философ и экономист, отец Дж.-Ст. Милля, в области философии последователь Бентама и вместе с ним основоположник английского утилитаризма; в экономических вопросах — один из видных учеников Рикардо. — 334.

МИРТОВ — см. **ЛАВРОВ.**

МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. К. (1842—1904) — виднейший теоретик народничества, «властитель дум» русской интеллигенции 80 — 90 г. г., давший ей собственную теорию «исторического процесса», признававшую за «критически мыслящими личностями» основную роль в направлении исторического процесса по «желательному» руслу. Примыкал к народовольцам, составляя и редактируя их издания. Был одним из руководителей «Отечественных Записок», а с 90-х г.г. редактировал «Русское Богатство», на страницах которого с самого начала 90-х г. г. и до смерти в 1904 г. вел ожесточенную полемику с марксистами. Эс-эры считают Михайловского одним из основоположников их партии. Его полемические статьи против марксистов собраны в 2-х томах под заголовком: «Литературные воспоминания и современная смута», а также вошли в VII том Собр. соч. Н. Михайловского. СПБ. 1909. — 55 — 58, 62 — 82, 84 — 87, 89 — 100, 102, 104 — 112, 117 — 118, 145, 159, 162, 164 — 167, 169 — 170, 211, 218 — 219, 239, 241, 249, 257, 273 — 276, 279 — 280, 284 — 287, 292, 312, 318.

МИХАЙЛОВСКИЙ, Я. Т. — главный фабричный инспектор. — 378, 385.

МОРГАН (1818 — 1881) — американский этнолог и социолог, посвятивший себя изучению общественного строя американских индейцев. В своих работах, произведших переворот во взглядах на первобытное общество, приблизился, независимо от Маркса и Энгельса, к методу исторического материализма. Главный труд Моргана: «Первобытное общество» (1877; русский перевод вышел в 1900 г.) лег в основу известной книги Ф. Энгельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства». — 67, 70.

МОРОЗОВ, Т. С. — московский промышленник, владелец Орехово-Зуевской мануфактуры. — 220, 367 — 369, 372, 374, 378, 383.

Н.

НАЙДЕНОВЫ — московские промышленники. — 220.

НАПОЛЕОН (БОНАПАРТ) (1769 — 1821). — 84.

НИКОЛАЙ — ОН — псевдоним Н. Ф. Даниельсона (1844 — 1918), экономиста 80 — 90-х годов. Один из наиболее ярких представителей народничества. После ареста Г. Лопатина Н. — он закончил первый в России перевод «Капитала» Маркса. Перевод этот вызвал оживленную переписку между Н. — оном и Марксом и Энгельсом (см. «Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Н. — ону». Перев. Г. Лопатина. СПБ. 1908). Вследствие этого в глазах широкой публики Н. — он долго считался представителем марксизма в России. В 1893 году издал книгу: «Очерки нашего порефор-

менного общественного хозяйства», которая вместе с работами В. В. служила главным *экономическим* обоснованием народничества. Разбор именно этой книги П. Струве в № 1 «Sozialpolitisches Centralblatt» за 1893 г. положил начало полемике между марксистами и народниками в легальной русской печати, в которой Н. — он принял большое участие. Взгляды Н. — она неоднократно разбирались В. И. Лениным (в частности в его «Развитии капитализма в России» — см. Сочинения, том III). — **124, 171 — 173, 202 — 206, 208 — 211, 213 — 216, 232, 272, 294, 315, 318, 327 — 329, 331 — 336, 339 — 341, 344, 346 — 348, 354.**

О.

ОРЛОВ, В. И. (1848 — 1885) — статистик московского губернского земства, впервые введший экспедиционный метод при массовых исследованиях крестьянского хозяйства. Данными работ В. Орлова пользовался Маркс, высоко его ценивший, Г. В. Плеханов в «Наших разногласиях» и В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России». Главные его работы: «Крестьянское хозяйство» в «Сб. стат. свед. по Моск. губ.», т. IV, вып. 1; «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии» (1879). — **147 — 148.**

П.

П. С. — см. **СТРУВЕ, П. Б.**

ПЕСКОВ, д-р — фабричный инспектор Владимирской губернии. — **377.**

ПЛЕХАНОВ, Г. В. (1856 — 1918) — основоположник и один из главных теоретиков русского марксизма. Принимал вначале участие в партии «Земля и Воля», после раскола которой на Воронежском съезде становится во главе «Черного Передела». Эмигрировав заграницу и проанализировав причины неудач народовольческого движения, порывает с народничеством, основывает в 1883 г. за границей совместно с Аксельродом, Засулич, Дейчем и Игнатовым первую русскую с.-д. организацию—Группу «Освобождение Труда». Заняв видное место в общеевропейском марксистском социалистическом движении, ведет в 90-х г.г. энергичную борьбу с «бернштейнианством» и его отражением на русской почве — «экономизмом». В 900-х г.г. становится одним из редакторов «Искры» и «Зари». После раскола на II съезде партии в 1903 г. примыкает первое время к большевикам, а затем к меньшевикам, но вскоре уходит и от них. С нарождением ликвидаторства в борьбе с ним снова сближается с большевиками. Европейская война захватывает его своим националистическим угаром и он становится во главе наиболее правых оборонцев, продолжая ту же линию и во время Врем. Правительства. После Октября отказался активно выступать против большевиков. — **96, 105 — 106, 129, 172, 178, 186, 414.**

ПОБЕДОНОСЦЕВ, К. П. (1829 — 1907) — обер-прокурор синода, фактический глава правительства Александра III, продолжавший играть крупную роль и при Николае II и сметенный лишь революцией 1905 года. Вдохновитель дворянской реакции 80 — 90-х г.г., оплот мракобесия и черносотенства, державший страну в цепких лапах полицейщины и поповщины. — **172, 419, 421.**

ПОСТНИКОВ, В. Е. (1844 — 1908) — автор книги «Южно-русское крестьянское хозяйство» (1891 г.), собравший и обработавший данные земской статистики по Таврической губернии, указавший на факт дифференциации крестьянского населения. Взгляды его на положение общины и крестьянского землевладения значительно разнились от обычных народнических взглядов. Разбор его книги кроме статьи Ленина: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» см. также в «Развитии

капитализма в России», глава II (III том Сочинений). — 1, 3 — 14, 16 — 38, 40 — 43, 45 — 49, 335, 341.

ПОСТОРОННИЙ — псевдоним Н. К. Михайловского — см. МИХАЙЛОВСКИЙ.

ПРУДОН (1809 — 1865) — идеолог мелкой буржуазии, один из теоретиков анархизма. Видя причину всех зол капиталистического общества в современной товарной форме обмена, он, в целях реорганизации этого общества, выдвигает утопическую систему, строящую общество на началах мутуализма (взаимности) путем организации дарового кредита и меновых банков и увековечивающей мелкую частную собственность. «Нищета философии» К. Маркса посвящена разбору взглядов Прудона. — 63, 296.

ПУГАЧЕВ, ЕМ. — донской казак, во второй половине XVIII века возглавлявший народное движение, направленное против крепостной зависимости крестьян от дворян. Казнен в Москве в 1775. — 420.

Р.

РАЗИН, СТЕПАН — донской казак, вождь крестьянско-казацкой революции второй половины XVII века, вызванной тяготами крепостного права. Казнен в Москве в 1671 г. — 420.

РАСПОПИН, В. — статистик, автор статьи: «Частновладельческое хозяйство в России (по земским статистическим данным)», помещенной в №№ 11 — 12 «Юридич. Вестника» за 1887 г. — 348.

РОДЖЕРС (1823 — 1890) — английский экономист, манчестерец, позже признавший необходимость фабричного законодательства, рабочих союзов и кооперации. Дал ряд работ («Экономическое истолкование истории», «История земледелия и цен в Англии», «Шесть веков труда и заработной платы», «Промышленная и коммерческая история Англии» и др.), в которых выдвигается важность экономической стороны истории. — 334.

РОТШИЛЬД — крупнейшая международная банковская фирма. — 355.

РУГЕ, А. (1802 — 1880) — немецкий радикал, левый гегельянец, в 40-х годах издававший вместе с Марксом «Немецко-французский ежегодник». В революцию 1848 г. — член Франкфуртского парламента, где занимает место на крайней левой. В период последовавшей затем реакции пытается для борьбы против нее организовать в Лондоне вместе с Мадзини и Ледрю-Ролленом международную ассоциацию радикальных демократов. По возвращении в Германию перемётывается на сторону реакционного юнкерства и заявляет себя сторонником политики Бисмарка. — 79, 413.

РУССО, Ж.-Ж. (1712 — 1778) — французский философ, на теоретические взгляды которого опирались радикальные деятели Великой французской революции (якобинцы). Выдвинул теорию происхождения современного строя путем общественного договора, резко критиковал отрицательные стороны современной цивилизации, призывая к «естественному состоянию» человека и выдвигая вперед значение непосредственного чувства, на базе которого пытался реформировать воспитание. — 89.

С.

САЛТЫКОВ (ЩЕДРИН), М. Е. (1826 — 1889) — величайший русский сатирик, в своих произведениях, написанных своеобразным «эзоповским» языком, боровшийся против реакции и застоя и бичевавший нравы и быт дворянской монархии. Первый в художественной литературе вывел типы деятелей первоначального русского капиталистического накопления — кулаков Колупаевых и Разуваевых. Был одним из редакторов «Отечественных Записок». — 162, 297.

СКВОРЦОВ, А. И. (1848 — 1914) — экономист, профессор ново-александрийского института сельского хозяйства. Главные из его трудов: «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» (1890), «Прибыль и рента» (№№ 1 — 4 «Юрид. Вестн.» за 1890 г.), «Экономические этюды» (1894), «Основания политической экономии» (1898), «Экономические основы земледелия» (1900) и др. Являясь чисто буржуазным ученым, Скворцов однако же многими считался марксистом, и увлечение им Струве доходило до того, что последний признавал «замечательные работы» Скворцова «образцом строго научного развития некоторых основных положений экономической теории Маркса», в этом отношении представляющим «unicum» не только в русской, но и вообще во всей экономической литературе». — **109, 336 — 338, 360.**

СЛОНИМСКИЙ, Л. З. (1850 — 1918) — публицист, сотрудник либерального «Вестника Европы», писавший по экономическим вопросам и ведший хронику иностранной жизни. В 90-х годах принимал участие в полемике против марксистов с обычной либерально-буржуазной точки зрения. Статьи его на эти темы собраны в книгах: «Экономическое учение К. Маркса» (СПБ. 1898) и «Очерки политико-экономич. литературы. Карл Маркс» (СПБ. 1895). — **40, 214.**

СМИТ, АДАМ (1723 — 1790) — основатель и главный теоретик классической школы политической экономии. Главное его сочинение: «О богатстве народов» вышло в 1776 г. — **355.**

СМИТ, ГОЛЬДВИН (1829 — 1910) — английский историк и публицист, автор ряда работ по вопросам, касающимся Ирландии, Канады и Соединенных Штатов («Ирландская история и ирландский характер», «Канада и канадский вопрос», «История Соединенных Штатов» и др.). — **334.**

СПЕНСЕР, Г. (1820 — 1903) — английский буржуазный философ и социолог, в своих сочинениях (главные: «Система синтетической философии», «Основания социологии») давший обоснование эволюционной точке зрения в философии и социологии, пытавшийся перенести на явления общественного порядка законы развития организмов. Был противником социализма, считая его величайшим несчастьем, какое когда-либо знал мир. Книги Спенсера пользовались широким распространением среди русской интеллигенции. Оспариванию общественного учения Спенсера Н. К. Михайловский посвятил ряд работ: «Что такое прогресс», «Что такое счастье», «Записки профана» (I и III тома Полн. собр. соч.). — **58.**

СТРУВЕ, П. Б. (р. 1870) — в 90-х годах с.-д., автор «Манифеста Р. С.-Д. Р. П.», выпущенного по постановлению I съезда партии; участник Международного Социалистического Конгресса в Лондоне в 1896 году в составе русской делегации. Наиболее видный представитель «легального марксизма» 90-х г.г., уже тогда принимавший марксизм лишь в экономической и отчасти социологической части. В своих первых работах под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюции социализма и т. д. Философию марксизма (диалектический материализм) отрицал всегда. Участник легальных марксистских органов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь», «Научное Обозрение»). В начале 900-х годов окончательно порывает с марксизмом и с социал-демократией и переходит в лагерь либералов, становясь во главе организации земцев-конституционалистов — «Союза Освобождения» (1904 — 1905 г.г.) и редактируя орган этого «Союза» — «Освобождение» (Штутгарт, Париж). С образованием к.-д. («конституционно-демократической») партии — член ее Ц. К. После поражения революции 1905 года становится лидером самого правого крыла либералов, скатываясь к черносотенному национализму. В 1909 году участник реакционно-мистического сборника «Вехи». Во время гражданской войны принимает участие в правительстве Деникина, а затем становится министром у Врангеля. До последнего времени редактировал в Праге журнал «Русская Мысль», объединяя в нем правых кадетов

периода», «Лессинг», статьи о Пушкине и др.) в «Современнике», одним из руководителей которого он был. В русской общине видел возможный зачаток социалистического устройства общества. Являлся вождем революционного движения 60-х годов и одним из вдохновителей революционного движения 70-х и 80-х годов. Был арестован в 1862 г. и до самой смерти в 1889 г. находился в тюрьме и ссылке, лишенный возможности непосредственного участия в общественной и публицистической работе.—**164, 166, 170—171, 178—180.**

ЧИЧЕРИН, Б. Н. (1828—1904)—юрист и философ, профессор московского университета. В своих работах по государственному праву являлся защитником монархии и частной собственности. В философии пытался весьма неудачно исправить диалектику Гегеля. Решительный враг социализма и один из первых в русской литературе критиков Маркса.—**238, 336.**

Щ.

ЩЕДРИН — см. САЛТЫКОВ.

ЩЕРБИНА, Ф. А. (р. 1849)—статистик воронежского земства, давший ряд работ о русском крестьянском хозяйстве, идеализировавших «народное производство» и общину («Сольвычегодская земская община» в «Отеч. Зап.» за 1874 г.; «Земельная община в Днепровском уезде» в «Русск. Мысли» за 1880 г.; «Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм» (1880); «Крестьянские бюджеты» (1900); «История Воронежского земства» (1891); «Сборник статистических сведений по Воронежской губ.» (1887) и др. В молодости был членом «Южно-российского союза рабочих». Был депутатом во 2-й Госуд. Думе (нар.-соц.) Ныне в эмиграции.—**129—133, 136, 315—316.**

Э.

ЭНГЕЛЬГАРДТ, А. Н. (1832—1893)—народнический публицист, в 70-х годах прошлого столетия задавшийся целью поставить собственное рациональное сельское хозяйство. Опыт этот совпал со стремлением тогдашней интеллигенции «итти в народ», что создало из имения Энгельгардта место многочисленных паломничеств. Но в противность своим народническим теориям Энгельгардту пришлось для рациональной постановки своего хозяйства прибегнуть к батраческому способу его ведения. Об этом хозяйстве см. подробно у В. И. Ленина в «Развитии капитализма в России» (см. III том Сочинений). В «Отечественных Записках» 1872 г. Энгельгардт поместил ряд писем «Из деревни» с изложением своих взглядов. Статьи эти вышли в 1882 г. отдельной книгой, которую Вл. Ильич очень ценил. Из других работ Энгельгардта см.: «Вопросы русского сельского хозяйства», «История моего хозяйства».—**178.**

ЭНГЕЛЬС, ФР. (1820—1895),—см. биографию, написанную В. И. Лениным, стр. 407—416.—**66, 70, 75, 78—82, 85—87, 89, 93—95, 209, 279, 289—292, 312, 407, 409—416, 420—421.**

Ю.

ЮЖАКОВ, С. Н. (1849—1910)—публицист народнического направления с оттенком славянофильства и национализма. Сотрудник «Отечественных Записок», был одним из редакторов «Русского Богатства». Разбору его взглядов Владимир Ильич посвятил II (неразысканный) выпуск брошюры «Что такое «друзья народа» и статьи: «Гимназические хозяй-

VII. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

(1870 — 1896 г.г.)

1870 г.

22 (10) апреля. В. И. Ульянов-Ленин родился в Симбирске. Отец его — Илья Николаевич Ульянов, инспектор (позже директор) народных училищ Симбирской губернии; мать — Мария Александровна, урожд. Бланк.

1879 г.

Август. В. И. поступает в симбирскую классическую гимназию.

1886 г.

24 (12) января. Смерть отца В. И-ча — И. Н. Ульянова.

1887 г.

13 (1) марта. Арест в Петербурге брата В. И-ча — Александра Ульянова с товарищами при подготовке покушения на Александра III.

20 (8) мая. Казнь Александра Ульянова.

22 (10) июня. В. И. окончил симбирскую гимназию.

Июнь. Семья Ульяновых переезжает в Казань.

10 авг. (29 июля). В. И. подает прошение о зачислении его на юридический факультет казанского университета.

25 (13) августа. В. И. принят в казанский университет.

16 (4) декабря. В. И. принимает участие в студенческой сходке.

17 (5) декабря. Арест В. И-ча вместе с 40 другими студентами за участие в сходке.

19 (7) декабря. В. И. исключен из казанского университета и выслан из Казани в дер. Кокушкино (в 40 в. от Казани).

1888 г.

Зима — лето. В. И. живет в дер. Кокушкино.

21 (9) мая. В. И. подает прошение об обратном приеме в казанский университет.

3 авг. (22 июля). Министр народного просвещения Делянов отклоняет ходатайство В. И-ча об обратном приеме в университет.

12 сент. (31 авг.) Мать В. И-ча письмом министру народного просвещения добивается приема сына в один из университетов.

25 (13) сентября.	Отказ на просьбу матери в приеме В. И-ча в университет.
Осень.	В. И-чу разрешено возвратиться в Казань, куда переезжает вся семья. В. И. начинает изучать «Капитал» Маркса, знакомится с некоторыми членами марксистского кружка Н. Е. Федосеева.
5 окт. (23 сент.).	Департамент полиции отказывает В. И-чу в поездке за границу для продолжения образования.

1889 г.

Май.	В. И. вторично ходатайствует и получает отказ в разрешении на поездку за границу «для лечения».
Май — октябрь.	В. И. живет в дер. Алакаевке, Самарской губернии, где узнает об аресте в Казани Н. Е. Федосеева и его кружка.
Осень.	Семья Ульяновых переезжает в Самару. В. И. занимается теоретической работой по изучению марксизма и пропагандой его среди самарской молодежи.
9 ноября (28 окт.).	В. И. подает прошение о разрешении держать экстерном экзамены при каком-либо высшем учебном заведении. Министр Делянов кладет резолюцию: «Спросить об нем попечителя и департамент полиции, он скверный человек».
31 (19) декабря.	Делянов, на основании отзывов попечителя и департамента полиции, отказывает В. И-чу в допущении к экзаменам экстерном.

1890 г.

29 (17) мая..	Мать В. И-ча подает прошение министру народного просвещения о допущении сына к выпускным университетским экзаменам при одном из университетов, на что получает разрешение.
24 (12) июня.	В. И. подает прошение о разрешении держать в качестве экстерна экзамены по предметам юридического факультета при петербургском университете.
4 авг. (23 июля).	В. И. получает разрешение обратиться в испытательную комиссию при петербургском университете.

1891 г.

Конец марта.	В. И. приезжает в Петербург держать экзамены.
7 апр. (26 марта).	В. И. подает прошение председателю юридической испытательной комиссии при петербургском университете с приложением курсового сочинения по уголовному праву.
16 — 17 (4—5) апр.	В. И. сдает экзамены по истории русского права и по государственному праву профессорам Сергеевичу, Янсону и Георгиевскому.
28—29 (16—17) апр.	В. И. сдает экзамены по энциклопедии и истории философии права профессорам Сергеевичу и Бершадскому.
6 мая (24 апреля).	В. И. сдает экзамены по истории римского права профессорам Сергеевичу и Ефимову.
Сент. — ноябрь.	В. И. сдает экзамены по уголовному праву (проф. Сергеевич, Фойницкий, Лебедев), по римскому праву (Сергеевич, Дювернуа, Ефимов), по гражданскому праву и судопроизводству и по торговому праву (Сергеевич.

Дювернуа, Адамович, Гольмстен), по полицейскому и финансовому праву (Сергеевич, Лебедев, Ведров), по церковному и международному праву (Сергеевич, Мартенс).

27 (15) ноября. Юридическая испытательная комиссия присудила В. И-чу диплом первой степени.

В. И. возвращается в Самару.

1892 г.

16 (4) января. В. И. зачисляется помощником присяжного поверенного к А. Н. Хардину.

11 февр. (30 янв.). По определению самарского окружного суда В. И. зачислен в списки помощников присяжных поверенных.

11 мар. (28 февр.). В. И. подает прошение в самарский окружный суд на право ведения судебных дел.

4 авг. (23 июля). В. И-чу дано право на ведение судебных дел.

В. И. продолжает изучать марксизм. Пишет и читает в местных кружках марксистские рефераты.

1893 г.

В. И. — участник первого в Самаре марксистского кружка, куда входят А. П. Скляренко-Попов и И. Х. Лалаянц.

В. И. пишет работу: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни (По поводу книги В. Е. Постникова: «Южно-русское крестьянское хозяйство»)», читает ее в самарских кружках. Рукопись взята полицией при аресте С. И. Мицкевича в декабре 1893 г.

29 (17) августа. В. И. уезжает из Самары в Петербург. Проездом читает в Нижнем-Новгороде в марксистском кружке П. Н. Скворцова реферат, посвященный критике народничества.

12 сент. (31 авг.). В. И. приезжает в Петербург.

15 (3) сентября. В. И. зачисляется помощником присяжного поверенного к М. Ф. Волькенштейну.

Зима. В. И. выступает в кружках петербургских социал-демократов.

1894 г.

Янв. (конец дек.). В. И. приезжает в Москву.

21 (9) января. В. И. выступает в Москве на нелегальной вечеринке на диспуте с народником В. В. (В. П. Воронцовым).

В. И. приезжает в Нижний-Новгород, где выступает с рефератом «О судьбах капитализма в России» среди местных марксистов.

В. И. возвращается в Петербург, где принимает деятельное участие в кружке пропагандистов социал-демократов, занимается в рабочих кружках за Невской заставой, создает центральный рабочий кружок, вместе с Старковым и Запорожцем организует денежную помощь привлеченным к дознаниям рабочим.

Весна — лето. В. И. пишет изданную нелегально на гектографе в трех тетрадях направленную против народников работу: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Осень. В. И. знакомится с петербургскими «легальными» марксистами и принимает участие в собраниях у Р. Э. Классона.

В. И. в Петербурге на квартире у А. Н. Потресова читает реферат: «Отражение марксизма в буржуазной литературе» (по поводу книги П. Струве: «Критические заметки»). На реферате присутствовали В. В. Старков, С. И. Радченко, П. Б. Струве, А. Н. Потресов и Р. Э. Классон.

1895 г.

В. И. руководит работой по подготовке к объединению петербургских с.-д. рабочих кружков в одну соц.-дем. организацию.

Начало января. В. И. участвует, совместно с А. Н. Потресовым, Р. Э. Классоном, В. В. Старковым, С. И. Радченко и П. Б. Струве в подготовке издания марксистского сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».

В. И. принимает участие в совещании членов с.-д. групп разных городов России (В. И., Г. М. Кржижановский, Я. Ляховский, Е. И. Спонти, Ц. Копельзон-Гришин), обсуждавшем вопрос о методах работы и о постановке за границей издания популярной литературы для рабочих.

Начало мая. Выход сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» со статьями К. Тулина (В. И. Ленина), А. Потресова, П. Скворцова, Г. Плеханова, П. Струве и др. Сборник задержан цензурой и затем уничтожен постановлением комитета министров.

8 мая (26 апр.). В. И. уезжает за границу для установления связи с Группою «Освобождение Труда».

В Швейцарии В. И. знакомится с Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и завязывает правильные сношения Группы «Освобождение Труда» с Россией.

В Берлине В. И. знакомится с Каутским, а также с И. Л. Айзенштадтом (Юдиным), с которым сговаривается об установлении постоянной связи между виленскими и петербургскими социал-демократами.

В Париже В. И. знакомится с П. Лафаргом.

В Париже и Берлине В. И. работает в библиотеках, знакомится с иностранной марксистской литературой, посещает собрания рабочих, слушает речи Гэда и Бебеля.

19 (7) сентября. В. И. возвращается из-за границы в Петербург через Вильно, Москву, привезя с собой чемодан с заделанной в двойное дно нелегальной литературой. Из Москвы ездит осматривать Морозовскую мануфактуру в Орехове-Зуеве. Конспиративные свидания с местными социал-демократами.

Ноябрь. В Петербурге В. И. становится во главе центральной организации с.-д-ов, в которую входят Ю. О. Мартов, Я. М. Ляховский, С. И. Радченко, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. Л. Малченко, А. А. Ванеев, М. А. Силь-

вин, П. К. Запорожец, Н. К. Крупская, З. П. Невзорова, А. А. Якубова и др.

Под руководством В. И-ча работа организации принимает широкий, планомерный характер, ведется усиленная агитация среди рабочих фабрик и заводов, издаются нелегальные листки, подготовляется издание популярного журнала для рабочих, материал для которого собирается непосредственно по фабрикам и заводам.

В. И. посылает за границу для издаваемого Группой «Освобождение Труда» сборника «Работник» свою статью «Ф. Энгельс» и ряд корреспонденций других авторов.

В. И. пишет листок к забастовавшим рабочим и работницам фабрики Торнтона на основании данных, добытых им лично непосредственно у рабочих.

В. И. договаривается с группою народовольцев о печатании ими изданий социал-демократов и пишет популярную брошюру для рабочих: «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», отпечатанную в декабре нелегально в типографии группы народовольцев на Крюковом канале.

20—21 (8—9) дек. В ночь обыск у В. И-ча и у многих из его товарищей. При обыске у Ванеева взята готовая к печати рукопись № 1 «Рабочего Дела».

После обыска В. И. отправлен в Дом Предварительного Заключения.

1896 г.

2 янв. (21 дек.). Первый допрос В. И-ча.
11 апр. (30 марта). Второй допрос.
1 мая (19 апр.). Третий допрос.
8 июня (27 мая). Четвертый допрос.

В тюрьме В. И. ведет нелегально переписку с другими арестованными товарищами, завязывает связи с оставшимися на воле и помогает работе петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», пишет для него листовки («Рабочий праздник 1-ого мая», «Царскому правительству»); по поручению товарищей составляет и посылает на волю «Проект и объяснение программы с.-д. партии»; посылает рукопись популярной брошюры для рабочих «О стачках», погибшую при аресте Лахтинской типографии народовольцев; работает над подготовкой большого труда: «Развитие капитализма в России».

VIII. ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ *).

1870.

Правительственная реакция после Каракозовского выстрела *(16/4. IV. 1866)*. Революционно-народническое движение среди интеллигенции.

Первые большие стачки в Петербурге.

5. IV (24. III). Прокламация К. Маркса к членам русской секции I Интернационала: «Ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века».

1872.

Русский перевод I тома «Капитала» Маркса.

1873.

Кружки Кропоткина («чайковцев») и Долгушина.

1874.

«Хождение в народ». Разгром правительством народнического движения. Записка министра юстиции гр. Палена об успехах революционной пропаганды.

Волнения рабочих на Семянниковском заводе в Петербурге.

1875.

«Вперед» Лаврова.

«Набат» Ткачева и проповедь революционного захвата государственной власти в противоположность аполитичности народников.

«Южно-российский союз рабочих» (Е. Заславский).

1876.

Организация народников-революционеров в партию «Земля и Воля».

11. IV (30. III). Первая политическая демонстрация в Петербурге на похоронах студента Чернышова.

18 (6). XII. Демонстрация «землевольцев» на Казанской площади в Петербурге во главе с Плехановым. В демонстрации принимают участие и рабочие.

1877.

Осложнения на Ближнем Востоке. Война с Турцией, закончившаяся капитуляцией правительства на Берлинском конгрессе.

---

*) В основу положены синхронистические таблицы *Л. Б. Каменева:* «Ко дню пятидесятилетия со дня рождения В. И. Ульянова (Ленина)». М. 1920.

5. III (21. II) — 26 (14). III. Процесс «50-ти». Речь Петра Алексеева.

30 (18). X. 1877 — 4. II (23. I). 1878. Процесс «193-х».

Революционное народничество склоняется к политической борьбе и к террору.

1878.

5. II (24. I). Выстрел Веры Засулич в Трепова. *12. IV (31. III).* Оправдание ее судом присяжных.

21 (9). VI. Введение института урядников.

16 (4). VIII. Убийство С. Кравчинским шефа жандармов Мезенцева.

1. IX (20. VIII). Правительство обращается к обществу с призывом помочь борьбе с крамолой.

Образование «Северного Союза русских рабочих» (Ст. Халтурин, В. Обнорский).

1879.

14 (2). IV. Покушение Соловьева на Александра II.

VI. Липецкий и Воронежский съезды социалистов-народников.

Распадение «Земли и Воли» на две партии: «Народная Воля» и «Черный Передел» с Г. В. Плехановым во главе. Организация «Исполнительного Комитета партии Народной Воли».

1880.

17 (5). II. Взрыв в Зимнем Дворце, произведенный С. Халтуриным.

24 (12). II. Организация «Верховной Распорядительной Комиссии» для борьбы с крамолой с Лорис-Меликовым во главе.

«Диктатура сердца» и «политика лисьего хвоста».

Эмиграция за границу группы «чернопередельцев».

1881.

13 (1). III. Убийство Александра II по постановлению «Исполнительного Комитета партии Народной Воли».

22 (10). III. Письмо «Исполнительного Комитета партии Народной Воли» к Александру III.

27 (15). IV. Погром в Елисаветполе — начало антиеврейского движения.

11. V (29. IV). Манифест Александра III о незыблемости самодержавия.

26 (14). IX. «Временные» правила об усиленной охране.

Разгром «народовольцев» правительством.

1882.

Победоносцев, гр. Толстой и Катков — вдохновители дворянской реакции.

20 (8) — 27 (15). II. Процесс «20-ти» (А. Михайлов, Суханов и др.).

30 (18). V. Организация Крестьянского банка.

13 (1). VI. Закон об ограничении детского труда на фабриках и заводах.

8. IX (27. VIII). «Временные» правила о печати, предоставившие совещанию четырех министров право закрывать периодические издания.

Книга В. В. (В. П. Воронцова): «Судьбы капитализма в России».

1883.

2. VI (21. V). Речь Александра III на коронации к волостным старшинам: «слушайтесь ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам о переделах земли»...

Г. Плеханов, П. Аксельрод, В. Засулич, В. Игнатов, Л. Дейч основали в Швейцарии с.-д. Группу «Освобождение Труда». Издание Группой «Библиотеки современного социализма».

1884.

2. V (20. IV). Закрытие «Отечественных Записок».

25 (13). VI. Правила о церковно-приходских школах, созданных с целью борьбы с светским образованием.

4. IX (23. VIII). Реакционный университетский устав.

«Наши разногласия» Г. Плеханова.

«Рабочее движение и социал-демократия» П. Аксельрода.

Благоевский кружок («Партия русских социал-демократов») в Петербурге.

1885.

19 (7). I — 25 (13). II. Морозовская стачка.

3. V (21. IV). По случаю столетия жалованной грамоты дворянству открытие Дворянского банка для поддержания дворянского землевладения и манифест с признанием за дворянами первенствующей роли в государстве.

Группой «Освобождение Труда» издан первый проект программы русских социал-демократов.

Благоевцы завязали сношения с Группой «Освобождение Труда» и стали издавать журнал «Рабочий».

Арест Благоева.

1886.

15 (3). VI. Закон о найме рабочих и о взаимоотношениях между фабрикантами и рабочими.

24 (12). VI. Закон о найме сельских рабочих (уголовная ответственность рабочего за уход с работы).

В Петербурге образовалась террористическая группа «Народной Воли» с Александром Ульяновым, П. Шевыревым и И. Лукашевичем во главе.

Ликвидация правительством Благоевского кружка.

Кружок («Товарищество») Точисского.

1887.

13 (1). III. Покушение группы А. Ульянова на Александра III Неудача его и арест всей группы.

20 (8). V. Казнь А. И. Ульянова, П. Я. Шевырева, В. С. Осипанова, П. И. Андреюшкина и В. Д. Генералова в Шлиссельбурге.

30 (18). VI. Деляновский циркуляр о недопущении в среднюю школу «кухаркиных детей».

«Самоуправление» — цюрихский орган «социалистов-федералистов».

1888.

Осень. Группа «Освобождение Труда» положила основание «Русскому Социал-Демократическому Союзу». Издание сборника «Социал-Демократ».

Марксистский кружок Н. Е. Федосеева в Казани.

1889.

24 (12). VII. Упразднение мирового суда и введение института земских начальников.

Плеханов делегируется Группой «Освобождение Труда» на I (Парижский) конгресс II Интернационала. Речь Плеханова: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может».

Брусневская с.-д. организация в Петербурге.

Первые марксистские кружки в разных городах России.

1890.

24 (12). VI. Новое земское положение (сословный ценз).

Начало 90-х г.г.

«Самообразование» и «кружковщина» среди марксистов.

1891.

Первое организованное празднование 1 мая русскими рабочими (Петербург).

Адрес рабочих Шелгунову.

Первый марксистский кружок в Нижнем-Новгороде (П. Н. Скворцов).

1891—1892.

Голод, охвативший около 30.000.000 чел., выводит русское общество из пассивного состояния, возбуждает всюду оппозиционное и революционное настроение.

Петербургская группа «народовольцев». Прокламации Михайловского — «Свободное Слово» и «От группы народовольцев».

1892.

Промышленный кризис.

Рабочие волнения в Юзовке (завод снесен до основания) и Лодзи (город в руках стачечников; распоряжение Гурко: «Стрелять, патронов не жалеть» — 108 убитых).

Разгром Брусневской организации.

1893.

Рабочие волнения в Петербурге, Харькове, Ростове-на-Дону.

Первая марксистская группа в Самаре (Ленин, Скляренко, Лалаянц).

Образование партии «Народного Права» (М. Натансон).

1894.

Стачечное движение почти во всех крупных промышленных центрах России.

2. V (20. IV). Разгром партии «Народного Права».

Бернский «Союз русской революции» и газета «Русский Рабочий» — изд. группы народовольцев в Женеве.

Киевский Рабочий Комитет с Ювеналием Мельниковым во главе.

Виленская рукописная брошюра «Об агитации» (Кремер, Мартов).

«Что такое «друзья народа» и как они воюют против соц.-демократов?» Ленина.

«Критические заметки» П. Струве.

1895.

Бельтов-Плеханов: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

29 (17). I. Речь Николая II о «бессмысленных мечтаниях» земцев и незыблемости самодержавия.

29 (17). IV — 16 (4). V. Стачка на Корзинкинской мануфактуре в Ярославле. Кровавая расправа со стачечниками. Благодарность Николая II «молодцам-фанагорийцам» — усмирителям.

17 (5). V. Стачка в Тейкове, близ Иваново-Вознесенска.

1. IX (20. VIII) — 21 (9). IX. Белостокская стачка.

18 (6) — 22 (10). XI. Стачка на фабрике Торнтона в Петербурге, «бунт» папиросниц у Лаферма.

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» с В. И. Лениным во главе.

Петербургская группа народовольцев («группа 4-го листка») завязывает сношения с «Союзом борьбы».

«Иваново-Вознесенский рабочий союз».

20 (8) — 21 (9). XII. Арест основной руководящей группы членов петербургского «Союза борьбы».

XII. Закрытие комитетов грамотности.

По инициативе Группы «Освобождение Труда» за границей возник «Союз русских социал-демократов».

1896.

15 (3). V. Адрес петербургских рабочих рабочим Франции по поводу 25-летней годовщины Парижской Коммуны.

30 (18). V. Ходынка.

5. VI (24. V) — 29 (17). VI. Стачки ткачей в Петербурге (свыше 30.000 стачечников). Требование сокращения рабочего времени до $10^1/_2$ часов, повышения заработка, уплаты за прогульные, по случаю коронации, дни.

Агитация среди ткачей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (выпущено до 25 разного вида прокламаций).

Мощное организованное выступление пролетарских *масс* производит сильное впечатление на общество.

6. VII (24. VI). Арест Лахтинской типографии группы народовольцев.

27 (15). VII — 1. VIII (20. VII). Делегация от русских рабочих впервые участвует на Международном Социалистическом Конгрессе в Лондоне.

23 (11). VIII. Аресты членов петербургского «Союза борьбы» (Н. Крупская и др.).

Саратовская организация «Северного Союза социал-революционеров» (издание основных положений программы союза соц.-революционеров).

«Московский Рабочий Союз».

Волгин-Плеханов: «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)».

«Самарский Вестник» (П. Маслов, А. Санин, Р. Гвоздев-Циммерман).

«Работник» — орган «Союза русских социал-демократов» за границей.

СОДЕРЖАНИЕ.

1895 г.

1895 — 1896 г.г.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

ИНСТИТУТА

I ТОМ

СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

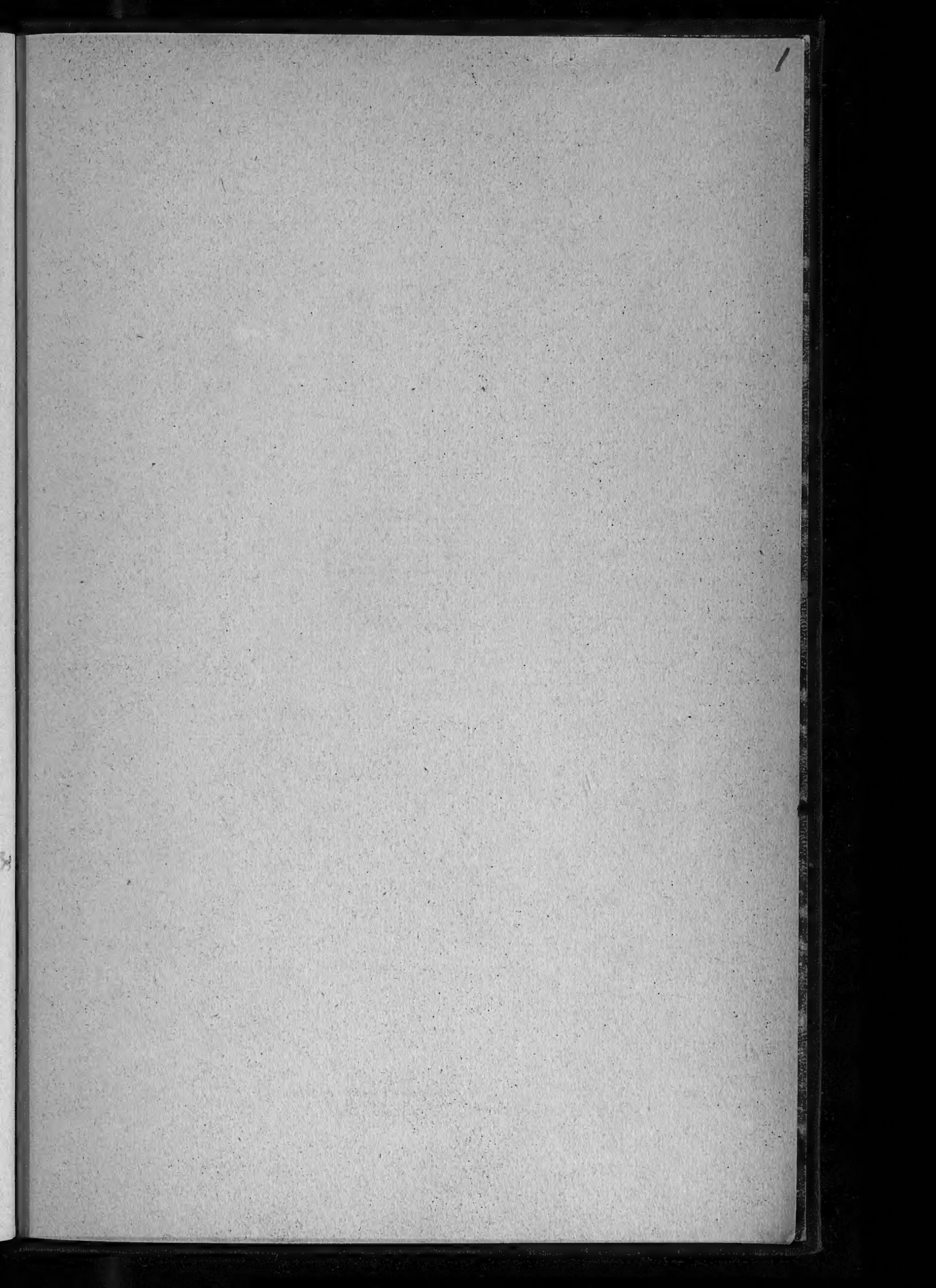
ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

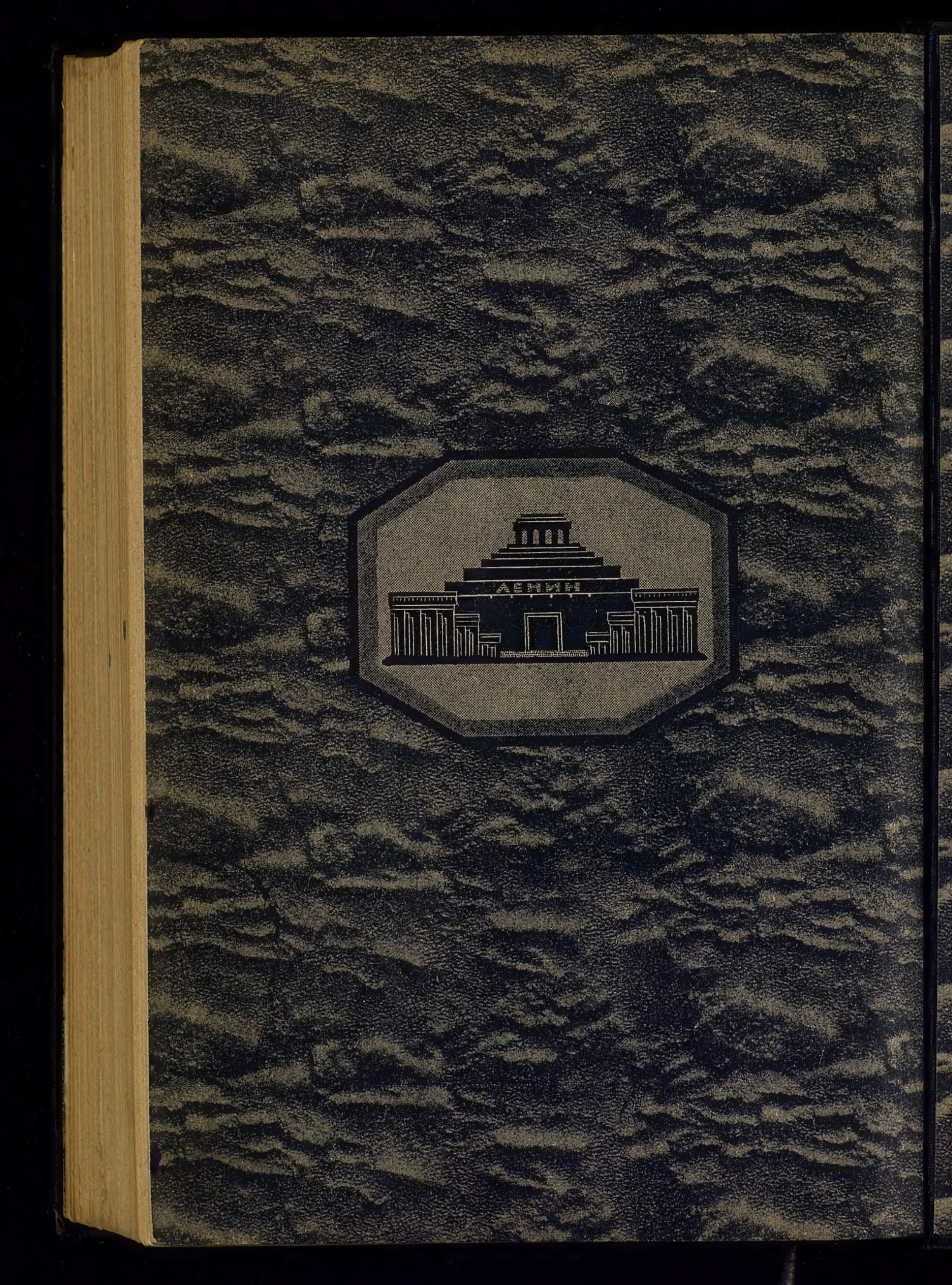
И. П. Товстухой

ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ:
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ТИПОГРАФИЕЙ
В. И. ФЕДОТОВА,
ПОМОЩНИКА ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО
П. Ф. ГЕРАСИМОВА,
МЕТРАНПАЖЕЙ:
И. М. ПОСПЕХОВА И А. Г. ИВАНОВА,
ВЕРСТАЛЬЩИКОВ:
В. П. ФЕДОРОВА, Н. Т. ВАСИЛЬЕВА И П. П. ЗАХАРОВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩИХ КОРРЕКТОРСКИМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА И ТИПОГРАФИИ
В. О. ШПРИНГА И А. М. КАРПИНСКОГО,
КОРРЕКТОРОВ ИЗДАТЕЛЬСТВА:
Б. А. ГУРЕВИЧ И Н. Г. МИХАЙЛОВОЙ,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕЧАТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
П. В. ЕГУНОВА,
ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ:
М. И. БЕЛОГО, Т. А. ФАДДЕЕВА, П. К. ШУЛЬЦА,
И. Р. КЛЮЧЕВА, А. И. ЕГУНОВА, С. Е. ЧЕРНЯЕВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕРЕПЛЕТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
П. С. БУХАРИНА
И ЕГО ПОМОЩНИКОВ:
В. И. ИВАНОВА И С. О. КУЛАНДИНА.

Гиз № 10893.
Ленинградский Гублит № [illegible]26.
36 л. — 30,000 экз.

ЛЕНИН

